ВЛ
Ізтериальн.
Спб. 1895

Рб 30/169

МАТЕРІАЛЫ

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ

НАШЕГО ХОЗЯЙСТВЕННАГО РАЗВИТІЯ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія П. П. Сойкина, Стремянная ул., № 12
1895

Рб 30/169

МАТЕРІАЛЫ

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ

НАШЕГО ХОЗЯЙСТВЕННАГО РАЗВИТІЯ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія П. П. Сойкина, Стремянная ул., № 12
1895

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА

130005-48

СОДЕРЖАНІЕ.

Часть I.

Стран.

П. Скворцовъ. Итоги крестьянскаго хозяйства по земскимъ статистическимъ изслѣдованіямъ . . . 1—107

В. І. Борьба общины съ хуторомъ . . . . . 108—129

А. Потресовъ. Кризисъ въ замочномъ промыслѣ Павловскаго района Нижегородской губерніи . . 130—160

Приложеніе къ этой статьѣ.

Третій томъ «Капитала» . . . . . 161—232

Часть II.

К. Тулинъ. Экономическое содержаніе народничества и критика его въ книгѣ г. Струве . . . . . 1—144

П. Струве. Моимъ критикамъ . . . . . 145—196

Д. Кузнецовъ. Пессимизмъ, какъ отраженіе экономической дѣйствительности . . . . . 197—224

Утисъ. Нѣсколько словъ нашимъ противникамъ (матеріалы для исторіи цивилизаціи въ русской литературѣ) . . . . . 225—259

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ИТОГИ КРЕСТЬЯНСКАГО ХОЗЯЙСТВА ПО ЗЕМСКИМЪ СТАТИСТИЧЕСКИМЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ [1]) [2]).

I. Соотношеніе между размѣромъ надѣла и размѣромъ семьи.

Историко-философская теорія Маркса признаетъ развитіе экономическихъ общественныхъ формацій естественно-историческимъ процессомъ; причемъ, говоритъ Марксъ, общественная формація никогда не приходитъ въ упадокъ, пока не разовьются всѣ производительныя силы, для которыхъ она служитъ выраженіемъ, и новыя высшія отношенія производства никогда не заступаютъ мѣсто старыхъ, пока матеріальное основаніе, обусловливающее отношенія производства, само не будетъ заложено въ

[1]) Для того, чтобы изслѣдованіе П. Н. Скворцова явилось передъ читателями въ цѣльномъ, законченномъ видѣ, мы сочли нужнымъ перепечатать тѣ части его, которыя уже ранѣе были помѣщены въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» за 1892 г. и составляютъ двѣ первыя и заключительную главы настоящихъ «Итоговъ». *Изд.*

[2]) Матеріаломъ для настоящей работы послужили слѣдующія земско-статистическія изданія. Сборники статистическихъ свѣдѣній: по *Московской* губерніи томъ 2-й—Подольскій уѣздъ и Статистическій Ежегодникъ Московскаго губернскаго земства за 1886 г., изъ котораго взяты свѣдѣнія по Московскому уѣзду; по *Тверской* губерніи: Ржевскій, Новоторжскій, Вышневолоцкій, Калязинскій и Старицкій уѣзды; Матеріалы къ оцѣнкѣ земель *Нижегородской* губерніи: Княгининскій, Васильскій и Макарьевскій уѣзды, и Сборники статистическихъ свѣдѣній по *Смоленской* губерніи: Вяземскій (1-й и 2-й выпуски), Сычевскій, Гжатскій, Юхновскій, Дорогобужскій и Духовщинскій уѣзды.—Московская, Тверская и Нижегородская губ., по группировкѣ г. Южакова («Русская Мысль», 1885, 9, Нормы народнаго землевладѣнія), которою я пользуюсь здѣсь, относятся къ *Центральному полью*,— и подъ этимъ названіемъ будутъ фигурировать въ этой статьѣ. Ради удоб-

нѣдрахъ стараго общества [1]). Поэтому, продолжаетъ Марксъ, человѣчеству всегда ставится только задача, которую оно можетъ рѣшить, такъ какъ, научно наблюдая самого себя, оно всегда найдетъ, что задача сама только имѣетъ начало тамъ, гдѣ матеріальныя условія для ея рѣшенія уже существуютъ налицо или по меньшей мѣрѣ находятся въ процессѣ зарожде-

---

ства, къ нимъ присоединена мною Смоленская губ., которая относится собственно къ Русско-Литовскому полѣсью.—По *Пермской* губерніи Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Чердынскому уѣзду; Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій *Новгородской* губерніи — Демянскій уѣздъ; Матеріалы по статистикѣ народнаго хозяйства въ *С.-Петербургской* губерніи: крестьянское хозяйство въ Гдовскомъ, Шлиссельбургскомъ, С.-Петербургскомъ, Ямбургскомъ, Лужскомъ и Петергофскомъ уѣздахъ, и по *Вятской* губерніи подворныя описи: Елабужскаго, Орловскаго, Малмыжскаго, Уржумскаго и Вятскаго уѣздовъ.—Перечисленныя губерніи, начиная съ Пермской, будутъ разсматриваться въ одной группѣ подъ названіемъ—*Сѣверное полѣсье*.—Матеріалы для сравнительной оцѣнки земельныхъ угодій въ уѣздахъ *Казанской* губерніи: Лаишевскомъ, Мамадышскомъ, Царевококшайскомъ, Цивильскомъ, Казанскомъ, Свіяжскомъ и Тетюшскомъ; сборники статистическихъ свѣдѣній: по *Тамбовской* губерніи: Борисоглѣбскій, Козловскій, Моршанскій, Темниковскій, Спасскій, Шацкій, Елатомскій, Липецкій, Усманскій, Тамбовскій, Лебедянскій и Кирсановскій уѣзды и краткій сводъ данныхъ о крестьянскомъ населеніи, землевладѣніи и хозяйствѣ по всей губерніи; по *Рязанской* губерніи: Зарайскій, Скопинскій, Егорьевскій, Рязанскій, Спасскій, Касимовскій, Раненбургскій и Данковскій уѣзды, и по *Орловской* губерніи: Мценскій, Елецкій и Трубчевскій уѣзды.—Названныя губерніи составятъ: *Сѣверный трехпольный черноземъ*.—Сборники статистическихъ свѣдѣній по *Самарской* губерніи: Бузулукскій, Бугурусланскій, Бугульминскій, Николаевскій, Ставропольскій, Самарскій и Новоузенскій уѣзды, которые составятъ *Сѣверный экстенсивный черноземъ*; Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по *Екатеринославской* губерніи: Славяно-Сербскій (2 выпуска), Ростовскій, Бахмутскій и Маріупольскій уѣзды; по *Херсонской* губерніи результаты подворной переписи Елизаветградскаго и Ананьевскаго уѣздовъ, и Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по *Таврической* губерніи: Бердянскій, Мелитопольскій, Днѣпровскій, Перекопскій, Евпаторійскій, Симферопольскій, Феодосійскій и Ялтинскій уѣзды и Памятная книжка Таврической губерніи.—Эти губерніи составятъ *Южный экстенсивный черноземъ*. Такимъ образомъ, мои настоящіе итоги основаны на подворномъ изслѣдованіи 80 уѣздовъ, а присоединяя сюда 40 уѣздовъ *Южнаго трехпольнаго чернозема*, выводы по которому приняты во вниманіе здѣсь,—всего на изслѣдованіи 120-ти уѣздовъ. Къ 1891 году издано, по моему счету, 134 сборника съ подворными описями. Т. е. мои итоги охватываютъ 89,5% всего числа уѣздовъ, описанныхъ подворно. Нѣкоторыхъ сборниковъ не удалось найти, а другіе вышли въ то время, когда работа была готова.

[1]) «Zur Kritik der politischen Oekonomie» von K. Marx, 1859, Berlin, Vorwort, p. VI.

нія [1]). Послѣднею конечною цѣлью «Капитала» было—открыть экономическій законъ развитія современнаго общества, причемъ «дѣло идетъ не о высшей или низшей ступени развитія общественнаго антагонизма, проистекающаго изъ естественнаго закона капиталистическаго производства, но объ этомъ законѣ самомъ, объ его тенденціяхъ, дѣйствующихъ съ желѣзною необходимостью и неизбѣжностью. Индустріально развитая страна показываетъ менѣе развитой только картину собственнаго будущаго» [2]). Поэтому одна нація должна и можетъ поучиться у другой, и если общество напало на слѣдъ естественнаго закона своего развитія, то оно не можетъ естественно выросшія фазы своего развитія ни перескочить, ни отмѣнить декретами, но оно можетъ сократить и смягчить муки родовъ [3]). Такъ какъ русское общество еще только, такъ сказать, на дняхъ вышло изъ крѣпостныхъ пеленокъ, притомъ вышло съ остатками общиннаго владѣнія землею, то естественно возникаетъ вопросъ: существующая общинная форма владѣнія землею не можетъ ли служить основаніемъ новой, высшей формы производительныхъ отношеній, минуя капиталистическую фазу историческаго развитія? Отвѣтъ находимъ въ письмѣ Карла Маркса [4]), въ которомъ значится слѣдующее: «Теперь спрашивается, какое же приложеніе къ Россіи можетъ извлечь мой критикъ (г. Михайловскій) изъ моего краткаго историческаго очерка? Только слѣдующее: если Россія стремится стать націей капиталистической по образцу западно-европейскихъ націй, а въ теченіе послѣднихъ лѣтъ она надѣлала себѣ въ этомъ смыслѣ много вреда, она не достигнетъ этого, не преобразовавъ предварительно доброй доли своихъ крестьянъ въ пролетаріевъ; а послѣ того, приведенная разъ на лоно капиталистическаго строя, она подпадетъ подъ власть неумолимыхъ законовъ, какъ и всякая другая непосвященная (profane) нація».

Моя задача, такимъ образомъ, сводится къ тому, чтобы, на основаніи земско-статистическихъ изслѣдованій, показать, на сколько совершается преобразованіе русскихъ крестьянъ въ пролетаріевъ.

Настоящіе итоги охватываютъ 2,886,745 наличныхъ крестьянскихъ хозяйствъ земской Россіи съ 17,397,188 душами обоего пола. Въ 1877—78 гг. по «Статистикѣ поземельной собственности» въ 49 губерніяхъ Европейской Россіи было 8,464,832 крестьянскихъ двора, такъ что мои итоги охватываютъ $^1/_3$ всѣхъ крестьянскихъ хозяйствъ, существовавшихъ десять лѣтъ назадъ, или около $^1/_3$ числа дворовъ въ сельскихъ обществахъ по конской переписи 1882 года. Съ тѣхъ поръ, разумѣется, про-

---

[1]) Тамъ же, p. VI.

[2]) «Das Kapital» von K. Marx, 1883, Hamburg, Vorwort, p. VII.

[3]) Тамъ же, p. VII.

[4]) «Юридическій Вѣстникъ», 1888, октябрь.

изошло увеличеніе числа хозяйствъ, такъ что итоги охватываютъ во всякомъ случаѣ около 1/3 всего числа крестьянскихъ хозяйствъ въ Европейской Россіи, такъ какъ разсматриваемыя хозяйства описаны на протяженіи десяти лѣтъ. Въ приведенныя 2,886,745 хозяйствъ входятъ и тѣ 915,140 хозяйствъ на Южномъ трехпольномъ черноземѣ, которымъ посвящена особая статья [1]). Здѣсь, въ этой статьѣ, о нихъ упоминается мѣстами, чтобы имѣть болѣе полное и цѣльное представленіе о крестьянскомъ хозяйствѣ по земско-статистическимъ изслѣдованіямъ.

Пополосное распредѣленіе крестьянскихъ хозяйствъ, въ нихъ число душъ обоего пола и средній размѣръ семьи приводятся въ этой табличкѣ:

	Число хозяйствъ.	Въ нихъ душъ обоего пола.	Средній размѣръ семьи.
Центральное полѣсье	306,278	1.716,801	$5_{,6}$
Сѣверное полѣсье	276,895	1.585,637	$5_{,7}$
Сѣверный трехпольный черноземъ	734,777	4.657,775 [2])	$6_{,3}$
Сѣверный экстенсивный черноземъ	316,134	2.026,956	$5_{,9}$
Южный экстенсивн. черноземъ .	307,521	1.798,476	$5_{,8}$
Южный трехпольный черноземъ.	915,140	5.611,543	$6_{,1}$
Итого	2,886,745	17,397,188	$6_{,0}$

Средній размѣръ семьи оказывается наибольшимъ ($6_{,1}$ и $6_{,3}$) на черноземахъ съ трехпольнымъ хозяйствомъ; на черноземахъ съ экстенсивнымъ хозяйствомъ онъ ниже ($5_{,8}$ и $5_{,9}$), но выше, чѣмъ на сѣверѣ Россіи ($5_{,7}$); наименьшій размѣръ семьи оказывается въ Московской, Тверской и Нижегородской губ. и Смоленской ($5_{,6}$). Для первыхъ трехъ губерній средній размѣръ семьи въ дѣйствительности еще ниже, такъ какъ Смоленская губ. повышаетъ его на $0_{,1}$ душу обоего пола.

На Центральномъ полѣсьѣ зависимость размѣра семьи отъ размѣровъ надѣла проведена по Московскому у. той же губерніи, Калязинскому—Тверской и Васильскому—Нижегородской.

МОСКОВСКІЙ УѢЗДЪ.

Размѣръ надѣла.	Число домохозяевъ.	Душъ обоего пола.	Средній размѣръ семьи.
До 5 дес.	4,910	25,796	$5_{,3}$
» 10 »	13,817	73,103	$5_{,3}$
Болѣе 10 дес.	584	3,462	$5_{,9}$
Итого . . .	19,311	102,361	$5_{,3}$

[1]) Тамъ же, 1891, № 5 и 6. Итоги крестьянскаго хозяйства на Южномъ трехпольномъ черноземѣ.

[2]) По Казанской губ. свѣдѣнія волостныхъ правленій.

Средній размѣръ семьи въ Московскомъ уѣздѣ оказывается меньше на $0,_3$ душъ средней семьи на Центральномъ полѣсьѣ. Сказать что либо опредѣленное о зависимости размѣра семьи отъ размѣровъ надѣла трудно, такъ какъ первыя двѣ группы хозяйствъ, одна съ надѣломъ до 5 дес., а другая—до 10 дес., т. е. въ два раза большимъ, имѣютъ одинаковый размѣръ семьи, и только послѣдняя группа, самая богатая, имѣетъ среднюю семью въ $5,_5$ душъ. Далѣе, по Калязинскому и Васильскому уѣздамъ, приводится табличка, показывающая размѣры семьи въ зависимости отъ надѣла, но та табличка бросаетъ нѣсколько иной свѣтъ на семью Московскаго уѣзда.

Размѣръ надѣльной земли на хозяйство:	КАЛЯЗИНСКІЙ УѢЗДЪ.			ВАСИЛЬСКІЙ УѢЗДЪ.		
	Наличныхъ семей.	Душъ обоего пола.	Средній размѣръ семьи.	Наличныхъ семей.	Душъ обоего пола.	Средній размѣръ семьи.
До 5 дес. . . .	728	4,404	$6,_1$	3,139	18,045	$5,_{77}$
» 10 » . . .	16,950	99,179	$5,_8$	16,413	92,422	$5,_{66}$
Болѣе 10 дес. .	2,246	12,388	$5,_5$	1,322	7,106	$5,_{14}$
Всего . .	19,924	114,971	$5,_8$	20,874	117,573	$5,_{16}$

Въ сборникахъ по названнымъ уѣздамъ проведены свѣдѣнія въ зависимости отъ размѣра надѣла на ревизскую душу; для упрощенія, размѣры надѣла на души переведены мною на хозяйства, причемъ историческій характеръ распредѣленія поземельной собственности отъ такого упрощенія ничуть не пропадаетъ, а получается только большая ясность и опредѣленность представленія о данномъ явленіи. Изъ таблички видно, что средній размѣръ семьи по Калязинскому уѣзду нѣсколько выше (на $0,_2$ душъ обоего пола) такового же по Центральному полѣсью, а по Васильскому уѣзду онъ совпадаетъ. Далѣе, при разсматриваніи таблички видно, что размѣръ семьи по обоимъ уѣздамъ находится въ обратной зависимости отъ размѣра надѣла: чѣмъ больше размѣръ надѣла, тѣмъ семья становится меньше, тогда какъ въ остальной земледѣльческой Россіи, какъ будетъ дальше показано, съ увеличеніемъ размѣра надѣла увеличивается и размѣръ семьи, т. е. между количествомъ жизненныхъ средствъ, данныхъ исторіей, и величиной семьи существуетъ прямая зависимость. По каждому изъ приведенныхъ уѣздовъ дворы безнадѣльные показаны вмѣстѣ съ надѣльными хозяйствами. Въ общемъ извѣстно, что безнадѣльные имѣютъ наименьшій размѣръ семьи, такъ что еслибы ихъ выдѣлить, то можно предположить, что исчезла бы по крайней мѣрѣ для Калязинскаго и Ва-

сильскаго уѣздовъ та обратность, о которой сейчасъ говорится, но по сборнику Калязинскому этого сдѣлать нельзя, такъ какъ въ немъ показано только число безнадѣльныхъ въ каждой группѣ. Не имѣемъ-ли мы здѣсь дѣло съ такимъ явленіемъ, что промысловая жизнь населенія Центральнаго полѣсья произвела въ среднемъ размѣрѣ семьи, разсматриваемой съ точки зрѣнія количества жизненныхъ средствъ, данныхъ исторически, такое измѣненіе, которое является крайне благопріятнымъ для новаго способа производства? Было бы крайне важно, если бы статистики названныхъ губерній обратили свое вниманіе на это интересное явленіе и выяснили его. Во всѣхъ тѣхъ сборникахъ, гдѣ проводятся свѣдѣнія по размѣрамъ надѣла, но со включеніемъ безнадѣльныхъ, какъ это сдѣлано по Калязинскому уѣзду, такой обратной зависимости я не встрѣчалъ.

На Сѣверномъ полѣсьѣ зависимость размѣра семьи отъ надѣла проведена по Демянскому уѣзду Новгородской и Елабужскому—Вятской губ.

Размѣръ надѣла.	Демянскій уѣздъ.			Елабужскій уѣздъ.		
	Число хозяйствъ.	Душъ обоего пола.	Размѣръ семьи.	Число хозяйствъ.	Душъ обоего пола.	Размѣръ семьи.
Безнадѣльныя. .	1,954	5,684	$2_{,9}$	902	2,614	$2_{,9}$
До 5 дес. . . .	117	477	$4_{,0}$	1,838	7,905	$4_{,3}$
» 10 » . . .	2,508	10,861	$4_{,4}$	7,876	37,208	$4_{,7}$
» 15 » . . .	3,697	19,909	$5_{,4}$	7,000	38,168	$5_{,4}$
» 25 » . . .	3,579	23,055	$6_{,4}$	11,031	68,681	$6_{,3}$
» 50 » . . .	1,276	9,474	$7_{,4}$	4,778	37,941	$7_{,9}$
Болѣе 50 дес. .	69	592	$8_{,6}$	168	1,633	$9_{,7}$
Итого . .	13,200	70,052	$5_{,3}$	33,593	194,150	$5_{,8}$

Въ Сѣверное полѣсье входитъ между другими С.-Петербургская губ., къ которой, можетъ быть, будетъ примѣнимо сказанное о Центральномъ полѣсьѣ; но такъ какъ, сколько мнѣ извѣстно, по этой губерніи статистико-экономическія свѣдѣнія не только не проводятся, но и не иллюстрируются съ точки зрѣнія размѣровъ надѣла, то Демянскій и Елабужскій уѣзды могутъ иллюстрировать только остальную часть Сѣвернаго полѣсья. Въ приведенной табличкѣ по обоимъ уѣздамъ выдѣлены безнадѣльныя. Но такое выдѣленіе имѣетъ извѣстное, важное значеніе тогда, когда безнадѣльныя составляютъ совершенно отдѣльную общину или общество. При группировкѣ по размѣрамъ надѣльной земли, когда сохраняютъ историческій характеръ распредѣленія поземельной собственности, безземельныхъ или вѣрнѣе безнадѣльныхъ нужно оставлять при той зе-

мельной группѣ крестьянъ, при которой они состояли въ моментъ надѣленія землею, какъ это сдѣлано, напримѣръ, по Калязинскому уѣзду Тверской губ. или по Московскому уѣзду. Такая историческая группировка крестьянскихъ хозяйствъ дастъ самое вѣрное, единственно научное представленіе объ экономическомъ строѣ даннаго общества, разъ съ этой точки зрѣнія будутъ проведены всѣ главныя, подлежащія учету, стороны экономической жизни. Такая группировка сдѣлана, напримѣръ, по Тамбовской губ., но въ ней не достаетъ очень существеннаго элемента въ историческомъ процессѣ разъединенія производителя отъ средствъ производства и существованія: отсутствуютъ платежи. Другая, дополняющая первую, группировка собираетъ въ цѣлое всѣ тѣ хозяйства, которыя имѣютъ фактически одинаковый размѣръ надѣла, хотя бы исторически принадлежали къ различнымъ земельнымъ группамъ. Возвращаясь къ нашей табличкѣ, мы замѣчаемъ полнѣйшую правильность въ зависимости размѣра семьи отъ размѣровъ жизненныхъ средствъ: по мѣрѣ того, какъ увеличивается размѣръ надѣла, увеличивается и величина семьи. У безнадѣльныхъ каждаго изъ уѣздовъ оказывается наименьшій размѣръ семьи. При размѣрѣ надѣла до 5 дес. на хозяйство, семья Демянскаго уѣзда состоитъ изъ 4 душъ обоего пола, а семья Елабужскаго уѣзда—изъ $4,_3$ душъ; при размѣрѣ же надѣла болѣе 50 дес. на хозяйство семья въ Демянскомъ уѣздѣ состоитъ изъ $8,_6$ душъ обоего пола, семья же Елабужскаго уѣзда—изъ $9,_7$ душъ.

Теперь я приведу свѣдѣнія о размѣрѣ семьи въ зависимости отъ размѣровъ надѣла на Сѣверномъ и Южномъ экстенсивныхъ черноземахъ, а затѣмъ нѣсколько подробнѣе остановлюсь на Сѣверномъ трехпольномъ черноземѣ, на которомъ по Тамбовской губ. находятся очень любопытныя данныя.

По Сѣверному экстенсивному чернозему свѣдѣнія относятся къ 6 уѣздамъ Самарской губ., но въ приводимой табличкѣ соотвѣтствующія данныя сгруппированы только по тремъ уѣздамъ: Бузулукскому, Ставропольскому и Самарскому и при томъ только—къ наличному числу душъ мужскаго пола.

Размѣръ надѣла на хозяйство.	Число хозяйствъ.	Наличныхъ душъ муж. пола.	Средній размѣръ.
До 5 десят.	9,050	27,272	$3,_{10}$
» 10 »	11,295	33,341	$3,_{0}$
» 15 »	30,255	91,586	$3,_{10}$
» 20 »	32,851	102,185	$3,_{11}$
Болѣе 20 дес.	42,644	141,352	$3,_{13}$
Итого . . .	126,095	395,736	$3,_{1}$

Особенность Сѣвернаго экстенсивнаго чернозема состоитъ, какъ видно изъ таблички, въ томъ, что средній размѣръ семьи, выраженный въ числѣ душъ одного мужскаго пола, для первыхъ трехъ земельныхъ группъ одинаковъ и только повышается въ хозяйствахъ съ высшимъ размѣромъ надѣла, тогда какъ на Южномъ экстенсивномъ черноземѣ, представителемъ коего служитъ Таврическая губернія, зависимость состава семьи отъ количества десятинъ посѣва выражается рѣзко, какъ это видно изъ этой таблички:

ТАВРИЧЕСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

Хозяйства:	Число наличныхъ домохъ.	Въ нихъ душъ обоего пола.	Размѣръ семьи.
Не сѣютъ	18,714	83,642	4,4
Засѣваютъ до 5 дес. . .	20,507	102,087	4,9
» » 10 » . .	22,426	123,106	5,5
» » 25 » . .	37,948	254,441	6,7
» » 50 » . .	16,700	135,905	8,1
» болѣе 50 дес.	4,337	41,750	9,6
Итого . . .	120,632	740,931	6,2

Средній размѣръ семьи по Таврической губерніи выше такового же по Южному экстенсивному черноземy, т. е. по остальнымъ уѣздамъ Екатеринославской и Херсонской губ. онъ долженъ быть ниже средняго по этому черноземy: здѣсь равенъ 5,8. У несѣющихъ хозяевъ средній размѣръ семьи равенъ 4,4 душъ обоего пола; засѣвающіе до 5 дес. уже отличаются размѣромъ семьи отъ несѣющихъ; но засѣвающіе болѣе 50 дес. на хозяйство имѣютъ громадный средній размѣръ семьи—въ 9,6 душъ обоего пола.

Изъ уѣздовъ Сѣвернаго трехпольнаго чернозема Рязанскій уѣздъ имѣетъ нѣкоторое сходство въ отношеніи размѣровъ семьи съ Сѣвернымъ экстенсивнымъ черноземомъ. Въ Рязанскомъ уѣздѣ группа безнадѣльныхъ хозяйствъ (34 семьи) имѣетъ 3 наличныя души мужскаго пола; владѣніе землею вообще для уѣзда выражается въ томъ, что средняя семья увеличивается на 0,1 наличную душу мужскаго пола, и это увеличеніе остается постояннымъ, будетъ ли хозяйство обладать 5 дес. надѣльной земли, или до 10 дес., или больше 10 дес.; всего же хозяйствъ въ Рязанскомъ уѣздѣ 23,949. Имѣетъ ли мѣсто отмѣченный фактъ по цѣлой губерніи—нельзя судить, такъ какъ въ имѣющихся у меня 8 сборникахъ по Рязанской губ. группировка по размѣрамъ исторически-данныхъ средствъ существованія находится только по Рязанскому уѣзду. Не имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ явленіемъ, аналогичнымъ съ тѣмъ, которое наблюдается въ Тверской и Нижегородской губерніяхъ?

По Елецкому и Трубчевскому уѣздамъ Орловской губерніи приводится слѣдующая табличка:

Размѣръ надѣльной земли:	Число хозяйствъ.	Душъ обоего пола.	Средній размѣръ семьи.
Безземельныя	1,752	7,817	4,5
До 5 десят.	15,639	75,660	4.8
» 10 »	20,027	128,109	6,4
» 15 »	8,075	66,261	8,2
» 20 »	2,768	27,195	9,8
» 30 »	1,349	15,937	11,8
Болѣе 30 дес.	108	1,520	14.1
Итого . . .	49,718	322,499	6,5

Средній размѣръ семьи по Елецкому и Трубчевскому уѣздамъ Орловской губерніи только на 0,2 душъ обоего пола выше средняго по всему Сѣверному трехпольному чернозему. Изъ таблички видно, что даже у безземельныхъ составъ семьи сравнительно высокъ; хозяйства съ надѣломъ до 5 дес. состоятъ въ среднемъ изъ 4,8 душъ обоего пола; затѣмъ съ увеличеніемъ размѣровъ надѣла размѣръ семьи правильно увеличивается, причемъ у группы хозяйствъ съ надѣломъ болѣе 30 дес. составъ семьи просто поражающій—14,1 душъ обоего пола.

По цѣлой Тамбовской губ. приведены свѣдѣнія не только о числѣ душъ обоего пола, но свѣдѣнія о числѣ хозяйствъ по ревизіи 1858 г., причемъ эти свѣдѣнія проведены въ зависимости отъ размѣровъ надѣла, даннаго исторіей. Въ краткомъ сводѣ данныхъ о крестьянскомъ населеніи, землевладѣніи и хозяйствѣ проведены указанныя данныя въ зависимости отъ размѣровъ надѣла на ревизскую душу; мною же, ради упрощенія, размѣръ надѣла на ревизскую душу переведенъ на хозяйство, причемъ хозяйства по размѣру надѣла соединены въ меньшее число земельныхъ группъ, какъ это и представлено въ слѣдующей табличкѣ:

Размѣръ надѣла на хозяйство.	По X ревизіи. Домохозяевъ.	По X ревизіи. Душъ обоего пола.	По X ревизіи. Средній размѣръ семьи.	По переписи 1880—84 гг. Домохозяевъ.	По переписи 1880—84 гг. Душъ обоего пола.	По переписи 1880—84 гг. Средній размѣръ семьи.
До 5 дес.	23,267	174,159	7,5	32,842	201,556	6,1
» 10 »	79,910	684,039	8,6	137,594	884,962	6,4
» 15 »	55,833	559,560	10,0	109,959	767,648	7,0
» 20 »	18,750	176,995	9,4	35,790	249,064	7,0
Болѣе 20 дес. . .	286	2,219	7,8	533	3,434	6,4
Итого. .	178,046	1,596,902	9,0	316,718	2,106,664	6,7

Средній размѣръ семьи былъ во время ревизіи различенъ для каждой изъ земельныхъ группъ Тамбовской губерніи. Повидимому, при надѣленіи крестьянъ землею принимались въ разсчетъ размѣры семьи. Такъ, среди первыхъ трехъ земельныхъ группъ замѣчается правильность: чѣмъ была больше семья, тѣмъ большее количество жизненныхъ средствъ и средствъ производства получила она. Но въ слѣдующей затѣмъ земельной группѣ семья состояла изъ 9,4 душъ, т. е. изъ меньшаго числа членовъ, а получила большее количество жизненныхъ средствъ. Послѣдняя группа имѣла среднюю семью изъ 7,8 душъ, но получила наибольшіе размѣры надѣла. Въ среднемъ, по истеченіи 25-ти лѣтъ со времени ревизіи, средній размѣръ семьи измѣнился въ такомъ направленіи, что таковой находится въ зависимости отъ количества жизненныхъ средствъ: чѣмъ больше было ихъ, тѣмъ въ общемъ и больше размѣръ семьи, за исключеніемъ группы съ наибольшимъ количествомъ жизненныхъ средствъ (болѣе 20 дес. на хозяйство), у которой средній размѣръ семьи отсталъ отъ такового же предъидущихъ группъ. Но такъ какъ размѣръ семьи, который имѣется въ настоящее время, является продуктомъ жизненныхъ средствъ и семейныхъ раздѣловъ, то разсмотримъ, какъ вліяли сказанные факторы. Обратимся сначала къ приросту населенія.

При размѣрѣ надѣла.	Приростъ населенія.
До 5 дес. былъ.	15,7%
» 10 » »	29,4%
» 15 » »	35.4%
» 20 » »	40,8%
Болѣе 20 дес.	54,8%
Въ среднемъ	31,9%

Въ среднемъ приростъ населенія Тамбовской губерніи увеличился почти на $^1/_3$, но эта величина не даетъ ни малѣйшаго представленія о дѣйствительномъ приростѣ населенія, который, какъ приведено въ таблицѣ, находится въ прямой зависимости отъ количества жизненныхъ средствъ. Такъ, у группы хозяйствъ съ надѣломъ до 5 дес. приростъ населенія равенъ 15,7%, затѣмъ съ увеличеніемъ размѣровъ надѣла онъ постепенно увеличивается и у группы съ надѣломъ болѣе 20 дес. равняется 54,8%, т. е. приростъ населенія отстаетъ отъ увеличенія количества жизненныхъ средствъ, — такъ послѣдняя группа обладаетъ въ 7,6 разъ большимъ размѣромъ надѣла по сравненію съ самою бѣдною, но приростъ у нея больше такового же первой группы (до 5 дес.) только въ 3,5 раза. Приростъ населенія, такимъ образомъ, говоритъ за то, что и средній размѣръ семьи повидимому долженъ находиться въ зависимости отъ при-

роста: больше приростъ, больше и семья. Но этого нѣтъ. Поэтому, разсмотримъ увеличеніе хозяйствъ среди каждой группы, которое и приводится здѣсь.

Размѣръ надѣла.	Увеличеніе хозяйствъ.
До 5 дес. на	41,2%
» 10 »	72,2%
» 15 »	96,5%
» 20 »	90,9%
Болѣе 20 дес.	86,4%
Въ среднемъ	77,3%

Приростъ населенія, какъ было показано, увеличивался постепенно въ зависимости отъ размѣровъ надѣла. Между тѣмъ увеличеніе числа хозяйствъ не находится въ правильной зависимости отъ размѣровъ надѣла. Увеличеніе хозяйствъ у группы съ надѣломъ до 5 дес. равняется 41,2%, затѣмъ у слѣдующей группы=72,2%. а у группы съ надѣломъ до 15 дес. онъ чуть не удвоивается (96,5%). Но затѣмъ, съ увеличеніемъ размѣровъ надѣла, понижается увеличеніе хозяйствъ,—такъ у группы съ надѣломъ до 20 дес. увеличеніе хозяйствъ равняется 90,9%, а у группы съ надѣломъ болѣе 20 дес.—86,4%. Такимъ образомъ, стремленіе къ раздѣламъ, выражающееся въ увеличеніи хозяйствъ, идетъ параллельно съ увеличеніемъ жизненныхъ средствъ только до средней группы, съ надѣломъ до 15 дес., достигаетъ здѣсь наибольшей величины, а затѣмъ понижается. Но такъ какъ до сихъ поръ, такъ сказать, не видно смысла въ совершающихся увеличеніяхъ хозяйствъ, то обратимся для выясненія сущности этого явленія къ слѣдующей табличкѣ, въ которой показано уменьшеніе размѣра семьи при данныхъ размѣрахъ надѣла.

При размѣрѣ надѣла.	Уменьшеніе размѣра семьи.
До 5 дес. на	18,5%
» 10 »	25,0%
» 15 »	30,0%
» 20 »	25,1%
Болѣе 20 дес.	17,9%
Въ среднемъ	25,3%

Эта табличка говоритъ уже многое. Во-первыхъ, оказывается, что новыя историческія условія жизни по крайней мѣрѣ тамбовскаго крестьянства повліяли на уменьшеніе средней семьи. По истеченіи въ среднемъ 25 лѣтъ она уменьшилась на $^1/_4$, т. е. личная свобода, вызванная реформой 19 февраля 1861 г., свобода устранвать семейныя отношенія,

оказалась въ противорѣчіи съ властью земли, съ патріархальнымъ гнетомъ главы семьи, и крестьянство поспѣшило воспользоваться ею, но въ различныхъ направленіяхъ. Такъ, размѣръ семьи почти одинаково и на незначительный °/₀ уменьшился у двухъ группъ хозяйствъ, стоящихъ по жизненному положенію на двухъ противоположныхъ концахъ: у группы съ надѣломъ до 5 дес. на 18,₇°/₀, и у группы съ надѣломъ болѣе 20 дес.— на 17,₉°/₀. Если въ исторической борьбѣ за существованіе первая группа смутно сознавала необходимость общими усиліями держаться за ускользающее экономическое основаніе, и потому у этой группы такое незначительное уменьшеніе размѣра семьи, то вторая группа, напротивъ, сознавала необходимость крѣпко удержать въ рукахъ данное исторіей громадное количество жизненныхъ средствъ и средствъ производства. У группы съ надѣломъ до 15 дес. произошло наибольшее уменьшеніе размѣра семьи, именно на 30°/₀. У остальныхъ двухъ группъ оказалось одинаковое уменьшеніе размѣра семьи, причемъ одна (съ надѣломъ до 10 дес.) занимаетъ среднее мѣсто по уменьшенію размѣра семьи между самою бѣдною группою и среднею (до 15 дес.), а другая—среднее же мѣсто, но между самою богатою (болѣе 20 дес.) и этою же среднею. Неужели и среди земледѣльческаго населенія въ переходное время между старымъ и новымъ способами производства существуетъ нѣчто вродѣ закона, аналогичнаго закону капиталистическаго производства, по которому въ исторической борьбѣ за существованіе погибаютъ всѣ промежуточныя экономическія ступени, смягчающія крайности относительнаго богатства и безотносительной нищеты?...

Общій выводъ изъ разсмотрѣнія зависимости размѣра семьи отъ размѣровъ надѣла можетъ быть тотъ, что въ земледѣльческой Россіи, съ увеличеніемъ количества жизненныхъ средствъ, увеличивается и размѣръ семьи, но что въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ сильно развиты промыслы, размѣръ семьи измѣняется въ направленіи, обратномъ къ количеству жизненныхъ средствъ производства, олицетворяемыхъ землю. Посмотримъ, что скажутъ дальнѣйшія статистическія изслѣдованія.

II. Соотношеніе между размѣромъ надѣла, величиной двора и количествомъ скота.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію крестьянскаго богатства, заключающагося въ скотѣ вообще, причемъ подъ крупнымъ скотомъ разумѣются лошади, волы и коровы, а подъ мелкимъ весь остальной скотъ, 10 штукъ котораго приравнены 1 штукѣ крупнаго.

Абсолютное количество крупнаго и мелкаго скота пополосно, а также и средняя величина каждаго на хозяйство показаны въ предстоящей табличкѣ, причемъ я не привожу числа хозяйствъ, такъ какъ оно приведено въ своемъ мѣстѣ, при разсмотрѣніи размѣра семьи.

	Крупный скотъ.		Мелкій скотъ.	
	Всего штукъ.	На 1 хозяйство.	Всего штукъ.	На 1 хозяйство.
Центральное полѣсье	730,388 [1])	2,5	103,510 [1])	0,4
Сѣверное полѣсье	822,351	3,6	119,648	0,4
Сѣверный трехпольный черноземъ	1,640,940	2,2	388,307 [2])	0,7
Сѣверный экстенсивный черноземъ	1,138,697 [3])	4,0	253,619 [3])	0,9
Южный экстенсивный черноземъ	1,282,053	4,2	316,285	1,0
Южный трехпольный черноземъ	2.509,305	2,7	608,554	0,7
Итого . .	8,183,734	2,9	1,789,923	0,7

Оказывается, что на средній дворъ изъ 2,835,397 крестьянскихъ хозяйствъ приходится 2,9 штукъ крупнаго и 0,7 штукъ мелкаго скота, а всего 3,6 штукъ. По богатству и тѣмъ, и другимъ выдѣляются Таврическая, Херсонская и Екатеринославская губерніи (5,2 штукъ) на южномъ экстенсивномъ черноземѣ и Самарская губернія на сѣверномъ экстенсивномъ черноземѣ (4,9 штукъ). Въ губерніяхъ сѣвернаго полѣсья С.-Петербургской, Новгородской, Вятской и Пермской оказывается одинаковое количество скота (3,1 штуки), какъ и въ Саратовской, Воронежской, Курской, Полтавской и Черниговской губерніяхъ южнаго трехпольнаго чернозема. Въ Московской, Тверской, Нижегородской и Смоленской губерніяхъ

---

[1]) Безъ Московскаго уѣзда.

[2]) Безъ мелкаго скота по Казанской губ. Средній размѣръ скота на хозяйство вычисленъ по центральному полѣсью безъ Московскаго у., а по сѣверному трехпольному чернозему безъ Казанской губерніи.

[3]) Безъ Новоузенскаго уѣзда.

на хозяйство приходится столько же штукъ скота (2,9), сколько и въ Казанской, Рязанской, Тамбовской и Орловской губерніяхъ сѣвернаго трехпольнаго чернозема. По богатству крупнымъ скотомъ полосы располагаются въ томъ же порядкѣ, какъ и по богатству скотомъ вообще, но въ богатствѣ мелкимъ скотомъ обнаруживается различіе между полосами. Такъ экстенсивные черноземы даютъ на хозяйство относительно большее количество мелкаго скота (1,0 и 0,9 штукъ), трехпольные черноземы — нѣсколько меньше (0,7 штукъ), а на полѣсьяхъ на средній дворъ приходится уже только 0,4 штукъ. Такъ какъ 10 штукъ мелкаго скота приравнивалось 1 штукѣ крупнаго, то легко представить себѣ, что напримѣръ, въ Самарской губерніи средній крестьянскій дворъ владѣетъ десятью штуками мелкаго скота, въ числѣ коихъ находится и петель, и овцы, и телята, и жеребята, и свинья, тогда какъ средній дворъ, напр., въ Тверской, Нижегородской, Смоленской и Московской губерніяхъ владѣютъ только петелью, только овцою, только теленкомъ, только свиньею.

Если мы, чтобы выяснить дѣйствительное богатство скотомъ, сопоставимъ пополосно общее количество скота съ размѣромъ семьи, то увидимъ, что большая семья владѣетъ небольшимъ количествомъ скота, и наоборотъ. Такъ на сѣверномъ и южномъ трехпольныхъ черноземахъ средняя семья состоитъ соотвѣтственно изъ 6,2 и 6,1 душъ обоего пола; владѣетъ же она 2,4 штуками крупнаго и мелкаго скота на сѣверномъ и 3,1—на южномъ трехпольныхъ черноземахъ. На сѣверномъ экстенсивномъ черноземѣ средняя семья изъ 5,0 душъ обоего пола владѣетъ 4,9 штуками скота, а на южномъ экстенсивномъ черноземѣ средняя семья изъ 5,2 душъ владѣетъ 5,2 штуками скота. Семья изъ центральнаго полѣсья трехпольной полосы, въ 5,6 душъ владѣетъ 2,0 штуками скота, тогда какъ семья изъ сѣвернаго полѣсья въ 5,2 души владѣетъ 3,1 штуками скота. Но, такъ какъ приведенныя цифры скота, которымъ владѣетъ средняя семья, мало говорятъ о дѣйствительномъ распредѣленіи скота среди крестьянскихъ хозяйствъ, то мы обратимся къ разсмотрѣнію распредѣленія скота въ зависимости отъ размѣровъ надѣла.

Иллюстраціей для центральнаго полѣсья будетъ служить Калязинскій у., Тверской губерніи.

Размѣръ надѣла на хозяйство.	Крупный скотъ. Всего штукъ.	Крупный скотъ. На 1 хозяйство.	Мелкій скотъ. Всего штукъ.	Мелкій скотъ. На 1 хозяйство.
До 5 десятинъ	1,450	2,0	344	0,5
» 10 »	42,165	2,4	9,158	0,7
Болѣе 10 десятинъ	5,657	2,6	1,221	0,5
Итого	49,272	2,4	10,723	0,5

Въ числа крупнаго скота, взятыя изъ сборника по Калязинскому у., вошли телки, а мелкій скотъ выраженъ въ крупномъ такъ, что 1 головы мелкаго скота, телятъ и жеребятъ, приравнивались 1 крупной [1]). Такое дѣленіе скота на крупный и мелкій, отличное отъ принятаго мною, ничего не измѣняетъ въ сущности дѣла. Изъ таблички видно, что съ увеличеніемъ размѣра надѣла увеличивается количество крупнаго скота на хозяйство, хотя количество мелкаго скота, приходящееся на хозяйство, не зависитъ отъ размѣровъ надѣла, въ противоположность къ остальной земледѣльческой Россіи. Соотношеніе между числомъ душъ въ семьѣ и количествомъ скота будетъ болѣе подробно обсуждено позже, при разсмотрѣніи вліянія семейныхъ передѣловъ на богатство или бѣдность дѣлящихся.—Число хозяйствъ какъ здѣсь, такъ и при дальнѣйшемъ разсматриваніи вліянія размѣровъ надѣла на различныя стороны крестьянскаго хозяйства, приведено выше при разсмотрѣніи вліянія размѣра надѣла на составъ семьи, и дальше не приводится.

Для сѣвернаго полѣсья приводится табличка по Демянскому у., Новгородской губ., и Елабужскому у., Вятской.

Размѣръ надѣла на хозяйство.	Демянскій уѣздъ. Крупный скотъ. Всего штукъ.	На 1 хозяйство.	Мел. скотъ. Всего штукъ.	На 1 хозяйство.	Елабужскій уѣздъ. Круп. скотъ. Всего штукъ.	На 1 хозяйство.	Мелкій скотъ. Всего штукъ.	На 1 хозяйство.
Безнадѣльн. . . .	1,831	0,9	126	0,1	444	0,3	75	0,1
До 5 десятинъ .	333	2,3	31	0,3	2,794	1,3	619	0,3
» 10 » .	7,292	2,9	647	0,3	15,106	1,9	3,485	0,4
» 15 » .	15,191	4,1	1.367	0,3	17,354	2,3	4,323	0,6
» 25 » .	19,495	5,1	2,081	0,6	35,537	3,2	9,112	0,8
» 50 » .	8,736	6,8	1,069	0,8	21,258	4,1	5,627	1,3
Болѣе 50 десят. .	536	7,9	77	1,1	803	4,8	240	1,4
Итого .	53,114	4,	5,438	0,4	93,296	2,8	23,481	0,7

Демянскій у., какъ показываетъ число штукъ крупнаго скота, приходящееся на хозяйство, отличается тѣмъ отъ остальныхъ уѣздовъ сѣвернаго полѣсья, что въ немъ крестьянское хозяйство въ среднемъ владѣетъ на цѣлую голову большимъ количествомъ крупнаго скота, нежели среднее хозяйство по полѣсью. Тогда какъ Елабужскій уѣздъ представляетъ отклоненіе—по среднему числу крупнаго скота на хозяйство—въ противоположную сторону. Здѣсь уже рѣзче обнаруживается вліяніе размѣра надѣла на количество какъ крупнаго, такъ и мелкаго скота, которое приходится соотвѣтственно на ту или другую земельную группу. Количество

[1]) Сборникъ стат. свѣд. по Калязинскому уѣзду, текстъ, стр. 104.

крупнаго и мелкаго скота, коимъ владѣетъ хозяйство съ надѣломъ до 5 дес., больше въ три раза, чѣмъ таковое, приходящееся на безнадѣльный дворъ; въ свою очередь, хозяйство съ 5 дес. надѣла владѣетъ почти втрое меньшимъ количествомъ скота, чѣмъ хозяйство съ надѣломъ болѣе 50 дес. въ Демянскомъ уѣздѣ, и болѣе, чѣмъ втрое меньшимъ, чѣмъ хозяйство съ надѣломъ болѣе 50 дес. въ Елабужскомъ у.

Распредѣленіе крупнаго и мелкаго скота по хозяйствамъ сѣвернаго трехпольнаго чернозема можетъ быть показано по Елецкому и Трубчевскому у., Орловской губ., и по Тамбовской губерніи.

Размѣры надѣла.	Трубчевскій и Елецкій уѣзды. Крупный скотъ. Всего штукъ.	На 1 хозяйство.	Мелкій скотъ. Всего штукъ.	На 1 хозяйство.
Безземельныя.	1,304	0,7	272	0,2
До 5 десятинъ	22,041	1,4	5,320	0,3
» 10 »	46,100	2,3	11,906	0,6
» 15 » . . .	26,398	3,0	7,182	0,9
» 20 »	11,625	4,2	3,148	1,2
» 30 »	7,153	5,3	2,186	1,6
Болѣе 30 десят.	867	8,0	206	1,9
Итого. .	115,488	2,3	30,220	0,6

По приведеннымъ уѣздамъ среднее количество крупнаго скота на хозяйство больше на 0,1 штуку, чѣмъ это приходится на среднее хозяйство полосы, и меньше на 0,1 штуку по количеству мелкаго скота. Изъ таблички видно, что между безземельными хозяйствами и надѣльными (до 5 дес.) существуетъ менѣе рѣзкое различіе по богатству скотомъ, чѣмъ какое существуетъ между хозяйствами съ 5 дес. и хозяйствами съ болѣе чѣмъ 30 дес. Если же мы остановимся на различіи въ обезпеченіи скотомъ съ одной стороны безземельныхъ, а съ другой—съ надѣломъ болѣе 30 дес., то увидимъ, что послѣднія богаче первыхъ въ 11 разъ. Все необходимое о крайностяхъ—въ распредѣленіи—между земельными группами—скота я приведу ниже, а теперь привожу табличку о распредѣленіи скота по Тамбовской губерніи.

Размѣръ надѣла на хозяйство.	Крупный скотъ. Всего штукъ.	На 1 хозяйство.	Мелкій скотъ. Всего штукъ.	На 1 хозяйство.
До 5 десятинъ.	64,505	2,0	13,945	0,4
» 10 »	324,537	2,4	81,410	0,6
» 15 »	300,817	2,7	82,705	0,8
» 20 »	104,387	2,9	31,309	0,9
Болѣе 20 десят.	1,676	3,1	453	0,8
Итого. .	795,922	2,5	209,822	0,7

Данныя этой таблички взяты изъ «Краткаго свода»; представителями мелкаго скота здѣсь фигурируютъ только овцы и свиньи; жеребята же и телята отсутствуютъ. Въ каждой земельной группѣ заключается и скотъ безземельныхъ, которыя въ «Краткомъ сводѣ» включены въ ту группу, въ коей они находятся. Вслѣдствіе этого скрадывается рѣзкость въ распредѣленіи скота, что только передъ этимъ было видно въ Елецкомъ и Трубчевскомъ уѣздахъ. Но и при этомъ условіи хозяйство съ надѣломъ болѣе 20 дес. владѣетъ въ 1,6 разъ большимъ количествомъ скота, чѣмъ, напр., хозяйство съ надѣломъ до 5 дес. Это различіе сглаживается постепеннымъ увеличеніемъ количества скота по мѣрѣ увеличенія надѣла на хозяйство.

На сѣверномъ экстенсивномъ черноземѣ въ общемъ существуетъ такая же зависимость между количествомъ *рабочаго скота* и размѣромъ надѣла, какъ и выше приводилось, но, какъ показано въ приводимой табличкѣ по Бузулукскому, Ставропольскому и Самарскому у., группа хозяйствъ съ надѣломъ до 5 дес. представляетъ исключеніе.

Размѣръ надѣла на хозяйство.	Рабочій скотъ. Штукъ.	На хозяйство.
До 5 десятинъ.	24,669	2,7
» 10 »	20,266	1,6
» 15 »	77,461	2,6
» 20 »	92,652	2,8
Болѣе 20 десят.	157,084	3,7
Итого. . . .	372,132	3,0

Указанное отличіе хозяйствъ съ надѣломъ до 5 дес. проявляется, конечно, въ томъ, что на хозяйство приходится рабочаго скота значительно больше, чѣмъ у непосредственно слѣдующихъ за ними хозяйствъ размѣромъ до 10 дес. Чѣмъ вызвано такое рѣзкое нарушеніе общаго закона,—по которому количество скота, приходящееся на хозяйство, находится въ зависимости отъ размѣровъ исторически даннаго надѣла, будетъ-ли это при экстенсивномъ хозяйствѣ или трехпольномъ, безразлично,—вліяніемъ ли какихъ-либо мѣстныхъ условій, или просто ошибкою,—я не берусь разбирать, такъ какъ пришлось бы погружаться въ слишкомъ детальное разсматриваніе хозяйства по названнымъ 3 уѣздамъ.

Наконецъ, на южномъ экстенсивномъ черноземѣ указанный законъ проявляется рѣзко, такъ какъ здѣсь, по Таврической губ., выдѣлены несѣющія хозяйства изъ хозяйствъ засѣвающихъ. Такая группировка, какъ уже было сказано, необходима, но она составляетъ второстепенное дѣло,

такъ при ней теряется историческій элементъ въ распредѣленіи поземельной собственности и связанныя съ нею производныя явленія. Отсутствіе исторической группировки тѣмъ еще чувствительнѣе, что здѣсь, въ Новой Россіи, мы имѣемъ дѣло съ *возникающимъ фермерскимъ хозяйствомъ*, какъ это видно,—и будетъ приведено въ своемъ мѣстѣ,—изъ данныхъ о числѣ хозяйствъ съ наемными рабочими и данныхъ объ арендѣ надѣльной и внѣнадѣльной земли.

ТАВРИЧЕСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

Хозяйства съ посѣвомъ.	Крупный скотъ. Всего штукъ.	На 1 хозяйство.	Мелкій скотъ. Всего штукъ.	На 1 хозяйство.
Не сѣютъ	20,486	1,1	4,771	0,3
Засѣваютъ: до 5 дес. .	49,706	2,4	10,341	0,5
» » 10 » .	75,114	3,3	19,098	0,9
» » 25 » .	190,703	5,0	57,583	1,5
» » 50 » .	145,432	8,7	53,836	3,2
» болѣе 50 д. .	70,600	16,3	39,011	9.0
Итого . . .	552,041	4,6	184,640	1,5

Изъ таблички видна полнѣйшая зависимость между числомъ десятинъ посѣва и количествомъ скота. Противоположность по богатству скотомъ между несѣющими хозяйствами и засѣвающими до 5 дес. не такъ рѣзко обнаруживается, какъ, напр., хотя бы по Демянскому и Вятскому уѣздамъ. Но противоположность между несѣющими и засѣвающими болѣе 50 десят. здѣсь, въ сторонѣ южной, дальней, оказывается значительно рѣзче, чѣмъ между соотвѣтственными группами, напримѣръ, въ Трубчевскомъ и Елецкомъ уѣздахъ.—Здѣсь, подъ благодатнымъ южнымъ небомъ, хозяйства съ посѣвомъ болѣе 50 дес. только одного мелкаго скота имѣютъ больше, чѣмъ хозяйства съ посѣвомъ до 25 десят. всего скота, и мелкаго, и крупнаго.

Обзоръ распредѣленія мелкаго и крупнаго скота въ зависимости отъ размѣровъ надѣла показалъ, что богатство скотомъ возрастаетъ съ количествомъ земли, поступившей въ надѣлъ и что среди безнадѣльныхъ встрѣчаются дворы, владѣющіе и крупнымъ, и мелкимъ скотомъ. Онъ же показалъ дальше, что тамъ, гдѣ выдѣлены безнадѣльныя, состоятельность хозяйствъ съ наименьшимъ размѣромъ надѣловъ рѣзко отличается отъ таковой же хозяйствъ съ большими надѣлами: послѣдніе владѣютъ такимъ количествомъ одного мелкаго скота, выраженнымъ въ крупномъ, что оно равняется крупному скоту первыхъ, разумѣется, съ колебаніями въ ту или другую сторону, но что такая противоположность въ состоятельности крайнихъ группъ заполняется промежуточными группами хозяйствъ. За-

тѣмъ, обнаруживаются въ распредѣленіи скота по размѣрамъ надѣла особенности, вызываемыя новѣйшими напластованіями въ старой экономической формаціи. Въ земледѣльческой Россіи (если только можно говорить о *земледѣльческой* Россіи, такъ какъ дальше будетъ показано, что неземледѣльческіе, т. е. связанные съ продажею рабочей силы, промыслы играютъ большую роль въ экономической жизни крестьянства) различныя группы хозяйствъ получили въ даръ различное количество жизненныхъ средствъ и средствъ производства, такъ что противоположность между ними обнаруживается только тогда, когда мы станемъ сравнивать крайнія группы. Но въ промышленныхъ губерніяхъ и въ Новой Россіи замѣтны признаки нивеллированія крестьянскихъ хозяйствъ въ разныхъ направленіяхъ. Такъ въ Калязинскомъ уѣздѣ группа хозяйствъ съ надѣломъ до 5 дес. имѣетъ на хозяйство 2 штуки крупнаго скота, слѣдующая группа (до 10 дес.)—2,₅ штуки и группа хозяйствъ съ надѣломъ болѣе 10 дес.—2,₆ штукъ, но мелкаго скота на хозяйство приходится 0,₅ штукъ, какимъ бы надѣломъ хозяйство не обладало. Уже и теперь по общему количеству скота двѣ послѣднія, самыя богатыя группы, отличаются одна отъ другой только на 0,₁ штуку крупнаго скота, иначе говоря какой нибудь овцой или теленкомъ, если эту 0,₁₀ крупной штуки выразить въ мелкомъ скотѣ. Первая группа хозяйствъ (до 5 дес.) бѣднѣе 2-й группы хозяйствъ на 0,₅ штуки крупнаго скота, т. е. примѣрно на 5 овецъ или телятъ. Но, какъ мы видѣли, размѣры семьи въ Калязинскомъ уѣздѣ находятся въ обратномъ отношеніи къ количеству жизненныхъ средствъ; такъ что если мы сосчитаемъ, сколько въ каждой группѣ приходится на душу штукъ скота, то увидимъ, что на душу приходится: въ группѣ до 5 дес. 0,₄ штуки, въ группѣ до 10 дес.—0,₅ и въ группѣ болѣе 10 дес.—0,₆ штукъ скота, т. е. средняя душа изъ богатой группы владѣетъ, скажемъ, 2 овцами болѣе, чѣмъ душа изъ первой группы; т. е. въ Калязинскомъ уѣздѣ оказываются всѣ бѣдны, процессъ нивеллированія привелъ всѣхъ къ одному знаменателю. Это знаменательный фактъ въ виду того, что Калязинскій уѣздъ находится въ промышленной области. Въ земледѣльческой же Россіи противоположность души самой бѣдной и самой богатой выражается иначе. Сравненіе можно сдѣлать съ одною Тамбовскою губерніею, гдѣ не выдѣлены безземельные. Здѣсь такая же противоположность въ богатствѣ скотомъ, но существенная разность заключается въ размѣрахъ надѣла. Самая богатая душа въ Калязинскомъ уѣздѣ встрѣчается среди группы хозяйствъ съ надѣломъ болѣе 10 дес. или, для сравненія размѣровъ съ Тамбовскою губ., до 15 дес., тогда какъ самая богатая скотомъ душа въ Тамбовской губ., встрѣчается съ надѣломъ до 25 дес. Въ Новой Россіи, т. е. Таврической губ., процессъ нивеллированія

стремится разбить крестьянство только на бѣдныхъ и богатыхъ земледѣльцевъ—арендаторовъ. Такъ какъ дѣло уже свелось къ количеству скота, приходящемуся на душу, то я прямо съ этого и начну. На душу несѣющаго хозяйства приходится $0,_3$ штуки скота, засѣвающаго до 5 дес.— $0,_6$ штукъ, до 10 дес.—$0,_8$ штукъ, до 25 дес.—$1,_0$ штука, до 50 дес.— $1,_5$ штуки и на душу хозяйства, засѣвающаго болѣе 50 дес.—$2,_6$ штукъ скота, крупнаго и мелкаго. Въ то время, какъ по Калязинскому у. противоположность хозяйства выражается $0,_2$ штуки скота, противоположность хозяйствъ Таврической губ., даже оставивъ въ сторонѣ несѣющихъ, выражается 2 штуками скота на каждую душу, или въ десять разъ больше. Если мы теперь сравнимъ такую богатую душу изъ Таврической губерніи съ самой богатой душой изъ Калязинскаго уѣзда, то увидимъ, что первая богаче второй въ $4,_3$ разъ; т. е. въ Калязинскомъ у. формируется контингентъ для капиталистическаго производства, и теперь здѣсь поголовно все населеніе занято промыслами, а въ Таврической губерніи — капиталистическое земледѣліе, — и теперь здѣсь находятся крестьянскія хозяйства, занимающіяся земледѣліемъ при такихъ условіяхъ, которыя характеризуютъ фермерское хозяйство въ англійскомъ смыслѣ.

Существованіе безлошадныхъ и безхозяйственныхъ дворовъ—своего рода вещественное доказательство невещественныхъ отношеній въ обществѣ, основанномъ на земледѣліи. Чтобы судить о степени такого вещественнаго доказательства, разумѣется, нужны данныя за два періода времени. Данныя, относящіяся ко времени, которое отдѣляетъ одну историко-экономическую формацію отъ другой, были бы крайне драгоцѣнны. Такъ, если бы были данныя, предшествующія 1861 г., то сравненіе съ ними земскихъ данныхъ показало бы ходъ «первоначальнаго» накопленія. Но, къ сожалѣнію, сколько мнѣ извѣстно, такихъ полныхъ, обработанныхъ и сравнимыхъ данныхъ нѣтъ. Въ матеріалахъ, изданныхъ г. Скребицкимъ, находятся указанія на количество десятинъ, приходящееся на ревизскую душу крестьянъ того или другого уѣзда; но этихъ указаній слишкомъ недостаточно, да къ тому же о количествѣ земли у помѣщичьихъ крестьянъ до и послѣ 1861 г. можно прямо узнать въ трудѣ г. Семевскаго: «Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II»; по однихъ такихъ свѣдѣній мало, чтобы судить, напримѣръ, о безлошадности и безхозяйственности крестьянства тогда и теперь. Въ 1858—59 годахъ были составлены кадастровыя описанія общинъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Но воспользоваться этимъ источникомъ для выводовъ нельзя, во-первыхъ, потому, что данныя относятся къ той части крестьянскаго населенія, которая и при крѣпостномъ правѣ, и послѣ, находилась въ луч-

шихъ экономическихъ условіяхъ, чѣмъ остальное крестьянство, и, поэтому сравненіе положенія государственныхъ крестьянъ того времени съ настоящимъ не будетъ служить выраженіемъ общей экономической эволюціи,—положеніе бывшихъ государственныхъ крестьянъ сравнялось съ положеніемъ остальной массы развѣ только съ преобразованіемъ оброчной подати въ выкупные платежи съ 1 января 1887 г.,—и во-вторыхъ, потому, какъ я сужу по конской переписи 1882 года, что данныя представляются несравнимыми. Дѣлать частичное сравненіе съ Румянцевскою описью и утѣшаться «экономическимъ прогрессомъ черезъ 150 лѣтъ», не представляется важнымъ. Въ виду этого приходится дѣлать предположеніе, что «Положеніе» надѣлило производителей орудіями труда, какъ полагаетъ г. Николай—онъ [1]). Въ послѣдующее послѣ «освобожденія» время массовыя данныя даетъ конская перепись, произведенная въ 1882 году; но она, какъ будетъ показано, не даетъ возможности для массовыхъ сравненій, хотя и доставляетъ абсолютный опорный пунктъ, исходя изъ котораго можно составить представленіе о фактическомъ ходѣ и скорости «первоначальнаго» накопленія,—процесса, который создаютъ капиталистическія отношенія, который ничѣмъ другимъ быть не можетъ, какъ процессомъ отдѣленія работника отъ собственности на условія его труда—процесса, который, съ одной стороны, превращаетъ въ капиталъ жизненныя средства и средства производства, а съ другой стороны, непосредственнаго производителя въ наемнаго работника [2]).

По конской переписи въ 45 губерніяхъ Европейской Россіи было въ 1882 году 9.079,924 двора въ сельскихъ обществахъ, и въ томъ числѣ безлошадныхъ 2.437,555 [3]), что составляетъ $26,_8$%. При этомъ нужно имѣть въ виду, что «подъ рубрикой сельскихъ обществъ показаны лошади, принадлежащія собственно крестьянамъ, а равно и лицамъ, проживавшимъ на земляхъ сельскихъ обществъ» [4]), тогда какъ по земско-статистическимъ даннымъ мы имѣемъ дѣло только съ наличнымъ, крестьянскимъ населеніемъ, т. е. и изъ крестьянскихъ хозяйствъ не всѣ были объектомъ изслѣдованія—отсутствующее крестьянство и посторонніе общинѣ хотя и регистрировались, но въ общій учетъ крестьянскаго хозяйства не входятъ. Несоизмѣримость данныхъ конской переписи съ земско-статистическими данными можно показать фактически, такъ сказать. При этомъ я не буду касаться крестьянскихъ хозяйствъ тѣхъ

---

[1]) Ник.—онъ. «Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства». СПБ., 1893, стр. 67 и 71.

[2]) Das Kapital von K. Marx, стр. 738.

[3]) Конская перепись 1882 года. Спб., 1884, таблица, стр. 83.

[4]) Тамъ же, предисловіе, стр. V.

уѣздовъ южнаго трехпольнаго чернозема, о которыхъ говорилось въ другой, отдѣльной статьѣ, какъ и тѣхъ уѣздовъ, о коихъ приводятся свѣдѣнія въ этой статьѣ, но въ которыхъ рабочею силою служатъ волы; я возьму для сравненія только тѣ уѣзды, въ которыхъ рабочею силою служитъ лошадь, и два—три такихъ уѣзда, какъ Трубчевскій, Ставропольскій и Бугульминскій, гдѣ во всѣхъ трехъ 422 вола. Такъ въ Шацкомъ, Спасскомъ, Темниковскомъ, Елатомскомъ, Скопинскомъ, Раненбургскомъ, Данковскомъ, Гдовскомъ, Шлиссельбургскомъ, Петербургскомъ, Ямбургскомъ, Петергофскомъ и Лужскомъ уѣздахъ конская перепись производилась въ томъ же 1882 г., какъ и земско-статистическое изслѣдованіе. По конской переписи въ названныхъ уѣздахъ зарегистрировано 190,637; дворовъ въ сельскихъ обществахъ и въ томъ числѣ 47,048 безлошадныхъ, тогда какъ по земско-статистическому изслѣдованію въ нихъ оказалось 204,480 наличныхъ дворовъ и въ томъ числѣ безлошадныхъ 62,357; процентъ безлошадныхъ дворовъ въ первомъ случаѣ $24{,}_{7}$, а во-второмъ $30{,}_{5}$. Если мы возьмемъ Московскій, Козловскій и Моршанскій у., въ которыхъ земское изслѣдованіе производилось въ 1881 г., непосредственно предшествующемъ году конской переписи, то увидимъ, что земскія данныя говорятъ о существованіи 112,470 наличныхъ дворовъ съ 32,884 безлошадныхъ хозяйствъ, тогда какъ въ слѣдующемъ году, въ 1882, конскою переписью въ этихъ же уѣздахъ зарегистрировано 104,102 хозяйства съ 25,328 безлошадныхъ хозяйствъ, т. е. здѣсь, повидимому, произошло уменьшеніе всего числа хозяйствъ. Поразительный примѣръ уменьшенія числа крестьянскихъ хозяйствъ представляетъ Подольскій у., Московской губ. По земскому изслѣдованію здѣсь было въ 1877 г. или 1878 г. 14,499 хозяйствъ съ 6,024 безлошадныхъ; по конской же переписи въ 1882 г. 12,677 дворовъ въ сельскихъ обществахъ съ 4,015 безлошадныхъ хозяйствъ. Если допустить одинаковость пріемовъ регистраціи, то придется признать, что число безлошадныхъ значительно уменьшилось,—признакъ, повидимому, улучшившагося положенія, но въ то же время уменьшилось и общее число хозяйствъ,—признакъ, уже отрицательный, что можетъ быть объяснено превращеніемъ крестьянина, по меньшей мѣрѣ, въ безхозяйственнаго.

Если взять за исходную точку числа хозяйствъ по конской переписи и сравнить съ числомъ хозяйствъ по земскому изслѣдованію за послѣдующее время, то получимъ слѣдующее. Въ 1883 г. общее число хозяйствъ въ 5 уѣздахъ [1]) съ 109,241 увеличилось до 120,029, или на $6{,}_{9}\%$. Въ 1884 г. въ 9 уѣздахъ [2]) съ 247,376 хозяйствъ увеличилось

[1]) Усманскій, Липецкій, Лебедянскій, Ставропольскій и Ржевскій.

[2]) Свіяжскій, Казанскій, Тамбовскій, Кирсановскій, Зарайскій, Вяземскій, Новоторжскій, Малмыжскій и Уржумскій.

до 269,744, или на 9%. Въ 1885 г. въ 8 уѣздахъ [1]) съ 183,301 хозяйства увеличились до 206,857, или на 12,9%. Въ 1886 г. въ 9 уѣздахъ [2]) число хозяйствъ увеличилось съ 194,926 до 210,293, или на 7,9%. Въ 1887 г. въ 6 уѣздахъ [3]) съ 113,287 хозяйствъ увеличилось до 128,617, или на 13,5%. Въ 1888 г. въ 4 уѣздахъ [4]) число хозяйствъ увеличилось съ 77,827 до 87,135 хозяйствъ, или на 12%. Если взять соотвѣтственно среднее погодное увеличеніе, то получимъ слѣдующій рядъ: въ 1883 г.—9,9%, въ 1884 г.—4,5%, въ 1885 г.—4,3%, въ 1886 г.—2%, въ 1887 г.—2,7% и въ 1888 г.—2%. Этотъ рядъ показываетъ, что, за исключеніемъ 1887 г., % увеличенія общаго числа хозяйствъ постепенно уменьшается, если мы за исходную точку возьмемъ данныя конской переписи. Если же мы остановимся на однихъ безлошадныхъ дворахъ, то получимъ слѣдующій рядъ, который указываетъ на средній ежегодный приростъ безлошадныхъ дворовъ: въ 1883 г.—5,40, въ 1884 г.—2,55, въ 1887 г.—2,07, въ 1886 г.—1,48, въ 1888 г.—1,30 и въ 1889 г.—1,07. Такимъ образомъ, сравненіе данныхъ конской переписи съ соотвѣтствующими данными земскаго изслѣдованія показало, что эти данныя несоизмѣримы, такъ какъ въ одинъ и тотъ же годъ изслѣдованія (1882) они рознятъ довольно значительно; въ годъ, предшествующій непосредственно конской переписи земскія данныя показываютъ большее число хозяйствъ, и въ года, послѣдующіе за конскою переписью, также показываютъ большее число хозяйствъ. Первые два обстоятельства могутъ быть объяснены различіемъ методовъ изслѣдованія, а въ третье обстоятельство входитъ и различіе методовъ изслѣдованія и естественное увеличеніе числа хозяйствъ, регулированное только закономъ 18 марта 1886 г. и относящееся собственно къ сельскимъ обществамъ, въ которыхъ существуетъ обширное пользованіе мірскою полевою землею. Но, какъ бы то ни было, и конская перепись указываетъ на существованіе болѣе, чѣмъ четверти (26,8%) хозяйствъ, не имѣющихъ лошадей,—это въ 45 губерніяхъ Европейской Россіи, за исключеніемъ 3 остзейскихъ и 10 привислянскихъ (въ послѣднихъ 36,7% хозяйствъ безлошадныхъ). Т. е. массовыя данныя конской переписи, относящіяся къ одному моменту (1882 г.) въ жизни русскаго общества, подтверждаютъ

---

[1]) Цивильскій, Тетюшскій, Мценскій, Егорьевскій, Бугульминскій, Гжатскій, Сычевскій и Орловскій.

[2]) Спасскій, Касимовскій, Елецкій, Трубчевскій, Юхновскій, Вышневолоцкій, Старицкій, Вятскій и Демянскій.

[3]) Мамадышскій, Царевококшайскій, Духовщинскій, Дорогобужскій, Княгининскій и Елабужскій.

[4]) Лаишевскій, Васильскій, Макарьевскій и Калязинскій.

массовыя данныя земской статистики, собранныя на протяженіи десятилѣтія.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію хозяйствъ безъ рабочаго скота и съ одной штукой, что показано въ слѣдующей табличкѣ:

	ХОЗЯЙСТВЪ.				
	Безъ рабочаго скота.		Съ 1 штукой рабочаго скота.		Тѣхъ и другихъ.
	Всего.	%	Всего.	%	
Полѣсье центральное	85,852	28,0	105,813 [1])	36,9	64,8
Полѣсье сѣверное	51,661	19,7	127,470	46,0	65,7
Сѣверный трехпольный черноземъ.	216,022	29,4	232,181 [2])	34,0	63,4
Сѣверный экстенсивный черноземъ	64,875	18,7	67,575	19,5	38,2
Южный экстенсивный черноземъ	78,501 [3])	25,5	19,586 [4])	9,5	35,0
Южный трехпольный черноз. .	230,086	25,1	231,569	25,3	50,4
Итого . . .	729,997	25,3	784,194	27,2	52,5

Изъ приведенной таблички видно, что четверть наличнаго крестьянскаго населенія, считая въ томъ числѣ и безземельныхъ, состоитъ изъ хозяйствъ, у которыхъ нѣтъ рабочаго скота для занятія земледѣліемъ; нѣсколько больше четверти хозяйствъ владѣетъ 1 штукой рабочаго скота, и, значитъ, нѣсколько менѣе половины крестьянскихъ хозяйствъ владѣетъ двумя и болѣе штукъ такового. Пополосное распредѣленіе дворовъ безъ рабочаго скота и съ 1 штукой представляется отличнымъ отъ этой средней. Если разсматривать полосы съ точки зрѣнія способа веденія хозяйства, то въ общемъ можно сказать, что тамъ, гдѣ ведется экстенсивное сельское хозяйство, существуетъ наименьшее число хозяйствъ безъ рабочаго скота и съ 1 штукой, и большая часть крестьянства — менѣе двухъ третей — владѣетъ двумя и болѣе штуками рабочаго скота. Южный трехпольный черноземъ представляетъ съ этой стороны средину: здѣсь крестьянство разбивается на двѣ почти равныя части; одна часть со-

[1]) Безъ Московскаго уѣзда.

[2]) Безъ Казанскаго и Свіяжскаго уѣзда. Среднія вычислены къ наличному числу хозяйствъ, безъ этихъ двухъ уѣздовъ. Также и по центральному полѣсью, см. прим. 22.

[3]) По Херсонской губ. число дворовъ безъ рабочаго скота принято равнымъ числу хозяйствъ, обрабатывающихъ землю наймомъ, и числу безземельныхъ.

[4]) Безъ Херсонской губ. При вычисленіи % отношеній это принято въ разсчетъ.

стоитъ изъ хозяйствъ безъ рабочаго скота и съ 1 штукой, а другая — изъ хозяйствъ съ 2 и болѣе штукъ рабочаго скота. Сѣверный трехпольный черноземъ и оба полѣсья составляютъ противоположность экстенсивнымъ черноземамъ: здѣсь большинство—около $^2/_3$—состоитъ изъ дворовъ безъ рабочаго скота и съ 1 штукой, тогда какъ меньшинство (нѣсколько больше трети) владѣетъ 2 и болѣе штуками рабочаго скота. Т. е. русское крестьянство, разсматриваемое съ точки зрѣнія богатства рабочимъ скотомъ по такимъ крупнымъ районамъ, какъ полосы, не представляетъ однороднаго цѣлаго, а находится на различныхъ ступеняхъ благосостоянія: но это различіе сглаживается постепенными переходами отъ одной ступени къ другой, хотя, разумѣется, нельзя здѣсь упускать изъ вида тотъ основной фактъ, что четверть населенія не имѣетъ рабочаго скота, и поэтому не въ состояніи самостоятельно заниматься земледѣліемъ и, слѣдовательно, ни съ какой стороны не можетъ считаться «экономически независимой».

Отъ этихъ общихъ соображеній обратимся къ разсмотрѣнію зависимости между безлошадностью и размѣромъ надѣльной земли.

Для центральнаго полѣсья означенная зависимость можетъ быть показана по тремъ уѣздамъ въ слѣдующей табличкѣ:

Размѣръ надѣла на хозяйство.	Число безлошадныхъ хозяйствъ. Московскій у. Всего	%	Калязинскій у. Всего.	%	Васильскій у. Всего.	%
До 5 десятинъ . . .	2,088	42,5	289	39,7	1,484	47,3
» 10 » . . .	2,667	19,3	4,717	27,3	5,112	31,1
Болѣе 10 десятинъ. .	113	19,3	585	26,0	146	11,0
Итого. .	4,868	25,2	5,591	28,1	6,742	32,3

По среднему % безлошадныхъ хозяйствъ одинъ Калязинскій уѣздъ является, если хотите, представителемъ центральнаго полѣсья; Московскій уѣздъ представляетъ отклоненіе отъ средней въ одну сторону, а Васильскій у. въ другую. При наименьшемъ размѣрѣ надѣла (до 5 дес. на хозяйство) % безлошадности приближается къ половинѣ хозяйствъ этой группы, и съ увеличеніемъ размѣра надѣла понижается правильно, по Московскому же у. хотя и существуетъ обратная зависимость между размѣромъ надѣла и числомъ безлошадныхъ, но въ немъ теряется постепенность въ переходахъ; причины, производящія безлошадность, здѣсь стремятся расколоть крестьянство на двѣ части: одна группа хозяйства съ значительнымъ числомъ безлошадныхъ хозяйствъ, а другая — съ относительно незначительнымъ.

Въ Демянскомъ у., представителѣ сѣвернаго полѣсья, средній % безлошадныхъ хозяйствъ нѣсколько ниже средняго по полѣсью, и зависи-

мость числа безлошадныхъ хозяйствъ отъ размѣровъ надѣла еще рѣзче оттѣняется, чѣмъ по центральному полѣсью, какъ это показано въ слѣдующей табличкѣ:

Размѣръ надѣла на хозяйство.	Демянскій уѣздъ. Число безлошадн. хоз. Всего.	%
Безнадѣльныхъ	1,683	86,1
До 5 десятинъ	27	23,1
» 10 »	378	15,1
» 15 » . . .	151	4,1
» 25 » . . .	38	1,1
» 50 » . . .	6	0,5
Болѣе 50 десятинъ . .	—	—
Итого. . . .	2,283	17,3

Наибольшій % безлошадныхъ хозяйствъ даютъ безнадѣльныя. Надѣльныя Демянскаго у. представляютъ ту особенность, что они разбиваются на большое число земельныхъ группъ, которое смягчаетъ различіе между, напр., безнадѣльными и хозяйствами съ болѣе 50 дес.: у безнадѣльныхъ 86,1% хозяйствъ являются безъ рабочаго скота, тогда какъ среди послѣдней группы совсѣмъ нѣтъ безлошадныхъ. Группа хозяйствъ съ размѣромъ надѣла до 5 дес. уже даетъ около четверти безлошадныхъ, и затѣмъ, по мѣрѣ увеличенія размѣра надѣла, число безлошадныхъ все уменьшается, пока, наконецъ, не исчезаетъ совсѣмъ при размѣрѣ надѣла болѣе 50 дес.

Для сѣвернаго трехпольнаго черноземa зависимость между размѣромъ надѣла и безлошадностью, — слово, которое я буду употреблять вмѣсто *хозяйства безъ рабочаго скота*, — представлена въ этой табличкѣ по Тамбовской губерніи, Елецкому и Трубчевскому и по Рязанскому у.

Размѣръ надѣла на хозяйство.	Число безлошадныхъ хозяйствъ. Тамбовской губ. Всего.	%	Елецкій и Трубчевскій уѣзды. Всего.	%	Рязанскій у. Всего.	%
Безнадѣльн. . . .	—	—	1,439	82,1	26 [1])	76,5
До 5 десят. . . .	11,487	35,0	6,774	43,3	2,073	45,0
» 10 » . . .	30,772	22,4	3,534	17,5	6,761	36,1
» 15 » . . .	23,076	21,0	626	7,8	—	—
» 20 » . . .	6,664	18,6	123	4,4	248	36,2
» 25 » . . .	120	22,5	—	—	—	—
30 » . .	—	—	29	2,1	—	—
Болѣе 30 десят. .	—	—	2	1,0	—	—
Итого . . .	72,119	22,8	12,527	25,2	9,108	38,0

Процентъ безлошадныхъ по Тамбовской губ. и Елецкому и Трубчевскому у. меньше средняго по этой полосѣ, а по Рязанскому у. онъ выше

[1]) Эти безнадѣльныя составляютъ отдѣльную общину.

средняго. Безнадѣльныя, какъ видно изъ таблички, по Елецкому, Трубчевскому и Рязанскому у. даютъ наибольшій % безлошадныхъ. При размѣрѣ надѣла до 5 дес. % безлошадности отъ больше чѣмъ трети по Тамбовской губ. достигаетъ почти до половины въ Рязанскомъ у. Съ увеличеніемъ размѣра надѣла онъ вообще понижается, хотя и не въ одинаковой степени. По Тамбовской губ. наблюдается постепенность пониженія безлошадности. При размѣрѣ надѣла до 20 дес. въ этой земельной группѣ почти въ два раза меньше безлошадныхъ хозяйствъ; тогда какъ по Елецкому и Трубчевскому у. здѣсь чуть не въ десять разъ меньше безлошадныхъ. Въ послѣднихъ двухъ уѣздахъ зависимость между безлошадностью и размѣромъ надѣла правильно проявляется и рѣзко обнаруживается, тогда какъ по Тамбовской губерніи и Рязанскому уѣзду правильную зависимость нарушаютъ какіе-то во всякомъ случаѣ не земельные факторы. И по губерніи, и по уѣзду, группы хозяйствъ наиболѣе обезпеченныя землею даютъ % безлошадныхъ нѣсколько большій, чѣмъ предшествующая группа хозяйствъ. По Елецкому и Трубчевскому у. рѣзкое обнаруженіе зависимости между размѣромъ надѣла и безлошадностью выражается слѣдующими цифрами. Если примемъ размѣръ надѣла до 5 дес. за единицу и соотвѣтствующій ему % безлошадности также за единицу, то получимъ, что при увеличеніи средствъ существованія и производства вдвое (до 10 дес.), число безлошадныхъ уменьшается въ два съ половиною раза; при увеличеніи средствъ существованія въ три раза (до 15 дес.), число безлошадныхъ уменьшается въ пять и шесть десятыхъ разъ и, наконецъ, при увеличеніи жизненныхъ средствъ въ четыре раза (до 20 дес.), число безлошадныхъ уменьшается почти въ десять разъ (9,9). Между тѣмъ, по Тамбовской губ. и Рязанскому у. % безлошадности при увеличеніи жизненныхъ средствъ не только не идетъ впередъ, но даже отстаетъ, какъ это можно провѣрить, взглянувъ на табличку. Аналогичный фактъ съ отмѣченнымъ по Елецкому и Трубчевскому у. встрѣчается по Московскому и Демянскому у.

Для сѣвернаго экстенсивнаго чернозема иллюстраціей будутъ служить Бузулукскій, Ставропольскій и Самарскій уѣзды:

Размѣръ надѣла на хозяйство.	Число безлошадныхъ хозяйствъ у надѣльныхъ.	
	Всего.	%
До 5 десятинъ.	1,311	14,5
» 10 » . . .	1,946	17,2
» 15 »	4,507	14,9
» 20 »	4,360	13,3
Болѣе 20 десятинъ . . .	4,421	10,4
Итого. . . .	16,545	13,1

Безнадѣльныя не показаны въ этой табличкѣ, и % безлошадныхъ хозяйствъ по названнымъ тремъ уѣздамъ Самарской губ. нѣсколько ниже такового же по всѣмъ 6 уѣздамъ этой губ., такъ какъ она служитъ представительницей сѣвернаго экстенсивнаго чернозема. Правильная, обратная зависимость между размѣромъ надѣла и числомъ безлошадныхъ здѣсь нарушается какими-то другими, возмущающими факторами въ двухъ низшихъ по размѣру надѣла группахъ хозяйствъ. Детальный анализъ можетъ быть и покажетъ, въ чемъ тутъ дѣло. Начиная же съ хозяйствъ съ размѣромъ надѣла до 15 дес. замѣчается правильная зависимость между размѣромъ жизненныхъ средствъ и числомъ безлошадныхъ: съ увеличеніемъ первыхъ уменьшается число безлошадныхъ.

Таврическая губ. находится на южномъ экстенсивномъ черноземѣ; о ней соотвѣтствующія данныя приведены здѣсь:

Хозяйства.	Число безлошадн. хозяйствъ. Всего.	%
Не сѣющія	12,640	67,5
Засѣвающія до 5 дес. .	6,710	32,7
» » 19 » .	2,576	11,3
» » 25 » .	740	2,0
» » 50 » .	109	0,7
» болѣе 50 дес.	49	1,1
Итого. . . .	22,824	18,9

Средній % безлошадности по Таврической губ. отличается отъ средняго по южному экстенсивному черноземy (25,5). Несѣющія хозяйства даютъ наибольшій % безлошадныхъ дворовъ, но этотъ процентъ относительно ниже, чѣмъ въ тѣхъ, ранѣе приведенныхъ уѣздахъ, гдѣ безнадѣльныя выдѣлены въ особую группу. Изъ хозяйствъ засѣвающихъ тѣ, которыя имѣютъ наименьшій размѣръ посѣва—до 5 дес., даютъ и наибольшій процентъ безлошадныхъ, сравнительно онъ очень высокъ. Затѣмъ, по мѣрѣ увеличенія размѣра посѣва, уменьшается правильно въ то же время % безлошадныхъ; только самая высшая по размѣрамъ посѣва группа хозяйствъ даетъ % безлошадныхъ нѣсколько большій, чѣмъ предшествующая группа, и этимъ нарушаетъ правильную зависимость между увеличеніемъ размѣра жизненныхъ средствъ и уменьшеніемъ числа безлошадныхъ хозяйствъ. Въ общихъ чертахъ по Таврической губ. замѣчается то же явленіе, о которомъ я говорилъ по поводу такъ сказать ускореннаго уменьшенія числа безлошадныхъ съ увеличеніемъ средствъ существованія и производства.

И такъ, что же дало намъ разсмотрѣніе безлошадности въ зависи-

мости отъ размѣровъ надѣла? Оно прежде всего показываетъ вѣрность моего замѣчанія о необходимости прежде всего исторической группировки хозяйствъ по размѣрамъ надѣла, а затѣмъ уже и фактической. По Московскому, Калязинскому, Васильскому, Рязанскому уѣздамъ и по Тамбовской губерніи дана историческая группировка, а по Таврической губ. фактическая, по Демянскому уѣзду «по количеству надѣльной земли», причемъ выдѣлены безнадѣльныя, по Елецкому и Трубчевскому тоже, по Самарской губерніи историческая группировка, но совсѣмъ отсутствуютъ безнадѣльныя, такъ что сравненіе дѣлается затруднительнымъ. Но и за всѣмъ этимъ, если мы, откинувъ безнадѣльныхъ, возьмемъ хозяйства съ размѣромъ надѣла до 5 дес., то увидимъ, что среди нихъ только въ 3 уѣздахъ Самарской изъ 100 крестьянскихъ хозяйствъ $14,_5$ безъ рабочаго скота. Дальше, на 100 крестьянскихъ хозяйствъ приходится хозяйствъ безъ рабочаго скота: въ Демянскомъ уѣздѣ $23,_1$, въ Саратовской губерніи $29,_7$ ($\frac{27,_{11}+32,_{18}}{2}$), среди имѣющихъ надѣльной пашни до 5 дес.; въ Таврической губ.—$32,_7$ (засѣвающія до 5 дес.), въ Тамбовской губерніи—35, въ Воронежской губерніи и въ Калязинскомъ у. по $39,_7$, въ Московскомъ у.—$42,_5$, въ Елецкомъ и Трубчевскомъ—$43,_3$, въ Рязанскомъ у.—$45,_8$ и въ Васильскомъ у.—$47,_3$. Т. е., тотъ историческій процессъ отдѣленія работника отъ собственности на условія его труда, который съ одной стороны превращаетъ въ капиталъ жизненныя средства и средства производства, а съ другой стороны непосредственнаго производителя въ наемнаго работника; этотъ процессъ «первоначальнаго» накопленія, безъ котораго не мыслимъ капиталистическій способъ производства, этотъ процессъ, говорю я, среди хозяйствъ съ надѣломъ до 5 дес. произвелъ сильное опустошеніе: начинаясь скромными $14,_5$ (въ Самарской губ.), въ Васильскомъ у. онъ привелъ къ тому, что около $^1/_2$ хозяйствъ съ надѣломъ до 5 дес. не имѣютъ рабочаго скота, какъ средства непосредственнаго производства, и этимъ самымъ превращены въ наемныхъ работниковъ.

Здѣсь умѣстно коснуться вліянія раздѣловъ на упадокъ крестьянскаго хозяйства, на увеличеніе безлошадныхъ дворовъ. Въ статьѣ «Упадокъ крестьянскихъ хозяйствъ при общинномъ землевладѣніи» г. П. С—кій говоритъ: «по имѣющимся свѣдѣніямъ нельзя опредѣлить цифру домохозяйствъ, упавшихъ вслѣдствіе раздѣловъ; но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что гораздо болѣе половины безлошадныхъ дворовъ слѣдуетъ (!) отнести на счетъ прямого или косвеннаго вліянія раздѣловъ» [1]).

[1]) «Сѣверный Вѣстникъ», 1886, № 3. «Упадокъ крестьянскихъ хозяйствъ при общинномъ землевладѣніи», стр. 41.

Для того, чтобы не ошибиться, говоря, что «гораздо болѣе половины безлошадныхъ дворовъ слѣдуетъ отнести на счетъ прямого или косвеннаго вліянія раздѣловъ», нужно знать количество скота, приходящееся на душу обоего пола, что и представлено въ слѣдующей табличкѣ.

Количество скота на душу обоего пола:

Размѣры надѣла и посѣва на хозяйство.	Количество скота на душу обоего пола.					
	Калязинскій уѣздъ.	Демянскій уѣздъ.	Елабужскій уѣздъ.	Тамбовская губ.	Елецкій и Трубчевск. у.	Таврическая губ.
Безнадѣльныя.	—	0,3	0,2	—	0,2	0,3
До 5 десят.	0,4	0,8	0,4	0,4	0,4	0,6
» 10 »	0,5	0,7	0,5	0,5	0,5	0,8
» 15 »	0,6	0,8	0,6	0,5	0,5	—
» 20 »	—	—	—	0,5	0,5	—
» 25 »	—	0,9	0,6	0,6	—	1,0
» 30 »	—	—	—	—	0,6	—
» 40 »	—	—	—	—	0,7	—
» 50 »	—	1,0	0,7	—	—	1,5
Болѣе 50 десят.	—	1,0	0,5	—	—	2,6

Приведенныя цифры показываютъ, что хозяйства безнадѣльныя, съ надѣломъ или засѣвающія до 5 дес., владѣютъ такимъ ничтожнымъ количествомъ скота на душу обоего пола, что раздѣлы не могутъ увеличить у нихъ числа безлошадныхъ дворовъ. Приведеніе данныхъ о всемъ скотѣ и на душу не измѣняетъ дѣла по существу, такъ какъ отношеніе скота одного разряда къ другому остается тѣмъ же самымъ. Затѣмъ, среди только что приведенной группы хозяйствъ существуетъ, какъ было показано по Тамбовской губ., и наименьшее стремленіе къ раздѣлу, что выражалось незначительнымъ уменьшеніемъ размѣра семьи и незначительнымъ увеличеніемъ числа хозяйствъ. Незначительный, наименьшій приростъ населенія среди этой же группы указываетъ, что и въ болѣе отдаленное отъ насъ время оно владѣло незначительнымъ количествомъ жизненныхъ средствъ и средствъ производства, а слѣдовательно, и рабочаго скота. Далѣе было показано, что наибольшее количество безлошадныхъ хозяйствъ существуетъ именно среди этой группы хозяйствъ, такъ что, если бы раздѣлы вліяли на увеличеніе числа безлошадныхъ, то у оставшихся было бы больше скота, чѣмъ у хозяйствъ всѣхъ другихъ группъ, среднихъ, у которыхъ и число хозяйствъ увеличилось гро-

мадно, прирость населенія больше такового же упомянутой группы и размѣръ семьи уменьшился значительно. Группа хозяйствъ съ наивысшимъ размѣромъ надѣла имѣетъ и наибольшее число штукъ скота на душу, т. е. среди нея раздѣлъ можетъ повліять на увеличеніе числа безлошадныхъ дворовъ, но, по аналогіи съ Тамбовскою губерніею, здѣсь существуетъ также наименьшее стремленіе къ раздѣлу, что выражается незначительнымъ уменьшеніемъ размѣра семьи и относительно незначительнымъ увеличеніемъ числа хозяйствъ, несмотря на громадный приростъ населенія. Остаются промежуточныя группы. У нихъ стремленіе къ раздѣлу громадное; число хозяйствъ чуть не удвоилось, размѣръ семьи уменьшился больше, чѣмъ среди другихъ сосѣднихъ группъ, и притомъ приростъ населенія средній,—больше, чѣмъ у низшей земельной группы, но меньше, чѣмъ у самой богатой. Но странно, что не смотря на сильное стремленіе къ раздѣламъ у этой промежуточной группы скота на душу приходится больше, чѣмъ у безземельныхъ, а число безлошадныхъ меньше. Поэтому, причемъ же здѣсь раздѣлы? Вмѣсто того, чтобы обвинять раздѣлы въ увеличеніи числа безлошадныхъ, не проще ли задать себѣ вопросъ: почему и какъ у *дѣлящейся* семьи при двухъ работникахъ одна лошадь, а не двѣ?

III. Способъ обработки надѣла и соотношеніе между нимъ и размѣромъ надѣла.

Число хозяйствъ безъ рабочаго скота показываетъ, какая часть крестьянскаго населенія не можетъ заниматься «самостоятельно» земледѣліемъ, вслѣдствіе отсутствія средствъ производства. Но, такъ какъ часть крестьянства занимается земледѣліемъ, нанимая для этого чужой рабочій скотъ и такъ какъ, съ другой стороны, владѣніе одной штукой рабочаго скота не говоритъ еще, при наличныхъ сельскохозяйственныхъ техническихъ условіяхъ, о возможности самостоятельнаго занятія земледѣліемъ, то разсмотримъ, какъ овеществляется въ способѣ обработки надѣла «самостоятельность крестьянскаго хозяйства», его «самое драгоцѣнное благо—экономическая независимость»...

Въ нижеприводимой таблицѣ, показано въ % число безлошадныхъ хозяйствъ по каждой полосѣ, абсолютныя и относительныя числа хозяйствъ,

которымъ нечего обрабатывать, хозяйствъ вовсе не обрабатывающихъ надѣлъ, хозяйствъ вовсе не обрабатывающихъ надѣлъ и сдающихъ въ аренду, хозяйствъ сдающихъ въ аренду часть и весь надѣлъ, хозяйствъ обрабатывающихъ часть и весь надѣлъ наемнымъ инвентаремъ, хозяйствъ обрабатывающихъ надѣлъ смѣшаннымъ способомъ [1]), хозяйствъ обрабатывающихъ надѣлъ супрягою и хозяйствъ обрабатывающихъ часть и весь надѣлъ собственнымъ инвентаремъ.

Подъ хозяйствами, которымъ нечего обрабатывать, разумѣются тѣ крестьянскіе хозяйства, которыя не получили надѣла послѣ исчезновенія крѣпостнаго права, или являются продуктомъ новыхъ историческихъ условій общественной жизни, хотя бы такія хозяйства и владѣли землею, которую они купили на правѣ частной собственности. Такихъ хозяйствъ и вообще то немного, а тѣмъ болѣе въ этой группѣ крестьянскаго населенія, какъ это будетъ показано въ своемъ мѣстѣ, а съ другой стороны, покупка земли въ частную или даже общинную собственность имѣетъ уже производное значеніе, второстепенное, такъ какъ въ большихъ размѣрахъ она и не могла быть произведена,—это противорѣчило-бы сущности «освобожденія», которому подвергается крестьянство при переходѣ общества изъ крѣпостной фазы историческаго развитія въ капиталистическую. Въ частности, покупка земли можетъ имѣть значеніе, какъ это существуетъ въ Таврической губ., но здѣсь она получаетъ самый обыкновенный видъ покупки земли для веденія фермерскаго хозяйства. Къ сожалѣнію, такое выдѣленіе безнадѣльныхъ не могло быть строго проведено по свойству матеріала, коимъ мнѣ пришлось пользоваться, а другого матеріала и нѣтъ, такъ что число безнадѣльныхъ во всякомъ случаѣ больше того, которое показано ниже. Такъ, между прочимъ, по Таврической губерніи число безнадѣльныхъ равняется 25,128, тогда какъ въ таблицу распредѣленія хозяйствъ по способу обработки вышло только 19,180 хозяйствъ. Пришлось поступиться безнадѣльными ради того, чтобы въ цѣлости и полнотѣ показать распредѣленіе крестьянскихъ хозяйствъ по способу обработки надѣла.

Къ ниже приводимой таблицѣ нужно сдѣлать нѣкоторыя примѣчанія, которыя слѣдуетъ имѣть въ виду при разсматриваніи ея подробностей. Въ числѣ 115,116 хозяйствъ *сѣвернаго трехпольнаго чернозема*, обрабатывающихъ весь надѣлъ наемнымъ инвентаремъ, значится по Казанской губерніи 15,658 дворовъ, не ведущихъ хозяйства; по Елецкому у. Орловской губ., а также Рязанскому и Спасскому у., Рязанской губ., въ это же число

[1]) Сюда вошли всѣ тѣ хозяйства, которыя обрабатываютъ надѣлъ какими-либо двумя или тремя изъ существующихъ способовъ обработки надѣла.

	Всего крестьянских хозяйствъ.	% безъ рабочаго скота.	Нечего обрабатывать (безнадѣльные).	Вовсе не обрабатываютъ.	Вовсе не обрабатываютъ и сдаютъ въ аренду.	Сдаютъ въ аренду.		Наемнымъ инвентаремъ.		Смѣшаннымъ способомъ.	Супрягою.	Своимъ инвентаремъ.		Пѣтъ свѣдѣній.
						Часть надѣла.	Весь надѣлъ.	Часть надѣла.	Весь надѣлъ.			Часть надѣла.	Весь надѣлъ.	
Полѣсье центральное.	306,278	—	38,877	3,248	30,728	3,330	6,327	—	12,911	—		—	201,857	—
въ % . . .	—	28,10	12,7	1,10	13,10	1,1	2,1	—	4,2	—	—	—	65,9	—
Полѣсье сѣверное . .	276,895	—	15,647	5,712	2,108	1,227	4,488	—	27,027	7,992		—	212,694	—
въ % . .	—	19,7	5,1	2,1	0,7	0,4	1,6	—	9,8	2,9	—	—	76,8	—
Сѣверный трехпольный черноземъ. . .	734,777	—	32,019	3,960	17,774	8,064	37,018	4,349	115,116	—	—	7,806	508,671	—
въ % . . .	—	29,4	4,4	0,5	2,4	1,1	5,10	0,6	15,6	—	—	1,1	69,3	—
Сѣверный экстенсивный черноземъ . .	346,134	-	21,746	24,027	—	—	14,559	1,775	20,759	—	—	26,672	236,537	—
въ % . . .	—	18,7	6,3	6,9	—	—	4,2	0,5	6,10	—	—	7,7	68,4	—
Южный экстенсивный черноземъ . .	307,521	—	38,470	5,375	—	—	9,009	—	46,994	3,579	124,313	--	79,781	—
въ % . .	—	25,5	12,8	1,7	—	—	2,9	—	15,3	2	40,4	—	25,9	—
Южный трехпольный черноземъ. . .	915,140	—	57,174	18,159	85,425	—	—	--	110,994	13,166	71,732	—	555,610	2,880
въ % . . .	—	25,1	6,3	2,10	9,3	—	—	—	12,1	1,5	7,8	—	60,7	0,7
ВСЕГО . . .	2.886,745	—	203,933	60,481	145,035	12,621	71,401	6,124	333,801	24,737	196,045	34,478	1.795,150	2,880
въ % . . .	100	25,8	7,10	2,1	5,10	0,4	2,5	0,2	11,6	0,9	6,8	1,2	62,2	0,1

входятъ и обрабатывающія часть надѣла наймомъ, и сдающія часть надѣла. Въ число 508,671 хозяйствъ того же *сѣвернаго трехпольнаго чернозема*, обрабатывающихъ своимъ скотомъ весь надѣлъ, входятъ по Рязанскому и Спасскому у. Ряз. губ., и обрабатывающія часть надѣла своимъ инвентаремъ. Въ число 39,728 хозяйствъ *центральнаго полѣсья*, вовсе необрабатывающихъ надѣла и сдающихъ его въ аренду, входятъ, какъ и во всю эту рубрику, и тѣ, которыя вовсе необрабатываютъ надѣла, и тѣ, которыя сдаютъ въ аренду весь надѣлъ, и тѣ, которыя часть надѣла сдаютъ, и часть запускаютъ. Въ число 85,425 хозяйствъ *южнаго трехпольнаго чернозема*, тоже вовсе необрабатывающихъ надѣла и сдающихъ его въ аренду, входятъ 28,405 хозяйствъ, неимѣющихъ пахатной земли. Далѣе *центральное полѣсье*. По Подольскому уѣзду, Московской губ., число хозяйствъ, обрабатывающихъ надѣлъ наймомъ и своимъ инвентаремъ, выведено по числу дворовъ, незанимающихся хлѣбопашествомъ, числу безнадѣльныхъ и числу безлошадныхъ, которые извѣстны. По Московскому у. число хозяйствъ, обрабатывающихъ надѣлъ своимъ инвентаремъ, выведено по числу безземельныхъ и безхозяйныхъ, которыя извѣстны. По Тверской губерніи число хозяйствъ, вовсе необрабатывающихъ надѣла и сдающихъ въ аренду, принято равнымъ числу безлошадныхъ хозяйствъ. По Нижегородской губ. число хозяйствъ, обрабатывающихъ надѣлъ наймомъ, выведено по числу безлошадныхъ, числу хозяйствъ, сдающихъ въ аренду надѣлъ, которыя извѣстны, и затѣмъ отсюда же выведено и число хозяйствъ, обрабатывающихъ надѣлъ своимъ инвентаремъ. *Сѣверный трехпольный чернозем*. По Свіяжскому и Казанскому уѣздамъ число обрабатывающихъ наймомъ и неведущихъ хозяйство выведено по числу безлошадныхъ, а по этому числу и числу безземельныхъ выведено и число самостоятельныхъ хозяйствъ; по остальнымъ уѣздамъ данныя брались изъ приложеній къ сборникамъ: «Число въ различныхъ общинахъ надѣльныхъ дворовъ—хозяйныхъ и безхозяйныхъ». По Тамбовской губерніи, въ сборникахъ, хозяйства по способу обработки надѣла раздѣлены на: обрабатывающихъ надѣлъ лично, сдающихъ весь надѣлъ и часть (въ аренду, въ наймы) и неимѣющихъ надѣла. Число всѣхъ послѣднихъ хозяйствъ меньше числа безлошадныхъ. Т. е. изъ числа обрабатывающихъ надѣлъ лично часть, согласно съ рубрикой, должна обрабатывать наймомъ надѣлъ. Поэтому, эту часть хозяйствъ я поставилъ въ обрабатывающія наемнымъ инвентаремъ. Въ краткомъ же сводѣ откуда-то появляются «необрабатывающія надѣлъ» (32,201), по числу подходящія къ тѣмъ, которыя у меня наймомъ обрабатываютъ надѣлъ (31,255). На *сѣверномъ экстенсивномъ черноземѣ*, Самарская губ., общее число хозяйствъ разнится на 59 отъ числа хозяйствъ, распредѣленныхъ по способу обработки надѣла; эта разность падаетъ на государственныхъ крестьянъ Новоузенскаго уѣзда.

Общее число безнадѣльныхъ хозяйствъ, которымъ нечего обрабатывать (203,933, или 7.0%) не составляетъ и десяти процентовъ крестьянскаго населенія. Пополосное распредѣленіе показываетъ, что такихъ хозяйствъ больше всего въ Смоленской, Московской, Тверской и Нижегородской губерніяхъ (12,7%) и въ Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерніяхъ (12.6%); меньше же всего безнадѣльныхъ въ Казанской, Рязанской, Тамбовской и Орловской губерніяхъ (4,4%); въ С.-Петербургской, Новгородской, Вятской и Пермской губерніяхъ—5,7%; въ Самарской губерніи и въ Саратовской, Воронежской, Курской, Полтавской и Черниговской по 6,0%. Хозяйства, вовсе не обрабатывающія надѣла (60,481), составляютъ 2,1% и также неравномѣрно распредѣляются пополосно. Наибольшее число ихъ встрѣчается въ Самарской губ. (6,0%), а наименьшее въ Казанской, Рязанской, Тамбовской и Орловской губ. (0,6). т. е. тамъ, гдѣ наименьшее число безнадѣльныхъ. Въ Саратовской, Курской, Воронежской, Полтавской и Черниговской вовсе не обрабатывающихъ 2% хозяйствъ, въ С.-Петербургской, Новгородской, Вятской и Пермской ихъ 2,1%, въ Екатеринославской, Херсонской и Таврической—1,7% и въ Смоленской, Московской, Тверской и Нижегородской—1,1%. Хозяйства, вовсе необрабатывающія надѣла и сдающія его въ аренду (145,035). составляютъ 5%. Наибольшее число такихъ хозяйствъ приходится на центральное полѣсье (13%), а наименьшее—на сѣверное полѣсье (0,7%); на южномъ трехпольномъ черноземѣ ихъ—9,3%, а на сѣверномъ трехпольномъ черноземѣ—2,4%. Хозяйства, сдающія въ аренду часть надѣла (12,621), зарегистрированы на двухъ полѣсьяхъ и на сѣверномъ трехпольномъ черноземѣ; они составляютъ 0,4%. Хозяйства, сдающія въ аренду весь надѣлъ (71,401), составляютъ 2.5%. Сдача надѣловъ въ аренду не существуетъ только на южномъ трехпольномъ черноземѣ. Наибольшіе размѣры она получаетъ на сѣверномъ трехпольномъ черноземѣ (5%) и сѣверномъ экстенсивномъ черноземѣ (4,2%); наименьшіе же размѣры—на сѣверномъ полѣсьѣ (1,0%); на южномъ экстенсивномъ черноземѣ, сдающихъ въ аренду весь надѣлъ—2,0% и на центральномъ полѣсьѣ—2%.

Обработка надѣльной земли племеннымъ инвентаремъ существуетъ повсемѣстно. Число такихъ хозяйствъ (339,925) составляетъ болѣе десятой части (11,8%) всѣхъ крестьянскихъ хозяйствъ. Обработка наймомъ части надѣла зарегистрирована на сѣверномъ трехпольномъ черноземѣ (0.5%) и на сѣверномъ экстенсивномъ—0.5%. Весь надѣлъ наймомъ обрабатывается больше на сѣверномъ трехпольномъ черноземѣ, гдѣ такія хозяйства составляютъ 15,8%, на южномъ экстенсивномъ черноземѣ—15,3% и на южномъ трехпольномъ черноземѣ—12,1%. На центральномъ посѣвѣ меньше всего встрѣчается хозяйствъ, наймомъ обрабатывающихъ весь надѣлъ(4,2%). На сѣ-

верномъ экстенсивномъ черноземѣ ихъ 6% и на сѣверномъ полѣсьѣ 9,8%. Смѣшаннымъ способомъ обрабатываютъ надѣлъ 24,737 хозяйствъ, 0,9%. Этотъ видъ обработки надѣла встрѣчается на южномъ трехпольномъ и южномъ экстенсивномъ черноземахъ, гдѣ рабочею силою служатъ волы и гдѣ существуетъ особая разновидность способа обработки надѣла, называемая супрягою, которая означаетъ работу [1]) въ одной упряжкѣ, вмѣстѣ; смѣшанный способъ обработки надѣла оказался и въ Вятской губ., на сѣверномъ полѣсьѣ (2,3%). Способъ обработки надѣла супрягою состоитъ въ томъ, что при данныхъ, наличныхъ сельско-хозяйственныхъ условіяхъ одной (или даже болѣе) штуки рабочаго скота недостаточно для самостоятельной обработки надѣла, и вотъ матеріальныя условія труда вынуждаютъ къ взаимной помощи всѣхъ тѣхъ хозяевъ, которые владѣютъ одною и даже болѣе штукою рабочаго скота. Супряга получаетъ наибольшее развитіе на южномъ экстенсивномъ черноземѣ—40,4% хозяйствъ спрягаются для обработки надѣла; на южномъ трехпольномъ черноземѣ такихъ хозяйствъ—7,8%. Всего 196,045 хозяйствъ, или 6,8%, обрабатываютъ надѣлъ посредствомъ этой примитивной формы взаимной помощи, которая немедленно исчезнетъ съ исчезновеніемъ малороссійскаго, архаическаго,—какъ онъ названъ въ сборникѣ по Бахмутскому у.,—плуга, а тогда, значитъ, исчезнетъ и возможность умиленія передъ такимъ проявленіемъ «общественности». Самостоятельныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, которыя обрабатываютъ свой собственный надѣлъ, своимъ собственнымъ скотомъ,—которыя, поэтому, не проявляютъ и тѣни доморощенной общественности,—такихъ хозяйствъ насчитывается 1.829,628 хозяйствъ изъ 2.886,745, или 63,4%, но изъ нихъ 34,478 хозяйствъ, или 1,2%, вынужденъ обрабатывать только часть надѣла,—они зарегистрированы на сѣверномъ экстенсивномъ черноземѣ (7,7%) и на сѣверномъ трехпольномъ черноземѣ (1,1%); какъ было упомянуто, часть такихъ хозяйствъ по Рязанскому и Спасскому у., Рязанской губ., т. е. на сѣверномъ трехпольномъ черноземѣ, вошли въ самостоятельно обрабатывающія весь надѣлъ, такъ что хозяйствъ, обрабатывающихъ своимъ скотомъ *часть* надѣла, въ дѣйствительности больше, чѣмъ сколько ихъ показано, и, значитъ, настоящихъ самостоятельныхъ домохозяевъ—меньше. Самостоятельныя крестьянскія хозяйства далеко неравномѣрно распредѣлены по изслѣдованнымъ раіонамъ. Наибольшее число ихъ находится на сѣверѣ. Въ С.-Петербургской, Вятской, Пермской и Новгородской губерніяхъ 212,694 самостоятельныя крестьянскія хозяйства, или 76,8%, т. е. нѣсколько больше $^3/_4$ всѣхъ крестьянскихъ хозяйствъ сѣвернаго полѣсья. Наименьшее число ихъ—79,781 хозяйство, или 25,2%—

[1]) Одного происхожденія съ нимъ и супругъ, супруга, — супруги, люди, работающіе въ одной упряжкѣ.

въ Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерніяхъ, т. е. ¼ всѣхъ крестьянскихъ хозяйствъ южнаго экстенсивнаго чернозема. Въ этихъ предѣлахъ заключаются остальныя самостоятельныя крестьянскія хозяйства, разсматриваемыя пополосно. По значительному числу такихъ хозяйствъ къ сѣверному полѣсью примыкаетъ сѣверный трехпольный черноземъ, на которомъ, въ Казанской, Рязанской, Тамбовской и Орловской губерніяхъ, 508,671 самостоятельныхъ хозяйствъ, или 69,3%. Въ Самарской губерніи, на сѣверномъ экстенсивномъ черноземѣ ихъ 236,537, или 68,4%; на центральномъ полѣсьѣ, въ Смоленской, Московской, Тверской и Нижегородской губ., 201,857 хозяйствъ, или 65,2%, наконецъ, на южномъ трехпольномъ черноземѣ, въ Черниговской, Полтавской, Воронежской, Курской и Саратовской губ. ихъ 555,610 хозяйствъ или 60,7%. Нужно еще упомянуть о 2,880 хозяйствахъ, 0,1%, о которыхъ неизвѣстно, имѣютъ-ли они пахатный надѣлъ, или нѣтъ.

Такимъ образомъ, въ приведенной выше таблицѣ крестьянское хозяйство показано на всѣхъ ступеняхъ разрушенія. Къ безземельнымъ примыкаютъ вовсе необрабатывающія надѣла, за ними тѣснятся вовсе необрабатывающія и сдающія въ аренду, затѣмъ сдающія часть или весь надѣлъ въ аренду, цѣпляющіяся за землю подъ вліяніемъ «власти земли», въ видѣ обрабатывающихъ часть или весь надѣлъ наймомъ, обрабатывающія смѣшаннымъ способомъ, которые служатъ связью между обрабатывающими наймомъ и спрягающимися для обработки надѣла, и наконецъ, самостоятельное мелкое крестьянство, олицетворяющее собою «самое драгоцѣнное благо—экономическую независимость»... Если мы раздѣлимъ крестьянскія хозяйства на 2 группы: занимающихся земледѣліемъ и незанимающихся ихъ, то получимъ, что въ послѣднюю группу войдутъ 7,0% безнадѣльныхъ и 10% вовсе необрабатывающихъ и сдающихъ въ аренду, а всего 17%. Переходною ступенью къ занимающимся земледѣліемъ (или обратно), служатъ 11,8% хозяйствъ, обрабатывающихъ надѣлъ наймомъ. Занимающихся земледѣліемъ будетъ 71,1%, но изъ нихъ, какъ мы видѣли, только 62,2% самостоятельно, своимъ рабочимъ скотомъ обрабатываютъ весь надѣлъ. Если мы будемъ разсматривать крестьянское хозяйство съ точки зрѣнія «драгоцѣннаго блага, экономической независимости», то получимъ, что менѣе двухъ третей крестьянскихъ хозяйствъ обладаютъ такою «независимостью», а болѣе трети—не обладаютъ. Если же крестьянское хозяйство будемъ разсматривать просто, безъ затѣй, довольствуясь тѣмъ, что «при ихъ существованіи обезпечивается удовлетвореніе *первыхъ потребностей* народа и половина населенія не превращается въ пролетаріевъ», то получимъ, что 82,9% крестьянскихъ хозяйствъ занимаются земледѣліемъ, удовлетворяя первыя потребности и не превращаясь пока въ пролетаріевъ.

Въ *итогахъ крестьянскаго хозяйства на южномъ трехпольномъ черноземѣ* [1]) было сдѣлано мною сопоставленіе крѣпостной фазы въ развитіи русскаго общества съ таковою же въ развитіи англійскаго общества съ цѣлію узнать, въ чемъ выразился прогрессъ XIX столѣтія въ жизни русскаго общества, причемъ оказалось, что такъ называемое первоначальное накопленіе, составляющее первый фазисъ капитала и соотвѣтствующаго ему способа производства—тотъ историческій процессъ отдѣленія производителя отъ средствъ производства и существованія, который въ Англіи совершался въ теченіи столѣтій, несмотря на существованіе тамъ кромѣ экономическихъ и насильственныхъ дѣятелей переворота въ земледѣліи, у насъ подъ вліяніемъ однихъ экономическихъ дѣятелей, начиная съ 1861 года, совершился въ теченіи трехъ десятковъ лѣтъ. Пародируя г. В. В., нужно сказать: «Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній прибавимъ, что такой результатъ, такое отступленіе Россіи отъ историческихъ формъ запада произошло, по нашему мнѣнію, не въ силу какихъ-либо особенностей русскаго народа. Оно есть естественное послѣдствіе тѣхъ условій, въ какихъ теперь находятся другъ къ другу различныя страны»... «Наша особенность состоитъ въ томъ, что мы послѣ другихъ выступили на путь прогресса, и эту особенность со всѣми ея послѣдствіями раздѣляютъ съ нами и многіе другіе славянскіе и неславянскіе народы»[2]).

Въ самомъ дѣлѣ. Японія стала капиталистической націей, Индія капитализирована англичанами, С. Америка,—въ которой не было феодализма и въ которую отцами американской республики было вывезено изъ Англіи только простое отрицаніе феодальныхъ отношеній,—стала настоящею капиталистическою націею, о которой г. В. В. говорилъ, что въ Америкѣ «капитализмъ ведетъ серьезную игру», хотя прибавлялъ, что «она (Америка) не можетъ служить ободряющимъ примѣромъ для другихъ народовъ», такъ какъ «молодая Америка такъ блистательно выдержала борьбу со старой и опытной Англіей» единственно вслѣдствіе родственныхъ отношеній между Англіей и Америкой [3]). Дѣйствительно, экономическое развитіе С.-Американскихъ Соединенныхъ штатовъ служитъ блестящимъ подтвержденіемъ вѣрности историко-философской теоріи Маркса, «высшее достоинство которой состоитъ въ томъ, чтобы быть панисторическою», такъ какъ американскій народъ, несмотря на свою суверенность, на возможность самому дѣлать свою исторію, неизбѣжно проходитъ капиталистическую фазу развитія—«царство необходимости, чтобы осуществить царство свободы». Въ форсированномъ маршѣ историческаго процесса

[1]) «Юрид. Вѣстн.», 1891 г., №№ 5 и 6.

[2]) Судьбы капитализма въ Россіи, г. В. В., стр. 274.

[3]) Тамъ же, стр. 72.

отдѣленія производителя отъ средствъ производства и существованія, который происходитъ у насъ, нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, какой-либо исторической особенности. Еще въ 1878 году Марксъ писалъ: «самое интересное поле для экономиста представляютъ въ настоящее время, конечно, Американскіе штаты, и въ особенности періодъ, начиная съ 1873 до 1878 года,—періодъ хроническаго кризиса. Преобразованія, которыя въ Англіи потребовали столѣтій, совершились здѣсь въ нѣсколько лѣтъ. Но наблюдатель долженъ смотрѣть не на старые приатлантическіе штаты, а на новые и новѣйшіе»... [1]).

Количество крестьянскихъ хозяйствъ, самостоятельно и несамостоятельно занимающихся земледѣліемъ на южномъ трехпольномъ черноземѣ каковымъ количествомъ измѣрялся ходъ первоначальнаго накопленія въ Россіи, могло означать, что здѣсь, по мѣстнымъ условіямъ, только интенсивнѣе совершается превращеніе крестьянъ въ пролетаріевъ,—предварительное условіе для развитія капитала. Но данныя, собранныя земскою статистикою изъ разныхъ мѣстъ Россіи, говорятъ, что южный трехпольный черноземъ не представляетъ исключенія, что тѣ преобразованія, которыя въ Англіи, классической странѣ капитала, потребовали столѣтій, въ Россіи совершились въ нѣсколько лѣтъ. Т. е., по истеченіи 25 — 30 лѣтъ, 63,2% крестьянскихъ хозяйствъ самостоятельно, своимъ рабочимъ скотомъ, обрабатываютъ надѣльную землю,—въ томъ числѣ зарегистрировано 1,2% хозяйствъ, обрабатывающихъ часть надѣла. Такимъ образомъ *менѣе двухъ третей крестьянскихъ хозяйствъ самостоятельно занимаются земледѣліемъ*. Изъ остальной трети 7,7% хозяйствъ являются *полусамостоятельными* земледѣльцами (обрабатывающія надѣлъ смѣшаннымъ способомъ и супрягою). 11,8% хозяйствъ занимаются земледѣліемъ посредствомъ найма рабочаго скота; они служатъ переходною ступенью къ незанимающимся земледѣліемъ. Стало быть, земледѣльческое населеніе составляютъ 83% крестьянскихъ хозяйствъ, а 17%—неземледѣльческое населеніе. Такое раздѣленіе имѣетъ громадное значеніе съ исторической точки зрѣнія, какъ характеризующее эволюцію русскихъ экономическихъ отношеній, подготовляющихъ экономическое основаніе для капиталистическаго способа производства,—занятіе кучкою безземельныхъ земледѣліемъ есть явленіе производное, и не только не противорѣчитъ сказанному, но наоборотъ, только подтверждаетъ его.

Земско-статистическія изслѣдованія достаточно ясно освѣтили земледѣльческую Россію и ея «самостоятельное» крестьянство. Но гдѣ же община, общинный духъ, гдѣ она, та прекрасная спящая царевна, ждущая

[1]) См. предисловіе къ русскому изданію 2 тома «Капитала», Маркса.

своего, не менѣе прекраснаго, Ивана-Царевича, съ «задачами истинно прогрессивной экономической политики», задачами, которыя наконецъ-то пробудятъ отъ историческаго сна прекрасную царевну... Послушаемъ, что говорятъ объ общинномъ землевладѣніи наши друзья народа, преисполненные общинною любовью къ «мужичкамъ».

Г-нъ П. С—кій въ статьѣ «Упадокъ крестьянскихъ хозяйствъ при общинномъ землевладѣніи» говоритъ, что «община справедливо считается сильнымъ оплотомъ противъ экономическаго неравенства и обезземеленія и если тѣмъ не менѣе она не предупредила ни того, ни другого, то это служитъ лучшимъ доказательствомъ интенсивности разрушающихъ вліяній[1]). Какъ видимъ, авторъ признаетъ «экономическое неравенство» и «обезземеленіе», или, какъ точнѣе говоритъ заглавіе его статьи, упадокъ крестьянскихъ хозяйствъ при общинномъ землевладѣніи, (даже при типической великорусской общинѣ), хотя, какъ въ общихъ чертахъ я покажу, излагаетъ дѣло запутанно. Но вотъ г. В. В. въ статьѣ «Регрессивныя явленія въ общинѣ», напечатанной въ томъ же «Сѣверномъ Вѣстникѣ», за 1890 г., № 9, не согласенъ съ воззрѣніемъ г. П. С—каго. Онъ, т. е. г. В. В., изучалъ общину по 70—80 земско-статистическимъ сборникамъ и вотъ что онъ вѣщаетъ намъ, какъ результатъ изученія такой груды земско-статистическаго матеріала. «Итакъ,—читаю я на 29 страницѣ,—анализъ регрессивныхъ явленій въ общинѣ, насколько таковыя выражаются актами не индивидуальнаго, а мірского характера, приводитъ насъ къ заключенію, что общество, какъ цѣлое, ничего пока не имѣетъ противъ общины (интересно бы знать, какое же это общество? По смыслу только что приведенныхъ словъ видно, что «общество» замѣняетъ «общину», т. е., что община, какъ цѣлое, ничего пока не имѣетъ противъ общины!), какъ соціально-бытовой организаціи. Принимая же во вниманіе ту противо-общинную атмосферу, въ какой приходилось жить этому институту въ теченіи послѣдняго тридцатилѣтія, мы имѣемъ право этотъ отрицательный выводъ обратить въ положительный и сказать, что масса населенія настолько удовлетворяется общинной формой землевладѣнія, что не желаетъ дѣлать опыты съ другими формами»[2]). На стр. 38 авторъ такъ заканчиваетъ свой анализъ регрессивныхъ явленій въ общинѣ, анализъ земско-статистическаго матеріала: «Это заключеніе (положительное заключеніе объ отношеніи крестьянина къ общинной формѣ владѣнія землею, дополняющее отрицательный выводъ, сдѣланный нами при анализѣ регрессивныхъ явленій въ общинѣ) состоитъ въ томъ, что передѣлъ, какъ

[1]) «Сѣверн. Вѣстн.», 1886 г., № 3, стр. 22.

[2]) Тамъ же, 1890 г., № 9. «Регрессивныя явленія въ общинѣ», 29 стр.

выраженіе типической великорусской общины (а слѣдовательно — слова г. же В. В. — и сама эта организація), находитъ себѣ мѣсто въ жизни современнаго крестьянина не потому, что въ данный моментъ уравненіе земли доставляетъ матеріальныя выгоды извѣстному большинству членовъ общины, которое, какъ большинство, осуществляетъ передѣлъ, пренебрегая интересами другой части населенія. Такого большинства почти никогда не составляется, и если тѣмъ не менѣе передѣлы земли получили въ новѣйшее время всеобщее распространеніе, то это благодаря тому, что за передѣлъ стоитъ, между прочимъ, часть крестьянъ, матеріально въ данный моментъ въ немъ незаинтересованная, и, слѣдовательно, поддерживающая его изъ альтруизма, болѣе широкихъ или отдаленныхъ соображеній и т. п., словомъ—по мотивамъ не узко, а широко эгоистическимъ, по мотивамъ соціальнымъ. Иначе говоря, населеніе отдаетъ преимущество общинѣ, какъ опредѣленной бытовой формѣ, какъ организаціи, представляющей не только извѣстныя выгоды въ настоящемъ, но и серьезныя гарантіи за будущее [1]).

Не знаешь, чему болѣе удивляться: такъ называемой интеллигенціи, этому совсѣмъ не интеллигентному продукту нашего переходнаго времени, которая принимаетъ за чистую монету весь этотъ доморощенный альтруизмъ, надо полагать, по мотивамъ не узко, а широко эгоистическимъ, или же наивности г. В. В., который изъ-за деревьевъ не видитъ лѣса! Иначе говоря, населеніе отдаетъ преимущество общинѣ, какъ опредѣленной бытовой формѣ, какъ организаціи, представляющей извѣстныя выгоды въ настоящемъ, которыя заключаются въ томъ, что 7,0% хозяйствъ нечего обрабатывать, что 2,1% хозяйствъ вовсе не обрабатываютъ надѣла, что 7,9% хозяйствъ вовсе не обрабатываютъ и сдаютъ надѣлъ въ аренду, что 11,8% хозяйствъ обрабатываютъ надѣлъ наймомъ и что 7,7% хозяйствъ обрабатываютъ надѣлъ смѣшаннымъ способомъ и супрягою. Для остальныхъ 63,4% хозяйствъ, дѣйствительно, община, какъ опредѣленная бытовая форма, какъ организація, представляетъ извѣстныя выгоды, доставшіяся ей цѣною лишенія больше, чѣмъ трети всѣхъ хозяйствъ «самаго драгоцѣннаго блага—экономической независимости». Это въ настоящемъ. Серьезныя гарантіи за будущее заключаются прежде всего въ томъ, что 11,8% хозяйствъ, обрабатывающихъ надѣлъ наймомъ, превратятся въ вовсе необрабатывающихъ надѣлъ или сдающихъ его въ аренду, проще порвутъ связь съ землею, да и та часть крестьянскихъ хозяйствъ, которая самостоятельно обрабатываетъ надѣлъ и обладаетъ по терминологіи гг. В. В. и К° «самымъ драгоцѣннымъ благомъ—экономическою не-

[1]) Тамъ же, стр. 38.

Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА

зависимостью», и этой части крестьянства грозитъ превращеніе въ пролетаріевъ.—ужасное слово, при произнесеніи котораго съ «интеллигенціею» дѣлаются специфически-народническія конвульсіи, такъ какъ (я это покажу дальше) ихъ благосостояніе основано не только на несчастьѣ своихъ однообщественниковъ, что вещественно выражается въ арендѣ надѣла [1]), но и на арендѣ земли у частныхъ владѣльцевъ и на промыслахъ.

Здѣсь не мѣсто приводить исторію общины во всей ея цѣлости, но коснуться той путаницы, которую вноситъ въ этотъ вопросъ г. В. В. и К°, необходимо, разъ дѣло идетъ объ итогахъ крестьянскаго хозяйства, о превращеніи ихъ въ пролетаріевъ, словомъ о переходѣ къ новой, высшей по сравненіи съ крѣпостной, формѣ общественнаго труда.

Остановимся сначала на томъ же г. В. В. Такъ, на 3-й страницѣ той-же статьи онъ говоритъ, что «въ прошломъ крестьяне (помѣщичьи) не имѣли собственной земли и получали надѣлъ обыкновенно по правилу, установленному владѣльцемъ». Въ прошломъ помѣщичьи крестьяне имѣли такое же крѣпостное право на землю, какъ и помѣщики. Даже такой историкъ, какъ проф. А. Романовичъ-Славатинскій, говоритъ, что «помѣстный служилый классъ несъ ландмилицкую службу и отбывалъ всяческія государевы посылки, ополчался съ своими людьми, по призыву государства, а крестьяне были прикрѣплены къ помѣстнымъ землямъ, отбывая службу въ пользу слугъ государовыхъ—барщину и оброки» [2]). Или, какъ онъ подробнѣе говоритъ на 277 стр., «шляхетство владѣло крѣпостными потому, что несло обязательную службу: оно было такимъ же крѣпостнымъ сословіемъ относительно государства, какимъ относительно его были крестьяне. На первомъ лежала барщина въ пользу государства—обязательная служба; на второмъ барщина въ пользу шляхетства—оброки и издѣльная повинность». «Логическимъ послѣдствіемъ освобожденія шляхетства,—продолжаетъ онъ дальше,—отъ обязательной службы должно было быть освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Но этого не случилось въ XVIII столѣтіи, и крѣпостное право получило частноправный характеръ», т. е., какъ онъ поясняетъ, шляхетству, переименованному въ дворянство «на правахъ полной частной собственности принадлежатъ крѣпостные крестьяне». «Обязательная служба была постоянною повинностью этого (служилаго) класса. За отбываніе ея раздавались кормленья, а впослѣдствіи помѣстья». «Въ XVII стол. помѣстья и вотчины, хотя продолжаютъ различаться между собою по названію, но въ сущности составляютъ одинъ и тотъ же видъ

[1]) И въ эксплуатаціи труда своихъ однообщинниковъ.

[2]) Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостного права, СПБ., 1870. предисловіе, стр. II.

поземельнаго владѣнія: начала вотчиннаго владѣнія проникаютъ въ помѣстную систему, начала помѣстной системы входятъ во владѣніе вотчинами. Въ сущности, какъ помѣстья, такъ и вотчины, представляютъ *несвободную поземельную собственность* (курсивъ автора)—въ томъ именно смыслѣ, что на обладателяхъ ею лежитъ повинность обязательной службы государству, а самое обладаніе обусловливается этою службою. Точнѣе сказать: поземельное владѣніе въ XVII стол. возможно было только подъ условіемъ службы государству». «Вмѣсто помѣстныхъ раздачъ, втеченіе XVII в. развивается пожалованіе *населенныхъ имѣній*, какъ чрезвычайное вознагражденіе за службу, за услуги отечеству и монарху. При раздачѣ помѣстій и вотчинъ въ XVII ст. на первомъ планѣ была земля, крестьяне даже не входили въ официальный счетъ. Да иначе и быть не могло: помѣстная раздача установилась еще въ то время—въ XV и XVI ст., когда крестьяне были вольными и могли съ пожалованной земли перейти на другую. Единственнымъ счетомъ могъ быть счетъ четвертями пашни и копнами сѣнокоса. По привычкѣ, такъ считали и въ XVII ст., когда уже установилось крѣпостное право. Петръ Великій, при которомъ прекратилась помѣстная раздача и началось пожалованіе населенныхъ имѣній, жалуетъ уже не чети пашни и копны сѣнокоса, но крестьянскіе *дворы*. При преемникахъ Петра съ установленіемъ ревизій и подушной подати, жалуются уже крестьянскія души». Если русскіе дворяне—поземельные собственники сбросили въ 1785 году свои обязанности къ государству и присвоили себѣ право полной частной собственности на землю и крестьянъ, на которыхъ они имѣли только крѣпостное право, если они поступили подобно тому, какъ поступили англійскіе поземельные собственники при реставраціи Стюартовъ [1]), то безпристрастный историкъ можетъ быть и назоветъ настоящимъ именемъ такой способъ превращенія крѣпостной поземельной собственности въ современную частную собственность, но только ни одинъ историкъ [2]) не рѣшится сказать, что «въ прошломъ крестьяне

[1]) Das Kapital von Karl Marx, 1883, s. 747.

[2]) За исключеніемъ г. Иванюкова, который утверждаетъ, что «экспропріація половины помѣщичьихъ земель въ пользу крестьянъ была совершена не на основаніи дѣйствующихъ законовъ» (Паденіе крѣпостнаго права въ Россіи, СПБ., 1882, стр. 215). Интересно бы знать: экспропріація крѣпостной земли и крестьянъ въ пользу частныхъ лицъ была совершена въ 1785 г. на основаніи дѣйствующихъ законовъ? Въ 1861 году если кто и былъ экспропріированъ, то это помѣщичьи крестьяне, которые свое право на крѣпостную землю выражали ясно и опредѣленно: земля наша, а мы господскіе! Если государственные крестьяне выкупаютъ свою *собственную* землю, то съ точки зрѣнія г. Иванюкова нѣтъ исторической несправедливости въ томъ, что помѣщичьими крестьянами выкупается «экспропріація половины помѣщичьихъ земель»... Такъ пишется исторія!..

не имѣли собственной земли», какъ отважился сказать другъ народа, г. В. В. Даже профессоръ государственнаго права обошелъ молчаніемъ этотъ щекотливый пунктъ,—онъ разсматриваетъ его какъ фактъ;—г-нъ же В. В, изъ любви къ народу, отваживается произнести роковыя слова.

Я не буду разсматривать правильности утвержденій г. В. В., что «крѣпостные крестьяне обыкновенно (!?) не знали...» общины, что «настоящее отношеніе къ общинѣ этой группы крестьянъ (помѣщичьихъ) еще не опредѣлилось» и что «самое вырабатываніе этого отношенія идетъ не путемъ систематическаго мышленія, а практически, подъ вліяніемъ возникающихъ потребностей», а остановлюсь лишь на томъ взглядѣ г. В. В. на выкупъ крестьянами земли, взглядѣ, который сложился у него «путемъ систематическаго мышленія», а не «подъ вліяніемъ возникающихъ потребностей...». Въ литературѣ, если не ошибаюсь, съ легкой руки г. Ходскаго, пошла мысль, жадно подхваченная друзьями народа, что «выкупъ помѣщичьей и государственной земли въ сущности есть выкупъ повинностей» [1]). Изъ приведенной выше исторической справки, взятой у г. Романовича-Славатинскаго, видно, что помѣщичьи крестьяне не только исполняли свои повинности къ государству до 1785 г., но и послѣ,—когда они сами и земля, на которую они имѣли такое же крѣпостное право, какъ и помѣщики, стали полною частною собственностью дворянъ-землевладѣльцевъ,—также исполняли разныя повинности. Но этого мало! Въ ужасающемъ своею историческою несправедливостью конкретномъ фактѣ народникъ мечтаетъ видѣть какой-то фантастическій выкупъ повинностей! Мало того, что крестьяне въ своей многострадальной, многовѣковой жизни работали на помѣщиковъ и ихъ государство, но за это самое они должны еще выкупать тѣ повинности, платить за то, что они были когда-то крѣпостными. Логическимъ слѣдствіемъ такого взгляда на выкупъ земли, какъ на выкупъ повинностей, является выводъ, что государство можетъ снова заставить крестьянъ выкупать уже разъ выкупленную землю. Вотъ къ чему ведетъ маниловское радѣніе о благѣ «мужичка»!

Авторъ статьи «Упадокъ крестьянскихъ хозяйствъ при общинномъ землевладѣніи» отличается, напротивъ, крайне идиллическимъ представленіемъ объ исторической жизни общины. Г-нъ П. С—скій полагаетъ, что въ общинѣ обыкновенное «положеніе дѣлъ было таково, что всѣ въ равной мѣрѣ пользовались землей, которую и обрабатывали личными силами семьи; въ случаѣ излишка земли часть ея передавалась другому двору, напротивъ, въ случаѣ недостачи, дворъ получалъ новыя доли» [2]). Вотъ

---

[1]) «Сѣверный Вѣстникъ», 1870, № 9, стр. 24.

[2]) Тамъ-же, 1886, № 3, стр. 20.

ужъ можно спросить: съ кого портреты пишутъ? Крестьяне вышли изъ крѣпостного права достаточно «освобожденными», старушка-исторія зло подшутила надъ ними: они не только получили въ даръ отъ нея различные по размѣру надѣлы, но старческое остроуміе ея выразилось и въ томъ, что чѣмъ меньше былъ размѣръ надѣла, тѣмъ больше приходилось за него платить—«въ сущности выкупъ повинностей». Не знать историческихъ условій «освобожденія» крестьянства нельзя, и, поэтому, все сказанное г. П. С—кимъ объ общинѣ можетъ быть вѣрнымъ развѣ только по отношенію къ той или другой общинѣ, а это надо еще доказать,—но по отношенію ко всей общинѣ, взятой въ цѣломъ, совершенно невѣрно. Если нашему автору «новѣйшія изслѣдованія общины показали, что этотъ порядокъ (идиллія, нарисованная на 20-й страницѣ) во многихъ мѣстностяхъ значительно измѣнился», то можно одно сказать, что иногда лучше бываетъ узнать истину позже, чѣмъ никогда не знать, но зачѣмъ же свое незнаніе выдавать за «обыкновенное положеніе дѣлъ», зачѣмъ же патетически восклицать, что для водворенія крупной культуры «мало разоренія части населенія, а потребуется юридическое обезземеленіе всей массы его, т. е. полное уничтоженіе всѣхъ основаній экономическаго порядка, созданнаго реформой 19 февраля» [1]), когда сама великая реформа 19 февраля является великой исторической реализаціей того «юридическаго обезземеленія всей массы» народа, которое выразилось въ жалованной грамотѣ русскому дворянству. Г. В. Семевскій говоритъ: «бывшіе крѣпостные крестьяне (не говоря уже о получившихъ даровой надѣлъ) имѣютъ въ настоящее время въ три раза менѣе земли, чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ» [2]). Историческая особенность въ нашемъ экономическомъ развитіи именно въ томъ и состоитъ, что одновременно съ освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости крестьянство было освобождено и отъ средствъ производства и существованія, представляемыхъ землею, такъ какъ оно получило клочекъ изъ той земли, которую захватили помѣщики, и на которую крестьяне имѣли такое же крѣпостное право, какъ и первые, и что «обезлошаденіе и безхозяйственность», которыя г. П. С—кій не находитъ ни малѣйшихъ основаній считать результатомъ неустранимыхъ причинъ,—суть только логическіе результаты великой реформы, историческихъ условій освобожденія крестьянства отъ крѣпостной зависимости. Для уразумѣнія факта такой громадной исторической важности дѣйствительно «необходимо лишь истинное пониманіе причинъ этихъ явленій, искреннее со-

---

[1]) Тамъ же, 1886, № 5, стр. 61.

[2]) Крестьяне въ царствованіе Императрицы Екатерины II, СПБ., 1881, стр. 43.

чувствіе къ народнымъ нуждамъ и желаніе удовлетворить ихъ», но только, къ сожалѣнію, пониманія то и не дано нашимъ современнымъ Маниловымъ...

При обсужденіи вопроса, можетъ-ли современная русская поземельная община послужить основаніемъ для новой, высшей формы производительныхъ отношеній, обыкновенно забывается исторія общины. Въ исторической наукѣ установился взглядъ, что на порогѣ человѣческой исторіи существовало не только общинное землевладѣніе, но и общинная обработка земли, что частная поземельная собственность есть продуктъ разрушенія такой первичной общины. Наша русская поземельная община находится на той ступени разрушенія общины, которую западно-европейскіе народы уже прошли, т. е. на той ступени, гдѣ еще производится передѣлъ пашни,—на слѣдующей ступени пашня становится частною собственностью однообщественниковъ. Съ этой точки зрѣнія осуществленіе общиною своего права на данную ей исторіей часть земли въ видѣ передѣловъ можетъ имѣть извѣстное значеніе, но оно, это осуществленіе, совершается въ узкихъ историческихъ рамкахъ. При оцѣнкѣ передѣловъ именно всегда забывается историческій моментъ. Такъ, русская община оказалась не въ силахъ предупредить прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, что повело за собою развитіе крѣпостного права. Въ томъ смыслѣ, въ какомъ можно сказать, что западноевропейскій пролетаріатъ служитъ основаніемъ капиталистическаго способа производства, въ такомъ же смыслѣ можно сказать, что община служитъ опорой стараго строя, основывающагося на крѣпостномъ трудѣ. Наша община при освобожденіи отъ крѣпостныхъ отношеній въ 1861 г. пыталась отстоять свое крѣпостное право на землю, но была разбита на голову: она получила клочекъ земли, надъ которымъ и осуществляетъ свое право въ видѣ передѣловъ. Но такъ какъ каждая отдѣльная община получила разные кусочки земли изъ того клочка и притомъ такъ, что чѣмъ менѣе кусочекъ земли, надъ которымъ она можетъ проявлять свой «альтруизмъ» по «мотивамъ соціальнымъ», тѣмъ болѣе ей приходится отдавать за него продуктовъ своего труда, превращенныхъ въ деньги,—то осуществленіе «альтруистическихъ» передѣловъ нисколько не препятствуетъ превращенію крестьянина въ пролетарія, какъ это и показываютъ земско-статистическія изслѣдованія. Далѣе, упускается изъ виду, что названный «альтруизмъ» есть какой-то самобытно-однобокій альтруизмъ, т. е. упускается изъ виду, что осуществленіе передѣловъ есть только одна сторона жизни общины, находящейся на извѣстной ступени историческаго *разложенія*, а *не развитія*. *Обобществленіе* труда при крѣпостномъ строѣ общества,—причемъ совершенно безразлично, превратилась-ли пашня въ частную собственность

общинниковъ или подвергается передѣламъ,—находится на низшей ступени развитія по сравненію съ слѣдующимъ капиталистическимъ строемъ общества. Феодальное или крѣпостное производство есть мелкое производство. Средства производства предназначены для единичнаго потребленія самимъ-ли производителемъ или его крѣпостнымъ господиномъ, и потому, естественно, неуклюжи, и дѣлаютъ трудъ крайне непроизводительнымъ. Г-нъ В. Семевскій въ своемъ извѣстномъ трудѣ говоритъ, что «если число крупныхъ владѣльцевъ составляло довольно небольшой процентъ общаго ихъ количества, это еще не значитъ, конечно, чтобы въ ихъ рукахъ была небольшая часть помѣщичьихъ земель и крестьянъ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ, хотя бы приблизительно, рѣшить вопросъ: какой процентъ всѣхъ крестьянъ находился въ рукахъ мелкихъ среднихъ и крупныхъ землевладѣльцевъ? Но сравненіе съ выводомъ, полученнымъ въ 1834 г. Кеппеномъ, показываетъ, какая громадная масса крестьянъ находилась въ рукахъ крупныхъ помѣщиковъ». Но какая бы громадная масса крестьянъ ни находилась въ рукахъ одного помѣщика, эти крестьяне жили въ отдѣльныхъ селеніяхъ съ опредѣленнымъ количествомъ земли, находившейся въ общинномъ землевладѣніи, но которая передѣлялась между *отдѣльными* хозяйствами: «и въ прошломъ столѣтіи у крѣпостныхъ крестьянъ господствовала тягольная система разверстки» [1]). Между тѣмъ при капиталистическомъ строѣ массы работниковъ заняты на одномъ полѣ труда даже въ земледѣліи. При крѣпостномъ строѣ только излишекъ продуктовъ поступаетъ въ продажу и подвергается обмѣну. Георги говоритъ: «крестьяне сносятъ на дворъ господскій муки, крупы, овса и прочихъ житъ мѣшки великіе, стяги говяжьи, туши свиныя, бараны жирные, дворовыхъ и дикихъ птицъ множество, коровьи масла, яицъ лукошки, сотовъ или медовъ чистыхъ кадки, концы холстовъ, свертки сукопъ домашнихъ; къ чему прикащикъ присовокупивъ отъ господскаго домостроительства сихъ же вещей число несравненно большее, отправляетъ обозы великіе въ барину, въ столичный или другой городъ, гдѣ тотъ домовитый дворянинъ, оставя изобильное количество на годовое употребленіе всего, ему съ домочадцами нужнаго... отсылаетъ... остатокъ оныхъ на торжище... (приведено г. Семевскимъ на 66 стр.)». И старый способъ общественнаго производства содержалъ въ себѣ зародышъ анархіи въ общественномъ способѣ производства, такъ какъ крестьяне кромѣ земледѣлія занимались подсобными кустарными промыслами, а въ городѣ находились ремесленники, работавшіе на потребителя. Матеріальныя произво-

[1]) Тамъ же, стр. 95, и вообще глава «Поземельная община у крѣпостныхъ крестьянъ».

дительныя силы общества приходятъ въ противорѣчіе съ существующими производительными отношеніями, или съ отношеніями собственности, внутри которыхъ они двигались. Развитыя формы производительныхъ силъ опрокидываютъ эти отношенія, и тогда наступаетъ эпоха новой экономической формаціи. Концентрація до тѣхъ поръ разобщенныхъ средствъ производства въ большихъ мастерскихъ и превращеніе ихъ этимъ путемъ изъ производительныхъ средствъ отдѣльныхъ личностей въ общественныя,— превращеніе, вообще говоря не коснувшееся способа присвоенія. Старыя формы присвоенія остаются въ полной силѣ. Появляется капиталистъ: въ качествѣ собственника производительныхъ средствъ онъ присваиваетъ себѣ также и продукты и обращаетъ ихъ въ товары. Производство становится общественнымъ дѣломъ; обмѣнъ же, а съ нимъ и присвоеніе продуктовъ остаются индивидуальными актами, дѣломъ единицъ. Продуктъ общественнаго труда присваивается отдѣльнымъ капиталистомъ. Это и составляетъ основное противорѣчіе, заключающее въ себѣ всѣ противорѣчія, въ которыхъ движется современное общество и которыя съ особенною ясностью обнаруживаются крупною промышленностью.

Но возвратимся къ цифрамъ. Таблица, въ которой показанъ способъ обработки надѣла, дастъ возможность сдѣлать сопоставленіе, которое, въ свою очередь, можетъ быть выражено въ слѣдующей табличкѣ.

	% хозяйствъ безъ рабочаго скота.	% хозяйствъ, коимъ нечего обрабатывать, необрабатывающихъ и обрабатывающихъ наймомъ.	Разность.
Полѣсья: центральное	28,0	34,0	6,0
сѣверное	19,7	20,3	0,6
Сѣверный трехпольный черноземъ .	29,4	29,6	0,2
Экстенсивные черноземы: сѣверный .	18,7	23,9	5,2
южный . .	25,5	32,5	7,0
Южный трехпольный черноземъ . .	25,1	29,7	4,6
Итого . .	25,3	28,9	3,6

Въ первой графѣ поставленъ % всѣхъ хозяйствъ безъ рабочаго скота, во второй % хозяйствъ, которымъ нечего обрабатывать, которыя необрабатываютъ и т. д., короче, за исключеніемъ хозяйствъ, обрабатывающихъ надѣлъ смѣшаннымъ способомъ, супрягою и своимъ скотомъ. Разность показываетъ, какъ великъ % хозяйствъ, которыя и при наличности рабочей силы хотя бы въ видѣ одной штуки скота не занимаются земледѣ-

ліемъ. Всего такихъ хозяйствъ 3,6%. Но по странѣ они разбросаны въ различныхъ пропорціяхъ. Больше всего ихъ въ Екатеринославской, Херсонской и Таврической губ.—7%, затѣмъ въ Московской, Тверской, Нижегородской и Смоленской губ.—6%. Меньше же всего такихъ хозяйствъ въ Казанской, Рязанской, Тамбовской и Орловской губ. 0,2%, и въ С.-Петербургской, Новгородской, Вятской и Пермской—0,0%. Самарская губ. съ одной стороны и Саратовская, Воронежская, Курская, Полтавская и Черниговская губерніи съ другой—занимаютъ средину въ этомъ отношеніи: въ первой ихъ 5,2%, а во вторыхъ—4,6%.

Допуская даже возможность ошибки, вытекающей изъ неправильнаго чтенія земско-статистическихъ данныхъ, изъ разнообразія таблицъ, т. е. допуская въ общемъ, что % хозяйствъ безъ рабочаго скота совпадаетъ съ % хозяйствъ, необрабатывающихъ землю, обрабатывающихъ наймомъ и коимъ нечего обрабатывать, нужно признать, что даже послѣ такой поправки останется пополосное несовпаденіе того и другого %. Такое несовпаденіе является очень важнымъ показателемъ въ сельскохозяйственной жизни крестьянства. Если данный % хозяйствъ безъ рабочаго скота говоритъ о невозможности для этихъ хозяйствъ самостоятельно заниматься земледѣліемъ, этимъ «искони-народнымъ консервативнымъ» производствомъ, то разность между этимъ % и % хозяйствъ, незанимающихся земледѣліемъ и занимающихся несамостоятельно, указываетъ съ другой стороны на тотъ фактъ, что и при возможности заниматься земледѣліемъ, обладая рабочимъ скотомъ, часть крестьянства на центральномъ полѣсьѣ, т. е. въ Московской, Тверской, Нижегородской и Смоленской губерніяхъ, и на южномъ экстенсивномъ черноземѣ, въ Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерніяхъ, не занимается земледѣліемъ.

Зависимость способа обработки надѣла отъ размѣровъ его можетъ быть показана, къ сожалѣнію, не по всѣмъ полосамъ. Такъ центральное полѣсье будетъ совсѣмъ отсутствовать.

На сѣверномъ полѣсьѣ зависимость обработки надѣла отъ размѣровъ его проведена по Демянскому уѣзду,—она изображена въ этой табличкѣ.

Размѣры надѣла.	Обрабатываютъ весь надѣлъ: Число хозяйствъ.	%	Обрабатываютъ часть надѣла: Число хозяйствъ.	%	Вовсе не обрабатываютъ: Число хозяйствъ.	%
До 5 десят. . . .	100	85,5	3	2,5	14	12,0
» 10 » . . .	2,153	85,8	167	6,7	188	7,5
» 15 » . . .	3,346	90,5	274	7,4	77	2,1
» 25 » . . .	3,309	92,5	250	7,0	20	0,5
» 50 » . . .	1,153	90,1	119	9,3	4	0,3
Болѣе 50 дес. . .	65	94,2	4	5,8	—	—
Итого . . .	10,126	76,7	817	6,2	303	2,3

До полнаго итога въ этой табличкѣ не достаетъ 14,8% хозяйствъ, которымъ нечего обрабатывать (безнадѣльныя), выдѣленныя въ сборникѣ особо. Затѣмъ, въ число хозяйствъ, обрабатывающихъ весь надѣлъ, входятъ и обрабатывающія надѣлъ наемнымъ инвентаремъ. Этимъ отчасти объясняется то обстоятельство, что по нѣкоторымъ группамъ хозяйствъ нарушается правильная зависимость, существующая между размѣромъ надѣла и способомъ его обработки. Хозяйства съ надѣломъ до 5 дес. даютъ наименьшій % хозяйствъ, обрабатывающихъ самостоятельно весь надѣлъ. Съ увеличеніемъ размѣра надѣла повышается и % самостоятельныхъ хозяйствъ: при размѣрѣ надѣла болѣе 50 дес. такихъ хозяйствъ 94,2%,— общее число ихъ нѣсколько болѣе 3/4 наличныхъ хозяйствъ (76,7%). Неустойчивость хозяйствъ, обрабатывающихъ часть надѣла, наглядно выражается въ % колебаніяхъ. Ихъ меньше всего (2,5% и 5,8%) среди хозяйствъ съ наименьшимъ и наибольшимъ размѣромъ надѣла, тогда какъ зависимость хозяйствъ, вовсе необрабатывающихъ надѣлъ, отъ размѣра его выражается рѣзко. Хозяйства съ наименьшимъ размѣромъ средствъ существованія и производства даютъ и наибольшій % необрабатывающихъ (12%); затѣмъ, по мѣрѣ увеличенія этихъ средствъ, % необрабатывающихъ понижается правильно, причемъ хозяйства съ наибольшимъ количествомъ средствъ не выдѣлили въ годъ переписи вовсе необрабатывающихъ надѣла, но, какъ мы видѣли, историческія условія существованія крестьянства угрожаютъ въ близкомъ будущемъ и этой группѣ: 4 хозяйства изъ 65 колеблются... По Елабужскому у., Вятской губ., который вмѣстѣ съ Демянскимъ у. относится къ сѣверному полѣсью, указанную роль играютъ хозяйства съ смѣшаннымъ способомъ обработки надѣла, какъ это можно видѣть въ слѣдующей табличкѣ.

ЕЛАБУЖСКІЙ УѢЗДЪ.

РАЗМѢРЪ НАДѢЛА.	Обрабатывающія своимъ скотомъ.		Наемнымъ скотомъ.		Смѣшаннымъ способомъ.		Вовсе необрабатывающія.	
	Число хозяйствъ.	%	Число хозяйствъ.	%	Число хозяйствъ.	%	Число хозяйствъ.	%
До 5 десятинъ	1,218	66,3	497	27	39	2,1	84	4,6
» 10 »	6,058	76,9	1,331	16,9	221	2,8	266	3,4
» 15 »	5,871	83,9	614	8,7	306	4,4	209	3,0
» 25 »	9,937	90,1	342	3,1	663	6,0	89	0,8
» 50 »	4,375	91,6	90	1,9	250	5,2	63	1,3
Болѣе 50 десятинъ. . . .	141	83,9	6	3,6	10	6,0	11	6,5
Итого . .	27,600	82,2	2,880	8,6	1,489	4,4	722	2,1

Хозяйства, которымъ нечего обрабатывать, составляютъ здѣсь, въ Елабужскомъ у., 2,7%, обрабатывающія своимъ скотомъ болѣе 82,2%, наймомъ—8,6%, смѣшаннымъ способомъ—4,4% и вовсе не обрабатывающія 2,1%. Зависимость между размѣрами надѣла и самостоятельностью нарушается здѣсь хозяйствами съ наибольшимъ количествомъ жизненныхъ средствъ: ихъ 83,0%, тогда какъ въ предъидущей группѣ такихъ хозяйствъ 91,6%, и затѣмъ, по мѣрѣ уменьшенія размѣровъ надѣла, понижается и число самостоятельныхъ хозяйствъ; при наименьшемъ размѣрѣ надѣла оно составляетъ двѣ трети. Хозяйства, обрабатывающія надѣлъ наемнымъ инвентаремъ, составляютъ менѣе 1/10 наличныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, но при наименьшемъ размѣрѣ надѣла число ихъ достигаетъ почти 3/10, и затѣмъ, правильно понижается съ увеличеніемъ жизненныхъ средствъ, хотя, какъ было указано, хозяйства съ наибольшимъ количествомъ средствъ производства и существованія нарушаютъ такую правильность. Минуя хозяйства, обрабатывающія надѣлъ смѣшаннымъ способомъ, — о нихъ было уже упомянуто, — остановимся на хозяйствахъ, вовсе необрабатывающихъ земли. Ихъ больше всего у группы хозяйствъ до 5 дес., число ихъ постепенно уменьшается, но двѣ послѣднія группы выдѣляютъ относительно большой % вовсе необрабатывающихъ хозяйствъ.

Для сѣвернаго трехпольнаго чернозема связь между способомъ обработки и размѣрами надѣла можетъ быть прослѣжена по Елецкому и Трубчевскому у., Орловской губ.

РАЗМѢРЪ НАДѢЛА.	Своимъ скотомъ. Весь надѣлъ.		Часть надѣла.		Наймомъ.		Сдаютъ весь надѣлъ.	
	Число хозяйствъ.	%	Число хозяйствъ.	%	Число хозяйствъ.	%	Число хозяйствъ.	%
До 5 десятинъ	8,522	54,5	487	3,1	5,254	33,6	1,376	8,8
» 10 »	14,762	73,7	1,751	8,8	2,570	12,8	944	4,7
» 15 »	6,384	79,1	1,028	12,7	398	4,9	265	3,3
» 20 »	2,274	82,2	358	12,9	50	1,8	86	3,1
» 30 »	1,144	84,8	163	12,1	19	1,4	23	1,7
Болѣе 30 десятинъ . . .	105	97,2	1	0,9	—	—	2	1,9
Итого. .	33,191	66,8	3,788	7,6	8,291	16,7	2,696	5,4

Хозяйства, которымъ нечего обрабатывать, составляютъ въ названныхъ уѣздахъ 3,5%, обрабатывающія: весь надѣлъ своимъ скотомъ—66,8%, а часть — 7,6%, хозяйствъ, обрабатывающихъ наймомъ надѣлъ — 16,7% и сдающихъ весь надѣлъ—5,4%. Изъ хозяйствъ съ размѣромъ надѣла до 5 десятинъ нѣсколько болѣе половины (54,5%)

обрабатываютъ весь надѣлъ. Увеличеніе количества жизненныхъ средствъ повышаетъ и самостоятельность крестьянскаго хозяйства: при размѣрѣ надѣла болѣе 30 дес. самостоятельность увеличивается до 97,2%. Хозяйства, обрабатывающія часть надѣла своимъ скотомъ, увеличиваются также съ увеличеніемъ размѣровъ надѣла, но въ послѣдней земельной группѣ указываемая зависимость рѣзко разрывается. % хозяйствъ, обрабатывающихъ надѣлы наймомъ, нѣсколько больше 1/3 среди хозяйствъ съ размѣромъ надѣла до 5 дес., и затѣмъ онъ быстро понижается по мѣрѣ увеличенія жизненныхъ средствъ, равняясь почти сотой части при размѣрѣ надѣла до 30 дес. Хозяйства съ наибольшимъ количествомъ средствъ производства и существованія не выдѣляютъ обрабатывающихъ наймомъ, но среди нихъ встрѣчаются сдающія весь надѣлъ. Число послѣднихъ больше всего среди хозяйствъ съ надѣломъ до 5 дес.— 8,8%, и затѣмъ правильно понижается съ увеличеніемъ размѣровъ надѣла.

По Таврической губерніи изъ южнаго экстенсивнаго чернозема данныя о способѣ обработки надѣла проведены въ зависимости отъ размѣровъ посѣва. При разсматриваніи зависимости того или другаго способа обработки надѣла здѣсь необходимо имѣть въ виду слѣдующее. Всѣми приводимыми статистическими данными я пользуюсь изъ памятной книжки Таврической губ., но въ ней нѣтъ данныхъ о способѣ обработки надѣла; ихъ пришлось взять изъ поуѣздныхъ сборниковъ. Отсюда незначительная разность (0,4%) между числомъ крестьянскихъ хозяйствъ, показанныхъ въ Памятной книжкѣ и въ поуѣздныхъ сборникахъ. Но все-таки по Ялтинскому у. не показанъ способъ обработки земли. Чтобы имѣть возможность представить распредѣленіе крестьянскихъ хозяйствъ губерніи въ зависимости хотя-бы и отъ размѣровъ посѣва, я употребилъ такой грубый способъ—всѣ хозяйства Ялтинскаго уѣзда, неимѣющія рабочаго скота, помѣщены въ рубрику хозяйствъ, обрабатывающихъ наймомъ, а всѣ хозяйства съ рабочимъ скотомъ помѣщены въ рубрику хозяйствъ, обрабатывающихъ землю своимъ скотомъ. Вслѣдствіе этого повысился среди группы хозяйствъ, засѣвающихъ до 5 дес., % хозяйствъ, обрабатывающихъ надѣлъ своимъ скотомъ, и понизился % хозяйствъ, обрабатывающихъ землю супрягою. По крайней мѣрѣ дѣло такъ представляется на первый взглядъ. Дальше, нужно имѣть въ виду, что для возможности сравненія съ остальными уѣздами губерніи приравнены по Ялтинскому уѣзду 1 десятина, занятая табакомъ, или 1/2 десятины, занятой садомъ, или 1/2 — 1/4 — 1/3 дес., занятой виноградникомъ, приравнены тому или другому числу десятинъ посѣва. Такъ, напримѣръ, если у какого-либо домохозяина д. Алупки была 1 десятина хлѣбнаго посѣва, 1 дес. подъ

табакомъ, 1/4 дес. подъ садомъ и 1/8 дес. подъ виноградникомъ, то все это мы приравнивали 31 дес. посѣва и относили, по этому, такого домохозяина къ V группѣ (отъ 25 до 50 дес. [1]). При выводѣ нормъ принималась во вниманіе не только доходность культуръ, но и устойчивость дохода, доставляемаго ими. «Конечно, нормы эти далеко не точны, но все же онѣ даютъ намъ возможность сравнивать и подъитоживать данныя по всей губерніи (стр. II)».

ТАВРИЧЕСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

Обрабатываютъ:

ЗАСѢВАЮТЪ.	Своимъ скотомъ.		Супрягою.		Наймомъ.		Другимъ способомъ.	
	Число хозяйствъ.	%	Число хозяйствъ.	%	Число хозяйствъ.	%	Число хозяйствъ.	%
До 5 десятинъ	3,423	16,7	8,277	40,4	7,560	36,9	1,024	5,0
» 10 »	3 347	14,9	15,004	66,9	3,695	16,1	360	1,6
» 25 »	16,047	42,3	20,589	54,3	1,097	2,9	118	0.3
» 50 »	15,372	92,0	1,177	7,0	120	0,7	5	0.0
Болѣе 50 десятинъ . . .	4,253	98,1	23	0.5	51	1,2	—	—
Итого . .	42,442	35,2	45.070	37.4	12,433	10,3	1,507	1,2

Несѣющія хозяйства (18,714) составляютъ 15,5%, хотя, какъ было упомянуто раньше, число хозяйствъ, которымъ нечего обрабатывать (безнадѣльныя), равняется по Таврической губ. 25,128. Хозяйства, обрабатывающія землю своимъ скотомъ, составляютъ нѣсколько болѣе 1/3, но существуетъ рѣзкая разница между количествомъ самостоятельныхъ посѣвщиковъ въ зависимости отъ размѣра посѣва. Среди хозяйствъ, засѣвающихъ до 5—10 дес., менѣе 1/5 хозяйствъ, которыя своимъ скотомъ въ состояніи обрабатывать землю; по мѣрѣ увеличенія размѣра посѣва увеличивается число самостоятельныхъ хозяйствъ, и при посѣвѣ болѣе 50 дес. на хозяйство самостоятельность этой земельной группы достигаетъ почти 100%. Число хозяйствъ, спрягающихся для обработки земли, нѣсколько больше числа самостоятельныхъ крестьянскихъ хозяйствъ и также находится въ зависимости отъ размѣровъ посѣва, но только въ обратномъ смыслѣ. Хозяйства, обрабатывающія наймомъ землю, въ общемъ составляютъ 1/10 часть, но посмотрите, какой значительный % ихъ среди той группы хозяйствъ, которая засѣваетъ до 5 дес. и какой ничтожный % среди засѣвающихъ болѣо 50 дес. Хозяйствъ, обрабатывающихъ землю

[1]) Сборникъ стат. свѣдѣній по Таврической губерніи, Ялтинскій у. предисл., стр. II.

другимъ способомъ, немного, но среди низшей, такъ сказать ремесленной группы онъ повышается до 5%.

Разсмотрѣніе безлошадности въ зависимости отъ размѣровъ надѣла показало что историческій процессъ отдѣленія производителя отъ средствъ производства и существованія произвелъ наибольшее опустошеніе среди хозяйствъ съ надѣломъ до 5 дес., что находится въ соотвѣтствіи съ тѣмъ общимъ положеніемъ, что размѣръ платежей находится въ обратномъ отношеніи съ размѣромъ надѣла... Только что приведенная зависимость способа обработки надѣла отъ размѣровъ подверждаетъ это. Наибольшій % хозяйствъ, вовсе необрабатывающихъ надѣла, сдающихъ весь надѣлъ и обрабатывающихъ его наймомъ, встрѣчали мы именно среди хозяйствъ съ надѣломъ до 5 десятинъ. Самый процессъ въ земскихъ сборникахъ обрисовывается такимъ образомъ. «Непосильные платежи дѣлаютъ сперва домохозяина неплательщикомъ; затѣмъ онъ самъ *добровольно или понуждаемый обществомъ* продаетъ мелкую скотину, корову; земля безъ навоза вовсе перестаетъ родить; онъ вынужденъ продать на хлѣбъ и лошадь; а, сдѣлавшись безлошаднымъ, не долго перейти въ разрядъ безхозяйственныхъ, вовсе забросивши свою землю или сдавъ ее за безцѣнокъ. Такой хозяинъ въ большинствѣ случаевъ долженъ идти на сторону добывать деньги на хлѣбъ и на подати, отрывается отъ семьи, порываетъ связь съ обществомъ, нерѣдко дѣлается бродягой, «гулящимъ человѣкомъ» [1]). Что особенно интереснымъ представляется среди группы хозяйствъ съ надѣломъ до 5 дес., такъ это—обработка надѣла наймомъ. По Саратовской губ. 17,6% такихъ хозяйствъ, по Воронежской губ.—28,6%, въ Елабужскомъ у.—27%, въ Елецкомъ и Трубчевскомъ—33,6% и въ Таврической губ.—36,9%. Что же это за обработка земли и долго-ли она продолжается? «Наконецъ, наступаетъ время, когда нужно продать лошадь съ тѣмъ, чтобы по веснѣ купить другую; часто это предположеніе осуществляется въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, но бываетъ и такъ, что въ первый же годъ послѣ продажи лошади домохозяинъ навсегда обращается въ безлошаднаго; привычка къ земледѣльческому труду и неприспособленность къ другимъ занятіямъ заставляютъ крестьянина цѣпко держаться за землю, а потому онъ еще не бросаетъ надѣла, а старается обработать его наймомъ, что, конечно, не можетъ представлять большихъ выгодъ,—и вотъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ такой борьбы крестьянинъ формально зачисляется въ разрядъ безхозяйныхъ» [2])—откуда

---

[1]) «Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Рязанской губ., Рязанскій у., текстъ, стр. 13.

[2]) «Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Курской губ., Тимскій у., введ., XXIII стр.

нѣтъ возврата... «Во время производства подворной переписи относительно безлошадныхъ домохозяевъ отмѣчалось, какъ давно они лишились лошади: оказывается, что зачастую потерявшіе ее 8,10 и даже 12 лѣтъ тому назадъ до сихъ поръ не могутъ собраться пріобрѣсти новую» [1]). Что *власть земли* этой своей стороной, въ видѣ привычки къ земледѣльческому труду, заставляетъ крестьянина цѣпко держаться за землю—вѣрно, но здѣсь только одно проявленіе власти земли. Другою своею стороною, въ видѣ всяческихъ платежей за землю, власть земли не менѣе цѣпко держится за крестьянина, такъ какъ именно среди хозяйствъ съ надѣломъ до 5 дес. платежи достигаютъ своего максимума. Что нибудь одно: или платежи, какъ у насъ выражаются, находятся въ соотвѣтствіи съ доходами отъ земли, или нѣтъ. Если нѣтъ, то и тѣмъ крестьянамъ, которые пощажены рукой безпощаднаго времени и которые продолжаютъ еще свое самостоятельное занятіе земледѣліемъ, нѣтъ смысла брать на себя лишнюю обузу. Г-нъ В. Пругавинъ совершенно вѣрно замѣчаетъ [2]), что тамъ, гдѣ платежи за землю высоки, тамъ и община крѣпка. Т. е. въ такихъ общинахъ во всей своей силѣ проявляется пресловутое равненіе. Крестьянинъ и радъ вовсе необрабатывать землю, необряжать ее, да община цѣпко держится за него, по мотивамъ, конечно, «не узко, а широко эгоистическимъ, по мотивамъ соціальнымъ», проще «изъ альтруизма, болѣе широкихъ или отдаленныхъ соображеній и т. п.», заставляя платить за приходящійся по *равненію* надѣлъ. Чѣмъ платить «спуста»—крестьянинъ сохраняетъ тѣнь доморощенной самостоятельности, и обрабатываетъ надѣлъ наймомъ... Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», въ корреспонденціяхъ изъ Владимірской губ., ежегодно сообщается, что массы крестьянъ ломятся на мѣстныя фабрики, но что немногимъ *«счастливцамъ»* удается попасть... Т. е. историческій процессъ отдѣлятъ производителя отъ средствъ производства въ геометрической прогрессіи, тогда какъ крупная промышленность, какъ ни быстро она у насъ развивается, поглощаетъ «освобожденнаго» въ ариѳметической.

Если бы развитіе крупной промышленности не находилось въ зависимости отъ превращенія крестьянъ въ пролетаріевъ, если бы здѣсь, такъ сказать, предложеніе труда находилось въ соотвѣтствіи съ спросомъ, или если бы историческій процессъ отдѣлялъ отъ средствъ производства и существованія ровно столько работниковъ, сколько нужно для развивающагося капитала, то неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого отдѣленія было бы громадное увеличеніе зара-

---

[1]) Тамъ же, Льговскій у., введ., стр. 13.

[2]) «Русская поземельная община въ трудахъ ея мѣстныхъ изслѣдователей», М., 1888 г., стр. 17.

ботной платы, что подорвало бы въ корень капиталистическое производство. При обыкновенныхъ «нормальныхъ» условіяхъ освобожденія выбрасывается на рабочій рынокъ большое количество работниковъ, такъ что образуется естественная резервная армія, изъ рядовъ которой и рекрутируется индустріальный пролетаріатъ по рукамъ и ногамъ связанный въ борьбѣ съ капиталомъ конкуренціею своихъ же собратьевъ...

IV. Аренда внѣнадѣльной земли, промыслы и эксплуатація наемнаго труда.

Обратимся къ разсмотрѣнію аренды внѣнадѣльной земли, промысловъ, эксплуатаціи наемнаго труда и аренды надѣльной земли.

Къ моему великому сожалѣнію, свѣдѣнія объ арендѣ внѣнадѣльной земли не могутъ быть представлены хотя бы въ такомъ связномъ видѣ, какъ это сдѣлано по отношенію къ южному трехпольному чернозему.

Начнемъ съ центральнаго полѣсья. По Смоленской губ. 65,393 хозяйства изъ 97,766 арендуютъ 355,609 дес. за 757,991 руб. [1]). Означеннымъ 97,766 хозяйствамъ принадлежитъ 972,640 дес. надѣльной удобной земли; имъ приходится платить всякихъ платежей, сборовъ и повинностей 1.835,891 руб. Если мы теперь переведемъ все это на проценты, то получимъ, что $66_{,9}$% хозяйствъ арендуютъ внѣнадѣльной земли $36_{,6}$% по отношенію къ надѣлу. За десятину надѣльной земли приходится платить $1_{,89}$ руб., тогда какъ за десятину арендованной земли $2_{,13}$ руб., или на $12_{,7}$% больше. По Тверской губ. крестьяне арендуютъ 343,719 дес., или $31_{,2}$% по отношенію къ надѣльной землѣ (1.102,991 дес.) за 629,079 руб. [2]). За десятину надѣла платятъ $1_{,72}$ (1.898,166 руб.), а за арендованную десятину $1_{,83}$ руб. или на $6_{,4}$% больше. По Нижегородской губ. 18,905 хозяйствъ (или $31_{,7}$%) изъ 60,018 арендуютъ пашни и покоса 62,141 дес., или $13_{,9}$% на надѣльной землѣ (446,847 дес.).

---

[1]) По Смоленской губ. существуютъ разнообразныя формы аренды внѣнадѣльной земли. Всѣ неденежныя формы аренды приравнивались мною къ денежной и вычислялись соотвѣтственно по средней денежной платѣ за тотъ или другой видъ аренды, если было извѣстно число десятинъ, и, наоборотъ,—если число десятинъ не было извѣстно.

[2]) По Тверской губ. съ данными по арендѣ земли мы поступали такъ же, какъ по Смоленской губ.

за 399,778 руб. [1]), или по $6._{43}$ руб. за десятину. Платежи (854,449 руб.) составляютъ $1._{91}$ руб. за десятину. Арендная плата за десятину больше платежей на $236._{6}\%$. Въ Подольскомъ у., Московской губ., въ 1877 г., крестьяне арендовали пашни, покосовъ и пастбищъ 39,970 дес.. или $34._{1}\%$ по отношенію къ надѣльной землѣ (117,225 дес.) за 41,768 руб. [2]), или по $1._{04}$ руб. за десятину. Здѣсь, въ 1877 г., арендная плата за десятину меньше платежей на десятину ($3._{27}$ руб.). По Московскому уѣзду крестьяне арендовали въ 1881 г. земли на 101,047 руб. [3]); сборника по этому уѣзду у меня нѣтъ подъ руками, и потому нѣтъ нужныхъ вычисленій.

На сѣверномъ полѣсьѣ меньше всего встрѣчается свѣдѣній объ арендѣ. По Вятской губ. 34.717 хозяйствъ (или $19._{4}\%$) изъ 179,165 арендуютъ землю. По Пермской губ. 4,505 хозяйствъ изъ 13,029, или $34._{6}\%$, арендуютъ землю. а по Новгородской—4,844 хозяйства изъ 13,200 или $36._{7}\%$. По Петербургской губ. арендуется на 418,477 р. земли, что по отношенію къ платежамъ (1.784 636 руб.) составляетъ около $^1/_4$ ($23._{4}\%$); въ это число не вошла аренда по Петергофскому у. и аренда за отработки по Шлиссельбургскому уѣзду.

На сѣверномъ трехпольномъ черноземѣ [4]) нѣтъ массовыхъ свѣдѣній по Казанской губ. Затѣмъ, 184,145 хозяйствъ изъ 553,925 арендуютъ 751,847 дес. внѣнадѣльной земли: $33._{2}\%$ хозяйствъ и $15._{6}\%$ по отношенію къ надѣльной землѣ (4.833,208 дес.). Но такъ какъ по Трубчевскому у. Орловской губерніи нѣтъ свѣдѣній объ арендной платѣ, то за исключеніемъ его и Казанской губ. мы получаемъ, что 173,773 хозяйства изъ 538,788 арендуютъ 708,265 дес. внѣнадѣльной земли за 8.055,442 р. Надѣльной земли имъ принадлежитъ 4.679,258 дес.; всѣ платежи, но безъ страховыхъ, составляютъ 12.638,890 руб. Переведя на болѣе понятный языкъ, получимъ, что $32._{3}\%$ хозяйствъ сѣвернаго трехпольнаго чер-

---

[1]) По Нижегородской губ. число десятинъ пашни и покоса показано въ сводахъ общихъ данныхъ о положеніи крестьянскаго хозяйства. Арендная плата взята изъ соотвѣтственныхъ мѣстъ текста и приложеній.

[2]) Сборникъ стат. свѣд. по Московск. губ., томъ II, стр. 28 и 32.

[3]) Статист. ежегодникъ Москов. губ. зем. 1886, II, стр. 6 –7.

[4]) По Тамбовской губ. показана только подесятинная аренда внѣнадѣльной земли, т. е. безъ аренды крупными участками и покоса, когда была, извѣстна только сумма, на которую арендовано покоса. Арендныя цѣны взяты изъ соотвѣтствующихъ мѣстъ текста сборниковъ. По Орловской губ. арендная плата въ видѣ отработокъ и части продукта приравнена къ соотвѣтствующей денежной: по Мценскому у. по средней поразрядной, а по Елецкому по средней по размѣрамъ надѣла. По Рязанской губ. арендная плата цѣликомъ взята изъ сборниковъ.

нозема арендуютъ $15,_{11}\%$ внѣнадѣльной земли (по отношенію къ надѣльной) по $11,_{87}$ руб. за десятину, тогда какъ всѣ платежи безъ страховыхъ составляютъ $2,_{750}$ руб. съ десятины удобной надѣльной земли. Арендная плата за десятину въ $4,_{321}$ разъ больше всѣхъ платежей съ десятины, или на $321,_{11}\%$.

На сѣверномъ экстенсивномъ черноземѣ (Самарской губ. [1]), 139,786 ($47,_{4}\%$) хозяйствъ изъ 294,786 арендуютъ 1.218,801 дес. внѣнадѣльной земли за 4.881,942 руб. и на 1.670,157 рублей покосовъ и пастбищъ (въ эту послѣднюю цифру не вошла плата за 652 дес., арендуемыхъ дарственниками Ставропольскаго уѣзда). Вся арендная плата составляетъ 6.552.099 руб. и больше всѣхъ платежей, безъ страховыхъ (5,261,798 р.), на 1.290,301 рубль.

На южномъ экстенсивномъ черноземѣ свѣдѣніями объ арендѣ я располагаю по Екатеринославской [2]) и Таврической [3]) губ. «Результаты подворныхъ описей» въ Апаньевскомъ и Елизаветградскомъ уѣздѣ представляютъ собою и по объему, и по содержанію нѣчто такое самобытно-дикое, что пользоваться ими въ данномъ случаѣ нѣтъ возможности. По Екатеринославской губ. 39,711 хозяйствъ ($46,_{3}\%$) изъ 85,852 арен-

---

[1]) Неденежная арендная плата приравнивалась къ денежной соотвѣтственнаго вида угодій. Арендныя денежныя платы взяты изъ таблицъ, гдѣ онѣ выдѣлены особо, и изъ текста.

[2]) По Славяно-сербскому у. арендная плата за бахчи, конопляники, огородную землю и крупными участками, какъ и за подесятинный съемъ пашни и покоса, вычислена по среднимъ поразрядным денежнымъ платамъ, показаннымъ въ III вып. Славяно-сербскаго у., на 268 стр. для пашни и 276—для покоса, причемъ арендная плата за десятину участковъ взята средняя изъ платы за пашню и покосъ, такъ какъ при арендѣ участками преобладаютъ пашня и покосъ. По Бахмутскому у. всего арендовано крестьянами $173,788_{14}$ дес. (текстъ, стр. 179). Въ дѣйствительности же крестьяне воспользовались $114,302_{,17}$ дес., такъ какъ «при скопщинѣ отошло въ пользу землевладѣльцевъ, по расчету условленной доли $41,462_{,62}$ дес. и при съемкѣ съ борозды поступило имъ же $2,314_{,21}$ дес. (стр. 99)». Въ итогѣ поставлено 114,302 дес. и, согласно съ Приложеніемъ къ сборнику (стр. 245—267), 433,967 руб.+1,226 руб. По Ростовскому у. арендная плата, въ видѣ «скопщины» и «отработокъ», приравнена къ денежной.

[3]) Арендная плата отработками и изъ доли продукта вычислена соотвѣтственно по средней губернской поразрядной денежной платѣ, показанной въ Памятной книжкѣ, такъ какъ она представляетъ правильную зависимость отъ величины посѣвной площади: чѣмъ большее количество посѣвной площади у домохозяина, тѣмъ дешевле онъ арендуетъ землю. Количество арендуемой изъ доли продукта земли поставлено то, которое приходится съемщикамъ.

дуютъ 565,709 дес. внѣнадѣльной земли, или 45,1% по отношенію къ надѣльной землѣ (1.253,594 дес.). По Маріупольскому у. неизвѣстны арендныя цѣны за землю. За исключеніемъ его, 34,416 хозяйствъ, или 56,3%, изъ 61,128 арендуютъ 479,024 дес. внѣнадѣльной земли, или 65,8% по отношенію къ надѣльной землѣ (727,885 дес.), за 1.539,385 руб., или по 3,21 руб. за десятину. Платежи же составляютъ 965,728 руб., или 1,32 руб. съ десятины. Арендная плата за десятину больше платежей съ десятины земли, поступившей въ надѣлъ, въ 2,43 раза, или на 143,2%. По Таврической губерніи 38,980 хозяйствъ (32,2%) изъ 120,632 арендуютъ 469,038 десятинъ внѣнадѣльной земли, или 40,2% надѣльной, за 1.440,154 руб., или по 3,07 руб. за десятину.

Наконецъ, для полноты, привожу данныя объ арендѣ чужой земли на южномъ трехпольномъ черноземѣ [1]). Здѣсь 336,757 хозяйствъ изъ 825,472, или 40,8%, арендуютъ 1.698,389 дес., или 22% къ надѣльной (5.088,448 дес.) за 14.859,207 рублей. За десятину надѣльной земли платится 3,42 руб. (17.406,247 руб. платежей), а за десятину арендованной 8,75 руб. Арендная плата больше платежей съ надѣльной десятины на 5,33 руб., или на 155,8%.

Слѣдовательно, крестьянство арендуетъ добрую долю чужой, частновладѣльческой земли. Если по историческимъ условіямъ оно вынуждено арендовать такое количество земли, то съ другой стороны, частное землевладѣніе служитъ экономическимъ основаніемъ для крестьянства. А такъ какъ вовсе необрабатывающіе надѣлъ, сдающіе его въ аренду и обрабатывающіе наймомъ не арендуютъ земли, то, значитъ, «самостоятельность» нашего крестьянства основана частью на арендѣ частновладѣльческой земли. Разъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, частные землевладѣльцы сами будутъ заниматься земледѣліемъ, то самостоятельности нашего крестьянства будетъ нанесенъ сильный ударъ: часть самостоятельнаго крестьянства превратится въ несамостоятельныхъ земледѣльцевъ.

Но приведенныя выше цифры аренды внѣнадѣльной земли говорятъ только о томъ, сколько крестьянство арендуетъ такой земли, но ничего не говорятъ о томъ, какъ распредѣляется арендованная земля среди этого крестьянства. Иллюстрируемъ, поэтому, сказанное. Начнемъ съ центральнаго полѣсья. Приводимая табличка по Калязинскому у. Тверской губ. показываетъ число семей, арендующихъ внѣнадѣльную землю и количество ея въ зависимости отъ размѣровъ надѣла.

---

[1]) «Юрид. Вѣстн»., 1891, №№ 5—6. Итоги крестьянскаго хозяйства, П. Скворцова, стр. 166—172.

РАЗМѢРЫ НАДѢЛА.	Число семей, арендующихъ землю. Всего.	%	Число десятинъ арендуемой земли. Всего.	% къ надѣльной.
До 5 дес.	508	69,8	1,965	59,9
» 10 »	9,003	53,1	40,444	28,8
Болѣе 10 дес.	606	27,0	2,125	7,4
Итого	10,117	50,8	44,534	25,2

Раньше не приведено по Тверской губ. % отношеніе крестьянскихъ хозяйствъ, арендующихъ внѣнадѣльную землю, и потому нельзя судить, выходитъ-ли изъ средняго тотъ % крестьянскихъ хозяйствъ Калязинскаго у., который нуждается въ арендѣ чужой земли. Оказывается, что въ этомъ уѣздѣ половина хозяйствъ (50,8%) арендуютъ 44,534 дес. внѣнадѣльной земли, что составляетъ $^1/_4$ надѣльной. Но какъ она распредѣляется въ зависимости отъ размѣровъ надѣла? Среди земельной группы до 5 дес. почти 0,7 хозяйствъ арендуютъ почти 0,6 земли по отношенію къ своему надѣлу. По мѣрѣ увеличенія размѣра надѣла уменьшается какъ число хозяйствъ, арендующихъ внѣнадѣльную землю, такъ и % ея по отношенію къ надѣльной, но и среди самой богатой въ уѣздѣ земельной группы больше $^1/_4$ хозяйствъ (27%) арендуютъ чужой земли 7.4% по отношенію къ надѣльной. По Васильскому у. Нижегородской губ. не показано въ матеріалахъ количество земли, арендуемой тою или другою земельною группою, но извѣстно число арендующихъ дворовъ. Здѣсь оказывается совершенно обратное тому, что мы только что видѣли въ Калязинскомъ у.: въ Васильскомъ у. число хозяйствъ, арендующихъ внѣнадѣльную землю, увеличивается съ увеличеніемъ размѣровъ надѣла, а не уменьшается, какъ въ Калязинскомъ у.

Въ сѣверномъ полѣсьѣ, въ Елабужскомъ у., Вятской губ., число хозяйствъ, арендующихъ пашню и въ Демянскомъ у., Новгородской губ., число хозяйствъ, арендующихъ вообще землю, находится въ такой зависимости отъ размѣровъ надѣла, что чѣмъ меньше количество жизненныхъ средствъ и средствъ производства у данной группы хозяйствъ, тѣмъ большее число ихъ арендуетъ землю. Но такъ какъ число десятинъ арендованной тою или другою группою хозяйствъ земли не показано, то я ограничиваюсь только указаніемъ на такой фактъ и перейду къ сѣверному трехпольному чернозему.

На этомъ черноземѣ, по Рязанскому у. крестьяне арендуютъ 23,545 дес. внѣ надѣльной земли, или 14,6% надѣльной. Въ зависимости отъ размѣровъ надѣла она распредѣляется такъ: хозяйства съ размѣромъ надѣла

до 5 дес. включительно арендуютъ 24,5% (4,533 дес.) по отношенію къ надѣльной землѣ (18,238 дес.), хозяйства съ надѣломъ до 10 дес. арендуютъ 14,3% (18,852 дес.) по отношенію къ надѣльной (131,429 дес.) и хозяйства съ надѣломъ болѣе 10 дес. арендуютъ (76 дес.) 0,7% надѣльной (11,250 дес.) Безнадѣльныя также арендуютъ землю и вошли въ общій итогъ, но я о нихъ не упоминаю. Въ приведенныя числа не входятъ, какъ вообще во всю табличку по Рязанскому у., крестьяне с. Коростова Ямской слободы. По Елецкому и Трубчевскому у. Орловской губ. приводится слѣдующая табличка:

РАЗМѢРЪ НАДѢЛА.	Аренда внѣнадѣльной земли.			
	Хозяйствъ.	%	Десятинъ.	% къ надѣльной.
До 5 десят. . . .	5,078	32,5	12,345	23,4
» 10 » . . .	8,770	43,8	27,957	18,8
» 15 » . . .	3,643	45,1	15,270	15,3
» 20 » . . .	1,357	49,0	8,509	17,17
» 30 » . . .	609	45,1	4,896	14,3
Болѣе 30 десят. .	91	84,3	1,098	27,5
Итого. .	19,733	39,7	71,039	18,3

Въ итогѣ хозяйствъ, арендующихъ внѣнадѣльную землю, вошли и безнадѣльныя, какъ и въ итогъ арендуемыхъ десятинъ. Изъ крестьянскихъ хозяйствъ Елецкаго и Трубчевскаго у. около 4/10 арендуютъ 18,3% земли по отношенію къ надѣльной. Въ противуположность къ Калязинскому у. и въ согласіи съ Васильскимъ у. при арендѣ внѣнадѣльной земли крестьянами Елецкаго и Трубчевскаго у. обнаруживается, что число хозяйствъ увеличивается съ увеличеніемъ размѣровъ надѣла, но количество арендуемой земли находится въ общемъ въ правильной зависимости отъ размѣра надѣла. Только хозяйства съ наивысшимъ размѣромъ надѣла нарушаютъ указанную правильность. Среди хозяйствъ съ надѣломъ до 5 дес. почти треть арендуетъ такое количество земли, которое составляетъ около 1/4 надѣльной. Затѣмъ, съ увеличеніемъ размѣра надѣла увеличивается число хозяйствъ арендующихъ внѣнадѣльную землю, но уменьшается относительное количество ея. Начиная съ хозяйствъ съ надѣломъ до 20 дес. обнаруживается неправильность, такъ что хозяйства съ наибольшимъ количествомъ жизненныхъ средствъ даютъ и наибольшій % арендующихъ и арендуютъ наибольшее относительное количество земли. По Тамбовской губерніи даже хозяйства съ наибольшимъ размѣромъ надѣла не обнаруживаютъ ни малѣйшаго желанія выйти изъ подъ «власти земли» [1]), по крайней мѣрѣ

[1]) Труды И. В. Э. О., № 3, стр. 171.

по отношенію къ арендѣ пашни. Въ этой табличкѣ приводится по Тамбовской губ. число хозяйствъ, нанимающихъ пашню, и число нанимаемыхъ десятинъ внѣнадѣльной земли.

РАЗМѢРЪ НАДѢЛА.	Арендующихъ пашню. Хозяйствъ.	%	Арендуемыхъ десятинъ. Всего.	% къ надѣлу.
До 5 десят. . . .	13,468	41,10	62,638	68,7
» 10 » . . .	57,192	31,4	210,541	21.3
» 15 » . . .	29,647	27.9	135,622	10,0
» 20 » . . .	7,562	21,1	32,282	5.7
Болѣе 20 десят. .	83	15,8	456	3,9
Итого. .	107,952	34,11	441,539	14.7

Больше трети крестьянскихъ хозяйствъ Тамбовской губерніи арендуютъ одной внѣнадѣльной пашни 441,539 дес., что составляетъ 14,7% по отношенію ко всей надѣльной землѣ. Распредѣленіе аренды среди земельныхъ группъ показываетъ, что среди хозяйствъ съ наименьшимъ размѣромъ надѣла больше $^4/_{10}$ арендуютъ одной пашни 62,638 дес., что составляетъ двѣ трети надѣльной земли. Съ увеличеніемъ количества жизненныхъ средствъ и средствъ производства уменьшается какъ число хозяйствъ, арендующихъ пашню, такъ и число десятинъ по отношенію къ надѣлу; но даже среди хозяйствъ съ надѣломъ болѣе 20 дес. встрѣчается 15,8% арендующихъ правда незначительное количество пашни—3,9% по отношенію къ надѣлу.

На сѣверномъ экстенсивномъ черноземѣ, крестьяне Бузулукскаго, Ставропольскаго и Самарскаго уѣздовъ Самарской губерніи арендуютъ 611,319 дес. внѣнадѣльной земли, что составляетъ 27,4% по отношенію къ надѣльной (2.230,246 дес.). Число хозяйствъ, которыя арендуютъ, неизвѣстно, но извѣстно, какая земельная группа сколько арендуетъ внѣнадѣльной земли. Хозяйства съ надѣломъ до 5 дес. арендуютъ 90,271 дес., или 390% по отношенію къ надѣльной землѣ (23,146 дес.); хозяйства съ надѣломъ до 10 дес. (96,261 дес. надѣльной земли) арендуютъ 44,229 дес., или 45,9%; хозяйства съ надѣломъ до 15 дес. (378,385 дес.) арендуютъ 189,392 дес., или 50,1%; хозяйства съ надѣломъ до 20 десятинъ (567,004 дес.) арендуютъ 144,333 дес., или 25,5% и хозяйства съ надѣломъ болѣе 20 дес. (1.165,450 дес.) арендуютъ 143,094 дес. или 12,3%. Въ общемъ, существуетъ правильная зависимость между размѣромъ надѣла и количествомъ арендованной земли, но такая правильность нарушается или группою хозяйствъ до 10 дес., или же до 15 дес.

На южномъ экстенсивномъ черноземѣ распредѣленіе аренды въ зависимости отъ числа засѣянныхъ хозяйствомъ десятинъ можетъ быть показано по Таврической губерніи. Вездѣ, гдѣ были соотвѣтствующія данныя, мы видѣли, что аренда внѣнадѣльной земли распредѣляется среди земельныхъ группъ такъ, что чѣмъ меньше размѣръ надѣльной земли, тѣмъ больше арендуется земли, и если встрѣчались исключенія, то они относились обыкновенно къ такимъ хозяйствамъ, которыя хотя и владѣли значительнымъ надѣломъ, но число которыхъ было незначительно, такъ что эти хозяйства, можетъ быть, вслѣдствіе чисто мѣстныхъ условій могли арендовать «землицы косячекъ изрядный». По Таврической губ., напротивъ, встрѣчаемся съ тѣмъ фактомъ, что аренда внѣнадѣльной земли увеличивается съ увеличеніемъ размѣра надѣла. Что мы имѣемъ дѣло здѣсь съ новообразованіемъ, *съ фермерскимъ* хозяйствомъ, доказывается еще и тѣмъ, помимо уже указаннаго выше, что въ Таврической губерніи среди группы хозяйствъ съ посѣвомъ болѣе 50 дес. 66,5% хозяйствъ имѣютъ наемныхъ рабочихъ. Табличка по названной губерніи приводится здѣсь:

РАЗМѢРЪ ПОСѢВА.	Надѣльной пашни десятинъ.	Аренда внѣнадѣльной земли. Хозяйствъ.	%	Десятинъ.	% къ надѣльной пашнѣ.
Не сѣютъ.	130,749	362	1,9	2,052	17,2
Засѣваютъ: до 5 дес. .		7,775	37,9	19,389	
» 10 » . .	163,102	6,474	28,9	36,310	22,3
» 25 » . .	443,127	13.348	35,2	116,933	26,4
» 50 » . .	330,690	8,050	48,2	153,965	46,6
Болѣе 50 » . .	99,557	2,967	68,4	140,389	141,0
Итого. .	1.167,215	33.980	32,3	469,033	40,2

Надѣльная пашня у несѣющихъ хозяйствъ и засѣвающихъ до 5 дес., показана вмѣстѣ, и потому отношеніе количества арендованной внѣнадѣльной земли къ надѣльной для обѣихъ этихъ группъ сдѣлано вмѣстѣ. Около трети всѣхъ крестьянскихъ хозяйствъ Таврической губ. арендуютъ внѣнадѣльной земли столько, что она составляетъ $^4/_{10}$ по отношенію къ надѣльной пашнѣ, но распредѣленіе аренды среди земельныхъ группъ иное, чѣмъ это обыкновенно встрѣчается. Число арендующихъ хозяйствъ среди засѣвающихъ до 5 дес. нѣсколько больше такового же числа хозяйствъ среди слѣдующей группы, но количество арендованной земли, выраженное въ пашнѣ, меньше, чѣмъ у слѣдующей группы, такъ что въ общемъ по Таврической губ. какъ число хозяйствъ, арендующихъ внѣнадѣльную землю,

такъ и количество арендуемыхъ десятинъ, выраженное у каждой группы въ ея надѣльной пашнѣ, возрастаетъ съ увеличеніемъ размѣровъ посѣва, и у засѣвающихъ болѣе 50 дес. достигаетъ громаднаго процента—141. Историческія условія освобожденія крестьянъ отъ крѣпостныхъ отношеній были такія: «Надѣлъ не обезпечиваетъ быта крестьянъ даже при той численности ихъ, какая опредѣлена была послѣднею ревизіею, причемъ вслѣдствіе различія въ величинѣ надѣловъ отъ высшаго до низшаго и четвертнаго включительно, не только въ разныхъ мѣстностяхъ бытъ крестьянъ не обезпеченъ въ одинаковой степени, но и въ одной и той же мѣстности не всѣ крестьяне обезпечены одинаково. Платежи и повинности за землю не находятся вовсе въ соотвѣтствіи, не говоримъ уже съ доходами, отъ надѣловъ получаемыми, но и со всей совокупностью условій, обезпечивающихъ бытъ крестьянъ—напротивъ, они находятся въ обратномъ отношеніи съ степенью обезпеченности этого быта земельными надѣлами» [1]). Государственные крестьяне въ общемъ лучше надѣлены землею, чѣмъ помѣщичьи, что наглядно выражается въ «Статистикѣ поземельной собственности»: ревизскія души помѣщичьихъ крестьянъ съ показаніемъ размѣровъ надѣла находятся на верхнихъ страницахъ, тогда какъ души государственныхъ крестьянъ фигурируютъ въ низу страницъ, гдѣ показаны самые большіе размѣры надѣла. Но и они арендуютъ внѣнадѣльную землю, какъ это можно показать, основываясь на данныхъ земской статистики. Поэтому, говоря объ историческихъ условіяхъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостныхъ отношеній, подъ крестьянами можно разумѣть и всѣ другіе разряды, такъ какъ и для нихъ совершилось своего рода «освобожденіе» въ видѣ отграниченія надѣловъ государственныхъ крестьянъ отъ государственныхъ земель, въ коихъ они пользовались разными очень существенными правами. Послѣдствіемъ указанныхъ условій освобожденія была вынужденная аренда внѣнадѣльной земли, на условіяхъ, которыя диктовались частными землевладѣльцами, подъ угрозой полуголоднаго свободнаго существованія на своей собственной надѣльной землѣ. Эту вынужденность объясняютъ такимъ образомъ: «Нашъ крестьянинъ, ведущій самостоятельное земледѣльческое хозяйство, успѣвшій уже оцѣнить и полюбить независимый трудъ, всѣми силами сопротивляется замѣнѣ его подневольнымъ, батрацкимъ и въ крайнемъ случаѣ *предпочитаетъ лучше непомѣрно высокой арендной платой отбить у землевладѣльца охоту самому заниматься хозяйствомъ, покупать*

---

[1]) Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ Янсона, 1881, 2-е изд. стр. 130—131.

у него себѣ независимое существованіе» [1]). «Мужикъ (!)... высокой рентой *купилъ* у землевладѣльца *свою самостоятельность»* [2]). Но этого мало. Самостоятельность видятъ тамъ, гдѣ и тѣни ея нѣтъ, видятъ не только борьбу, но и побѣду тамъ, гдѣ крестьянство разбито на голову. «Весь двадцати-лѣтній послѣреформенный періодъ длилась у насъ борьба мелкой земледѣльческой культуры съ крупной, и внимательный наблюдатель ни на минуту не могъ усомниться, въ чью пользу клонилась побѣда» [3]). Понятно, поэтому, что «за то онъ (крестьянинъ) имѣетъ нравственное удовлетвореніе и сослужитъ великую службу будущему своей родины, устранивъ съ ея почвы капиталистическое земледѣліе» [4]). Шумъ и трескъ статей г. В. В., печатавшихся къ тому же въ «*Отечественныхъ Запискахъ*», а главное туманъ, настолько застили глаза внимательнымъ наблюдателямъ, что уничтоженіе г. В. В. капитала отразилось въ беллетристикѣ. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ одномъ изъ романовъ г. Эртеля такъ-таки прямо и говоритъ, что появились статьи, вслѣдствіе которыхъ капиталу капутъ. Но трезвое отношеніе къ дѣйствительности брало верхъ надъ этой виттовой пляской народниковъ. Такъ, уже въ 1885 г. курскіе статистики писали: «Правда, подъ вліяніемъ неудачъ, посѣтившихъ земледѣльца въ послѣдніе неурожайные годы, онъ подчасъ и скептически смотритъ на плодотворность своей миссіи на родинѣ, и оставляетъ не только арендовать землю, но даже продаетъ или сдаетъ и надѣлъ, чтобы отправиться искать счастья за предѣлами родины, въ качествѣ «сходца (переселенца)» или только на сторону «на время», для промышленныхъ цѣлей» [5]). Такимъ образомъ, одно изъ послѣдствій самостоятельности крестьянъ состоитъ въ томъ, что крестьяне «непомѣрно высокой платой» расплачиваются за свою побѣду въ борьбѣ «мелкой земледѣльческой культуры съ крупной», за свое желаніе «отбить у землевладѣльца охоту самому заниматься земледѣліемъ»... Но это одна сторона дѣла. Въ нашей кротко-либеральной литературѣ часто раздаются упреки,— и все въ виду трогательной заботы о «мужикѣ», въ виду высшихъ государственныхъ интересовъ!—частному землевладѣнію за то, что оно не эксплоатируетъ землю по послѣднему слову европейской агрономической науки, а предпочитаетъ «непомѣрно высокую арендную плату» охотѣ «самому заниматься хозяйствомъ. Упрекъ отличается наивностью, которая

---

[1]) Судьбы капитализма въ Россіи г. В. В., стр. 158.

[2]) Тамъ же, стр. 158.

[3]) Тамъ же, стр. 197—198.

[4]) Тамъ же, стр. 289.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Курской губ., Грайворонскій уѣздъ, 1885, IV, стр. 309.

напоминаетъ наивность Щедринской тетеньки, смѣшивающей Цезаря съ Брутомъ, и не имѣетъ историческихъ прецедентовъ. Если англійскіе помѣщики подѣлили между собою поземельную собственность, то ужъ, разумѣется, не съ цѣлью самимъ заниматься хозяйствомъ... Если же нашимъ землевладѣльцамъ самимъ придетъ охота заниматься хозяйствомъ, т. е. если землевладѣльцы при посредствѣ мелioраціонныхъ кредитовъ, элеваторовъ, «научной помощи нашему земледѣлію» и проч., и проч., найдутъ выгоднымъ сами заниматься хозяйствомъ вмѣсто безхитростнаго полученія «непомѣрно высокой арендной платы» [1]), то такое ихъ намѣреніе прежде всего отразится на крестьянствѣ. Какъ было показано, крестьяне арендуютъ добрую долю внѣнадѣльной земли по отношенію къ надѣльной. Разъ землевладѣльцы станутъ сами заниматься сельскимъ хозяйствомъ, то, естественно, они уже не будутъ отдавать въ аренду своей земли. И, такимъ образомъ, часть нашего «самостоятельнаго» крестьянства, основаннаго на поддержкѣ частнаго землевладѣнія въ видѣ аренды, прекратитъ свою самостоятельность. Распредѣленіе арендованной внѣнадѣльной земли среди крестьянства показало намъ, что, за исключеніемъ Таврической губерніи, крестьяне тѣмъ больше арендуютъ земли, чѣмъ меньше размѣръ надѣла. Такимъ образомъ, частные землевладѣльцы, занимаясь сами сельскимъ хозяйствомъ, нанесутъ серьезный ударъ самостоятельности именно тѣхъ крестьянскихъ хозяйствъ съ незначительнымъ надѣломъ, самостоятельность коихъ основана на арендѣ внѣнадѣльной земли. Желаніе землевладѣльцевъ самимъ заниматься земледѣліемъ только ускоритъ историческій процессъ отдѣленія производителя отъ средствъ производства и существованія, обусловленный реформой 19 февраля 1861 г., т. е. ускоритъ превращеніе крестьянъ въ пролетаріевъ.

Свѣдѣнія о промыслахъ крестьянства отличаются тою-же «широтою», какая обнаружилась и при разсмотрѣніи аренды внѣнадѣльной земли, т. е. свѣдѣнія о промыслахъ нельзя представить въ какой-либо связной формѣ. Поэтому, приходится ограничиться приведеніемъ ихъ не только поволостно, но и по губерніямъ. Занятіе промыслами имѣетъ важное историческое значеніе въ процессѣ развитія одной формы производства въ другую. Написать исторію промысловъ, т. е. показать ихъ отношеніе съ одной стороны къ земледѣлію, а съ другой—къ капиталистическому производству,— дѣло будущаго историка. Можно только пожелать, чтобы исторія про-

[1]) А это можетъ произойти тогда, когда земледѣльческая техника будетъ поднята до уровня западно-европейской, причемъ рѣшающее вліяніе на удешевленіе стоимости производства «нашего русскаго хлѣба» будетъ имѣть заработная плата нашему русскому сельскому работнику, а она очень низка по сравненію съ платой его собратьевъ въ Европѣ и Америкѣ.

мысловъ была написана не съ такой полѣной точки зрѣнія: «Не будь ихъ (кустарныхъ промысловъ), половина земледѣльческой Россіи большую часть года проводила бы въ праздности и врядъ-ли имѣла бы средства для уплаты податей и повинностей» [1]). Болѣе откровенный крѣпостникъ сказалъ бы... «проводила-бы въ пьянствѣ»... Но и затѣмъ все идетъ къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ!

Мѣстные и отхожіе промыслы связываютъ старое, крѣпостное общество, покоющееся на земледѣліи съ подсобными промыслами, съ новымъ, основаннымъ на наемномъ трудѣ, точно такъ же, какъ кустарные промыслы служатъ естественною связью съ фабричнымъ производствомъ. Черезъ посредство мѣстныхъ и отхожихъ промысловъ капиталистическое производство овладѣваетъ мало-по-малу свободнымъ работникомъ-земледѣльцемъ, превращая его въ наемнаго работника. Съ другой стороны, овладѣвая кустарнымъ производствомъ, капиталистическое производство овладѣваетъ и кустаремъ, также превращая его въ наемнаго работника. Въ первомъ случаѣ, оно овладѣваетъ тѣми работниками, которыхъ такъ сказать выбрасываетъ на улицу земледѣльческое хозяйство, а во второмъ—оно подкапывается подъ экономическое основаніе мелкаго производителя.

Исторія русскаго общества, если чѣмъ и отличается отъ исторіи англійскаго, то это тѣмъ, что въ Англіи насильственная экспропріація сельскаго населенія имѣла слѣдствіемъ законы о бѣдныхъ, кровавое законодательство противъ экспропріируемыхъ и законы, направленные къ пониженію рабочей платы,—тогда какъ у насъ, въ Россіи, экспропріація крестьянства въ 1861 г., хотя и вызвала волненія въ 29 губерніяхъ [2]), въ общемъ прошла спокойнѣе. Правда, появляются признаки, свидѣтельствующіе о болѣзни. «Изъ перваго выпуска матеріаловъ о разработкѣ желѣзнодорожныхъ тарифовъ усматривается, что въ Европейской Россіи... среднее потребленіе его (хлѣба, остающагося въ наличности за отчисленіемъ посѣвныхъ сѣмянъ и за вычетомъ отпуска заграницу, но съ хлѣбомъ скоту) на душу доходило въ десятилѣтіе 1870—79 годовъ «приблизительно» до 16,$_{98}$ пуд., а въ шестилѣтіе 1883—1889 годовъ сократилось до 16,$_{81}$ пуда, или слишкомъ на цѣлый процентъ» [3]).

Великая реформа 19 февраля дѣлаетъ свое дѣло, а развитіе крупной промышленности, идущее большими шагами,—свое. Послѣдняя рекрутируетъ своихъ рабочихъ изъ освобождаемыхъ первою. Фабричное закопо-

---

[1]) Очерки кустарной промышленности въ Россіи г. В. В., стр. 32.

[2]) Паденіе крѣпостнаго права въ Россіи г. Иванюкова, стр. 31.

[3]) Труды И. В. Э. О., 1890, № 3, стр. 120.

дательство въ видѣ ограниченнаго рабочаго дня и установленіе нормальныхъ условій труда на фабрикахъ и мастерскихъ значительно бы подвинуло впередъ историческимъ путемъ разрѣшеніе даннаго историческаго противорѣчія. Наши Маниловы только копируютъ страуса, прячущаго голову въ кустъ въ виду опасности, представляя себѣ, что опасность не существуетъ, если они будутъ махать мечемъ картоннымъ въ защиту мелкаго земледѣльца, ремесленника, если они будутъ только толковать объ охранѣ крестьянскаго землевладѣнія, когда скоро и охранять некого будетъ... Опасность существуетъ, и большая, только устраненіе ея заключается не въ предоставленіи «самостоятельному» крестьянину ускользающаго экономическаго основанія,—что было бы равносильно декретированію всеобщей посредственности,—а въ устраненіи всѣхъ тѣхъ препятствій, которыя мѣшаютъ развитію рабочаго класса. «Подобно всей остальной континентальной восточной Европѣ, насъ мучитъ не только развитіе капиталистическаго производства, но и недостаточность этого развитія. Кромѣ современнаго зла, насъ угнетаетъ еще цѣлый рядъ унаслѣдованныхъ бѣдствій, проистекающихъ изъ прозябанія старыхъ переживщихъ себя способовъ производства со всѣми сопровождающими ихъ противными духу времени общественными и политическими отношеніями».

Начнемъ обозрѣніе развитія промысловъ съ центральнаго полѣсья. По Подольскому у., Московской губ., было выдано 14,497 мужскихъ и 4,313 женскихъ паспортовъ и билетовъ въ 1877 г. Это не даетъ возможности точно выразить развитіе отхожихъ промысловъ въ данномъ уѣздѣ, но, какъ вѣрно замѣчаютъ составители [1]), «приблизительное понятіе о степени развитія въ данномъ селеніи посторонникъ земледѣлію отхожихъ заработковъ, можно составить». Означенное число мужскихъ паспортовъ и билетовъ равняется приблизительно $^4/_{10}$ всего мужскаго населенія Подольскаго уѣзда. По подворной описи Московскаго у. въ 1881 г. число семей, занимающихся кустарными промыслами, было 12,204, или 63,$_2$% изъ всего числа домохозяевъ, да работниковъ, уходящихъ на заработки и фабрики, было 14,633, или 53,$_9$% всего числа работниковъ (18—60). Несмотря на значительное развитіе кустарныхъ промысловъ,—а «не будь ихъ—половина земледѣльческой Россіи большую часть года проводила бы въ праздности и врядъ ли имѣла бы средство для уплаты податей и повинностей»,—въ Московскомъ у. 16,$_8$% безхозяйныхъ дворовъ. Въ Тверской губ. по вышеуказаннымъ уѣздамъ 107,945 мужчинъ, или 34,$_7$% мужскаго населенія, заняты промыслами, причемъ число мужчинъ, занятыхъ отхожими промыслами въ два раза больше числа мужчинъ, за-

[1]) Сборникъ стат. свѣдѣній по Московской губ., томъ II. введеніе, стр. VI.

нятыхъ мѣстными промыслами (72,313 первыхъ и 35,632 вторыхъ). Изъ женскаго населенія здѣсь 21,858 лицъ заняты и тѣми, и другими промыслами, причемъ отхожіе промыслы все-таки преобладаютъ (12,835 первыхъ и 9,023 вторыхъ). Различеніе отхожихъ промысловъ отъ мѣстныхъ важно еще въ томъ отношеніи, что отхожіе промышленники вносятъ нѣчто новое въ «отупляющую деревенскую обстановку» со всей вереницей обветшалыхъ, устарѣвшихъ представленій объ общественныхъ отношеніяхъ, представленій, обусловленныхъ старымъ способомъ общественнаго производства. Въ Нижегородской губ. по вышеуказаннымъ уѣздамъ 31,558 дворовъ съ заработками, что составляетъ болѣе половины наличнаго числа хозяйствъ (52,8%). Отхожими промыслами занято 21,358 работниковъ-мужчинъ, 14,0% мужчинъ-работниковъ, изъ 17,966 хозяйствъ, или 29,9%. Мѣстными промыслами заняты здѣсь 18,487 работниковъ, или 12,1%, изъ 14,835 хозяйствъ, или 24,7%. Т. е. и по Нижегородской губерніи преобладаютъ отхожіе промыслы. Сумма хозяйствъ, занятыхъ и тѣми, и другими промыслами, не совпадаетъ съ общимъ числомъ хозяйствъ, занятыхъ ими, такъ какъ встрѣчаются хозяйства, которыя занимаются и отхожими, и мѣстными промыслами. По Смоленской губ., но безъ Вяземскаго у., по которому не показано въ таблицахъ число хозяйствъ, занимающихся промыслами, 43,396 хозяйствъ, или 51,7%, занимаются мѣстными промыслами, и 35,897 хозяйствъ, или 42,8%,—отхожими. Мѣстные промыслы преобладаютъ надъ отхожими. Число лицъ (мужчинъ и женщинъ; по Гжатскому и Сычевскому у. и тѣ, и другіе показаны огуломъ) уходящихъ на сторону, т. е. надо полагать, занимающихся отхожими промыслами, равняется по Смоленской губ., со включеніемъ и Вяземскаго уѣзда, 63,592, или 11,1% всего крестьянскаго населенія.

На сѣверномъ полѣсьѣ, въ Вятской, Пермской и Новгородской губерніяхъ, 102,862 хозяйства заняты мѣстными промыслами, или половина населенія (50,1%), тогда какъ отхожими,—за исключеніемъ Орловскаго у. Вятской губ., по которому не показано число дворовъ,—31,135 хозяйствъ, или 18,8%. Т. е. въ этой части преобладаютъ подавляющимъ образомъ мѣстные промыслы съ господствомъ, значитъ, «власти земли». Если принять, что хозяйства занимаются каждое исключительно однимъ промысломъ, то окажется, что больше $^2/_3$ крестьянскихъ хозяйствъ занимаются промыслами вообще. Между тѣмъ въ С.-Петербургской губ. чуть не всѣ крестьянскія хозяйства заняты промыслами, именно, за исключеніемъ Петергофскаго у., 59,350 хозяйствъ изъ 62,184, или 95,4%, занимаются мѣстными и отхожими промыслами.

Изъ губерній сѣвернаго трехпольнаго чернозема промыслы не регистрировались въ Казанской губ. По Тамбовской губ. 143,396 хозяйствъ (по

безъ безпадѣльныхъ хозяйствъ по Борисоглѣбскому и Козловскому уѣздамъ) или 45,2%, заняты мѣстными и отхожими промыслами. О развитіи отхожихъ промысловъ въ этой губерніи даетъ нѣкоторое представленіе количество бумагъ, выданныхъ волостными правленіями на жительство, именно 74,088 мужскихъ бумагъ и 7,720 женскихъ. По Рязанской губ. 77,503 хозяйствъ, или 44,8%, заняты мѣстными промыслами, при предположеніи, что 23,273 мужчинъ, занятыхъ по Спасскому и Касимовскому у. мѣстными промыслами, вышли такъ сказать на промыслы изъ такового же числа хозяйствъ. Отхожими промыслами занято 102,143 мужчинъ, или 19% всего мужскаго населенія. По Орловской губ. 27,982 хозяйства, или 43,7%, заняты промыслами.

По Самарской губ., на сѣверномъ экстенсивномъ черноземѣ, 94,136 лицъ, или 5,4% всего населенія, заняты мѣстными промыслами, въ томъ числѣ 11,539 полевыхъ и земледѣльческихъ работниковъ, которые почему-то выдѣлены въ сборникахъ по Самарскому и Ставропольскому уѣздамъ изъ числа лицъ, занятыхъ мѣстными промыслами. Отхожими промыслами занято здѣсь 15,645 лицъ, или 1% всего населенія.

Южный экстенсивный черноземъ. Здѣсь по Екатеринославской губ., мѣстными промыслами занято 36,261 лицо, или 6,7% *всего* земледѣльческаго населенія, а отхожими промыслами 13,678 лицъ, или 2,5%. По Таврической губ. 33,288 хозяйствъ, или 27,6%, 35,150 мужчинъ, имѣютъ заработки внѣ своего хозяйства.

Приведенными валовыми цифрами исчерпываются свѣдѣнія о промыслахъ крестьянскаго населенія, но тѣмъ не менѣе и ихъ совершенно достаточно, чтобы видѣть, что нѣтъ фактическихъ данныхъ говорить о какой-то земледѣльческой Россіи, о земледѣльческой промышленности, которая «еще долго будетъ у насъ господствующей» и формы которой «будутъ имѣть опредѣляющее значеніе и для всей экономической организаціи страны». Такая значительная роль промысловъ, служащихъ основаніемъ «самостоятельности» крестьянства, выступаетъ еще рѣзче въ виду того обстоятельства, что количество пашни постоянно увеличивается, т. е. повидимому увеличивается «земледѣльческая Россія». «Въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи (безъ финляндскихъ и привисляндскихъ) количество пахотныхъ земель,—не превышавшее въ пятидесятыхъ годахъ 81,322 тысячъ десятинъ, увеличилось въ шестидесятыхъ годахъ до 88,801, въ семидесятыхъ до 90,158 и въ восьмидесятыхъ до 99,858 тысячъ десятинъ» [1]).

Насколько позволяютъ данныя, разсмотримъ теперь развитіе промысловъ въ зависимости отъ размѣровъ надѣла.

---

[1]) Труды И. В. Э. О., 1890 г., № 3, стр. 146.

На центральномъ полѣсьѣ есть соотвѣтствующія данныя по Московскому у. той же губерніи и Калязинскому у. Тверской губ.

МОСКОВСКІЙ УѢЗДЪ.

РАЗМѢРЪ НАДѢЛА.	Семей, занимающихся кустарными промыслами.		Работниковъ, уходящихъ на заработки и фабрики.	
	Число.	%	Число.	% работниковъ.
До 5 десятинъ.	3,231	65,8	2,765	40,0
» 10 »	8,664	62,7	11,314	58,3
Болѣе 10 десятинъ . . .	309	52,9	554	65,8
Итого. .	12.204	63,2	14,633	53,9

По Московскому у., какъ показываетъ табличка, около $^2/_3$ крестьянскихъ хозяйствъ занимаются кустарными промыслами и больше половины работниковъ уходятъ на заработки и фабрики. Между числомъ семей, занятыхъ кустарными промыслами, и размѣромъ надѣла существуетъ прямая зависимость: чѣмъ меньше количество жизненныхъ средствъ и средствъ производства, тѣмъ больше семей, занимающихся промыслами. Тогда какъ между размѣромъ надѣла и числомъ работниковъ, уходящихъ на заработки и фабрики, существуетъ обратная зависимость: чѣмъ больше количество жизненныхъ средствъ и средствъ производства, тѣмъ больше число работниковъ. Что крестьянинъ занимается кустарными промыслами, уходитъ на заработки и фабрики—это понятно: не добрая фея присутствовала при его историческомъ рожденіи, а злая старуха—исторія.

Если бы крестьянинъ дѣйствительно могъ, а не былъ вынужденъ свое свободное время посвящать обрабатывающей промышленности, то мы не имѣли бы противорѣчія между зависимостью отъ размѣровъ надѣла числа семей, занимающихся кустарными промыслами, и числа работниковъ, уходящихъ на заработки и фабрики. При одномъ и томъ же размѣрѣ надѣла до 5 дес. на хозяйство среди этой группы кустарными промыслами занято $65,8\%$, т. е. больше, чѣмъ занято среди хозяйствъ съ большими размѣрами надѣла, тогда какъ число работниковъ, уходящихъ на заработки и фабрики, среди этой же земельный группы равно 40%, т. е. меньше, чѣмъ среди остальныхъ земельныхъ группъ. Почему же это такъ? Большое относительно количество жизненныхъ средствъ позволяетъ дѣлать нѣкоторый выборъ въ заработкѣ, брать болѣе выгодный и отказываться отъ невыгоднаго. Такъ «средній заработокъ ихъ (35,000 кустарей Московской губерніи, занимающихся выдѣлкою бумажныхъ тканей) 5—6 руб. въ мѣсяцъ, между тѣмъ, какъ фабричный ткачъ зарабатываетъ 13—14 руб.» [1]).

[1]) Очерки кустарной промышленности г. В. В.

Этимъ въ предѣлахъ данныхъ земельныхъ группъ достаточно объясняется высокій % работниковъ, уходящихъ на заработки и фабрики изъ хозяйствъ съ надѣломъ болѣе 15 дес. и низкій % тѣхъ же работниковъ, уходящихъ на заработки и фабрики изъ хозяйствъ съ размѣромъ надѣла до 5 дес. Но этимъ совсѣмъ не объясняется, почему «кустарь-земледѣлецъ, имѣя нѣкоторое обезпеченіе въ сельскохозяйственномъ промыслѣ, цѣнитъ свой трудъ дешевле горожанина» [1]). Что это за самобытная экономическая независимость (припомнимъ, что по г. П. С—кому это самое драгоцѣнное благо), которая выражается въ возможности цѣнить свой трудъ дешевле труда другого, горожанина, у котораго отсутствуетъ «нѣкоторое обезпеченіе въ сельскохозяйственнымъ промыслѣ»?! Казалось бы, наоборотъ.

КАЛЯЗИНСКІЙ УѢЗДЪ.

РАЗМѢРЪ НАДѢЛА.	Мужчинъ-промышленниковъ.		Женщинъ-промышленницъ.	
	Всего.	% къ работникамъ.	Всего.	% къ женскому населенію.
До 5 десятинъ.	1,084	107,0	134	5,9
» 10 »	21,729	94,4	3,522	6,8
Болѣе 10 десятинъ . . .	3,102	108,2	775	11,8
Итого. .	25,915	96,1	4,431	7,3

По Калязинскому у., какъ видно изъ таблички, чуть не всѣ поголовно мужчины—работники изъ крестьянскихъ хозяйствъ заняты промыслами. Здѣсь нѣтъ правильной зависимости между размѣромъ надѣла и числомъ промышленниковъ. Напротивъ, изъ хозяйствъ съ надѣломъ болѣе 10 дес. занимаются промыслами не только работники, но и подростки, такъ что число мужчинъ промышленниковъ среди этой группы составляетъ 108,2% Такой же значительный % промышленниковъ (107%) даетъ и группа хозяйствъ съ надѣломъ до 5 дес., такъ что промежуточная группа до 10 дес., представляетъ исключеніе: она даетъ наименьшій % (94,4) промышленниковъ. Число женщинъ-промышленницъ въ Калязинскомъ у., также довольно большое, именно онѣ составляютъ 7,3% *всего* женскаго населенія. Зависимость между размѣромъ надѣла и числомъ женщинъ-промышленницъ здѣсь совсѣмъ обратная: чѣмъ больше количествъ жизненныхъ средствъ, тѣмъ больше и женщинъ-промышленницъ.

На сѣверномъ полѣсьѣ зависимость промысловъ отъ размѣровъ надѣла проведена по Елабужскому у., Вятской губ. и Демянскому—Новгородской.

[1]) Тамъ же.

ЕЛАБУЖСКІЙ УѢЗДЪ.

РАЗМѢРЪ НАДѢЛА.	Число лицъ, занятыхъ промыслами. Мѣстнымъ. Всего.	Мѣстнымъ. % ко всему населенію группы.	Отхожимъ. Всего.	Отхожимъ. % ко всему населенію группы.
Безземельныя.	1,056	40,4	239	9,0
До 5 десятинъ.	1,780	22,5	387	4,9
» 10 »	7,929	21,3	1,992	5,4
» 15 »	6,973	18,3	2,022	5,3
» 25 »	10,455	15,2	3,427	5,0
» 50 »	4,757	12,5	1,959	5,2
Болѣе 50 десятинъ . . .	184	11,3	120	7,3
Итого . .	33,134	17,1	10,153	5,2

Число лицъ, занятыхъ мѣстными промыслами въ Елабужскомъ у., находится въ правильной зависимости отъ размѣра надѣла. Безземельныя, какъ неимѣющія исторически данныхъ средствъ производства и существованія, даютъ значительный % промышленниковъ (48,4% всего населенія). Затѣмъ, группа хозяйствъ съ наименьшимъ размѣромъ надѣла выдѣляетъ меньшее число лицъ, занимающихся промыслами, чѣмъ безземельныя, но большій, чѣмъ всѣ остальные группы, такъ что съ увеличеніемъ надѣла уменьшается необходимость въ мѣстныхъ промыслахъ, которые въ Вятской, Новгородской и Пермской губерніяхъ преобладаютъ надъ отхожими. Теперь, если мы посмотримъ на число лицъ, занятыхъ отхожими промыслами, то увидимъ противоположное явленіе. Безземельныя, какъ и въ мѣстныхъ промыслахъ, даютъ наибольшій % лицъ, занимающихся отхожими промыслами. Но затѣмъ, число лицъ, занятыхъ таковыми, въ общемъ увеличивается съ размѣромъ надѣла, такъ что % лицъ отхожихъ среди самой богатой группы крестьянскихъ хозяйствъ—наибольшій (7,3% всего населенія этой группы, тогда какъ у группы съ надѣломъ до 5 дес. онъ=4,9). Если мы посмотримъ въ цѣломъ на зависимость промысловъ отъ размѣровъ надѣла, увидимъ, что промыслы находятся въ правильной зависимости отъ количества жизненныхъ средствъ и средствъ производства: съ увеличеніемъ послѣднихъ уменьшается необходимость въ промыслахъ, но все-таки самая богатая земельная группа ускользаетъ изъ подъ власти земли, такъ какъ среди нея 18,6% населенія занято мѣстными отхожими промыслами, тогда какъ въ группѣ непосредственно ей предшествующей только 17,7%, а затѣмъ онъ все повышается.

ДЕМЯНСКІЙ УѢЗДЪ.

РАЗМѢРЪ НАДѢЛА.	Занято промыслами. Мѣстнымъ. Хозяйствъ.	%	Отхожимъ. Хозяйствъ.	%
Безнадѣльныя.	1,019	52,1	409	20,9
До 5 десятинъ.	39	33,3	11	9,4
» 10 »	894	35,6	249	9,9
» 15 »	1,371	37,1	419	11,3
» 25 »	1,234	34,5	467	13,0
» 50 »	365	28,6	145	11,4
Болѣе 50 десятинъ . . .	15	21,7	7	10,1
Итого . .	4,937	37,4	1,707	12,9

Въ Демянскомъ у. больше $^1/_3$ хозяйствъ (37,4%) заняты мѣстными промыслами. Безнадѣльныя выдѣляютъ наибольшій % хозяйствъ (52,1), занимающихся ими. Зависимость хозяйствъ съ промыслами отъ размѣровъ надѣла здѣсь не безусловная. Группы хозяйствъ съ наименьшимъ надѣломъ выдѣляютъ тѣмъ больше дворовъ на промыслы какъ мѣстные, такъ и отхожіе, чѣмъ меньше они, повидимому, нуждаются въ промыслахъ, какъ источникѣ дохода, но это имѣетъ значеніе только до опредѣленнаго размѣра надѣла: хозяйства съ надѣломъ до 15 дес. выдѣляютъ наибольшій % занимающихся мѣстными промыслами (37,1) и затѣмъ % хозяйствъ понижается съ увеличеніемъ жизненныхъ средствъ и средствъ существованія, такъ что при высшемъ размѣрѣ надѣла понижается до 21,7. Тоже самое имѣетъ мѣсто и по отношенію къ отхожимъ промысламъ съ тою разницею, что наибольшій % промышленныхъ хозяйствъ даетъ группа съ надѣломъ до 25 дес. на хозяйство, а затѣмъ % промышляющихъ семей уменьшается по мѣрѣ увеличенія размѣровъ надѣла, но и среди самой богатой землею группы этотъ % выше (10,1), чѣмъ среди самой бѣдной земельной группы (9,4). Среди надѣльнаго населенія Демянскаго у. отхожіе промыслы раза въ три менѣе развиты, чѣмъ мѣстные. Общее число хозяйствъ среди данныхъ земельныхъ группъ находится въ такой же зависимости отъ размѣромъ надѣла, какъ было указано по отношенію къ мѣстнымъ промысламъ. Безнадѣльныя, какъ стоящія внѣ власти земли, даютъ громадный процентъ (73%) хозяйствъ съ промыслами.

На сѣверномъ трехпольномъ черноземѣ зависимость промысловъ отъ размѣровъ надѣла проведена по Елецкому и Трубчевскому у. Орловской губ.

РАЗМѢРЪ НАДѢЛА.	ЕЛЕЦКІЙ и ТРУБЧЕВСКІЙ УѢЗДЫ. Промышляющихъ.	
	Семей.	%
Безземельныя.	1,274	72,7
До 5 десятинъ	6,668	43,9
» 10 »	7,733	38,6
» 15 »	3,040	37,6
» 20 »	1,107	40,0
» 30 »	468	34,7
Болѣе 30 десятинъ . . .	30	27,8
Итого. .	20,520	41,3

По названнымъ уѣздамъ безземельныя выдѣляютъ громадный % семей, занимающихся промыслами (72,7). Особенность промысловой жизни крестьянства заключается въ томъ, что по мѣрѣ увеличенія размѣровъ надѣла уменьшается число хозяйствъ съ промыслами, но среди хозяйствъ съ надѣломъ до 20 дес. % хозяйствъ съ промыслами повышается, именно=40,0, а затѣмъ по мѣрѣ дальнѣйшаго увеличенія размѣровъ по мѣрѣ дальнѣйшаго увеличенія размѣровъ надѣла падаетъ, такъ что среди хозяйствъ съ наибольшимъ размѣромъ надѣла онъ равняется 27,8.

Наконецъ, на южномъ экстенсивномъ черноземѣ, по Таврической губерніи приводится слѣдующая табличка:

РАЗМѢРЪ ПОСѢВА.	ТАВРИЧЕСКАЯ ГУБ. Имѣютъ заработки внѣ своего хозяйства.	
	Дворы.	%
Не сѣютъ	13,368	71,4
Засѣваютъ:		
до 5 десятинъ . .	8,000	39,0
» 10 » . .	4,185	18,7
» 25 » . .	5,116	13,5
» 50 » . .	2,000	12,0
Болѣе 50 десятинъ . . .	619	14,3
Итого. .	33,288	27,6

По Таврической губ., какъ и вездѣ, несѣющія даютъ значительный % хозяйствъ съ заработками внѣ своего хозяйства. Для сѣющихъ имѣетъ значеніе то общее правило, что съ увеличеніемъ жизненныхъ средствъ и средствъ производства уменьшается число хозяйствъ, которыя имѣли бы заработки внѣ своего хозяйства, но и здѣсь самая богатая земельная группа составляетъ исключеніе: среди нея 14,3% хозяйствъ съ промы-

слами, тогда какъ среди непосредственно предшествующихъ ей двухъ группъ процентъ промышляющихъ семействъ ниже.

Если % самостоятельныхъ крестьянскихъ хозяйствъ показалъ, что нужно очень осторожно говорить о какой-то земледѣльческой Россіи, то % хозяйствъ, занятыхъ промыслами, показалъ, что даже нѣтъ основаній утверждать, что Россія земледѣльческая страна. Просмотръ зависимости развитія промысловъ отъ размѣровъ надѣла показалъ, что, не говоря о безземельныхъ, безнадѣльныхъ, промыслы составляютъ существенный элементъ въ самостоятельности тѣхъ группъ среди крестьянства, которыя имѣютъ наименьшіе размѣры надѣла, обдѣлены исторіей. Но при томъ же просмотрѣ обнаружилось, что, помимо историческихъ условій освобожденія крестьянства, въ силу коихъ происходитъ превращеніе его въ пролетарія, въ экономическій строй крестьянской жизни врывается какой-то новый дѣятель, который вынуждаетъ разрывать связь съ землею даже тѣхъ случайно излюбленныхъ исторіей самостоятельныхъ крестьянъ, которые для осуществленія своей «самостоятельности» не нуждаются въ промыслахъ, а могли бы проводить свободное время по крайней мѣрѣ въ классической «праздности». Мною приводятся слѣдующія сопоставленія съ цѣлію детальнѣе разсмотрѣть отмѣченное обстоятельство, т. е. занятіе промыслами даже относительно богатаго сельскаго населенія.

ДЕМЯНСКІЙ УѢЗДЪ.

РАЗМѢРЪ НАДѢЛА.	% хозяйствъ вовсе не обрабатывающихъ надѣла.	% хозяйствъ равзанятыхъ промыслами.	Равность.
До 5 десятинъ.	12,0	42,7	30,7
» 10 »	7,5	45,5	38,0
» 15 » . . .	2,1	48,4	46,3
» 25 »	0,5	47,5	47,0
» 50 »	0,3	40,0	39,7
Болѣе 50 десятинъ. . . .	0,0	31,8	31,8

Въ первой графѣ таблички показанъ % хозяйствъ по Демянскому у., вовсе не обрабатывающихъ надѣлъ, въ зависимости отъ его размѣровъ, т. е. сюда не вошли обрабатывающія весь и часть надѣла, въ томъ числѣ и наймомъ, но ихъ немного, какъ было уже показано, во второй—% хозяйствъ, занятыхъ промыслами, также въ зависимости отъ размѣровъ надѣла. Цифры первой графы находятся въ правильной зависимости отъ размѣровъ надѣла: чѣмъ больше количество жизненныхъ средствъ и средствъ производства, которымъ располагаетъ та или другая группа хозяйствъ, тѣмъ меньше среди нея выдѣляется хозяйствъ, порвавшихъ связь съ

землею. Цифры второй графы уже не показываютъ правильности и говорятъ о томъ, какой % хозяйствъ среди данной группы занятъ промыслами. Разность показываетъ, какой % самостоятельныхъ хозяйствъ занимается промыслами. Изъ этой графы видно, что среди группы хозяйствъ съ наименьшимъ размѣромъ надѣла до 5 дес. и наименьшій % самостоятельныхъ хозяйствъ занятъ промыслами (37,7), что даже въ самой богатой земельной группѣ, болѣе 50 дес., самостоятельныхъ хозяйствъ занято промыслами больше, именно 31,3%. Затѣмъ, во всѣхъ промежуточныхъ группахъ самостоятельныхъ хозяйствъ, которыя заняты въ тоже время и промыслами, больше, чѣмъ въ каждой изъ крайнихъ по обезпеченности землею группъ.

ЕЛЕЦКІЙ и ТРУБЧЕВСКІЙ У.

РАЗМѢРЪ НАДѢЛА.	% хозяйствъ, обрабатывающихъ надѣлъ наймомъ и сдающихъ весь надѣлъ.	% промышляющихъ хозяйствъ.	Разность.
До 5 десятинъ.	42,4	43,9	1,5
» 10 »	17,3	38,6	21,1
» 15 »	8,3	37,6	29,4
» 20 »	4,9	40,0	35,1
» 30 »	3,1	34,7	31,6
Болѣе 30 десятинъ . . .	1,8	27,3	25,5

Въ первую графу не вошли всѣ тѣ самостоятельныя хозяйства по Елецкому и Трубчевскому уѣздамъ, которыя обрабатываютъ своимъ скотомъ весь или часть надѣла. Если не обращать вниманія на нѣкоторую неправильность среди двухъ послѣднихъ земельныхъ группъ, то оказывается здѣсь, по Елецкому и Трубчевскому у., еще больше, чѣмъ въ Демянскомъ у., что среди самостоятельной части крестьянства промыслы тѣмъ болѣе развиты, чѣмъ богаче землею группа крестьянства.

ТАВРИЧЕСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

РАЗМѢРЪ ПОСѢВА.	% хозяйствъ, обрабатывающихъ надѣлъ наймомъ и др. способомъ.	% дворовъ, имѣющихъ заработки внѣ своего хозяйства.	Разность.
До 5 десятинъ.	41,9	39,0	— 2,9
» 10 »	17,7	18,7	1,0
» 25 »	3,2	13,5	10,3
» 50 »	0,7	12,0	11,3
Болѣе 50 десятинъ . . .	1,2	14,3	13,1

Въ первую графу не вошли хозяйства Таврической губ., обрабатывающія надѣлъ своимъ скотомъ и супрягою. Изъ хозяйствъ съ посѣвомъ до 5 дес., обрабатывающихъ надѣлъ наймомъ и другимъ способомъ, не всѣ заняты промыслами, именно 2,9% не имѣютъ заработковъ внѣ своего хозяйства. Затѣмъ, изъ всѣхъ остальныхъ хозяйствъ, самостоятельныхъ и полусамостоятельныхъ, тѣмъ больше занято промыслами хозяйствъ, чѣмъ больше размѣры посѣва. То явленіе, которое по Демянскому, Елецкому и Трубчевскому уѣздамъ еще не приняло опредѣленной формы, было неустойчиво, въ Таврической губерніи получило свою законченность: заработки отъ промысловъ не служатъ здѣсь дополненіемъ до данныхъ исторіей бюджета, и составляютъ, значитъ, наслоеніе новѣйшей экономической формаціи.

Такимъ образомъ, если историческій процессъ отдѣленія производителя отъ средствъ производства и существованія производитъ такое сильное опустошеніе среди крестьянства съ надѣломъ до 5 дес., превращая добрую долю ихъ въ пролетаріевъ, вынуждая другую долю заниматься мѣстными и отхожими промыслами, черезъ посредство которыхъ капиталистическое производство мало-по-малу овладѣваетъ «свободнымъ» работникомъ, а первые—прямо представляютъ естественно-выросшую резервную армію, изъ рядовъ которой рекрутируется пролетаріатъ уже въ категорическомъ смыслѣ, то, съ другой стороны, и сравнительно обезпеченныя землею группы хозяйствъ втягиваются въ новыя условія труда, и сравнительно сильнѣе, чѣмъ хозяйства съ меньшимъ размѣромъ надѣла, такъ какъ среди этихъ богатыхъ группъ больше занято мѣстными и отхожими промыслами, чѣмъ среди первыхъ. Т. е. нашъ самостоятельный крестьянинъ вынуждается выносить на рынокъ свою рабочую силу не только «лебединую пѣснью» стараго способа производства, но и соглашается продавать свое право первородства за чечевичную похлебку новаго способа производства.

Третьимъ важнымъ элементомъ, на которомъ зиждется самостоятельность нашего крестьянства, является эксплуатація труда своихъ же братьевъ-общинниковъ.

На центральномъ полѣсьѣ соотвѣтствующія свѣдѣнія зарегистрованы по Нижегородской и Смоленской губ. Въ первой губерніи 1,600 дворовъ, или 2,7%, нанимаютъ годовыхъ и лѣтнихъ рабочихъ, число конхъ я не привожу, такъ какъ по Княгининскому у. приведено въ сборникѣ только число дворовъ, которые эксплуатируютъ наемный трудъ. По Смоленской губ., безъ Вяземскаго у., 8,093 домохозяйства, или 9,6%, нанимаютъ 9,081 лицо обоего пола, годовыхъ и временныхъ рабочихъ.

На сѣверномъ полѣсьѣ, по С.-Петербургской, но безъ Шлиссельбургскаго и Петергофскаго уѣздовъ, Пермской и Новгородской губ. 3,584 хо-

зяйства, или 4,4%, эксплуатируютъ наемный трудъ. По Елабужскому и Уржумскому у., Вятской г., нанимается срочно и поденно 150,193 мужчинъ и женщинъ, или по 2 человѣка на каждое изъ хозяйствъ этихъ двухъ уѣздовъ.

На сѣверномъ трехпольномъ черноземѣ, по Елецкому и Трубчевскому уѣздамъ 1,728 семей, или 3,5% всѣхъ семей, эксплуатируютъ трудъ 2,291 рабочаго.

Въ Бугульминскомъ и Николаевскомъ уѣздахъ Самарской губ., на сѣверномъ экстенсивномъ черноземѣ, 9,065 хозяйствъ, или 8,4% эксплуатируютъ трудъ 12,267 рабочихъ.

Южный экстенсивный черноземъ. По Херсонской губ. нанимаютъ 7,217 мужчинъ и женщинъ, или по 0,1 человѣка на каждое изъ всѣхъ хозяйствъ. Въ Славяносербскомъ и Маріупольскомъ у. Екатеринославской губ. 4,852 хозяйства, или 11,7%, пользуются наемнымъ трудомъ. Въ Таврической губерніи 15,556 хозяйствъ, или 12,9%, съ наемными рабочими.

Какъ ни скудны данныя объ эксплуатаціи наемнаго труда, но они даютъ достаточное представленіе объ «альтруистической» склонности общины къ пользованію наемнымъ трудомъ своихъ же общественниковъ и существуетъ достаточно гарантій, что въ будущемъ эксплуатація общиною наемнаго труда приметъ широкіе размѣры. Посмотримъ, кто же эксплуатируетъ наемный трудъ?

ЕЛАБУЖСКІЙ УѢЗДЪ.

РАЗМѢРЪ НАДѢЛА.	Всего наемныхъ рабочихъ.	На 1 хозяйство.
Безземельныя.	1,616	1,8
До 5 десятинъ.	3,905	2,1
» 10 »	22,178	2,8
» 15 »	23,997	3,4
» 25 »	58,129	5,3
» 50 »	36,082	7,6
Болѣе 50 десятинъ . . .	1,441	8,8
Итого. .	148,348	4,4

Какъ показываетъ таблица, каждое крестьянское хозяйство эксплуатируетъ въ среднемъ трудъ 4,4 человѣка. Размѣры надѣла имѣютъ рѣшающее значеніе: чѣмъ больше количество жизненныхъ средствъ и средствъ производства, тѣмъ сильнѣе развита «альтруистическая» эксплуатація труда своихъ ближнихъ. Хозяйства съ надѣломъ до 5 дес. эксплуатируютъ въ среднемъ срочно или поденно трудъ 2,1 человѣка, тогда какъ хозяйства

съ надѣломъ болѣе 50 дес. эксплуатируютъ уже 8,₈ человѣка. И даже безземельныя, и тѣ нанимаютъ 1,₈ человѣка. Припомнимъ, что въ Елабужскомъ уѣздѣ размѣръ семьи возрастаетъ съ увеличеніемъ надѣла, такъ что, напримѣръ, среднее хозяйство съ надѣломъ болѣе 50 дес. имѣетъ средній размѣръ семьи изъ 9,₇ душъ обоего пола, да еще нанимаетъ 8,₆ рабочихъ, такъ что въ общемъ выходитъ ассоціація изъ 17,₈ человѣкъ. Если припомнимъ еще, что въ Елабужскомъ у. 82,₂% самостоятельныхъ хозяйствъ, то какая получается трогательно-патріархально-альтруистическая картина проявленія общинной жизни русскаго крестьянина съ его самымъ драгоцѣннымъ благомъ—экономическою независимостью. Въ виду такой романтической склонности въ эксплуатаціи общиною наемнаго труда высшіе государственные интересы требуютъ законодательнаго регулированія отношеній между нанимателями и нанимаемыми, ограниченія рабочаго дня нашего сельскаго работника. Но повернемъ на югъ, въ Орловскую губернію, и посмотримъ тамъ, въ Елецкомъ и Трубчевскомъ уѣздахъ, кто эксплуатируетъ наемный трудъ.

РАЗМѢРЪ НАДѢЛА.	ЕЛЕЦКІЙ и ТРУБЧЕВСКІЙ УѢЗДЫ.	
	Семей съ наемными рабочими.	%
Безземельныя	40	2,₃
До 5 десятинъ	245	1,₆
» 10 »	562	2,₈
» 15 »	425	5,₃
» 20 »	233	8,₄
» 30 »	204	15,₁
Болѣе 30 десятинъ . .	19	17,₆
Итого . .	1,728	3,₅

И здѣсь оказывается, что эксплуатація наемнаго труда увеличивается по мѣрѣ увеличенія размѣра надѣла съ тою лишь разницею, что среди безземельныхъ 2,₃% хозяйствъ пользуются наемнымъ трудомъ, тогда какъ среди группы хозяйствъ съ надѣломъ до 5 дес. только 1,₆% хозяйствъ нанимаютъ рабочихъ. Но среди высшей земельной группы (болѣе 30 дес.) уже 17,₆% хозяйствъ наемнымъ трудомъ поддерживаютъ свою самостоятельность. Нужно, впрочемъ, отмѣтить, что ни на одно изъ хозяйствъ, нанимающихъ работниковъ, не приходится болѣе двухъ человѣкъ. Если мы спустимся еще южнѣе, въ Таврическую губернію, то встрѣтимся здѣсь съ самою широкою эксплуатаціею наемнаго труда.

ТАВРИЧЕСКАЯ ГУБ.

РАЗМѢРЪ ПОСѢВА.	Число хозяйствъ съ наемными рабочими.	%
Не сѣютъ	583	3,1
Засѣваютъ: до 5 дес. .	700	3,4
» 10 » . .	991	4,4
» 25 » . .	4,196	11,1
» 50 » . .	6,203	37,1
Болѣе 50 десятинъ .	2,883	66,5
Итого. .	15,556	12,9

Въ общемъ нѣсколько болѣе $^1/_{10}$ хозяйствъ Таврической губерніи нанимаетъ рабочихъ. Зависимость числа такихъ хозяйствъ отъ размѣровъ посѣва несомнѣнна. Среди несѣющихъ встрѣчаемъ только 3,1% хозяйствъ съ наемными рабочими, а затѣмъ, съ увеличеніемъ размѣра посѣва, увеличивается и % хозяйствъ, эксплуатирующихъ наемный трудъ. Среди хозяйствъ съ посѣвомъ до 50 дес. *больше трети* пользуется наемнымъ трудомъ, а среди хозяйствъ съ посѣвомъ болѣе 50 дес. даже *двѣ трети* хозяйствъ.

Въ «Итогахъ» [1]) были показано, что и на южномъ трехпольномъ черноземѣ существуютъ крестьянскія хозяйства, нанимающія работниковъ. Такимъ образомъ, эксплуатація труда крестьянъ крестьянами есть общее явленіе, и, надо полагать, что совершается «по мотивамъ не узко, а широко эгоистическимъ, по мотивамъ соціальнымъ», и есть также основаніе полагать, что она представляетъ «не только извѣстныя выгоды въ настоящемъ, но и серьезныя гарантіи за будущее»,—короче, эксплуатація крестьянина крестьяниномъ есть проявленіе романтической склонности нашихъ общинниковъ-альтруистовъ къ знаменитому равненію...

Раньше было показано, что среди крестьянскихъ хозяйствъ съ наименьшимъ размѣромъ надѣла находится наибольшее число хозяйствъ, не занимающихся самостоятельно земледѣліемъ. Эти хозяйства сдаютъ въ аренду свою надѣльную землю сосѣдямъ, самостоятельнымъ хозяевамъ, изъ одной-ли общины или изъ другой—все равно. Я не привожу абсолютныхъ цифръ такой земли, но, насколько позволяетъ матеріалъ, покажу зависимость аренды надѣльной земли отъ размѣровъ надѣла.

Въ нижеслѣдующей табличкѣ показаны по Елецкому и Трубчевскому уѣздамъ Орловской губ., на сѣверномъ трехпольномъ черноземѣ, количества надѣльной земли у каждаго разряда крестьянъ, количества арендуемой ими надѣльной же земли, число арендующихъ хозяйствъ и средній размѣръ арендованной надѣльной земли.

[1]) «Юрид. Вѣст.», 1891, №№ 5—6.

ЕЛЕЦКІЙ И ТРУБЧЕВСКІЙ УѢЗДЫ.

РАЗМѢРЪ НАДѢЛА.	Удобная земля, поступившая въ надѣлъ, въ десятинахъ.	Арендовано надѣльной земли десятинъ.	%	Число хозяйствъ, арендующихъ такую землю.	Средній размѣръ арендованной надѣльной земли. Десятинъ.
До 5 десят.	52,728	10,860	20,6	5,442	2,0
» 10 »	148,748	17,556	11,8	6,729	2,6
» 15 »	99,962	10,102	10,1	3,151	3,2
» 20 »	48,081	4,509	9,4	1,148	3,9
» 30 »	34,206	2,888	8,4	574	5,0
Болѣе 30 десят.	3,983	105	2,6	17	6,2
Итого . . .	387,708	46,714	12,0	17,292	2,7.

Въ итогѣ арендованной надѣльной земли показано количество ея, арендуемое безземельными дворами, такъ же какъ въ итогѣ арендующихъ хозяйствъ значатся и эти безземельные дворы. По названнымъ уѣздамъ общее количество арендованной надѣльной земли составляетъ нѣсколько больше $^1/_{10}$ всей удобной земли, поступившей въ надѣлъ, но распредѣленіе ея среди арендующихъ хозяйствъ выглядитъ иначе, что и понятно, такъ какъ среди группъ хозяйствъ съ наименьшимъ размѣромъ надѣла встрѣчается и наибольшее число хозяйствъ, сдающихъ свою землю. Такъ среди группы съ надѣломъ до 5 дес. арендуется больше $^2/_{10}$ надѣльной земли, а затѣмъ, съ увеличеніемъ размѣровъ надѣла, уменьшается количество арендуемой земли, такъ что среди группы съ надѣломъ болѣе 30 дес. арендуется только $2,_6\%$. Средній размѣръ арендуемой надѣльной земли увеличивается съ увеличеніемъ размѣровъ надѣла, что и понятно, такъ какъ сдающія обладаютъ и большимъ размѣромъ надѣла. Среди группы хозяйствъ съ надѣломъ до 5 дес. арендуемый участокъ равняется въ среднемъ 2 дес., а среди группы хозяйствъ съ надѣломъ болѣе 30 дес.—6,2 дес.

Въ Бузулукскомъ у. Самарской губ. на сѣверномъ экстенсивномъ черноземѣ въ общемъ замѣчается тоже самое явленіе.

БУЗУЛУКСКІЙ УѢЗДЪ.

РАЗМѢРЪ НАДѢЛА.	Всего надѣльной земли.	Арендованной надѣльной земли.	%
	Десятинъ.		
До 5 десят.	5,538	501	9,0
» 10 »	2,312	238	10,3
» 15 »	57,581	3,665	6,4
» 20 »	221,120	7,001	3,2
Болѣе 20 десят.	1,015,956	25,895	2,5
Итого . . .	1,302,507	37,360	2,8

Въ самомъ дѣлѣ, съ увеличеніемъ размѣровъ надѣла уменьшается % арендованной надѣльной земли. Среди группы хозяйствъ съ надѣломъ до 5 дес. арендуется 9% надѣльной земли. Слѣдующая земельная группа представляетъ исключеніе, которое обнаруживается по многимъ графамъ, на что уже было раньше указано. А затѣмъ, по мѣрѣ увеличенія средствъ производства и жизненныхъ средствъ уменьшается % арендуемой надѣльной земли. Такъ какъ число хозяйствъ въ той или другой земельной группѣ, которое арендуетъ надѣльную землю, не показано, то и нѣтъ возможности судить о среднемъ размѣрѣ арендуемаго участка.

Въ слѣдующей табличкѣ показаны соотвѣтствующія свѣдѣнія по Таврической губ. на южномъ экстенсивномъ черноземѣ.

ТАВРИЧЕСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

РАЗМѢРЪ ПОСѢВА.	Всего надѣльной пашни.	Надѣльной, снимаемой у сосѣдей.	%
	Десятинъ.		
Несѣютъ.	130,749	176	2,6
Засѣваютъ: до 5 дес. . .		3,259	
10 » . .	163,102	14,637	9,0
25 » . .	443,127	91,841	20,7
50 » . .	330,690	105,282	31,8
Болѣе 50 » . .	99,557	47,913	48,1
Итого . .	1,167,215	263,108	22,5

По Таврической губ. 22,5% надѣльной земли снимается одними хозяйствами у другихъ. Распредѣленіе ея среди группъ хозяйствъ отличается отъ распредѣленія аренды надѣльной земли въ раньше разсмотрѣнныхъ уѣздахъ тѣмъ, что здѣсь, чѣмъ больше размѣръ посѣва у тѣхъ или другихъ группъ хозяйствъ, тѣмъ такія хозяйства больше снимаютъ у сосѣдей надѣльной земли. Среди несѣющихъ хозяйствъ и засѣвающихъ до 5 дес. надѣльная пашня не могла быть распредѣлена какъ слѣдуетъ, и потому % надѣльной земли, снимаемой этой группой у сосѣдей, показанъ вмѣстѣ,— онъ равенъ 2,6. Хозяйства съ посѣвомъ до 10 дес. арендуютъ 9% надѣльной. Затѣмъ съ увеличеніемъ размѣровъ посѣва увеличивается и величина надѣльной земли, снимаемой у сосѣдей, такъ что группа хозяйствъ съ посѣвомъ болѣе 50 дес. арендуетъ около половины (48,1%) своей надѣльной пашни.

Въ предѣлахъ итоговъ крестьянскаго хозяйства мнѣ нужно еще разсмотрѣть покупку крестьянствомъ земли, въ собственность. Что покупка крестьянами земли, взятая въ цѣломъ не можетъ даже задержать ни на одно мгновеніе историческаго процесса отдѣленія производителя отъ

*

средствъ производства и существованія,—это слѣдуетъ логически неизбѣжно изъ условій освобожденія крестьянъ отъ крѣпостныхъ отношеній, такъ какъ возможно только одно изъ двухъ: крестьяне получили въ надѣлъ такое количество земли, которое какъ источникъ жизненныхъ средствъ и средствъ производства или достаточно для ихъ нехитраго существованія, или недостаточно. Въ первомъ случаѣ, разумѣется, нѣтъ ни малѣйшей надобности покупать землю, а во второмъ случаѣ всѣ крестьяне и не могутъ купить столько земли, чтобы фигурировать въ качествѣ мелкихъ землевладѣльцевъ.

По «Статистикѣ поземельной собственности» цѣлыми крестьянскими обществами куплено 762,771 дес., да 273,074 крестьянина владѣютъ на правѣ частной личной собственности 5.005,824 дес. Сколько куплено земли крестьянами со времени оффиціальнаго статистическаго обслѣдованія въ 1877 и 1878 гг. до учрежденія крестьянскаго банка по закону 18 мая 1882 г. мнѣ, по крайней мѣрѣ, неизвѣстно, но при помощи послѣдняго крестьянами куплено по 1 января 1889 года 1.390,835 дес., или 1,3% по отношенію къ землѣ надѣльной.

Въ нашей печати указывается, между прочимъ, на то обстоятельство, что помощью крестьянскаго банка пользуются и отдѣльныя лица изъ крестьянъ, которыя покупаютъ землю въ личную поземельную собственность. Въ виду сказаннаго, я не буду приводить абсолютныхъ цифръ покупки крестьянами земли, но ограничусь, насколько позволяетъ матеріалъ, указаніемъ, главнымъ образомъ, того, среди какихъ земельныхъ группъ распредѣляется купленная земля.

На центральномъ полѣсьѣ свѣдѣнія о купленныхъ земляхъ проведены въ зависимости отъ размѣровъ надѣла по Васильскому у. Нижегородской губ. и Калязинскому у. Тверской губ.

ВАСИЛЬСКІЙ УѢЗДЪ.

РАЗМѢРЪ НАДѢЛА.	Число дворовъ, купившихъ землю.	%	Число десятинъ такой земли.	% къ надѣльной.	Средній размѣръ на 1 дворъ.
До 5 дес.	530	16,9	2,035	17,5	3,8
» 10 »	1,601	9,8	11,165	9,4	7,0
» 15 »	74	5,6	861	6,0	11,6
Болѣе 15 дес.	—	—	—	—	—
Итого. .	2,205	10,6	14,061	9,7	6,4

Въ Васильскомъ у. десятая часть крестьянскихъ хозяйствъ купила земли почти десятую часть (9,7%) по отношенію къ надѣльной, причемъ

средній размѣръ участка равенъ 6,4 дес., но распредѣленіе купленной земли находится въ зависимости отъ размѣровъ надѣла: чѣмъ меньше размѣръ надѣла, тѣмъ больше нужда въ землѣ, тѣмъ больше и купленной земли. Среди группы съ надѣломъ до 5 дес. 16,9% хозяйствъ пріобрѣли покупкою 17,5% земли по отношенію къ надѣльной. Съ увеличеніемъ размѣра надѣла уменьшается какъ число дворовъ, купившихъ землю, такъ и количество ея, такъ что группа хозяйствъ съ наибольшимъ надѣломъ даже совсѣмъ не покупала земли. Но любопытно то, что съ увеличеніемъ размѣровъ надѣла увеличивается и средній размѣръ купленной земли, приходящійся на дворъ. У самой бѣдной землею группы средній размѣръ равенъ 3,8 дес., а у самой богатой изъ купившихъ землю онъ равенъ 11,6 дес.

По Калязинскому у. извѣстно только число десятинъ удобной купленной земли. Здѣсь покупка земли имѣетъ тотъ же характеръ, какъ покупка и въ Васильскомъ у., т. е. чѣмъ болѣе нуждаются крестьяне въ землѣ, тѣмъ болѣе ее и покупаютъ, конечно, отдѣльные члены среди группъ, нуждающихся въ землѣ. Въ общемъ куплено 22,630 дес., или 13,1% по отношенію къ надѣльной. Группой съ надѣломъ до 5 дес. куплено 1,150 дес., или 35,1%; группою съ надѣломъ до 10 дес.—20,246 дес., или 14,4%, и группою хозяйствъ съ надѣломъ болѣе 10 дес.—1,234 дес., или 4,3%.

На сѣверномъ полѣсьѣ только по Демянскому у., Новгородской губ. можетъ быть показано распредѣленіе по земельнымъ группамъ купленной земли.

ДЕМЯНСКІЙ УѢЗДЪ.

РАЗМѢРЪ НАДѢЛА.	Число хозяйствъ съ собственной землей.	%	Всего десятинъ такой земли.	% къ надѣльной.	Средній размѣръ участка.
Безнадѣльныя . .	218	11,8	8,971	—	41,1
До 5 дес.	48	41,0	504	120,0	10,5
» 10 »	622	24,8	5,170	27,7	8,3
» 15 »	1,054	28,5	12,590	27,5	11,9
» 25 »	978	27,3	19,299	28,3	19,7
» 50 »	224	17,6	4,546	11,3	20,3
Болѣе 50 дес. . .	8	11,8	388	9,2	48,5
Итого. .	3,152	23,9	51,468	29,0	16,3

Въ общемъ, около 1/4 крестьянскихъ хозяйствъ (23,9%) имѣетъ собственной земли около 3/10 по отношенію къ надѣльной съ среднимъ размѣромъ въ 16,3 дес. Если оставимъ въ сторонѣ безнадѣльныхъ, то рас-

предѣленіе собственной земли и здѣсь находится въ зависимости отъ размѣровъ надѣла. Есть нѣкоторыя исключенія, но они не существенны. Изъ безнадѣльныхъ нѣсколько больше 1/10 хозяйствъ имѣетъ собственную землю, состоящую правда изъ новгородскихъ болотъ, но, несмотря на то, средній размѣръ участка собственной земли говоритъ о чемъ-то большемъ, чѣмъ обычное въ данномъ уѣздѣ крестьянское хозяйство. Среди группы хозяйствъ съ надѣломъ до 5 дес. больше 4/10 купили столько собственной земли, что она составляетъ 120% надѣльной, причемъ и средній размѣръ выходитъ нѣсколько изъ обычнаго. Начиная съ слѣдующей группы, до 10 дес., какъ % хозяйствъ, имѣющихъ собственную землю, такъ и % таковой почти правильно понижается, такъ что среди самой богатой землею группы хозяйствъ, болѣе 50 дес., столько же дворовъ имѣютъ собственной земли, сколько и среди безземельныхъ. Средній размѣръ участка, за указаннымъ исключеніемъ, увеличивается съ увеличеніемъ размѣра надѣльной земли.

Но если мы выберемся изъ новгородскихъ болотъ на сѣверный трехпольный черноземъ, то увидимъ, что въ Елецкомъ и Трубчевскомъ уу. Орловской губерніи отношеніе купленной земли къ надѣльной не находится въ зависимости отъ размѣровъ надѣла, а по Рязанскому у. увидимъ уже совсѣмъ обратное явленіе: здѣсь купленной земли тѣмъ больше, чѣмъ больше имѣется надѣльной.

ЕЛЕЦКІЙ и ТРУБЧЕВСКІЙ УѢЗДЫ.

РАЗМѢРЪ НАДѢЛА.	Число дворовъ, купившихъ землю.	%	Всего десятинъ такой земли.	% къ надѣльной.	Средній размѣръ участка.
Безземельныя. . .	64	3,7	767	—	12,0
До 5 дес.	699	4,5	2,516	4,8	3,6
» 10 »	970	4,8	4,121	2,8	4,2
» 15 »	436	5,4	3,347	3,3	7,7
» 20 »	183	6,6	1,413	2,9	7,7
» 30 »	132	9,8	1,477	4,3	11,2
Болѣе 30 дес. . .	5	4,6	57	1,4	11,4
Итого. .	2,489	5,0	13,698	3,5	5,5

Въ названныхъ въ табличкѣ уѣздахъ всего 5% изъ общаго числа хозяйствъ купило землю, которая составляетъ 3,5% ко всей надѣльной землѣ, съ среднимъ размѣромъ въ 5,5 дес. Число хозяйствъ, купившихъ землю, находится въ зависимости отъ размѣровъ надѣла, за исключеніемъ послѣдней группы, болѣе 50 дес., среди которой меньше хозяйствъ съ собственной землею, чѣмъ въ четырехъ, предшествующихъ ей. % купленной земли не находится въ общемъ въ зависимости отъ степени нужды

въ землѣ, хотя среди двухъ крайнихъ земельныхъ группъ указанное соотвѣтствіе замѣтно. Среди хозяйствъ съ надѣломъ до 5 дес. куплено земли 4,8% къ надѣльной, а среди хозяйствъ съ надѣломъ болѣе 30 дес. такой земли только 1,4%. За исключеніемъ группы безземельныхъ, средній размѣръ купленной земли увеличивается по мѣрѣ увеличенія количества жизненныхъ средствъ и средствъ производства. По Рязанскому у., но безъ с. Коростова и Ямской слободы, среди группы безнадѣльныхъ куплено 72 дес., среди группы хозяйствъ съ надѣломъ до 5 дес.—1,595 дес., или 8,7% къ надѣльной (18,238 д.), до 10 дес.—18,437 д., или 14% (131,429 д. надѣла) и среди группы хозяйствъ съ надѣломъ болѣе 10 дес.—2,586 дес., или 23% (11,250 д.). Всего же куплено 14,1% къ надѣльной. Какъ видно, здѣсь куплено земли тѣмъ больше, чѣмъ больше имѣется надѣльной.

По Бузулукскому у. Самарской губ., что на сѣверномъ экстенсивномъ черноземѣ, соотвѣтствующія данныя представлены въ слѣдующей табличкѣ:

РАЗМѢРЪ НАДѢЛА.	Число дворовъ съ собственной землей.	%	Всего десятинъ такой земли.	% къ надѣльной.	Средній размѣръ участка.
До 5 дес.	122	5,1	7,616	137,5	62,4
» 10 »	10	2,9	238	10,3	23,8
» 15 »	284	5,3	9,373	16,3	33,0
» 20 »	970	7,3	32,413	14,7	33,4
Болѣе 20 дес. . .	921	2,5	61,552	6,1	66,8
Итого. . . .	2,307	4,1	111,192	8,3	48,2

Здѣсь 4,1% изъ всего числа крестьянскихъ хозяйствъ имѣютъ собственную землю, которая составляетъ 8,3% къ надѣльной, причемъ средній размѣръ участка равенъ 48,2 дес. Распредѣленіе купленной земли не находится въ зависимости отъ размѣровъ надѣла ни по числу дворовъ, имѣющихъ такую землю, ни по отношенію къ надѣльной. Въ самомъ дѣлѣ, среди группы хозяйствъ съ надѣломъ до 5 дес. 5,1% имѣютъ собственной земли 137,5% къ надѣльной; среди группы хозяйствъ съ надѣломъ болѣе 20 дес. только 2,5% имѣютъ 6,1% такой земли: промежуточныя группы хозяйствъ даютъ бо́льшіе % хозяйствъ съ собственной землей, чѣмъ эти двѣ крайнія группы; тоже имѣетъ мѣсто и по отношенію къ % купленной земли. Средній размѣръ собственной земли весьма великъ среди группы хозяйствъ съ наименьшимъ размѣромъ надѣла, именно равенъ 62,4 на хозяйство. За этимъ исключеніемъ, средній размѣръ собственной земли правильно повышается съ увеличеніемъ раз-

мѣра надѣльной земли, и среди группы хозяйствъ съ надѣломъ болѣе 20 дес. достигаетъ наибольшей величины—66,8 дес. на купившее хозяйство.

Наконецъ, по Таврической губ., на южномъ экстенсивномъ черноземѣ, данныя о купленной землѣ представлены въ этой табличкѣ:

РАЗМѢРЪ ПОСѢВА.	ТАВРИЧЕСКАЯ ГУБЕРНІЯ. Число дворовъ, купившихъ землю.	%	Число десятинъ купленной земли.	% къ надѣльной пашнѣ.	Средній размѣръ участка.
Не сѣющія	2,415	12,9	30,546	43,2	12,6
Засѣвающія: до 5 д.	4,125	20,1	25,923		6,3
» 10 »	1,679	7,5	24,694	15.1	14,7
» 25 »	2,303	6,1	73,582	16,0	32,0
» 50 »	1,830	11,0	133,588	40,4	73,0
Болѣе 50 »	1,526	35,2	273,508	274,7	179.2
Итого . .	13,878	11,3	561,841	48,1	40,5

По Таврической губ. нѣсколько больше 1/10 хозяйствъ (11,3%) купило земли 48,1% къ надѣльной пашнѣ, а по отношенію ко всей надѣльной землѣ—43,4%, съ среднимъ размѣромъ въ 40,5 дес. Общее число хозяйствъ, купившихъ землю, весьма незначительно, но количество такой земли выражается почтенною величиной, да и средній размѣръ купленнаго участка говоритъ уже не объ удовлетвореніи первыхъ потребностей... Распредѣленіе хозяйствъ съ собственной землей не находится въ зависимости отъ размѣровъ посѣва. Среди несѣющихъ, между которыми находятся и надѣльныя, и среди засѣвающихъ до 5 дес. встрѣчается большое число хозяйствъ съ купленной землей (12,9% первыхъ и 20,1% вторыхъ), но затѣмъ въ слѣдующихъ 2 группахъ число хозяйствъ съ собственной землей наименьшее, а въ двухъ крайнихъ группахъ, съ наибольшимъ размѣромъ посѣва, наибольшее число хозяйствъ имѣютъ собственную землю. Т. е., выходитъ такъ, что среди хозяйствъ съ наименьшимъ количествомъ жизненныхъ средствъ и средствъ производства, а также среди хозяйствъ съ наибольшимъ количествомъ ихъ существуетъ больше необходимости покупать землю, чѣмъ среди хозяйствъ промежуточныхъ группъ. На то же самое указываетъ и величина купленной земли, выраженная въ надѣльной пашнѣ, такъ какъ промежуточныя группы купили и наименьшее количество земли. Какъ по количеству дворовъ со своею землей, такъ и по количеству ея рѣзко выдѣляется группа съ размѣромъ посѣва болѣе 50 десятинъ: здѣсь болѣе 1/3 хозяйствъ имѣетъ собственной земли 274,7%! За исключеніемъ несѣющихъ, размѣръ средняго купленнаго участка находится въ зависимости отъ размѣровъ посѣва. Начинаясь скромными 6,3 дес. на хозяйство среди засѣвающихъ до 5 дес.,

средній размѣръ участка увеличивается съ размѣромъ посѣва и среди хозяйствъ съ посѣвомъ болѣе 50 дес. достигаетъ значительныхъ размѣровъ— 179,2 дес. на хозяйство, что указываетъ уже на среднее землевладѣніе, на то, что земля покупается не для поддержанія исторически-даннаго существованія, а для хозяйствованія въ широкихъ размѣрахъ.

Общій выводъ изъ разсмотрѣнныхъ примѣровъ распредѣленія среди земельныхъ группъ купленной земли можетъ быть лишь тотъ, что на хозяйствахъ, купившихъ землю на правѣ частной собственности, на правѣ собственнаго распоряженія ею, отразится противорѣчіе, существующее между понятіемъ частной собственности на землю и понятіемъ объ общинной собственности [1]), а это противорѣчіе, при наличныхъ историческихъ условіяхъ крестьянскаго хозяйства, можетъ лишь только ускорить превращеніе общинной пашни въ частную собственность отдѣльнаго общинника. Существующая идея о коллективной собственности на землю есть только историческое переживаніе, остатокъ отъ той идеи, которая первоначально вытекала изъ способа производства, въ основаніи котораго лежало не только коллективное владѣніе, но и коллективная обработка земли.

Трудъ мелкаго землевладѣльца-крестьянина на своей землѣ тѣмъ самымъ будетъ навязывать ему противоположность между какимъ-то номинальнымъ правомъ на общинную землю, которое реализируется только при передѣлѣ, и тѣмъ реальнымъ правомъ на кусокъ земли, которое онъ осуществляетъ ежечастно, ежедневно. Такая противоположность вынуждаетъ его къ согласованію того и другого права, къ удлиненію сроковъ передѣловъ надѣльной земли, что въ свою очередь пріучаетъ его къ единичному владѣнію и надѣльной землей, а это въ свою очередь можетъ повести только къ оставленію даннаго количества пашни въ постоянномъ пользованіи даннаго хозяйства.

Правда, и теперь нѣтъ матеріальной основы для обобществленія труда, такъ какъ при нынѣшнемъ общинномъ землевладѣніи существуетъ только коллективное владѣніе исторически-даннымъ количествомъ земли, но безъ коллективной обработки земли, которая существовала на порогѣ исторіи человѣчества и которая исчезла въ теченіе историческаго существованія. Правда, и теперь наличное общинное землевладѣніе нисколько не мѣшаетъ превращенію крестьянина въ пролетарія, не гарантируетъ ему

---

[1]) Любопытно, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ: Нижегородской, Тверской, напр., землю, полученную въ надѣлъ, крестьяне называютъ душевою; арендованную землю — купленною землею, а купленную землю — *вѣчною* землею.

удовлетворенія необходимыхъ потребностей. Но, вѣдь, нашимъ реакціонерамъ до всего этого дѣла нѣтъ: имъ нуженъ предлогъ для удержанія экономической эволюціи, имъ нужно повернуть назадъ колесо исторіи, назадъ, въ сторону мелкой промышленности, мелкаго земледѣлія

V. Распредѣленіе крестьянской поземельной собственности въ Европейской Россіи и падающіе на землю платежи.

По «статистикѣ поземельной собственности [1]) въ 49 губерніяхъ Европейской Россіи, но безъ казаковъ Оренбургскаго и Астраханскаго войска, распредѣленіе поземельной собственности среди крестьянъ разныхъ наименованій представлено въ такой таблицѣ:

Размѣръ надѣла на 1 дворъ:	Число дворовъ	%	Всей земли въ десятин.	%
I. До 5 дес.	891,378	10,6	3.164,885	2,8
II. » 10 »	2.219,444	26,4	17.359,751	15,8
III. » 15 »	3.289,358	39,2	39.722,152	36,2
IV. » 20 »	1.024,953	12,2	17.841,449	16,2
V. Болѣе 20 дес.	972,333	11,6	31.724,286	28,9
Итого . .	8.397,466	100,0	109,812,523	100,0

Подъ всей землей здѣсь разумѣется земля, поступившая крестьянамъ въ надѣлъ и состоящая въ ихъ пользованіи, а въ томъ числѣ и купленная цѣлыми общинами, но ея весьма незначительный %, т. е. вся та земля, которая досталась крестьянству при историческомъ распредѣленіи поземельной собственности въ Россіи послѣ уничтоженія крѣпостныхъ отношеній. Подъ крестьянами разумѣются бывшіе: помѣщичьи, государственные и удѣльные, а затѣмъ колонисты, резеши, башкиры и тептяри,—однимъ словомъ все земледѣльческое крестьянское населеніе, за исключеніемъ казаковъ Астраханскаго и Оренбургскаго войскъ. Въ первую группу съ размѣромъ надѣла до 5 дес. на дворъ вошли всѣ тѣ дворы, которые получили на ревизскую душу до 2 дес. земли включительно,—я перевелъ размѣры надѣла съ ревизскихъ душъ на дворы; въ вторую группу, до 10 дес., вошли всѣ тѣ, которымъ досталось на ревизскую душу отъ 2 до 3½ дес. включительно; въ третью—всѣ тѣ, которые

[1]) Статистика поземельной собственности и населенныхъ мѣстъ Европейской Россіи, 8 выпусковъ.

получили до 6 дес. включительно, въ четвертую—всѣ тѣ, которые получили до 8 дес. включительно на ревизскую душу, и въ послѣднюю группу болѣе 20 дес. на дворъ попали всѣ тѣ, которые получили на ревизскую душу болѣе 8 дес. Нужно имѣть въ виду, что число дворовъ, владѣющихъ тѣмъ или другимъ количествомъ земли, есть величина перемѣнная: оно показываетъ, что въ 1877—78 гг. такое-то число дворовъ владѣло такимъ-то количествомъ надѣльной земли, и только. Подъ вліяніемъ прироста населенія, раздѣловъ и проч. число дворовъ будетъ измѣняться, но отношеніе между ними въ существенныхъ чертахъ не измѣнится, такъ какъ количество жизненныхъ средствъ и средствъ существованія въ видѣ того или другаго количества надѣла остается постояннымъ, и, какъ было показано, въ общемъ опредѣляетъ собою всѣ другія стороны крестьянской жизни.

Изъ всего числа крестьянскихъ хозяйствъ, зарегистрированныхъ въ 1877—78 гг., 10,6% хозяйствъ владѣютъ 2,9% всей надѣльной земли съ среднимъ размѣромъ 3,6 дес. на дворъ. 26,4% хозяйствъ владѣютъ 15,8% надѣльной земли съ среднимъ размѣромъ 7,8 дес. на дворъ; 39,2% хозяйствъ владѣютъ 36,2% земли, съ среднимъ размѣромъ 12,1 дес. на дворъ; 12,2% хозяйствъ владѣютъ 16,2% земли съ размѣромъ 17,4 дес. на дворъ; наконецъ, 11,6% хозяйствъ владѣютъ 28,9% всей надѣльной земли, съ среднимъ размѣромъ 32,6 дес. на дворъ. Изъ этихъ цифръ видно, что не добрая фея стояла при исторической колыбели русскаго крестьянства, а злая старуха—исторія. I группа дворовъ владѣетъ 2,8% всей земли, тогда какъ V, состоящая почти изъ такого же числа дворовъ, 28,9%, т. е. почти въ десять разъ большимъ количествомъ земли. Это крайности. II группа владѣетъ въ два раза большимъ количествомъ средствъ производства и существованія, чѣмъ первая; III группа въ полтора раза большимъ, чѣмъ II; IV группа почти въ полтора раза большимъ, чѣмъ III; и наконецъ, V группа почти въ два раза большимъ, количествомъ земли, чѣмъ IV. Такимъ образомъ, даже при прочихъ равныхъ условіяхъ, уже самимъ надѣломъ крестьянство раздѣлено на различныя группы по количеству жизненныхъ средствъ и средствъ производства и поэтому поставлено въ такія матеріальныя условія, что громадному большинству вести самостоятельное земледѣльческое хозяйство на надѣльной землѣ не представляется возможности, не прибѣгая къ арендѣ внѣнадѣльной земли, къ мѣстнымъ и отхожимъ промысламъ, къ продажѣ своей рабочей силы, или, какъ говоритъ Янсонъ: «надѣлъ не обезпечиваетъ быта крестьянъ даже при той численности ихъ, какая опредѣлена была послѣднею ревизіею, причемъ, вслѣдствіе различія въ величинѣ надѣловъ отъ высшаго до низшаго и четвертного включительно, не только

въ разныхъ мѣстностяхъ бытъ крестьянъ не обезпеченъ въ одинаковой степени, но и въ одной и той же мѣстности не всѣ крестьяне обезпечены одинаково». Но этого мало. Старческая злобность къ новорожденному выразилась въ чудовищной формѣ. «Платежи и повинности за землю не находятся,—говоритъ дальше Янсонъ,—вовсе въ соотвѣтствіи, не говоримъ уже съ доходами, отъ надѣловъ получаемыми, но и со всей совокупностью условій, обезпечивающихъ бытъ крестьянъ; напротивъ они находятся, какъ мы видѣли, въ обратномъ отношеніи съ степенью обезпеченности этого быта земельными надѣлами». Прежде чѣмъ разсмотрѣть, что означаетъ указанная обратная зависимость между размѣромъ надѣла и размѣромъ платежей, посмотримъ вообще на отношеніе всѣхъ прямыхъ платежей къ доходности крестьянскихъ земель, а затѣмъ на тѣ измѣненія въ этомъ отношеніи, которыя вызваны послѣдующимъ законодательствомъ. «Въ 1871 году «податной коммисіей» былъ собранъ матеріалъ, который далъ возможность опредѣлить хозяйственныя условія крестьянства. Условія эти оказались крайне мрачнаго свойства. Это засвидѣтельствовали почти единогласно всѣ земскіе органы. Сама коммиссія не сдѣлала никакихъ выводовъ въ своихъ изданныхъ «трудахъ», но цифры, собранныя ею, краснорѣчивѣе всякихъ фразъ говорили о критическомъ положеніи крестьянскаго хозяйства. На основаніи данныхъ, собранныхъ въ XXII томѣ «трудовъ податной коммиссіи», а отчасти въ «синихъ книгахъ» сельскохозяйственной коммиссіи, можно составить понятіе объ отношеніи всѣхъ прямыхъ платежей къ доходности земель бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, а также государственныхъ вмѣстѣ съ удѣльными. Оказывается, что государственные и удѣльные крестьяне въ 37 губерніяхъ (не считая, слѣд., западныхъ) Европейской Россіи платили изъ чистаго дохода, даваемаго землею, 92,75%, т. е. на всякія нужды изъ земельнаго дохода имъ оставалось 7,25%. Платежи же бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ по отношенію къ чистому доходу съ ихъ земли выражались 198.25%, т. е они не только отдавали весь свой доходъ съ земли, но должны были еще приплачивать столько же изъ сторонныхъ заработковъ» [1]). Разсмотримъ теперь, какое вліяніе оказали на отношеніе всѣхъ прямыхъ платежей къ доходности земель пониженіе выкупныхъ платежей, отмѣна подушной подати и преобразованіе оброчной подати въ выкупные платежи. Закономъ 28 декабря 1881 года о пониженіи выкупного платежа бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ губерніяхъ, гдѣ введены мѣстныя Великороссійское и Малороссійское Положенія 19 февраля 1861 г., было

---

[1]) Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства *Николая — она*, стр. 1—2.

установлено двоякое пониженіе выкупнаго платежа: общее—для всѣхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, какъ состоявшихъ въ то время на выкупѣ, такъ и имѣвшихъ перейти на оный на основаніи одновременно изданнаго закона о прекращеніи обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ съ 1 января 1883 года, и добавочное или спеціальное—для тѣхъ селеній этихъ крестьянъ, хозяйство которыхъ, вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, пришло въ разстройство. Общее пониженіе опредѣлено въ одинъ рубль съ душеваго надѣла — для крестьянъ губерній и мѣстностей Великороссійскаго Положенія 19 февраля 1861 года, и въ шестнадцать процентовъ съ годоваго оклада выкупнаго платежа—для крестьянъ мѣстностей, состоящихъ на Малороссійскомъ Положеніи. По губерніи Могилевской и бѣлорусскимъ уѣздамъ Витебской было установлено пониженіе только тѣмъ селеніямъ, которыя перешли на выкупъ до изданія закона 2 ноября 1863 года объ обязательномъ выкупѣ и не воспользовались притомъ сбавкою въ платежахъ впослѣдствіи, при исправленіи ихъ выкупныхъ актовъ, а затѣмъ закономъ 24 февраля 1884 года общее и спеціальное пониженіе распространено и на тѣ селенія, которыя поступили на выкупъ по закону 2 ноября 1863 года. Въ 39 губерніяхъ годовой окладъ выкупного платежа до пониженія (съ оброкомъ временно-обязанныхъ, уменьшеннымъ на 20%) равнялся 41.082,991 рублю, и на 1 ревизскую душу мужескаго пола приходилось 6 руб. 29 коп. [1]). Закономъ 28 мая 1885 года отмѣнена съ 1 января 1887 года окончательно подушная подать для всѣхъ плательщиковъ въ Имперіи, за исключеніемъ Сибири. Подушная подать съ крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ, удѣльнаго и другихъ вѣдомствъ и съ состоящихъ на особомъ положеніи крестьянъ Остзейскихъ губерній и съ малороссійскихъ казаковъ равняется 15.018,965 р. [2]). По «Статистикѣ поземельной собственности и населенныхъ мѣстъ въ Европейской Россіи» у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ было 10.725,454 ревизскихъ мужескаго пола душъ, а у бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ, башкиръ и тептярей, резешей и колонистовъ—1.678,631 ревизская мужескаго пола душа. Поэтому у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ на 1 ревизскую мужескаго пола душу приходилось 1 р. 22 к. подушной подати. Такимъ образомъ, бывшіе помѣщичьи крестьяне платили выкупныхъ платежей и подушной подати 7 р. 51 к. съ ревизской мужескаго пола души, которые и составляютъ 198,25%

---

[1]) Пониженіе выкупнаго платежа по указу 28 декабря 1881 г., Спб., 1885, стр. 110.

[2]) Приложеніе къ государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1886 г., стр. 16: доходъ по росписи 1885 года.

всѣхъ прямыхъ платежей по отношенію къ чистому доходу съ ихъ земли [1]). Общая сумма пониженія выкупного платежа (общее и спеціальное пониженіе) равнялась 10.965,474 рублямъ [2]), а при переводѣ на ревизскую душу—1 руб. 70 коп. Значитъ, отмѣна подушной подати (1 руб. 22 коп.) и пониженіе выкупного платежа (1 руб. 70 коп.) равняется 2 руб. 92 коп. съ ревизской души. Изъ пропорціи — $X : 198{,}25 = 292 : 751$ — мы находимъ, что отмѣна подушной подати и пониженіе выкупного платежа составляютъ 77,08% по отношенію къ чистому доходу съ земли у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, т. е. что прямые платежи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ по отношенію къ чистому доходу съ ихъ земли выражаются къ 1 января 1887 года 121,17%, а не 198,25%, какъ было до упомянутаго года. Какъ сказано, закономъ 28 мая 1885 года окончательно отмѣнена съ 1 января 1887 года подушная подать для всѣхъ плательщиковъ въ Имперіи, отмѣнена, значитъ, и для бывшихъ государственныхъ крестьянъ. У нихъ она равнялась 22.179,460 р. [3]). По той же «Статистикѣ» у бывшихъ государственныхъ крестьянъ было 9.653,840 ревизскихъ мужескаго пола душъ. Поэтому, у нихъ на ревизскую душу приходилось 2 р. 30 к. подушной подати. На 1886 г. назначалось съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, евреевъ — земледѣльцевъ, колони-

---

[1]) Изъ книги г. Николая — она, откуда взято % отношеніе всѣхъ прямыхъ платежей къ чистому доходу земли, не видно, что именно считалось прямыми платежами. Трудовъ податной комиссіи у меня подъ руками нѣтъ. Въ приложеніяхъ къ *Опыту статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ* г. Янсона, 1877, показаны (таблицы VI, VII и VIII, стр. 14—19) платежи крестьянъ по трудамъ податной коммиссіи. При указаніи общаго количества платежей въ заголовкѣ (стр. 14. 16 и 18) сказано «всего прямыхъ налоговъ и поземельныхъ платежей по исчисленіямъ податной коммиссіи безъ мѣстныхъ налоговъ». Подъ мѣстными налогами разумѣются земскіе и мірскіе сборы. Такимъ образомъ, остается неизвѣстнымъ, считался ли г. Николаемъ — ономъ государственный земскій сборъ (поземельный и подушный) въ числѣ «прямыхъ платежей» или нѣтъ. Если считался то выкупные платежи и подушная подать съ помѣщичьихъ крестьянъ (7 руб. 51 коп. съ ревизской души) не будутъ составлять 198, 25% всѣхъ прямыхъ платежей по отношенію къ чистому доходу съ ихъ земли. Но тогда отмѣна подушной подати и пониженіе выкупнаго платежа будутъ выражаться меньшимъ %, чѣмъ который дальше приводится въ текстѣ. Тоже самое имѣетъ мѣсто и по отношенію къ государственнымъ крестьянамъ.

[2]) Стр. 110 въ приведенномъ «Пониженіи выкупнаго платежа по указу 28 декабря 1881 г.».

[3]) Приложеніе къ государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1886 г., стр. 14: доходъ по росписи 1885 года; онъ больше того (19.128, 253 руб.), который назначался на 1886 годъ, чѣмъ уравновѣшивается при переводѣ на ревизскую душу отсутствіе евреевъ-земледѣльцевъ, колонистовъ и проч. — какъ это будетъ видно дальше.

стовъ, башкиръ, тептярей и мещеряковъ 32.818,225 р. оброчной подати и лѣсного налога [1]). Значитъ, у бывшихъ государственныхъ крестьянъ на ревизскую душу приходилось 3 р. 40 к. оброчной подати и лѣсного налога. Такимъ образомъ, они, бывшіе государственные крестьяне, платили подушной подати (2 р. 30 к.) и оброчной подати съ лѣснымъ налогомъ (3 руб. 40 коп.) 5 руб. 70 коп. съ ревизской души, которые и составляютъ 92,75% всѣхъ прямыхъ платежей по отношенію къ чистому доходу съ ихъ земли. Изъ пропорціи — $X : 92{,}75 = 230 : 570$ — мы находимъ, что отмѣна подушной подати составляетъ у бывшихъ государственныхъ крестьянъ 37,43% по отношенію къ чистому доходу съ земли т. е. что прямые платежи ихъ выражаются 59,32% чистаго дохода. Но закономъ 12 іюня 1886 г. взимаемые съ государственныхъ крестьянъ и другихъ сельскихъ сословій государственная оброчная подать и замѣняющіе ее сборы, а также лѣсной налогъ, преобразовываются, съ 1 января 1887 года, въ выкупные платежи, сумма которыхъ опредѣлена въ 49.036,884 р. Значитъ на ревизскую душу бывшаго государственнаго крестьянина приходится 5 руб. 08 коп. выкупныхъ платежей. Разность между суммой выкупныхъ платежей (5 руб. 08 коп.) и суммой оброчной подати съ лѣснымъ налогомъ (3 руб. 40 коп.) равняется 1 руб. 68 к. на ревизскую душу. Изъ пропорціи — $X : 59{,}32 = 168 : 340$ находимъ что эта разность составляетъ 29,31% платежей по отношенію къ чистому доходу съ земли. Слѣдовательно, получаемъ, что прямые платежи бывшихъ государственныхъ крестьянъ выражаются съ 1 января 1887 года 88,63% (29,31 + 59,32) чистаго дохода съ земли, а не 92,75%, какъ было до этого времени. Если приведенныя мои вычисленія и не совсѣмъ точно показываютъ размѣры пониженія разныхъ платежей, то несомнѣнно одно, что крестьянство добрую долю своего чистаго дохода отъ земли вынуждено отдавать въ видѣ прямыхъ платежей, а такъ какъ этотъ процессъ совершается ежегодно съ неизмѣнностью законовъ природы, то несомнѣнно, что оно не можетъ и богатѣть отъ своего излюбленнаго занятія земледѣліемъ и вынуждено пополнять свой скудный бюджетъ посторонними земледѣлію заработками, выпося на рынокъ свою рабочую силу, свою способность къ труду. Этимъ и обусловливается переходъ изъ одной историко-экономической формаціи въ другую, высшую по степени обобществленія труда. Таково положеніе крестьянства въ цѣломъ; но если мы посмотримъ на его положеніе въ зависимости отъ размѣровъ надѣла, — а уже было достаточно показано, что крестьянство не представляетъ и

[1]) Приложеніе къ государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1887 г., стр. 16.

не представляло однородной массы, — посмотримъ, что же значитъ обратная зависимость между размѣромъ надѣла и размѣромъ платежей, — а она, какъ было показано, не уничтожена, — то картина рѣзко измѣняется. Злая фея просто злобно издѣвалась надъ нашимъ крестьянствомъ. Она разсадила его, какъ капусту разсаживаютъ, по душнымъ клѣткамъ — общинамъ, которыя, кромѣ всѣмъ общаго историческаго гнета, имѣютъ развѣ только то общее, что соприкасаются одна съ другою; посѣяла сѣмена раздора изъ за земляцы даже внутри такой клѣтки, навязала такое количество платежей всякаго рода, что чѣмъ меньше клѣтка, тѣмъ больше за нее надо платить.

Для выясненія занимающаго насъ вопроса я обращусь къ сборнику по Калязинскому уѣзду, изслѣдованіе въ которомъ произведено въ 1888 г., т. е. когда уже произошло не только общее и спеціальное пониженіе выкупныхъ платежей, отмѣна подушной подати, но и преобразованіе оброчной подати съ лѣснымъ налогомъ въ выкупные платежи. Общій выводъ, который будетъ слѣдовать изъ данныхъ, какъ выводъ, не потеряетъ стоимости потому, что онъ сдѣланъ по Калязинскому уѣзду: обратная зависимость между величиною надѣла и размѣромъ платежей будетъ существовать по всей Россіи, такъ какъ она положена въ основу «освобожденія», а эта основа только смягчена послѣдующимъ законодательствомъ, но не уничтожена.

Слѣдующая табличка содержитъ необходимыя данныя.

КАЛЯЗИНСКІЙ УѢЗДЪ.

Размѣръ душеваго надѣла и разряды крестьянъ.	Число общинъ.	Надѣльной удобной земли десятинъ.	Всѣ платежи.	Платежи на десятину надѣла.	Размѣръ надѣла; на 1 хозяйство десятинъ.	Всего платежей на 1 хозяйство.
Отъ 1 до 2 десят.:						
удѣльн. . . .	2	148,4	546	3,68	2,7	9,94
государ.	7	595,3	1,458	2,45	4,7	11,62
помѣщ.	17	2,535,4	6,999	2,76	4,6	12,70
Отъ 2 до 3 десят.:						
удѣльн.	2	422,5	986	2,33	5,0	11,85
государ.	85	15,166,5	32,935	2,17	6,9	14,07
помѣщ.	65	7,996,3	19,929	2,49	5,8	14,34
Отъ 3 до 4 десят.:						
государ.	156	38,437,1	79,179	2,06	8,8	18,13
помѣщ.	221	41,410,1	83,609	2,02	8,3	16,77
Отъ 4 до 5 десят.:						
государ.	48	13,674,3	26,070	1,91	9,9	18,91

КАЛЯЗИНСКІЙ УѢЗДЪ.

Размѣръ душевого надѣла и разряды крестьянъ.	Число общинъ.	Надѣльной удобной земли десятинъ.	Всѣ платежи.	Платежи на десятину надѣла.	Размѣръ надѣла; на 1 хозяйство десятинъ.	Всего платежей на 1 хозяйство.
помѣщ.	86	23,166,6	39,936	1,72	9,7	15.85
Отъ 5 до 6 десят.:						
государ.	40	14,475,1	19,773	1,37	12,3	16,85
помѣщ.	3	625,1	757	1,21	11,6	14.04
Отъ 6 до 7 десят.:						
государ.	17	6.124,8	7,548	1,23	12,3	15,13
помѣщ.	3	235,8	274	1,16	13,1	15,20
Отъ 7 до 8 десят.:						
государ.	6	3,449,0	3,041	0.88	14,5	12.78
помѣщ.	1	267.4	252	0,81	14.1	13,25
Отъ 8 и болѣе дес.:						
государ.	8	3,479,9	2,922	0,84	14.9	12,52
помѣщ.	1	112,9	94	0,83	16,1	13,36

Въ первой графѣ показаны размѣры надѣла на ревизскую душу, т. е. то количество земли, которое выпало на долю крестьянства при историческомъ распредѣленіи поземельной собственности въ 1861 и послѣдующихъ годахъ. Во второй графѣ показано число общинъ, получившихъ тотъ или другой размѣръ надѣла. Въ третьей графѣ показано количество всей удобной надѣльной земли, а въ слѣдующей, четвертой, всѣ платежи, но безъ страховыхъ платежей и безъ сбора на пастуха и быка. Въ пятой графѣ показано количество платежей, падающее на десятину надѣльной земли. Въ шестой графѣ средній размѣръ надѣла, приходящійся на наличную семью, въ числѣ которыхъ считаются и безнадѣльные. Поэтому, съ одной стороны, этотъ указанный размѣръ надѣла не есть дѣйствительный размѣръ надѣла, которымъ владѣетъ то или другое хозяйство, а съ другой стороны и потому, что внутри каждой общины, получившей историческій даръ въ видѣ опредѣленнаго количества земли, эта земля распредѣляется между общинниками въ зависимости отъ рабочихъ силъ, богатства скотомъ и проч. Дѣло не измѣняется отъ того, что въ предѣлахъ данной общины мы беремъ среднее хозяйство, такъ какъ и въ каждой другой общинѣ мы имѣемъ дѣло съ такимъ же среднимъ хозяйствомъ. Въ послѣдней, седьмой графѣ, показано въ рубляхъ количество платежей, приходящееся на такое среднее хозяйство. Остановимся на пятой графѣ. Первое, что бросается въ глаза, это то, что въ предѣлахъ каждой зе-

мельной группы количество платежей, падающее на десятину надѣла, почти одинаково, такъ что въ данное время съ этой стороны нѣтъ рѣзкаго различія между государственными и помѣщичьими крестьянами — надъ ними произведено «поравненіе». Правда, у бывшихъ удѣльныхъ въ I группѣ на десятину надѣльной земли падаетъ больше платежей, чѣмъ на десятину бывшихъ государственныхъ и помѣщичьихъ, но уже во второй группѣ между ними нѣтъ такой рѣзкой разницы. Къ тому же такая разность въ величинѣ платежа на десятину надѣла только еще болѣе подтверждаетъ то, что нужно сказать о вліяніи обратной зависимости между размѣромъ надѣла и размѣромъ платежей. Просматривая дальше эту пятую графу, мы замѣчаемъ, что количество платежей, падающее на десятину надѣла, правильно становится все меньше и меньше, тогда какъ рядомъ стоящая графа показываетъ, что въ то же самое время размѣръ надѣла, приходящійся на среднее хозяйство, правильно же все увеличивается и увеличивается. Въ частности, на какомъ бы разрядѣ крестьянъ мы ни остановились, мы замѣтимъ ту же правильность: уменьшается количество платежей на десятину, а количество десятинъ на хозяйство увеличивается. Такъ, возьмемъ мы хозяйство государственнаго крестьянина изъ первой группы съ размѣромъ душевого надѣла отъ 1 до 2 дес., и сравнимъ его съ хозяйствомъ государственнаго же крестьянина изъ группы съ размѣромъ душевого надѣла отъ 8 и болѣе десятинъ. Первое хозяйство владѣетъ 4,7 дес. надѣла и платитъ съ десятины 2.45 руб. платежей, а за весь надѣлъ 11,52 руб. Второе хозяйство владѣетъ 14,9 дес. надѣла и платитъ съ десятины 0,84 руб., а за весь надѣлъ 12,52 руб. Т. е. второе хозяйство владѣетъ на 10,2 дес. большимъ надѣломъ, чѣмъ первое, а платитъ только на одинъ рубль больше. Такимъ образомъ, исторія можно сказать ни съ того, ни съ сего, одну группу крестьянъ совершенно обездолила, а другую сравнительно, разумѣется, осчастливила, давъ совершенно даромъ изрядный кусокъ земли. Какія тутъ пресловутыя «поравненія» ни производи,—а они происходятъ только внутри данной общины надъ даннымъ кускомъ земли, — останется тотъ жестокій фактъ, что крестьянство по количеству жизненныхъ средствъ и средствъ производства не представляетъ однородную массу, а состоитъ изъ богатыхъ и бѣдныхъ; но крайности богатства и нищеты сглаживаются тѣмъ, что между ними существуютъ одновременно промежуточныя группы, которыя въ одну сторону примыкаютъ къ богатымъ, а въ другую къ бѣднымъ, или, лучше сказать, крестьянство находится одновременно на различныхъ ступеняхъ экономическаго благосостоянія, начиная съ бѣдности и кончая относительнымъ богатствомъ. Посмотримъ на послѣдствія такой исторической несправедливости для крестьянства. Ради упрощенія возьмемъ тѣ же самыя два

хозяйства государственныхъ крестьянъ, которыя приводились уже. Мы предполагаемъ, что всѣ условія труда одинаковы для каждаго изъ этихъ хозяйствъ, т. е. мы предполагаемъ, что и составъ семьи, и составъ рабочаго скота, и орудій труда, и поле труда и проч.. одинаковы въ каждомъ хозяйствѣ, но что различны размѣры надѣла. т. е. предполагаемъ, какъ они исторически вышли изъ крѣпостного способа производства. Въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего неестественнаго, такъ какъ и при крѣпостныхъ отношеніяхъ существовали группы крестьянъ, которыя различались между собою лишь количествомъ жизненныхъ средствъ, получаемыхъ съ крѣпостной земли. Каждый работникъ изъ нашихъ хозяйствъ работаетъ, «весело ладитъ борону и соху», «телѣгу готовитъ», «зерна насыпаетъ», пашетъ пашню, «зернушку готовитъ колыбель святую», короче, работа происходитъ такъ идиллически, какъ это описано Кольцовымъ въ извѣстной «Пѣснѣ пахаря». Но, вотъ, страда кончена: хлѣбъ сжатъ, смолоченъ и сложенъ въ закрома. Дѣйствительныя историческія условія жизни крестьянства даютъ себя знать тѣмъ, что каждому изъ нашихъ хозяйствъ нужно платить одно и тоже количество платежей. Каждому изъ хозяйствъ приходится платить по 1,5 четверти ржи, считая четверть ржи по 8 руб. Въ то время, какъ первое хозяйство получитъ съ своего надѣла 6 четвертей ржи,—на это хозяйство приходится пашни фактически, по сборнику, 2,6 дес., а при трехпольѣ рожью можетъ быть занята 1 дес., урожай съ которой по сборнику же равняется въ среднемъ 6 четвертямъ,—второе хозяйство, при тѣхъ же условіяхъ, получитъ съ своего надѣла 16,2 четвертей[1]). Платежи въ первомъ хозяйствѣ составляютъ 25%, а во второмъ—только 9,3%. Исключивъ сѣмена, первое хозяйство получаетъ 24 руб., которыми оно должно удовлетворить всѣмъ своимъ хотя бы и не хитрымъ потребностямъ, тогда какъ второе

---

[1]) Въ дѣйствительности, среди этой второй группы хозяйствъ, земледѣліе играетъ второстепенную роль: у всей группы пашня составляетъ 14,8% надѣльной удобной земли, но изъ 278 мужчинъ рабочаго возраста мужчинъ-промышленниковъ 312, т. е. не только мужчины-работники, но и не работники заняты промыслами. Къ сожалѣнію, среди имѣющагося въ моемъ распоряженіи матеріала нѣтъ другой такой прекрасной таблицы, какая дана въ калязинскомъ сборникѣ, чтобы представить дѣло въ чистомъ видѣ, т. е. чтобы сравниваемыя хозяйства находились на противоположныхъ полюсахъ по количеству надѣльной земли и занимались бы въ тоже время земледѣліемъ. Но сущность дѣла не измѣняется отъ того, что одно хозяйство занимается земледѣліемъ, а другое—нѣтъ, такъ какъ за землю, данную въ надѣлъ, нужно платить и тому, и другому, но съ тою разницею, что одному за меньшее количество земли нужно платить больше, чѣмъ другому за большее число десятинъ.

хозяйство будетъ располагать 105 руб. Такъ какъ ежегодно часть продукта труда крестьянина отнимается на платежи, то ясно, что первое хозяйство богатѣть не можетъ. Удовлетворить всѣ свои даже необходимыя потребности этими 24 руб. оно также не можетъ, и отсюда естественно проистекаетъ необходимость аренды чужой земли, необходимость продавать свой трудъ и необходимость подсобнаго занятія какими либо промыслами. Для втораго хозяйства нѣтъ уже такой необходимости ни въ томъ, ни въ другомъ, ни въ третьемъ. Опираясь на свое экономическое основаніе, второе хозяйство уже имѣетъ возможность искать себѣ болѣе выгоднаго заработка, ибо, какъ ни малъ средній уровень потребностей крестьянства, ничто не мѣшаетъ, а напротивъ все заставляетъ улучшать свое матеріальное положеніе. Если такое хозяйство, по мѣстнымъ условіямъ, станетъ арендовать чужую землю, вмѣсто занятія другими промыслами, то его самостоятельность въ извѣстныхъ предѣлахъ даетъ ему возможность арендовать землю по болѣе дешевой цѣнѣ. Такъ, первое хозяйство арендуетъ чужую землю по 2,$_{73}$ руб. за десятину, а второе по 2,$_{17}$ руб. (цифры взяты изъ сборника), или на 20,$_{5}$% дешевле, да и землю такое хозяйство арендуетъ болѣе хорошую. Такова та историческая основа въ жизни нашего крестьянства, которою обусловливаются всѣ остальныя стороны, всѣ его жизненныя проявленія. Только поняв эту сущность историческаго процесса, можно составить себѣ представленіе о дѣйствіи на крестьянское хозяйство такихъ, отчасти, естественныхъ вліяній, какъ падежи, неурожаи и проч., такихъ уже чисто историческихъ явленій, какъ безлошадные дворы, забрасываніе надѣловъ, сдача ихъ въ аренду и проч., а также и вліяніе иностранной конкурренціи въ борьбѣ за хлѣбный рынокъ. Я принималъ, что 12 руб., которые платитъ какъ дань каждое изъ нашихъ хозяйствъ, выражается 1,$_{5}$ четвертями ржи. Но платежи безпрерывно растутъ. Даже допуская, что они остаются постоянными, колебанія цѣнъ на хлѣбъ на международномъ рынкѣ имѣютъ важное значеніе въ жизни крестьянства. Независимо отъ международныхъ колебаній въ курсѣ рубля, 12 руб. платежей остаются тѣми же 12 руб. При низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ, чѣмъ бы онѣ ни вызывались, на 12 руб. можно купить или продать большее количество ржи, скажемъ, чѣмъ при высокихъ цѣнахъ. При дорогой цѣнѣ на рожь, какая у насъ сейчасъ принята, т. е. 8 руб. за четверть, крестьянинъ отдаетъ изъ продукта своего труда 1,$_{5}$ четверти. Если цѣна падетъ на половину, т. е. четверть ржи будетъ стоить 4 руб., то крестьянину нужно продать въ два раза больше четвертей, т. е. 3 четверти. Достаточно ли оставшагося хлѣба на возобновленіе производства, на собственное потребленіе—это такъ сказать личное дѣло крестьянина, и при обыкновенныхъ условіяхъ, до этого никому нѣтъ дѣла,

но, въ качествѣ «самостоятельнаго» русскаго крестьянина, онъ долженъ прежде всего ежегодно превращать часть продукта своего труда въ деньги, чтобы оплатить свое «самостоятельное» существованіе, долженъ продавать часть хлѣба, а иначе его вынудятъ силою къ уплатѣ или распродадутъ пехитрый скарбъ. Такимъ образомъ, крестьянинъ является мелкимъ производителемъ товара—хлѣба, продавцомъ этого товара, цѣна на который устанавливается тамъ, гдѣ то, независимо отъ его воли и сознанія. Этимъ самымъ для него выгодно такое положеніе хлѣбнаго рынка, при которомъ цѣны на хлѣбъ высоки. При этомъ условіи онъ продастъ меньшее количество четвертей ржи, чтобы уплатить подати и повинности, чѣмъ тогда, когда цѣны на хлѣбъ низки. Слѣдовательно, дешевый хлѣбъ для нашего крестьянина составляетъ всегда положительную невыгоду. Затѣмъ, на рынокъ вывозитъ свой хлѣбъ и частный крупный землевладѣлецъ, который производитъ его съ меньшими издержками производства. Но такъ какъ цѣна хлѣба опредѣляется на международномъ рынкѣ, т. е. тѣми условіями труда, которыя существуютъ въ С. Америкѣ и т. д., то внутреннія условія производства не имѣютъ того опредѣляющаго значенія, которое они имѣли бы безъ заграничной конкурренціи, и если я упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ, то для того, чтобы показать, что при производствѣ товаровъ усиливается безпрерывно противоположность между положеніемъ мелкаго производителя и крупнаго, противоположность, которая завершается въ превращеніи мелкаго производителя товара въ наемнаго рабочаго, который выноситъ уже на рынокъ особый видъ товара — свою рабочую силу и чтобы показать, что «производство товаровъ и развитое обращеніе товаровъ, торговля, составляютъ историческое условіе, при наличности коего происходитъ капиталъ» [1]), и что «обращеніе товаровъ есть исходный пунктъ капитала» [2]). Всякое измѣненіе издержекъ производства, которое вызывается прогрессомъ сельскохозяйственной техники, удешевляя продуктъ труда нашего мелкаго производителя—крестьянина, будетъ совершаться на его счетъ, такъ какъ при этомъ условіи онъ будетъ продавать большее количество продуктовъ для того, чтобы превратить его въ деньги для оплаты своего историческаго существованія. Только при такомъ состояніи земледѣльческой техники, когда нашъ мелкій производитель будетъ въ состояніи чуть не даромъ получать съ своего поля то количество продукта, которое онъ вынужденъ превратить въ товаръ для уплаты налоговъ, только при этомъ состояніи техники онъ могъ бы богатѣть и могло бы развиться народное благосостояніе, которое, какъ

---

[1]) Das Kapital von K. Marx, стр. 120.

[2]) Тоже.

извѣстно, находится въ обратномъ отношеніи къ національному богатству. Но здѣсь то и наступаетъ поворотный пунктъ. Разъ въ нашемъ земледѣліи вообще сельско-хозяйственная техника будетъ повышена до заграничной, включая въ нее и усовершенствованіе путей сообщенія, т. е. разъ постоянный капиталъ, средства производства, будетъ одинаковъ съ иностраннымъ, то при этомъ условіи рѣшающее значеніе въ борьбѣ за рынки будетъ имѣть заработная плата,—которой придаютъ значеніе вслѣдъ за «безжалостными учеными теоретиками» и люди «науки». Такъ Эрвинъ Нассе указываетъ на высокій заработокъ англійскаго работника, сравнительно съ французскимъ и нѣмецкимъ, какъ на тормазъ для англійской конкурренціи, такъ какъ у послѣднихъ увеличилась ловкость и интенсивность труда [1]). Dr. Paingsheim говоритъ, что у голландскихъ фабрикантовъ нѣтъ угля и сырья, они не ограждаются высокими пошлинами, но имъ остается одинъ устой (ein Vorsprung) для конкурренціи—дешевая рабочая сила [2]). Далѣе, въ апрѣльской книгѣ Quarterly Review, 1886, указывается на низкую плату за трудъ въ Великобританіи, какъ на рѣшающее условіе въ конкурренціи англійскихъ фермеровъ съ американскими. Такимъ образомъ, разъ заработная плата будетъ имѣть рѣшающее значеніе въ борьбѣ за рынки или пока даже за хлѣбные рынки, то этимъ самымъ нашему крестьянству будетъ нанесенъ сильный ударъ. При настоящемъ положеніи крестьянскаго хозяйства аренда вообще внѣнадѣльной земли составляетъ условіе занятія земледѣліемъ [3]), т. е. частное землевладѣніе служитъ экономическимъ основаніемъ земледѣльческой самостоятельности нашего крестьянина, самостоятельности, которая дорого обходится ему. При указанномъ условіи частные землевладѣльцы получатъ возможность сами заниматься земледѣліемъ, т. е. собственно тѣ землевладѣльцы, которые сдаютъ часть или всю свою землю въ аренду,—такъ какъ въ борьбѣ за хлѣбные рынки они будутъ вооружены самымъ усовершенствованнымъ оружіемъ,—оружіемъ, рѣшающимъ борьбу,—*дешевою рабочею силой*, а что у насъ рабочая сила дешева, объ этомъ свидѣтельствуютъ изданія департамента земледѣлія и сельской промышленности, которыя съ 1881 г. сообщаютъ, по отвѣтамъ, полученнымъ отъ *хозяевъ*, о цѣнахъ на рабочія руки. Положеніе на международномъ хлѣбномъ рынкѣ вынуждаетъ обзаводиться сельскохозяйственнымъ прогрессомъ подъ угро-

---

[1]) Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. *Ein Blick auf die kommerzielle und industrielle Lage Englands.*

[2]) Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik. 1888, № 1, стр. 70 и 71.

[3]) См. мои «Итоги крестьянскаго хозяйства на южномъ трехпольномъ черноземѣ». «Юрид. Вѣстн.» 1891 г., № 5—6. Къ тому же приводятъ данныя и по другимъ мѣстностямъ Россіи.

зой потери рынковъ, что повлечетъ за собою острый кризисъ въ нашей международной торговлѣ хлѣбомъ, которая имѣетъ жизненное значеніе если не для народа, то для націи, такъ какъ вывозъ пшеницы въ 1877 — 1886 гг. увеличился на 372,4% по сравненію съ вывозомъ за 1852 — 1861 гг., ржи за то же время на 492,7%, овса на 684,5% и ячменя на 684% [1]). При наступленіи же этого прогресса, добрая доля нашего самостоятельнаго крестьянства вынуждена будетъ сельскохозяйственнымъ прогрессомъ покончить съ своимъ самостоятельнымъ земледѣліемъ. Далѣе, такъ какъ нашему калязинскому первому хозяйству врядъ ли можно прожить на 24 рубля въ годъ, то оно будетъ покупать хлѣбъ, но прежде, чѣмъ покупать, оно должно, какъ было показано, продавать хлѣбъ. Но, являясь покупщикомъ хлѣба, ему, разумѣется, выгоднѣе будетъ покупать дешевый хлѣбъ, т. е. большинство крестьянства оказывается вынуждено, если не въ одно и тоже время, то въ теченіи года или, точнѣе, по окончаніи уборки хлѣба, продавать его, а послѣ продажи покупать, т. е. оказывается въ какомъ-то странномъ положеніи, олицетворяя непосредственное противорѣчіе. Послѣ уборки хлѣба цѣны на него обыкновенно понижаются даже при самомъ нормальномъ урожаѣ, а если урожай хорошъ, да одновременно хорошій же урожай у его заграничныхъ конкурентовъ, то цѣны на хлѣбъ и значительно понижаются: при такихъ условіяхъ крестьянинъ вынужденъ большую часть продукта своего труда превратить въ деньги, чтобы уплатить разныя повинности и налоги,—ради простоты, принимается, что платежи вносятся въ одинъ разъ, а не въ два срока, какъ это происходитъ теперь, что упрощаетъ пониманіе сущности историческаго процесса. Въ противоположномъ же случаѣ, когда происходитъ плохой урожай, и если онъ сопровождается плохимъ же урожаемъ у заграничныхъ конкурентовъ, то цѣны на хлѣбъ поднимаются, но и въ этомъ случаѣ для большинства крестьянъ мало утѣшительнаго, такъ какъ тѣ же платежи, хотя отнимаютъ отъ годоваго продукта меньшее число четвертей, чѣмъ при урожаѣ, но такъ какъ весь продуктъ выражается въ меньшемъ числѣ четвертей, то и здѣсь для крестьянина мало хорошаго: за вычетомъ податей у него остается еще, пожалуй, меньше, чѣмъ при урожаѣ. Нечего уже и говорить, что неурожай вноситъ надолго разстройство въ хозяйство крестьянъ: помимо страданій голода, онъ вызываетъ необходимость въ ссудѣ, хотя бы и со стороны земства, которую нужно въ будущемъ выплачивать, заставляетъ отсрочивать уплату платежей, которыхъ такимъ образомъ приходится платить вдвое, а все

---

[1]) См. мою статью «Международная хлѣбная торговля Россіи.» «Юридич. Вѣстн.» 1890 г., XII.

это изъ тѣхъ же несчастныхъ 24 руб. Чтобы, наконецъ, покончить съ этой стороной дѣла, нужно сказать, что еслибы платежи выражались опредѣленнымъ количествомъ четвертей ржи, то, при прочихъ равныхъ условіяхъ крестьянину оставалось бы больше хлѣба при хорошемъ урожаѣ и меньше при плохомъ. Но, такъ какъ для уплаты платежей, онъ долженъ превратить часть продукта труда въ деньги, а количество денегъ, которое онъ получитъ за эту часть продукта, зависитъ отъ цѣнъ на хлѣбъ, которыя устанавливаются на международномъ рынкѣ, то платежи въ денежной формѣ вліяютъ на количество четвертей, которое онъ вынужденъ отдать, такимъ образомъ, что при хорошемъ урожаѣ онъ отдаетъ въ видѣ платежей большее количество продукта своего труда, и у него самого меньше останется хлѣба, а при плохомъ урожаѣ онъ, правда, отдаетъ меньшее количество продукта своего труда въ видѣ платежей, но у него также меньше и останется, такъ какъ и общее количество продукта труда незначительно. Такимъ образомъ, денежная форма платежей при данномъ исторически количествѣ средствъ производства и существованія, и при урожаѣ, и при неурожаѣ отражается на той части крестьянства, которая получила незначительные надѣлы и значительные платежи, а ихъ большинство, такимъ образомъ, что оно осуждено исторіей на невозможность выйти изъ такого положенія, оставаясь земледѣльцемъ, иначе говоря, осуждено на превращеніе въ наемнаго рабочаго—единственный выходъ изъ самостоятельнаго занятія земледѣліемъ. Какія бы усилія нашъ крестьянинъ ни употреблялъ для поддержанія своей мнимой самостоятельности, для того, чтобы выйти изъ подъ вліянія этого своего рода желѣзнаго закона, онъ встрѣчаетъ неодолимыя препятствія вездѣ. Если онъ будетъ арендовать чужую землю, то арендная плата за десятину превышаетъ даже въ Калязинскомъ уѣздѣ всѣ платежи за надѣльную землю. А такъ какъ производительность его труда на арендованной землѣ отъ этого не увеличивается, то аренда земли только развѣ задержитъ его превращеніе въ наемнаго рабочаго, да кромѣ того здѣсь онъ встрѣчаетъ своего кровнаго врага въ видѣ сельскохозяйственнаго прогресса. Если онъ будетъ заниматься кустарными промыслами, то и здѣсь попадаетъ въ цѣпкія лапы разныхъ скупщиковъ, посредниковъ, рискуя въ концѣ концовъ очутиться лицомъ къ лицу съ своимъ основнымъ врагомъ, новымъ способомъ производства, который превратитъ его уже прямо въ фабричнаго работника. Занятіе мѣстными и отхожими промыслами связано съ продажей своей рабочей силы и даетъ большинству жалкій заработокъ, такъ какъ уровень потребностей нашего крестьянина крайне низокъ, а условія труда не вынуждаютъ такихъ промышленниковъ дѣйствовать, какъ классъ, и тѣмъ повышать этотъ уровень.

Оставаясь самостоятельнымъ производителемъ и арендуя чужую землю, крестьянину при этомъ условіи выгоденъ дорогой хлѣбъ, такъ какъ онъ получитъ большее количество денегъ за меньшее количество хлѣба.— кромѣ уплаты разныхъ повинностей, ему нужно продавать хлѣбъ для удовлетворенія всѣхъ другихъ потребностей. Оставаясь самостоятельнымъ производителемъ и занимаясь промыслами, для крестьянина также выгоденъ дорогой хлѣбъ. Если затѣмъ, т. е. послѣ того, какъ крестьянинъ являлся продавцомъ хлѣба, ему нужно покупать хлѣбъ,—обстоятельство, о которомъ будетъ упомянуто дальше,—то для него уже необходимъ дешевый хлѣбъ. Получая отъ заработковъ незначительную плату, крестьянинъ проигрываетъ, какъ покупатель, если будетъ покупать дорогой хлѣбъ. А такъ какъ хлѣбъ не сдѣлается дешевле только потому, что крестьянинъ сегодня продалъ свой хлѣбъ по дорогой цѣнѣ, то отсюда слѣдуетъ, что крестьянинъ, являясь завтра покупателемъ хлѣба, долженъ покупать его по дорогой цѣнѣ, можетъ быть, даже тотъ свой хлѣбъ, который онъ продалъ вчера. На этотъ фактъ уже указывалъ г. Николай—онъ [1]). Фактъ продажи своего хлѣба настолько бьетъ въ глаза, что среди крестьянъ Московской и Тверской губерній сложилась поговорка, поражающая своею грустною ироніею: «не тужи, овесъ, что въ Москву повезъ; въ три-дорога заплачу, да домой ворочу». Я коротко указываю на вліяніе платежей,— этихъ экономическихъ дѣятелей въ процессѣ отдѣленія производителей отъ средствъ производства и существованія, обусловленномъ реформою 19 февраля 1861 года,—и разсматриваю явленіе въ чистомъ видѣ. Въ дѣйствительности, этотъ основной фонъ затемняется и усложняется ростовщичествомъ, обмѣромъ и обвѣсомъ производителя какъ при продажѣ, такъ и при покупкѣ хлѣба, при сбытѣ кустарныхъ издѣлій скупщикамъ и т. д.,—обстоятельствами производными, ускоряющими отдѣленіе производителя отъ средствъ существованія и производства. Обстоятельно изслѣдовать эту основную сторону сущности историческаго процесса дѣло будущаго историка. Въ виду важнаго значенія платежей въ этомъ историческомъ процессѣ желательно, чтобы въ земско-статистическомъ матеріалѣ указывались всякіе денежные платежи крестьянства, такъ какъ для выполненія ихъ крестьянину приходится продавать все большее и большее количество продуктовъ труда, а такое превращеніе продукта труда въ товаръ подвергаетъ его всѣмъ злоключеніямъ, связаннымъ съ производствомъ товаровъ.

Къ сказанному о вліяніи платежей на отдѣленіе производителей отъ

---

[1]) Г. Н. — онъ. «Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства», стр. 43: «крестьяне осенью продаютъ свой хлѣбъ, а весною собственный же хлѣбъ покупаютъ снова»

средствъ производства и существованія нужно добавить еще слѣдующее. Протекціонная система была,—говоритъ Марксъ, разсматривая генезисъ индустріальныхъ капиталистовъ,—искусственнымъ средствомъ фабриковать фабрикантовъ, экспропріировать независимаго работника, капитализировать національныя средства производства и жизненныя средства, насильственно укорачивать переходъ изъ стараго способа производства въ современный [1]). Изъ ходатайствъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества я привожу такого рода данныя: «извѣстный въ концѣ пятидесятыхъ годовъ русскій протекціонистъ, г. Ушинскій, высчиталъ, что въ промежутокъ времени съ 1822 по 1854 годъ Канкриновскіе тарифы равнялись ежегодному обложенію всего русскаго населенія въ пользу протежируемыхъ заводчиковъ и фабрикантовъ въ размѣрѣ 1 руб. 65 коп. съ каждой души, или около 10 руб. съ каждой семьи. По этому масштабу, нынѣ дѣйствующій тарифъ надлежало бы признать равносильнымъ ежегодному обложенію каждой русской души податью въ 5 руб. 77,5 копѣекъ» [2]). Ходатайства не добавляютъ, что «по этому масштабу» ежегодное обложеніе всего русскаго населенія въ пользу протежируемыхъ заводчиковъ и фабрикантовъ составитъ около 35 руб. съ каждой семьи. Въ сноскѣ къ слову «тарифъ» ходатайства поясняютъ: «таможенный департаментъ сосчиталъ, что противъ 1869 года обложеніе въ 1889 г. увеличилось: на привозные жизненные припасы почти въ $2^1/_2$ раза, на издѣлія—больше чѣмъ въ 3 раза, а на сырые и полуобработанные матеріалы почти въ 4 раза». Новый таможенный тарифъ, ставшій закономъ 11 іюня 1891 года, остается въ высокой мѣрѣ покровительственнымъ, несмотря на то, что многія ставки понижены сравнительно съ дѣйствующими на основаніи временнаго закона 16 августа 1890 года и доведены до размѣровъ тарифа 1887 г.

Если мы вернемся нѣсколько назадъ и къ суммѣ всѣхъ платежей, приходящихся на хозяйство, семью,—они равняются 11,52 руб. безъ страховыхъ и сбора на быка,—прибавимъ 35,81 руб. (по разсчету въ семьѣ 6,2 души), которыми обложена крестьянская семья въ пользу протежируемыхъ заводчиковъ и фабрикантовъ, то это составитъ 47,33 руб. Мы раньше принимали, что у перваго хозяйства весь валовой сборъ ржи равенъ 6 четвертямъ, продавъ которыя по дорогой цѣнѣ—8 рублей за четверть,—первое хозяйство выручитъ всего 48 рублей, т. е. первое хозяйство должно весь валовой продуктъ своего труда, не оставляя даже сѣмянъ для посѣва, продать, да еще по хорошей цѣнѣ, чтобы запла-

---

[1]) Das Kapital von Karl Marx, стр. 783.

[2]) Труды И. В. Э. О., 1890, № 3, стр. 122

тить за свое существованіе и за развитіе отечественной крупной промышленности... Если теперь нашъ самостоятельный крестьянинъ не продастъ лошади и коровы и не пойдетъ, если не по міру, то заниматься промыслами, продавая свою рабочую силу, то оставаясь земледѣльцемъ, онъ вынужденъ покупать теперь хлѣбъ не только на продовольствіе, но даже на сѣмена, т. е. вынужденъ занимать или хлѣбъ, или деньги, попадая такимъ образомъ въ лапы «хозяйственнаго мужичка»... Послѣдствія понятны. Наше второе хозяйство послѣ такого очищенія останется все таки съ 57 руб. «на сѣмена и на сѣмена». Я взялъ два хозяйства съ различными количествами средствъ производства и существованія, чтобы рѣзче показать, что̀ такое обратная зависимость между размѣромъ надѣла и размѣромъ платежей, зависимость, усугубляемая протекціонною системою. Первое хозяйство представляетъ наименьшій предѣлъ, ниже котораго обезпеченному землею крестьянину нельзя спуститься, не превращаясь въ пролетарія. Второе хозяйство представляетъ предѣлъ, выше котораго кучка крестьянъ поднимается развѣ только въ Таврической губерніи. Группа первыхъ хозяйствъ составляетъ $^1/_{10}$ всѣхъ крестьянскихъ хозяйствъ, а вторыхъ—нѣсколько больше $11,_6\%$. Остальныя хозяйства заключаются между этими двумя крайними группами. Въ виду приведенныхъ данныхъ приходится сказать, что тотъ историческій процессъ отдѣленія производителя отъ средствъ производства и существованія, который въ Англіи совершался пять столѣтій, совершается у насъ гораздо быстрѣе, даже безъ вмѣшательства насильственныхъ внѣшнихъ средствъ экспропріаціи средствъ производства рабочаго. Такимъ образомъ, Россія стремится стать капиталистической націей по образцу западно-европейскихъ націй и для этого предварительно преобразовываетъ своихъ крестьянъ въ пролетаріевъ. Таковы заключенія, къ которымъ приводитъ разсмотрѣніе данныхъ, касающихся надѣловъ и платежей. Къ тѣмъ же выводамъ привели насъ также матеріалы, разобранные въ предшествующихъ главахъ.

П. Скворцовъ.

БОРЬБА ОБЩИНЫ СЪ ХУТОРОМЪ.

До XVIII вѣка самарскія степи знали лишь кочевавшихъ по нимъ башкиръ, киргизовъ, калмыковъ и ногайцевъ. Съ появленіемъ весны они появлялись со своими табунами лошадей, стадами овецъ и рогатаго скота; когда исчезала трава, откочевывали дальше, а на зиму располагались зимовками по берегамъ немногочисленныхъ въ степи рѣкъ. Начало же колонизаціи осѣдлымъ земледѣльческимъ населеніемъ положено было лишь со второй половины XVIII вѣка. Сначала въ лѣсахъ по берегамъ нѣкоторыхъ рѣкъ (главнымъ образомъ р. Бол. Иргиза) скрывались отъ преслѣдованія правительства раскольники, бѣглые крестьяне, ссыльные, стрѣльцы, казаки и другіе недовольные тогдашнимъ строемъ жизни люди. Но потомъ, вслѣдствіе правительственныхъ указовъ, раскольники стали являться на законномъ основаніи, указомъ Екатерины II отъ 1762 года они вызывались даже изъ-за-границы, куда бѣжали отъ преслѣдованія правительства. На вольныя земли по берегамъ Волги, Иргиза, Еруслана и Тарлыка явились массы народа: и вѣтковскіе раскольники (1764 г.), и малороссы для возки соли съ озера Элтона (по указу 1747 г.), и молокане, и наконецъ, нѣмцы (съ 1766 г. по 1788 г.). Кромѣ того, степи были сдѣланы и мѣстомъ ссылки на поселеніе (и осужденныхъ за убійство, и людей духовнаго званія и пр.). Только такое массовое заселеніе степей земледѣльцами положило конецъ господству кочевниковъ.

Такимъ образомъ эти степи, какъ и вообще нашъ югъ, имѣютъ характеръ страны молодой, окраины или колоніи русской метрополіи. Населеніе быстро увеличивалось. Ежегодно создавались новыя селенія и хутора. Свѣжая дѣвственная почва, ковыльная степь, до которой никогда не дотрогивался плугъ земледѣльца, давала богатые урожаи, при самыхъ простыхъ способахъ обработки. Главный продуктъ ея—крѣпкая пшеница-бѣлотурка—подъ названіемъ самарки явился на всемірный (лондонскій)

рынокъ. Прошло сто лѣтъ — и юный край разцвѣлъ, и слухъ о немъ (о «Самаріи») прошелъ по всей Руси великой.

Вмѣстѣ съ заселеніемъ степей въ нихъ водворилось и общинное землевладѣніе. Вся самарская губернія можетъ быть названа страною общиннаго землевладѣнія, по преимуществу; здѣсь вся крестьянская надѣльная земля находится въ общинномъ владѣніи [1]), несмотря на все различіе національностей (великороссы, малороссы, мордва, чуваши, вотяки, башкиры, татары, эсты, латыши, поляки и нѣмцы). Мы будемъ говорить лишь о двухъ южныхъ степныхъ уѣздахъ Самарской губ.—Николаевскомъ и Новоузенскомъ [2]), пользуясь земско-статистическими изслѣдованіями (томъ VI и VII) 1887—89 гг. Въ степяхъ земледѣліе и скотоводство составляютъ единственныя занятія жителей, кустарные промыслы и фабричная дѣятельность почти совершенно отсутствуютъ.

Названные два уѣзда занимаютъ площадь болѣе 6½ милліоновъ десятинъ, т. е. столько же, сколько Италія съ ея островами, и въ два раза болѣе, чѣмъ вся Московская губернія. Здѣсь крестьянское общинное землевладѣніе занимаетъ 57% всей земли, остальное количество распредѣляется между казною (14%), частными владѣльцами (26%), удѣломъ, монастырями и городами (3%). Въ настоящее время это пространство включаетъ въ себя 504 селенія (общинъ 516) и 424 хутора [3]). Послѣдніе почти всѣ образовались путемъ выдѣленія изъ общинъ на казенныя, частновладѣльческія и другія земли части домохозяевъ, принадлежащихъ въ тоже время и къ общинѣ. Особенно сильное развитіе этого хуторского, индивидуальнаго (необщиннаго) хозяйства составляетъ одну изъ характерныхъ особенностей степной половины губерніи, значительно отличая этимъ южную часть отъ сѣверной. Образованіе хуторовъ есть явленіе преимущественно послѣднихъ трехъ десятилѣтій. За это время, судя по имѣющимся даннымъ, основано болѣе ⅘ всѣхъ хуторовъ, существующихъ теперь, причемъ развитіе ихъ съ каждымъ десятилѣтіемъ усиливалось:

въ 60-хъ	годахъ	основано	17%	существующихъ	хуторовъ.
» 70-хъ	»	»	28%	»	»
» 80-хъ	»	»	38%	»	»

---

[1]) За исключеніемъ немногочисленныхъ однодворцевъ и нѣмцевъ-меннонитовъ.

[2]) Экскурсіи въ другіе уѣзды каждый разъ будутъ указаны.

[3]) Все число хуторовъ гораздо больше, но эти занесены въ таблицы, какъ принадлежащіе крестьянамъ и мѣщанамъ. Пропущены еще хутора въ Александрово-Гайской и Моршанской волости Новоуз. у. и совсѣмъ не описаны всѣ частновладѣльческіе.

Чтобы узнать, въ чемъ заключается это новое явленіе—хуторское хозяйство, надо обратиться прежде къ разсмотрѣнію того, что дѣлается въ самой общинѣ, откуда вышли эти хуторяне. Особыя, групповыя, таблицы, сдѣланныя на основаніи подворнаго описанія крестьянскаго хозяйства, даютъ прекрасную, фотографически вѣрную иллюстрацію къ вопросу: что представляетъ изъ себя наша община въ настоящее время и изъ какихъ элементовъ она теперь состоитъ? Благодаря тому, что перепись велась по карточной системѣ, при которой каждая семья заносится на отдѣльную карточку, все населеніе можно было при подсчетѣ разбить на группы по состоятельности. Признакомъ состоятельности домохозяина было выбрано количество рабочаго скота, и этотъ признакъ для земледѣльческихъ мѣстностей, тѣмъ паче степныхъ, оказался вполнѣ вѣрнымъ, почти такимъ же, какъ количество посѣва у домохозяина, что доказывается ниже ихъ полнымъ соотвѣтствіемъ (въ массѣ).

По земско-статистической переписи, произведенной въ теченіе трехъ лѣтъ, 1887—89 гг., населеніе 516 общинъ [1]) Новоузенскаго и Николаевскаго уу. представляется въ такомъ видѣ:

		Число семей.	% къ общему числу.	
I группа:	надѣльные домохозяева, имѣющіе болѣе 20 штукъ рабочаго скота.	1,521	1,3	7%
II »	отъ 10 до 20 шт. » »	6,694	5,7	
III »	» 5 » 10 » » »	21,867	18,6	29,2%
IV »	4 » » »	12,496	10,6	
V »	2 и 3 » » »	27,936	23,8	
VI »	1 » » »	17,200	14,6	40%
VII »	неимѣющіе » »	15,170	12,9	
VIII »	безнадѣльные (безземельные) . . .	6,847	5,8	
IX »	ушедшіе изъ общины	7,809	6,6	
	Всего по 2 уѣздамъ . . .	117,540	100%	

Это распредѣленіе 117,540 семей на девять группъ указываетъ пока лишь на то, что въ общинѣ существуетъ соціальное неравенство—и только. Это не ново, оно существовало и раньше. Если судить по скоту, въ настоящее время есть крестьяне-богачи (группы I и II), какихъ немного, всего 7%; есть зажиточные (группы III и IV), ихъ 29%; есть средніе

[1]) Насъ сейчасъ интересуетъ лишь населеніе общинъ. Чтобы усчитать все населеніе уѣздовъ, надо сюда прибавить то хуторское населеніе, которое не засчитано въ селеніяхъ, а также то пришлое населеніе изъ другихъ уѣздовъ и губерній, которое не приписано въ общинахъ нашихъ двухъ уѣздовъ и извѣстно подъ названіемъ постороннихъ.

(V группа)—почти 24% и есть бѣдные: съ 1 штукой рабочаго скота, совершенно безъ него и даже безъ земли (VI, VII и VIII гр.), а также такіе, для которыхъ община совсѣмъ оказалась мачихой (группа IX) — такихъ въ суммѣ 40%.

Но, чтобы уяснить себѣ, въ чемъ состоитъ это имущественное неравенство среди крестьянъ-общинниковъ, какъ и въ чемъ оно проявляется при современныхъ условіяхъ хозяйства, и что изъ него проистекаетъ, — надо вглядѣться ближе въ каждую группу и въ отношенія ихъ другъ къ другу.

Соціально-экономическая характеристика этихъ группъ можетъ быть сдѣлана по тѣмъ же групповымъ таблицамъ статистическихъ сборниковъ, и въ краткихъ чертахъ она слѣдующая [1]).

		Средній составъ семьи.	Рабочей мужской силы на семью.	Среднее количество рабочаго скота на 1 семью.	Среднее количество посѣва разныхъ хлѣбовъ въ кав. десятинахъ на семью.	Тоже на 1 рабочую мужскую силу.		% семей съ грамотными къ общему числу семей.
Группа	I	12,4	2,7	51,6	176	65		80%
»	II	11,1	2,8	15,4	53	21		
»	III	8	1,9	6,7	25	13		60%
»	IV	6,8	1,8	4	16	10		
»	V	5,7	1,4	2,3	10,2	7		40%
»	VI	4,7	1,1	1	5,4	5		
»	VII	4	1,1	—	2,1	2		30%
»	VIII	2,4	0,5	0,1	1,7	0,3		

Эта таблица уже говоритъ многое.

Прежде всего, изъ перваго вертикальнаго столбца мы видимъ, что богатыя семьи, стоящія вверху лѣстницы, семьи крупныя, по 11 и 12 душъ обоего пола. Чѣмъ бѣднѣе семья скотомъ, тѣмъ она меньше численностью. Бѣдныя семьи, безъ скота и безъ земли, въ среднемъ имѣютъ лишь 4 и 2½ человѣка. На первый взглядъ выходитъ, что богатство семьи всецѣло обусловливается числомъ ея членовъ (величиной семьи).

Второй столбецъ, показывающій количество мужской рабочей силы въ семьѣ, находится въ полномъ со твѣтствіи съ первымъ, и по нему точнѣе можно судить насколько «трудовой принципъ» въ крестьянской жизни опредѣляетъ собою богатство.

---

[1]) Таблица составлена на основаніи данныхъ, полученныхъ при изслѣдованіи обоихъ уѣздовъ, за исключеніемъ расчетовъ о посѣвѣ, площадь котораго учитывалась лишь въ Новоузенскомъ у.

Сопоставленіе столбцевъ 3-го и 4-го подтверждаетъ и доказываетъ, что выбранный признакъ благосостоянія—количество скота—довольно надеженъ. Величина засѣваемой площади хлѣба у домохозяина находится въ громадномъ большинствѣ случаевъ въ прямой зависимости отъ количества скота, которымъ располагаетъ посѣвщикъ. Въ хозяйствѣ земледѣльца этотъ факторъ—количество рабочаго скота — въ значительной степени предопредѣляетъ и результатъ сочетанія его съ другими факторами производства (трудъ, земля и орудія труда).

При всей гармоничности этихъ рядовъ (3-го и 4-го) невольно останавливается вниманіе на высшей группѣ богачей, имѣющихъ на дворѣ по 54 головы рабочаго скота и пивы въ 176 десятинъ. Какъ-то сразу выростаютъ эти цифры изъ соотвѣтствующихъ цифръ сосѣдней (II) группы, которая имѣетъ въ среднемъ скота 15 головъ на дворъ, посѣва—53 дес. Желая найти объясненіе этого скачка цифръ, обращаемся къ источнику богатства—къ рабочей силѣ (2-ой вертикальный столбецъ), и уже здѣсь положительно недоумѣваемъ. Съ увеличеніемъ рабочей силы въ среднемъ меньше, чѣмъ на $^1/_4$ человѣка ($2{,}7-2{,}5=0{,}2$) у богатой семьи (I-ой группы) является громадная разность въ 123 дес. (176 – 53) посѣва. Какъ будто четверть человѣка топаетъ ногой и изъ земли является легіонъ.

Памятуя, что богатства создаются трудомъ, что въ производствѣ ничего не дѣлается по движенію магической палочки, будемъ искать разгадки здѣсь-же въ цифрахъ, такъ какъ, очевидно, что представленная народниками «рабочая сила семьи» здѣсь ничего не объясняетъ.

Вычисливъ среднее количество посѣва на 1 работника семьи (5-ый вертикальный столбецъ), находимъ его въ различныхъ группахъ весьма различнымъ. Въ богатой группѣ на одного работника приходится 65 дес. Ясно, что, если онъ не Микула Селяниновичъ, то онъ самъ не можетъ справиться съ такой «полоской», ясно, что рабочая сила была взята со стороны, что приложенъ наемный трудъ. Какое количество нанятого труда здѣсь вложено,—пока не видно, ясно только, что онъ есть. Онъ есть и во II группѣ, такъ какъ 21 десятину одинъ человѣкъ самъ обработать не въ силахъ, онъ есть и въ III группѣ.

При статистическомъ изслѣдованіи этихъ уѣздовъ, изъ нанятыхъ рабочихъ усчитывались лишь постоянные, годовые:

у	I	группы	приходится	3,5	человѣка	на семью,
»	II	»	»	1,1	»	» »
»	III	»	»	0,25	»	» »
»	IV	»	»	0,07	»	» »

По этимъ даннымъ можно сказать, что IV группа, т. е. семьи, имѣю-

щія 4 головы рабочаго скота не эксплуатируетъ наемнаго труда (изъ 100 дворовъ лишь 7 имѣютъ годовыхъ рабочихъ), а слѣдовательно, при существующей въ степяхъ интенсивности хозяйства норма величины посѣва, съ которой въ состояніи справиться одинъ человѣкъ, можетъ быть принята въ 10 десятинъ разныхъ хлѣбовъ (5-й вертикальный столбецъ IV группы). Семьи малосостоятельныя и бѣдныя (V, VI, VII и VIII), очевидно, по разнымъ причинамъ не весь свой трудъ прилагаютъ къ своей землѣ, онѣ обрабатываютъ по 7, 5, 2 и 0,8 дес. собственнаго посѣва. Съ другой стороны, чѣмъ выше стоитъ семья на экономической лѣстницѣ, тѣмъ больше она пользуется для производства наемнымъ трудомъ. Въ хозяйствахъ III группы наемный работникъ не рѣдкость: 25 рабочихъ на 100 дворовъ; во II группѣ—110 человѣкъ на 100 дворовъ. Въ хозяйствахъ же богатыхъ (I группа) число нанятыхъ годовыхъ рабочихъ даже болѣе, чѣмъ своихъ семейныхъ: своихъ—2,7, а нанятыхъ—3,5 человѣка.

Насколько учетъ этотъ ниже дѣйствительности, или, вѣрнѣе сказать, на сколько онъ не учитываетъ всей нанятой рабочей силы во всѣхъ ея формахъ: постоянныхъ, временныхъ, срочныхъ, сдѣльныхъ, взрослыхъ рабочихъ и полурабочихъ (не говоря о женщинахъ и дѣтяхъ)—можно судить по слѣдующему разсчету. Если примемъ, что хоть приблизительно вѣрно опредѣлена норма посѣва на 1 рабочаго въ 10 десятинъ, то для посѣва богатой семьи въ 176 десятинъ нужно болѣе 17 человѣкъ (17,6), а эта семья въ среднемъ имѣетъ лишь 2,7 своихъ семейныхъ рабочихъ, слѣд., ей нужно нанять еще почти 15 человѣкъ, т. е. въ $5^1/_2$ разъ больше, сравнительно съ числомъ своихъ семейныхъ. По такому же разсчету хозяйства II группы нанимаютъ въ среднемъ по $2^1/_2$ человѣка каждое [(53:10)—2,3=2,8], даже въ хозяйствахъ III группы находимъ черезъ дворъ одного нанятого работника [$^1/_2$ человѣка на семью: (25:10)—1,3=0,8].

Если бы мы приняли нормой посѣва на 1 рабочаго не 10 дес., а 7, какъ это опредѣляется для двух-трехлошадника (V группа), то оказалось бы, что хозяйства съ 4 штуками рабочаго скота также эксплуатируютъ наемный трудъ, два двора изъ трехъ имѣютъ нанятого рабочаго [$^2/_3$ человѣка на семью: (16:7)—1,7=0,8].

Итакъ, въ настоящее время наемный трудъ въ хозяйствѣ общинниковъ прилагается въ весьма почтенныхъ размѣрахъ. Многіе же авторы изъ вѣрнаго положенія, что богатство создается трудомъ, выводили непосредственную зависимость благосостоянія каждаго отдѣльнаго домохозяина отъ рабочей силы его семьи. Потому они долго игнорировали примѣненіе наемнаго труда въ крестьянствѣ. Отсюда ихъ «симпатіи» къ «мужику», котораго они представляли по части эксплуатаціи и присвоенія чужого

труда чистымъ какъ голубица («жизнь своимъ трудомъ»). Отсюда, между прочимъ, истекали и разнообразныя требованія: плачъ объ упавшемъ «мужикѣ» и требованіе поставить его на ноги, плачъ о семейныхъ раздѣлахъ и требованіе ихъ запрещенія и многія др. Они искали пропорціональности между затратой своего труда и количествомъ получаемаго въ хозяйствѣ продукта, забывая, что трудъ есть лишь одинъ факторъ въ производствѣ, что капиталъ въ настоящее время пріобрѣлъ и въ крестьянскомъ хозяйствѣ первенствующее значеніе, съ легкостью замѣняя недостатокъ надѣльной земли арендной и купчей, замѣняя соху—плугомъ, цѣпъ—молотилкой, рабочія руки семьи—наемными и т. д., и т. д. Ихъ теоретическое положеніе было вполнѣ примѣнимо къ дѣйствительности, когда общинникъ не прибѣгалъ къ наемному труду, когда послѣдній примѣнялся лишь въ исключительныхъ случаяхъ, напр., въ случаѣ потери работника въ семьѣ, а теперь онъ сдѣлался правиломъ, которое крестьяне выражаютъ такъ: «если не нанимаешь работника, то нанимайся самъ». Въ описываемой мѣстности, можно сказать, нѣтъ ни одного домохозяина, который бы не пользовался наемнымъ трудомъ или самъ не эксплуатировался бы другимъ въ какой либо формѣ.

Конечно, нѣтъ возможности учесть наемный трудъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ точно, но *надо считать каждую десятину сверхъ нормы—произведенною наемнымъ трудомъ, каждаго нанятаго работника, полуработника, пастуха и подпаска надо считать производителями прибавочной стоимости.* Здѣсь нужно прилагать и тѣ научные термины, которые употребляются въ экономикѣ производства, что доказывалось и на засѣданіяхъ статистической подсекціи IX съѣзда естествоиспытателей [1]).

Мы долго останавливались на рабочей силѣ потому, что этотъ вопросъ сдѣлали наиболѣе запутаннымъ и спорнымъ. Для болѣе полной характеристики группъ населенія по другимъ признакамъ могутъ служить тѣ же данныя, которыя были получены при изслѣдованіяхъ 1887—89 годовъ и сведены въ «Сборникахъ» въ таблицы. По клѣткамъ этихъ таблицъ посредствомъ цифръ, не хуже чѣмъ масляными красками на полотнѣ, рисуется картина общинной жизни; изъ этихъ клѣтокъ глядятъ не только физіономіи всѣхъ группъ, но и ихъ взаимныя отношенія. Въ другой разъ при случаѣ мы можетъ быть переведемъ эту картину изъ клѣтокъ и

---

[1]) См. поднятый г. Ставровскимъ вопросъ о нормѣ прибавочной стоимости въ сельскомъ хозяйствѣ въ «Трудахъ подсекціи статистики IX съѣзда въ Москвѣ въ 1891 г.» Черниговъ. 1894 г.

цифръ въ слова и строки, но теперь, взглянувъ вскользь на картину, остановимся лишь на нѣкоторыхъ лицахъ.

Самая бѣдная группа—это неимѣющая рабочаго скота. Эти семьи, не имѣя скота, плохо пользуются и своей надѣльной землей: половина ихъ (50,1 %) сдаетъ ее всю и, кромѣ того, многія сдаютъ по частямъ. Хотя онѣ располагаютъ въ среднемъ двумя десятинами посѣва, но послѣдній производится всецѣло чужимъ инвентаремъ или составляетъ въ дѣйствительности часть заработной платы, выдаваемой натурой. Главнымъ образомъ, онѣ, можно сказать, монополизировали право работать на чужой землѣ чужимъ скотомъ и чужими орудіями; всѣ онѣ живутъ заработками и промыслами, за исключеніемъ 230 лицъ (изъ 15,606 рабочихъ мужчинъ). На переписи статистика эти домохозяева легко отличаются опытнымъ человѣкомъ и по одеждѣ, и по физіономіи.

О большинствѣ «хозяевъ» съ одной штукой рабочаго скота надо сказать тоже самое, хотя имѣющаяся лошадь и пять десятинъ посѣва заставляютъ предполагать нѣкоторую самостоятельность. Но надо обратить вниманіе на то, что представляютъ изъ себя одна лошадь и этотъ посѣвъ, какъ источникъ дохода, и вспомнить, что здѣсь рыночная цѣна лошади этой группы не болѣе 15—20 руб. (спускается и до 5 р.), а посѣвъ произведенъ на такой (хотя и собственной) землѣ, что только традиціонная надежда крестьянина заставляетъ его послѣднимъ напряженіемъ силъ дѣлать этотъ якобы собственный посѣвъ. Въ годы среднихъ и часто даже хорошихъ урожаевъ такіе посѣвы не возвращаютъ сѣмянъ; привычный глазъ издали различаетъ посѣвы состоятельныхъ хозяевъ и посѣвы этихъ однолошадниковъ и двухлошадниковъ.

Нѣкоторая тѣнь самостоятельности видна у двух- и трехлошадниковъ, такъ какъ десять десятинъ посѣва при благопріятныхъ условіяхъ могутъ обезпечить семью. Но какъ велика вѣроятность этихъ благопріятныхъ условій для этой группы, можно видѣть изъ того, что въ этой мѣстности въ 60-хъ и 70-хъ годахъ въ теченіе десятилѣтія на истощенныхъ надѣльныхъ земляхъ бывало по четыре неурожайныхъ года, а въ послѣдніе, 80-ые годы, было пять неурожайныхъ лѣтъ и притомъ слѣдовавшихъ почти другъ за другомъ. Хозяинъ этой группы, можно сказать, останавливается съ опущенными руками на своей нивѣ въ то время, какъ богатый сосѣдъ его собираетъ обильную жатву.

Обращаясь къ положенію среднихъ хозяевъ, имѣющихъ отъ 4 до 10 штукъ рабочаго скота (группы III и IV) и составляющихъ въ настоящее время менѣе трети всей общины (28,6 %), всякій, знающій эту мѣстность ближе, не задумываясь, сочтетъ добрую часть этихъ хозяевъ также несостоятельными, т. е. ведущими хозяйство при посредствѣ заработ-

ковъ, отработокъ и т. п., слѣдовательно, тоже находящимися въ большей или меньшей зависимости отъ капиталиста: купца, землевладѣльца и своего богача-общинника.

Намъ и остается разсмотрѣть этотъ немногочисленный элементъ общины, 7%, группы I и II, этихъ «богатѣевъ», крестьянъ-капиталистовъ, которымъ стало тѣсно въ общинѣ и необходимо было выдѣлиться на отдѣльные хутора. Ихъ 8,215 семей изъ 117,540 по двумъ уѣздамъ. Вся мощь этихъ крестьянъ-монстровъ развертывается на арендованной и купчей землѣ, которую они захватываютъ цѣлыми громадными участками въ свое единоличное владѣніе. По одному Новоузенскому у. изъ числа крестьянъ этой группы 1,342 лица, т. е. $2_{,5}$% всего числа домохозяевъ, арендуютъ пахатной земли за деньги у казны, владѣльцевъ и крестьянъ болѣе полмилліона десятинъ (588 тыс.), что составляетъ 78% всей площади арендуемой земли крестьянами этого уѣзда [1]). Кромѣ того, въ рукахъ 144 лицъ имѣется 124 тыс. десятинъ купчей земли изъ 130 тысячъ всей купленной крестьянами.

Кромѣ того, какъ всякій знаетъ, они, какъ дворы многосемейные, отнимаютъ большую часть надѣльной земли при всѣхъ передѣлахъ на законномъ для общины основаніи. Но, не довольствуясь ею, эти силачи, въ благодарность за это, производятъ еще постоянно особый, можно сказать, «черный передѣлъ» посредствомъ денегъ: они отнимаютъ значительную часть лучшей надѣльной земли въ видѣ аренды у отдѣльныхъ общинниковъ и у цѣлой общины.

По двумъ разсматриваемымъ уѣздамъ этими богатыми общинниками (гр. I и II) снято въ аренду большею частью на долгіе сроки (переходятъ часто въ вѣчную аренду) цѣлые большіе участки надѣльной земли, общая площадь ихъ опредѣлена въ 78.248 дес. [2]), затѣмъ погодно снимается ими 85,968 дес. [3]) и 5,733 надѣла (т. е. приблизительно не менѣе 50 тыс. дес.). Слѣдовательно, всего отнято ими до 8% лучшей надѣльной земли (220 тыс. дес. и 2,836 тыс.), а если приложить сюда такую же аренду только цѣлыми участками нѣкоторыхъ сильныхъ хозяевъ изъ III группы въ числѣ 103 тыс. дес., то величина отнятой площади окажется болѣе 11%.

[1]) При этомъ надо замѣтить, что земля, арендуемая участками, достается имъ очень дешево, въ Новоузенскомъ у. въ среднемъ по 1 р. 30 к., въ Николаевскомъ по 1 р. 90 к.

[2]) По цѣнѣ 1 р. 60 к. за дес. въ Новоузенскомъ у. и по 2 р. въ Николаевскомъ.

[3]) По 3 р. 40 к. въ Новоузенскомъ у. и по 3 р. 50 к. за дес. въ Николаевскомъ.

Эта монополизированная разными способами земля дала возможность богачамъ Новоузенскаго у. (I и II груп.) довести площадь своего посѣва до 327 тыс. десятинъ, а вся посѣвная площадь у общинниковъ опредѣлена была въ 816 тыс. дес. Такимъ образомъ, не менѣе 40% хлѣба въ общинахъ производятъ они—эти 7% хозяевъ; и надо прибавить, что при этомъ они имѣютъ большое стремленіе къ производству лучшаго хлѣба—пшеницы [1]).

Выше мы видѣли, что средняя величина посѣва у II группы опредѣлялась въ 53 дес. на дворъ, а у I группы даже въ 176 дес.

Для такихъ посѣвовъ они содержатъ, конечно, и соотвѣтствующее количество рабочаго скота. У двухъ высшихъ группъ (I и II) по 2 уѣздамъ записано всего было въ 1887—89 гг. болѣе 109 тыс. рабочихъ лошадей, 72 тыс. воловъ и 3,100 верблюдовъ, а это составляетъ 42% всего рабочаго скота, записаннаго въ общинахъ. Мы пока совершенно оставляемъ безъ разсмотрѣнія всякій другой скотъ, такъ какъ имѣемъ въ виду пока только производство хлѣбныхъ продуктовъ [2]).

Обращаясь къ обозрѣнію мертваго инвентаря, земледѣльческихъ орудій въ тѣсномъ смыслѣ, находимъ, что при переписи учитывались вполнѣ лишь усовершенствованныя орудія и только въ Новоузенскомъ у., хотя они употребляются и въ Николаевскомъ у. Появленіе ихъ относится къ началу 80-хъ годовъ. Всего записано было въ общинахъ вышеназваннаго уѣзда еще въ 1888—89 гг., т. е. болѣе 5 лѣтъ назадъ, 8,204 двора, которые уже пріобрѣли таковыя орудія, именно:

10,996 желѣзныхъ плуговъ (Эккерта, Говарда, Рансома и др.) называемыхъ здѣсь «американскими»,
1,884 вѣялки,

	Пшеницы.	Ржи.	Другихъ хлѣбовъ.	Всего.
	въ казенныхъ десятинахъ.			
[1]) Площадь посѣва I и II группы .	250,146	32,640	24,843	327,629
Вся площадь посѣва по уѣзду . .	588,250	128,731	99,234	816,329
% отношеніе ихъ	43%	25%	34%	40%

[2]) По 2 уѣздамъ:	Лошадей рабочихъ.	Воловъ.	Верблюдовъ.	Всего рабочаго скота.	Коровъ дойныхъ.	Овецъ.
у I и II группы	109,452	72,666	3,148	185,266	36,429	193,220
всего по уѣзду . . .	370,741	96,327	4,780	471,848	156,743	618,733
%-ное отношеніе	30%	75%	66%	42%	23%	31%

150 косилокъ,
195 жнеекъ,
88 конныхъ грабель
442 конныхъ молотилки и
23 паровыхъ молотилки.

Изъ этого числа богатыя группы I и II (2,381 дворъ) и богатые хозяева III группы (4,218 дворовъ), составляя лишь 13% всего числа семей по уѣзду, имѣли въ своихъ рукахъ болѣе 74% всѣхъ мелкихъ орудій (плуговъ и вѣялокъ) и всѣ крупныя машины [1]). Между прочимъ замѣтимъ, что всѣ эти орудія почти въ одинакой степени распространены какъ у нѣмцевъ, такъ и у русскихъ и малороссовъ.

Подводя итоги монополизаціи средствъ производства немногими, но сильными хозяевами, находимъ, что въ ихъ рукахъ (8,215 семей) пятьшесть лѣтъ тому назадъ сосредоточены были: *значительная часть надѣльной земли, болѣе трехъ четвертей арендованной* и *болѣе девяти десятыхъ купчей*, а также *болѣе двухъ пятыхъ рабочаго скота, три четверти* всѣхъ усовершенствованныхъ *плуговъ и всѣ крупныя машины*.—Въ результатѣ получается, что съ такими средствами они—эти 7% хозяевъ—даютъ 40% всего хлѣба, производимаго въ общинѣ; а можетъ быть и гораздо больше 50%, если судить не только по площади посѣва, а принять въ разсчетъ и бо́льшую производительность труда въ крупныхъ крестьянскихъ хозяйствахъ, сравнительно съ бѣдными. Надо помнить, что благодаря лучшей землѣ, лучшимъ сѣменамъ, лучшему скоту, лучшимъ орудіямъ и своевременной обработкѣ они всегда получаютъ и лучшіе результаты. Они всегда, даже и въ плохіе годы, собираютъ хорошую жатву, пользуясь, кромѣ того—и именно въ эти годы—дешевымъ и часто почти даровымъ трудомъ какъ взрослыхъ мужчинъ, такъ и подростковъ и дѣтей 12—14 лѣтъ, которыхъ они берутъ къ себѣ на работы или за долги, или за какой нибудь одинъ-два пуда муки, данныхъ «подъ работу» въ тотъ моментъ, когда нужда стояла на порогѣ полуразвалившейся холодной землянки рабочаго. Въ годы народныхъ бѣдствій эти общинники-силачи удваиваютъ, даже упятеряютъ, свои состоянія и, «перехитривъ алхимиковъ, изъ ничего дѣлаютъ золото».

Итакъ, мы видѣли, какова была степень монополизаціи 5—7 лѣтъ

	Плуговъ.	Вѣялокъ.	Косилокъ.	Жнеекъ.	Грабли.	Конныя молот.	Паровыя молот.
[1]) 2,381 двор. I и II группы имѣли. .	5,472	1,098	150	164	88	408	23
4,218 двор. III группы » .	4,378	658	—	30	1	30	—

тому назадъ; послѣ-же такихъ «тяжелыхъ» для однихъ и легкихъ для другихъ лѣтъ величина монополизаціи далеко не осталась той-же. По этому интересному вопросу, вопросу о вліяніи въ этомъ процессѣ «тяжелыхъ» лѣтъ, были сдѣланы наблюденія въ сосѣдней мѣстности, именно въ южной части Самарскаго уѣзда [1]).

Сдѣланными наблюденіями въ 20 общинахъ, при сравненіи количества скота, бывшаго весною 1890 г. и весною 1893 г., констатируется: уменьшеніе числа лошадей за эти три года на 27,7% (съ 9,829 штукъ до 7,102) и увеличеніе числа быковъ на 32% (съ 923 штукъ до 1227). При этомъ фактъ увеличенія числа быковъ объясняется тѣмъ, что ихъ держатъ только богатѣи, ничего неупускающіе даже во времена, «тяжелыя» для другихъ группъ крестьянства. Переходя къ перераспредѣленію скота внутри общины, авторъ, очевидно близко стоящій къ сельскому населенію, устанавливаетъ распаденіе его на слѣдующія 7 группъ:

I. *Безлошадные*, исключительнымъ доходомъ которыхъ служитъ продажа своей рабочей силы болѣе состоятельнымъ однообщественникамъ, частнымъ владѣльцамъ и на городскомъ рынкѣ въ Самарѣ всѣмъ, спрашивающимъ свободныя рабочія руки. Это—сельскіе пролетаріи.

II. *Однолошадные*, крайне неустойчивые хозяева, такъ какъ имѣютъ постоянную тенденцію къ переходу въ разрядъ безлошадныхъ. Главнымъ источникомъ существованія ихъ является также заработокъ по найму. Это—запасный кадръ сельскаго пролетаріата.

III. *2—3-х-лошадные*, продолжающіе смотрѣть на земледѣліе, какъ на важный источникъ существованія; фактически, однако, большинство ихъ живетъ преимущественно отъ найма почти исключительно на земледѣльческія работы. Это—бѣдняки, «горе-посѣвщики».

IV. *4—6 лошадные*, болѣе устойчивые, чѣмъ всѣ предыдущіе, но тѣмъ не менѣе терпящіе большой и непоправимый уронъ во время большихъ бѣдствій. Эксплуатація надѣльной и арендной земель не даетъ достаточно средствъ на покрытіе всѣхъ нуждъ, и посторонніе заработки ихъ играютъ не меньшую роль, какъ источникъ существованія, чѣмъ земледѣліе. Это—не вполнѣ самостоятельные.

V. *7—10 лошадные*, у которыхъ рядомъ съ доходомъ отъ земледѣлія играетъ роль, какъ продажа своей рабочей силы, такъ и эксплуатація чужого труда. Продажей труда они соединяются съ первой—большей по-

---

[1]) А. Б. «Вліяніе неурожаевъ 1891—92 гг. на распредѣленіе рабочаго скота въ 20 общинахъ Самарскаго у.». «Самарская Газета» 1894 г. №№ 291, 296 и 297.

ловиной деревни; эксплуатація труда приближаетъ ихъ къ другой—меньшинству. Это—состоятельные.

VI. *11—14 лошадные* не только совсѣмъ не выдѣляютъ изъ своей среды наймитовъ, но не въ состояніи уже обработать находящееся у нихъ количество земли при помощи своихъ семейныхъ силъ и постоянно прибѣгаютъ къ наемному труду и эксплуатируютъ его болѣе широко, чѣмъ предыдущая группа. Это—вполнѣ самостоятельные.

и VII. *Имѣющіе болѣе 14 головъ рабочаго скота.* Это—владѣльцы значительныхъ посѣвовъ и эксплуататоры большинства членовъ общины — продавцевъ своей рабочей силы. Это—«богатѣи».

Число членовъ этихъ группъ (всѣхъ 3,353 домохозяина) за три указанные года было слѣдующее:

	въ 1890 г.	въ 1893 г.	прибыло (+) или убыло (—)	
Имѣющихъ болѣе 14 головъ раб. скота	88	72	— 16	или —18,1%
» 11—14 » » »	59	44	— 15	» —25,4%
» 7—10 » » »	192	129	— 63	» —32,8%
» 4— 6 » » »	717	492	—225	» —31,3%
» 2— 3 » » »	949	797	—152	» —16 %
» 1 » » »	707	908	+201	» +28,4%
Безъ рабочаго скота	641	911	+270	» +42,1%

Какъ видно отсюда, образованіе безлошадныхъ и кандидатовъ къ нимъ (однолошадниковъ) совершилось путемъ уменьшенія числа членовъ всѣхъ группъ, даже группа «богатѣевъ» выкинула часть своихъ самыхъ слабыхъ членовъ въ болѣе бѣдныя группы. Но въ общемъ эта высшая группа, сильнѣйшая по своей состоятельности и роли въ деревенской жизни, оказалась далеко не въ проигрышѣ. Въ ихъ рукахъ рабочаго скота было:

	Въ среднемъ головъ рабочаго скота на дворъ богача.
въ 1890 году 2,240 головъ или 20,8% всего скота	25
» 1893 » 2,032 » » 24,3% » »	28

При небольшой абсолютной убыли рабочаго скота (на 208 головъ, т. е. на 9%), вслѣдствіе выпаденія слабѣйшихъ, группа богачей стала относительно другихъ еще сильнѣе: послѣ неурожайныхъ лѣтъ въ ея рукахъ стало на 3,5% больше изъ всего количества рабочаго скота (24,3% вмѣсто 20,8), и каждый дворъ этой группы въ среднемъ сталъ еще богаче почти на 3 головы (2,8).

Слѣдовательно, заключаетъ авторъ, по общей убыли живого инвентаря нельзя говорить объ общемъ разореніи крестьянства, какъ однороднаго цѣлаго.

Надо помнить о разложеніи крестьянства на группы, борющіяся между собой. Этотъ фактъ разложенія крестьянства по своимъ соціальнымъ послѣдствіямъ имѣетъ болѣе глубокій смыслъ и значеніе, чѣмъ констатируемое публицистами разореніе вообще крестьянства. Къ тому же, чтобъ утверждать о народномъ разореніи, надо имѣть данныя объ уменьшеніи всего количества цѣнностей, производимыхъ народнымъ трудомъ и потребляемыхъ потребителями всѣми вообще и каждымъ въ среднемъ. Такихъ убѣдительныхъ данныхъ у нихъ нѣтъ. А между тѣмъ, въ то время какъ группа бѣдняковъ, теряя бывшій въ ея владѣніи рабочій скотъ, дѣйствительно разоряется и вынуждается прилагать свой трудъ къ чужимъ орудіямъ производства,—группа богачей становится болѣе сильной. Черезъ три года число ихъ уменьшилось (съ $2_{,3}\%$ до $2_{,1}\%$ всѣхъ домохозяевъ), а количество скота у нихъ стало больше. Т. е. ихъ сила очень замѣтно концентрировалась. Это явленіе происходитъ постоянно. Въ годы народныхъ бѣдствій оно дѣлается еще болѣе рельефнымъ.

Но... покинемъ пока общину—переѣдемъ на хутора.

Мы видѣли, что это явленіе, можно сказать, новое и уже по одному тому должно быть интересное.

При первомъ посѣщеніи ихъ бросается въ глаза то, что они раздѣляются на два рода. Одни образованы тѣми богатыми крестьянами (I и II группы) [1]), которымъ стало тѣсно въ общинѣ, ихъ хозяйство не укладывается въ общинныя рамки, имъ нужны громадныя площади для посѣва и для скотоводства, они занимаютъ землю большими участками единолично или небольшими компаніями. Таковы хутора: на купчей землѣ (большинство), на арендованной частновладѣльческой, казенной, казачьей, городской и крестьянской надѣльной, снятой у обществъ цѣлыми участками. Здѣсь живутъ хозяева многосемейные, многопосѣвные, многолошадные.

Другого рода хутора—это такъ называемые хутора «на подесятинной арендѣ», т. е. на землѣ, снятой на годъ, много на 2 на 3 подесятинно. Это тѣ же средніе крестьяне, что и въ селеніяхъ, но пользующіеся землей на другихъ основаніяхъ, не на правахъ надѣла, а на правахъ аренды (ирландская система), иногда они составляютъ земельное товарищество. Конечно, есть хутора и смѣшаннаго типа: живетъ, напримѣръ, на своей купчей (или арендованной большимъ участкомъ) землѣ богатый крестья-

[1]) Здѣсь есть крестьяне (и мѣщане) изъ другихъ уѣздовъ и другихъ губерній.

нинъ, дѣлая большіе посѣвы, и имѣетъ около себя подесятинщиковъ, которымъ сдаетъ часть земли въ аренду. Въ таблицахъ такіе хутора опредѣляются распредѣленіемъ скота: у 10 дворовъ скажемъ по 2 по 3 лошади, а у одного болѣе 20 головъ. Кромѣ того, есть хутора въ родѣ степныхъ станцій, одинокихъ постоялыхъ дворовъ, но такихъ очень немного. Характеръ главныхъ видовъ хуторовъ и число ихъ по обоимъ уѣздамъ можно отчасти усмотрѣть изъ слѣдующей таблицы.

		Число хуторовъ.	Число домохозяевъ.	Средняя величина семьи.	Среднее количество головъ рабочаго скота на семью.	Средняя величина посѣва разн. хлѣбовъ на семью
I.	а) На купчей землѣ	105	812	7,4	24	88
	б) На арендованныхъ участкахъ: казенныхъ, частновладѣльч., казачьихъ и городскихъ	150	1618	7,5	18	81
	в) на арендованныхъ участкахъ надѣльныхъ земляхъ.	73	482	9,1	17	81
II.	На подесятинной арендѣ.	95	1409	6,3	7	15

Не останавливаясь на общихъ описаніяхъ хуторовъ, перейдемъ къ составленію характеристики отдѣльныхъ группъ хуторского населенія, отмѣченныхъ выше въ описаніи общины. Это сдѣлано нами въ слѣдующихъ цифрахъ:

		Средній составъ семьи.	Рабочей мужской силы на семью.	Среднее количество рабочаго скота на семью.	Среднее количество посѣва разн. хлѣбовъ въ каз. дес. на семью.	Среднее количество посѣва разн. хлѣбовъ въ каз. дес. на 1 работника.	Процентъ семей съ грамотными къ общему числу семей.	
Группа	I	10,6	2,5	60,5	196	92,7	83%	
»	II	9,3	2,3	18,1	46	22,4	71%	63%
»	III	7,4	1,7	8	24	13,6	63%	
»	IV	6,4	1,5	4,2	12,7	8,3	60%	
»	V	5,4	1,4	2,5	7,3	5,2	48%	
»	VI	5	1,2	1	3,5	2,6	44%	40%
»	VII	4,2	1	0	1,5	1,5	36%	

Сравнивая соотвѣтственныя группы хуторянъ и общинниковъ, находимъ, что семьи хуторянъ, а потому и рабочая сила у нихъ, меньше, чѣмъ у общинниковъ, и наоборотъ, количество рабочаго скота, а потому и площадь посѣва, въ особенности въ высшихъ группахъ, значительно больше. Величина посѣва на 1 работника м. п. на хуторахъ также больше, чѣмъ

въ общинахъ, въ особенности у самой богатой группы, но у низшихъ группъ (V, VI и VII) ниже, чѣмъ въ общинахъ, иногда почти вдвое. Средняя группа (IV) на хуторахъ (при бо́льшемъ земельномъ просторѣ) имѣетъ лишь $8_{,3}$ дес. посѣва на работника, такъ что подтверждаетъ выше сдѣланное предположеніе о томъ, что норма посѣва на 1 работника, безъ участія наемной силы, лежитъ ниже 10 дес. и скорѣе приближается къ 7 дес.

Отмѣтимъ еще одно различіе, касающееся грамотности населенія. Вообще хуторяне грамотнѣе общинниковъ, хотя на хуторахъ совсѣмъ нѣтъ организованныхъ школъ, какъ въ селеніяхъ; земство о нихъ совершенно не заботится. Высшія же группы почти осуществляютъ всеобщее образованіе, только конечно, для себя. Кромѣ указанныхъ семи группъ на хуторахъ живетъ постоянно масса всевозможнаго люда. Они, какъ рабочая сила, и эксплуатируются въ хозяйствахъ крупныхъ хуторянъ въ видѣ годовыхъ постоянныхъ рабочихъ. Они и при переписи не регистрируются, какъ отдѣльныя семьи, ни на хуторахъ, ни въ общинахъ, а записываются лишь въ нанятыхъ работникахъ. Таковыхъ на хуторахъ двухъ уѣздовъ записано болѣе $3^1/_2$ тысячъ лицъ, не считая женщинъ:

у	I	группы	въ среднемъ	приходится	на	дворъ	по $\frac{1}{4}$ нанят. работн. [1]).
»	II	»	»	»	»	»	$0_{,9}$ »
»	III	»	»	»	»	»	$0_{,3}$ »
»	IV	»	»	»	»	»	$0_{,09}$ »

Т. е. распредѣленіе ихъ между группами почти таково же, какъ и въ общинахъ, лишь высшая группа на хуторахъ имѣетъ ихъ въ большемъ числѣ, чѣмъ въ общинахъ. Теперь мы и займемся обозрѣніемъ лишь высшей группы — наиболѣе богатыхъ хуторянъ (I группа), такъ какъ остальныя группы почти вполнѣ походятъ на соотвѣтствующія имъ группы въ общинахъ.

По числу дворовъ они составляютъ 15% всего хуторского населенія, но въ ихъ рукахъ сосредоточены громадныя земельныя богатства. По Новоузенскому уѣзду 169 лицъ изъ этой группы имѣютъ болѣе 135 тыс.

---

[1]) На нанимающій дворъ приходится, конечно больше:

I	группа:	въ	общинахъ	$4_{,}$	на	хуторахъ	$4_{,5}$ нанят. рабочихъ.
II	»	»		$2_{,9}$	»		$1_{,5}$ »
III	»	»		$1_{,1}$	»		$1_{,2}$ »
IV	»	»		$1_{,1}$	»		$1_{,1}$ »
V	»	»		$1_{,1}$	»		$1_{,1}$ »
VI	»	»		$1_{,1}$	»		1 »

дес. купчей земли (изъ 180 тыс.) и 245½ тыс. дес. (изъ 285 тыс.) арендованной на нѣсколько лѣтъ большими участками по 1 р. 20 коп. за дес. въ годъ. Кромѣ того, ими арендовано подесятинно изъ разныхъ земель болѣе 7 тыс. дес. по 6 р. и отнято у общинъ надѣльной земли около 11 тыс. дес. по 2 р. 60 к. за дес. въ среднемъ. А всего отъ общинъ отошло подъ хутора въ Новоузенскомъ у. болѣе 17 тыс. дес. (не считая башкирской въ Николаевскомъ у. и крестьянской 2000 дес.). Вслѣдствіе такого обилія земель эти хуторяне производятъ громадные посѣвы, часто тысячами десятинъ. Въ Новоузенскомъ у. у 446 лицъ, составляющихъ I группу, записано около 88½ тыс. дес. разнаго хлѣба, преимущественно (до 84%) пшеницы, а вся площадь посѣва на хуторахъ опредѣлена въ 123½ тыс. дес.; такимъ образомъ, на этихъ лицъ I группы приходилось 71% всей посѣвной площади. Соотвѣтственно этому у нихъ имѣется и рабочаго скота: по двумъ уѣздамъ у I группы количество его опредѣлено въ слишкомъ 40 тыс. головъ (17 тыс. лошадей, 22 тыс. воловъ и 1085 верблюдовъ) т. е. 60% всего хуторского скота. Кромѣ того, веденіе хозяйства по залежной системѣ и вообще земельный просторъ даетъ имъ возможность заняться и овцеводствомъ. Эти 446 лицъ (I группы) имѣютъ 44 тыс. овецъ, и 811 лицъ (II группа) имѣютъ болѣе 21 тыс., а всего на хуторахъ существуетъ 84 тыс. овецъ.

Усовершенствованныя земледѣльческія орудія на хуторахъ вводятся еще больше, чѣмъ въ общинныхъ. Въ Новоузенскомъ уѣздѣ у 529 хозяевъ записано: 1,267 плуговъ, 157 вѣялокъ, 11 сортировокъ, 2 соломорѣзки, 64 конныя грабли, 133 косилки, 27 сѣялокъ, 84 жнейки, 205 конн. молотилокъ и 23 паровыхъ. Въ Николаевскомъ же у. записывались лишь крупныя машины, именно—у 144 хозяевъ найдено: 86 косилокъ, 1 жнейка, 10 конн. грабель, 98 конныхъ молотилокъ и 4 паровыхъ. Притомъ всѣ онѣ сосредоточены въ рукахъ первыхъ трехъ группъ.

Благодаря особымъ таблицамъ хуторовъ въ статистическихъ сборникахъ можно видѣть въ деталяхъ богатыя хозяйства отдѣльныхъ крестьянъ-хуторянъ. Ихъ крупныя съ тысячными посѣвами хозяйства снабжены, какъ видимъ, новѣйшими земледѣльческими машинами, нерѣдко даже паровыми молотилками, при извѣстномъ количествѣ постоянныхъ рабочихъ, иногда до 70—80 человѣкъ, а во время уборки хлѣбовъ съ прибавленіемъ еще сотенъ рукъ. Хозяйства, пользующіяся рабочей силой верблюда, имѣютъ этихъ животныхъ иногда по 150 штукъ. Крестьяне, занимающіеся овцеводствомъ, держатъ по нѣскольку тысячъ овецъ, иногда до 3—4 тысячъ головъ. Въ нѣкоторыхъ хозяйствахъ устраивается искусственное орошеніе (вѣрнѣе обводненіе), требующее во всякомъ случаѣ тысячи рублей единовременныхъ затратъ и проч

Словомъ, крестьянинъ, когда у него есть средства, организуетъ земледѣльческое хозяйство на чисто капиталистическихъ началахъ, какъ купецъ и другіе крупные владѣльцы. Такіе хутора съ одинаковымъ правомъ могутъ быть отнесены и къ частновладѣльческимъ хозяйствамъ, потому въ таблицахъ сборниковъ проведено искусственное разграниченіе: внесены лишь хутора крестьянъ и изрѣдка мѣщанъ, а хозяйства купцовъ и др. частныхъ владѣльцевъ оставлены. Такимъ образомъ, юридическое основаніе, по сословіямъ, произвело искусственное раздѣленіе хозяйствъ совершенно сходныхъ, какъ по величинѣ, такъ главное и по ихъ организаціи.

Выписавъ хозяйства нѣкоторыхъ изъ хуторянъ, мы дадимъ понятіе о силѣ этихъ «чумазыхъ» капиталистовъ [1]).

Въ Новоузенскомъ уѣздѣ [2]).	Число семей на хуторѣ.	Имѣютъ земли: купчей.	Имѣютъ земли: арендованной.	На ней посѣва разныхъ хлѣбовъ.	Количество рабоч. скота: лошадей, воловъ и верблюд.	Число постоянныхъ нанятыхъ рабочихъ (мужч. / женщ.)
		въ казенн. десят.				
Хут. Гдовинъ. кр. Новоуз. у.	1	17.220	16,600	6,240	1,558	11 / 11 +75 врем.
» Трехачевъ, » » »	3	4,700	2,763	1,985	523	36 / 10 +58 »
» Сорокинъ, » » »	2	3,600	2,700	1,334	131	11 / 1
» Молоканскій, мѣщ. Нов.	2	4.312	2,430	1,249	267	96
» Рѣшетниковъ, кр. » »	4	2,855	1,012	993	443	24
» Земцевъ, » » »	1	2,157	—	453	134	15
» Прозорскій » » »	1	7,000	—	373	190	5
» Жулидовъ » » »	2	2,580	—	554	254	13
» Осыка » » »	1	—	3,071	686	257	18
» Куховаренко » » »	3	1,500	5,445	1,313	450	40
» Ухинъ » » »	1	—	5,368	1,881	556	80 / 11
» Анкудиновъ » » »	1	—	2,099	880	285	8
» Гавеъ, » » »	1	—	1,666	533	170	5

[1]) Упомянувъ слово «чумазый», намъ вспомнился одинъ хуторъ, встрѣченный среди солончаковой степи. Жилое строеніе его было сложено изъ сырцоваго кирпича и обмазано глиной, но, войдя къ хозяину (хохолъ), мы встрѣтили у него и шкафъ съ книгами, и мягкую мебель, и роялъ.

[2]) Здѣсь выписаны хутора только крестьянскіе и только тѣ, въ которыхъ имѣется рабочаго скота не менѣе 100 головъ на дворъ.

Въ Новоузенскомъ уѣздѣ [1])	Число семей на хуторѣ.	Имѣютъ земли: купчей.	Имѣютъ земли: арендованной.	На ней посѣвъ разныхъ хлѣбовъ.	Количество рабоч. скота: лошадей, воловъ и верблюд.	Число постоянныхъ нанятыхъ рабочихъ (мужч. / женщ.)
		Въ казенн. десят.				
Хут. Андреевъ, кр. Нов. у.	1	—	2,561	1,179	340	30
» Дрямовъ » » »	3	—	7,334 +3,666	1,822	444	26
» Тимонинъ, кр. Никол. у.	1	3,893	—	818	183	8
» Хмѣльковъ, кр. Нов. у.	1	1,090	—	145	132	2
» Мавринъ, » » »	4	6,375	9,630	2,676	1,368	58
» Тимонинъ (Кирѣевъ) . . . » » »	2	1,500	2,000	427	170	8/2
» Рябовъ, » » »	1	—	2,632	525	150	10
» Кисельникъ, » » »	1	—	5,277	418	167	7
» Башиловъ, » » »	1	1,536	745	315	103	6/1 +14 врем.
» Хорольскій, » » »	1	—	3,081	243	153	7/1 +17 »
» Перекопновск. » » »	2	—	3,265	672	212	13/2 +34 »
» Кадушкинъ » » »	2	1,700	1,080	520	319	4
» Старый Трехачевъ . . . » » »	2	1,000	373	733	372	14
» Хмѣльковъ » » »	1	2,250	—	314	132	9
Въ Николаевскомъ уѣздѣ.						
» Бочкаревъ	2	2,800	—	?	191	19/3
» Устиновъ	1	—	5,263	?	190	14
» Папшевъ, кр. Ник. у.	1	—	2,166	?	138	6
» Котельниковъ. . . . » » »	1	2,500	966	?	141	6
» Зябкинъ » » »	1	1,000	—	?	102	2
Хут. Александр.-Гайск. в.	101	—	75,204	8,679	6,781	201

Кромѣ того, у двоихъ крестьянъ с. Покровскаго (Кобзаря и Ишеничнаго), ведущихъ крупное хозяйство (не менѣе 10,000 дес. пшеницы у каждаго), количество скота и посѣвъ статистическое бюро сосчитать отка-

[1]) Здѣсь выписаны хутора только крестьянскіе и только тѣ, въ которыхъ имѣется рабочаго скота не менѣе 100 головъ на дворъ.

залось, такъ какъ они имѣютъ по нѣсколько хуторовъ, разбросанныхъ по всему Новоузенскому уѣзду.

Одни эти и подобные примѣры крупныхъ капиталистическихъ хозяйствъ имѣютъ еще и то значеніе, что, будучи созданіемъ крестьянина, обыкновенно не задающагося при веденіи хозяйства никакими иными цѣлями, кромѣ выгоды, —должны сами по себѣ уже поколебать убѣжденіе тѣхъ, которые думаютъ, что у насъ въ земледѣльческомъ производствѣ вообще и въ общинѣ въ частности «нѣтъ почвы для капитализма».

Излишне говорить, что эти крупныя хозяйства не составляютъ принадлежности только русскихъ: ихъ столько-же, если не больше, у нѣмцевъ, малороссовъ, есть даже у башкиръ. Они одинаково, можно сказать, вполнѣ самостоятельно выросли повсюду, отъ нихъ не свободна ни одна волость, почти ни одно селеніе. Повсюду это—монополизація и наемъ чужихъ рукъ. Самарскіе статистики долго держались общинныхъ рамокъ, установленныхъ блаженной памяти В. И. Орловымъ. Наконецъ, здѣсь, въ степяхъ, его рамки, подъ напоромъ этихъ элементовъ—крестьянъ-монстровъ—лопнули. Можно ли въ самомъ дѣлѣ считать общинникомъ какого нибудь Вдовина съ его десятками тысячъ земли, съ полутора тысячами рабочаго скота, съ тремя паровыми молотилками, хотя онъ неграмотный мордвинъ, въ длинной холщевой рубахѣ съ поясомъ, какъ полагается быть крестьянину по статуту народниковъ [1])? Если приложить его хозяйство къ хозяйствамъ его однообщинниковъ с. Калдина, Федоровской вол. и раздѣлить на всѣхъ домохозяевъ, чтобъ узнать пресловутое «среднее количество» скота, посѣва на дворъ у общинника—«норму благосостоянія» народниковъ,—то сразу произведешь бѣдную деревушку въ рангъ богатыхъ. Приложишь его аренду къ арендѣ другихъ членовъ его общины, и получишь, что площадь аренды въ этомъ селеніи въ 10 разъ больше всего надѣла. Въ этомъ селеніи отъ таковой же манипуляціи сразу появятся плуги желѣзные многолемешные, жнейки, паровыя молотилки, а если раздѣлить это богатство на всѣхъ, то получится и очень заманчивая картина. А все только въ воображеніи статистика, котораго вѣдь и недаромъ изобразилъ Успенскій такъ: сложитъ все, раздѣлитъ на всѣхъ

---

[1]) Встрѣчаются и другія оригинальныя картины. На хуторѣ богатаго купца управляетъ нѣкій англичанинъ (есть и французы), а въ хозяйствѣ, въ полѣ встрѣчаете у него рабочихъ нѣмцевъ, русскихъ, мордвовъ, киргизъ. Другая картина. Рабочая пора на большомъ хуторѣ: жнитво. Уборка машинная. По полю ходятъ 10 жнеекъ Вуда и Джонстона. За всѣмъ на полѣ наблюдаетъ приказчикъ-хохолъ, за машинами—механикъ-нѣмецъ, а на жнейкахъ, запряженныхъ парами верблюдовъ, сидятъ работницы—киргизки.

и, смотря по «средней», или волосы на себѣ деретъ, или просіяетъ отъ откровенія.

Пришлось самарскимъ статистикамъ всѣхъ такихъ хуторянъ, а въ то-же время и членовъ общины, выдѣлить въ сборникахъ особо подъ звѣздочку [1]), и больше уже ихъ не складывали до самаго конца манипуляцій надъ цифрами вплоть до групповыхъ таблицъ въ заключеніи.

Не мало хлопотъ доставили эти господа статистикамъ. Вопросъ о томъ, что это такое,—крестьянское хозяйство, или частновладѣльческое—какъ требуется раздѣлять въ сборникахъ, такъ и остался неразрѣшеннымъ. Рѣшили всѣхъ хуторянъ и ихъ хуторское хозяйство считать особо. Но рядомъ съ этими крестьянскими хуторами нашлись мѣщанскіе — сочли и ихъ. Остались только купеческіе, дворянскіе и др., ужъ въ полномъ смыслѣ частновладѣльческіе. Ихъ оставили и въ таблицы не ввели, хотя бы они стояли рядомъ съ крестьянскими и даже были много мельче и проще организованы, чѣмъ крестьянскіе. Такъ уже было принято: держаться не экономическаго признака, а юридическаго, хотя и это оказалось труднымъ: напр., хозяинъ хутора вчера былъ купецъ, а теперь мѣщанинъ, такъ какъ не внесъ гильдейскихъ пошлинъ, на будущій же годъ опять можетъ быть купцомъ, если торговля у него будетъ гдѣ-нибудь и онъ внесетъ пошлины. Но ужъ юридическій принципъ торжествовалъ: его хуторъ не описывали. Отомстили имъ статистики тѣмъ, что если хуторъ крестьянскій или мѣщанскій, то его заносили на карту уѣзда [2])—въ географію, такъ сказать, попадетъ; а если онъ купеческій или дворянскій, то этой чести лишался: «изслѣдовалось только крестьянское хозяйство». Отомстили всѣмъ хуторянамъ (и крестьянамъ) еще тѣмъ, что ихъ хуторское хозяйство въ Новоузенскомъ уѣздѣ почти совершенно игнорировали въ текстѣ сборника, главы котораго посвящаются только крупнымъ явленіямъ крестьянской жизни.

А между тѣмъ, даже при въѣздѣ въ типичное степное селеніе и даже издали внѣшній видъ говоритъ путнику, что въ общинѣ творится что-то нелладное. Сначала встрѣчаете одиноко стоящія избенки въ нѣкоторомъ разстоя-

---

[1]) Потому, чтобы получить итогъ по уѣзду по какому либо вопросу, надо изъ суммы итоговъ всѣхъ общинъ и всѣхъ хуторовъ вычесть всѣхъ этихъ господъ со звѣздочкой, какъ сосчитанныхъ два раза (разъ въ общинѣ и въ другой разъ на хуторахъ).

[2]) Надо сказать, что географическая карта Новоузенскаго (и въ значительной степени Николаевскаго) уѣзда должна была быть совершенно передѣлана вслѣдствіе того, что за послѣднія 20 — 30 лѣтъ число поселеній стало вдвое больше: прибавилось много хуторовъ и деревень переселенцевъ, а нѣкоторыя, ранѣе существовавшія, уничтожились или были перенесены.

ніи другъ отъ друга, безъ дворовъ, безъ воротъ, безъ надворныхъ построекъ, чаще глиняныя и безъ крыши, т. е. только съ глиняными потолками. Это безлошадники, безхозяйные [1]). И живутъ они на задахъ, на задворкахъ, вдали отъ центра села, отъ церкви, какъ то оторванно, не будучи даже связаны съ остальными дворами обычными заборами или плетнями; словомъ, такъ и смотрятъ, какъ будто вылетѣть изъ общины хотятъ. Проѣзжая по селенію дальше, видите все больше связи между постройками посредствомъ, по крайней мѣрѣ, полуразвалившихся плетней или земляныхъ валовъ. Еще дальше, въ самомъ центрѣ, высятся надъ всѣми остальными высокіе, деревянные, иногда каменные, двухэтажные дома и нерѣдко съ желѣзными крышами. Вы думаете, что это—какіе нибудь дома общественные: для школы, больницы, священника, или какого-нибудь заѣзжаго купца-торговца. Нѣтъ. Это—дома общинниковъ-же. Такъ живутъ тѣ, коихъ въ уѣздѣ 1 или $1^1/_2$%. это—«богатыри», «тысячники» Это—тоже отдѣлившіеся отъ сѣрой массы общины, но они отдѣлились на хутора, поднялись кверху по общественной лѣстницѣ (не только во 2-е этажи), чтобъ давить оставшихся внизу.

Но ихъ немного, говорятъ намъ, стоитъ-ли толковать о какихъ-то 1—$1^1/_2$ процентахъ. Правда, ихъ немного, но ихъ сила велика, и они не только скупщики, ростовщики, торговцы, какъ хотятъ изобразить намъ сельскихъ капиталистовъ народники. Мы видѣли, что это не такъ. Очень часто такой хуторянинъ такъ же везетъ свой хлѣбъ, конечно, тысячами пудовъ, на базаръ купцу-хлѣботорговцу, какъ и другіе крестьяне. Чужого хлѣба онъ не скупаетъ и говоритъ вамъ—почему: «потому что средствъ на это не хватаетъ, съ хозяйствомъ бы лишь справиться». Онъ скорѣе засѣетъ хлѣба больше, сниметъ еще гдѣ нибудь участокъ земли, а пускается въ торговлю, когда дѣйствительно есть, какъ они говорятъ, лишнія деньги. Торговля въ степи совершенно не была затронута изслѣдованіями статистиковъ. Но, какъ случалось наблюдать, лишнія деньги хуторянами чаще употребляются для покупки скота, чаще овецъ, чтобъ лучше утилизировать пастбища на громадныхъ площадяхъ своихъ участковъ, послѣ посѣва хлѣба. Конечно, это — тоже скупка, капиталистъ является скупщикомъ, капиталъ его—торговый.

Часто также такой хуторянинъ раздаетъ хлѣбъ другимъ крестьянамъ

[1]) Тутъ есть много и молодыхъ семей, только что отдѣлившихся отъ отцевъ; часть ихъ потомъ обзаводится хозяйствомъ, но онѣ представляютъ постоянно извѣстный процентъ въ общей массѣ безлошадниковъ и живутъ лишь продажей своей рабочей силы.

въ случаѣ нужды и по дорогой цѣнѣ. Онъ въ данномъ случаѣ торгуетъ хлѣбомъ. Но ужъ это другая область, хлѣбъ же этотъ онъ произвелъ въ своемъ хозяйствѣ и въ производствѣ его онъ является капиталистомъ-предпринимателемъ. Онъ имѣетъ въ своихъ рукахъ землю, скотъ, орудія, онъ къ нимъ прилагаетъ наемный трудъ и производитъ все исключительно на рынокъ, который для него теперь сталъ всемірнымъ.

В. І.

КРИЗИСЪ ВЪ ЗАМОЧНОМЪ ПРОМЫСЛѢ ПАВЛОВСКАГО РАЙОНА НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(Замѣтки и наблюденія).

Предметъ этой статьи—замочники села Павлова Нижегородской губерніи. Лѣтомъ 1894 года мнѣ пришлось сравнительно долго прожить среди павловскаго кустарнаго населенія. За время моего пребыванія въ районѣ, преимущественно въ самомъ селѣ Павловѣ, мнѣ удалось переговорить о мѣстныхъ кустарныхъ распорядкахъ съ довольно большимъ числомъ мѣстныхъ жителей—кустарей, торговцевъ, фабрикантовъ, и произвести опросъ 150 семьямъ замочниковъ по программѣ, о которой скажу далѣе. Въ результатѣ явился предлагаемый очеркъ. Прежде, однако, чѣмъ приступить къ изложенію своихъ наблюденій, я постараюсь въ немногихъ словахъ объяснить, что побудило меня остановиться на павловскомъ кустарномъ районѣ, сосредоточить свое вниманіе на одномъ селѣ Павловѣ и сузить задачу до болѣе детальнаго наблюденія однихъ только замочниковъ.

Вотъ уже тридцать лѣтъ, какъ Павлово, этотъ центръ очень крупнаго кустарнаго района, сдѣлалось предметомъ вниманія и, если хотите, паломничества для всякаго рода изслѣдователей народной жизни; напомню вамъ только имена гг. Смирнова, Лабзина, Григорьева, Анненскаго, Штанге, въ разныя времена изучавшихъ павловскій кустарный міръ, а съ другой стороны, имена такихъ беллетристовъ, какъ Боборыкинъ, Златовратскій, Короленко, посвятившихъ селу Павлову спеціальныя работы. Людей съ весьма различнымъ складомъ мышленія, съ различными научными, художественными и общественными интересами влекло почему то взглянуть, хоть немного пріобщиться къ павловской жизни, понять этотъ сложный организмъ, такъ нервно пульсирующій на еженедѣльныхъ павловскихъ базарахъ. Благодаря этому, такъ сказать, привилегированному положенію села Павлова въ русской литературѣ, оно является одной изъ наиболѣе изслѣдованныхъ мѣстностей, быть можетъ, лучше изслѣдованной, чѣмъ какой либо другой промышленный районъ въ Россіи.

*

Мнѣ замѣтятъ, пожалуй, что разъ основные вопросы мѣстнаго кустарнаго производства уже получили достаточное освѣщеніе въ работахъ названныхъ лицъ, то казалось-бы, нѣтъ надобности вновь подымать и ставить эти вопросы. И однако, именно тотъ фактъ, что данный районъ уже былъ изслѣдованъ и изслѣдованъ къ тому же въ разные періоды своего существованія, начиная съ эпохи непосредственно слѣдующей за освобожденіемъ крестьянъ и кончая 90-ми годами, и побудилъ меня къ этой работѣ, дѣлающей попытку разъяснить нѣкоторыя *сравнительно новыя* явленія въ промысловой жизни района. Мы имѣемъ обстоятельное изслѣдованіе Павлова за 1880 г.—г. Григорьева [1]), существуетъ прекрасная работа П. Ѳ. Анненскаго за 1890 г. [2])—вотъ уже двѣ точки опоры для сравненія теперешняго Павлова съ прежнимъ, для выясненія, если можно такъ выразиться, динамики промысла. Далѣе же я постараюсь показать, что только такимъ путемъ, только прослѣдивъ, насколько это допускаютъ имѣющіяся свѣдѣнія, исторію промысла, и можно себѣ уяснить съ достаточной рельефностью нѣкоторыя стороны современнаго павловскаго кризиса, понять существующую связь между различными группами наблюдаемыхъ явленій. А павловскій кризисъ заслуживаетъ нашего вниманія, хотя бы уже по одному тому, что является яркимъ примѣромъ и воплощеніемъ процесса, засасывающаго въ свой круговоротъ не однихъ только павловскихъ кустарей. Я постараюсь далѣе показать, что если всѣ отрасли павловскаго стале-слесарнаго производства переживаютъ нѣкоторую ломку, то эта ломка въ замочномъ промыслѣ осложнилась нѣкоторыми своеобразными явленіями, благодаря особенностямъ въ организаціи замочнаго промысла, и въ результатѣ привела къ хронически-угнетенному его состоянію.

Павловскій кустарный районъ, по даннымъ переписи 1889 года, охватываетъ 119 селеній Горбатовскаго уѣзда Нижегородской губерніи, занимаетъ крупный кусокъ Муромскаго уѣзда Владимірской и проникаетъ въ нѣкоторыя селенія Гороховецкаго уѣзда той же губерніи. Если сравнить данныя г. Смирнова [3]) (начала 60-хъ годовъ), г. Лабзина [4]) (1866 года), г. Григорьева (1880 и 1881 годовъ) и наконецъ, данныя послѣдней земско-

---

[1]) Григорьевъ. «Кустарное замочно-ножевое производство павловскаго района:» Приложеніе къ изданію Рагозина «Волга». М. 1881 г.

[2]) См. «Нижегородскій Вѣстникъ Пароходства и Промышленности» за 1891 г.

[3]) А. Смирновъ. «Павлово и Ворсма, извѣстныя стально-слесарнымъ производствомъ села Нижегородской губерніи». 1864 г.

[4]) Н. Лабзинъ. «Изслѣдованіе промышленности ножевой, замочной и другихъ металлическихъ издѣлій...» и т. д. Спб. 1870 г.

статистической переписи. [1]), то мы получимъ слѣдующую яркую картину роста промысла. Въ первой половинѣ 60-хъ годовъ занято стале-слесарными промыслами *до 40* селеній; г. Лабзинъ зарегистрировалъ уже *больше 80* селъ и деревень (въ Горбатовскомъ и Муромскомъ уу.); по Григорьеву—*до 79* деревень Горбатовскаго у., всего же *до 150* деревень занимаются промысломъ; наконецъ, перепись 1889 года отмѣчаетъ въ одномъ Горбатовскомъ у. уже *119* промысловыхъ селеній. Выводъ ясенъ: районъ стале-слесарнаго производства растетъ съ значительной быстротой.

О величинѣ промысловаго населенія мы имѣемъ данныя лишь у г. Григорьева и затѣмъ данныя 1889 года—земско-статистическаго изслѣдованія. По Григорьеву, мужчинъ отъ 18 до 60-тилѣтняго возраста было занято въ 1880 г., въ Горбатовскомъ у ,—въ 79 селеніяхъ, зимой—*5,669*, круглый годъ—4,996; по даннымъ переписи 89 года—было занято *6.570* рабочихъ мужескаго пола, изъ нихъ 4,435 человѣкъ заняты круглый годъ промысломъ. Если обратимся къ сравненію процентнаго отношенія взрослаго промысловаго населенія мужескаго пола къ общему числу рабочаго населенія *тѣхъ же селеній*, то получимъ слѣдующее: по даннымъ 1880 года—процентъ занятыхъ промысломъ *зимой* къ общему числу равенъ *62*, по даннымъ 1889 года — около *54*; процентъ занятыхъ промысломъ весь годъ къ общему числу рабочаго населенія падаетъ въ еще большей степени: для 1880 года мы имѣемъ цифру *52*, для 1889 г.— *36*. На первый взглядъ, цифры какъ будто говорятъ, что населеніе отъ промысловъ постепенно переходитъ къ земледѣлію. Но это только на первый взглядъ. Стоитъ лишь обратиться къ детальнымъ поволостнымъ таблицамъ, чтобы картина рѣзко измѣнилась. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1880 г. стале-слесарные промыслы существовали въ *9* волостяхъ Горбатовскаго у., въ 1889 г. промыслы распространились уже на *13* волостей; совершенно естественно, что, распространяясь отъ центра—Павлова къ периферіи, они, по мѣрѣ приближенія къ окружности, занимаютъ относительно все меньшее и меньшее число рукъ; вычисляя же процентное отношеніе промысловаго населенія ко всему рабочему населенію *тѣхъ же селеній* [2]), мы съ распространеніемъ промысла на большее число деревень будемъ получать постоянное пониженіе процента. Это apriori совершенно очевидное заключеніе полностью подтверждается поволостными таблицами. Сравнивая данныя г. Григорьева и данныя 1889 года *по волостямъ*, мы отбрасываемъ, разумѣется, тѣ волости, въ которыхъ въ 1880 году г. Григорьевымъ не

---

[1]) См. «Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Нижегородской губ.» Экономическая часть. Вып. VII. Горбатовскій у. Нижн.-Новг. 1892 г.

[2]) А вышеуказанныя процентныя отношенія получались въ цитируемыхъ нами работахъ какъ разъ подобнымъ образомъ.

было зарегистрировано существованіе промысла и для сравненія беремъ, такимъ образомъ, только 9 волостей. Изъ 9 волостей, въ *5* мы находимъ растущую густоту промысловаго населенія, выражающуюся иногда въ очень рѣзкихъ формахъ; такъ, въ Тумботинской волости въ 1880 году процентъ промысловаго населенія къ общей массѣ рабочаго населенія былъ *76*, въ 1889 г.—*95,9*. Остальныя же 4 волости даютъ понижающійся процентъ, что опять таки понятно, если принять во вниманіе способъ, какимъ получились эти цифры; эти волости (за исключеніемъ Павловской) представляютъ особенно рѣзкій примѣръ распространенія промысла въ ихъ предѣлахъ: такъ, въ Пашигоревской вол., въ 1880 г., было только *2* промысловыхъ селенія, въ 1889 г. ихъ—*5*; въ Паишинской вол. прежде *4 сел.*, теперь—*14*; естественное послѣдствіе этого распространенія—пониженіе процента, какъ это было уже ранѣе разъяснено; единственное исключеніе представляетъ Павловская волость или, что то же, село Павлово, въ которомъ процентъ населенія, занятаго стале-слесарными промыслами, хотя и незначительно (съ 73 до 65), но несомнѣнно понизился, что, я думаю, стоитъ въ связи съ развитіемъ въ Павловѣ всякаго рода занятій городского типа; отчасти, быть можетъ, и въ связи съ особенно угнетеннымъ состояніемъ замочнаго промысла, о чемъ будетъ сказано ниже. Мнѣ кажется, что цифры совершенно ясно говорятъ о томъ, что по крайней мѣрѣ тѣ 9 волостей Горбатовскаго уѣзда, о которыхъ мы только и имѣемъ разновременныя сравнимыя данныя, принимаютъ все болѣе промысловый характеръ, и населеніе, прежде занимавшееся преимущественно земледѣліемъ, начинаетъ затрачивать, по крайней мѣрѣ, часть своего времени на разные виды сталеслесарнаго производства.

Относительно размѣровъ годового производства Павловскаго района имѣются довольно скудныя и недостаточныя опредѣленныя свѣдѣнія. Г. Лабзинъ исчисляетъ годовое производство Павловскаго района въ $1^1/_2$ милл. руб., г. Григорьевъ принимаетъ его равнымъ уже 2.200,000 руб.; наконецъ, г. Анненскій говоритъ, что по самымъ низкимъ цѣнамъ годовая стоимость павловскихъ товаровъ не можетъ быть исчислена ниже 2.500,000 руб. Мои личные разспросы мѣстныхъ обывателей, торговцевъ, фабрикантовъ, а также разсчеты на основаніи данныхъ, имѣющихся въ мѣстныхъ конторахъ обществъ по страхованію и транспортированію кладей, приводятъ меня приблизительно къ той же цифрѣ—отъ 2.500,000 до 3.000,000 руб. Повторяю, впрочемъ, что все это весьма приблизительныя цифры. Единогласное же сужденіе павловскихъ торговцевъ и фабрикантовъ—это признаніе роста годового оборота павловскаго производства.

Прежде чѣмъ перейти къ передачѣ своихъ личныхъ впечатлѣній о положеніи замочнаго дѣла въ Павловѣ, я очерчу вкратцѣ организацію всѣхъ

главнѣйшихъ промысловъ Павловскаго района и уже затѣмъ перейду къ спеціальному предмету своего доклада—къ павловскимъ замочникамъ.

Какъ извѣстно, въ Павловскомъ районѣ существуетъ нѣсколько разновидностей сталеслесарнаго промысла — выдѣлываются столовые и хлѣбные ножи, ножницы, перочинные ножи, коромысла, замки; выдѣлываются подпилки, лопаты и нѣкоторые другіе предметы. Я остановлюсь на главныхъ «статьяхъ» павловскаго производства: на столовыхъ и хлѣбныхъ ножахъ, на ножахъ перочинныхъ и на замкахъ, не касаясь организаціи ножничнаго промысла, которая, въ общихъ чертахъ, сходна съ организаціей перочиннаго промысла.

Обратимся сначала къ промыслу столоваго ножа.

Въ немъ *кустарь* исчезъ совершенно, и на его мѣстѣ утвердилась мануфактура съ такъ называемой домашней системой крупнаго производства, постепенно переходящая въ производство фабричнаго типа [1]). Число мастеровъ, участвующихъ въ ножевомъ промыслѣ, можетъ быть опредѣлено, къ сожалѣнію, только весьма приблизительно, такъ какъ вачскій районъ, главный центръ ножеваго промысла, не подвергался такому тщательному изслѣдованію, какъ районъ Горбатовскаго уѣзда. Со словъ мѣстныхъ свѣдущихъ людей, мы можемъ опредѣлить это число приблизительно въ 2,500—3,000 человѣкъ (эта цифра принимается и г. Анненскимъ). Спрашивается: эти 2½ тысячи мастеровъ: работаютъ ли на базаръ или на хозяевъ?—Отвѣтъ совершенно категоричен: ни одинъ мастеръ-рабочій не работаетъ на павловскій базаръ; мастера, продающіе на павловскій базаръ дешевые сорта столовыхъ ножей (не дороже 1 руб. 50 к.—1 р. 60 коп. дюжина), а также хлѣбные и ремесленные ножи [2]), суть хозяйчики, на которыхъ на сторонѣ, а частью и въ ихъ мастерской, работаютъ мастера, выполняющіе одну какую либо опредѣленную операцію и никогда не умѣющіе дѣлать ножъ или вилку съ начала до конца. Какъ велика спеціализація, объ этомъ вамъ поразскажетъ любое существующее о павловскомъ районѣ изслѣдованіе; напомню только, что на каждаго ножевщика-хозяина работаютъ на сторонѣ: коваль ножей, вилочный коваль, обрѣзывальщикъ ножей, обтирщикъ вилокъ, выполняющій иногда и обязанности калильщика и клеймельщика, личильщикъ ножевый, личильщикъ вилочный, глянчуры; наконецъ, функціи присаживальщика

[1]) Ср. докладъ г. Анненскаго: «Большая часть производства вачскаго района находится въ такой именно формѣ: борьба ведется здѣсь уже между мелкою и крупною мануфактурою, а не между мануфактурою и чисто кустарною формою производства» («Ниж. Вѣстн. Пар. и Пром.» 1891 г. стр. 13).

[2]) Для хлѣбнаго и ремесленнаго ножа существуютъ, впрочемъ, исключенія: попадаются и кустари

и черенщика обыкновенно со вмѣщаются въ одномъ лицѣ. Замѣчу кстати, что многіе изъ этихъ спеціалистовъ работаютъ на нѣсколькихъ хозяйчиковъ и работаютъ (напр., вилочные коваля) изъ своего матеріала. Такимъ образомъ, эта 2½ тысячная масса совершенно *неоднородна*; она состоитъ изъ сравнительно небольшой группы *хозяйчиковъ* и большой массы зависимыхъ отъ нихъ *мастеровъ*, производящихъ частичныя операціи надъ ножемъ или вилкой; только эта маленькая группа хозяйчиковъ фигурируетъ на павловскихъ базарахъ, да и то не вся — наиболѣе крупные ножевщики уже сносятся непосредственно съ оптовыми складами Москвы, Петербурга и другихъ городовъ, не ходятъ уже на базаръ, а только принимаютъ отъ скупщиковъ заказы. Замѣчу еще, что въ это число—3,000 человѣкъ — входитъ больше 1,000 человѣкъ, работающихъ на фабрику Кондратовыхъ, изъ нихъ слишкомъ 400 работаютъ не у себя дома, а въ самомъ зданіи вачской фабрики.

Кондратовы—самые крупные предприниматели, задающіе тонъ всему ножевому производству; но возьмемъ другихъ хозяйчиковъ, которые такъ охотно фигурируютъ въ отечественныхъ описаніяхъ кустарныхъ промысловъ, подъ названіемъ—кустарей: на Ивана Сидорова работаетъ около 100 человѣкъ на сторонѣ; на Андрея Сидорова—около 200; на Оедора Сидорова—около 150; у Завьялова въ Вачѣ—около 200 человѣкъ; у Коробкова — около 70; я не стану далѣе останавливаться на разныхъ Щелковыхъ, Елизаровыхъ, Сусловыхъ, Дмитровыхъ—все это элементы той группы, которая въ качествѣ «самостоятельныхъ производителей» посѣщаетъ павловскій базаръ,—каждый изъ этихъ фабрикантиковъ, какъ ихъ иногда называютъ въ районѣ, имѣетъ по меньшей мѣрѣ человѣкъ 20 — 30 рабочихъ на сторонѣ; болѣе мелкихъ единицъ, за немногими исключеніями, не встрѣчается [1]). Выше я упомянулъ уже, что тонъ всему ножевому производству задаетъ фабрика бр. Кондратовыхъ. И дѣйствительно, это піонеры крупно-капиталистическаго производства. Еще у г. Лабзина, въ его изслѣдованіи, относящемся къ концу 60-хъ годовъ, находится исчисленіе ихъ годового оборота въ 70,000 руб., въ настоящее время этотъ оборотъ перевалилъ за полъ-милліона. Отъ Кондратовыхъ исходитъ тотъ переворотъ, который переживаетъ въ настоящее время павловское ножевое производство. Какъ извѣстно, до сихъ поръ ножевое производство въ

---

[1]) Вышеприведенныя цифры, полученныя мною путемъ разспроса мѣстныхъ лицъ, вѣрны только приблизительно. Уклоненія отъ дѣйствительности возможны; несомнѣнно только одно, что вѣроятныя ошибки не могутъ измѣнить значенія этихъ цифръ для характеристики существующаго въ средѣ ножевщиковъ разслоенія на буржуазію и зависимыхъ мастеровъ-рабочихъ.

павловскомъ районѣ по своему типу было частью мануфактурное, частью представляло изъ себя домашнюю систему крупнаго производства: существованіе водяныхъ и паровыхъ личелень не нарушало этого общаго характера производства. Кондратовы примѣнили и примѣняютъ у себя съ большимъ умѣніемъ и съ значительной энергіей машины къ цѣлому ряду чрезвычайно важныхъ въ ножевомъ дѣлѣ операцій—такъ, у нихъ введена уже механическая штамповка вилокъ, вводится штамповка ножей, механическая обрѣзка ножей; наконецъ, по полученнымъ недавно свѣдѣніямъ, даже выдѣлка черенковъ, и та будетъ производиться машиннымъ способомъ. А любой спеціалистъ-техникъ вамъ скажетъ, читатель, что вѣдь это самыя важныя и характерныя операціи въ ножевомъ и вилочномъ производствахъ. Надѣюсь, что нѣтъ надобности еще останавливаться на организаціи ножеваго промысла: характеръ этой организаціи совершенно ясенъ и динамика промысла совершенно недвусмысленно говоритъ о томъ, что̀ въ ближайшемъ будущемъ ожидаетъ всѣхъ этихъ ковалей, обрѣзывальщиковъ, присаживальщиковъ, черенщиковъ и т. д.

Перочиннаго промысла я коснусь еще болѣе бѣгло въ виду того, что организація его не представляетъ какихъ либо особыхъ чертъ, которыя заслуживали бы болѣе подробнаго разсмотрѣнія. На павловскихъ базарахъ можно встрѣтить, дѣйствительно, заправскаго, а не эфемернаго, кустаря-перочинщика, привезшаго изъ Ворсмы и другихъ деревень свой дешевый и незатѣйливый товаръ—въ кошелѣ за спиной. Но и тутъ, хотя и въ менѣе явственной формѣ, вы натолкнетесь на тотъ же процессъ: какихъ нибудь 20—15 лѣтъ назадъ бросалась въ глаза только одна дѣйствительно крупная и даже грозная, какъ гласятъ преданія, фигура фабриканта Завьялова; обороты Завьяловской фабрики давно уже перестали расти, что обусловливается индивидуальными особенностями ея распорядковъ, но за то, не говоря уже о перочинномъ отдѣленіи кондратовской фабрики, какъ грибы послѣ дождя, повыскакали за послѣднія десять, а то и менѣе, лѣтъ мелкіе мануфактуристы-хозяйчики, разные Хонины, Птицыны, Бѣдины, ставшіе для нѣкоторой части кустарей-перочинщиковъ той стѣной, которая отстранила ихъ отъ павловскаго базара; у каждаго изъ этихъ хозяйчиковъ работаетъ по нѣсколько человѣкъ въ мастерской, но гораздо больше—на сторонѣ, выполняя только частичныя операціи надъ перочиннымъ ножемъ; надзоръ за регулированіемъ этихъ работъ беретъ на себя хозяйчикъ, мастерская котораго является въ то же время и чѣмъ то вродѣ конторы для раздачи матеріала, полуготовыхъ издѣлій—для дальнѣйшей отдѣлки и, наконецъ, для окончательнаго пріема издѣлій.

Отъ краткой и, по необходимости, очень бѣглой характеристики орга-

низаціи другихъ промысловъ, я перейду теперь къ описанію замочнаго промысла, непосредственнаго предмета моей статьи. Замочный промыселъ встрѣчается какъ въ самомъ селѣ Павловѣ, такъ и въ цѣломъ рядѣ прилегающихъ къ нему селеній; центромъ промысла является село Павлово, населенное главнымъ образомъ замочниками. Изъ общаго числа 2,228 взрослыхъ работниковъ мужескаго пола, занятыхъ выдѣлкою замковъ, 1,124— т. е. половина работниковъ—приходится на одно село Павлово. Годовой оборотъ замочнаго производства исчисляется почти въ милліонъ рублей, Организація и господствующія въ немъ въ настоящее время теченія представляютъ много особенностей, которыя и заставили меня обратить на него свое вниманіе. Если промыселъ столоваго, отчасти также ремесленнаго и хлѣбнаго ножей носитъ въ себѣ отличительныя черты мануфактуры и домашней системы крупнаго производства, если производство перочиннаго ножа является типомъ смѣшаннаго характера, то замочный промыселъ интересенъ для насъ, какъ типъ чисто кустарной формы, какъ представитель мелкихъ самостоятельныхъ производственныхъ единицъ, непосредственно сносящихся съ рынкомъ.

Въ этомъ очеркѣ я не буду касаться подробностей организаціи замочнаго промысла. «Экономику промысла» я охарактеризую лишь настолько, насколько это необходимо для пониманія занимающихъ насъ въ этой статьѣ вопросовъ. Я отмѣтилъ уже, что въ противоположность другимъ промысламъ района, описаннымъ выше, замочный промыселъ отличается чрезвычайно примитивною техникой и слабымъ раздѣленіемъ труда, какъ между членами семьи, такъ и между отдѣльными производственными единицами. Только функція ковки (дугъ къ замкамъ) выдѣлилась окончательно въ особую профессію; всѣ остальныя операціи не спеціализированы или играютъ ничтожную роль въ экономикѣ промысла. Типомъ производственной единицы—является семья, работающая въ большинствѣ случаевъ безъ наемныхъ рабочихъ; каждый понедѣльникъ глава семьи несетъ свой «урокъ» на базаръ продавать скупщикамъ; постоянныхъ, обязательныхъ отношеній между отдѣльными замочникомъ и скупщикомъ нѣтъ: кустарь воленъ продавать сегодня—одному, завтра—другому торговцу. Работаетъ замочникъ изъ своего матеріала, закупаемаго имъ въ мѣстныхъ желѣзныхъ лавкахъ. Вотъ все, что я считаю нужнымъ сказать для общей характеристики теперешней организаціи промысла. Желающіе ознакомиться ближе съ деталями, съ техникой промысла—найдутъ достаточно подробное описаніе въ трудахъ гг. Лобзина и Григорьева. Нѣкоторыя бытовыя подробности, какъ-то, напримѣръ, колебанія въ недѣльной выручкѣ замочника въ зависимости отъ достоинства выдѣлываемаго замка, даются прилагаемыми въ концѣ статьи таблицами.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію тѣхъ измѣненій, которыя переживаетъ замочный промыселъ въ связи съ существующимъ теперь въ Павловѣ кризисомъ, считаю умѣстнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній въ объясненіе употребленнаго мною пріема изслѣдованія. Подворный опросъ, результаты котораго сведены въ таблицы, прилагаемыя къ этой статьѣ, охватываетъ 145 семей замочниковъ — въ общей массѣ замочниковъ, даже одного села Павлова, процентъ незначительный (нѣсколько болѣе 13). Тѣмъ не менѣе, я полагаю, что произведенный мною опросъ совершенно достаточенъ для цѣлей, преслѣдуемыхъ этой статьей; задача его—*подкрѣпить, провѣрить* то, что получилось въ результатѣ какъ разспросовъ мѣстныхъ обывателей самаго различнаго типа, такъ и теоретическихъ соображеній, вытекающихъ изъ общаго знакомства съ положеніемъ павловскаго замочнаго производства. Каждый изъ аргументовъ подкрѣпляетъ остальные; сумма ихъ даетъ вполнѣ прочные выводы.

Въ описанное число домохозяйствъ вошли по преимуществу средніе и ниже средняго кустари - замочники. Кустари зажиточные — замочная аристократія—всѣ наперечетъ—ихъ 2—3 человѣка; въ опись они не вошли, но будутъ далѣе, in corpore, фигурировать въ моемъ очеркѣ, при характеристикѣ «буржуазныхъ теченій». Ихъ отсутствіе въ таблицахъ отнюдь не могло повліять на характеръ полученныхъ выводовъ. Семьи, положеніе которыхъ представлено въ таблицахъ, взяты изъ разныхъ частей раскинувшагося на большое пространство села Павлова; онѣ, такъ сказать, выхвачены десятками изъ отдѣльныхъ участковъ села; каждая изъ этихъ частей Павлова имѣетъ свое особое названіе и нѣкоторую, правда слабую, индивидуальность (таковы Троицкая гора, Семена гора, Перекровъ и т. д.). Если въ числѣ описанныхъ семей не значатся такъ называемые «деревенскіе», т. е. замочники изъ другихъ, кромѣ Павлова, селеній, то это обстоятельство, быть можетъ, могло повысить средній типичный размѣръ недѣльной выручки кустаря («деревенскіе» вырабатываютъ меньше), но отнюдь не могло отразиться на рѣшеніи вопросовъ, занимающихъ насъ въ данный моментъ. Изъ этихъ вопросовъ, такъ сказать, въ первую голову идетъ вопросъ объ измѣненіяхъ въ рабочемъ составѣ семьи — въ числѣ наемныхъ рабочихъ за послѣдніе годы. Рѣшеніе, которое мы получаемъ въ результатѣ опроса, произведеннаго въ одномъ только селѣ Павловѣ, имѣетъ полную силу и для всего замочнаго района. Замочный районъ есть слишкомъ однородное цѣлое, цѣлое, если можно такъ выразиться, односоставное, чтобы по такой крупной и важной части его, какъ с. Павлово, не имѣть возможность судить обо всемъ районѣ. Если въ деревняхъ района кустари-замочники еще не порвали связи съ землей,

между тѣмъ какъ павловцы не имѣютъ понятія о земледѣльческихъ операціяхъ, то это различіе, несомнѣнно отражаясь на нѣкоторыхъ сторонахъ промысловой жизни, отнюдь, однако, не затрагиваетъ общихъ тенденцій, переживаемыхъ промысломъ; по крайней мѣрѣ, это можно съ увѣренностью сказать относительно тѣхъ теченій, описаніе которыхъ даетъ предлагаемый очеркъ: это ясно apriori, это же явствуетъ изъ разспросовъ мѣстнаго населенія.

Кардинальнымъ фактомъ въ исторіи замочнаго промысла за послѣдніе годы я считаю уменьшеніе какъ числа мастерскихъ съ наемными рабочими, такъ и числа занятыхъ въ нихъ рабочихъ. Это положеніе подверждается разными путями, указаніе, хотя и косвенное, дается уже сравненіемъ данныхъ работъ г. Григорьева и г. Анненскаго. Говорю косвенное потому, что при сравненіи названныхъ работъ чрезвычайно трудно выдѣлить замочниковъ изъ другихъ профессій, и мы можемъ, поэтому, съ извѣстной степенью точности, сравнивать только данныя по с. Павлову, потому что въ Павловѣ крупный процентъ всего промысловаго населенія составляютъ именно замочники.

По даннымъ г. Григорьева за 1880 г. въ Павловѣ имѣлось 217 мастерскихъ съ наемными рабочими, по даннымъ г. Анненскаго—155 мастерскихъ; въ нихъ работало—въ 1880 г.—528 рабочихъ, въ 1890 г.—345 рабочихъ. Мы видимъ довольно сильное паденіе какъ числа мастерскихъ, такъ и числа наемныхъ рабочихъ; если мнѣ скажутъ, что эти цифры относятся не къ одному только замочному промыслу, а ко всему сталеслесарному производству села Павлова, я замѣчу, что это обстоятельство еще усиливаетъ ихъ убѣдительность въ виду несомнѣннаго роста крупныхъ предпріятій въ другихъ отрасляхъ павловскаго сталеслесарнаго производства, въ особенности въ самомъ селѣ Павловѣ; не разбирая, однимъ словомъ, вопроса, не приходится ли часть этого паденія на долю другихъ промысловъ, я полагаю, что во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что значительная часть его относится къ замочникамъ. Но это измельчаніе или даже исчезновеніе мастерскихъ съ наемными рабочими подтверждается гораздо болѣе убѣдительно и разспросами мѣстнаго населенія, и тѣми результатами, къ которымъ привела меня опись. Что число мастерскихъ съ наемными рабочими стало меньше, чѣмъ то было 15—20 лѣтъ назадъ,—это единогласный отзывъ буквально всѣхъ опрошенныхъ мною мѣстныхъ жителей—съ этимъ согласны и торговцы, и кустари, и другіе обыватели села Павлова, не принимающіе непосредственнаго участія въ замочномъ производствѣ, расходятся они только въ объясненіи этого факта—каковы эти объясненія, я скажу дальше, теперь же передамъ вамъ вкратцѣ то, что говоритъ поэтому поводу произведенный мною опросъ.

145 обслѣдованныхъ домохозяйствъ распадаются съ занимлющей насъ точки зрѣнія на три группы: наибольшая группа (65 хозяйствъ или 45% наблюдаемаго числа ихъ) состоитъ изъ семей, въ которыхъ въ прежнее время—лѣтъ 15—10 и менѣе назадъ—имѣлись наемные рабочіе; теперь эти хозяйства рабочихъ не держатъ или, во всякомъ случаѣ, значительно сократили число ихъ противъ прежняго; другая группа, тоже очень крупная, состоитъ изъ семей, въ которыхъ перемѣнъ въ рабочемъ составѣ не замѣчается; эта группа почти сплошь состоитъ изъ однихъ кустарей-бѣдняковъ, работающихъ и работавшихъ испоконъ вѣка безъ наемныхъ рабочихъ, однѣми силами семьи; наконецъ, въ третьей, самой незначительной, группѣ (10 семей), наблюдается увеличеніе числа наемныхъ рабочихъ или, въ большинствѣ случаевъ, появленіе прежде отсутствовавшей наемной силы. Притомъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что если въ первой группѣ, какъ это видно изъ таблицъ и поясняется далѣе въ текстѣ, паденіе числа рабочихъ очень значительно, то въ послѣдней, наоборотъ. ростъ числа рабочихъ ничтоженъ; изъ этихъ 10 хозяйствъ ни въ одномъ въ настоящее время число рабочихъ (наемныхъ) не превышаетъ *двухъ*, въ большинствѣ случаевъ это одинъ рабочій или нѣсколько подростковъ. Приводимые ниже примѣры ясно показываютъ, насколько рѣзко паденіе числа рабочихъ, нанимаемыхъ первою группой. Замѣтимъ, что изъ 10-ти хозяйствъ этой группы, державшихъ прежде не менѣе 5-ти рабочихъ, въ 7 въ настоящее время нѣтъ ни одного. Вотъ нѣсколько иллюстрацій. Ив. Обросимовъ, мастеръ выдѣлывающій шведскіе замки цѣною въ 55—58 к. десятокъ, прежде имѣлъ до 8 рабочихъ, теперь у него въ мастерской работаютъ 2 подростка: одинъ—16, другой 17 лѣтъ; или вотъ замочникъ Петръ Чинепковъ, семья состоитъ изъ пяти человѣкъ, работаютъ мужъ, жена и трое сыновей, изъ коихъ старшему 17 лѣтъ; выдѣлываются также шведскіе замки цѣною 85—90 к. десятокъ; лѣтъ 20—25 назадъ имѣлъ 9 рабочихъ, теперь ни одного. Или примѣръ еще болѣе яркій: Ив. Ногтевъ дѣлаетъ замки въ 1 р. 30 к. десятокъ, семья состоитъ кромѣ него изъ жены и сына, отдѣлывающихъ замки на сторону, на нѣкоего Кучерова, наемныхъ рабочихъ нѣтъ,—прежде имѣлъ мастерскую въ 15 человѣкъ. Приведенные примѣры и прилагаемая къ очерку таблица, мнѣ кажется, достаточно убѣдительно говорятъ объ уменьшеніи числа наемныхъ рабочихъ въ Павловѣ; повторяю уже сказанное: ограниченный районъ наблюденія не позволяетъ дѣлать заключеній на счетъ *размѣровъ* наблюдаемаго явленія, но представляетъ достаточно данныхъ, чтобы признать, что это явленіе несомнѣнно *существуетъ*.

Опрошенные мною кустари единогласно признаютъ этотъ фактъ; какъ же объясняютъ они его? Большинство объясняетъ очень просто; на вопи-

росъ, почему перестали держать рабочихъ, отвѣтъ былъ таковъ: не изъ чего держать рабочаго: рабочему нужно и передышку дать, и кормить его надо, нужно чтобы хозяйство исправно было, а у насъ что? Не изъ чего *попользоваться*. Попользоваться — очень популярное словечко въ Павловѣ и я немного остановлюсь на немъ, чтобы показать вамъ, какъ прекрасно кустари-хозяева умѣютъ вычислять «прибавочную стоимость». Мнѣ пришлось толковать объ исчезновеніи крупныхъ мастерскихъ съ однимъ интеллигентнымъ кустаремъ Кр., дѣятельнымъ участникомъ одного изъ бывшихъ въ Павловѣ ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Этотъ мастеръ держалъ прежде до 7 рабочихъ въ мастерской, теперь число ихъ онъ сократилъ до двухъ. Я спросилъ его, чѣмъ объясняетъ онъ измельчаніе мастерскихъ. Кр. замѣтилъ, что хозяевамъ разсчета нѣтъ держать рабочихъ: если онъ еще держитъ рабочихъ такъ только по привычкѣ; «посудите сами, говоритъ онъ,—возьмемъ замокъ, который теперь 15 коп. стоитъ (а прежде по 18 шелъ) окажется, что въ товарѣ то онъ стоитъ 8 коп., рабочему заплатишь 4 коп. (прежде платили $3^1/_2$ коп.), да 2 коп. ему же на харчи, себѣ то всего 1 к. остается—не стоющее дѣло». Какъ нельзя болѣе наглядный комментарій къ занимающему насъ вопросу.

Итакъ, паденіе цѣнъ на замки—вотъ, по мнѣнію большинства опрошенныхъ мною прежнихъ хозяевъ мастерскихъ, причина, почему перестали держать рабочихъ. На мой взглядъ, это *причина основная*; взявъ ее за исходный пунктъ, только и можно понять рядъ явленій, имѣющихъ мѣсто въ замочномъ производствѣ, выдѣляющихъ этотъ промыселъ изъ ряда другихъ промысловъ района. Къ вопросу о паденіи цѣнъ я вернусь далѣе, теперь же отмѣчу иное объясненіе того-же явленія (сокращенія числа рабочихъ), неоднократно слышанное мною въ Павловѣ. Объясненіе довольно популярное. Вотъ оно: въ началѣ 70-хъ годовъ въ техникѣ замочнаго производства произошла по видимости ничтожная, но, на самомъ дѣлѣ, крупная перемѣна; прежній способъ пайки смѣнился новымъ, въ техникѣ дѣла примѣненъ былъ такъ называемый «самопай», распространяться о которомъ я не буду, скажу только, что благодаря «самопаю», понизившему размѣры необходимаго для веденія дѣла основного капитала, обзаведеніе собственной мастерской для рабочаго стало дѣломъ значительно болѣе легкимъ, чѣмъ прежде. Что «самопай» сыгралъ извѣстную роль въ исторіи замочнаго промысла, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Не слѣдуетъ только преувеличивать значенія этого фактора для разбираемаго нами вопроса; не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что пониженіе затратъ на основной капиталъ повліяло не столько на сокращеніе мастерскихъ съ наемными рабочими, сколько на быстроту

распространенія промысла изъ Павлова въ окрестныя селенія. Припомнимъ, что семидесятые годы были временемъ особенно быстраго расширенія сталеслесарнаго района вообще, замочнаго—въ частности (ср. Лобзина и Григорьева).—Что измельчаніе замочныхъ мастерскихъ есть прежде всего результатъ угнетеннаго состоянія замочнаго рынка, а не измѣненія въ техникѣ промысла, это вытекаетъ изъ того, что, по всѣмъ имѣвшимся въ нашемъ распоряженіи даннымъ, переходъ зависимаго рабочаго мастерской въ «самостоятельнаго производителя» сопровождался *ухудшеніемъ* его положенія, что совсѣмъ уже не вяжется съ представленіемъ о «самонаѣ», поставившемъ трудъ замочниковъ въ лучшія, противъ прежняго условія. Этотъ фактъ становится понятенъ только тогда, когда сокращеніе числа наемныхъ рабочихъ въ промыслѣ поставимъ въ связь съ паденіемъ цѣнъ на замки. Трудно, конечно, доказать это точными цифровыми данными, но рядъ косвенныхъ доказательствъ говоритъ за него. Спросите любого изъ замочниковъ-хозяевъ, имѣвшихъ прежде болѣе или менѣе крупныя мастерскія, и онъ вамъ скажетъ, что *нынѣ больше силъ* держать рабочаго: наемный рабочій болѣе прихотливъ, чѣмъ члены семьи—ему нужна и лучшая пища, онъ требуетъ и отдыха послѣ обѣда, онъ не будетъ такъ лихорадочно—спѣшно работать, какъ сынъ, дочь, жена кустаря-замочника, онъ окажетъ большe пассивнаго сопротивленія при безконечномъ удлиненіи рабочаго дня (доходящемъ 18-ти часовъ въ сутки)—однимъ словомъ, при теперешнихъ условіяхъ замочнаго рынка, онъ пересталъ приносить хозяину «прибавочную стоимость», а потому, волей-неволей, долженъ самъ, за свой страхъ и счетъ, заводиться своимъ хозяйствомъ. Хозяйство этого новаго «самостоятельнаго производителя»—жалкое хозяйство; это хозяйство, въ которомъ вся семья, надрываясь цѣлые дни, не можетъ выждать отъ понедѣльника до понедѣльника базарнаго дня и на недѣлѣ ищетъ средствъ раздобыться деньгами; каждую недѣлю, приходится закладывать только что изготовленный товаръ (часть «урока»); на подмогу является ростовщикъ, и надъ «самостоятельнымъ» поневолѣ производителемъ созидается двойная опека: опека скупщика торговца и опека ростовщика «благодѣтеля». Вотъ какими красками рисуется эта метаморфоза въ устахъ замочника-павловца.

Я долженъ упомянуть еще объ одномъ толкованіи интересующаго насъ явленія, слышанномъ мною довольно часто. Это объясненіе измельчанія мастерскихъ угнетеннымъ положеніемъ павловскаго рынка, являющагося, по этому толкованію, результатомъ заваливанія павловскаго рынка издѣліями окрестныхъ деревень: конкуренція «деревенскихъ» съ этой точки зрѣнія есть причина всего зла. На немъ я не буду останавливаться, такъ какъ оно очевидно не объясняетъ того паденія цѣнъ, которое замѣчается

именно въ *послѣдніе* годы, конкуренція же окрестныхъ селеній даетъ себя чувствовать Павлову еще съ 70-хъ годовъ.

Я забѣжалъ, впрочемъ, впередъ, толкуя о причинахъ паденія цѣнъ на замки, тогда какъ предстоитъ еще констатировать самый фактъ паденія.

Что цѣны на замки пали, это фактъ, съ моей стороны не требующій дальнѣйшихъ доказательствъ—онъ никѣмъ изъ знающихъ Павлово не оспаривается и рядомъ цифровыхъ данныхъ подтвержденъ въ работѣ г. Анненскаго, относящейся къ 1890 году,—споръ можетъ быть только относительно *размѣровъ* паденія, но для насъ, въ данномъ случаѣ, этотъ послѣдній вопросъ не имѣетъ особенной важности; важно то, что констатировано существованіе кризиса въ павловскомъ производствѣ и кризиса хроническаго. Въ своемъ «Докладѣ по вопросу о положеніи кустарей Павловскаго района» г. Анненскій между прочимъ говоритъ: «вообще этотъ кризисъ (т. е. кризисъ 89—90 гг.) не представляетъ собою чего либо небывалаго и ранѣе, онъ отличается развѣ своей продолжительностью — угнетенное состояніе цѣнъ тянется уже $1^1/_2$ года и начинаетъ получать характеръ *хроническій*» (стр 43.). Вотъ это-то послѣднее замѣчаніе и представляетъ для насъ особенную цѣну—въ 1890 году г. Анненскій отмѣтилъ хроническій характеръ кризиса; съ тѣхъ поръ прошло слишкомъ 4 года. Что же мы видимъ? Послѣ слабаго подъема, цѣны опять упали и стоятъ въ 1894 г. ниже. чѣмъ въ предыдущіе. Нижегородская ярмарка 1894 г., прошедшая чрезвычайно оживленно для всѣхъ другихъ павловскихъ товаровъ. сдѣлала исключеніе для однихъ замковъ: это былъ единогласный хоръ жалобъ всѣхъ торговцевъ. Послѣднія извѣстія, которыя я имѣю о положеніи павловскихъ дѣлъ, свидѣтельствуютъ о дальнѣйшемъ ухудшеніи положенія замочнаго рынка [1]). О чемъ говорятъ эти факты? Прежде всего о томъ, что въ положеніи замочнаго рынка существуютъ какія то особенности, которыя рѣзко выдѣляютъ замки изъ другихъ павловскихъ издѣлій. Эти особенности замѣчались уже раньше, но только за послѣднія 5—6 лѣтъ сказалось особенно рельефно *несоотвѣтствіе въ паденіи цѣнъ на замки съ колебаніями въ цѣнахъ на другіе товары*. Еще въ 1890 году г. Анненскій совершенно игнорировалъ специфическія черты паденія цѣнъ на замки. Констатировавъ паденіе цѣнъ за послѣднее че-

[1]) Мною собраны кое какія данныя относительно движенія цѣнъ за послѣдніе 2 года; я не привожу ихъ въ этой статьѣ, такъ какъ движеніе цѣнъ для разныхъ сортовъ замковъ различно и въ общемъ представляетъ сложную картину, о которой пришлось бы сказать очень много, между тѣмъ какъ для нашихъ цѣлей подробности не имѣютъ значенія.

тырехлѣтіе на всѣ павловскіе товары, онъ только мимоходомъ говоритъ, что *цѣны на замки пали сильнѣе всѣхъ другихъ цѣнъ* и что *особенно мало колеблятся тѣ виды издѣлій, которыя отошли или отходятъ въ сферу фабричнаго производства* (стр. 42). Причину паденія цѣнъ онъ объясняетъ сокращеніемъ платящаго спроса, что отнюдь, однако, не выясняетъ, почему же именно замки превзошли всѣ другіе товары въ своемъ паденіи. А между тѣмъ, уже въ 1889 году, въ «Экономическомъ Журналѣ» А. Г. Штанге съ тревогой отмѣтилъ фактъ появленія крупной замочной фабрики въ Ковно.

Мы подошли теперь къ самому больному мѣсту. По моему глубокому убѣжденію, паденіе цѣнъ на замки не можетъ быть объяснено ничѣмъ инымъ, какъ вытѣсненіемъ павловскаго замка машиннымъ изъ многихъ мѣстъ южной и западной Россіи. Къ сожалѣнію, точныхъ цифровыхъ данныхъ по этому чрезвычайно важному вопросу не существуетъ; не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что павловскій замокъ теряетъ одинъ рынокъ за другимъ. Еще сравнительно недавно можно было встрѣтить павловскій замокъ въ Бессарабіи, въ Кіевѣ, Одессѣ; теперь эти города для него уже потеряны, даже Харьковъ, игравшій всегда очень крупную роль въ павловской торговлѣ, уходитъ изъ рукъ павловцевъ все въ тѣ-же цѣпкія и юркія, какъ ихъ характеризуютъ павловскіе торговцы, руки фабрикантовъ западнаго края, изъ которыхъ самую крупную роль играетъ нѣкто г. Шмидтъ, открывшій на своей фабрикѣ въ Ковно въ концѣ 80-хъ годовъ замочное отдѣленіе. Въ какой мѣрѣ машинный замокъ становится опасенъ павловскому ручному—видно изъ того, что за послѣдніе два года имъ начали торговать даже на нижегородской ярмаркѣ, т. е. чуть не въ самомъ сосѣдствѣ съ павловскимъ райономъ, и тѣ-же павловскіе крупные торговцы вводятъ его въ свой «ассортиментъ»: такъ, Кондратовы, представители самой значительной фирмы павловскаго района, скупающіе всякаго рода павловскихъ издѣлій на очень крупную сумму, принуждены были ввести въ свой оборотъ и машинный замокъ: $^1/_6$ часть годового замочнаго оборота ихъ за послѣдній годъ, по словамъ одного изъ Кондратовыхъ, составляетъ машинный замокъ. И что составляетъ, разумѣется, силу этого замка, это его, такъ сказать, демократичность—дешевизна; такъ, существуютъ машинные замки—2 коп. штука, а ручной замокъ въ такую цѣну, если и дѣлается, то это такой хламъ, о которомъ павловцы говорятъ, что онъ и цѣлъ только до перваго отпиранія, а затѣмъ уже никуда не годится; замокъ машинной работы цѣною въ 75 к. дюжина, по словамъ свѣдущихъ людей, при ручной работѣ обошелся бы въ 2 рубля 40 коп., да къ тому же ручная работа никогда не бываетъ такой тщательной, какъ машинная. Итакъ, машинный замокъ бьетъ прежде

всего *дешевые сорта павловскихъ замковъ*: при опросѣ кустарей это явленіе сказалось въ томъ, что не всѣ сорта павловскихъ замковъ въ одинаковой мѣрѣ пали; пали особенно сильно дешевые сорта (въ томъ числѣ особенно сильно пострадалъ рѣпчатый, прямымъ соперникомъ котораго и является замокъ фабричный, обыкновенно тоже рѣпчатый по формѣ), тогда какъ болѣе дорогіе, особенно штучные замки въ цѣнѣ отнюдь не измѣнились или, если и подверглись колебаніямъ, то сравнительно незначительнымъ. Однако, по дошедшимъ до меня въ послѣднее время слухамъ, и дорогіе сорта павловскихъ замковъ начинаютъ вытѣсняться фабричнымъ: въ настоящее время [1]) одинъ изъ павловскихъ кустарей-хозяевъ, имѣющій непосредственно связи съ столичными торговыми фирмами, сообщилъ мнѣ, что торговцы перестаютъ брать нѣкоторые сорта, замѣняя ихъ фабричнымъ замкомъ, болѣе дешевымъ по цѣнѣ; и это говоритъ мастеръ, у котораго въ мастерской уже имѣются нѣкоторыя усовершенствованія — 1) примѣняется ручной штампъ, 2) существуетъ значительно большее, чѣмъ обыкновенно, раздѣленіе труда. Подъ давленіемъ необходимости вышеуказанный мастеръ ставитъ паровой двигатель. Такова экономическая необходимость, являющаяся во образѣ варшавскихъ, рижскихъ и ковенскихъ фабрикантовъ. Она гласитъ: либо павловскій замочный районъ приспособится къ новымъ требованіямъ производства, и тогда часть бывшихъ кустарей останется при своей прежней профессіи, либо замочники будутъ окончательно вытѣснены съ того рынка, который уже теперь начинаетъ уплывать изъ ихъ рукъ. Это, можно сказать, гамлетовскій вопросъ для павловскаго замочника, вопросъ о «быть или не быть».

Итакъ, мы пришли къ слѣдующимъ заключеніямъ. Мы установили, во первыхъ, насколько это намъ позволяли имѣющіяся свѣдѣнія, связь между фактомъ паденія цѣнъ на замки и измельчаніемъ замочныхъ мастерскихъ; мы показали, во вторыхъ, что паденіе цѣнъ на замки совершенно удовлетворительно объясняется конкуренціей машиннаго замка (объясненіе же общимъ сокращеніемъ платящаго спроса по меньшей мѣрѣ недостаточно). Съ какимъ же явленіемъ приходится считаться въ замочномъ промыслѣ? Что это за теченіе и въ какомъ отношеніи находится оно къ теченію, господствующему въ другихъ промыслахъ сталеслесарнаго района? — По видимости несходныя, даже противоположныя, эти теченія — одного происхожденія, оба они — порожденіе развивающагося капитализма. Разница только въ томъ, что въ одномъ случаѣ развивающійся капитализмъ приноравливаетъ, приспособляетъ къ своимъ требованіямъ условія мѣстнаго производства — въ результатѣ получается развитіе домашней системы

[1]) Начало 1895 года.

крупнаго производства, мануфактуръ, фабрикъ. Таковъ случай ножеваго промысла. Въ другомъ —этого приспособленія не происходитъ; данный промыселъ въ данномъ районѣ не имѣетъ достаточно силъ, чтобы поднять свою технику на должную высоту, чтобы выдѣлить изъ своей среды стоящаго на уровнѣ требованій предпринимателя: промыселъ начинаетъ вытѣсняться съ рынка; уровень рыночныхъ цѣнъ диктуемыхъ наиболѣе передовыми производственными единицами, становится настолько низокъ, что все болѣе и болѣе давитъ отсталого кустаря-мастера; хозяева мастерскихъ — превращаются въ кустарей-одиночекъ, кустарей семейныхъ, а бывшіе ихъ рабочіе, становясь волею судебъ и крупнаго производства «самостоятельными производителями», работаютъ пуще прежняго, работаютъ напряженно, не покладая рукъ, растягивая до безобразныхъ предѣловъ рабочій день и эксплуатируя трудъ своихъ 8—10 лѣтнихъ дѣтей. Въ этомъ случаѣ, крупное производство, губя промыселъ, нивеллируетъ кустарную массу, приближая всѣхъ къ положенію нищенства. Повторяю, нивеллировка въ одномъ случаѣ, дифференціація въ другомъ — представляютъ двѣ стороны одного и того же явленія. Вотъ почему такъ интересенъ, на мой взглядъ, примѣръ замочнаго промысла. Онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что развивающійся капитализмъ есть явленіе сложное и многостороннее, и что нѣкоторыя стороны этого явленія способны подчасъ ввести въ заблужденіе наблюдателя. Народникъ, сталкиваясь съ явленіемъ, аналогичнымъ съ тѣмъ, которое существуетъ въ замочномъ производствѣ, не преминетъ заключить, что капитализмъ не развивается и что, наоборотъ, происходитъ процессъ развитія и торжества «народнаго» производства. При этомъ онъ забываетъ, что развивающаяся крупная промышленность растетъ всегда *на счетъ* многихъ мелкихъ единицъ и что можетъ случиться, что цѣлый районъ, цѣлый промыселъ въ данной мѣстности обрекается ею на гибель, на уничтоженіе, вымираніе, и что причина всего этого переворота можетъ лежать далеко за предѣлами той территоріи, на которой разыгрывается эта капиталистическая драма. Нужды нѣтъ, что крупный фабрикантъ находится гдѣ то тамъ, за тысячу верстъ отъ района: конкурируя на общемъ рынкѣ съ мѣстнымъ производствомъ, онъ такъ же страшенъ для него, какъ если бы находился гдѣ либо подъ бокомъ.

Отмѣчу одну характерную особенность данной конкуренціи. Фабрики западнаго края буквально гонятъ павловскій замокъ съ юго-запада и юга на сѣверо-востокъ, онѣ отнимаютъ у него одинъ рынокъ сбыта за другимъ. При этихъ условіяхъ можно было бы думать, что производство замка въ павловскомъ районѣ значительно сократилось. И, однако, этого *пока* не замѣчается. Чѣмъ объяснить это явленіе? Я думаю тѣмъ, что рынокъ сбыта для замочнаго, какъ и для всякаго другого производства,

не есть величина постоянная; каждая новая желѣзная дорога, каждый новый путь, вовлекая населеніе въ обмѣнъ, создаютъ новый спросъ, новаго потребителя. Объ этомъ съ яркими иллюстраціями вамъ поразскажетъ на основаніи личнаго опыта любой павловскій, болѣе смышленый торговецъ: замокъ, гонимый съ запада, все глубже и глубже внѣдряется въ восточныя губерніи Россіи, въ Сибирь и т. д., гдѣ спросъ растетъ съ проведеніемъ путей,—это перемѣщеніе рынка сбыта маскируетъ вытѣсненіе павловскаго замка машиннымъ; но *доминирующимъ фактомъ* остается тотъ, что *цѣны на рынкѣ диктуются* теперь уже машиннымъ замкомъ[1])

Характеристика теперешняго положенія замочниковъ была бы не полна, если бы я не коснулся вопроса о существующихъ въ Павловѣ формахъ кредита. А формы эти представляетъ глубоко печальную картину. Организованнаго кредита нѣтъ, существовавшія въ прежніе годы 2 ссудо-сберегательныхъ товарищества закрылись, оставивъ по себѣ печальную память, которая отбиваетъ охоту у мѣстныхъ людей возобновлять эти попытки; въ наличности имѣется только кредитъ ростовщическій, и тотъ недостаточенъ для удовлетворенія всѣхъ нуждъ: существуетъ одна только лавочка, ссужающая кустарей деньгами подъ залогъ издѣлій и берущая съ нихъ по $1^1/_2$ и 2 к. съ рубля; принимая же во вниманіе, что огромное большинство залоговыхъ операцій производится кустарями на очень короткіе сроки, по большей части на нѣсколько дней, можно судить о величинѣ той доли, которую берутъ себѣ эти «благодѣтели», а между тѣмъ, — horribile dictu — ростовщикъ въ глазахъ кустаря является нерѣдко чѣмъ-то вродѣ благодѣтельной судьбы, выручающей его изъ скупщицкихъ лапъ. Заговорите съ кустаремъ о скупщикѣ, и тлѣющая въ немъ ненависть вспыхнетъ, и польются негодующія рѣчи, и встанутъ передъ вами яркія иллюстраціи цинического издѣва-

---

[1]) По адресу плачущихся о гибели «народнаго производства»—еще одно замѣчаніе: для всего павловскаго района существуетъ нѣчто вродѣ правила, гласящаго: чѣмъ больше дифференціація въ промыслѣ, чѣмъ больше зависимость мастера отъ капиталиста, тѣмъ выше заработокъ рабочаго, тѣмъ меньше длина его рабочаго дня—въ районѣ всего хуже живется замочникамъ, всего лучше—ножевщикамъ (наивысшая же плата и наименьшій рабочій день—14 час.—существуютъ на фабрикахъ). Это мимоходное замѣчаніе заключу небольшой выпиской изъ работы г. Анненскаго: «Въ экономическомъ отношеніи положеніе кустарей, работающихъ «на хозяевъ», при настоящемъ, по крайней мѣрѣ, угнетенномъ состояніи павловскаго рынка, вообще лучше, нежели положеніе самостоятельныхъ кустарей, заработокъ которыхъ находится въ зависимости отъ всѣхъ колебаній замочныхъ цѣнъ на ихъ издѣлія» («Инж. В. Пар. и Пром.», 1891 г., стр. 13).

тельства скупщиковъ надъ мастеровымъ людомъ. Совсѣмъ не то, когда рѣчь идетъ о ростовщикѣ. Не только не чувствуется ненависти, но иногда, наоборотъ, вы услышите одобрительное, чуть не восторженное слово о мѣстной ростовщицѣ; припоминаю, напримѣръ, отзывъ нѣкоего Ивана Бронникова, говорившаго: «дай Богъ ей (т. е. ростовщицѣ) добраго здоровья: выручаетъ все Павлово!»

И этотъ отзывъ не единиченъ, его подхватываетъ стоустая молва, не замѣчая всей горькой иронiи его. Психологически это совершенно понятно. Этотъ отзывъ свидѣтельствуетъ, какъ о рѣзкомъ характерѣ существующаго антагонизма между кустаремъ и скупщикомъ, такъ и о томъ, какъ настоятельно необходима кустарямъ помощь въ какой бы то ни было формѣ, если даже эта sui generis помощь ростовщика кажется имъ въ такомъ привлекательномъ свѣтѣ. Я позволю себѣ коснуться одной маленькой бытовой подробности залоговыхъ операцiй, могущей способствовать выясненiю существующаго положенiя дѣлъ. Читатель, знаете ли вы, что такое закладъ женъ? едва-ли, хотя объ этомъ явленiи упоминается мимоходомъ въ «Павловскихъ очеркахъ» Короленка. А между тѣмъ, это очень распространенное въ Павловѣ явленiе: кустарь заложилъ свою выработку нѣсколькихъ дней къ ростовщику, не дождавшись базарнаго дня; въ базарный день онъ несетъ свой образецъ скупщику и, договорившись съ нимъ о цѣнѣ, обязуется въ тотъ же день во время такъ называемой «прiемки» доставить требуемый товаръ; но товаръ, между тѣмъ, лежитъ еще въ закладѣ у ростовщика, а денегъ нѣтъ, чтобы расплатиться съ нимъ, и вотъ, обычаемъ узаконяется слѣдующая процедура: кустарь приходитъ съ женой въ ссудную кассу или, попросту, лавочку, беретъ товаръ, чтобы нести его въ складъ скупщика, а въ залогъ до получки денегъ, оставляетъ жену. Типичная подробность, на мой взглядъ, ярко характеризующая печальное, униженное положенiе кустаря, мечущагося отъ скупщика къ ростовщику и обратно.

Итакъ, многiе симптомы достаточно рельефно указываютъ на нужду въ кредитѣ, а между тѣмъ, странное явленiе: изъ 145 опрошенныхъ мною домохозяйствъ, 69 никогда не прибѣгаютъ къ закладу. Этотъ фактъ требуетъ нѣкоторыхъ разъясненiй. Спрашивается: почему эти хозяйства не прибѣгаютъ къ залогу? потому-ли, что не чувствуютъ нужды въ кредитѣ, или по какимъ другимъ причинамъ? Безспорно, что нѣкоторая часть этихъ семей, находясь въ положенiи сравнительно удовлетворительномъ, не чувствуетъ такой настоятельной нужды въ деньгахъ, какъ бѣднѣйшая часть кустарей, не могущая выждать даже базарнаго дня, т. е. прожить отъ понедѣльника до понедѣльника. Эта группа кустарей, еще не проникнутыхъ торговымъ, предпринимательнымъ духомъ, нѣсколько презрительно и съ высока

смотритъ на кредитующихся у ростовщиковъ и это свое презрѣніе до извѣстной степени переноситъ и на тотъ «ломбардъ», о которомъ въ то время было такъ много рѣчи; сплошь и рядомъ я слышалъ: «порядочные люди» не понесутъ товара въ закладъ, потому что зазорное это дѣло. Впрочемъ, далеко не всѣ въ этой группѣ смотрятъ на ломбардъ такимъ образомъ; но объ этомъ рѣчь будетъ далѣе. Есть другая группа, до извѣстной степени, впрочемъ, совпадающая съ первой, тоже не закладывающая своихъ издѣлій—это группа кустарей, выдѣлывающихъ дорогіе, особенно штучные замки; эти сорта не принимаются въ закладъ мѣстными ростовщиками. Но не въ этомъ дѣло. Я упомянулъ объ этихъ группахъ, не пользующихся услугами ростовщиковъ, кустарей для того, чтобы выдѣлить ихъ изъ категоріи лицъ, которымъ при всемъ желаніи не приходится кредитоваться: дѣло въ томъ, что даже и существующій въ Павловѣ кредитъ съ его безобразными формами не удовлетворяетъ спросу; въ послѣднее время положеніе особенно ухудшилось: я указалъ уже, что въ настоящее время крупныя операціи по залогу издѣлій производитъ одна только лавочка, хозяйка которой кредитуетъ все Павлово. Но до недавняго времени этихъ лавочекъ было двѣ, до извѣстной степени конкурировавшихъ между собою. Блюдя объ интересахъ бѣдныхъ кустарей, которыхъ такъ нагло обираютъ, попечительная мѣстная власть прихлопнула этого ростовщика— въ результатѣ, вмѣсто двухъ лавочекъ получилась одна на все Павлово, недостатокъ въ кредитѣ сталъ еще больше чувствоваться, кустари оказались еще болѣе беззащитными передъ лицомъ другой категоріи эксплуататоровъ—скупщиковъ; summa summarum, положеніе ухудшилось, закрытіе-же лавки ростовщика вызвало въ кустаряхъ всеобщее неудовольствіе.

Итакъ, все говоритъ за то, что замочный промыселъ переживаетъ тяжелые дни; кризисъ можетъ въ лучшемъ случаѣ разрѣшиться переходомъ района къ крупно-капиталистическому производству, въ худшемъ — крушеніемъ, гибелью промысла. Читатель естественно задастъ мнѣ вопросъ: гдѣ же выходъ изъ положенія? какъ помочь бѣдѣ? пособить кустарямъ? Увы, читатель, серьезной дѣйствительной помощи нѣтъ, есть только жалкіе палліативы, обыкновенно прописываемые народниками для спасенія отъ всякаго рода экономическихъ бѣдъ. Это нужно признать прямо, открыто. Относиться съ презрѣніемъ къ палліативамъ нѣтъ основанія; если они не въ силахъ излечить хронически больного, то при извѣстныхъ условіяхъ могутъ все же доставить ему нѣкоторое облегченіе. Не слѣдуетъ только изъ мухи дѣлать слона и маленькій палліативъ преподносить въ качествѣ панацеи отъ всѣхъ бѣдъ.

Эти, обыкновенно проектируемыя и практикуемыя, палліативныя мѣры помощи кустарямъ, можно раздѣлить на двѣ категоріи: одни имѣютъ

цѣлью упорядочить сбытъ, устранить лишнихъ посредниковъ между производителемъ и потребителемъ, доставить кустарю дешевый краткосрочный кредитъ, другія—затрагиваютъ самый механизмъ производства—таковы производительныя артели.

Мы достаточно много говорили о характерѣ и причинахъ павловскаго замочнаго кризиса, чтобы еще останавливаться надъ доказательствомъ того, что мѣры помощи перваго рода въ данномъ случаѣ имѣютъ минимальное значеніе: онѣ могутъ болѣе или менѣе успѣшно бороться съ мѣстнымъ торговцемъ-скупщикомъ, но совершенно безсильны передъ крупнымъ капиталомъ въ производствѣ. Удешевляйте, сколько угодно, кредитъ, устраняйте вашими складами скупщиковъ, заводите ссудо-сберегательныя товарищества—и вы ни на минуту не остановите вторженія крупнаго капитала въ производство, наоборотъ—ускорите, какъ я поясню далѣе, и это, быть можетъ, будетъ самый крупный и цѣнный результатъ вашихъ мѣропріятій.

Устройство производительныхъ артелей имѣетъ во всякомъ случаѣ массу преимуществъ передъ названными мѣрами: не слѣдуетъ забывать, что организація артелей чрезвычайно благотворно дѣйствуетъ на ея участниковъ, и уже ради одного этого не слѣдуетъ останавливаться передъ ихъ устроеніемъ. Я слышалъ въ самомъ Павловѣ протестующіе противъ организаціи артелей голоса. Во имя чего же ратовали эти протестанты и какъ аргументировали? Они говорили (замѣчу въ скобкахъ, это были прежде всего представители мѣстной администраціи), что организація хотя бы одной артели въ замочномъ промыслѣ повлечетъ за собой реорганизацію всего замочнаго производства; заведутся, молъ, фабрики въ Павловѣ, и кустарямъ грозитъ полное исчезновеніе и превращеніе въ наемную силу. Но эти господа забывали или не хотѣли понять, что не артель, такъ единочный предприниматель, все равно, рано или поздно, откроетъ замочную фабрику. Лѣтъ 10-ть назадъ однимъ павловскимъ торговцемъ-фабрикантомъ уже сдѣлана была попытка въ этомъ направленіи. Тогда она не привела ни къ чему: одни объясняютъ это тѣмъ, что фабрикантъ не сумѣлъ поставить дѣла, самъ онъ говоритъ, что не хотѣлъ вызывать неудовольствія павловскихъ кустарей и прекратилъ дѣло, во избѣжаніе недоразумѣній.

Итакъ, попытка уже была сдѣлана; сдѣлана неудачно, что однако отнюдь не указываетъ на невозможность ея повторенія. Мнѣ могутъ замѣтить: почему же никто изъ павловскихъ капиталистовъ до сихъ поръ не возобновилъ этой попытки? На это я отвѣчу, что инертность павловскихъ капиталистовъ, само собою разумѣется, имѣетъ свои причины. Дѣло въ томъ, что наиболѣе культурные, энергичные, предпріимчивые изъ нихъ и

теперь уже перестаютъ заниматься исключительно скупкой; скупщикъ Щеткинъ завелъ у себя очень крупное дѣло, примѣнивъ машинную работу къ цѣлому ряду издѣлій; Кондратовы являются не столько скупщиками, сколько фабрикантами, какъ я ихъ выше характеризовалъ, піонерами крупнаго производства въ ножевомъ дѣлѣ. Вышеупомянутыя лица по горло заняты своимъ дѣломъ, требующихъ постояннаго расширенія. Обороты ихъ растутъ, но растутъ на счетъ другихъ отраслей сталеслесарнаго производства. Имъ нѣтъ особыхъ основаній спѣшить съ открытіемъ замочныхъ фабрикъ. Остаются другіе капиталисты—малокультурная группа скупщиковъ. Отчего же она не двигается? Но изъ чего-же хлопотать «чумазому», если онъ сытъ той львиной долей, которую онъ, какъ прекрасно дѣйствующій прессъ, выжимаетъ изъ кустаря. Единственное, что можетъ вызвать его изъ бездѣйствія, ускорить его превращеніе въ фабриканта, это какъ разъ тѣ мѣры, которыя, хоть сколько нибудь улучшивъ положеніе кустарей, посягнутъ на его—скупщика — достояніе, на тотъ безмѣрно высокій процентъ (30—40), который ему удается получать съ полуголодной массы. И я полагаю, что тѣмъ, кто займется организаціей кредита въ Павловѣ въ какой бы то ни было формѣ, устройствомъ склада, закупкой сырья изъ первыхъ рукъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду и этого момента.

А между тѣмъ, сознаніе необходимости крупныхъ реформъ въ техникѣ дѣла распространяется среди павловскихъ «интеллигентовъ»; въ настоящее время, насколько мнѣ извѣстно, одинъ изъ мѣстныхъ хозяевъ—мастеровъ ставитъ у себя паровой двигатель, т. е. дѣлаетъ первый шагъ въ этомъ направленіи. Мнѣ кажется, послѣ этого, совершенно очевидна несостоятельность голосовъ, предостерегающихъ отъ устройства артельной замочной фабрики. Мнѣ думается, напротивъ, что, устройство артелей имѣетъ безусловную raison d'être. Если передъ павловскимъ замочнымъ промысломъ стоитъ дилемма: или, оставаясь при примитивной техникѣ, быть совершенно вытѣсненнымъ съ рынка, или преобразовать свою технику, то есть полное основаніе желать, чтобы піонеромъ въ этомъ дѣлѣ было артельное предпріятіе. Я лично отнюдь не вѣрю въ то, чтобы какая-либо артель могла постепенно охватить весь замочный районъ — для этого требуются такія средства, которыхъ въ наличности нѣтъ и ждать не откуда: вѣдь не составятся же они изъ тѣхъ подачекъ и крохъ, которыя бросаются кустарямъ сильными міра сего. Но воспитательное значеніе артель можетъ имѣть большое—и вотъ, во имя этихъ то *«неэкономическихъ»* мотивовъ, я думаю, можно привѣтствовать артельное предпріятіе въ замочномъ дѣлѣ, сознавая въ тоже время подчиненное и служебное значеніе его, сознавая также и тѣ трудности и препятствія,

которыя лежатъ на пути къ его осуществленію. А для павловскаго района, въ частности, эти трудности очень велики. Трудное это дѣло устроить артель среди массы, въ которой чрезвычайно слабо развито самосознаніе, отъ которой нельзя еще ждать пока инициативы въ этомъ дѣлѣ.

Я постараюсь теперь вкратцѣ охарактеризовать эту массу, дать отвѣтъ на невольно возникающій вопросъ: какъ же сами кустари-замочники смотрятъ на свое положеніе, видятъ-ли какой выходъ изъ него, существуютъ-ли хотя бы въ зачаточномъ видѣ попытки, или хоть пожеланія, соединиться для совмѣстной работы, создать какую-либо организацію взаимопомощи. Вѣдь были же у замочниковъ примѣры передъ глазами: складочная артель Зернова и два ссудо-сберегательныхъ товарищества.

Прежде, однако, чѣмъ приступить къ характеристикѣ кустарной массы замочниковъ, я позволю себѣ сдѣлать одно маленькое отступленіе. Въ нашей научной литературѣ довольно долго велись споры о томъ, что такое кустарь, и кого можно назвать этимъ именемъ, а кого—нельзя. Къ сожалѣнію, эти споры не привели къ болѣе разборчивому употребленію этого термина; сплошь и рядомъ, и на хозяина мастерской, и на мастера-одиночку налѣпляется одинъ и тотъ же ярлыкъ «кустарь», съ которымъ оба они и начинаютъ гулять на страницахъ нашей журналистики. Мнѣ думается, что смѣшеніе это зачастую приводитъ къ очень важнымъ и серьезнымъ недоразумѣніямъ. Я упоминалъ уже раньше, что нерѣдко подъ видомъ кустарей фигурируютъ мелкіе ножевые фабриканты, приносящіе или, вѣрнѣе, привозящіе на павловскій базаръ образцы своихъ издѣлій. А теперь, я позволю себѣ разсказать вамъ одинъ, по меньшей мѣрѣ странный, случай: нѣсколько лѣтъ тому назадъ, промелькнуло извѣстіе, что павловскимъ *кустарямъ* производится довольно крупный казенный заказъ; далѣе, на страницахъ одной изъ мѣстныхъ газетъ мнѣ пришлось прочесть краткое сообщеніе, что депутація кустарей собирается въ Петербургъ благодарить за оказанную помощь. Конечно, вы сейчасъ же скажете, что странный народъ эти кустари, какъ ни въ чемъ не бывало разъѣзжающіе изъ Нижегородской губерніи въ Петербургъ и обратно. И дѣйствительно, странные кустари! Наше изумленіе еще больше возрастаетъ, когда мы узнаемъ, что «благодарные кустари» обладаютъ годовымъ оборотомъ, переваливающимъ за сотню тысячъ, а заказанныя издѣлія почти не производятся кустарнымъ способомъ. Но это только къ слову. Я имѣлъ въ виду подчеркнуть, что, на мой взглядъ, чрезвычайно важнымъ представляется въ каждомъ данномъ случаѣ строго анализировать понятіе «кустарь» и вскрывать тѣ противорѣчія, которыя прикрыты этимъ терминомъ, охватывающимъ и хозяина мастерской, и одиночку, не сегодня-завтра переходящаго въ положеніе батрака.

Разслоеніе кустарной массы въ Павловскомъ районѣ существуетъ, и существуетъ въ очень рѣзкой степени, и только въ замочномъ промыслѣ этотъ процессъ растущаго разслоенія находитъ себѣ противодѣйствіе въ нивеллирующемъ вліяніи хроническаго кризиса. Тѣмъ не менѣе, приступая къ характеристикѣ замочниковъ, я долженъ начать именно съ раздѣленія ихъ на двѣ неравныя половины: кустарей — «интеллигентовъ» и кустарную массу, въ значительной степени безграмотную и однимъ своимъ флангомъ приближающуюся къ положенію нищеты. Это дѣленіе имѣетъ въ своемъ основаніи экономическій признакъ: кустарь-интеллигентъ—это въ огромномъ большинствѣ случаевъ хозяйчикъ, имѣющій нѣсколькихъ наемныхъ рабочихъ, или кустарь — талантливый самоучка, изобрѣтатель, дѣлающій замки съ секретами и всякими фокусами, и только потому не принанимающій, обыкновенно, рабочихъ, что характеръ работы его не допускаетъ участія простого, не квалифицированнаго труда. Это типъ, въ которомъ крайне развитъ индивидуализмъ, стремленіе къ работѣ за собственный счетъ, а не артелью; онъ охотно противополагаетъ себя остальной массѣ мастеровъ и иногда даже льнетъ къ враждебному кустарямъ лагерю скупщиковъ-торговцевъ.

Иллюстрирую это обобщеніе нѣсколькими примѣрами: вотъ вамъ одинъ изъ лучшихъ павловскихъ мастеровъ—N., работаетъ онъ дорогіе штучные замки, наемныхъ рабочихъ не держитъ. Спрашиваю его, отчего же, если товаръ его идетъ такъ ходко, какъ онъ упѣряетъ, не заведетъ онъ себѣ мастерской, не принайметъ подручныхъ? Характеренъ отвѣтъ: «какъ же, пытался завести, да толку нѣтъ; только научишь его (рабочаго), покажешь образецъ, а онъ тебѣ и не понесетъ товара—они лучше богатому скупщику,—говорятъ—дадутъ *попользоваться* отъ ихъ труда, чѣмъ намъ мастерамъ». Я прошу васъ, читатель обратить вниманіе на эти слова: о чемъ говорятъ они? Каковъ ихъ смыслъ? А тотъ, что въ этомъ кустарѣ, выдѣляющемся изъ массы, совершенно явственно звучитъ нота презрѣнія къ бѣдняку, особенно къ кустарю безхозяйному, вынужденному искать работы у своего же брата-кустаря въ качествѣ наймита. Замѣчу по этому поводу, что у многихъ мало-мальски состоятельныхъ, «исправныхъ» кустарей звучитъ та же недоброжелательная нота къ бездомному рабочему, что и у N. — у этого она только явственнѣе и откровеннѣе выступаетъ: павловецъ-хозяинъ,—говоритъ N.,—любитъ самостоятельность, особенно замочникъ: у него ремесло отъ отца къ сыну переходитъ; изъ кого набираются рабочіе у Личадѣева и Цвѣтова?—изъ мальчиковъ, да пьяницъ.—И особенно характерно въ словахъ N. противопоставленіе—*мы* и *они*: мы — это состоятельная часть кустарей, они—это голь перекатная, это—пьяницы-рабочіе, которые только и дѣлаютъ, что переходятъ отъ одного хозяина къ другому,

да портятъ хозяевамъ матеріалъ. Возьмемъ другой примѣръ: передъ вами тоже домовитый кустарь, который иногда, въ хорошую пору, когда заики идутъ сравнительно ходко, принанимаетъ нѣсколькихъ рабочихъ. Это несомнѣнный интеллигентъ, стоитъ лишь мелькомъ взглянуть на его фигуру, на его худое и нервное лицо и глубоко сидящіе большіе глаза, чтобы рѣшить, что это не только смышленный и толковый человѣкъ, но и человѣкъ не заурядный, не рядовой. И дѣйствительно, передъ вами одинъ изъ главныхъ ораторовъ павловскихъ сходовъ Х.; въ разговорѣ съ вами онъ за словомъ въ карманъ не полѣзетъ, вамъ нѣтъ надобности задавать ему какіе либо вопросы, наводить на извѣстныя темы, онъ самъ охотно повѣдаетъ вамъ, что кустарямъ не такъ то плохо живется, какъ они это разсказываютъ: «все это они вамъ хвастаютъ,—говоритъ онъ,—цѣны на товаръ точно что понизились, а все же заработки мастеровъ не хуже прежняго: ловчѣе стали, замковъ больше вырабатываютъ». И этотъ же словоохотливый кустарь вамъ скажетъ, что «ломбардъ—дѣло хорошее, всѣмъ бы польза была; а сбыточный складъ—мечта; вѣдь, хорошо бы, конечно, ста человѣкамъ собраться и дѣйствовать вмѣстѣ, да гдѣ ужъ, когда и въ семьѣ ладу нѣтъ—каждый на базаръ то наровитъ врозь идти». «Почему,—замѣчаетъ онъ,—ссудныя товарищества и артель въ Павловѣ не имѣли успѣха? — Потому, что надзора не было, нужно было чиновника поставить, а его не было, вотъ дѣло и не выгорѣло». И тутъ же вы услышите отъ него нѣсколько словъ въ защиту скупщиковъ. Въ этомъ кустарѣ-ораторѣ и, если хотите общественномъ дѣятелѣ еще ярче выступаютъ черты, которыя мы видѣли у N. Я потомъ еще вернусь къ вопросу объ отношеніи кустарей къ тѣмъ проектамъ мѣръ помощи, о которыхъ въ то время шла рѣчь среди павловскаго люда. Теперь же замѣчу, что у очень многихъ, сравнительно болѣе состоятельныхъ кустарей, у которыхъ звучатъ уже нотки предпринимателя, я замѣчалъ, какъ общую черту, полное сочувствіе, чуть не восторженное отношеніе къ мысли объ организаціи дешеваго, краткосрочнаго кредита подъ залогъ издѣлій, фигурировавшей подъ популярной въ то время въ Павловѣ кличкой «ломбарда»; но, чуть дѣло касалось организаціи сбыта, посягающей на самое существованіе скупки, какъ на сцену выступалъ скептицизмъ, сомнѣнія въ осуществимости дѣла съ далеко не лестными замѣчаніями по адресу кустарей и ихъ способности къ кооперативной, совмѣстной работы, особенно работѣ, не находящейся подъ непосредственной надзоромъ попечительной власти.

Мнѣ замѣтятъ, быть можетъ, что примѣры эти не типичны, что столько же примѣровъ можно привести и для доказательства противнаго. Не думаю, однако, чтобы кто-либо, знающій Павлово, привелъ мнѣ эти при-

мѣры. Я лично знаю одно, правда, блестящее исключеніе — это хозяинъ замочной мастерской и въ то же время коваль, извѣстный всему Павлову радѣтель кустарной бѣдноты. А такихъ примѣровъ, какъ вышеприведенные, я имѣю довольно большое количество и готовъ, если угодно, утруждать вниманіе читателя еще нѣкоторое время.

Въ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ кустарнымъ промысламъ, часто встрѣчаются указанія на талантливость и изобрѣтательность кустарей. Такъ, у г. В. В. въ его «Очеркахъ кустарной промышленности въ Россіи» сгруппировано довольно много примѣровъ, характеризующихъ кустарей въ вышеприведенномъ смыслѣ. Къ сожалѣнію, большинство изслѣдователей не усматривало кое какихъ чертъ, присущихъ очень многимъ изъ этихъ «талантливыхъ самоучекъ» и не имѣло возможности прослѣдить ихъ дальнѣйшую судьбу. Г. Григорьевъ, авторъ прекраснаго изслѣдованія, посвященнаго павловскому району, также не избѣгъ этой общей участи и съ восторгомъ, но безъ всякихъ дальнѣйшихъ комментаріевъ, въ концѣ своей книги упоминаетъ о нѣсколькихъ павловскихъ талантахъ, обратившихъ на себя его вниманіе и заслуженно пользовавшихся мѣстной извѣстностью. Въ числѣ прочихъ, говоря о замочникахъ, онъ упоминаетъ о нѣкоемъ У.—самоучкѣ кустарѣ, чрезвычайно любознательномъ, съ жаждой знанія и несомнѣнной склонностью къ изобрѣтеніямъ; онъ приводитъ его въ примѣръ того, что талантливость кустаря, несмотря на гнетущую нужду и тяжелый трудъ, все же подчасъ даетъ себя знать. Г. Григорьевъ очень доволенъ, повидимому, своимъ «самоучкой», но этимъ довольствомъ онъ только и ограничивается по отношенію къ нему; онъ не задается вопросомъ: допустимъ, У., благодаря своимъ талантамъ, обратилъ на себя общее вниманіе, его товаръ сталъ «введеннымъ», т. е. издѣлія его охотно спрашиваются покупателями и высоко цѣнятся, онъ не ограничивается шаблоннымъ дешевымъ шведскимъ или рѣпчатымъ замкомъ, а все выдумываетъ что-нибудь позамысловатѣе, какой-нибудь особый секретъ къ замку, особый механизмъ, какихъ до него никто и не выдумывалъ. Но кто же такой этотъ самоучка? Хозяинъ или дѣйствительно мелкій производитель, сбывающій издѣлья свои и своей семьи? Нашъ авторъ сказалъ «кустарь» и на этомъ успокоился, поставивъ точку на самомъ интересномъ мѣстѣ. Постараемся за него дать отвѣтъ. Этотъ талантливый изобрѣтатель У. есть владѣлецъ одной изъ самыхъ крупныхъ замочныхъ мастерскихъ села Павлова: его мастерская вмѣстѣ съ заведеніемъ L, самыя крупныя замочныя предпріятія во всемъ павловскомъ районѣ. Въ мастерской у У. работаетъ отъ 10—15 человѣкъ наемныхъ рабочихъ. Я не буду приводить вамъ отзывовъ о немъ павловскихъ кустарей, о его изобрѣтательности не только въ области механическихъ работъ, но и въ сферѣ выколачиванія прибавочной стоимости, а упомяну

только о томъ, что этотъ самоучка, не оставляя заботъ о perpetuum mobile и постройкѣ самодѣльнаго велосипеда, въ настоящее время спитъ и видитъ, какъ бы хозяевамъ, что побогаче, соединиться и устроить на товарищескихъ началахъ замочную фабрику; онъ плачется на то, что при тѣхъ ограниченныхъ средствахъ, которыми располагаетъ теперь, онъ не можетъ довести необходимое въ замочной мануфактурѣ раздѣленіе труда до должной детальности—по его словамъ, нужно было бы по крайней мѣрѣ человѣкъ 40 для правильной постановки замочнаго дѣла. Нечего и говорить, что симпатіи его не на сторонѣ артельнаго начала. Но, въ то же время, онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ того дня, когда новооткрытый въ Павловѣ «ломбардъ» гостепріимно откроетъ свои двери для него и дастъ ему возможность не торопиться съ продажей своихъ издѣлій въ глухое для товаровъ время. Группу интеллигентовъ-замочниковъ я заключу краткой характеристикой «кустаря» L., быть можетъ, наиболѣе извѣстнаго изъ павловскихъ изобрѣтателей, благодаря той роли, которую сыгралъ въ павловскомъ замочномъ промыслѣ примѣненный впервые имъ самопай, и фигурирующаго тоже на страницахъ изслѣдованій и теоретическихъ работъ, посвященныхъ кустарному вопросу, какъ образчикъ «прогрессивныхъ теченій». Это, дѣйствительно, наиболѣе «прогрессивная» и интеллигентная личность изъ среды павловской кустарной буржуазіи; его роль въ павловскомъ замочномъ промыслѣ можно, мнѣ кажется, съ достаточной яркостью характеризовать въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: онъ владѣлецъ самой крупной замочной мастерской въ Павловѣ, онъ первый примѣнилъ къ выдѣлкѣ своихъ штучныхъ и секретныхъ замковъ ручной штампъ и въ настоящее время, насколько мнѣ извѣстно, ставитъ у себя паровой двигатель.

Я привелъ вамъ пѣлую группу павловскихъ интеллигентовъ—всѣхъ ихъ объединяетъ нѣсколько общихъ имъ чертъ: это наиболѣе мыслящіе, даровитые, въ общественной жизни Павлова передовые его дѣятели, это—враждебная въ большинствѣ случаевъ скупщикамъ сила. Ихъ нельзя смѣшивать съ тѣми мастерками-хозяйчиками, нерѣдко попадающимися въ Павловѣ, которые эксплуатируютъ кустарей-бѣдняковъ вдвойнѣ—и какъ хозяева, и какъ скупщики—упомяну, напр., о нѣкоемъ К., имѣющемъ мастерскую и занимающимся въ то же время раздачей работъ кустарямъ на домъ: съ своей стороны онъ ограничивается только хожденіемъ на еженедѣльные базары, гдѣ товаръ его «введенъ», и клеймо пользуется нѣкоторымъ престижемъ. Съ такимъ субъектомъ никакіе разговоры о мѣрахъ помощи кустарямъ немыслимы: для него ясно только то, что при существующемъ положеніи вещей онъ имѣетъ возможность выжимать деньгу изъ трудового дня кустаря самымъ наглымъ и беззастѣнчивымъ

образомъ—а до прочаго ему, разумѣется, нѣтъ ни малѣйшаго дѣла. Вышеописанная группа стоитъ несомнѣнно выше только что упомянутаго К. и по своему развитію, и по своему нравственному облику, повторяю: это—*интеллигенты*-замочники и притомъ это—*вся* замочная *интеллигенція*. Она проникнута духомъ буржуазнаго индивидуализма, ея мечты лежатъ въ области предпринимательской находчивости, талантливости, изобрѣтательности, она сверху внизъ смотритъ на остальную кустарную братію, она съ усмѣшкой говоритъ вамъ о невозможности организаціи артельнаго дѣла въ замочномъ промыслѣ, она очень положительна и считаетъ совершенно утопичной брошенную вами мысль объ организаціи сбыта и постепенномъ устраненіи скупщиковъ съ устройствомъ склада, единственная вещь, которая подчасъ заставляетъ биться сильнѣе сердца ихъ,—это вопросъ о дешевомъ кредитѣ: ясно, что для нихъ возможность кредитоваться есть чрезвычайной важности насущный вопросъ—къ нему они неравнодушны и съ восторгомъ будутъ привѣтствовать открытіе отдѣленія государственнаго банка.

Но зачѣмъ, спросятъ меня, я такъ долго останавливался на характеристикѣ этой, сравнительной со всей кустарной массой, ничтожной группы «интеллигентныхъ кустарей»? Именно потому, что эта группа и является носительницей тѣхъ «прогрессивныхъ теченій», о которыхъ у насъ не мало толкуютъ и пишутъ. Я не стану обобщать своихъ наблюденій, скажу, однако, что для Павлова, по крайней мѣрѣ, буржуазныя очертанія этихъ прогрессивныхъ теченій обрисовываются совершенно ясно, и это, замѣтьте, читатель, въ такомъ промыслѣ, какъ замочный, въ которомъ техника еще примитивна и только начинаетъ развиваться, въ промыслѣ, который переживаетъ гнетущее давленіе извнѣ, со стороны крупныхъ предпріятій западнаго края, и такъ плохо пока приспособляется къ новымъ требованіямъ производства.

Отъ «интеллигенціи» перейдемъ теперь къ болѣе сѣрой массѣ павловскихъ замочниковъ, къ той массѣ, которая почти сплошь работаетъ однѣми силами семьи, не нанимая рабочихъ, или, если и нанимаетъ, то лишь въ видѣ исключенія, и работаетъ 16, иногда 18 часовъ въ сутки. Я бесѣдовалъ съ кустарями на жгучія темы—о мѣрахъ помощи—при всякомъ удобномъ случаѣ, я задавалъ имъ подобные вопросы и во время обхода 145 обслѣдованныхъ мною дворовъ; въ общемъ, мнѣ кажется, получилась картина, въ которой едва ли есть мѣсто многому случайному, и напротивъ, многія типичныя черты физіономіи кустаря, по своему положенію болѣе близкаго къ пролетарію, чѣмъ къ мелкому буржуа, сказались съ достаточной рельефностью.

Бесѣдуя съ кустарями о ихъ теперешнемъ положеніи, о скупщицкой

эксплуатаціи, о прежде существовавшей въ Павловѣ складочной артели, ссудо-сберегательныхъ товариществахъ, я старался дать имъ самимъ высказаться, боясь подсказать имъ отвѣтъ.

Общее впечатлѣніе отъ этихъ бесѣдъ крайне тяжелое.

По вопросу объ организаціи артелей я только въ очень рѣдкихъ случаяхъ получалъ сколько нибудь опредѣленный отвѣтъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ чувствовалось полное непониманіе; даже о существовавшей лѣтъ 20 назадъ въ Павловѣ складочной артели Зернова не было яснаго представленія: объ ней едва помнятъ, многіе и совсѣмъ не слыхали. Въ настоящее время есть еще кое-кто изъ участниковъ тѣхъ 2 ссудо-сберегательныхъ товариществъ, которыя такъ плачевно окончили свое существованіе. Но не добромъ поминаютъ павловцы эти два товарищества. Попытокъ соединиться въ артель, попытокъ, которыя бы исходили изъ среды самихъ замочниковъ, я не знаю. И въ самомъ дѣлѣ: попробуйте стать на точку зрѣнія замочника, который другой техники промысла, кромѣ практикуемой имъ, не знаетъ; зачѣмъ ему артель? зачѣмъ ему соединяться съ другими въ группы, когда необходимое при извѣстной ему техникѣ раздѣленіе труда достигается за предѣлами отдѣльныхъ производственныхъ единицъ выдѣленіемъ такихъ профессій, какъ коваля дугъ къ замкамъ, отдѣлывальщики и т. п., а для остальныхъ операцій достаточно однѣхъ силъ семьи. Что эта техника чрезвычайно примитивна, что существуетъ не только безконечно болѣе детальное раздѣленіе труда въ замочныхъ мануфактурахъ, но и примѣненіе машинъ, объ этомъ—если онъ и слышалъ, то не отдастъ себѣ отчета; представленіе это не воплощается у него въ конкретные образы, и идеаломъ замочника остается по прежнему самостоятельное хозяйствованіе—семьей, въ одиночку—каждый за свой страхъ и счетъ.

Гораздо болѣе опредѣленны представленія о «складѣ» и «ломбардѣ»; многіе изъ кустарей на этотъ счетъ высказывали свои предположенія, проекты [1]): не задолго до моего пріѣзда въ Павлово поднятый на сходѣ вопросъ объ этомъ занималъ тогда очень многихъ. И любопытное обстоятельство: если въ группѣ состоятельныхъ кустарей мы замѣчали предпочтеніе «ломбарду», то здѣсь, въ болѣе сѣрой массѣ, довольно холодно относились къ «ломбарду» (говорилось: «мы, все равно, долго, больше 2 недѣль, не выдержимъ; все одно потомъ къ скупщику идти») и, напротивъ, выражалось страстное желаніе имѣть «складъ», который замѣнилъ и устранилъ бы скупщиковъ, это—на взглядъ кустаря—воплощеніе гнетущаго и давящаго его зла. И при этомъ, одна грустная подробность:

---

[1]) См. Приложеніе къ этой статьѣ.

всюду звучитъ сознаніе безнадежности положенія, всюду возлагаются надежды на благодѣтельную помощь «казны»: «авось, казенный заводъ, либо складъ откроется».

Итакъ, не на веселыя мысли наводитъ знакомство съ павловскимъ кустарнымъ міромъ. Въ павловской жизни совершается коренной переломъ. «Здѣсь какъ будто умираетъ что-то, но не хочетъ умереть,—что-то возникаетъ, но не имѣетъ силъ возникнуть»,—припоминаются мнѣ глубокогрустныя слова Короленка, сказанныя имъ еще въ 1890 г. [1]) Совершается переломъ, и чувствуется безпомощность этой массы, отсутствіе сознательности, иниціативы, способности и силъ бороться съ давящей и надвигающейся бѣдою. «Павлово—одинъ изъ предметовъ нашей національной гордости, одинъ изъ оплотовъ нашей самобытности противъ вторженія чуждаго строя,—неужели оно тоже бухаетъ безъ толку, предсмертнымъ, надрывающимъ хрипомъ?..» Этотъ вопросъ стоялъ передъ Короленко *четыре года назадъ*. Я думаю, что *теперь* могу сознательно сказать: да, бухаетъ, старое несомнѣнно умираетъ, а новое возникаетъ и непремѣнно разовьется, тому порукой все совершающееся въ Павловѣ за послѣдніе годы.

И жалѣть о старомъ не приходится: не больно-то сладко жилось рабочему при павловскомъ ancien règime'ѣ; грустно только то, что переходъ отъ стараго къ новому совершается при весьма неблагопріятныхъ обстоятельствахъ: скачекъ къ новому, къ новымъ условіямъ производства во всякомъ случаѣ выкинетъ за бортъ значительную часть замочнаго населенія, и полученіе «прибавочной стоимости» въ новомъ его видѣ, несомнѣнно болѣе культурномъ, чѣмъ прежній, будетъ практиковаться надъ населеніемъ, въ которомъ сознательности пока нѣтъ и слѣда. Всѣ вышеупомянутые мѣры помощи жалкіе палліативы и, разумѣется, не остановятъ поступательнаго движенія капитализма, какъ это хотѣлось бы думать многимъ. Мы можемъ привѣтствовать ихъ только въ томъ случаѣ, если онѣ создадутъ почву для развитія сознательности въ теперь темной, на половину безграмотной массѣ кустарной бѣдноты. Это ихъ высшее назначеніе и смыслъ: если *это* имъ удастся сдѣлать, передъ *этой* ихъ заслугой отступитъ далеко на задній планъ ихъ спеціально экономическое значеніе.

Алекс. Потресовъ.

---

[1]) См. «Павловскіе очерки». «Русская Мысль», сент. 1890 г., стр. 17.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Къ прилагаемымъ таблицамъ считаю нужнымъ сдѣлать нѣсколько пояснительныхъ замѣчаній. Изъ 9 вертикальныхъ столбцовъ таблицъ особенное вниманіе обращено на два: на столбецъ, въ которомъ отмѣчены измѣненія въ количествѣ наемныхъ рабочихъ, занятыхъ въ данномъ хозяйствѣ, и на послѣдній—*смѣсь*, включающій въ себя, кромѣ разныхъ бытовыхъ подробностей, замѣчанія кустарей на предлагавшіеся и занимавшіе въ то время все кустарное населеніе проекты, здѣсь сокращенно обозначенные какъ «ломбардъ» и «складъ». Въ этомъ же столбцѣ идетъ рѣчь о 2 ссудосберегательныхъ товариществахъ, открытыхъ въ 70-хъ годахъ и затѣмъ печально окончившихъ свое существованіе, повлекши за собой уголовную отвѣтственность для нѣкоторыхъ изъ бывшихъ заправилъ. Здѣсь упоминается также складочная артель Зернова, относящаяся тоже къ 70-мъ годамъ и тогда же погибшая, въ значительной степени жертвой «независящихъ обстоятельствъ». Остальныя графы являются какъ бы поясненіемъ этихъ двухъ; по нимъ, напр., можно установить нѣкоторую зависимость между характеромъ пожеланій кустарей и степенью ихъ состоятельности и т. п.

Считаю нужнымъ оговориться, что нижеописанныя семьи замочниковъ выдѣлываютъ т. наз. «шведскіе» замки, отчасти «тульскіе» винтовые, рѣпчатые, а также нѣкоторые другіе сорта [1]) (см. Лабзина); хозяйства, занимающіяся изготовленіемъ мѣдныхъ замковъ, за немногими исключеніями, не подлежали наблюденію, какъ по своей малочисленности, такъ и потому, что организація мѣднозамочнаго промысла (мануфактуры) настолько отлична отъ организаціи замочнаго производства вообще, что не можетъ быть разсматриваема совмѣстно съ этимъ послѣднимъ. Недѣльный заработокъ семьи полученъ изъ ея валоваго дохода за вычетомъ расходовъ производства, въ томъ числѣ и заработной платы постороннимъ рабочимъ.

Слѣдуетъ отмѣтить еще условныя обозначенія въ рубрикѣ: рабочій составъ семьи. Каждый взрослый рабочій муж. пола, отъ 18 до 60 лѣтняго возраста, принимался за 1; каждый полурабочій, т. е старикъ свыше 60 лѣтъ, подростокъ отъ 14 до 18 лѣтъ и женщина, приравненъ $^1/_2$; малолѣтокъ, подсобляющій въ работѣ=$^1/_4$. При обозначеніи женской раб. силы къ цифрѣ $^1/_2$ присоединялась буква ж.

А. П.

---

[1]) Сокращенія: шв. з. = шведскій замокъ; р. = рѣпчатый; тул. = тульскій и т. д.

№ хозяйств.	Сортъ и цѣна выдѣлываемаго замка.	Число членовъ семьи.	Рабочій составъ семьи.	Число наемныхъ рабочихъ и учениковъ.	Измѣненія въ числѣ наемныхъ рабочихъ.	Величина недѣльной выручки семьи.	Заработная плата наемнымъ рабочимъ.	Закладываются ли издѣлія или нѣтъ?	Смѣсь (бытовыя подробности, отношеніе кустаря къ проектируемымъ мѣрамъ помощи и т. п.).
1	рѣпч. зам.—40—45 к. дес.	2	1½	1	Прежде самъ былъ «въ людяхъ». Въ прошломъ году 2 раб.	2 р. 75 к.	сдѣльно 1 р. 50 к. — 1 р. 70 к. на хозяйск. харчахъ въ недѣлю.	Не часто: лучше дешево, да продать.	«О ломбардѣ слышалъ: не знаю».
2	шведск. зам.—75—80 к. дес.	5	1½ (жена занимается только черненіемъ).	3	Прежде было человѣкъ 7—8 рабоч. (лѣтъ 8—10 назадъ).	10 р. 54 к.	двое по 1 р. 20 к. на хоз. харчахъ въ нед., одинъ—сдѣльно (1 р. 40 к. за сотню) — ок. 1 р. 80 к. въ нед.	Не заклад.	На вопросъ о ломбардѣ: «кто его знаетъ: я думаю, что получше бы было».
3	шв. з. 2 р. 20 к.—2 р. 30 к. дес.	5	2+малол.	—	См. сл. № (недавно раздѣлился съ братомъ).	жена зарабатываетъ 2 р., дѣлая гайки, самъ—недалъ свѣдѣній о заработкѣ.	—	Заклад. постоянно.	См. сл. №.
4	шв. з. 2 р. 60 к дес.	4	2 + ½ (ж. только чернитъ).	1 уч.	Лѣтъ 10 назадъ—6 раб. было; «деревенскіе» по домамъ разошлись—каждый самъ норовитъ хозяйничать.	ок. 3 р. 50 к.	1 уч. (14 л.)—60 к. на хоз. харчахъ въ недѣлю.	Не закл.	«Если бы ломбардъ былъ, можно бы выждать (лучшихъ цѣнъ); а: *казенный* складъ на чтобы лучше». *О складочной артели Зерцова* (70-хъ год.): «прежде у насъ товаръ былъ ходкій—введенный — намъ надобности не было въ артель идти».
5	[illegible]	[illegible]	½ (ст.)	—	«Лѣтъ 10 назадъ—челов. 5 было; при женѣ еще 1—3 раб. имѣлъ; какъ померла, бѣдность одолѣла».	2 р. 10 к.	—	Не заклад. (родные помог.).	«Отчего бы ломбарду не подойти; хорошо бы, кабы поддержали здакъ».
6	шв. зам. 2 с. { въ 80 к. и въ 1 р. 10 к. дес.	6	2+½ (ж.)+½ (14 л.).	2	Прежде рабочихъ не было: завелъ къ ярмаркѣ.	8 р.	сдѣльно: ок. 3 р. въ нед.	Не закл.	«Не закладываю, а въ ломбардъ бы понесъ: потому плохое время бы переждалъ и цѣны бы выждалъ. Въ артель и сс. тов. не ходилъ: звали, да разсчета не было».
7	шв. з. 45 к. дес.	7	2+½ (ж.).	—	—	2 р. 25 к. [1]).	—	Заклад. (а то въ лавкѣ безъ % занимаютъ) не очень часто («какъ подойдется»).	«На сходѣ толковали о ломбардѣ; я не понимаю, я безграмотенъ».
8	шв. з. 1 р. 20 к. дес.	6	1+½ (ж.).	—	—	1 р. 80 к.	—	Закл. часто.	«Всего бы лучше складъ: ломбардъ и то хорошо; только не знаемъ, какъ его устроятъ: если ⅔ цѣны будутъ давать, долго не выдержимъ».
9	шв. з. 2 р. дес.	5	1+½ (ж. пилы зубрятъ).	—	Недѣлю назадъ откавалъ 1 рабочему (не изъ чего держать), а прежде 3 было.	2 р.(?)+1½р. (ж. за зубр. пилъ).	—	Не закл.	«Говорятъ, проценты въ ломбардѣ меньше будутъ: развѣ что цѣны выдержимъ».
10	шв. з. 1 р. 40 к. дес. [2]).	5	1+½ (ж.).	1	Прежде то 2, то 1 раб. бывалъ.	6 р. (когда иглы работаетъ—8 р.).	понедѣльно: когда замки—1 р. 60 к. когда иглы—2 р.—2 р. 20 к.	Не закл.	«Ломбардъ былъ бы очень полезенъ, можно бы выждать и дороже продать—скупщики сами навяливаться станутъ». «Артель (Зерн.) не задалась, пот. что управы не было—человѣкъ 10 снюхалось—а остальные въ загонѣ были, а то бы хорошее дѣло».

[1]) На вопросъ: *почему на фабрику не идутъ?*—отвѣтъ: «мнѣ съ «сыномъ нельзя идти: мы нездоровы».
[2]) Передъ ярмаркой работалъ также иглы.

№№ хозяйствъ.	Сортъ и цѣна выдѣлываемаго замка.	Число членовъ семьи.	Рабочій составъ семьи.	Число наемныхъ рабочихъ и учениковъ.	Измѣненія въ числѣ наемныхъ рабочихъ.	Величина недѣльной выручки семьи.	Заработная плата наемнымъ рабочимъ.	Закладываются ли надѣлія или нѣтъ?	Смѣсь (бытовыя подробности, отношеніе кустаря къ проектируемымъ мѣрамъ помощи и т. п.).
11	шв. з. 8 р. дес.	4	1+½ (ж.).	—	Послѣ турецкой войны 3 — 4 раб. держалъ; теперь — нельзя держать: сырой товаръ дороже, а дѣланный — дешевло.	1 р. 50 к. (?).	—	Не закл. (нынѣ и въ закл. не берутъ — плохо намъ безъ этого.	«Ломбардъ для насъ ничего».
12	шв. з. 1 р. дес.	6	1+½ (ж.).	1 уч. (13 л.).	Лѣтъ 7 назадъ имѣлъ 2 раб.; теперь не изъ чего держать.	3 р.	1 уч.—40 к. въ нед. на хоз. харч.	Не закл. (не принимаютъ)	«Славу Богу, кабы Господь далъ бы намъ (ломбардъ)».
13	шв. з. 1 р. 10 к.—1 р. 20 к. дес.	7	1+½ (ж.).	1 [1])	—	ок. 4 р. 20 к.	?	Не закл.	«Кабы ломбардъ, можно бы цѣну на товаръ повысить; а теперь повертишься—и отдашь».
14	рѣпч. з. 45 к.—50 к. дес.	6	2+½ (ж.).	—	Болѣе 10 л. назадъ было 2 рабоч., теперь держать не изъ чего.	3 р.	—	Не закл. (не къ кому носить).	«На что бы лучше ломбардъ; бають нѣкоторые, что нехорошо, цѣной будто прельститесь и запутаетесь—да неправда». «Въ артель меня не приняли, а кабы устроилось — больно бы хорошо».
15	шв. з. 1 р. 10 к дес.	4	1+¼ (мал.).	—	Лѣтъ 15 назадъ было 4 раб.; «силовъ понѣ не хватаетъ, не изъ чего жалованье платить».	3 р.	—	Заклад.	—
16	шв. з. 1 р. 50 к.	4	3	—	2 раб. имѣлъ лѣтъ 20 назадъ. Не держитъ теперь: «то-	3 р. 50 к.	—	Не закл.	«Если бы продавать стали (въ складѣ)—ничего; а закладывать (въ ломбардѣ)—постоянное дѣло»
17	тульск. винт. з. 1 р. дес.	7	1+½ (ж.).	—	Не имѣлъ: не привыкъ къ чужому народу, да и разсчета нѣтъ.	2½ р.	—	Не закл.	«На что бы лучше (ломб.)—все недѣли 2—3 выдержать можно; разъ не продашь, другой не продашь, быть можетъ пятакъ и накинутъ (скупщики)» жена замѣчаетъ: «ну, богачамъ некуда торопиться».
18	пл. з. (4 сорта: 1 р. 60 к., 1 р. 10 к., 1 р. 80 к. и 1 р. 20 к.—д.).	6	3+½ (ж. — черпитъ).	1 уч. (15 л.).	У отца, лѣтъ 8—9 назадъ было 3—4 рабочихъ.	ок. 15 р.	1 уч.—14 р. въ годъ жалованья.	Не закл.	«Была бы польза отъ ломб.: товаръ спокойнѣе бы понесли скупщикамъ»).
19	тульск. з. 2 сорта: {2 р. 15 к.—2 р. 20 к. / 1 р. 85 к.—1 р. 90 к. / за дес.	6	2	—	Больше 20 л. назадъ имѣлъ 5 раб.: прежде «деревенскіе» все больше работали, а теперь всѣ дома.	ок. 7 р. (работаетъ на одного скупщика).	—	— [2])	«Для другихъ банкъ хорошъ будетъ; а мы на хозяевъ работаемъ—намъ нужды нѣтъ закладывать. Если бы не подъ товаръ, а подъ росписку давали деньги, и вовсе хорошо бы было».
20	крестов. з. 50 к. дес.	6	1+½ (ж.). +¼ (мальч. 13 л.).	—	Прежде 1 рабочій былъ.	ок. 4 р. (работаетъ на хозяевъ — постоянныхъ заказчиковъ)	—	— [2])	«Отъ ломб. очень была бы польза: какъ купцы разъѣдутся на ярмарку, товаръ по самымъ низкимъ цѣнамъ отдается — а ломб. далъ бы возможность потерять цѣну; да и богатый народъ на добро совѣстенъ. Изъ ломб. и сбытъ (т. е. продажа) могъ бы быть—скупщикъ, и тотъ бы покупать сталъ въ ломбардѣ».
21	шв. з. 40 к. дес.	3	1+½ (ж.). + 1 (отецъ работ. на фабр.).	—	—	ок. 1 р. 50 к.[3])	—	Не закл.	—
22	шв. з. 50 к. дес.	6	2+½ (ж.).	—	—	3 р. 60 к.	—	Закл. (нарѣдка).	«Коли бы не понесъ въ ломб., если бы тамъ дешевле противъ Лобк. (мѣстная ростовщица)».

[1]) Рабочій взятъ для того, чтобы обучить хозяина изготовлять другой сортъ замка.
[2]) Работающіе на хозяевъ никогда своего товара не закладываютъ.
[3]) Кончаетъ послѣдній «урокъ» на базаръ и идетъ на фабрику Щеткина.

№№ хозяйств.	Сортъ и цѣна выдѣлываемаго замка.	Число членовъ семьи.	Рабочій составъ семьи.	Число наемныхъ рабочихъ и учениковъ.	Измѣненія въ числѣ наемныхъ рабочихъ.	Величина недѣльной выручки семьи.	Заработная плата наемнымъ рабочимъ.	Закладываются ли надѣлія или нѣтъ?	Смѣсь (бытовыя подробности, отношеніе кустаря къ проектируемымъ кѣмъ помощи и т. п.).
23	шв. з. 60 к. дес.	2	1+½ (ж).	—	Лѣтъ 5 назадъ 2—3 р. было; «не изъ чего держать—народъ все пьющій».	ок. 4 р.	—	Не закл.	«Въ ломб. бы понесъ закладывать; а все же и съ ломб. дольше 2 недѣль не выдержимъ».
24	шв. з. 70 к. дес.	8	3 [1])	—	—	8 р.	—	Закл. (иногда въ лавкѣ кредит. безъ %).	«Складъ бы намъ помогъ: въ одно бы мѣсто и носилъ; и клеймо бы завелъ».
25	рѣпч. з. 1р. 20 к. дес.	2	½ [2])	—	—	ок. 80 к.	—	Не закл.	—
26	шв. з. 2 с. { 1 р. 20 к. и 80 к. дес.	2	1	1+½ +½ +½	Прежде не было рабочихъ: отецъ выпивалъ.	6 р. 50 к.—7 р. 20 к.	одинъ взр. раб.—сдѣльно 2—2½ р. въ недѣлю; трое подрост. —по 1½ р.	Не закл.	«Если бы ломб. былъ, конечно; понесъ бы товаръ въ закладъ: могъ бы цѣну выждать; теперь нотъ въ ярмар. время замокъ 1 р. 20 к. дес. идетъ, а раньше за 1 р. продалъ; складъ еще бы лучше». «Въ артели только богатый пользовался, а бѣдный ничего не имѣлъ».
27	шв. з. 50 к. дес.	7	1+½ (ж.).	1 +3(½)	Перем. нѣтъ.	ок. 8 р.	одинъ—1 р. 50 к. понед.; 3 остальн.—2 р. 50 к. на х. х. всѣ вмѣстѣ.	Не закл.	«Самъ не закладываю, а все скажу—хорошо бы ломб.; цѣну бы повысили, можно было бы время переждать. Складъ бы еще лучше. Былъ и въ артели, и въ сс. тов.; дѣло хорошее было, только люди то взялись не грамотные, да и нехорошіе. Намъ бы [illegible]
28	шв. з. 2 с. {75 к.—80 к. {60 к. дес.	3+ пѣск. мал.	1+½ (ж).	2 [3])	Прежде было 4—5 раб.	(?) ок. 2 р. 50 к.	сдѣльно: 1 р. 50 к. за 100 з.	Заклад. [4]).	«Ужъ на что бы лучше складъ; ломб.—и то ничего. Вотъ М. Мих. (ростовщ.) и та поддержитъ (насъ). Въ сс. тов. не ходилъ: «боялся—человѣкъ неграмотный, ни въ какія дѣла не входилъ».
29	шв. з. 90 к.—1 р дес.	7	1+½ (ж.). +½ (дѣв.).	—	Лѣтъ 10 назадъ было 2-3 раб. [5]).	3 р.—4 р.	—	Закл. (безъ малаго каждую недѣлю).	«На что бы лучше, кабы Господь далъ».
30	шв. з. 30 к. дес.	8	1+½ (ж.) +½+¼	—	—	?	—	Закл. рѣдко (по знакомству небог. скупщикъ помогаетъ).	—
31	шв. з. 30 к. дес.	6	1+½ (ж.).	—	Въ концѣ 70-хъ годовъ имѣлъ 2 раб.	1 р 80 к.—2 р. (да жена назубриваетъ на 50 к.).	—	Закл. (кажд. нед.).	«Еслибы ломбардъ торговалъ замками, то ладно бы; а если только закладъ одинъ, такъ никакого толку; цѣны то всей въ закладѣ не дадутъ, а съ ковалемъ, чернильщицей разсчитываться нужно; у М. Лобк. (ростовщ.) лучше». «Для насъ все одно, что казенный складъ, что нѣтъ». Народъ будетъ вѣрный, не растащутъ какъ свой братъ».
32	шв. з. 60 к. дес.	2	1+½ (ж. чернить для посторон.).	1 уч. (10 л.).	Имѣлъ (зимой было 2 раб.)—да все пьющіе—гдѣ дороже дадутъ, туда и бѣгутъ.	ок. 2 р. (+ж черн.).	1 уч.—на х. х. 50 к. въ нед.	Не закл.	«Отъ ломб. толку мало».

[1]) Кромѣ того, женщины шьютъ на сторону.
[2]) Семья состоитъ изъ старика и старухи; жена шьетъ немного на сторону.
[3]) Одинъ изъ рабочихъ скоро уходитъ.
[4]) Закладываетъ каждую недѣлю: замѣчаетъ о ростовщ.: «Дай Богъ добраго здоровья М. Михайловнѣ; выручаетъ все Павлово.
[5]) «Не держимъ рабочихъ: сами едва кормимся, печь на недѣлѣ не топимъ».

№ № хозяйств.	Сортъ и цѣна выдѣлываемаго замка.	Число членовъ семьи.	Рабочій составъ семьи.	Число наемныхъ рабочихъ и учениковъ.	Измѣненія въ числѣ наемныхъ рабочихъ.	Величина недѣльной выручки семьи.	Заработная плата наемнымъ рабочимъ.	Закладываются ли издѣлія или нѣтъ?	Смѣсь (бытовыя подробности, отношеніе кустаря къ проектируемымъ мѣрамъ помощи и т. п.).
33	шв. в. 55—57—58 к. дес.	10	2+½ [1])+½ (ж.).	2 (½)	До 8 раб. было («самопай» помѣшалъ).	5 р.—6 р. (?)	1 р. 20 к. на х. х. въ нед	Не закл.	«Всего бы лучше, складъ открыть, устроить—чтобы товаръ продавать; и товаръ бы лучше сталъ (скупщики, вѣдь, всякій хламъ берутъ, да подмѣшиваютъ); а если будетъ (ломб.) ⅔ противъ цѣны давать, такъ не подойдетъ; отъ скупщика не уйдешь». «Былъ я въ Хвор. сс. товар.: народъ то былъ плохой, а то отчего бы не устроить товарищ.». «Если складъ устроить, такъ нужно, чтобы не нашъ братъ оцѣнку производилъ, а хорошій приказчикъ, какъ вотъ въ обществѣ потребит.». «Еслибы устроили такъ, чтобы въ ломб. (складъ) товаръ несли, а на волю запретили продавать—скупщики бы побѣжали въ ломб (скл.) покупать и недѣли не выдержали бы».
34	шв. в. 2 р. дес.	6	1+½ (ж.). +2 (½) [2])	—	— [3])	4 р.	—	Закл. (иногда).	«Если бы немного поддержали насъ—цѣны бы повысились; товаръ намъ нуженъ (скупщикамъ)».
35 [4])	шв. в. 3 р. 50 к.—3 р. 80 к. дес.	7	1+½ (ж.).	—	Лѣтъ 20 назадъ 3 раб. было—товаръ въ цѣнѣ былъ.	3 р.—3 р. 30 к. да жена черн. 80 к.	—	Закл. (почти кажд. «урокъ»).	«Кабы проценты небольшіе (въ ломб.), чего бы лучше».
36	шв. в. 1 р. 40 к. дес.	6	1+½ (ж.) +½ (15 л. с.).	—	—	4 р. 50 к. (кромѣ параб. жены).	—	Не закл.	(По поводу ломб.): «Если понесу въ закладъ, проложитъ недолго, 2, 3-я потомъ понесешь скупщикамъ: они товара не возьмутъ; горчѣй прежняго будетъ. Они съ полгода выдержать могутъ. Если-бы складъ—то, конечно, лучше бы». «Въ артели не былъ: сначала товаръ хорошо шелъ; а потомъ, попросился—не приняли; такъ и не былъ, и не знаю, что за артель».
37 [5])	отдѣлываетъ рѣпч. замки.	2	½+½	—	—	1 р. 50 к.	—	—	—
38	шв. в. 1 р. 40 к.—1 р. 50 к. дес.	4	2+½ (ж.) +¼	—	— [6])	2 р. 40 к.	—	Не закл.	—
39	шв. в. 4 р. дес.	9	1+½ (ж.) +3 (½)+¼	—	Лѣтъ 10 назадъ—5 раб. Теперь не изъ чего держать.	5 р.	—	Не закл.	—
40	шв. в. 6 р. дес.	8	1	1	Перемѣнъ нѣтъ.	ок. 4 р.	попод.: 1 р. 70 к. на хоз. харч.	Не закл.	«Не мѣшало бы (ломб.); мое т: сейчасъ ничего, а то больно прижимаютъ... У меня отецъ въ артели не былъ: не хотѣлось вязаться».
41	шв. в. 2 р. 50 к. дес.	3	2	—	—	1 р. 50 к. [7]).	—	Закл. (иногда).	«Ломб. все бы лучше—цѣны бы можно настоять; у насъ народъ легкій—съ 3-хъ дней закладывать бѣжитъ» [8])
42	шв. в. 1 р.—1 р. 10 к. дес.	5	1+½ (ж.).	—	Былъ 1 раб. «толковыхъ» то небольно много—имъ все денегъ впередъ давай, да все уважай».	2 р. 65 к.—3 р. 15 к.	—	Закл. (рѣдко).	—

[1]) Дѣвушка черпитъ на людей себѣ на приданое (собину).
[2]) Работаютъ собину.
[3]) «Нельзя нанимать: и свой товаръ сдавать некуда; идешь (на базаръ) съ докукой».
[4]) Былъ на Ижевскомъ заводѣ; проситъ «нельзя ли похлопотать: помочь на дорогу—собирается на Сесторѣцкій заводъ».
[5]) Мать и дочь.
[6]) «Разъ было какъ то завелъ рабочаго, да 5 р. себѣ на шею; ты ужъ думалъ съ него попользоваться, а онъ съ тебя же попользовался».
[7]) «Себѣ на хлѣбъ не хватаетъ; доведено дѣло—нищему лучше».
[8]) Это значитъ, что кустарь не только не въ силахъ выждать отъ попед. до попед., но уже послѣ 3-хъ дней вынужденъ закладывать изготовленный товаръ.

№№ хозяйствъ.	Сортъ и цѣна выдѣлываемаго замка.	Число членовъ семьи.	Рабочій составъ семьи.	Число наемныхъ рабочихъ и учениковъ.	Измѣненія въ числѣ наемныхъ рабочихъ.	Величина недѣльной выручки семьи.	Заработная плата наемнымъ рабочимъ.	Закладываются ли издѣлія или нѣтъ?	Смѣсь (бытовыя подробности, отношеніе кустаря къ проектируемымъ мѣрамъ помощи и т. п.)
43	шв. з. 80 к. дес.	3	1+1/2 (ст.).	—	1 раб. былъ до турецк. войны; теперь нельзя нанять: сами едва прокармливаемся.	1 р. 50 к. [1]).	—	Закл.	Складъ бы лучше, чѣмъ ломб. «Въ артели не былъ—неграмотенъ—боялся».
44	шв. з 3 р. дес.	5	1+2 (1/2)	—	—	ок. 5 р.	—	Закл. (рѣдко).	Ломб. помогъ бы цѣны поднять: Ан. (ск)пщикъ) самъ говорилъ, что имъ товаръ надобенъ, была бы подмога, подороже брали бы».
45	шв. з. 1 р. дес.	3	2	—	— [2])	ок. 6 р.	—	Закл. (рѣдка).	«Все бы лучше, кабы товаръ сбывали.
46	шв. з. 90 к. дес.	3	1+1/2 (ж.).	—	—	ок. 4 р.	—	Закл.	—
47	шв. з. 40 к. дес.	5	1+1/2 (ж — черн.) 1/4 +1/4.	—	2—3 раб. (лѣтъ 10 назадъ).	ок. 2 р. 80 к.	—	Закл.	«Для бѣдныхъ (ломб.) больно бы хорошо, чтобы копѣйка лишняя не выходила».
48	шв. з. 45 к. дес.	3	1+1/2 (ж. — черн.).	2	Больше не было, было и меньше.	3 р. 50 к —4 р.	понед. 1) 1 р. 50, 2) 1 р. 10 к. на хоз. хар.	Закл. (рѣдко).	—
49	шв. з. 90 к. дес	3	1+1/2 (ж.).	—	1 раб. былъ до ножара.	2 р. 90 к.	—	Закл.	—
50	шв. з. 1 р. 25 к. дес.	3	2	—	Лѣтъ 25 назадъ—2 раб.; теперь держать не изъ чего—цѣну уменьшать стали.	ок. 5 р.	—	Закл.	—
51	шв. з. 45 к. дес.	6	1+1/2 (ст.) +2 (1/2 подр.) +1/4+1/2(ж.).	—	Лѣтъ 25 назадъ было 2 раб.: силъ нѣтъ рабочаго держать.	ок. 5 р.	—	Закл. (почти каждую недѣлю).	«И складъ, и ломб.—все одно. Лучше ли было-бы, хуже ли было бы—твори Господь волю твою».
52	крест. з. 55 к. дес.	7	1+1/2	1	Не было.	5 р. 50 к.—6 р.	понед.: 1 р. 20 к.	Не закл.	Работаетъ на хоз. (Карачистона): «намъ тутъ все равно, что складъ хорошій—и впередъ денегъ даналъ; кабы не онъ, развѣ бы братъ такъ скоро выстроился».
53	тульск. з. 3 сорта: 1 р. 50 к. дес. / 2 р. 25 к.—1 р. 30 к. дес.	5	1+1/2	1+1/2	Когда съ братьями жилъ, было 4 раб.	ок. 10 р.	1 раб. сдѣльно—ок. 2 р. на хоз. харч. въ нед., другой—1 р. 10 к. понедѣльно.	Не закл.	«Въ ломб. едва ли польза будетъ; еслибы цѣна повышалась, ну тогда ничего; а если товаръ въ цѣнѣ понизится—что толку. Еслибы складъ - тогда бы такъ—все въ одинѣ руки шло—мастера бы поскрели. Ломб. для коммерческаго народа; а у насъ народъ недальновидный—деньги выгаскаютъ, а товаръ останется». «Въ артели и сс. тов не былъ: не хотѣлъ, потому что дѣло было безъ надзора»
54	тульск. з. 3 с. 1 р 60 к. / 1 р. 30 к. / 1 р. дес.	6	1+1/2 (ж.) +1/2 (14 л.) +1/2 (дочь шьетъ).	1	Прежде не было.	ок. 11 р.	ц. еще не начиналъ: 1-ю нед. работ.	Не закл.	«Ломб. намъ не подход.; мы закладныя не будемъ; а нуженъ намъ сбытъ товара». «Въ артели (Зерн.) не былъ, потому что дѣла тогда шли хорошо—нужды не было».
55	тул. з. 85 к.—90 к. дес.	5	1+1/2 (ж.) +2 (1/2)+1/4	—	Лѣтъ 25 назадъ [4]) имѣлъ 9 раб.: прежде своимъ хозяйственнымъ рабочему трудно было завестись («самошай»), а теперь всякій хозяйствуетъ.	ок. 4 р. 40 к.	—	Не закл.	—

[1]) Постояльцевъ держатъ: 1 1/2 р. въ мѣсяцъ.
[2]) Отецъ и онъ прежде въ людяхъ работали.
[4]) «Прежде на сторону ничего не отдавали работать, коваль былъ на дому, отдѣлывали тоже дома,—все на дому дѣлали».

№№ хозяйствъ.	Сортъ и цѣна выдѣлываемаго замка.	Число членовъ семьи.	Рабочій составъ семьи.	Число наемныхъ рабочихъ и учениковъ	Измѣненія въ числѣ наемныхъ рабочихъ.	Величина недѣльной выручки семьи.	Заработная плата наемнымъ рабочимъ.	Закладываются ли издѣлія или нѣтъ?	Смѣсь (бытовыя подробности, отношеніе кустаря къ проектируемымъ мѣрамъ помощи и т. п.).
56	тульск. з. 1 р. 30 к. дес.	5	1+½ (ж.) [1].	1 уч. (15 л.).	—	ок. 10 р. 50 к.	1 уч.—50 к. въ нед. на хоз. харч.	Не закл.	«Если бы ломб., недѣлю бы, другую—выждали; цѣны бы повысились».
57	шв. з. 70 к. дес.	3	2+½ (ж).	—	—	3 р. 50 к.	—	Закл. (рѣдко).	(Полное непониманіе).
58	шв. з. 70 к. дес.	7	1+½ (ж).	—	Имѣлъ 1 раб.: не стоитъ держать теперь: товаръ сырой дорогъ, сдѣланный—дешевъ.	4 р. 40 к.	—	Не закл.	—
59	коробч. з. 1 р. дес.	2	1+½ (ж.).	—	—	ок. 5 р.	—	—	—
60	шв. з. 60 к. дес.	4	1	—	—	ок. 2 р. 80 к.	—	Закл.	О ломб.: «кто его знаетъ—какъ увидимъ, такъ и скажемъ».
61	шв. з. 85 к.—90 к. дес.	5	1+½ (ж.).	1 уч. (15 л.)	Лѣтъ 5 назадъ бывало 2 раб., а то было совсѣмъ пересталъ держать: разсчета нѣтъ.	ок. 3 р.	попед.: 1 р. на х. х.	Закл.	«Мы ломб. давно желаемъ; ждемъ, да все не выходитъ. Бываетъ глухое время (передъ Рождествомъ), богатый смѣется—а отдашь дешево».
62	секретн. з. 1 р. 20 к. дес.	4	1+2 (½)	1 уч. (14 л.).	Лѣтъ 10 назадъ, когда крестов. зам. дѣлалъ, им. 3—4 р.; въ прошл. году—1 руб.: дешевъ товаръ сталъ — пользы нѣтъ [2].	ок. 3½ р.	50 к. въ нед. на х. х.	—	О ломб. «Кто его знаетъ, будетъ ли польза».
63	шв. з. 70 к. дес.	5	1+½ (ж.).	1	Прежде не было.	ок. 3 р. (?)	1 р. 75 к. на х. х.	Не закл.	«Прежде о насъ Штанге хлопоталъ, а теперь на сходѣ о ломб.
									толковали. На дешев. товарѣ отъ ломб. не будетъ толка—хоть мѣсяцъ товаръ лежи, скупщики все больше не заплатятъ,—у нихъ товаръ низведеный, тому хорошо будетъ, у кого товаръ введенъ». «Еслибы сбыточный былъ, тогда и намъ бы хорошо было».
64	шв. з. 1 р. дес.	4	1+½ (ж.).	—	2 раб. имѣлъ [3].	ок. 5 р.	—	Не закл.	«Хорошо бы, еслибы у насъ (въ складѣ) покупали товаръ; и покупатель бы лучше цѣны давалъ—потому, мѣсто надежное» «Лучше бы всего: устроили бы намъ казенный заводъ, какъ на Ижевскомъ».
65	шв. з. 1 р. дес.	6	1+½ (ж.).	1 уч. (16 л.).	Прежде (л. 15 назадъ) было 2 раб.	ок. 5 р. 20 к.	понед.: 1 р. 10 к. на х. х.	Закл.	Отъ ломбарда бы облегченіе большое было. Придешь къ скупщику, а онъ говоритъ: погоди недѣлю, а то уступя. Кабы ломб., можно бы подороже продать».
66	шв. з. 1 р. дес.	3	½+½+¼	2	При жизни мужа, раб. не было; раньше, давно, одного держали.	ок. 6 р.	1) сдѣльно (1 р. за 100 з.)—ок. 2 р. въ нед. 2) понед.: 1 р. 50 к.	Не закл.	—
67	болтов. зам. 1 р. 50 к. за 1 з.	6	1	—	Лѣтъ 8 назадъ на дому на меня раб. чел. 3—4, а у меня—1—2. Въ прошл. году только 1 на меня работалъ: подешевѣлъ замокъ, разсчета нѣтъ.	ок. 6 р. 60 к.	—	Не закл.	«Въ арт. и сс. т. не былъ—не было надобности—тогда крест. вем. работалъ, на мѣсто носилъ—дѣло хорошо шло».

[1]) Жена занимается починкой сапоговъ.
[2]) «Больно деревенскіе цѣну сбиваютъ».
[3]) «Надежныхъ людей нѣтъ, все водочка; а женится—самъ хозяйствомъ обзаводится; заберетъ деньги и убѣжитъ».

№ хозяйств.	Сортъ и цѣна выдѣлываемаго замка.	Число членовъ семьи.	Рабочій составъ семьи.	Число наемныхъ рабочихъ и учениковъ.	Измѣненія въ числѣ наемныхъ рабочихъ.	Величина недѣльной выручки семьи.	Заработная плата наемнымъ рабочимъ.	Закладываются ли недѣлія или нѣтъ?	Смѣсь (бытовыя подробности, отношеніе кустаря къ проектируемымъ мѣрамъ помощи и т. п.).
68	шв. в. 1 с.—1 р. 40 к. дес; 2 с.—1 р. 25 к. д.	5	2+1/2 (ж.).	—	Очень давно (20 л. назадъ) было 1—2 раб.; прежде выгода была, а теперь нѣтъ.	ок. 9—11 р.	—	Не закл.	«Кабы помб. самъ продавалъ, вотъ бы ладно; а то намъ все равно ждать нельзя, скупщикъ у другого купитъ; скупщикъ потерпитъ 2—3 недѣли, а мы больше недѣли не выдержимъ. Въ артели и сс. тов. быть не доводилось; неопытный я человѣкъ».
69	шв. з. 1) 1 р. 10 к. дес. 2) 1 р. дес. 3) 1 р. 25 к. дес.	5	2+1/2 (ж.) +1/4 (с. 14 л.) +1/2 (д. 16 л.).	—	Послѣ тур. войны было челов. 3; нынѣ и рабочихъ то путныхъ нѣтъ, а хорошій дома работаетъ.	ок. 9 р. 75 к.	—	Не закл.	Объ артели: «стращали, что возьмешь казенныя деньги, да прожившешь — послѣднее отберутъ. Одно лѣто былъ въ сс. тов., да вышелъ—что путаться то».
70	шв. з. 2 р. дес.	7	1+1/4	—	—	ок. 6 р. 25 к.	—	Не закл.	—
71	шв. в. 2 р. 30 к. дес.	3	2+1/2 (ж.).	—	—	ок. 3 р. 90 к.	—	Не закл.	—
72	шв. в. 1 р. 90 к. дес.	5	2+1/2 (ж.) +1/2.	—	Имѣлъ 2 рабочихъ; пересталъ держать, какъ свои подросли.	ок. 6 р. 20 к.[1])	—	Не закл.	(О складѣ и ломб.) говоритъ: «давно объ этомъ ходатайствуютъ, да все не выгораетъ дѣло. А на что бы лучше». Въ артели: «не былъ, разсчета не было».
73	шв. в. 85 к. дес.	6	1+1/2 (ж.) +1/4.	—	Имѣлъ 1—2 раб. («послѣ поста ушелъ у меня раб.; не больно много выгоды, одна склока—а онъ прибавки сталъ просить»).	ок. 7 р.	—	Не закл.	«Кабы эдакое дѣло (ломб.), больно хорошо; время бываетъ плохое, да отдашь».
74	шв. в. 65 к. дес.	11	1+1/2 (ж.) +1/2 (14 л.).	—	—	ок. 6 р.	—	Не закл.	—
75	шв. в. 75 к. дес.	5	1+1/4 (ж.).	—	Не имѣлъ («съ ними одно разоренье—недѣлю отработаетъ, а потомъ и уйдетъ»).	ок. 2 р. 60 к.	—	Закл. (изрѣдка).	—
76	шв. в. 1 р. 50 к. дес.	6	1+1/2 (ж.—черн.).	—	Какъ и № 75.	1 р. 75 к.	—	Не закл. [2]).	(Одинъ изъ присутствующихъ сомнѣвается, чтобы ломбардъ былъ полезнѣе мѣстной лавки ростовщика) хозяинъ замѣчаетъ: «все же ломб. дѣло бы хорошее—переждали бы съ товаромъ».
77	шв. в. 1 р. 05 к.—1 р. 10 к. дес.	9	2+2 (1/2)+1/4 +1/2 (ж.).	—	Лѣтъ 12 назадъ держалъ 1—2 раб.—теперь товаръ дешевъ.	ок. 6 р. 50 к.	—	Закл. (рѣдко).	«Ломб. бы намъ больно хорошо, а то насъ богатый мужикъ притѣсняетъ». «Въ артели не былъ: они которыхъ принимали, которыхъ — нѣтъ».
78	шв. в. 1 р. 25 к.—1 р. 30 к. дес.	8	1+1/2 (ж.) +1/4.	—	Не имѣлъ; при отцѣ лѣтъ 20 назадъ было 1—2 раб.—хорошій рабоч. не идетъ, а съ пьющимъ разоришься».	6 р. 50 к.—7 р. [3]).	—	Не закл.	«Кабы казенн. ломб., цѣнъ бы не уронили. Казна бы поддерживать стала; казна, пожалуй, не стала бы тѣснить».
79	шв. в. 65 к. дес.	4	1+1/2 (ж.).	—	Года два назадъ имѣлъ 2 раб.: разсчиталъ.	ок. 3 р. 55 к.	—	Закл.	—
80	шв. в. 90 к.—1 р. 20 к. дес.	3	1+1/2 (ж.)—черн.	1/2 (15 л.).	Равно бываетъ: то 2, то 1, а то и никого нѣтъ.	ок. 4 р. 20 к.	80 к. на х. х.	Закл. иногда.	—

[1]) Воспитываетъ, кромѣ того, скворцовъ на продажу.
[2]) «Когда понадобится, занимаемъ въ желѣзной лавкѣ: % не берутъ и на цѣнѣ товара ненакидываютъ.
[3]) Кромѣ того, канареекъ разводитъ. Въ Павловѣ есть нѣсколько скупщиковъ канареекъ, перепродающихъ ихъ на ярмарку и въ Москву.

№№ хозяйствъ.	Сортъ и цѣна выдѣлываемаго замка.	Число членовъ семьи.	Рабочій составъ семьи.	Число наемныхъ рабочихъ и учениковъ.	Измѣненія въ числѣ наемныхъ рабочихъ.	Величина недѣльной выручки семьи.	Заработная плата наемнымъ рабочимъ.	Закладываются ли издѣлія или нѣтъ?	Смѣсь (бытовыя подробности, отношеніе кустаря къ проектируемымъ мѣрамъ помощи и т. п.).
81	шв. з. 1 р. дес.	6	1+½ (ж.—черн.).	—	Имѣлъ («1 раб. въ прошл. году умеръ и съ тѣхъ поръ не держу — оворничаютъ раб.; ихъ выучишь, а они работы не додѣлываютъ»).	ок. 5 р. 75 к.	—	Не закл.	«Для насъ (ломб.) все равно: мы, какъ недѣлю не продадимъ, все въ закладъ носимъ».
82	пл. з. всего 6 с. дѣл. (гл. образ. въ 2 р. 50 к., 3 р. 50 к. и 3 р. шт.).	7	1+½+½+¼.	—	Не имѣлъ: съ хорошими замками нельзя имѣть; когда шв. з. дѣлалъ, держ. 1 раб.	ок. 7 р. + за отдѣлку зам. дѣв. получ. до 1 р. 50 к.	—	Не закл. [1]).	«Если ломб. будетъ приним. въ закл. только на большіе суммы —для насъ бѣдныхъ толку не будетъ; намъ требуется не болѣе 10—15 р.; чаще всего по 5 р.».
83	шв. з. (въ то же время коваль). 4 сорта: 1) 2 р. дес. 2) 1 р. 70 к. дес. 3) 1 р. 50 к. дес. 4) 1 р. 40 к. дес.	8	3+½ (ж. черн.) (зам.) +1 (въ кузницѣ) +½ (дочь черн.)	—	Прежде 5–6 раб. держали: теперь сами иногда изъ кармана выплачиваемъ: дешевъ товаръ сталъ.	ок. 18 р.	всѣ кромѣ одного — сдѣльно ок. 1 р. 50 к., 1 раб.—понед. 1 р.; 80 к.; 1 раб. въ кузн — 70 к. ¼ (10 л.)—20 к въ нед.	Не закл.	—
84	шв. з. 1 р. дес.	7	1+2 (½)+½ (ж.)+¼.	—	Лѣтъ 15 назадъ имѣлъ 3 раб.; года 2 наз.—1 раб. [2]).	5 р.—6 р. [3]).	—	Заклад.	«Ломб. бы на широкую ногу пошелъ; теперь пойдешь къ закл., а у него иногда и денегъ нѣтъ; слѣдовало бы при ломб. и сбытъ устроить». «Артель (Зерн.) бы пошла, да люди то хороши для себя были, а не для другихъ. Въ сс. товар. не быдъ—боялся денегъ брать».
85	шв. з. 3 р.—3 р. 20 к. дес.	8	1+½ (ж.—черн.)+2(½)	1	Лѣтъ 15 назадъ—челов. 3 держалъ, а теперь все по одному.	6 р. 20 к.—7 р. 40 к.	1 р. 80 к. въ нед. на хоз. хар.	Не закл.	О ломб.: «когда потерпѣть съ товар. можно, то дороже продашь».
86	пл. з. 2 р. дес.	5	1	—	—	ок. 2 р. 20 к.	—	Не закл.	—
87	шв. з. 2 р. 70 к. дес.	7	3 [-3 (½) ж.		Прежде ребятъ держалъ, да братья работали, а теперь никакъ нельзя.	ок. 6 р.	—	Не закл	«Кабы сбыточный (скл.), хорошо бы, а этотъ (ломб.)—ровно все подъ опасностью».
88	шв. з.; переходитъ отъ сорта въ 70 к. къ сорту въ 1 р. 30 к. дес.	7	1+½ (братъ —въ людяхъ) +2 (½—ст.) 2 (¼).	—	Лѣтъ 10 наз. — 2 раб. было.	ок. 3 р.+ок 2 р. (старикъ на отдѣлку).	—	Закл. иногда.	—
89	шв. з. 1 р. 50 к. дес.	2	1	½ (15 л.).	Недавно самъ хозяйничаю: въ солдатахъ былъ.	ок. 4 р. 50 к.	попед. 90 к. на хоз. х.	Закл. (иногда).	—
90	шв. з. 4 р. дес.	4	1+½ (ж.—черн.).	—	2 раб. имѣлъ: года 3 перестали держать: «товаръ спизъ, не изъ чего держать».	ок. 3 р. 20 к	—	Не закл.	«Лучше бы всего складъ—по крайности, сбытъ бы былъ».
91	шв. з. 1 р. дес.	2	1+½ (ж.).	2 (½)	Прежде по 1 было, а теперь 2—всякo бываетъ:	?	попед.: 1 р. 25 к. на х. х.	Закл.	«Складъ бы лучше, а ломб.—кто его знаетъ».
92	склепн. з. 3 с. (1 р. 20 к. дес.; 1 р. дес.; 75 к.—70 к. дес.)	6	1+½ (ж.).	2 (½)	Имѣлъ прежде 2 раб., годъ назадъ—1 раб., а теперь не изъ чего держать.	ок. 4 р.	мальч. - 70 к. въ нед., дѣвочкѣ—40 к. въ нед.	Закл.	«Знамо бы лучше складъ товара (въ закладъ, вѣдь, и сейчасъ носимъ): зналъ бы одно мѣсто, наблюдалъ свою руку».
93	отдѣл. з. (жена —пилы зубр.).	9	½ (ж.) + ½ +2 (¼).	—	—	ок. 2 р. 50 к.; за зубреніе пилъ – 30 к.	—	—	—

[1]) «Наши замки въ закладъ отдавать не годится; разъ было понесъ 3 замка въ 9 р. къ Гр. (ростовщику), а онъ за нихъ 1 р. 50 к. далъ: говоритъ, цѣны дорогимъ не знаемъ».

[2]) «Трудно порядочнаго рабочаго найти, а все бы въ разсчетѣ былъ; вотъ только помѣщенія нѣтъ; да и пониженіе цѣнъ большое».

[3]) Разводитъ канареекъ.

№№ хозяйствъ.	Сортъ и цѣна выдѣлываемаго замка.	Число членовъ семьи.	Рабочій составъ семьи.	Число наемныхъ рабочихъ и учениковъ.	Измѣненія въ числѣ наемныхъ рабочихъ.	Величина недѣльной выручки семьи.	Заработная плата наемнымъ рабочимъ.	Закладываются ли издѣлія или нѣтъ?	Смѣсь (бытовыя подробности, отношеніе кустаря къ проектируемымъ мѣрамъ помощи и т. п.).
94	шв. з. 1 р. 70 к. дес.	2	1+½ (ж.).	—	—	ок. 5 р. 44 к.	—	Не закл.	—
95	скл. з. 1 р. дес.	3	½+½+¼.	—	Лѣтъ 20 назадъ было 2 чел. раб.	ок. 2 р. 50 к.	—	Закл.	—
96	склеп. з. 3 с. {1 р. 50 к. дес.; 1 р. 20 к. дес.; 1 р. 10 к. дес.	3	1+½ (ж.) +½.	½ (17 л.)	—	ок. 3 р. (?).	понед.: 2 р.	Закл.	«Складъ бы важнѣе намъ, а то, пожалуй, клади товаръ (въ ломб.), онъ только ржавить станетъ».
97 [1]	шв. з. 4 с. {отъ 60 к. до 2 р. 50 к. дес.	9	3+½.	—	Лѣтъ 20 назадъ отъ 4 до 6 раб. было; въ прошл. году 1 рабоч. былъ [2].	ок. 6 р. дочь на собину 80 к.	—	Не закл.	«Открывайте лавки по всѣмъ городамъ, и губернскимъ (торговцамъ) носъ утрете, и павловскимъ; и товаръ почище будетъ, и мастерамъ не обидно». «Склад. артель не задалась, потому что въ дурныя руки дали, а Зерновъ (основатель) толковый былъ. И со. тов. не правильно пошло (не слѣдили за нимъ—провѣрки не было)».
98	секр. з. 2 р. 20 к. дес.	5	1+2 (½) (м. и ж.).	—	Нельзя на нашъ замокъ заводить рабочихъ.	ок. 2 р. 20 к.	—	Не закл.	«Еслибы складъ завели, да образцовъ повыписали, всего бы лучше было; и ломбардъ ничего». «Полежитъ, полежитъ, да и понесешь къ скупщику: богатый мужикъ можетъ выдержать, а бѣдный—нѣтъ». «Ломб. завалимъ (товаромъ)».
99	рѣпч. з. 1 р. —	6	½ (д. 14 л. на себя отд.)	—	2—3 имѣлъ раб.— послѣ турецк. комп.	ок. 3 р. 50 к., за отд. 1 р.—	—	Заклад.	«Въ глухое время насъ жмутъ, а еслибы переждать могли (ломб.), то и цѣны бы выше были».
100	секр. (т.) з. 1 р. 50 к.—1 р. 60 к. дес.	5	1+½ (ж.).	—	2 раб. имѣлъ: перест. держать черезъ годъ послѣ турецк. комп. (не изъ чего держать).	2 р. 50 к.— 2 р. 70 к.	—	Заклад.	(Складъ) «совсѣмъ бы важно было; и товаръ былъ бы лучше (посматривали бы за нимъ»).
101	балаг. з. по 55 к.—52 к. за штуку и друг.—въ разн. цѣны.	4	1+½ (ж) [3].		Передъ тур. комп. им. 2 рабоч. (какъ товаръ палъ въ цѣнѣ, такъ и не стало расчета держ. раб.) [4].	(1 р. 50 к. ?).	—	Не закл.	«Сс. тов. не удалось, потому что народъ то неграмотный, учета не было надъ правленіемъ: что хотѣло правленіе, то и дѣлало. Денегъ растрачено много». «Если бы казенный ломб., то хорошо бы; хорошо бы также, еслибы была и *казенная* продажа *муки*, а то торговцы много наживаютъ». «Лучше пользуйся казна, а не богатый мужикъ».
102	склеп. з. 4 р. 50 к. дес.	4	1+1+½ (ж.)	—	Когда тульск. з. дѣл., им. учениковъ (не изъ чего держ., хорошій не пойдетъ, а маленькій не сможетъ).	?	—	Закл. у сосѣд.	«Ломб. хорошее бы дѣло; мало мы знаемъ», «мы люди маленькіе».
103	шв. з. 60 к. дес.	4	1+¼ (с. 13 л.) +½ (ж. отд.).	—	—	всего ок. 2 р. 40 к.+80 к.= 3 р 20 к.	—	Заклад.	«Въ сс. тов. Хворова баллотировался, да не приняли, потому, молъ, что мы люди бѣдные, а тамъ люди состоятельные; да растащили, пропили. Учета не было никакого. Въ артели — проѣздили и пропили деньги». «Вновь можно бы устроить складъ для сбыта товара. «Трудно сказать, что лучше, складъ или ломб.».

[1]) И мастерствомъ занимается, и торгуетъ своимъ товаромъ.
[2]) Рабочихъ не держимъ, много торгуемъ, да хорошій мастеръ и не пойдетъ въ рабочіе.
[3]) Жена на людей работаетъ: валенки починяетъ.
[4]) «Больно много деревень стало работать; не успѣваютъ, должно быть, продавать товаръ, цѣны падаютъ.

№№ хозяйствъ.	Сортъ и цѣна выдѣлываемаго замка.	Число членовъ семьи.	Рабочій составъ семьи.	Число наемныхъ рабочихъ и учениковъ.	Измѣненія въ числѣ наемныхъ рабочихъ.	Величина недѣльной выручки семьи.	Заработная плата наемнымъ рабочимъ.	Закладываются ли издѣлія или нѣтъ?	Смѣсь (бытовыя подробности, отношеніе кустаря къ проектируемымъ мѣрамъ помощи и т. п.).
104	зам. т. 1 р. 80 к. дес.	3	2+1/2(ж.с)[1].	—	Имѣлъ до 15 рабоч. (теперь нельзя держать никакъ).	2 р. 25 к. + 4 р. 80 к. за отд.	—	Не закл.	«Сс. тов. предлагало мнѣ идти въ члены, да не пошелъ, зналъ, что ничего не будетъ: люди не годные, а тамъ круговая порука; плати еще за другихъ».
105	шв. з. 1 р. 50 к. дес.	2	1+1/2 (ж.).	—	Имѣлъ лѣтъ 5 назадъ 1 раб. (товаръ дешевъ—не изъ чего держать).	ок. 6 р. 40 к.	—	Не закл.	Конечно хорошо бы ломб. устроить. Объ артели и сс. тов.: «мы до этихъ дѣловъ не доходили».
106	шв. з. 55 к. дес.	6	1+1/2 (ж.).	—	—	ок. 4 р. 15 к.	—	Не закл.	«Еслибы ломб. былъ, не несли бы товаръ во что бы то ни стало скупщикамъ; а теперь, нужда придетъ, и продешевишь (а въ закладъ—ни почемъ)».
107	покрыв. рѣпч. м. з. на вдову Шлякову.	2	1	—	—	ок. 2 р. 90 к.	—	—	—
108	шв. з. 55 к.—60 к. дес.	3	1+1/2 (ж.).	—	—	2 р. 86 к. [2]).	—	Не закл. (шуринъ поддерживаетъ).	Ломб.: слухъ то доходилъ; мы и слушаемъ; радуемся этому дѣлу; поддержка выходитъ; у насъ хлопоталъ одинъ (Штанге, что ли, его зовутъ)».
109	шв. з. 75 к.—80 к. дес.	5	1+1/2 (ж.).	—	—	2 р. 60 к.—2 р. 10 к [4])	—	Не закл. (часто бер. въ жел. лавкѣ).	«Ни въ артели, ни въ сс. тов. не былъ: да развѣ насъ бѣдныхъ приняли бы»; «тамъ, что посостоятельнѣе».
110	шв. з. 50 к.—40 к. дес.	4	1+1/2 (ж.). +1/2(с. 17 л.) +1/2(д. 15 л.).	—	Имѣлъ 2 раб. (не держитъ, свои подросли, да и разсчета нѣтъ: дѣла хуже идутъ).	4 р.—6 р. 60 к.	—	Закл. рѣдко, больше кред. въ жел. лавкѣ—по знак. безъ %.	Ломбардъ: сомнительно;—положишь товаръ, заржавѣетъ, все сердце болитъ; вотъ если бы продавали товаръ намъ, другое дѣло. «Пошелъ было въ товарищество, да не приняли—Богъ знаетъ почему».
111	шв. з. 75 к.—70 к. дес.	8	3	—	Былъ 1 раб.; теперь не изъ чего держать.	4 р. 90 к.—5 р. 65 к.	—	Заклад. (не часто).	Скл. артель — не знаетъ: о ломб.—«какъ сказать, чай, мнѣ хорошо».
112	шв. з. 60 к.—70 к. дес.	7	1+1/2 (ж.) +1/2(д. 16 л.).	—	Лѣтъ пять назадъ—4 раб. (товаръ дешевъ сталъ,—не изъ чего держать).	ок. 3 р. 25 к.	—	Закл. (почти кажд. нед.)	Ломб.: «хорошее дѣло, кабы о насъ позаботились». О скл. арт. мало знаетъ.
113	шв. з. 70 к. дес.	4	1+1/2 (ж.) +1/2 (с. 16 л.).	1 уч. (11 л.)	Лѣтъ 15 наз.—2—3 раб. (не изъ чего держать).	ок. 4 р. 80 к.	изъ хлѣба.	Заклад. (не часто).	Ломб.: «на что бы лучше, ваше степенство, да не чаемъ уже, не вѣрится». Про склад.-артель слышалъ, да не имѣлъ дѣла съ ней («Тамъ принимали по состоянію — на баллотировку»).
114	шв. з. 70 к.—75 к. дес.	5	1+1/2 (ж.).	—	—	ок. 3 р. 50 к.	—	Не закл. (если нужно, беретъ въ жел. лавкѣ — безъ %).	«Ломб.,—хорошо, если только % будутъ брать не большіе; а то товаръ-отъ процентами обростетъ, да заржавѣетъ,—а потомъ все одно скупщику нести».
115	шв. з. 1 р. 30 к. дес.	6	1+1/2(ж. отд. на стор.)+1/4 (с. 12 л.).	—	—	(?) ок. 3 р. 40 к., + ж. отдѣл. ?	—	Не закл.	—
116	т. винт. з. 85 к.—70 к. дес.	5	1+1/2 (ж.) +1/2	2	Прежде не было—съ отцемъ работалъ.	слишк. 4 р. (?).	издѣльно: на х. х. по 1 р. съ 100 (сдѣл. 40—120 з.).	Иногда закл.	«Не знаемъ, хорошо ли было бы; вѣдь былъ у насъ складъ; кто былъ членомъ правленія, тотъ и пользовался; а другіе то и пользы не получили; ломб. хорошо». «Если бы ссуда была (говоритъ

[1]) Сынъ съ женой занимаются отдѣлкой замковъ на Кучерова—зараб. вдвоемъ ок. 4 р. 50 к. въ нед.
[2]) Печь не топятъ.
[3]) Своего дома нѣтъ: наним. по 1 р. 40 к. въ мѣсяцъ.
[4]) «Хозяинъ лавки то бѣдный человѣкъ самъ былъ, ну и понимаетъ».

№№ хозяйств.	Сортъ и цѣна выдѣлываемаго замка.	Число членовъ семьи.	Рабочій] составъ семьи.	Число наемныхъ рабочихъ и учениковъ.	Измѣненія въ числѣ наемныхъ рабочихъ.	Величина недѣльной выручки семьи.	Заработная плата наемнымъ рабочимъ.	Закладываются ли надѣлія или нѣтъ?	Смѣсь (бытовыя подробности, отношеніе кустаря къ проектируемымъ мѣрамъ помощи и т. п.).
									работникъ), то былъ бы самъ хозяиномъ». «Кто знаетъ, лучше-ли—говоритъ хозяинъ—задолжаемъ тамъ, да тутъ; вотъ кабы сбытъ былъ.
117	тул. в. а. 50 к. дес.	7	1 (с.)+1/2 (ж. м.)+1/2 (д.), +1/2 (с.)+1/4 (мал. с.).	—	—	ок. 3 р.	—	Не закл.	(Не слыхали).
118	шв. з. 2 р. 50 к. дес.	8	1+1/2(д.)+1/2 (ж.)+1/2 (с.) +1/2 (д.).	—	Имѣлъ до 3 раб. (нѣтъ разсчета).	1 р. 66 к.—2 р. 66 к., 2 доч. обтир.: одна на 50—60 к. въ нед.; друг.—меньше [1]).	—	Заклад.	«Ломб. отъ скупщиковъ не избавитъ; всего лучше бы складъ. Артели самимъ кустарямъ не устроить; и грамотныхъ то нѣтъ, да и знающій человѣкъ нуженъ».
119	шв. з. 1 р. дес.	4[2])	1+1/2 (ж.).	—	Имѣлъ 2 рабоч. (нѣтъ разсчета—не хват. кормить да платить).	ок. 3 р.	—	Заклад.	Ломб. хорошо устроить; коммиссіон. еще бы лучше. Артелями работать не приходится: всякій норовитъ работать своей семьей; была артель, да—плохо: растащили.
120	шв. з. 55 к. дес.	4	1+1/2 (ж.).	—	—	ок. 2 р. 25 к.	—	Рѣдко закл.	(Не поним.).
121	шв. з. 1 р. 50 к.—1 р. 60 к. дес.	4	1+1/2 (ж.). +1/2 (плем. 15 л.).	—	Имѣлъ 1 рабоч. (не разсчетъ: раб. нужно и накормить, и отдыхъ дать, да и товаръ дешевъ).	3 р.—3р. 50 к.	—	Заклад.	Слышали о ломб.: «ничего бы для насъ».
122	шв. з. 60 к. дес.	6	2+1/2(с. 14 л.) + дочь раб.	—		2 р.+д. насоб. (50 к.—1 р.; за [illegible] 50 к.—60 к.	—	—	Всего бы лучше такъ: складъ бралъ бы товаръ и давалъ ссуды подъ залогъ товара скупщики, бы ней артели не было толка, потому что старшаго не было, каждый и бралъ, что хотѣлъ, а то—склад. артель хорошее дѣло.
123	секр. з. 2 р. 50 к. дес.	6	1+1/2 (ж. отдѣл.)+1/2 (15 л. д.).	—	— [3])	ок. 4 р.	—	Не закл.	(Ломб.): «можно, можно бы, ничего; на это бы можно согласиться то».
124	секр. з. 2 р. 80 к. дес.	8	1+1/2 (ж.) +1/2(д. 14 л.).	—	— [5])	4 р. 40 к.—6 р. 10 к.	—	Никогда не закл. [4]).	—
125	шв. з. 90 к.—95 к. дес.	3	1+1/2 (ж.).	—	—	2 р. 80 к. [6]).	—	Заклад.	«Не слыхалъ о ломб.».
126	шв. з. 1 р. дес.	2	1+1/2 (ж.).	—	Братъ работалъ.	2 р. 50 к.	—	Закл. («случается»).	«Не мѣшало бы» (о ломб.) складъ «ужъ чего бы лучше», объ арт. не помнитъ.
127	шв. з. 4 р. дес.	6	1+1/2 (ж.).	—	— [7])	3 р.	—	Закл. (нарѣдка).	Ломб.: «полезно бы было—цѣны бы можно было настоять»; на замѣч. одного изъ присутствующихъ: «знамо бы лучше складъ».
128	тульск. в. з. разн. сорта, б. ч. 2 р. 50 к.—2 р. 70 к. дес.	5	1+1/2 (ж. черн.).	—	Лѣтъ 10 назадъ—1 раб. (теперь: не изъ чего держать).	3 р. 75 к.	—	Заклад.	—
129	мѣд. рѣпч. з. раб. на хоз.—60 к. со 100 з.	6	1+1/2(с.14 л.) +1/4 (12 л. с.)	—	—	6 р.—6 р. 50 к. [8])	—	—	
130	шв. з. 1 р. 30 к. дес.	4	1+1/2 (ж.) +1/4(13 л. д.).	—	Лѣтъ 5 назадъ—шуринъ работалъ.	2 р. 50 к.—2 р. 75 к.	—	Заклад.	«Конечно, еслибы ломб., то вольнѣй—я бы могъ съ Щевелева (скупщикъ) сейчасъ копѣйку на-

[1]) Только что перемѣнилъ сортъ замковъ и не можетъ приспособиться къ новому сорту.
[2]) Сынъ (14 л.) учится; «готовимъ въ народные учителя».
[3]) «Замокъ тщательный; и такъ ужъ сбыта нѣтъ, а разучатся (рабочіе)—еще хуже».
[4]) На одного скупщ. работаютъ (Самойлова).
[5]) «Никто не сумѣетъ такихъ (замковъ) сработать—напакоститъ».
[6]) За квартиру—1 р. въ мѣс.
[7]) «На нашъ сортъ (крупный) работника нѣтъ».
[8]) Хозяинъ Коревъ—(челов. 20 на него работ.).

№№ хозяйствъ.	Сортъ и цѣна выдѣлываемаго замка.	Число членовъ семьи.	Рабочій составъ семьи.	Число наемныхъ рабочихъ и учениковъ.	Измѣненія въ числѣ наемныхъ рабочихъ.	Величина недѣльной выручки семьи.	Заработная плата наемнымъ рабочимъ.	Закладываются ли издѣлія или нѣтъ?	Смѣсь (бытовыя подробности, отношеніе кустаря къ проектируемымъ мѣрамъ помощи и т. п.).
									стоять—теперь мнѣ поддержаться нечѣмъ, если не продамъ недѣлю». На замѣч. Бар., соглаш.: «складъ вѣрнѣе бы». «Ужъ это мы не можемъ себѣ ничего помочь; если безъ добрыхъ людей, ничего не сдѣлаешь.
131	шв. з. 70 к.—75 к. дес. [1]).	5	1+½ (ж.).	1 уч. (13 л.)	Самъ недавно работалъ.	ок. 3 р. 50 к.	испед. 1 р. на х. х.	Заним. безъ проц.	Складъ: кто его знаетъ какъ...
132	шв. з. 90 к.—1 р. за дес.	5 [2])	1+½ (с. 14 л.).	1	—	ок. 2 р.—1 р. 50 к.	временно: изъ хлѣба (пищій).	Не заклад. (безъ % зап. въ ж. лавки).	«Не могу знать, подойдется или нѣтъ» (рѣчь шла о «ломбардѣ» и «складѣ».
133	шв. з. 1 р. 20 к. дес.	5	1+½ (ж.).	2 уч. (15 и 11 л.)	Имѣлъ 1—2 раб. (не доводится теперь).	ок. 3 р. 30 к.	1) 15 л.—30 к. въ нед. на х. х.; 2) 11 л. изъ хлѣба — годовой.	Рѣдко закл.	*Складъ*: «ничего, если цѣны подходящія будутъ»; ломб.: и это бы ничего, хотя рѣдко (закладывать) доводится» «всяко случается».
134	секр. з. 1 р. 80 к.—2 р. дес.	7	2+½ (д.—з. отд.)+¼ (с. 12 л.).	—	Не имѣлъ (зам. ни почемъ).	ок. 5 р.	—	Заклад. (постоянно).	«Ломб. хорошо» — хотя бы и меньше давали [3]). «Складъ больно бы хорошо». Объ арт. и сс. тов. никак. представленія («не помню, отецъ былъ»).
135	мѣдн. з. покрыв. на Рыженькова (хозяйчикъ).	3	1+½ (ж.).	—	—	3 р.—3 р. 60 к.	—	—	Отвѣчаетъ одному изъ присутствующихъ кустарей: «Нѣтъ, Василій, не говори: какъ устроить складъ, такъ можетъ самъ хозяиномъ станешь».
136	плотск. з. 60 к.—65 к. штука.	3	1+½ (ж.).	—	Имѣлъ 1 раб. (теперь равеч. нѣтъ).	ок. 5 р. 25 к.	—	Не закл.	«Если бы на одно мѣсто работалъ (складъ), лучше [illegible] чего; вѣдь у насъ есть и опричь насъ; для меня хоть и не надобенъ, да для другихъ сдѣдуетъ сдѣлать».
137	шв. з. 28 к. шт.,—1 р.—2 р. шт. [4])	—	—	5 (гр. того: на сторону отдѣл. 2—32).	—	—	—	—	—
138	шв. з. и бал. з., шв. з.—1 р. 20 к. дес. [5]).	7	2+½ (д. отд з).	—	—	отецъ—ок. 1 р. 70 к., с.—3 р. 70 к. дочь—рѣдко 60 к.	—	Не закл.	Объ артели: «въ то время въ людяхъ работалъ, да все боялся, какъ бы не обидѣли: не связывался».
139	шв. з. 6 р. дес.	6	1 + ½ (д. черн.) + ½ (отдѣл. себѣ на прод.).	—	Имѣлъ. Какъ во время тур. комп. товаръ то понизился, такъ и пересталъ держать — прежде 3—4—5 раб.	ок. 5 р. 40 к.; ва отдѣлку иногда 20 к. въ день придется, иногда и нѣтъ.	—	Кажд. недѣлю въ закладъ посимъ.	«Былъ въ склад. товарищ.: не подошло и не подошло; товаръ понизился; не такъ его повели». О ломб: «говорилъ вем. нач. на сходѣ, да не видно, будетъ ли польза». Складъ бы лучше
140	шв. з. 4 р. 50 к. дес.	5	1	1+½ учен. (16 л.)	Не имѣлъ (былъ прежде ковалемъ).	(?) ок. 4 р. 50 к.	1) попед. 1 р. 50 к. въ нед. 2) за отд. по 5 к. съ зам.—1 р. 20 к. въ нед	Не закл.	«Вотъ бы что, товарищъ, не знаю какъ васъ звать: носите въ закладъ хоть 1 к. съ 1 р. въ мѣсяцъ, не подойдетъ намъ—*порядочнымъ* людямъ; а банка бы была, всѣ бы пошли, ни одинъ бы не продалъ торговцамъ, хорошо бы, какъ артель Зернова — «присмотра только не было, надо руки хорошія, знать, какъ покупать».
141	шв. з. 90 к. дес.	8	1+½ (ж. отд. и черн.)+¼ (с. 16 л.) ½ (д. 14 л. отд.) +¼ (д. 9 л. отд.).	—	—	(?) ок. 2 р. 60 к.; ж. и д. отд. на 70 к. въ нед.	—	Заклад.	«Знамо лучше, кабы устроить ломб.».

[1]) «Все деревенскіе то цѣны сбили».
[2]) 1 дѣвочка учится въ людяхъ.
[3]) «Лобк. (ростовщица) по всей цѣнѣ даетъ.
[4]) Кулакъ—мастеръ; никакихъ показаній не даетъ. Держитъ въ своихъ рукахъ сосѣднихъ мастеровъ, на него работающихъ изъ его матеріала.
[5]) Отецъ—дѣлаетъ черными (т. е. вчернѣ) балаг. замк. на Ѳедотова, на Макѣева; сынъ—на базаръ шв. з.—1 р. 20 к дес.

№№ хозяйствъ.	Сортъ и цѣна выдѣлываемаго замка.	Число членовъ семьи.	Рабочій составъ семьи.	Число наемныхъ рабочихъ и учениковъ.	Измѣненія въ числѣ наемныхъ рабочихъ.	Величина недѣльной выручки семьи.	Заработная плата наемнымъ рабочимъ.	Закладываются ли издѣлія или нѣтъ?	Смѣсь (бытовыя подробности, отношеніе кустаря къ проектируемымъ мѣрамъ помощи и т. п.).
142	шв. з. иногда по 3 р. за шт., а то и простенькіе 2 р. 25 к., 1 р. 25 к. за шт.	5	1+½(ж.отд.) ¼ (с. 10 л.).	—	—	ок. 3 р. 20 к.; за отд.—35—40 к.	—	Заклад.	«Еслибы «сбыточный ломб.» былъ, чего бы лучше».
143	глава семьи у Карач. раб. замки; семья на Карач. отдѣлыв. замки (шв.).	7	1+¾ (ж.) +2 (⅞) (д).	—	—	у Кар. ок. 2 р.; да за отд.—1 р. 80 к.	—	—	—
144	конп. в. [1]) 2 р. 20 к., 1 р. 80 к. 1 р. 60 к. дес.	4	1+⅓ (ж.).	—	[2]) Имѣлъ чел. 5—7, лѣтъ 20 назадъ (и деревенскіе одолѣв.)	(?) ок. 3 р. 80 к.	—	Заклад.	«Ломб. поддержалъ бы насъ, время выждали бы: у насъ товаръ не ровно идетъ». «Если бы складъ былъ намъ бы къ богатому мужику и лѣзть нечего было; ужъ лучше и быть бы не надо. И имъ (скупщ.) торговать бы легче было; цѣны ровнѣе были». Я было сначала записался въ сс. тов., да ушелъ; увидѣлъ, что путнаго ничего не выйдетъ: нѣтъ правительства то хорошаго».
145	секр. в. 1 р. 70 к. —1 р. 80 к. дес.	7	2+½ (д. подсобл.).	—	—	ок. 6 р. 20 к.	—	—	«Оно подошло бы, кабы только не ломб. (у насъ выдержать то не чѣмъ, копѣйка на копѣйку.

ТРЕТІЙ ТОМЪ „КАПИТАЛА“ [1]).

(Съ нѣмецкаго).

I. Общій очеркъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ выхода второго тома «Капитала», нѣкій юный редакторъ одной старой южно-германской газеты писалъ въ редакцію марксистскаго органа, что, по его мнѣнію, молчаніе послѣдняго объ этомъ сочиненіи вполнѣ понятно и похвально, — «было безсовѣстно сметать въ одну кучу обрывки старыхъ разсчетовъ въ кабинетѣ Маркса и подсчитывать итоги». Хотѣлъ ли этотъ господинъ (титулъ доктора свидѣтельствовалъ объ успѣшномъ зачетѣ имъ нѣсколькихъ университетскихъ семестровъ) выказать этимъ своимъ остроумнымъ замѣчаніемъ просто свою полнѣйшую неспособность и нежеланіе читать научныя работы вообще, это—вопросъ открытый. Дюжинному газетчику, разумѣется, пришлось разочароваться, когда во второмъ томѣ оказалось такъ мало пригоднаго для непосредственнаго домашняго употребленія въ редакціи, такъ мало такихъ вещей, которыя достаточно просто съ спокойной совѣстью испортить стилистически, чтобы получить матеріалъ для соціально-политическихъ передовицъ; нельзя же въ самомъ дѣлѣ отъ людей съ университетскимъ образованіемъ требовать чего нибудь большаго, чѣмъ квалифицированнаго списыванія! Рудольфъ Мейеръ саркастически упрекалъ какъ-то нѣсколько лѣтъ тому назадъ нѣмецкихъ катедеръ-соціалистовъ, что они читали «Капиталъ» только «подъ чертой» (т. е. примѣчанія), но за то тѣмъ усерднѣе списывали эту часть. А во второмъ томѣ нѣтъ прежде всего примѣчаній,—нужно ли еще какое нибудь доказательство того, что издатель II-го тома оказался безсовѣстнымъ человѣкомъ.

Мы вовсе не намѣрены, однако, отрицать, что второй томъ «Капитала» значительно уступаетъ первому по интересу. И это не только потому, что

[1]) Считая безусловно необходимымъ познакомить читателей съ III-имъ томомъ «Капитала», мы помѣщаемъ эту статью, хотя она излагаетъ, къ сожалѣнію, не всю книгу: опущенъ одинъ изъ наиболѣе интересныхъ отдѣловъ (шестой), содержащій ученіе Маркса о поземельной рентѣ. При первой возможности мы постараемся восполнить этотъ пробѣлъ. *Изд.*

онъ является незаконченнымъ. Это зависитъ отъ того предмета, о которомъ онъ трактуетъ, и который несравненно менѣе доступенъ, несравненно менѣе, если можно такъ выразиться, осязателенъ, чѣмъ предметъ перваго тома, и непосредственно затрогиваетъ интересы несравненно меньшей части общества, чѣмъ тотъ. Первый томъ даетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ спеціальнымъ предметомъ, который онъ излагаетъ, фундаментъ и контуры всего сочиненія; онъ намѣчаетъ широкія перспективы въ самыхъ различныхъ направленіяхъ; въ то же время его спеціальный предметъ, *процессъ производства* капитала, представляетъ самый непосредственный интересъ для девяноста девяти сотыхъ общества. Онъ ведетъ насъ въ мѣста производства капитала, показываетъ намъ ихъ исторію, ихъ сущность и механизмъ, ихъ техническія и экономическія тайны и развертываетъ передъ нами ту классовую борьбу, которая тамъ коренится. Центральный пунктъ этой книги образуетъ *рабочій* и его орудіе, ея сигнатура—*фабрика*.

Продолжая эту метафору, мы должны сказать, что второй томъ ведетъ насъ въ *контору*, т. е. онъ относится къ первому, какъ бухгалтерская часть къ фабрикѣ. А вѣдь не надо быть южно-германскимъ демократомъ (Volksparteiler), чтобы считать бухгалтерію довольно скучнымъ дѣломъ. Ея никто не любитъ. Тѣмъ не менѣе, какъ всякій знаетъ, она—очень важный членъ капиталистическаго организма. Впрочемъ, это сравненіе слѣдуетъ понимать, разумѣется, съ нѣкоторыми весьма существенными оговорками. Тѣ проблемы, которыя обсуждаются во второмъ томѣ,—вопросы объ обращеніи трехъ видовъ капитала: денежнаго, производительнаго и товарнаго капитала, о рабочемъ періодѣ, о періодѣ производства, о времени оборота,—такъ же мало составляютъ исключительное достояніе конторы, какъ и вопросы о рабочемъ времени и заработной платѣ. Онѣ только въ большей мѣрѣ даютъ занятіе конторѣ; бухгалтерія играетъ въ нихъ сравнительно большую роль, — особенно въ томъ вопросѣ, около котораго вертится все изслѣдованіе; вопросъ этотъ—обратное дѣйствіе указанныхъ процессовъ на реализацію сверхстоимости. Какія по истинѣ блестящія изслѣдованія содержитъ эта часть великаго сочиненія, оставшаяся, къ сожалѣнію, неоконченной,—излагать это здѣсь не мѣсто [1]). Отмѣтимъ только, что тотъ, кто не понялъ втораго тома, не поймётъ вполнѣ и III-ьяго.

---

[1]) Подробный очеркъ содержанія и значенія II-го тома «Капитала» далъ Карлъ Каутскій въ 1885 году, въ журналѣ «Neue Zeit». Не зная ничего о вышецитированномъ письмѣ, Каутскій показалъ однако тамъ (с. 164), почему эта книга разочаруетъ тѣхъ, «кому не понятно, чтобы можно было писать о политической экономіи безъ демагогическихъ заднихъ мыслей».

Онъ ведетъ насъ—будемъ развивать наше сравненіе—чрезъ посредство конторы въ суету развитой капиталистической торговой жизни. Его сигнатура—*рынокъ*. Но не простой рынокъ товаровъ, а теперь уже рынокъ *капиталовъ*. Борьба за прибавочную стоимость идетъ уже не между капиталистами, а между различными *категоріями* капитала. Экономическую борьбу принято называть конкуренціей, и съ ней то намъ и приходится много разъ имѣть здѣсь дѣло. Но Марксъ лишь тогда позволяетъ себѣ пользоваться этимъ конькомъ вульгарной экономіи, когда рѣчь идетъ о характеристикѣ особыхъ, производныхъ формъ конкуренціи: его изслѣдованіе вращается около болѣе глубокихъ вопросовъ распредѣленія сверхстоимости, около такихъ явленій, которыя происходятъ за спиной конкуренціи или скрыты подъ ея поверхностью,—которыя, если не подчиняютъ себѣ всецѣло конкуренціи, то все-таки существенно направляютъ ее и при случаѣ ограничиваютъ.

Такъ какъ изображеніе борьбы за распредѣленіе сверхстоимости должно въ высшей степени привлечь вниманіе всѣхъ, интересующихся хозяйственными проблемами и понимающихъ въ нихъ хоть что нибудь, то отсюда уже само собой слѣдуетъ, что на долю III-го тома достанется большая популярность. Но эту популярность обезпечиваетъ за нимъ не только его предметъ. Несмотря на то, что и онъ не законченъ, представляя лишь грубую обдѣлку того, что хотѣлъ создать изъ него Марксъ,—его изслѣдованія такъ многосторонни, они распространяются на такую широкую область, полны столь новыхъ и глубокихъ замѣчаній о капиталистической системѣ хозяйства, онъ дастъ такое обиліе непосредственно пригоднаго и увлекательнаго матеріала, что эта книга опять сдѣлается основнымъ источникомъ по своему предмету и руководствомъ, въ которомъ каждый найдетъ полезное для себя—и теоретикъ, и практикъ, даже еслибы этотъ послѣдній былъ Doctor juris.

Прежде чѣмъ мы станемъ подробно разбирать содержаніе самой книги, посвятимъ нѣсколько словъ предисловію и работѣ издателя. Было бы почти банальностью говорить о величинѣ заслуги, которую снискалъ Фридрихъ Энгельсъ передъ рабочимъ классомъ и, — мы имѣемъ право это сказать,—передъ наукой тщательной и добросовѣстной обработкой книги; еще менѣе стоитъ тратить слова о заслугахъ самого К. Маркса. Здѣсь факты говорятъ такъ ясно, что каждое лишнее слово признанія или благодарности можетъ только ослабить впечатлѣніе. Энгельсъ самъ лучше всѣхъ долженъ знать, что онъ далъ намъ изданіемъ этой книги.

Предисловіе позволяетъ намъ еще разъ бросить взглядъ въ духовную мастерскую К. Маркса, представляя намъ отчетъ объ употребленіи рукописей и набросковъ къ третьему тому «Капитала», оставленныхъ Марк-

сомъ. Уже предисловіе ко второму тому показало намъ, какъ добросовѣстно относился Марксъ къ своей задачѣ, какъ онъ постоянно все дальше и дальше учился, чтобы быть на высотѣ современной науки и не оставлять безъ вниманія ни одного существеннаго явленія и какъ онъ постоянно улучшалъ форму, будучи по меньшей мѣрѣ такъ же строгъ къ самому себѣ, какъ къ кому бы то ни было изъ своихъ современниковъ или предшественниковъ. Рукопись, лежащая въ основаніи значительной части третьяго тома, относится къ 1864 и 65 гг.; притомъ нужно замѣтить, что Марксъ уже въ годы съ 1861 по 63 составилъ обширную рукопись, касающуюся большинства обсуждаемыхъ здѣсь предметовъ, въ видѣ продолженія къ его сочиненію «Zur Kritik der Politischen Oekonomie». Съ измѣненіемъ плана сочиненія онъ совершенно оставилъ эту рукопись и занялся новой обработкой предмета; но и на ней Марксъ не остановился и постоянно искалъ новаго матеріала, чтобы сдѣлать изложеніе возможно полнымъ. Такъ, мы узнаемъ отъ Энгельса, что Марксъ въ 70-хъ годахъ тщательно изучалъ русскую литературу, относящуюся къ вопросу о поземельной рентѣ, и знакомился съ оффиціальными статистическими и другими изслѣдованіями русскаго правительства, для чего и изучилъ русскій языкъ. Онъ имѣлъ въ виду привести *Россію* съ ея разнообразными формами землевладѣнія и эксплуатаціи земледѣльческаго производителя въ качествѣ классической страны для иллюстраціи вопроса о поземельной рентѣ подобно тому, какъ Англія служила иллюстраціей вопроса о заработной платѣ. Къ сожалѣнію, этотъ планъ остался невыполненнымъ, и только нѣкоторыя при случаѣ брошенныя замѣчанія показываютъ намъ, какъ сильно мы должны сожалѣть, что болѣзнь и преждевременная смерть не дали Марксу выполнить задуманную обработку собраннаго матеріала.

Работа Энгельса по подготовленію къ печати рукописи, или вѣрнѣе рукописей, была очень значительна; приходилось разгадывать намеки, брошенные Марксомъ въ отдѣльныхъ замѣчаніяхъ, и по возможности развивать ихъ; приходилось дополнять начатыя или лишь затронутыя разсужденія, или доводить ихъ до конца, сравнивать отдѣлы, имѣющіеся въ различной обработкѣ, и собирать вмѣстѣ относящееся къ одному предмету. Особенно много труда представила Энгельсу обработка V отдѣла, который въ 16 главахъ разбираетъ раздѣленіе прибыли на процентъ и предпринимательскую прибыль и связанные съ нимъ очень сложные вопросы о процентномъ капиталѣ, кредитѣ, фиктивномъ, банковомъ, денежномъ, заемномъ капиталахъ, драгоцѣнныхъ металлахъ и о вексельномъ курсѣ. Большая часть имѣвшейся по этому вопросу объемистой рукописи представляла, такъ сказать, совершенно сырой матеріалъ, болѣе или менѣе подробныя примѣчанія и выдержки безъ указанія на то,

какъ хотѣлъ авторъ группировать ихъ. Чѣмъ больше Энгельсъ старался пополнить пробѣлы, тѣмъ болѣе эти отдѣлы грозили потерять тотъ характеръ, который онъ и старался тщательно сохранить за книгой,—быть во всѣхъ существенныхъ частяхъ произведеніемъ Маркса. Энгельсъ поэтому долженъ былъ въ концѣ концовъ ограничиться тѣмъ, что расположилъ матеріалъ по возможности систематично и цѣлесообразно и только изрѣдка пополнялъ своими добавленіями.

Впрочемъ, хотя Энгельсъ самъ придаетъ своимъ собственнымъ добавленіямъ весьма небольшое значеніе, однако мы въ теченіе нашего разбора еще убѣдимся въ томъ, что они вовсе не второстепеннаго характера, а напротивъ, часто представляютъ въ высшей степени цѣнныя обогащенія книги.

Третій томъ состоитъ изъ семи отдѣловъ, изъ которыхъ первые три разбираютъ въ 15 главахъ превращеніе прибавочной стоимости въ прибыль и нормы прибавочной стоимости въ норму прибыли, превращеніе прибыли въ среднюю прибыль и законъ стремленія нормы прибыли къ пониженію. 4-й отдѣлъ разбираетъ въ пяти главахъ превращеніе товарнаго и денежнаго капитала въ товарно-торговый и денежно-торговый капиталы (Waarenhandlungskapital und Geldhandlungskapital); 5-й отдѣлъ, состоящій изъ 15 главъ, разбираетъ дѣленіе прибыли на процентъ и предпринимательскую прибыль, и процентный капиталъ. 6-й отдѣлъ—11 главъ—превращеніе сверхприбыли (Surplusprofit) въ поземельную ренту и, наконецъ, 7-й отдѣлъ,—5 главъ—разбираетъ виды доходовъ и соединенные съ этимъ вопросы. Въ общемъ, значитъ, 52 главы, заглавія которыхъ мы здѣсь не приводимъ, такъ какъ мы вернемся къ большинству изъ разбираемыхъ въ нихъ вопросовъ особо. Энгельсъ разбилъ 3-й томъ, въ виду его большого объема, на двѣ части, изъ которыхъ первая заканчивается 28-ой главой, а 2-я содержитъ главы отъ 29 по 52. Какъ уже упомянуто было, не всѣ главы одинаково обработаны, нѣкоторыя представляютъ скорѣе наброски или сводку матеріала и примѣчаній, чѣмъ законченное изложеніе. Но даже въ этихъ примѣчаніяхъ заключенъ огромный поучительный матеріалъ и имѣются драгоцѣнныя указанія для изученія соотвѣтствующихъ вопросовъ. Сверхъ ожиданія, отступленій въ область исторіи оказалось очень много; не такъ много, конечно, какъ мы были бы вправѣ ожидать, еслибы Марксъ самъ успѣлъ окончательно обработать весь собранный матеріалъ, но все-таки больше, чѣмъ многіе ожидали. Кто ищетъ историческихъ данныхъ, тотъ найдетъ въ III томѣ «Капитала» такую же богатую сокровищницу, какъ и тотъ, кто ищетъ анализа сложившихся формъ.

* * *

Въ первыхъ трехъ отдѣлахъ III тома мы находимъ рѣшеніе задачи о равенствѣ нормы прибыли—задачи, предложенной Энгельсомъ въ предисловіи ко II тому «Капитала» послѣдователямъ Родбертуса, — «какимъ образомъ можетъ образоваться равная средняя норма прибыли не только безъ нарушенія закона стоимости, но именно на основаніи его». Какъ Энгельсъ теперь констатируетъ, всѣ тѣ господа, которые во время появленія II тома объявляли Родбертуса экономической звѣздой первой величины,—всѣ они, безъ исключенія, не дали отвѣта. Этимъ самымъ, собственно говоря, осужденъ тогдашній безмѣрный культъ Родбертуса, или, вѣрнѣе, подтвержденъ приговоръ, который между тѣмъ въ теченіе какихъ нибудь девяти лѣтъ произнесло надъ нимъ время. Культъ этотъ исчезъ прежде, чѣмъ появился III томъ «Капитала».

Другіе экономисты, а не послѣдователи Родбертуса взялись за эту задачу и попытались найти рѣшеніе или памѣтить путь его. Во второй части предисловія Энгельсъ разбираетъ четыре относящіяся сюда статьи, помѣщенныя въ Конрадовскихъ Jahrbüchern гг. *В. Лексисомъ*, *Юліусомъ Вольфомъ*, *Ахилломъ Лоріа* и *П. Фиреманомъ*, работы *Конрада Шмидта* [1]) и брошюры доктора *Г. Штибелинга* [2]) по этому вопросу.

Изъ этихъ работъ статьи гг. Лоріа и Вольфа не подлежатъ обсужденію; оба господина — одинъ профессоръ въ Цюрихѣ, другой въ Мантуѣ—охарактеризовали себя своими «рѣшеніями» слѣдующимъ образомъ: грубое непониманіе Маркса, — мы выбираемъ самое мягкое выраженіе,— приводитъ г. Вольфа къ неимовѣрно нелѣпымъ положеніямъ о поставленной задачѣ, а г. Лоріа, со смѣлостью литературнаго bravo, выдумываетъ «*рѣшеніе*», которое по своей нелѣпости почти превосходитъ прежнія утвержденія этого господина о «*полной невозможности разрѣшить задачу*» и о *несуществованіи* не только рукописи II и III тт. «Капитала», но даже *намѣренія* Маркса написать эти книги. Г. Лоріа легко перенесъ изобличеніе въ отсутствіи малѣйшаго чувства приличія; мы позволяемъ себѣ сомнѣваться, чтобы онъ также легко перенесъ тотъ приговоръ, который этотъ разъ произноситъ надъ нимъ Энгельсъ.

Не подлежитъ также разсмотрѣнію то рѣшеніе, которое преподноситъ докторъ *Штибелингъ* и это потому, что оно основывается на гру-

---

[1]) Книга «Средняя норма прибыли на основаніи Марксова закона стоимости», появившаяся въ 1889 г. въ изданіи Дитца и статьи въ тетрадяхъ 4 и 5 «Neue Zeit» 92/93 гг.

[2]) Первая изъ этихъ брошюръ, заключающая мнимое рѣшеніе вопроса, появилась подъ заглавіемъ «Законъ стоимости и норма прибыли», изданная въ Нью-Іоркѣ Джономъ Генрихомъ

бой ошибкѣ: г. докторъ Штибелингъ предполагаетъ извѣстнымъ то, что онъ долженъ доказать.

Что касается г. профессора *Лексиса*, то онъ, какъ пишетъ Энгельсъ, далеко не рѣшилъ вопроса, но «въ общемъ *поставилъ его правильно*, хотя и въ расплывчатой и плоской формѣ». Впрочемъ онъ, кажется, и не пытался дать рѣшенія, а хотѣлъ только намѣтить путь къ нему. Энгельсъ говоритъ, что и того, что есть вѣрнаго въ его разсужденіяхъ, «нельзя было ожидать отъ человѣка, не безъ гордости причисляющаго себя къ вульгарнымъ экономистамъ». Энгельсъ дальше показываетъ, что «вульгарная экономія» Лексиса сильно смахиваетъ на переодѣтый марксизмъ.

Очень близко подошли къ рѣшенію *П. Фирманъ* и *Конрадъ Шмидтъ*, каждый своимъ путемъ. О *Шмидтѣ*, который впервые попытался дѣйствительно отвѣтить на вопросъ, Энгельсъ пишетъ, что онъ, почти достигнувъ цѣли, уклонился въ сторону, «потому что онъ считалъ нужнымъ найти математическую формулу, которая выразила бы соотвѣтствіе средней цѣны каждаго отдѣльнаго товара съ закономъ стоимости. Но хотя онъ тутъ, почти достигнувъ цѣли, сбился на ложный путь, тѣмъ не менѣе остальное содержаніе книги показываетъ, съ какимъ пониманіемъ онъ дѣлалъ дальнѣйшіе выводы изъ первыхъ двухъ книгъ «Капитала». Ему принадлежитъ честь самостоятельнаго открытія вѣрнаго рѣшенія задачи, оставшейся до сихъ поръ нерѣшенной: почему норма прибыли стремится къ пониженію. Объясненіе этого дано Марксомъ въ 3-мъ отдѣлѣ III-го тома; кромѣ того г. Шмидту принадлежитъ указаніе происхожденія торговой прибыли изъ производственной прибавочной стоимости и цѣлый рядъ замѣчаній о процентѣ и поземельной рентѣ, которыми онъ предвосхитилъ положенія, развитыя у Маркса въ 4 и 5 отдѣлахъ III тома» (Предисловіе, стр. XV).

П. Фирманъ, который во многихъ другихъ случаяхъ не понялъ Маркса, по отношенію къ данной проблемѣ вплотную подошелъ къ рѣшительному пункту. Но на этомъ онъ и остановился, а «неоконченная форма, въ которой Фирманъ оставилъ свое рѣшеніе, а также неудовлетворительность его пониманія теоріи Маркса и неудачная, основанная на этомъ пониманіи критика»,—все это объясняетъ, по словамъ Энгельса, почему никто не продолжалъ работать дальше надъ этой задачей на основаніи трактата Фирмана. А «что для полнаго и наглядnаго рѣшенія вопроса Фирману требовалось еще много промежуточныхъ звеньевъ даже послѣ его открытія, это доказываетъ незаслуженно холодный пріемъ, который встрѣтила его въ общемъ столь дѣльная статья».

Закончивъ этимъ общую характеристику, мы перейдемъ дальше въ

частности къ важнѣйшимъ вопросамъ, изслѣдованнымъ въ III-мъ томѣ. Первый изъ нихъ, какъ мы уже видѣли, именно тотъ, который разбираютъ вышеупомянутыя работы. Мы постараемся изложить, насколько возможно популярно, рѣшеніе той задачи, которую Энгельсъ девять лѣтъ тому назадъ предложилъ экономистамъ и для рѣшенія которой «нѣчто существенное дала только школа Маркса»,—какъ Энгельсъ констатируетъ въ концѣ предисловія.

II. Задача о нормѣ прибыли и ея разрѣшеніе.

Для большей наглядности мы приводимъ подлинное мѣсто изъ предисловія ко второму тому «Капитала», въ которомъ Фр. Энгельсъ формулируетъ задачу о нормѣ прибыли:

«На основаніи закона стоимости Рикардо, два капитала одинаковой величины, примѣняющіе равныя количества одинаково оплачиваемаго живаго труда, производятъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, въ одно и то же время продукты одинаковой стоимости, а также прибавочную стоимость или прибыль одинаковой величины. Если же они примѣняютъ неравныя количества живого труда, то они не могутъ производить прибавочную стоимость или, по выраженію Рикардіанцевъ,—прибыль одинаковой высоты. Въ дѣйствительности происходитъ какъ разъ обратное. Фактически два равновеликихъ капитала производятъ въ равныя времена въ среднемъ равной величины прибыль, независимо отъ того, примѣняютъ ли они много или мало живого труда. Тутъ, слѣдовательно, заключается противорѣчіе съ закономъ стоимости, которое нашелъ уже Рикардо и которое его школа тоже (такъ же какъ и другое ранѣе указанное противорѣчіе) оказалась неспособной разрѣшить. Это противорѣчіе разрѣшено Марксомъ еще въ рукописи «Zur Kritik der politischen Oekonomie»; по плану «Капитала» рѣшеніе дается въ III томѣ» (стр. XXII и XXIII).

Законъ стоимости, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, есть именно тотъ экономическій законъ, указанный впервые Рикардо и точнѣе формулированный и глубже изслѣдованный Марксомъ, по которому (мѣновая) стоимость товаровъ опредѣляется количествомъ заключеннаго въ нихъ общественно-необходимаго труда, измѣреннаго по времени.

Для тѣхъ, кто читалъ I томъ «Капитала», естественно было искать рѣшеніе задачи, основываясь на различіи, впервые проведенномъ Марксомъ, между постояннымъ и перемѣннымъ капиталомъ, и въ дѣйствительности рѣшеніе задачи невозможно безъ обращенія къ этому различію и безъ дальнѣйшаго изслѣдованія его, хотя, впрочемъ, это различіе и вытекающія

изъ него слѣдствія одни и недостаточны для разрѣшенія вопроса [1]). Обратимся прежде всего къ этому различію. Марксъ называетъ *постоянным капиталомъ* ту часть капитала, вложеннаго въ производство, экономическая стоимость котораго не измѣняется во время производства. Машины, сырые и вспомогательные матеріалы, претерпѣваютъ измѣненіе въ своемъ состояніи во время производства; машины изнашиваются, а сырые и другіе матеріалы измѣняютъ свой видъ. Но стоимость всѣхъ этихъ вещей—соотвѣтствующаго количества сырья, изнашиванія машинъ и вспомогательныхъ матеріаловъ — переходитъ безъ измѣненія въ стоимость готоваго продукта, появляется въ ней опять въ прежней величинѣ и постольку представляетъ постоянную величину. Иначе обстоитъ дѣло съ той долей капитала, которая употреблена на занятый въ производствѣ трудъ. Трудъ придаетъ продукту большую стоимость, чѣмъ стоила предпринимателю нанятая имъ рабочая сила. Доля капитала, употребленная на наемъ рабочей силы, пріобрѣтаетъ во время производства нѣкоторое увеличеніе своей стоимости, безъ котораго у капиталиста не было бы побудительнаго мотива устраивать промышленныя предпріятія. Вслѣдствіе такой совершающейся тутъ перемѣны въ стоимости Марксъ называетъ долю капитала, обращенную на наемъ рабочей силы, *перемѣннымъ капиталомъ*. Приращеніе стоимости, которое трудъ вноситъ въ продуктъ, Марксъ называетъ *прибавочной стоимостью*, а отношеніе прибавочной стоимости къ *перемѣнному* капиталу, вложенному въ заработную плату,— *нормой прибавочной стоимости*. Если весь капиталъ, вложенный въ какое либо промышленное предпріятіе, состоитъ изъ 10,000 рублей, перемѣнный капиталъ, расходуемый въ одинъ періодъ производства — 4,000 рублей и прибавочная стоимость, произведенная въ теченіе того же періода, 3,000 рублей, то норма прибавочной стоимости $= \frac{3,000}{4,000}$, или, выраженная въ процентахъ,=75%. Что же такое *норма прибыли?* Очевидно, отношеніе прибыли, полученной предпринимателемъ въ теченіе опредѣленнаго времени (года), ко всему затраченному имъ капиталу. Сохраняя цифры нашего примѣра, если прибыль предпринимателя случайно равна по величинѣ прибавочной стоимости, т. е. равна 3,000 руб.,то норма прибыли будетъ равняться не 75%, а $\frac{3,000}{10,000}$, т. е. 30%. На практикѣ едва ли когда нибудь прибавочная стоимость и прибыль совпадаютъ, но

[1]) Въ своей вышеуказанной статьѣ 1886 года о второмъ томѣ «Капитала» Каутскій указываетъ какъ на значеніе этого различія для рѣшенія задачи, такъ и на разныя промежуточныя звенья, которыя надо принять во вниманіе.

мы пока предположимъ это, чтобы не усложнять нашего изслѣдованія введеніемъ другихъ задачъ.

Два равновеликихъ капитала, или, что для насъ въ данномъ случаѣ все равно, двѣ равновеликія единицы капиталовъ различной величины могутъ при *неодинаковой нормѣ прибавочной стоимости* давать *равныя нормы прибыли* (предполагая, что прибавочная стоимость и прибыль по величинѣ совпадаютъ). Въ нашемъ примѣрѣ капиталъ въ 10,000 руб., который мы назовемъ А, далъ 3,000 руб. прибыли, т. е. норму прибыли въ 30%. Прибавочная стоимость равнялась также 3,000 руб., но такъ какъ только 4,000 руб. изъ 10,000 руб. составляли перемѣнный капиталъ, то норма прибавочной стоимости $= \frac{3,000}{4,000} = 75\%$.

Другой капиталъ В той же величины тоже даетъ 3,000 руб. прибавочной стоимости и прибыли. Но онъ состоитъ изъ 70%, т. е. 7,000 руб. постояннаго капитала и 30%, т. е. 3,000 руб. перемѣннаго капитала. Норма прибавочной стоимости здѣсь $\frac{3,000}{3,000} = 100\%$, а норма прибыли по прежнему 30%.

То обстоятельство, что равные капиталы при неодинаковыхъ нормахъ прибавочной стоимости даютъ одинаковыя количества прибавочной стоимости и прибыли, объясняется *различіемъ состава* разсматриваемыхъ капиталовъ. Назовемъ постоянный капиталъ буквой c, а перемѣнный v, тогда капиталъ А имѣлъ составъ: 6,000 c + 4,000 v, а капиталъ В — 7,000 c + 3,000 v. Это соединеніе капиталовъ изъ постоянной и перемѣнной долей Марксъ называетъ, въ отличіе отъ другихъ группировокъ и въ виду его большой важности для движенія капитала, *органическимъ составомъ капитала* [1]), а его техническую основу—называетъ техническимъ составомъ капитала. Нужно однако замѣтить, что два капитала могутъ имѣть одинъ и-тотъ же органическій составъ, т. е. А и В могутъ оба состоять изъ 60% c и 40% v и все-таки имѣть различныя нормы прибавочной стоимости. Это, между прочимъ, возможно при *неодинаковой производительности труда* въ А и В, или въ томъ случаѣ, если оба капитала вложены въ одно и тоже производство и производительность труда въ одномъ изъ нихъ ниже или выше средней производительности (производительность труда можетъ отступать отъ нормальной для даннаго производства и въ обоихъ примѣрахъ А и В, но въ различ-

[1]) «Въ этомъ именно и проявляется особое органическое отношеніе перемѣннаго капитала къ движенію всего капитала, и къ созданію имъ прибыли». Томъ III, глава 3, стр. 26. Это отношеніе подробно обосновано и его значеніе развито въ III томѣ, глава 8.

номъ отношеніи) или въ томъ случаѣ, если капиталы вложены въ различныя отрасли промышленности, въ которыхъ производительность труда вообще не одинакова. Напримѣръ, капиталъ А можетъ быть вложенъ въ бумагопрядильню, а В—въ мебельную фабрику. Неодинаковая производительность труда въ этомъ случаѣ еще не обусловливаетъ неизбѣжно неодинаковаго органическаго состава капиталовъ. Отношеніе орудій труда къ предметамъ труда (сырые и вспомогательные матеріалы) по количеству и по цѣнѣ будетъ иное въ А, нежели въ В, и тѣмъ не менѣе величина затраченнаго на нихъ капитала можетъ находиться въ томъ же отношеніи ко всему капиталу въ А, какъ и въ В. То же справедливо и по отношенію къ *общимъ суммамъ* заработной платы въ А и въ В. Онѣ могутъ представлять тѣ же процентныя отношенія ко всему капиталу, но вмѣстѣ съ тѣмъ—и неравныя количества рабочей силы, вслѣдствіе неодинаковости заработной платы (неодинаковая длина рабочаго дня, неодинаковое приложеніе квалифицированнаго и простого труда, женскаго и дѣтскаго труда).

Но даже при одинаковой производительности труда и одинаковой средней высотѣ заработной платы, одинъ и тотъ же органическій составъ капиталовъ еще не обусловливаетъ одного и того же отношенія нормъ прибавочной стоимости къ нормамъ прибыли въ соотвѣтственныхъ капиталахъ. Равныя нормы прибавочной стоимости могутъ совпадать съ неравными нормами прибыли, а неравныя нормы прибавочной стоимости съ равными нормами прибыли. Обусловливается это тѣмъ, что при вычисленіяхъ послѣдней приходится принимать во вниманіе вопросъ о *времени оборота* капитала. Марксъ обстоятельно разсматриваетъ этотъ вопросъ, поскольку рѣчь идетъ о *производствѣ прибавочной стоимости*, во второмъ томѣ «Капитала». Четвертая глава 3-го т., разработанная Энгельсомъ, показываетъ, какъ этотъ факторъ вліяетъ на отношеніе нормы прибавочной стоимости къ нормѣ прибыли. Мы впослѣдствіи вернемся къ этой важной главѣ, а здѣсь приводимъ только доказанное тамъ положеніе: «Для капиталовъ одинаковаго процентнаго состава при одинаковой нормѣ прибавочной стоимости и равномъ рабочемъ днѣ, нормы прибыли двухъ капиталовъ обратно пропорціональны временамъ ихъ оборотовъ» (III т. стр. 46). Покажемъ это на нашемъ примѣрѣ. Предположимъ, что А и В имѣютъ одинъ и тотъ же органическій составъ, 60% с и 40% v, при одинаковой нормѣ прибавочной стоимости въ 100%, и пусть капиталъ А оборачивается въ годъ два раза, а В три раза, тогда мы получимъ:

для А — v. 4,000 × 2 × 100% = 8,000 р. прибавочной стоимости,

для В — v. 4,000 × 3 × 100% = 12,000 р. прибавочной стоимости.

Норма прибыли вычисляется на весь затраченный капиталъ, который въ обоихъ случаяхъ равенъ 10,000 р. Она равна, слѣдовательно (пред-

полагая, что прибыль и прибавочная стоимость совпадаютъ), для капитала А—80%, а для капитала В — 120%; время оборота въ случаѣ А равно 6 мѣсяцамъ, а въ случаѣ В — четыремъ; 6 : 4 = 3 : 2. Норма прибыли для капитала А = 80, для В = 120; 80 : 120 = 2 : 3.

Еслибы мы пожелали опредѣлить норму прибавочной стоимости не для одного оборота капитала, но для всего года (что впрочемъ невѣрно), то мы получили бы, считая все время на равные перемѣнные капиталы въ 4,000 руб. — для капитала А норму прибавочной стоимости въ 8,000 : 4,000 = 200%, а для В — норму въ 12,000 : 4,000 = 300%. Такъ какъ мы брали цифры наугадъ, то не безъинтересно будетъ привести, какъ Энгельсъ, на примѣрѣ взятомъ изъ практики, показываетъ, что норма прибавочной стоимости въ 153 $\frac{11}{13}$ % на каждый оборотъ и годичная норма прибыли въ 33,27% могутъ совпадать съ нормой прибавочной стоимости, вычисленной для цѣлаго года, въ 1,307$^{9}/_{13}$%. Въ данномъ случаѣ—основныя цифры даны самимъ фабрикантомъ—отдѣльныя части капитала распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: весь капиталъ 12,500 ф. ст., въ томъ числѣ постоянный основной (fixes) капиталъ (машины и т. п.) 10,000, а постоянный оборотный (zirculirendes) (сырые матеріалы) 2,182, вмѣстѣ, слѣдовательно, 12,182 ф. ст., перемѣнный капиталъ равнялся 318 ф. ст. Число оборотовъ въ годъ было 8. Отношеніе перемѣннаго капитала къ постоянному здѣсь 1 : 40 или—въ %—2$^{1}/_{2}$% и 97$^{1}/_{2}$%.

Въ первомъ томѣ «Капитала» Марксъ изслѣдовалъ, какъ капиталистъ старается повысить прибавочную стоимость и прибыль путемъ пониженія *перемѣнной* части капитала, употребляемой на заработную плату. Въ 5-ой гл. III т. приводится цѣлый рядъ примѣровъ уменьшенія стоимости *постояннаго* капитала съ цѣлью увеличенія нормы прибыли. Мы принуждены однако пропустить эту чрезвычайно интересную главу. Мы откладываемъ также разборъ не менѣе интересныхъ главъ шестой и седьмой, въ которыхъ разсматривается вліяніе на нормы прибыли и прибавочной стоимости различныхъ измѣненій, умышленныхъ и вынужденныхъ, въ цѣнѣ отдѣльныхъ частей капитала; въ этихъ главахъ кромѣ очень важныхъ положеній по этимъ вопросамъ приведены еще критическія описанія механизма капиталистическаго хозяйства. Возвратимся къ нашему вопросу.

Изъ вышесказаннаго вытекаетъ, что капиталы, вложенные въ различныя предпріятія, имѣютъ равныя нормы прибыли при одинаковыхъ нормахъ прибавочной стоимости, только въ томъ случаѣ, если *органическіе* составы и времена оборота для нихъ одинаковы или взаимно уравновѣшиваются. Капиталы А и В имѣютъ норму прибыли въ 40% при

100%-ной нормѣ прибавочной стоимости, если оба состоятъ изъ 60% и и 40% v. Но они могутъ имѣть равныя нормы прибыли и тогда, если А состоитъ изъ 60% c и 40% v, а В изъ 80% c и 20% v, но капиталъ В оборачивается въ теченіе года вдвое большее число разъ, нежели А. Эта произвольно взятая схема можетъ разнообразиться до безконечности. Можно придумать безчисленное множество комбинацій, въ которыхъ органическій составъ и время оборота такъ подобраны, что неодинаково составленные капиталы при равныхъ нормахъ прибавочной стоимости даютъ равныя нормы прибыли и, съ другой стороны, тотъ же результатъ получается и при различныхъ нормахъ прибавочной стоимости, благодаря соотвѣтствующей комбинаціи другихъ факторовъ.

Но соотвѣтствуетъ ли дѣйствительности эта возможность? Развѣ на практикѣ различія въ указанныхъ факторахъ всегда такъ хорошо уравновѣшиваются, что въ результатѣ непремѣнно получаются равныя нормы прибыли? Капиталистическое хозяйство представляетъ, даже для поверхностнаго взгляда, чрезвычайное разнообразіе въ составѣ и въ функціяхъ вложенныхъ въ него капиталовъ, и было бы совершенной несообразностью предположить, что уравненіе нормы прибыли въ этомъ хаосѣ совершается чисто механическимъ путемъ. Естественнымъ слѣдствіемъ изъ всего вышесказаннаго можно было бы признать лишь возможность такого *случайнаго* совпаденія, что капиталъ А въ сферѣ производства X даетъ такую же норму прибыли, какъ и капиталъ В въ сферѣ производства У. Другими словами, мы узнали *предположенія* искомаго результата, но еще не знаемъ, какимъ образомъ эти предположенія становятся дѣйствительностью.

До сихъ поръ въ основаніи всего разсужденія Маркса лежитъ предположеніе, что *товары продаются по своимъ стоимостямъ*. Оно было сдѣлано для того, чтобы упростить анализъ разсматриваемыхъ вопросовъ. Почему его до сихъ поръ *можно было* дѣлать, это доказано въ IV главѣ перваго тома. Вопросъ теперь въ томъ, можно ли и впредь допускать это предположеніе? До сихъ поръ въ изложеніи все гармонировало, а теперь мы дошли до вопроса, объясненіе котораго на основаніи вышеизложеннаго не удается. Въ данномъ случаѣ было бы безполезно ссылаться на конкуренцію, дѣйствіемъ которой обусловливается, де, благопріятный конечный результатъ, такъ какъ, что бы ни дѣлала конкуренція для его достиженія, вопросъ въ томъ и состоитъ, чтобы выяснить, *какъ и почему* она исполняетъ при этомъ свою роль. Результатъ на лицо: если продукты продаются по своимъ стоимостямъ, то равные капиталы даютъ равныя нормы прибыли только въ томъ случаѣ, если ихъ органическіе составы, времена оборотовъ и нормы прибавочной стоимости равны между собою (а этого можно ожидать только въ одной и той же отрасли производства)

или же взаимно уравновѣшиваются, — а это безъ вліянія другихъ факторовъ можетъ осуществиться только случайно, при рѣдкой маловѣроятной комбинаціи.

Итакъ, мы возвращаемся къ нашему первоначальному предположенію: дѣйствительно ли товары продаются по своимъ стоимостямъ? и, если нѣтъ, то чѣмъ опредѣляется ихъ цѣна?

Во-первыхъ, изъ чего составляется стоимость товаровъ? Мы знаемъ, что она опредѣляется количествомъ затраченнаго на нихъ труда, измѣряемаго по времени. Часть этого времени относится къ далекому прошлому, оно овеществлено въ орудіяхъ труда и въ предметахъ труда, другая часть влагается въ товаръ во время самого производства, дѣйствіемъ живой рабочей силы. Та доля рабочаго времени, которая падаетъ на товаръ изъ первой части, есть раньше существовавшая стоимость, которую капиталистъ купилъ и которая при реализаціи товара должна опять возстановиться. Другая часть есть вновь созданная стоимость, которую капиталистъ купилъ у владѣльца рабочей силы и которая при реализаціи товара тоже должна возстановиться. Но если капиталистъ выручитъ только то, что онъ платилъ рабочему, то очевидно, что онъ послѣ продажи товара ровно ничего не выигралъ, и о прибыли не можетъ быть и рѣчи. Чтобы получить прибыль, онъ долженъ за стоимость, созданную во время производства, выручить *больше*, чѣмъ самъ за нее заплатилъ, или купить ее дешевле того, за что самъ ее продастъ. Какъ мы уже знаемъ изъ перваго тома, послѣднее и происходитъ. Капиталистъ покупаетъ трудъ рабочаго, а оплачиваетъ только затраченную рабочую силу, стоимость которой всегда ниже стоимости труда, по крайней мѣрѣ пока капиталистическое общество, въ которомъ мы живемъ, существуетъ и пока оно будетъ существовать.

Итакъ въ готовомъ продуктѣ заключается стоимость *средствъ производства*, овеществленныхъ въ немъ, плюсъ стоимость, вновь созданная трудомъ. Капиталистъ оплатилъ только первую стоимость плюсъ часть вновь созданной стоимости, которая овеществлена въ *заработной платѣ*. Какую бы стоимость ни представлялъ новый продуктъ, предпринимателю онъ *стоилъ* только указанную величину. Эта величина есть «своя цѣна» фабриканта—*издержки производства* (Kostpreis). Третій томъ начинается опредѣленіемъ этого понятія «издержки производства» и его отношенія къ прибыли, а это указываетъ, что оно представляетъ очень существенную категорію для развитія положеній этого тома. Присмотримся поэтому къ нему поближе.

Издержки производства товара отличаются отъ его стоимости. Въ силу вышеуказанныхъ причинъ онѣ по необходимости *ниже* послѣдней.

Онѣ представляютъ только тѣ части вложеннаго въ производство капитала, которыя перешли въ стоимость товара, то есть онѣ составляются изъ пропорціональныхъ частей постояннаго и перемѣннаго капиталовъ, изъ столькихъ-то c и столькихъ-то v. Если мы обозначимъ эти издержки производства черезъ k, то для товаровъ, произведенныхъ въ извѣстный періодъ производства, $k = c + v$, причемъ c обозначаетъ не весь постоянный капиталъ, а только долю изнашиванія его, перешедшую въ товары, и оборотный капиталъ. Для буржуазной экономіи, которая, не различая, включаетъ заработную плату въ категорію оборотнаго капитала, издержки производства состоятъ только изъ доли изнашиванія постояннаго капитала плюсъ весь затраченный оборотный капиталъ. Благодаря этому утрачивается возможность опредѣлить, откуда берется прибавочная стоимость въ новомъ товарѣ, или же приходится принять, что она получается «просто» изъ производства, а слѣдовательно кажется, что всѣ части капитала,—какъ вошедшія въ произведенный товаръ, такъ и невошедшія, — участвуютъ въ равной мѣрѣ въ образованіи этой новой стоимости. Такимъ образомъ новая стоимость является просто *прибылью*, въ качествѣ продукта всего капитала; Марксъ выражаетъ это слѣдующими словами: «Такъ какъ на одномъ полюсѣ *цѣна рабочей силы* является въ превращенной формѣ *заработной платы*, то на противоположномъ полюсѣ *прибавочная стоимость* является въ превращенной формѣ *прибыли*» (Томъ III, стр. 11).

Товаръ можетъ продаваться ниже своей стоимости и все-таки приносить прибыль, если только онъ продается дороже издержекъ производства. Если же товаръ продается ниже этой цѣны, то продажа не окупаетъ затраченнаго капитала, и потому именно цѣна, обусловливаемая издержками производства, представляется многимъ буржуазнымъ экономистамъ подлинной, *внутренней* стоимостью товаровъ, а прибыль, получаемая при продажѣ, представляется имъ излишкомъ продажной цѣны надъ стоимостью товаровъ. Образованіе прибавочной стоимости этимъ благополучно переносится изъ области производства въ область обращенія.

Возьмемъ теперь, для продолженія нашего анализа, три капитала съ различнымъ органическимъ составомъ, но съ одинаковой нормой прибавочной стоимости, напримѣръ, въ 100%; затѣмъ, мы примемъ для простоты, что во всѣхъ постоянный капиталъ цѣликомъ расходуется въ теченіе года и что времена оборота капитала равны. Тогда наши капиталы будутъ производить:

A	съ 80 c и 20 v	—	20	приб. стоим.	и 120	стоимости	продукта.
B	» 70 c и 30 v	—	30	»	и 130	»	»
C	» 60 c и 40 v	—	40	»	и 140	»	»

Норма прибыли для A была бы 20%, для B — 30% и для C—40%. Можно далѣе принять, что эти три капитала помѣщены не въ трехъ различныхъ предпріятіяхъ, но въ трехъ отдѣленіяхъ одного большаго предпріятія. Тогда для послѣдняго органическій составъ будетъ слѣдующій: постоянный капиталъ равенъ 80 + 70 + 60 = 210, а перемѣнный 20 + 30 + 40 = 90, прибавочная стоимость равна 90, стоимость товаровъ 390 и норма прибыли 90 на 300 капитала или 30%.

Издержки производства во всѣхъ трехъ случаяхъ равны 100. но *норма прибыли* не измѣнится, если въ случаѣ A въ стоимость товара перешли бы только 75 единицъ постояннаго капитала, въ случаѣ B—50 и въ случаѣ C — 25. При этомъ мѣняются только издержки производства и стоимость товара; первыя выразятся для A цифрой 95, для B — 80 и для C — 65. Стоимость товара выразится для A — 115, для B — 110, для C — 105. Прибавочная стоимость по прежнему равна 90, а норма прибыли равна 30%. Теперь, для предпринимателя безразлично, какъ ни продавать отдѣльные продукты, лишь бы получить ту же прибавочную стоимость. Если онъ распредѣлитъ прибавочную стоимость поровну на продукты всѣхъ трехъ отдѣленій производства—можетъ-быть, такъ ему легче сбыть товаръ,—то онъ получитъ:

Продуктъ.	Издержки производства.	Стоимость.	Продаж. цѣна.	Отклоненіе цѣны отъ стоимости.
A	95	115	125	+ 10
B	80	110	110	0
C	65	105	95	— 10

Норма прибыли (продажная цѣна минусъ издержки производства) во всѣхъ трехъ случаяхъ равна 30 на 100 затраченнаго капитала, то есть = 30%, отклоненія цѣнъ отъ стоимостей взаимно уравновѣшиваются. Итакъ, мы пришли къ цѣнамъ второго рода.

«Цѣны, которыя получаются такимъ образомъ, что берется среднее изъ различныхъ нормъ прибыли въ различныхъ отрасляхъ производства и эта средняя величина прибавляется къ издержкамъ производства въ различныхъ сферахъ промышленности, называются *цѣнами производства* (Productionspreise). Онѣ основываются на существованіи всеобщей нормы прибыли».

Итакъ, цѣны производства совпадаютъ лишь случайно со *стоимостями товаровъ*. Всеобщая норма прибыли выводится, какъ мы видѣли, изъ областей производства съ совершенно различными органическими составами капиталовъ и, слѣдовательно, съ различными прибавочными стоимостями; только случайно она (норма прибыли) можетъ быть пропорціо-

нальна нормѣ прибавочной стоимости даннаго капитала. «Съ превращеніемъ стоимости въ цѣну производства самое основаніе для опредѣленія стоимости становится невидимымъ». (III т., стр. 147). Но законъ стоимости этимъ не подрывается, такъ какъ всеобщая норма прибыли опредѣляется *распредѣленіемъ всего общественнаго капитала между различными сферами производства*, а это распредѣленіе совершается подъ дѣйствіемъ закона стоимости. Конкуренція всегда стремится по возможности сравнять цѣны производства товаровъ съ ихъ стоимостями, и рѣшающую роль здѣсь играетъ конкуренція *капиталовъ*.

Прежде чѣмъ мы станемъ анализировать, какимъ образомъ это происходитъ, сдѣлаемъ еще нѣсколько общихъ замѣчаній, касающихся нашего основного вопроса.

Хотя образованіе всеобщей нормы прибыли происходитъ за спиною отдѣльныхъ капиталистовъ, тѣмъ не менѣе величина средней нормы прибыли для даннаго времени имъ извѣстна. Конечно, въ отдѣльныхъ отрасляхъ производства происходятъ постоянныя колебанія въ фактическихъ нормахъ прибыли—такъ какъ въ способахъ производства постоянно совершаются измѣненія — но «дѣйствительное измѣненіе во *всеобщей* нормѣ прибыли является только очень поздними результатомъ цѣлаго ряда колебаній, распространяющихся на очень долгіе періоды, если только это измѣненіе не производится чрезвычайными экономическими событіями» (стр. 145).

Обыкновенно капиталистъ знаетъ всеобщую норму прибыли, а также по большей части и норму прибыли своей спеціальной отрасли производства. Онъ прибавляетъ извѣстную ему среднюю норму прибыли къ издержкамъ производства (Kostpreis) своего товара (независимо отъ того, производитъ ли онъ много или мало прибавочной стоимости) и опредѣляетъ такимъ образомъ свою цѣну производства (Productionspreis). Это—та цѣна, что *ему «стоитъ»* товаръ, иначе онъ вѣдь могъ бы направить свой капиталъ для «работы» въ другую отрасль производства. Если онъ можетъ продать свой товаръ дороже, тѣмъ лучше. Если этого нельзя сдѣлать, то онъ охотно будетъ продавать свой товаръ по этой цѣнѣ, сколько бы прибавочной стоимости ни заключалось въ немъ, и до тѣхъ поръ, пока это возможно, онъ не покинетъ данной отрасли производства. Владѣлецъ капитала C въ нашемъ примѣрѣ, который примѣняетъ самый большой перемѣнный капиталъ и производитъ самую большую прибавочную стоимость, тѣмъ охотнѣе будетъ продавать свой товаръ за 95, что онъ даже не знаетъ, что производитъ большую прибавочную стоимость, чѣмъ владѣлецъ капитала B, который случайно производитъ дѣйствительно среднюю прибавочную стоимость и среднюю прибыль.

Рѣшеніе задачи о нормѣ прибыли заключается въ томъ, чтобы понять, что отысканіе средней нормы прибыли вовсе не дѣло капиталиста, а наоборотъ, норма прибыли дается ему какъ данный экономическій фактъ, и *онъ* долженъ къ ней приспособляться. Задача его заключается лишь въ ея полученіи. Онъ не можетъ упорствовать въ продажѣ своихъ товаровъ по ихъ стоимости, если бы эта послѣдняя даже была ему извѣстна. Зная всеобщую норму прибыли, онъ всегда будетъ стараться продать свои товары по крайней мѣрѣ по ихъ цѣнамъ производства. Если онъ можетъ производить ихъ такъ, чтобы ихъ стоимость была ниже ихъ цѣнъ производства,—а вышеприведенная таблица показываетъ, что при прочихъ равныхъ условіяхъ это бываетъ тогда, когда его производительный капиталъ содержитъ больше постоянныхъ единицъ и меньше перемѣнныхъ, чѣмъ средніе капиталы,—то онъ можетъ продавать ихъ выше ихъ стоимости, въ противномъ случаѣ—наоборотъ. Но въ первомъ случаѣ у него скоро явятся конкуренты, которые прекратятъ его удовольствіе, а во второмъ случаѣ у него самого за извѣстной границей пропадетъ всякое удовольствіе. Такимъ образомъ, такъ или иначе законъ стоимости всегда проявится.

III. Движеніе нормы прибыли.

Стремленіе класса предпринимателей, какъ оно проявляется въ сознаніи каждаго отдѣльнаго капиталиста, направлено на возможное повышеніе нормы прибыли или, гдѣ это невозможно, на задержаніе ея паденія. Въ борьбѣ за сбытъ своихъ продуктовъ фабрикантъ постоянно долженъ попирать одно изъ условій достиженія или сохраненія высокой нормы прибыли—ради сбыта онъ долженъ продавать свой продуктъ ниже стоимости. Чѣмъ больше онъ это дѣлаетъ, тѣмъ больше онъ принужденъ для достиженія своей цѣли ограничиться соотвѣтствующими мѣрами *внутри* предпріятія, т. е. экономить въ *производствѣ*. Въ первомъ томѣ «Капитала» Марксъ показалъ, какъ на счетъ *перемѣнной* части капитала, т. е. *заработной* платы, повышается прибавочная стоимость, какъ удлиняется рабочій день, чтобы получить при той-же платѣ больше прибавочной работы или какъ сокращается заработная плата, чтобы увеличить прибавочную работу на счетъ необходимой [1]), какъ работа сгущается,

---

[1]) Необходимымъ трудомъ называется трудъ, необходимый для возмѣщенія стоимости, выплаченной въ видѣ заработной платы.

«интенсифицируется», какъ вытѣсняется работа мужчинъ—работою женщинъ и дѣтей и т. д. Если даже съ этимъ уменьшеніемъ перемѣнной части капитала не соединено одновременное увеличеніе постоянной части, вложенной въ сырые матеріалы, въ орудія труда и т. д., что въ дѣйствительности обыкновенно и происходитъ,—то все-таки въ результатѣ получается *измѣненіе отношенія обѣихъ частей капитала: постоянный* капиталъ *растетъ* по отношенію къ *перемѣнному*. Если отношеніе было прежде 75:25, то теперь оно можетъ быть 80:20; при этомъ 20 по абсолютной величинѣ можетъ быть такъ же велико или даже больше чѣмъ прежде 25, а именно: если съ *измѣненіемъ въ способахъ* производства соединено *увеличеніе* его размѣровъ. Если весь капиталъ раньше былъ 10,000 руб., а теперь повысился до 12,500 руб., то въ первомъ случаѣ 7,500 руб. постояннаго капитала соотвѣтствовало 2,500 перемѣннаго; во второмъ случаѣ 10,000 постояннаго — 2,500 перемѣннаго. Абсолютная величина послѣдняго не измѣнилась, но если бы увеличеніе всего капитала было еще больше, напр., до 15,000 руб., то мы имѣли бы 12,000 постояннаго и 3,000 перемѣннаго, абсолютная величина послѣдняго, т. е. сумма заработныхъ платъ, повысилась бы, хотя отношеніе его къ постоянному капиталу стало бы невыгоднѣе.

Извѣстно, что это относительное возрастаніе постояннаго капитала по сравненію съ перемѣннымъ представляетъ общій ходъ капиталистическаго развитія и что до сихъ поръ въ общемъ это передвиженіе сопровождалось абсолютнымъ возрастаніемъ *обѣихъ* величинъ. *Это—въ общемъ* но не всегда, и притомъ съ тенденціей и относительнаго, *и абсолютнаго* уменьшенія *перемѣннаго* капитала.

Впрочемъ это пониженіе происходитъ не всегда такъ, какъ того желало бы сердце капиталиста; и ему поставлены извѣстныя границы въ особенности тамъ, гдѣ рабочіе располагаютъ возможностью организоваться и законодательство положило предѣлъ удлиненію рабочаго дня. Чѣмъ больше препятствій съ этой стороны встрѣчаетъ капиталистъ,—препятствій, которыхъ онъ или вовсе не можетъ преодолѣть, или только путемъ несоразмѣрно большихъ жертвъ,—тѣмъ упорнѣе помыслы его обращаются въ сторону постояннаго капитала:—нельзя ли тамъ что либо съэкономить. «Если дана прибавочная стоимость, то норма прибыли можетъ быть увеличена только посредствомъ уменьшенія стоимости постояннаго капитала, требующагося для производства»—говорится въ главѣ III-го тома, посвященной этому вопросу (стр. 54). Эта пятая глава начинается нѣкоторыми очень цѣнными замѣчаніями по вопросу о *рабочемъ времени* и характеризуетъ потомъ цѣлый рядъ пріемовъ *экономіи на постоянномъ капиталѣ*.

*

На первомъ планѣ стоитъ экономія въ потребительныхъ стоимостяхъ, изъ которыхъ состоитъ постоянный капиталъ: машины, вспомогательный и сырой матеріалы; достигается это или тѣмъ, что машины приготовляются съ меньшей затратой труда или тѣмъ, что онѣ становятся болѣе производительными. Въ обоихъ этихъ случаяхъ капиталистъ, который примѣняетъ эти улучшенія, обращаетъ въ собственную пользу результатъ общественнаго труда. «То, чѣмъ здѣсь пользуется капиталистъ, это—выгоды представляемыя всей системой общественнаго раздѣленія труда» (стр. 56). Дальнѣйшая экономія происходитъ въ самомъ производствѣ и выражается самымъ различнымъ образомъ. Зданія и машины въ большихъ производствахъ стоятъ сравнительно меньше, чѣмъ въ малыхъ, производительность машинъ и находящихся при нихъ рабочихъ возрастаетъ при большей доброкачественности обработываемыхъ сырыхъ и вспомогательныхъ матеріаловъ. Чѣмъ лучше послѣдній, тѣмъ меньше отбросовъ и потерь. Но и обратно, «фанатическое стремленіе капиталиста къ экономіи средствъ производства» выражается также и въ *поддѣлкѣ* элементовъ производства; «хорошее» понимается здѣсь только съ возвышенно утилитарной точки зрѣнія: требуется только, чтобы матеріалъ хорошо *обработывался*; каково при этомъ будетъ внутреннее качество продуктовъ—это вопросъ второстепенный. Затѣмъ параллельно съ *экономіей въ средствахъ производства*, идетъ *растрата здоровья и жизни дѣйствительныхъ производителей*: переполненіе мастерскихъ, тѣсное размѣщеніе опасныхъ машинъ, отсутствіе предохранительныхъ приспособленій и т. д. Законодательныя постановленія, имѣющія цѣлью противодѣйствовать этой растратѣ или, по крайней мѣрѣ, ослабить ея дѣйствіе, поносятся адвокатами капитала какъ нежелательное обремененіе промышленности. Мѣры, имѣющія въ виду сдѣлать процессъ производства для рабочаго болѣе человѣчнымъ, болѣе пріятнымъ или хотя бы только сноснымъ,—эти мѣры «съ капиталистической точки зрѣнія представлялись бы совершенно нелѣпымъ и безцѣльнымъ мотовствомъ» (стр. 61).

Этотъ вопросъ объ «экономіи въ условіяхъ работы на счетъ рабочихъ» подробно разбирается въ одной изъ главъ на основаніи отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ и примѣровъ изъ исторіи борьбы за фабричное законодательство. И у насъ (въ Германіи) не рѣдкость союзы капиталистовъ, задавшіеся цѣлью доказать, что «причинить смерть не значитъ совершить убійство (killing no murder), если это дѣлается ради прибыли», какъ саркастически замѣчаетъ Марксъ. Никогда впрочемъ не нужно упускать изъ виду, что въ «Капиталѣ» прежде всего ведется анализъ основныхъ тенденцій капиталистическаго строя, которыя на практикѣ не всегда проявляются въ чистомъ видѣ благодаря столкновенію съ различными противоположными

тенденціями и благодаря тому, что разныя средства пускаются въ ходъ, чтобы скрыть факты. Оптимистамъ нашего времени, которые указываютъ на наступившія то здѣсь, то тамъ улучшенія въ условіяхъ производства, на уменьшеніе процента смертности и на другіе факты, изъ которыхъ якобы вытекаетъ, что Марксъ описываетъ только дѣтскія болѣзни капиталистическаго строя, которыя онъ самъ съ теченіемъ времени преодолѣваетъ,—этимъ оптимистамъ, какъ бы предвидя ихъ, Марксъ отвѣчаетъ: «Именно то обстоятельство, что несмотря на все еще страшную бойню на фабрикахъ, на недостаточное число и безсиліе фабричныхъ инспекторовъ, число несчастныхъ случаевъ все-таки значительно уменьшилось со введеніемъ фабричной инспекціи—именно это обстоятельство указываетъ *естественную тенденцію капиталистической эксплуатаціи*». Иллюстрацію къ этому представляетъ заключеніе, къ которому пришелъ начальникъ англійскаго санитарнаго комитета, знаменитый докторъ Джонъ Симонъ (John Simon) въ своемъ отчетѣ 1863 г.: «рабочимъ практически невозможно настаивать на томъ, что̀ теоретически представляется ихъ первымъ гигіеническимъ правомъ: требовать, чтобы въ общей работѣ, которая имъ поручена предпринимателемъ, какова бы она ни была, были устранены всѣ не неизбѣжныя антигигіеническія условія, поскольку это зависитъ отъ предпринимателя и притомъ на его счетъ. Рабочіе... также мало, несмотря на опредѣленное желаніе законодателя, могутъ ожидать дѣйствительной помощи отъ чиновниковъ которые должны наблюдать за исполненіемъ законовъ Nuisances Removal Acts [1]) (стр. 29 отчета). Съ тѣхъ поръ полномочія санитарной полиціи расширены во многихъ отношеніяхъ, но, гдѣ только остался пробѣлъ въ законахъ или гдѣ недостаточенъ надзоръ, тамъ «природа» капиталистическаго строя прорывается и въ этой области со стихійной силой. Въ Лондонѣ теперь еще существуетъ огромное число мастерскихъ, которыя представляютъ не что иное, какъ бойни худшаго сорта.

Остальныя части этой главы, въ которыхъ идетъ рѣчь объ экономіи въ произведеніи и передачѣ силы и въ постройкахъ, объ утилизаціи отбросовъ—экскрементовъ—промышленности и объ экономіи вслѣдствіе изобрѣтеній—носятъ болѣе техническій характеръ и могутъ быть поэтому опущены. По поводу общественной экономіи Марксъ дѣлаетъ замѣчаніе о мелкомъ земледѣліи, особенно интересное въ виду того, что именно теперь всякаго рода соціальные реформаторы провозглашаютъ интенсивное мелкое земледѣліе соціальной панацеей. Вообще,—говоритъ онъ,—необходимыми условіями для утилизаціи отбросовъ являются «значительное коли-

[1]) Законы объ устраненіи вредныхъ условій и пр.

чество послѣднихъ, которое можетъ получаться только при работѣ въ большихъ размѣрахъ», улучшеніе машинъ и прогрессъ науки, главнымъ образомъ, химіи. И онъ продолжаетъ [1]): «Конечно, и въ *мелкомъ земледѣліи, приближающемся по типу къ огородничеству*, какъ, напримѣръ, въ Ломбардіи, въ южномъ Китаѣ и въ Японіи, экономія можетъ быть доведена до значительной степени. Но въ общемъ при этой системѣ производительность земледѣлія *покупается только цѣной огромной напрасной траты рабочей силы человѣка*, которая тѣмъ самымъ отвлекается изъ другихъ отраслей производства» [2]) (стр. 77).

Вопросу о *колебаніяхъ цѣнъ* постояннаго капитала и о воздѣйствіи этихъ колебаній на норму прибыли посвящена также особая глава — шестая Такъ какъ норма прибыли считается на весь капиталъ, то ясно, что каждая перемѣна въ стоимости постояннаго капитала или въ его величинѣ отражается на нормѣ прибыли, даже въ томъ случаѣ, если норма прибавочной стоимости—отношеніе всей прибавочной стоимости къ заработной платѣ, къ перемѣнному капиталу — остается неизмѣнной. Формула нормы прибавочной стоимости $= \frac{m}{v}$, формула же нормы прибыли $= \frac{m}{c+v}$. Послѣдняя дробь уменьшается или увеличивается при постоянныхъ m и v [3]), въ зависимости отъ того уменьшается или увеличивается c. Такъ какъ основная часть постояннаго капитала, машины, передаютъ продукту стоимость только постольку, поскольку онѣ сами изнашиваются, то цѣна продукта обусловливается въ гораздо большей степени стоимостью оборотной части постояннаго *капитала—сырыхъ и вспомогательныхъ матеріаловъ*, стоимость которыхъ *всецѣло* переходитъ въ продуктъ. Отсюда видна важность дешеваго сырья для промышленности и непропорціонально большое паденіе нормы прибыли при повышеніи цѣнъ на сырые матеріалы, обусловленное тѣмъ, что съ возрастаніемъ цѣны продукта его сбытъ ограничивается. Эти соотношенія, хорошо извѣстныя на практикѣ, но невѣрно объясненныя теоріей, вполнѣ разъясняются въ указанной главѣ. Тоже можно сказать о соотношеніяхъ между повышеніемъ стоимости составныхъ частей капитала и его связываніемъ (Bindung) и обратно, между обезцѣненіемъ составныхъ частей капитала и его освобожденіемъ (Freiset-

---

[1]) Курсивъ вездѣ нашъ.

[2]) Къ свѣдѣнію гг. народниковъ! (примѣчаніе переводчика).

[3]) m—прибавочная стоимость.
c—постоянный капиталъ.
v—перемѣнный капиталъ.

zu ng)[1]). Это—вопросъ, связь котораго съ вопросомъ о нормѣ прибыли видна сама собою. Мы поэтому и не останавливаемся на его частностяхъ, хотя мы охотно разобрали бы въ высшей степени интересныя и поучительныя соображенія, которыя приводитъ Марксъ [2]). Обиліе матеріала вынуждаетъ насъ быть возможно краткими.

Вопросъ о «*Превращеніи прибыли въ среднюю прибыль*», разсматриваемый во второмъ отдѣлѣ (главы 8—12), разобранъ уже нами въ общихъ чертахъ въ предыдущей главѣ. Мы оставляемъ до другого раза разсмотрѣніе связанныхъ съ нимъ вопросовъ о конкуренціи, спросѣ и предложеніи, и о той точкѣ зрѣнія, съ которой Марксъ ихъ разбираетъ въ противоположность прежнимъ экономистамъ. Теперь мы переходимъ къ вопросу о «*Законѣ стремленія нормы прибыли къ паденію*», которому посвященъ третій отдѣлъ (главы 13—15).

Тотъ фактъ, что, по мѣрѣ роста экономическаго развитія, нормы прибыли стремятся къ паденію, давно былъ извѣстенъ политической экономіи и самымъ различнымъ образомъ объяснялся ея представителями. Если послѣдніе были тенденціозные экономисты, то они пользовались этими фактами, какъ оружіемъ то противъ класса землевладѣльцевъ, ренты которыхъ все повышались, то противъ представителей рабочаго класса, для защиты современнаго порядка вещей. Поскольку эти объяснители не ограничивались одной поверхностной стороной, т. е. не объясняли паденіе нормы прибыли просто конкуренціей и возрастаніемъ капиталовъ,—тогда какъ задача состояла именно въ томъ, чтобы указать внутреннія причины этого явленія,—постольку они запутывались во всевозможныхъ противорѣчіяхъ, характерный образчикъ которыхъ представляетъ Джонъ Стюартъ Милль·

[1]) «Подъ связываніемъ (Bindung) капитала мы понимаемъ то, что изъ общей стоимости продукта снова приходится превращать извѣстную долю въ элементы постояннаго и перемѣннаго капитала для того, чтобы вести производство въ прежнихъ размѣрахъ. Подъ освобожденіемъ (Freisetzung) капитала мы понимаемъ то, что часть общей стоимости продукта, подлежавшая раньше превращенію въ постоянный или перемѣнный капиталъ, становится свободной и излишней, при сохраненіи прежняго размѣра производства». Томъ III, стр. 87. (Примѣчаніе переводчика).

[2]) Такъ Марксъ, между прочимъ, объясняетъ при этомъ, почему капиталистическая система несовмѣстима съ раціональнымъ земледѣліемъ, несмотря на то, что она способствуетъ его техническому развитію (стр. 98). Далѣе мы обращаемъ вниманіе на аналитическое изображеніе хлопчатобумажнаго кризиса во время американской гражданской войны и на представленное въ той главѣ въ «дополненіяхъ» доказательство ложности мнѣнія, защищаемаго, между прочимъ, Родбертусомъ, по которому измѣненіе въ величинѣ капитала не вліяетъ на отношеніе между прибылью и капиталомъ (стр. 117 и слѣд.).

Можно сказать, пишетъ Марксъ, что законъ паденія нормы прибыли, столь важный для капиталистическаго производства, «представляетъ *тайну*, вокругъ рѣшенія которой вращается вся политическая экономія со времени Адама Смита, и различіе между разными ея школами состоитъ въ различіи попытокъ къ рѣшенію этой задачи» (стр. 193). То обстоятельство, что ни одна школа не дала рѣшенія вопроса, объясняется тѣмъ, что «хотя до сихъ поръ политическая экономія и блуждала вокругъ разницы между постояннымъ и перемѣннымъ капиталами, но никогда не могла точно формулировать ее; никогда она не могла представить прибавочную стоимость отдѣльно отъ прибыли, и вообще не могла представить прибыль въ чистомъ видѣ, въ отличіе отъ ея различныхъ составныхъ частей, ставшихъ самостоятельными по отношенію другъ къ другу, — какъ промышленная прибыль, торговая прибыль, процентъ и поземельная рента».

Посмотримъ же, какимъ образомъ разрѣшается эта проблемма у Маркса.

Если дана величина рабочаго дня и заработной платы, то извѣстный перемѣнный капиталъ представляетъ извѣстное число занятыхъ рабочихъ, служитъ—какъ говоритъ Марксъ—«показателемъ этого числа». Возьмемъ перемѣнный капиталъ въ 100 фунтовъ стерлинговъ, представляющій 100 рабочихъ съ средней заработной платой 1 ф. въ недѣлю. Весь продуктъ, создаваемый этими рабочими, пусть будетъ 200 ф. ст.; прибавочная стоимость, значитъ, 100 ф., и норма прибавочной стоимости—100%. Въ этомъ случаѣ, при неизмѣнности нормы прибавочной стоимости, высота нормы прибыли будетъ опредѣляться величиной постояннаго капитала, т. е. она будетъ измѣняться въ противоположномъ направленіи съ ней. Напримѣръ, при сверхстоимости = 100, если

$$\text{A) } c = 100 \text{ и } v = 100, \text{ то норма прибыли } = \frac{100}{200} = 50\%$$

$$\text{B) } c = 200 \text{ и } v = 100, \text{ » » » } = \frac{100}{300} = 33\frac{1}{3}\%$$

$$\text{C) } c = 400 \text{ и } v = 100, \text{ » » » } = \frac{100}{500} = 20\%$$

—такъ какъ норма прибыли считается на весь капиталъ, состоящій изъ $c + v$.

Постоянный капиталъ въ нашемъ примѣрѣ повышался каждый разъ на 100%, со 100 на 200, съ 200 на 400,—а норма прибыли упала въ первомъ случаѣ съ 50% на 33⅓%, а во второмъ на 40%. Слѣдовательно, пониженіе ея не пропорціонально повышенію постояннаго капитала, и это потому, что перемѣнный капиталъ во всѣхъ трехъ случаяхъ оставался неизмѣннымъ. Въ дѣйствительности, разумѣется, это приняло бы тоже иной видъ, но мы видѣли уже выше, что съ ходомъ

экономическаго развитія, съ ростомъ производительности труда постоянный капиталъ увеличивается значительно быстрѣе, чѣмъ перемѣнный, такъ что даже ростъ постояннаго капитала сопровождается во многихъ случаяхъ абсолютнымъ уменьшеніемъ перемѣннаго капитала. Примѣнимъ такой случай къ вышеприведенному примѣру. Пускай—при прежней нормѣ прибавочной стоимости въ 100%—въ первомъ случаѣ перемѣнный капиталъ уменьшился съ 100 до 80, а во второмъ увеличился съ 80 до 110. Тогда мы получаемъ:

A) c = 100, v = 100. Норма прибыли = $\frac{\text{сверхстоимость}}{c + v} = \frac{100}{200} = 50\%$,

B) c = 200, v = 80 » » = $\frac{\text{сверхстоимость}}{c + v} = \frac{80}{280} = 28\frac{4}{7}\%$

C) c = 400, v = 110 » » = $\frac{\text{сверхстоимость}}{c + v} = \frac{110}{510} = 21\frac{29}{51}\%$

Или положимъ, что измѣняется норма прибавочной стоимости, при томъ же перемѣнномъ капиталѣ въ 100. Положимъ, въ первомъ случаѣ (т. е. въ B по отношенію къ A) она повышается съ 100% до 120%, а во второмъ случаѣ—съ 120% до 150%. Такое предположеніе болѣе предыдущаго соотвѣтствуетъ дѣйствительности потому, что столь большое увеличеніе постояннаго капитала сравнительно съ перемѣннымъ въ дѣйствительности указываетъ всегда на значительное повышеніе производительности труда [1]). Мы получаемъ тогда (обозначая для краткости норму прибыли черезъ pr, а норму сверхстоимости черезъ mr):

A) c = 100, v = 100, mr = 100%, pr = $\frac{100}{200} = 50\%$

B) c = 200 v = 100, mr = 120%, pr = $\frac{120}{300} = 40\%$

C) c = 400, v = 100, mr = 150% pr = $\frac{150}{500} = 30\%$

---

[1]) Оно могло бы разумѣется, указывать и на соотвѣтствующее повышеніе цѣнъ на средства производства (машины, сырые продукты и пр.), но это—случаи, которые не подлежатъ здѣсь разсмотрѣнію. Притомъ, общее повышеніе цѣнъ на сырье, вѣроятно, вызвало бы увеличеніе перемѣннаго капитала и, слѣд., едва ли сильно измѣнило бы отношеніе c : v. Мимоходомъ упомянемъ здѣсь, что Марксъ — именно въ виду того, что болѣе быстрый ростъ c сравнительно съ c указываетъ обыкновенно на ростъ производительности труда,—называетъ тѣ капиталы, которые имѣютъ, въ процентныхъ отношеніяхъ, больше постояннаго капитала и меньше перемѣннаго, чѣмъ данный средній общественный капиталъ,—*«капиталами высшаго состава»*, а такіе капиталы, которые содержатъ менѣе постоянныхъ составныхъ частей,—*«капиталами низшаго состава»*. Наконецъ, тѣ капиталы, органическій составъ которыхъ соотвѣтствуетъ среднему, Марксъ называетъ «капиталами средняго состава». Ср. «Капиталъ», III, стр. 142.

Наконецъ, положимъ, что одновременно произошли всѣ три указанныя измѣненія. Тогда мы имѣли бы:

A) $c = 100$, $v = 100$, $mr = 100\%$, $m = 100$, $pr = \frac{100}{200} = 50\%$

B) $c = 200$, $v = 80$, $mr = 120\%$, $m = 96$, $pr = \frac{96}{280} = 34^{2}/_{7}\%$

C) $c = 400$, $v = 110$, $mr = 150\%$, $m = 165$, $pr = \frac{165}{510} = 32^{10}/_{17}\%$

Во второмъ и четвертомъ примѣрѣ паденіе нормы прибыли во второмъ случаѣ каждый разъ замедлялось, а въ первомъ и третьемъ примѣрѣ наоборотъ, паденіе нормы прибыли отъ C къ B сильнѣе, чѣмъ отъ B къ A. Но еслибы—приведемъ еще одинъ возможный случай—въ четвертомъ примѣрѣ норма сверхстоимости въ случаѣ C была не 150, а 180%, то мы имѣли бы:

C) $c = 400$, $v = 110$, $mr = 180\%$, $m = 198$, $pr = \frac{198}{510} = 38^{42}/_{51}\%$,—

т. е. опять таки небольшое повышеніе нормы прибыли.

Въ такомъ видѣ, второй и четвертый примѣръ всего точнѣе иллюстрируютъ *дѣйствительную* тенденцію капиталистическаго производства. «Постоянно уменьшая перемѣнный капиталъ по отношенію къ постоянному,—пишетъ Марксъ—оно повышаетъ прогрессивно органическій составъ всего капитала; непосредственнымъ слѣдствіемъ этого является то, что норма прибавочной стоимости, при неизмѣнной и даже растущей степени эксплуатаціи труда, выражается въ постоянно понижающейся общей нормѣ прибыли». Эта прогрессивная тенденція—замѣтьте: *тенденція*—общей нормы прибыли къ паденію «является, слѣдовательно, лишь *свойственнымъ капиталистическому способу производства выраженіемъ* прогрессивнаго развитія общественной производительной силы труда... Такъ какъ количество употребляемаго живого труда постоянно уменьшается по отношенію къ массѣ приводимаго имъ въ движеніе овеществленнаго труда,—массѣ производительно потребляемыхъ средствъ производства, то и та часть этого живого труда, которая остается неоплаченной и овеществляется въ сверхстоимости, должна находиться въ постоянно уменьшающемся отношеніи къ величинѣ стоимости всего употребленнаго капитала» (стр. 193).

Возьмемъ опять четвертый примѣръ и приведемъ данныя тамъ цифры ко всему капиталу въ 100 единицъ. Тогда мы получаемъ:

A) $c = 50$, $v = 50$, $mr = 100\%$, $m = 50$, $pr = 50\%$
B) $c = 71^{3}/_{7}$, $v = 28^{4}/_{7}$, $mr = 120\%$, $m = 34^{2}/_{7}$, $pr = 34^{2}/_{7}\%$
C) $c = 78^{22}/_{51}$, $v = 21^{29}/_{51}$, $mr = 150\%$, $m = 32^{6}/_{17}$, $pr = 32^{6}/_{17}\%$

m, выражающее *количество* сверхстоимости, представляетъ здѣсь постоянно уменьшающуся величину. Другими словами, *масса* сверхстоимости постоянно *уменьшается* по отношенію ко всему употребленному капиталу. И это опять таки есть лишь отраженіе дѣйствительныхъ явленій, лишь другое выраженіе стремленія нормы прибыли къ паденію. Въ самомъ дѣлѣ, норма прибыли и есть прибавочная стоимость, выраженная въ процентахъ ко всему капиталу. 100—представляютъ здѣсь сто единицъ, которыя можно представить себѣ какой угодно большой величины, хотя бы такой, что, взятыя вмѣстѣ, онѣ представляли весь промышленный капиталъ, употребляемый въ данномъ обществѣ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что количество сверхстоимости можетъ абсолютно *уменьшиться*, вмѣстѣ съ относительнымъ уменьшеніемъ перемѣннаго капитала, даже при повышающейся нормѣ прибавочной стоимости. Уменьшая расходъ на живой трудъ, капиталъ тѣмъ самымъ уменьшаетъ количество прибавочной стоимости, считая его въ процентахъ на весь капиталъ. Съ прогрессомъ капиталистическаго производства и съ увеличеніемъ производительной силы одинаковая величина стоимости представляетъ постоянно увеличивающееся количество *потребительныхъ стоимостей*, а, слѣдовательно, *наслажденій*,—но объ этомъ мы упоминаемъ здѣсь лишь мимоходомъ, такъ какъ въ этой главѣ рѣчь идетъ не объ этомъ вопросѣ, а о вопросѣ *созданія прибыли капиталомъ* (der *Verwerthung des Kapitals*).

Итакъ, чтобы увеличить количество *прибавочной стоимости*, приходится употреблять все большій и большій капиталъ. Для того, чтобы поднять сверхстоимость въ случаѣ C нашего послѣдняго примѣра снова до 50, каковой она была въ началѣ, въ случаѣ A,—для этого, несмотря на возросшую норму прибавочной стоимости, требуется капиталъ болѣе чѣмъ въ полтора раза превышающій прежній. При *прежней* единицѣ,—которая можетъ означать 100,000, 10,000. какое угодное число,—капиталъ, ровно въ полтора раза болѣе прежняго, принесъ бы, при неизмѣнномъ органическомъ составѣ и той же нормѣ прибавочной стоимости:

$c = 117^{33}/_{51} + v = 32^{6}/_{17}$, $m\prime = 150\%$ —принесъ бы сверхстоимость въ $48^{9}/_{17}$ единицъ.

«Необходимо *прогрессивно* увеличивающееся количество всего капитала, чтобы приводить въ движеніе тоже количество рабочей силы и всасывать тоже количество прибавочнаго труда» (с. 203). Въ нашемъ послѣднемъ примѣрѣ мы имѣемъ даже только $32^{6}/_{17}$ единицъ капитала, расходуемаго на рабочую силу, сравнительно съ 50 единицами въ случаѣ A. Это можетъ произойти вслѣдствіе удешевленія жизненныхъ средствъ и пониженія денежной заработной платы — обыкновенныхъ послѣдствій

повышенія производительности труда. Но, въ дѣйствительности, нельзя допустить полнаго исключенія всего рабочаго класса отъ результатовъ такого значительнаго роста производительности труда, который предполагается въ этомъ случаѣ. $32^{6}/_{17}$ единицъ капитала будутъ означать тогда уменьшеніе числа рабочихъ, сравнительно съ 50 въ первомъ случаѣ, не на треть, а, вѣроятно, на пятую или шестую часть. Чтобы пояснить это еще нагляднѣе, возьмемъ за единицу 10 милліоновъ марокъ и среднимъ доходомъ рабочаго будемъ считать 1,000 марокъ. Положимъ, что этотъ доходъ понижается—при повышающейся производительности труда и удешевленіи продуктовъ — на пятую часть, съ 1,000 до 800. Тогда мы получаемъ:

1-ый случай: 500 милл. мар. зар. платы по 1,000 мар. = 500,000 рабочихъ
2-ой » $323^{9}/_{17}$ » » » » » 800 » = 404,412 »

Несмотря на увеличеніе всего употребленнаго капитала на 50%, число занятыхъ рабочихъ уменьшилось почти на 20%. Чтобы занимать столько же рабочихъ, сколько и прежде, пришлось бы при этихъ условіяхъ увеличить весь капиталъ со 100 не до 150, а до $185^{5}/_{11}$ единицъ; чтобы сохранить на прежней высотѣ сумму заработныхъ платъ,—повысить его до 231 единицы, а чтобы увеличить эту сумму, повысить еще болѣе. Процентная доля перемѣннаго капитала упала здѣсь съ 50% всего капитала до $21^{29}/_{51}\%$ т. е. приблизительно на 57%. Такимъ образомъ, для того, чтобы перемѣнная составная часть капитала возрастала по своей величинѣ, «весь капиталъ долженъ возрости *сильнѣе*, чѣмъ понижается процентная доля перемѣннаго капитала» (стр. 203). Затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ развивается капиталистическое производство, «развивается возможность образованія относительно излишняго рабочаго населенія—не потому, что *уменьшается* производительная сила общественнаго труда, а потому, что она *увеличивается*» (тамъ же).

Именно это увеличеніе общественной производительной силы и вызываетъ паденіе нормы прибыли, а не просто увеличеніе капитала, какъ это обыкновенно представляютъ. Отдѣльный капиталистъ можетъ воображать, что, понижая цѣну отдѣльнаго товара, онъ, такимъ образомъ, добровольно понижаетъ падающую на послѣдній прибыль, и вознаграждаетъ себя за это большимъ количествомъ продаваемыхъ товаровъ. На самомъ же дѣлѣ онъ подчиняется только тому движенію цѣнъ, которое проистекаетъ изъ повышенія производительности труда. Именно это повышеніе производительности понижаетъ норму прибыли, увеличивая массу отчуждаемыхъ товаровъ, сокращая количество содержащагося въ каждомъ отдѣльномъ товарѣ труда и уменьшая, такимъ образомъ, сумму прибыли, приходящуюся на каждую отдѣльную штуку товара. Капиталистъ glaubt zu schieben

und er wird geschoben. Онъ думаетъ, что сбываетъ больше товаровъ потому, что понизилъ цѣну, а на самомъ дѣлѣ онъ *долженъ* продавать больше, если онъ хочетъ получить столько-же или еще больше прибыли, такъ какъ стоимость товаровъ понизилась, вслѣдствіе повышенія производительности труда. Безъ этого повышенія у него скоро прошла бы охота сбавлять цѣны. *При наличности* этого повышенія онъ былъ бы задавленъ, еслибы попытался удержать старыя цѣны и «удовлетвориться скромнымъ оборотомъ» [1]). Та иллюзія, будто все это зависитъ отъ произвола капиталиста, проистекаетъ изъ того, что вообще «въ конкуренціи все представляется въ извращенномъ видѣ», и вульгарный экономистъ обыкновенно «просто переводитъ странныя представленія капиталистовъ, смотрящихъ на все черезъ призму конкуренціи, на болѣе якобы теоретическій, обобщающій языкъ» (с. 312). «Совсѣмъ уже пошлое представленіе—вродѣ тѣхъ, что царятъ въ головахъ агентовъ конкуренціи»,—говорится въ другомъ мѣстѣ,—«находимъ мы у нашего Рошера, именно, что это пониженіе нормы прибыли «разумнѣе и человѣчнѣе» (с. 206).

Къ четвертому изъ вышеприведенныхъ примѣровъ мы прибавили альтернативный случай, когда норма прибыли не упала, а даже нѣсколько повысилась, несмотря на высшій органическій составъ всего капитала (т. е. несмотря на относительное уменьшеніе перемѣннаго капитала). Этотъ случай—вовсе не изъ головы сочиненная гипотеза. Законъ стремленія нормы прибыли къ паденію встрѣчаетъ противодѣйствіе въ цѣломъ рядѣ тенденцій, которыя съ большими или меньшими результатами *сталкиваются* съ нимъ. Еслибы этого не было, то паденіе нормы прибыли было бы гораздо болѣе быстрымъ, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности. «Если посмотрѣть на громадное развитіе производительныхъ силъ общественнаго труда, даже только за послѣднія 30 лѣтъ, по сравненію со всѣми предыдущими періодами, то вмѣсто того затрудненія, которое до сихъ поръ занимало экономистовъ—какъ объяснить паденіе нормы прибыли,—выступаетъ обратное: *объяснить, почему это паденіе не происходитъ сильнѣе или быстрѣе*» (с. 213). Въ объясненіе этого явленія Марксъ приводитъ слѣдующія общія причины, перечень которыхъ не слѣдуетъ однако считать исчерпывающимъ:

1) Возможность *повышать степень эксплуатаціи труда* посредствомъ новыхъ изобрѣтеній, введенія женскаго труда, извѣстныхъ методовъ интенсификаціи труда, удлиненія рабочаго дня и т. д. Другими сло-

[1]) Разумѣется, мы оставляемъ здѣсь въ сторонѣ тѣ исключительные случаи, при которыхъ подобныя идилліи возможны въ силу какихъ бы то ни было монополій или когда производство еще въ значительной степени основывается на ручномъ искусномъ трудѣ.

вами: увеличить *прибавочный трудъ*, а, слѣдовательно, и *массу* прибыли, безъ одновременнаго или соотвѣтственнаго увеличенія постояннаго капитала. Каждый изъ этихъ способовъ, разъ онъ получаетъ общее распространеніе, вліяетъ въ концѣ концовъ опять таки на ускореніе паденія нормы прибыли, но временно они задерживаютъ это паденіе и служатъ причиной того, что оно выступаетъ главнымъ образомъ какъ *тенденція*, что оно осуществляется преимущественно скачками.

2) Возможность *понижать заработную плату ниже стоимости рабочей силы*. И для этого случая вѣрно то, что было сейчасъ сказано. *Норма* прибавочной стоимости повышается въ подобныхъ случаяхъ сильнѣе, чѣмъ это указывается перемѣной въ органическомъ составѣ капитала: формулу этого даетъ вышеупомянутая альтернатива случая 2-го въ нашемъ четвертомъ примѣрѣ.

3) Возможность *уменьшать величину стоимости постояннаго капитала*. Когда стоимость постояннаго капитала понижается, то даже уменьшающаяся норма прибавочной стоимости можетъ идти рука объ руку съ неизмѣнной или повышающейся нормой прибыли. Напримѣръ, если мы имѣли 400 c + 100 v, mr = 150%, pr = 30%, и стоимость постояннаго капитала упала вслѣдствіе пониженія цѣнъ, скажемъ, на сырье, до 300, то при нормѣ прибавочной стоимости въ 135%, *масса* сверхстоимости понизится до 135, но норма прибыли возрастетъ до

$$\frac{135}{400} = 33^{3}/_{4}\%.$$

Если бы норма прибавочной стоимости упала до 120%, тогда норма прибыли была бы по прежнему 30%. Это обезцѣненіе наличныхъ элементовъ капитала,—не говоря о другихъ обстоятельствахъ, — представляетъ изъ себя факторъ, неизбѣжно уже данный развитіемъ промышленности и увеличеніемъ производительной силы труда, такъ что та самая причина, которая порождаетъ стремленіе нормы прибыли къ паденію, создаетъ факторы, умѣряющіе осуществленіе этой тенденціи.

4) Дальнѣйшее обстоятельство, задерживающее паденіе нормы прибыли, это—*относительное перенаселеніе*, создаваемое капиталистическимъ хозяйствомъ. Промышленная резервная армія держитъ заработныя платы громадныхъ слоевъ населенія на такомъ низкомъ уровнѣ, что машина не въ состояніи овладѣть отраслями промышленности, въ которыхъ эти слои работаютъ, и создастъ возможность производства предметовъ роскоши, которыя также основываются сначала на ручномъ трудѣ.

5) И *внѣшняя торговля* дѣйствуетъ въ смыслѣ повышенія нормы прибыли, въ особенности поскольку она понижаетъ стоимость постояннаго капитала, удешевляя его элементы. Такое же дѣйствіе производитъ

въ теченіе извѣстнаго времени вызываемое ею удешевленіе жизненныхъ средствъ, такъ какъ оно сначала повышаетъ норму прибавочной стоимости. Съ теченіемъ времени, однако,—какъ было уже сказано,—это удешевленіе должно опять таки повліять на паденіе нормы прибыли.

Другое отраженное дѣйствіе внѣшней торговли.—которая съ развитіемъ капиталистическаго способа производства является настолько же его *собственнымъ продуктомъ*, насколько въ его дѣтствѣ она была его *базисомъ* [1]),—на норму прибыли состоитъ въ томъ, что капиталъ, вложенный въ нее и особенно въ колоніальную торговлю, приноситъ высшія прибыли, чѣмъ въ капиталистическихъ странахъ. Поскольку эти прибыли входятъ въ выравниваніе общей нормы прибыли, онѣ содѣйствуютъ, слѣд., ея повышенію.

6) Наконецъ, *распространеніе акціонернаго капитала*, поскольку его выдѣляютъ и можно выдѣлять отъ предпринимательскаго капитала, равнымъ образомъ противодѣйствуетъ паденію общей нормы прибыля. Акціонеръ—уже не предприниматель, онъ получаетъ дивидендъ, который въ среднемъ ниже, чѣмъ норма прибыли предпріятій, руководимыхъ частными предпринимателями, — а предпріятія, обращающіяся въ акціонерныя общества, въ большинствѣ случаевъ какъ разъ такія, въ которыхъ постоянный капиталъ особенно великъ по сравненію съ перемѣннымъ.

Заканчивая пересказъ этого предмета, замѣтимъ, что мы могли, къ сожалѣнію, дать здѣсь лишь сухой очеркъ богатаго и яснаго изложенія его въ книгѣ. Мы должны были опустить пока очень важную главу (15-ю) посвященнаго ему отдѣла, излагающую «*внутреннія противорѣчія закона*». Мы заимствуемъ изъ нея лишь одно положеніе, которое послѣ вышеизложеннаго не должно уже показаться читателю «не болѣе какъ остроумнымъ парадоксомъ» — остроумничанья вообще напрасно было бы искать у Маркса — и о правильности котораго свидѣтельствуютъ теперь тысячи примѣровъ. Оно гласитъ: «*Истинный предѣлъ* капиталистическаго производства, это—*самъ капиталъ*».

IV. Предѣлы капиталистическаго способа производства.

Прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ изслѣдованіямъ Маркса о распаденіи на разныя части прибавочной стоимости—до сихъ поръ постоянно пред-

---

[1]) С. 218. Марксъ, кажется, предчувствовалъ тутъ своего Брентано (намекъ автора на тотъ фактъ, что Брентано упрекаетъ Маркса въ игнорированіи значенія обмѣна, т. е. торговли для развитія капитализма. (Примѣч. перев.).

полагалось, что вся сверхстоимость достается промышленному предпринимателю, который и разсматривался какъ представитель капитала вообще,— прежде чѣмъ мы обратимся къ вопросамъ о купеческой прибыли, о прибыли торговца деньгами (Geldhändlergrofit) и о поземельной рентѣ, мы приведемъ еще нѣсколько положеній изъ первыхъ трехъ отдѣловъ. Положенія эти отчасти иллюстрируютъ для большей ясности изложенное, отчасти дополняютъ его по отношенію къ такимъ пунктамъ, которые пришлось опустить при нашемъ схематическомъ изложеніи.

Прежде всего предстоитъ разсмотрѣть слѣдующій важный пунктъ: предѣлы развитія производительности труда, которые ставитъ самъ себѣ капиталистическій способъ производства, и вліяніе, оказываемое въ этомъ отношеніи пониженіемъ нормы прибыли. Въ капиталистическомъ обществѣ дѣйствительное развитіе производительности труда въ соотвѣтствіи съ расширеніемъ техническаго знанія и съ возможностью производства встрѣчаетъ противодѣйствіе въ подчиненіи производства капиталу и въ тенденціи капитала получать прибыль. На это было указано уже въ I-мъ томѣ «Капитала» (глава XIII, 2), и по этому поводу было цитировано положеніе Рикардо, что новыя машины часто до тѣхъ поръ не могутъ быть введены, пока не повысится заработная плата. *Настолько* это соотношеніе было ясно уже для Рикардо. Но только изложеніе того, что такое норма прибыли въ отличіе отъ нормы прибавочной стоимости, даетъ возможность *полнаго* объясненія этого явленія и его послѣдствій. Энгельсъ даетъ это объясненіе на стр. 243 и слѣд., основываясь на одномъ неразвитомъ замѣчаніи въ рукописи и развивая его далѣе.

«Положимъ,—пишетъ онъ — что извѣстная капиталистическая отрасль производства производитъ нормальную штуку своего товара при слѣдующихъ условіяхъ: снашиваніе основного капитала составляетъ на штуку ½ шиллинга или марки; на сырой и вспомогательный матеріалъ идетъ 17½ ш.; на заработную плату 2 шилл., и при нормѣ сверхстоимости въ 100% прибавочная стоимость составляетъ 2 ш. Вся стоимость = 22 шиллингамъ или маркамъ. Мы принимаемъ для простоты, что въ этой отрасли производства капиталъ имѣетъ средній составъ общественнаго капитала, что, слѣд., цѣна производства совпадаетъ съ его стоимостью, а прибыль капиталиста совпадаетъ съ произведенной сверхстоимостью. Тогда издержки производства товара = ½ + 17½ + 2 = 20 ш., средняя норма прибыли $\frac{2}{20} = 10\%$ и цѣна производства штуки товара равна ея стоимости = 22 шилл. или марк.

«Положимъ, что изобрѣтена машина, которая умепьшаетъ вдвое количество живого труда, требующагося на штуку товара, но за то увеличиваетъ втрое ту часть стоимости, которая состоитъ изъ снашиванія основного капитала. Тогда дѣло представляется въ такомъ видѣ: снашиваніе = 1½ ш., сырой и вспомогательный матеріалъ по прежнему 17½ ш., заработная плата

1 ш., сверхстоимость 1 ш., всего 21 шиллингъ или марка. Стоимость товара понизилась на 1 ш.: новая машина несомнѣнно повысила производительность труда. Но для капиталиста дѣло представляется такъ: его издержки производства теперь слѣдующія—$1^1/_2$ ш. — снашиваніе, $17^1/_2$ ш. — сырой и вспомогательный матеріалъ, 1 ш. — заработная плата, всего 20 ш., какъ и прежде. Такъ какъ норма прибыли введеніемъ новой машины прямо не измѣняется, то онъ долженъ получить 10% на свои издержки производства, т. е. 2 шилл.; так. обр., цѣна производства по прежнему — 22 ш., но она на 1 ш. уже превышаетъ стоимость. Для общества, производящаго при капиталистическихъ условіяхъ, товаръ *не* удешевился, новая машина *не составляетъ* улучшенія. Капиталисту, слѣдовательно, нѣтъ никакого интереса вводить эту новую машину. И, такъ какъ введеніе ея прямо-таки отняло бы всякую стоимость у прежней, не изношенной еще машины, превратило бы ее просто въ старое желѣзо, т. е. причинило капиталисту положительный убытокъ,—то онъ и сторонится усердно отъ этакой, утопической для него глупости» (стр. 244/5).

Такимъ образомъ, то, что имѣло бы силу въ такомъ обществѣ, въ которомъ производство планомѣрно регулировалось бы производителями, то, что имѣетъ силу даже въ простомъ товарномъ производствѣ, т. е. въ до-капиталистическомъ обществѣ, именно, что производительность труда измѣряется количествомъ труда, которое нужно израсходовать на продукты,—это перестаетъ быть безусловно вѣрнымъ для капиталистическаго общества. «Для капитала эта производительная сила повышается не въ томъ случаѣ, когда вообще сберегается живой трудъ, а только въ томъ случаѣ, когда на *оплачиваемой* части живого труда сберегается больше, чѣмъ прибавляется прошлаго труда» (тамъ же). «Ни одинъ капиталистъ не примѣнитъ добровольно новаго способа производства, насколько бы онъ ни былъ производительнѣе, какъ бы онъ ни повышалъ норму прибавочной стоимости, если только онъ уменьшаетъ норму прибыли» (стр. 247). Это значитъ: уменьшаетъ *непосредственно* его данную норму прибыли, ибо уменьшать его посредственно—это уже неизбѣжная участь капиталиста. «Норма прибыли»—говорится въ другомъ мѣстѣ—«это — движущая сила въ капиталистическомъ производствѣ: производится лишь то и постольку, что и поскольку можетъ быть произведено съ прибылью. Отсюда опасенія англійскихъ экономистовъ по поводу уменьшенія нормы прибыли. То обстоятельство, что одна только возможность этого безпокоитъ Рикардо, показываетъ именно его глубокое пониманіе условій капиталистическаго производства. То, что ставится ему въ упрекъ,—именно, что онъ, не заботясь о «человѣкѣ», имѣетъ въ виду при разсмотрѣніи капиталистическаго производства только развитіе производительныхъ силъ, какими бы оно не покупалось жертвами (какъ человѣческими жертвами, такъ и потерей капитальныхъ *стоимостей*) — это какъ разъ и со-

ставляетъ его достоинство [1]). Развитіе производительныхъ силъ общественнаго труда—такова историческая задача капитала и его историческая raison d'être. Именно этимъ создаетъ онъ безсознательно матеріальныя условія высшей формы производства. Что безпокоитъ Рикардо — это то, что норма прибыли, этотъ стимулъ капиталистическаго производства, условіе и двигатель накопленія, сама подрывается развитіемъ производства» (стр. 241, 242).

Мы стоимъ здѣсь передъ системой противорѣчій, вытекающихъ изъ антагонистическаго характера капиталистическаго производства. Накопленіе капитала ускоряетъ паденіе нормы прибыли, а паденіе нормы прибыли ускоряетъ въ свою очередь концентрацію капитала. До сихъ поръ дѣло обстоитъ еще благополучно. Но паденіе нормы прибыли имѣетъ въ то же время послѣдствіемъ *замедленіе* образованія новыхъ *самостоятельныхъ* капиталистовъ—одно изъ условій развитія капиталистическаго процесса производства—и *ускореніе «перепроизводства, спекуляціи, кризисовъ, избыточнаго капитала рядомъ съ избыточнымъ населеніемъ»* (стр. 223). Марксъ излагаетъ это въ главѣ 15-ой: «Развитіе внутреннихъ противорѣчій закона», изъ которой мы уже привели выше нѣсколько мѣстъ. Резюмировать содержаніе этой главы представляется намъ невозможнымъ: то, что выиграется на краткости, потеряется на ясности и точности. Въ популяризаціи это изложеніе не нуждается, потому что оно такъ понятно, какъ только вообще позволяетъ это предметъ. Поэтому мы ограничиваемся простымъ указаніемъ на пункты, трактуемые въ этой главѣ, и въ дальнѣйшемъ предоставимъ лучше говорить самому Марксу.

«Вся масса товаровъ, весь продуктъ —какъ та часть, которая возмѣщаетъ постоянный и перемѣнный капиталъ, такъ и та, которая представляетъ прибавочную стоимость,—долженъ быть проданъ. Если это не удастся, или удастся лишь отчасти, или только по цѣнамъ, которыя ниже цѣнъ производства,—то хотя рабочій и подвергся эксплуатаціи, но его эксплуатація не реализуется какъ таковая для капиталиста; она можетъ не вести ни къ какой или лишь къ частичной реализаціи выжатой прибавочной стоимости она можетъ быть даже связана съ частичной или полной потерей его капитала. Условія непосредственной эксплуатаціи и условія ея реализаціи — не тождественны. Они не совпадаютъ не только по времени и мѣсту, но и логически. Первыя ограничены только производительной силой общества, вто-

[1]) Недостатокъ изслѣдованія Рикардо — независимо отъ его тенденціозности—состоитъ въ томъ, что Рикардо подъ предлогомъ разсмотрѣнія нормы прибыли на самомъ дѣлѣ «разсматриваетъ только норму прибавочной стоимости, да и ее лишь для тѣхъ случаевъ, когда рабочій день и въ интенсивномъ и въ экстенсивномъ отношеніи представляетъ величину постоянную» (стр. 222).

рыя—пропорціональностью различныхъ отраслей производства и потребительной способностью общества. А эта послѣдняя опредѣляется не абсолютной производительной силой и не абсолютной потребительной способностью, а потребительною способностью, покоющеюся на антагонистическихъ условіяхъ распредѣленія, которыя сводятъ потребленіе громадной массы общества къ минимуму, измѣняющемуся лишь въ болѣе или менѣе узкихъ предѣлахъ. Она ограничена далѣе стремленіемъ къ накопленію, стремленіемъ къ увеличенію капитала и къ производству прибавочной стоимости въ большемъ масштабѣ. Таковъ законъ капиталистическаго производства,—законъ, предписываемый постоянными переворотами въ самыхъ методахъ производства, постояннымъ связаннымъ съ ними обезцѣненіемъ наличнаго капитала, всеобщей борьбой конкуренціи и необходимостью улучшать производство и расширять его размѣры — просто, какъ средство удержаться и не погибнуть. Рынокъ долженъ поэтому постоянно расширяться, такъ что соотношеніе между отдѣльными его факторами и регулирующія его условія все болѣе и болѣе принимаютъ видъ независимаго отъ производителей естественнаго закона, становятся все менѣе контролируемыми. Внутреннее противорѣчіе стремится сгладиться посредствомъ расширенія внѣшняго поля производства. Но чѣмъ болѣе развивается производительная сила, тѣмъ болѣе приходитъ она въ столкновеніе съ тѣмъ узкимъ базисомъ, на которомъ основываются условія потребленія. При такомъ полномъ противорѣчій основаніи нѣтъ ничего противорѣчиваго въ томъ, что избытокъ капитала связанъ съ растущимъ избыткомъ населенія; ибо, хотя, при соединеніи того и другого, и увеличилось бы количество произведенной сверхстоимости, но въ силу именно этого возросло бы противорѣчіе между тѣми условіями, при которыхъ эта прибавочная стоимость производится, и тѣми, при которыхъ она реализуется»... (стр. 225/6).

«Количество труда, которымъ можетъ распоряжаться капиталъ, зависитъ не отъ его стоимости, а отъ количества сырыхъ и вспомогательныхъ матеріаловъ, машинъ и элементовъ основного капитала, отъ количества жизненныхъ средствъ, изъ которыхъ онъ состоитъ, какова бы ни была ихъ стоимость. Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ растетъ количество прилагаемаго труда а, слѣдовательно, и прибавочнаго труда,—растетъ и стоимость воспроизводимаго капитала и вновь прибавляемая къ нему добавочная стоимость.

Оба эти момента, входящіе въ процессъ накопленія, не слѣдуетъ разсматривать только въ спокойномъ ихъ сосуществованіи, какъ изслѣдуетъ ихъ Рикардо; они включаютъ въ себя противорѣчіе, которое проявляется въ противорѣчивыхъ тенденціяхъ и явленіяхъ. Противодѣйствующія силы дѣйствуютъ одновременно другъ противъ друга.

Одновременно съ тенденціями дѣйствительнаго увеличенія рабочаго населенія, вытекающими изъ увеличенія той части всего общественнаго продукта, которая дѣйствуетъ какъ капиталъ,—дѣйствуютъ факторы, создающіе лишь относительное перенаселеніе.

Одновременно съ паденіемъ нормы прибыли растетъ масса капиталовъ и рука объ руку съ ней идетъ обезцѣненіе наличнаго капитала, которое задерживаетъ это паденіе и даетъ ускоряющій толчекъ накопленію капитальной стоимости.

Одновременно съ развитіемъ производительной силы развивается высшій составъ капитала, относительное уменьшеніе перемѣнной части его по отношенію къ постоянной.

Эти различныя вліянія проявляются иногда преимущественно одно рядомъ съ другимъ въ пространствѣ, иногда преимущественно одно послѣ друга во времени; періодически конфликтъ противодѣйствующихъ силъ разрѣшается кризисами. Кризисы всегда представляютъ изъ себя лишь моментальныя, насильственныя разрѣшенія наличныхъ противорѣчій, насильственные взрывы, которые снова на минуту создаютъ нарушенное равновѣсіе.

Противорѣчіе, если выразить его въ самой общей формѣ, состоитъ въ томъ, что капиталистическій способъ производства имѣетъ тенденцію къ абсолютному развитію производительныхъ силъ, независимо отъ стоимости и заключающейся въ ней сверхстоимости, независимо также отъ тѣхъ общественныхъ отношеній, внутри которыхъ существуетъ капиталистическое производство; между тѣмъ, съ другой стороны, этотъ способъ производства имѣетъ цѣлью сохраненіе существующей капитальной стоимости и ея самовозрастаніе въ высшей мѣрѣ (т. е. постоянно ускоряющійся приростъ этой стоимости). Специфическій характеръ его устремленъ на наличную капитальную стоимость, какъ средство къ возможно большему самовозрастанію этой стоимости»... (стр. 230—231).

Перепроизводство капитала никогда не означаетъ что либо другое, кромѣ какъ перепроизводство средствъ производства—орудій труда и жизненныхъ средствъ,—которыя могли бы функціонировать въ качествѣ капитала, т. е. могли бы быть употреблены для высасыванія труда по данной мѣрѣ эксплуатаціи; между тѣмъ, пониженіе этой мѣры эксплуатаціи ниже извѣстнаго предѣла вызываетъ нарушенія и застой капиталистическаго процесса производства, кризисы, разрушеніе капитала.

Нѣтъ никакого противорѣчія въ томъ, что это перепроизводство капитала сопровождается болѣе или менѣе значительнымъ относительнымъ перенаселеніемъ. Тѣ самыя обстоятельства, которыя повысили производительную силу труда, увеличили массу товарныхъ продуктовъ, расширили рынки, ускорили накопленіе капитала, какъ по его массѣ, такъ и по стоимости, и понизили норму прибыли,—эти самыя обстоятельства породили относительное перенаселеніе и порождаютъ его постоянно,—избыточное рабочее населеніе, которое не употребляется избыточнымъ капиталомъ, вслѣдствіе низкой степени эксплуатаціи труда, по которой только оно и могло бы быть употреблено, или по крайней мѣрѣ вслѣдствіе низкой нормы прибыли, которую оно принесло-бы при данной степени эксплуатаціи.

Если капиталъ посылается за границу, то это происходитъ не потому, чтобы онъ абсолютно не могъ быть занятъ внутри страны. Это происходитъ потому, что заграницей онъ можетъ быть помѣщенъ по высшей нормѣ прибыли. Но этотъ капиталъ является абсолютно избыточнымъ капиталомъ для занятаго рабочаго населенія и для данной страны вообще. Онъ существуетъ, какъ таковой, рядомъ съ относительно избыточнымъ населеніемъ, и это служитъ примѣромъ того, какъ оба явленія существуютъ рядомъ и взаимно обусловливаютъ другъ друга.

Съ другой стороны, пониженіе нормы прибыли, связанное съ накопле-

ніемъ, необходимо вызываетъ конкуренцію. Уравновѣшеніе паденія нормы прибыли ростомъ массы прибыли имѣетъ мѣсто лишь для всего общественнаго капитала и для крупныхъ, прочно устроившихся капиталистовъ. Новый самостоятельно функціонирующій добавочный капиталъ не находитъ передъ собой никакихъ подобныхъ уравновѣшивающихъ условій, онъ долженъ еще завоевать ихъ, и такимъ образомъ, паденіе нормы прибыли вызываетъ конкуренцію между капиталистами, а не наоборотъ. Эта конкуренція сопровождается, конечно, временнымъ повышеніемъ заработной платы и вытекающимъ отсюда дальнѣйшимъ временнымъ пониженіемъ нормы прибыли. Тоже самое оказывается при перепроизводствѣ товаровъ, при переполненіи рынковъ. Такъ какъ цѣлью капитала является не удовлетвореніе потребностей, а производство прибылей, и такъ какъ капиталъ достигаетъ этой цѣли лишь такими способами, которые соразмѣряютъ массу продуктовъ съ размѣрами производства, а не наоборотъ, то постоянно должно наступать несоотвѣтствіе между ограниченными размѣрами потребленія на капиталистическомъ основаніи и такимъ производствомъ, которое непрерывно стремится выйти изъ этихъ своихъ имманентныхъ границъ. Впрочемъ, капиталъ состоитъ вѣдь изъ товаровъ, и поэтому перепроизводство капитала включаетъ и перепроизводство товаровъ. Отсюда то странное явленіе, что тѣ самые экономисты, которые отрицаютъ перепроизводство товаровъ, допускаютъ перепроизводство капитала. Если говорятъ, что происходитъ не всеобщее перепроизводство, а только диспропорція между различными отраслями производства, то это означаетъ лишь то, что въ предѣлахъ капиталистическаго производства пропорціональность отдѣльныхъ отраслей производства проявляется лишь въ постоянномъ стремленіи выйти изъ диспропорціональности, такъ какъ здѣсь связь всего производства навязывается дѣятелямъ производства, какъ слѣпой законъ, а не какъ законъ понятый ихъ соединеннымъ разумомъ и подчиненный ему,—законъ, ставящій процессъ производства подъ ихъ общій контроль. Далѣе, такое утвержденіе содержитъ требованіе, чтобы страны, гдѣ капиталистическій способъ производства не развитъ, потребляли и производили въ такой мѣрѣ, которая соотвѣтствуетъ странамъ капиталистическаго способа производства. Если говорятъ, что перепроизводство только относительно, то это совершенно справедливо, но весь капиталистическій способъ производство является именно только относительнымъ способомъ производства, границы котораго не абсолютны, но для него, на его основаніи становятся абсолютными. Какимъ бы образомъ иначе могъ оказаться недостатокъ въ спросѣ на тѣ самые товары, въ которыхъ нуждается масса народа? И какимъ образомъ, было бы возможно, что приходится искать спроса за границей, на далекихъ рынкахъ, чтобъ заплатить дома рабочимъ среднее количество необходимыхъ жизненныхъ средствъ? Только потому, что въ этомъ специфическомъ капиталистическомъ соотношеніи избыточный продуктъ принимаетъ такую форму, въ которой его владѣлецъ лишь тогда можетъ предоставить его потребленію, когда этотъ продуктъ снова обратится для него въ капиталъ. Наконецъ, если говорятъ, что капиталисты сами могутъ обмѣнять между собой свои товары и съѣсть ихъ, то тутъ забываютъ весь характеръ капиталистическаго производства, забываютъ, что дѣло идетъ о созданіи прибыли капиталомъ, а не о его потребленіи. Однимъ словомъ, всѣ возраженія противъ очевидныхъ явленій перепроизводства (явленій, кото-

рыя нимало не заботятся объ этихъ возраженіяхъ) сводятся къ тому, что границы *капиталистическаго* производства не суть границы *производства вообще*, и поэтому не суть границы этого специфическаго капиталистическаго способа производства. Но противорѣчіе этого капиталистическаго способа производства состоитъ именно въ его тенденціи къ абсолютному развитію производительныхъ *силъ*,—тенденціи, которая постоянно приходитъ въ столкновеніе съ тѣми *условіями* производства, въ которыхъ движется капиталъ и въ которыхъ онъ только и можетъ двигаться.

Не то, чтобы производилось слишкомъ много жизненныхъ средствъ сравнительно съ наличнымъ населеніемъ. Наоборотъ, производится слишкомъ мало, чтобъ удовлетворить прилично и по человѣчески потребности массы населенія.

Не то, чтобы производилось слишкомъ много средствъ производства, чтобы занять трудоспособную часть населенія. Наоборотъ: во первыхъ, производится слишкомъ большая часть населенія, которая фактически не трудоспособна, которой въ силу своего положенія приходится эксплуатировать трудъ другихъ, или заниматься такими работами, которыя могутъ считаться работами лишь въ предѣлахъ жалкаго способа производства. Во-вторыхъ, производится недостаточно средствъ производства, чтобы все трудоспособное населеніе работало при самыхъ производительныхъ условіяхъ, т. е. чтобы его абсолютное рабочее время было сокращено въ соотвѣтствіи съ массою и производительностью постояннаго капитала, употребляемаго въ теченіе его рабочаго времени.

Но періодически производится слишкомъ много орудій труда и жизненныхъ средствъ, чтобъ ихъ можно было употреблять въ дѣло, какъ средство эксплуатаціи рабочихъ по данной нормѣ прибыли. Производится слишкомъ много товаровъ, чтобы можно было реализировать содержащуюся въ нихъ стоимость и заключающуюся въ ней сверхстоимость при данныхъ капиталистическихъ условіяхъ распредѣленія и потребленія,—реализировать и опять обратить въ новый капиталъ, т. е. чтобы можно было продолжать этотъ процессъ безъ постоянно возвращающихся кризисовъ.

Не то, чтобы производилось слишкомъ много богатства. Но періодически производится слишкомъ много богатства въ его капиталистическихъ антагонистическихъ формахъ.

Предѣлы капиталистическаго способа производства выступаютъ наружу:

1) Въ томъ, что развитіе производительной силы труда создаетъ въ пониженіи нормы прибыли такой законъ, который на извѣстномъ пунктѣ враждебно выступаетъ противъ его собственнаго развитія и потому долженъ быть постоянно преодолѣваемъ кризисами.

2) Въ томъ, что вопросъ о расширеніи или ограниченіи производства рѣшаетъ присвоеніе неоплаченнаго труда и отношеніе этого неоплаченнаго труда къ общественному труду вообще, или, выражаясь капиталистически, прибыль и отношеніе этой прибыли къ употребленному капиталу, т. е. извѣстная высота нормы прибыли, а не отношеніе производства къ общественнымъ потребностямъ, къ потребностямъ общественно развитыхъ людей. Поэтому, для капиталистическаго способа производства наступаютъ границы уже на такой ступени расширенія производства, которая при другихъ условіяхъ была бы далеко недостаточной. Это производство останавливается не

тамъ, гдѣ предписываетъ удовлетвореніе потребностей, а тамъ, гдѣ такой остановки требуетъ производство и реализація прибыли»... (стр. 238—241).

Довольно. Мы приводимъ здѣсь преимущественно результаты изложенія Маркса, но не можемъ не рекомендовать самымъ горячимъ образомъ каждому читателю изученіе всей XV главы. Онъ будетъ, какъ показываютъ уже вышеприведенныя выписки, щедро вознагражденъ за это.

V. Товарно-торговый капиталъ.

До сихъ поръ постоянно предполагалось, что тотъ, кто капиталистически употребляетъ трудъ, присваиваетъ себѣ всю сверхстоимость, которую производятъ нанятые имъ рабочіе. Это предположеніе было необходимо во 1-хъ, потому, что промышленный капиталъ представляетъ въ современномъ обществѣ *основную форму* капитала,—ту форму, въ которой онъ опредѣляетъ экономическую организацію этого общества (т. I, стр. 142) и въ которой поэтому надлежало прежде всего его изслѣдовать; а во 2-хъ, потому, что привлеченіе къ изслѣдованію другихъ формъ капитала, прежде чѣмъ законченъ анализъ прибавочной стоимости и ея отношенія къ производительному капиталу, только запутало бы этотъ анализъ и затемнило его. Во всякомъ случаѣ Марксъ уже въ первомъ и второмъ томѣ указывалъ на другія функціи капитала, кромѣ непосредственно связанныхъ съ производствомъ, указывалъ настолько, насколько это было необходимо, чтобы показать, что прибавочная стоимость создается въ *производствѣ*, а не въ *обращеніи*.

Доказательству этого посвященъ въ I-мъ томѣ второй отдѣлъ (гл. IV), который озаглавленъ: «Превращеніе денегъ въ капиталъ», и оно продолжается въ VI главѣ второго тома, трактующей объ издержкахъ обращенія; эта глава въ свою очередь составляетъ введеніе къ настоящему отдѣлу третьяго тома.

Въ первой названной главѣ (т. I, гл. IV) излагается по отношенію къ торговому капиталу, что, такъ какъ обращеніе не создаетъ никакой стоимости, то этой стоимости не откуда явиться, ибо въ торговлѣ лишь обмѣниваются равныя стоимости. «Для того, чтобы объяснить самовозрастаніе торговаго капитала не простымъ надуванельствомъ товарныхъ производителей, для этого нуженъ длинный рядъ промежуточныхъ членовъ, которые еще совершенно отсутствуютъ здѣсь, гдѣ единственнымъ нашимъ предположеніемъ является товарное обращеніе и его простые моменты» (т. I, стр. 149).

Теперь, въ третьемъ томѣ мы пришли именно къ такому пункту, что товары обмѣниваются уже не по стоимостямъ, а по ихъ *цѣнамъ производства*, опредѣляемымъ закономъ стоимости. Это—позднѣйшее явленіе не только по ходу развитія анализа Маркса, но и *исторически*. Послѣ изложеннаго въ предыдущихъ главахъ насъ не должно уже удивлять, — какъ бы мало ни ожидало этого большинство изъ насъ, — если мы слышимъ, что «обмѣнъ товаровъ по ихъ *стоимостямъ* или приблизительно по ихъ стоимостямъ... требуетъ *гораздо болѣе низкой ступени*, чѣмъ обмѣнъ по *цѣнамъ производства*, для котораго необходима *извѣстная высота капиталистическаго* развитія» [1]).

Къ характеристическимъ признакамъ и историческимъ условіямъ этой высшей ступени капиталистическаго развитія принадлежитъ, между прочимъ, отдѣленіе товарно-торговаго капитала отъ, если позволительно такъ выразиться, товаросоздающаго капитала. Разъ только обмѣнъ продуктовъ не является уже болѣе случайнымъ обмѣномъ излишковъ, и начинаютъ производить *для* обмѣна,—расходуемое на обмѣнъ время, должно въ силу этого, *представляться потеряннымъ для производства*, или — тамъ, гдѣ товаровладѣльцы — непосредственные самостоятельные производители,—*вычетомъ изъ ихъ рабочаго времени*. Отсюда, какъ замѣчаетъ

---

[1]) Томъ III, часть I, стр. 155—156. Обмѣнъ перваго рода имѣетъ мѣсто «при такихъ общественныхъ условіяхъ, когда рабочему принадлежатъ средства производства, а такія условія встрѣчаются какъ въ старомъ, такъ и въ новомъ свѣтѣ, у крестьянина, владѣющаго землей и работающаго на ней, и у ремесленника». «Это совпадаетъ»—продолжаетъ Марксъ, и мы особенно обращаемъ вниманіе на это положеніе—«съ высказаннымъ нами ранѣе воззрѣніемъ, что *развитіе продуктовъ въ товары* вовникаетъ изъ развитія обмѣна между различными *обществами*, а не между членами одного и того же общества. Это имѣетъ мѣсто какъ въ *первобытномъ строѣ*, такъ и въ позднѣйшихъ, основанныхъ на *рабствѣ* и на *крѣпостничествѣ организаціяхъ*, и въ *цеховомъ строѣ ремесла*, поскольку средства производства, вложенныя въ каждой отрасли промышленности, лишь съ трудомъ переносимы изъ одной сферы въ другую, и поскольку, въ силу этого, различныя сферы производства относятся другъ къ другу въ извѣстныхъ предѣлахъ, какъ *чужія страны или коммунистическія общины*» (тамъ же). Въ примѣчаніи къ этому мѣсту Энгельсъ замѣчаетъ, что то, что Марксъ въ то время, какъ онъ писалъ это—1865 г.,—называлъ просто своимъ «воззрѣніемъ»,—теперь, послѣ обширныхъ изслѣдованій первобытныхъ общинъ отъ Маурера до Моргана, является «едва ли кѣмъ еще оспариваемымъ фактомъ».

Обмѣнъ по *цѣнамъ производства* предполагаетъ, съ своей стороны, какъ было показано выше, значительную подвижность имѣющагося въ изобиліи капитала и легкость привлеченія и отталкиванія рабочихъ.

Марксъ во II т., стр. 106 [1]), проявляющаяся въ древности и средніе вѣка тенденція *откладывать такія операціи на праздники.*

Трата времени и труда на обмѣнъ (даже торговаться и то—трудъ, и притомъ «умственный трудъ») составляетъ такимъ образомъ, очевидно, просто *лишній расходъ* товарнаго хозяйства. Измѣняется ли это, если этимъ дѣломъ, и притомъ, исключительно имъ занимаются не сами производители, а извѣстныя, не занимающіяся производствомъ лица? Ясно, что непроизводительная дѣятельность не можетъ стать производительной оттого, что ею занимаются исключительно опредѣленныя лица, или опредѣленный классъ лицъ, вмѣсто того, чтобы, какъ прежде, ею занимались, какъ побочнымъ дѣломъ, сами производители. Но, несмотря на это, она можетъ быть экономически выгодной, поскольку она уменьшаетъ количество непроизводительно расходуемаго труда. Эти агенты обмѣна или обращенія *не прибавляютъ* къ продуктамъ *никакой* стоимости, — они, въ лучшемъ случаѣ, только *уменьшаютъ* тотъ *вычетъ изъ суммы стоимостей*, который произошелъ бы и безъ нихъ. Вотъ къ чему сводится то, что оптимистическая вульгарная экономія называетъ «производительною дѣятельностью купца».

Что касается до расходовъ на *сбереженіе* и *транспортъ* товаровъ, то они равнымъ образомъ не могутъ измѣнить свой характеръ въ силу того, что эти функціи цѣликомъ или отчасти переходятъ тоже къ купцамъ, или, при дальнѣйшемъ развитіи, къ особымъ агентамъ (товарныя депо, перевозчики, экспедиторы и т. д.). «Общій законъ тотъ, что *всѣ издержки обращенія, вытекающія лишь изъ перемѣны формы товара, не прибавляютъ къ нему никакой стоимости*» (т. II, стр. 126), т. е., поскольку эти издержки *относятся исключительно къ превращенію товара въ деньги,* онѣ не прибавляютъ къ товару *никакой стоимости.* Товаръ можетъ десять лѣтъ пролежать въ магазинѣ купца,— если онъ въ другихъ отношеніяхъ не измѣнится, къ нему не прибавится ни одного атома стоимости. Товаръ можетъ, въ погонѣ за покупателемъ, сто разъ перемѣнить владѣльца, городъ и даже страну,—все это не повыситъ его стоимости; издержки на его путешествіе въ одномъ случаѣ, на его храненіе въ другомъ, это—потерянныя издержки, это—уменьшеніе общественнаго капитала. Но есть расходы на транспортъ и такіе расходы на сохраненіе, которые по самой своей природѣ составляютъ необходимые расходы при производствѣ общественнаго богатства. Внутри каждаго производства происходитъ перемѣщеніе предмета труда, и пере-

[1]) Мы цитируемъ все время второе изданіе I-го, и первое изданіе II-го тома (въ нѣмецкомъ оригиналѣ).

возка готоваго продукта изъ мѣста производства въ мѣсто потребленія есть лишь продолженіе этого необходимаго движенія, относящагося къ производству общественнаго богатства. Точно такъ же образованіе запасовъ есть условіе производства, которое посредствомъ него поддерживается въ своемъ теченіи. Поскольку это имѣетъ мѣсто, постольку сохраненіе и транспортъ, соразмѣряемые съ общественнымъ процессомъ производства, и обращеніе, относящееся къ нимъ, представляютъ изъ себя необходимый трудъ; поэтому трудъ, затраченный на нихъ, создаетъ стоимость, хотя онъ и исполняется непроизводителями. Это — *издержки производства*, издержки на «*продолженіе процесса производства внутри процесса обращенія*». Вотъ въ возможно краткомъ видѣ изложеніе содержанія VI-й главы II-го тома.

Теперь, чтобы изслѣдовать вліяніе товарно-торговаго капитала на высоту нормы прибыли, необходимо отвлечься отъ тѣхъ функцій, которыя мы сейчасъ привели и которыя еще принадлежатъ къ процессу производства, и разсматривать его, какъ *чистый капиталъ обращенія*. Эта абстракція не только необходима для научнаго анализа и потому позволительна, но она соотвѣтствуетъ также фактическимъ условіямъ, которыя создастъ ходъ развитія общественнаго раздѣленія труда. Въ развитомъ торговомъ обращеніи есть купцы, которые, не будучи простыми маклерами, являются, однако, *исключительно агентами обращенія*, которые представляютъ всецѣло другимъ лицамъ транспортъ и даже храненіе тѣхъ товаровъ, обращеніе которыхъ они производятъ на свой собственный страхъ, и ограничиваютъ свой складъ минимумомъ, необходимымъ для обращенія. Обращеніе, превращеніе товара въ деньги, это—необходимая фаза въ процессѣ воспроизводства капитала, съ которымъ мы познакомились сначала, какъ съ промышленнымъ капиталомъ. Поскольку промышленный капиталистъ является своимъ собственнымъ агентомъ обращенія,— а таковыми всецѣло являются многіе мелкіе предприниматели; бываютъ все еще случаи, когда фабрикантъ самъ передаетъ товары потребителю, причемъ и крупный фабрикантъ отправляетъ извѣстную дѣятельность по обращенію или поручаетъ исполнять ее своимъ служащимъ, — поскольку такимъ образомъ это происходитъ, постольку промышленный капиталистъ вынужденъ посвящать извѣстную часть своего капитала этой отрасли своего предпріятія, и держать въ запасѣ товары, которые тотчасъ могли бы перейти въ обращеніе и которые такимъ образомъ уже въ его складѣ принадлежатъ сферѣ обращенія. Капиталъ, заключающійся въ этихъ товарахъ, разсматривается при вычисленіи нормы прибыли, какъ интегральная часть всего капитала, и прибыль, полученная въ предпріятіи, относится къ этому послѣднему во всей его цѣлости. Теперь, если

мы возьмемъ общество, какъ цѣлое,—можно ли разсматривать прибыль на эти капиталы, функціонирующіе совершенно отдѣльно отъ производительныхъ капиталовъ, употребляемые самостоятельно торговцами - предпринимателями, можно-ли разсматривать эту прибыль иначе, чѣмъ вышеуказанныя части капитала? Очевидно, что это было бы невѣрно. «Товарно-торговый капиталъ есть... не что иное, какъ товарный капиталъ производителя, которому... предстоитъ исполнить на рынкѣ свою функцію товарнаго капитала; только эта функція вмѣсто того, чтобы быть побочной операціей производителя, является теперь исключительной функціей особаго рода капиталистовъ—торговцевъ товарами, становится самостоятельной, какъ особаго рода помѣщеніе капитала» (стр. 253—254).

Здѣсь нѣтъ надобности развивать подробнѣе, какимъ образомъ это превращеніе товарно-торговаго капитала въ нѣчто самостоятельное, поскольку оно держится въ надлежащихъ границахъ, означаетъ общественное сбереженіе времени. Апологеты капиталистическаго строя надоѣли ужъ этой пѣсенкой и притомъ забывали всегда весьма необходимое ограниченіе. Во всякомъ случаѣ мы можемъ констатировать, что раздѣленіе труда между производительными предпріятіями (промышленный капиталъ) и предпріятіями обращенія (товарно-торговый капиталъ) имѣетъ своимъ послѣдствіемъ то, что приходится употреблять *меньшую часть* всего капитала на эти послѣднія, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы промышленные капиталисты сами вели всю торговую часть своихъ предпріятій, и что благодаря этому раздѣленію труда становится возможнымъ болѣе быстрое обращеніе. Такимъ образомъ, товарно-торговый капиталъ помогаетъ *повышать производство прибавочной стоимости*, но *самъ онъ не создаетъ прибавочной стоимости*. Прибавочная стоимость, которая достается ему, составляетъ «часть прибавочной стоимости, произведенной всѣмъ производительнымъ капиталомъ» (стр. 265), а не есть какая нибудь новая прибавочная стоимость.

Въ развитомъ капиталистическомъ обществѣ, съ которымъ мы имѣли здѣсь дѣло, всякій капиталъ, употребленный въ какомъ бы то ни было предпріятіи, требуетъ, какъ минимума, средней общественной нормы прибыли. Капиталисты, вкладывающіе свои деньги въ товарно-торговыя предпріятія, хотятъ получить чистую прибыль, которая по меньшей мѣрѣ равнялась бы прибыли промышленныхъ капиталистовъ. Для этой цѣли они продаютъ пріобрѣтаемые отъ тѣхъ товары дороже, чѣмъ они ихъ купили. *Это имѣетъ такой видъ*, какъ будто бы они дѣлали *надбавку* къ цѣнѣ производства, и подобное представленіе подкрѣпляется еще тѣмъ, что въ торговлѣ укореняется обычай продавать извѣстные товары для приманки покупателей безъ всякой надбавки, даже ниже по-

купной цѣны, а другіе за то продавать съ болѣе высокой надбавкой. Но то, что въ отдѣльномъ случаѣ кажется *произволомъ*,—для всего движенія является, однако, *правиломъ*, обусловленнымъ извѣстнымъ *закономъ*. Какъ бы ни распредѣлялъ отдѣльный торговецъ разницу между покупной и продажной цѣной на всѣ прошедшіе чрезъ его руки товары, — цѣлью этой операціи всегда является полученіе по крайней мѣрѣ средней прибыли на вложенный въ дѣло капиталъ. Онъ можетъ продавать «ниже цѣны» лишь въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что онъ продастъ «выше цѣны» [1]), то-есть ниже и выше той цѣны, которая получится, если онъ надбавитъ процентъ средней нормы прибыли къ каждому отдѣльному товару. Но это добавленіе не есть надбавка *къ* цѣнѣ производства товара, а *пополненіе* производственной прибыли на ту сумму, которую не дополучилъ промышленный предприниматель отъ торговца.

Другими словами, торговая прибыль есть *часть производственной прибыли*, есть *вычетъ* изъ прибавочной стоимости, созданной въ производствѣ. Можно также сказать, что это—превращенная форма *расходовъ* по реализаціи сверхстоимости. Ибо промышленный капиталистъ, который самъ доставляетъ свои продукты потребителю, совершенно логично смотритъ на время, трудъ и затраты, употребленные на эту операцію, какъ на расходы предпріятія; ему не придетъ въ голову два раза считать себѣ прибыль: разъ на производство товаровъ и другой разъ на продажу ихъ. Точно такъ же для всего производства общества сумма издержекъ и прибылей торговли входитъ въ общую сумму *расходовъ*, которая, безъ раздѣленія труда между торговцами и производителями, досталась бы послѣднимъ и, слѣдовательно, вошла бы въ *издержки производства продуктовъ*. Та цѣна, по которой фабриканты продаютъ товары торговцамъ, *не есть*, слѣдовательно, *полная* цѣна производства, а цѣна производства *безъ* той части валовыхъ расходовъ всего общественнаго продукта, которая теперь уже образуетъ самостоятельную категорію въ качествѣ товарно-торговыхъ расходовъ + товарно-торговая прибыль.

Поясникъ это на числахъ. Весь промышленный капиталъ, употребленный въ теченіе одного года, состоитъ, пускай, изъ 900 единицъ, изъ которыхъ 720—постоянный капиталъ и 180—перемѣнный. Норма прибавочной стоимости пусть будетъ 100%. Тогда мы получимъ 180 прибавочной стоимости на 900 всего капитала = норма прибыли 20%. Теперь,

---

[1]) Само собой разумѣется, что мы оставляемъ здѣсь въ сторонѣ всѣ манипуляціи и операціи, которыя выходятъ изъ нормы, какъ то: эксплуатацію мѣстныхъ монополій, пользованіе необычными конъюнктурами и другую спекуляцію точно такъ-же, какъ надувательство и т. под.

у насъ есть еще 100 единицъ торговаго капитала, которыя тоже получаютъ часть прибавочной стоимости. Такимъ образомъ, 180 прибавочной стоимости распредѣляются на 1,000 всего капитала, норма прибыли уже не 20%, а 18%, и на 900 промышленнаго капитала достается уже только 162 прибавочной стоимости.

Такимъ образомъ, цѣна производства получаетъ теперь нѣсколько иной видъ, чѣмъ прежде. Прежде она представлялась какъ издержки производства + среднял прибыль, исчислявшаяся на сумму *промышленныхъ* капиталовъ. Теперь мы видимъ, что сюда входятъ еще коммерческіе капиталы, и—пропорціонально отношенію ихъ суммы къ суммѣ промышленнаго капитала—понижаютъ норму прибыли. Можно-ли теперь сказать, что издержки производства + промышленная прибыль составляютъ цѣну производства отдѣльныхъ товаровъ? И да и нѣтъ. Для фабриканта это такъ, для общества—нѣтъ. Общественная цѣна производства товаровъ, иначе: стоимость товарнаго капитала общества, состоитъ изъ издержекъ производства + промышленная прибыль + торговая прибыль. Купецъ, который платитъ фабриканту издержки производства + промышленную прибыль, покупаетъ товаръ *ниже* его общественной цѣны, и когда онъ, продавая товаръ, надбавляетъ къ нему соотвѣтствующую его капиталу норму торговой прибыли, то онъ продаетъ его *не выше*, а какъ разъ *по* его общественной цѣнѣ. Однако, для удобства различенія мы вездѣ обозначаемъ выраженіемъ «цѣна производства», гдѣ не дѣлаемъ особой оговорки, издержки производства + найденную теперь промышленную прибыль, т. е. + сверхстоимость безъ торговой прибыли, въ вышеприведенномъ примѣрѣ—900 + 162.

Итакъ, мы видѣли, какимъ образомъ прибавочная стоимость раскалывается на промышленную и купеческую или торговую прибыль. Послѣ вышеизложеннаго должно быть яснымъ, что «*чѣмъ больше купеческій капиталъ по отношенію къ промышленному капиталу, тѣмъ ниже норма промышленной прибыли, и наоборотъ*» (стр. 270). Еслибы, напр., въ вышеприведенномъ примѣрѣ торговый капиталъ былъ не 100, а 180, то мы имѣли бы 180 прибавочной стоимости на 1,080 всего капитала, средняя норма прибыли была бы не 18%, а $16^2/_3$; а еслибы торговый капиталъ былъ равенъ 60, то средняя норма прибыли составляла бы 180 на $960 = 18^3/_4\%$. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ средняя норма прибыли эксплуатирующаго, т. е. промышленнаго капиталиста, изображаетъ массу прибыли *меньшей*, чѣмъ она есть въ дѣйствительности (стр. 272).

Изъ того, что было положено здѣсь, не трудно также вывести, какъ должны мы смотрѣть на трудъ *рабочихъ*, занятыхъ коммерческимъ капи-

талистомъ. На первый взглядъ, конечно, легко можетъ показаться, что они производятъ прибавочную стоимость, которую коммерческій предприниматель кладетъ въ карманъ въ качествѣ прибыли. Они получаютъ извѣстную заработную плату или жалованье, и результатомъ ихъ труда является извѣстная сумма стоимости, бо́льшая, чѣмъ сумма ихъ заработныхъ платъ. Но эта сумма стоимости не создана вновь ими, она была на лицо и безъ нихъ, они только помогли реализовать ее и сохранить ее въ этой реализаціи и благодаря этой реализаціи. Ихъ трудъ не создаетъ стоимости, но, поскольку онъ является необходимымъ трудомъ для реализаціи и сохраненія произведенныхъ стоимостей, — онъ повышаетъ производительность промышленнаго труда. Такъ обстоитъ дѣло съ точки зрѣнія общества. Напротивъ, для самого торговаго капиталиста онъ является *производительнымъ* трудомъ, такъ какъ онъ составляетъ для него источникъ его прибыли.

Если уже въ крупной индустріи перемѣнный (идущій на заработную плату) капиталъ оказывается часто непропорціонально малымъ сравнительно съ постояннымъ капиталомъ, то въ оптовой торговлѣ число употребляемыхъ торговыхъ рабочихъ не стоитъ «ни въ какомъ отношеніи къ сравнительной величинѣ предпріятія»,—и это потому, что «въ торговлѣ гораздо болѣе, чѣмъ въ промышленности, одна и та же функція стоитъ одинаковаго количества рабочаго времени все равно, исполняется ли она въ крупныхъ или мелкихъ размѣрахъ» (стр. 279). Цѣна труда коммерческаго рабочаго—его заработная плата—не стоитъ «ни въ какомъ необходимомъ отношеніи къ тому количеству прибыли, которое онъ помогаетъ реализовать капиталисту» (стр. 284), такъ какъ его трудъ дѣйствуетъ не такъ, какъ непосредственно производительный трудъ, не какъ причина, а какъ *слѣдствіе* величины и массы подлежащихъ реализаціи стоимостей. Собственно коммерческій рабочій принадлежалъ долгое время—а особенно въ то время, когда Марксъ писалъ этотъ третій томъ, въ 1865 г.,—къ лучше оплачиваемому классу наемныхъ рабочихъ, трудъ которыхъ стоитъ выше средняго уровня. Но уже Марксъ заявляетъ, что съ развитіемъ капиталистическаго способа производства эта заработная плата «имѣетъ тенденцію падать, *даже сравнительно съ среднимъ трудомъ*». Съ прогрессомъ раздѣленія труда внутри конторы, трудъ становится все болѣе односторонпимъ, издержки на предварительное образованіе падаютъ «*по мѣрѣ того, какъ капиталистическій способъ производства обращаетъ въ методахъ обученія болѣе вниманія на практическую сторону и т. д.*» и «распространеніе *народнаго образованія* позволяетъ вербовать этотъ сортъ (рабочихъ) изъ такихъ *классовъ*, которые до сихъ поръ были устранены отъ этого и *привыкли къ худшему роду жизни.*

Къ тому же, оно увеличиваетъ предложеніе и, слѣдовательно, конкуренцію. Поэтому, съ развитіемъ капиталистическаго производства рабочая сила этихъ лицъ, за нѣкоторыми исключеніями, обезцѣнивается; ихъ заработная плата понижается, между тѣмъ какъ ихъ трудоспособность увеличивается» (стр. 285).

Все это мы видимъ теперь уже передъ своими глазами, и поэтому чтеніе этого отдѣла особенно рекомендуемъ читателю, интересующемуся вопросомъ о торговомъ пролетаріатѣ.

Упомянутое сейчасъ обстоятельство, что трата труда, требующаяся въ торговлѣ, не стоитъ ни въ какомъ отношеніи къ сравнительной величинѣ предпріятія, объяснятъ также, почему концентрація въ купеческомъ предпріятіи наступаетъ раньше, чѣмъ въ промышленной мастерской. И, если научное изслѣдованіе должно было исходить изъ промышленнаго капитала, чтобы объяснить образованіе общей нормы прибыли, если поэтому коммерческій капиталъ является позднѣйшимъ, исправляющимъ и пополняющимъ факторомъ, то «въ ходѣ историческаго развитія»—пишетъ Марксъ—«дѣло обстоитъ *какъ разъ наоборотъ*. Именно *коммерческій* капиталъ *впервые* приводитъ цѣны товаровъ болѣе или менѣе въ соотвѣтствіе съ ихъ стоимостью; именно въ сферѣ *обращенія*, связывающаго процессъ воспроизводства, образуется впервые общая норма прибыли. *Коммерческая прибыль опредѣляетъ первоначально промышленную прибыль*. Только тогда, когда капиталистическій способъ производства *проникъ глубоко*, и производитель *самъ сдѣлался купцомъ*,—только тогда коммерческая прибыль сводится къ такой-то части всей сверхстоимости, которая приходится торговому капиталу, какъ такой-то части всего капитала, занятаго въ общественномъ процессѣ воспроизводства» (стр. 271).

Въ особой главѣ (глава XX: «Историческія замѣчанія о коммерческомъ капиталѣ») Марксъ глубже изслѣдуетъ исторію купеческаго капитала и его значеніе. Для тѣхъ, кто знакомъ съ Марксомъ, достаточно одного заглавія, чтобы показать имъ, что даетъ эта глава. Она полна блестящихъ замѣчаній объ историческихъ явленіяхъ, до сихъ поръ отчасти вовсе не принятыхъ во вниманіе, отчасти объясненныхъ неудовлетворительно, и изложеніе ея такъ ясно, что популяризація ея содержанія болѣе чѣмъ излишня. Поэтому мы приводимъ изъ этой главы лишь нѣкоторыя мѣста, которыя подробнѣе касаются пунктовъ, изложенныхъ нами.

«Не представляетъ... ни малѣйшей трудности понять, почему коммерческій капиталъ появляется, какъ историческая форма капитала *гораздо раньше*, чѣмъ капиталъ подчиняетъ себѣ *самое производство*. Его существованіе и развитіе до извѣстной высоты само является историческимъ *условіемъ* для развитія капиталистическаго способа производства: 1) какъ

предварительное условіе концентраціи *денежнаго имущества* и 2) потому, что капиталистическій способъ производства предполагаетъ производство для *торговли*, *сбыта оптомъ*, а не отдѣльнымъ покупателямъ, слѣдовательно, предполагаетъ купца, который покупаетъ не для удовлетворенія своей личной потребности, а концентрируетъ въ своей покупкѣ покупки многихъ лицъ» (стр. 311).

«Тамъ, гдѣ преобладаетъ коммерческій капиталъ, господствуютъ *устарѣлые* порядки. Это замѣчается даже въ предѣлахъ одной и той же страны, гдѣ, напр., чисто торговые города представляютъ совсѣмъ иную аналогію съ прошлыми порядками, чѣмъ фабричные города». И въ примѣчаніи къ этому мѣсту: «Въ новой англійской исторіи собственно торговое сословіе и торговые города выступаютъ *даже политически реакціонными* въ союзѣ съ поземельной и финансовой аристократіей противъ промышленнаго капитала» (стр. 311).

«*Самостоятельное* и *преимущественное* развитіе капитала въ формѣ *коммерческаго* капитала равносильно неподчиненію производства капиталу, равносильно развитію капитала на основаніи *чуждой* ему и независимой отъ него общественной формы производства. *Самостоятельное* развитіе коммерческаго капитала находится, слѣдовательно, въ *обратномъ* отношеніи къ *общему* экономическому развитію общества»... Этотъ законъ «проявляется всего яснѣе въ исторіи посредпической торговли (carrying trade), какъ, напр., у венеціанцевъ, генуэзцевъ, голландцевъ и т. д.—то-есть тамъ, гдѣ главная прибыль добывается не вывозомъ собственныхъ продуктовъ страны, а посредничествомъ въ обмѣнѣ продуктовъ обществъ, въ коммерческомъ и вообще въ экономическомъ отношеніи, неразвитыхъ и эксплуатаціей странъ-производительницъ... Но эта монополія посредпической торговли приходитъ въ упадокъ, а вмѣстѣ съ ней и самая эта торговля—по мѣрѣ того, какъ идетъ впередъ экономическое развитіе тѣхъ народовъ, которыхъ она эксплуатировала и неразвитость которыхъ была основой ея существованія... Торговые народы древности существовали, какъ боги Эпикура, въ расщелинахъ міра, или, лучше, какъ евреи въ порахъ польскаго общества. Торговля первыхъ самостоятельныхъ, грандіозно развившихся торговыхъ городовъ и торговыхъ народовъ основывалась, какъ чисто посредпическая торговля, на варварствѣ народовъ—производителей, между которыми они играли роль посредниковъ.

«На раннихъ ступеняхъ капиталистическаго общества торговля владычествуетъ надъ промышленностью; въ новѣйшемъ обществѣ—наоборотъ. Торговля, конечно, оказываетъ болѣе или менѣе сильное воздѣйствіе на тѣ общества, между которыми она ведется; она все болѣе и болѣе подчи-

няетъ производство мѣновой стоимости, ставя средства существованія и наслажденія въ бо́льшую зависимость отъ продажи, чѣмъ отъ непосредственнаго потребленія продукта. Она разлагаетъ, такимъ образомъ, старыя отношенія. Она увеличиваетъ денежное обращеніе. Она обнимаетъ уже не только избытокъ производства, а мало-по-малу захватываетъ и самое производство, и ставитъ въ зависимость отъ себя цѣлыя отрасли промышленности. Впрочемъ, это разлагающее дѣйствіе торговли находится въ сильной зависимости отъ характера производства даннаго общества.

«Поскольку торговый капиталъ является посредникомъ въ обмѣнѣ продуктовъ между неразвитыми общинами, постольку коммерческая прибыль не только кажется мошенничествомъ и обсчитываніемъ, но и на самомъ дѣлѣ проистекаетъ большей частью изъ нихъ... *Торговый капиталъ при своемъ преимущественномъ господствѣ представляетъ... повсюду систему грабежа*, какъ и развитіе его у торговыхъ народовъ древняго и новаго времени прямо связано съ *грабежомъ*, морскимъ разбоемъ, работорговлей, порабощеніемъ колоній» (стр. 311—316).

Довольно. Уже изъ приведенныхъ мѣстъ читатель видитъ, какъ мало щадитъ Марксъ торговлю. Дальнѣйшее можно прочитать у самого Маркса. И мы еще разъ обращаемъ особенное вниманіе на чрезвычайно поучительныя разъясненія въ этой главѣ тѣхъ условій, при которыхъ торговля революціонизируетъ промышленность.

* * *

Товарно-торговый капиталъ не исчерпываетъ собой категорію коммерческаго капитала. Къ ней относится еще *денежно-торговый капиталъ*. Ему будетъ посвящена слѣдующая глава.

VI. Денежно-торговый капиталъ, ростовщичество и кредитъ.

Какъ товарно-торговый капиталъ является, при анализѣ капиталистической системы хозяйства, вторичной функціей капитала по отношенію къ промышленному капиталу, точно такъ-же денежно-торговый капиталъ представляется функціей *втораго* порядка, какъ выдѣлившаяся *частичная* функція изъ *общаго движенія*, исходящаго отъ промышленнаго—отъ *производственнаго*—капитала. Мы могли бы даже сказать: функція *третьяго* порядка, такъ какъ деньги суть «*послѣдній* продуктъ товарнаго обращенія» (Капиталъ, т. I, стр. 129). Исторически, разумѣется, деньги являются «*первой* формой обнаруженія капитала» (тамъ же), да и въ настоящее время каждый новый капиталъ выступаетъ всегда на

рынкѣ прежде всего въ формѣ *денегъ*,—«въ формѣ денегъ, которыя посредствомъ извѣстныхъ процессовъ должны превратиться въ капиталъ» (тамъ же).

Что, несмотря на это, вышеприведенное изложеніе выражаетъ дѣйствительное отношеніе вещей, это слѣдуетъ изъ того простого факта, что люди должны были производить раньше, чѣмъ могли развиться мѣновыя сношенія, раньше, чѣмъ потребительныя стоимости могли принять форму *товаровъ*, и что мѣновыя сношенія должны были достигнуть извѣстной степени *широты* и *всеобщности*, прежде чѣмъ опредѣленные товары могли принять денежную форму, и сдѣлаться общимъ орудіемъ обращенія. Мы видѣли, далѣе, какъ каждое производительное предпріятіе держитъ запасы товаровъ, какъ каждый промышленный капиталъ включаетъ въ себя потенціально товарно-торговый капиталъ, потому что каждый промышленный, т. е. занятый производительнымъ предпріятіемъ, капиталистъ, — поскольку онъ не работаетъ только на заказъ, какъ это часто бываетъ въ строительномъ дѣлѣ,—всегда остается еще до извѣстной степени торговцемъ товарами. Но обратное положеніе было бы не вѣрно. Товарно-торговый капиталъ, конечно, предполагаетъ производство товаровъ, но, какъ таковой, онъ не включаетъ никакой производительной функціи, даже никакого остатка подобной функціи. Онъ можетъ существовать и существуетъ довольно часто безъ всякой прямой связи съ производствомъ.

Все это вѣрно, только въ еще болѣе сильной степени, и для денежно-торговаго капитала. Независимо отъ того, что каждый новый промышленный капиталистъ,—а мы можемъ теперь прибавить: и каждый новый товарно-торговый капиталистъ,—выступаетъ на сцену хозяйственной жизни какъ владѣлецъ денегъ, какъ владѣлецъ «сокровища», которое онъ предназначаетъ для полученія сверхстоимости въ производствѣ или въ торговлѣ, — независимо отъ этого, онъ, хотя и превращаетъ для этой цѣли деньги въ орудія труда и пр., и въ товары, тѣмъ не менѣе періодически постоянно снова является образователемъ сокровища и сохраняетъ извѣстную часть этого сокровища въ денежной формѣ, какъ *оборотный фондъ* и какъ *резервный фондъ*. Ни одно производительное или торговое предпріятіе невозможно безъ такого оборотнаго фонда, ни одно изъ нихъ нельзя держать въ ходу, безъ того чтобы не притекали обратно деньги за отчуждаемые продукты или товары,—деньги, необходимыя для закупки новыхъ элементовъ производства (машины, вспомогательные матеріалы, сырье и, last but not least [1]), рабочая сила) или

[1]) Послѣднее по счету, но не по важности (примѣч. переводчика).

новыхъ товаровъ. Полученіе и уплата денегъ, сохраненіе поступившихъ денегъ до тѣхъ поръ, пока онѣ будутъ цѣлесообразно израсходованы, составляетъ извѣстный *трудъ*, а въ обществѣ, основанномъ на частномъ хозяйствѣ, *необходимый* трудъ. Но, хотя этотъ трудъ и необходимъ, тѣмъ не менѣе онъ не создаетъ никакой стоимости. Онъ представляетъ изъ себя, какъ это ясно съ перваго же взгляда, просто *издержки обращенія*.

Когда особые агенты или капиталисты берутъ отъ промышленныхъ и торговыхъ капиталистовъ часть этой работы и сосредоточиваютъ ее въ своихъ рукахъ, то они тѣмъ самымъ сокращаютъ то количество труда и расходовъ, которое пришлось бы иначе употребить на это дѣло всей совокупности капиталистовъ. Далѣе, эта концентрація операцій, относящихся къ обращенію денегъ, будучи уже сама раздѣленіемъ труда, въ свою очередь вызываетъ дальнѣйшее раздѣленіе труда. Денежно-торговое дѣло само распадается на различныя, независимыя другъ отъ друга отрасли (кассовое дѣло, вексельное дѣло и т. д.), и внутри этихъ отраслей раздѣленіе труда въ бюро и въ мѣняльныхъ лавкахъ развивается все далѣе. Капиталъ, служащій на то, чтобы исполнять эти функціи *самостоятельно отъ тѣхъ* процессовъ производства и торговли, которые вызываютъ необходимость ихъ,—есть *денежно-торговый капиталъ*.

Въ своей чистой формѣ, подлежащей прежде всего разсмотрѣнію, денежная торговля является лишь орудіемъ сокращенія и упрощенія извѣстныхъ техническихъ операцій денежнаго обращенія, она даетъ техническія средства сводить резервные фонды класса капиталистовъ, а также и денежную сумму, необходимую для выравниванія платежныхъ балансовъ, къ ихъ экономическому минимуму, но она не опредѣляетъ «ни связи, ни размѣра взаимныхъ платежей». Прибыль отъ нея, безспорно «*есть лишь вычетъ изъ прибавочной стоимости*», такъ какъ денежная торговля «имѣетъ дѣло лишь съ реализованными уже стоимостями» (т. III, стр. 305, 306). Та масса денежнаго капитала, съ которой имѣютъ дѣло денежные торговцы при этихъ операціяхъ, представляетъ изъ себя «находящійся въ обращеніи денежный капиталъ тѣхъ именно купцовъ и промышленниковъ», для операцій которыхъ они служатъ посредниками (тамъ же). Эта масса не стоитъ ни въ какомъ отношеніи къ тому денежному капиталу крупнаго торговца, который вложенъ въ это техническое посредничество и *для него*, и который—какъ это явствуетъ уже изъ предыдущаго—вліяетъ на норму прибыли пропорціонально своему отношенію къ промышленному и товарно-торговому капиталу.

Къ этой чисто производной функціи денежно-торговаго капитала присоединяются болѣе самостоятельныя функціи *ссуды* и *займа*, а также

торговли въ *кредитъ*. Какъ только достигло извѣстной ступени товарное производство и развились деньги въ ихъ различныхъ формахъ, [1]),— рядомъ съ коммерческимъ и денежно-торговымъ капиталомъ образуется *процентный* капиталъ, сначала въ первобытной формѣ *ростовщическаго капитала*. Этотъ послѣдній часто, но не необходимо, бываетъ связанъ съ денежно-торговымъ капиталомъ. Уже въ эпоху, предшествующую капиталистическому способу производства, деньги даются за ростовщическіе проценты въ заемъ для торговыхъ и другихъ цѣлей. Но *характеристическими* формами ростовщическаго капитала на этихъ ступеняхъ развитія являются, какъ излагаетъ Марксъ въ 36-ой главѣ III-го тома (часть вторая, стр. 132 и слѣд.), во-первыхъ, «ростовщичество посредствомъ денежныхъ ссудъ расточительнымъ вельможамъ, особенно *землевладѣльцамъ*», и во-вторыхъ, ростовщичество посредствомъ денежныхъ ссудъ мелкимъ, владѣющимъ собственными условіями труда, *производителямъ*, *ремесленникамъ* и особенно *крестьянамъ*. И то и другое ведетъ къ образованію и концентраціи крупныхъ денежныхъ капиталовъ, но насколько этотъ процессъ уничтожаетъ старый способъ производства, какъ это было въ новой Европѣ, и ставитъ-ли онъ на мѣсто его капиталистическій способъ производства, — это *всецѣло зависитъ отъ исторической ступени развитія и отъ данныхъ съ нею условій*» (III, 2, стр. 133).

Это послѣднее положеніе затрагиваетъ тему, очень важную для пониманія матеріалистической теоріи исторіи. Скороспѣлые и къ тому же большей частью недобросовѣстные критики этой теоріи не разъ упрекали Маркса въ томъ, что онъ выводитъ коллективистскій переворотъ изъ одной только концентраціи собственности или имущества, и побѣдоносно указывали, между прочимъ, на Римъ, гдѣ за этой концентраціей послѣдовало совсѣмъ другое развитіе. Для читавшаго хотя съ нѣкоторымъ вниманіемъ первый томъ должно уже было, однако, быть яснымъ, что Марксъ, во-первыхъ, зналъ римскую исторію по меньшей мѣрѣ не хуже господъ критиковъ, а во-вторыхъ, что переходъ къ коллективистскому производству имѣетъ еще другія условія, а не только концентрацію собственности [2]). Въ указанной главѣ Марксъ, какъ мы видимъ, нѣсколько подробнѣе касается этого вопроса, а потому умѣстно остановиться немного на его разсужденіяхъ объ этомъ.

---

[1]) Ср. объ этомъ 3-ью главу первой книги.

[2]) Какъ мало, впрочемъ, этотъ примѣръ Рима доказываетъ то, что хотятъ доказать имъ, это показано между прочимъ, въ статьѣ «Juristen-Sozialismus» за 1887 годъ «Neue Zeit».

«Ростовщическій капиталъ, какъ *характеристическая* форма процентнаго капитала, — пишетъ Марксъ — соотвѣтствуетъ *преобладанію мелкаго производства крестьянъ* (которые и сами работаютъ) и *мелкихъ ремесленныхъ мастеровъ*». Было сказано однажды,—Марксъ цитируетъ соотвѣтствующаго экономиста. — что банкира уважаютъ, а ростовщика ненавидятъ потому, что первый ссужаетъ богатаго, а второй— бѣднаго: но это значитъ попло изображать дѣло, такъ какъ ростовщичество, высасывающее соки изъ бѣднаго мелкаго производителя, идетъ рука объ руку съ ростовщичествомъ, эксплуатирующимъ богатаго землевладѣльца. Рѣшающимъ моментомъ является тутъ не противоположность бѣднаго и богатаго, а *различіе двухъ общественныхъ способовъ производства* и соотвѣтствующихъ имъ *общественныхъ порядковъ*. Ростовщикъ на указанной ступени развитія можетъ присвоивать въ формѣ процента весь избытокъ надъ самыми скудными средствами существованія производителя, между тѣмъ какъ современный процентъ, по крайней мѣрѣ нормальный, есть лишь *часть прибавочной стоимости*, которую создаетъ производитель—рабочій—свыше суммы его средствъ существованія и отдаетъ капиталистамъ. Докапиталистическое ростовщичество стремится къ тому, чтобы отнять у производителя его средства производства.

Это экспропріированіе рабочаго отъ его условій труда является «*не результатомъ*, къ которому *стремится* капиталистическій способъ производства, а *готовымъ предположеніемъ*, изъ котораго онъ *исходитъ*». Современный наемный рабочій можетъ, конечно, въ качествѣ *потребителя* сдѣлаться рабомъ кредиторовъ, но въ качествѣ *производителя* онъ въ силу уже самаго своего положенія *избавленъ отъ этой возможности*, точно такъ же, какъ настоящій рабъ древности. Тотъ ростовщическій капиталъ, который просто присвоиваетъ себѣ прибавочный трудъ непосредственнаго производителя, не измѣняя способа производства,— ростовщическій капиталъ при господствѣ обособленнаго мелкаго производства,—«дѣлаетъ этотъ способъ производства *нищенскимъ*, *подтачиваетъ* производительныя силы вмѣсто того, чтобы развивать ихъ, и *увѣковѣчиваетъ* вмѣстѣ съ тѣмъ эти бѣдственные порядки .. Оно (ростовщичество) присасывается какъ паразитъ къ нему (способу производства) и дѣлаетъ его жалкимъ. Оно высасываетъ изъ него соки, обезсиливаетъ его, такъ что воспроизводство начинается постоянно при худшихъ условіяхъ. Отсюда народная ненависть противъ ростовщичества, достигающая наибольшаго развитія въ древнемъ мірѣ, гдѣ собственность производителя на его условія производства была въ то-же время основой, *политическихъ* отношеній, основой самостоятельности гражданина». И тамъ, гдѣ ростовщичеству подпадаютъ рабовладѣлецъ или феодальный

господинъ, способъ производства остается сначала неизмѣннымъ, «*онъ становится только тяжелье для рабочихъ*». Это происходитъ обыкновенно и тамъ, гдѣ ростовщикъ совершенно вытѣсняетъ стараго эксплуататора, для котораго эксплуатація была орудіемъ политической власти, и становится на его мѣсто. «*Революціонно* дѣйствуетъ ростовщичество во всѣхъ докапиталистическихъ способахъ производства лишь постольку, поскольку оно разрушаетъ и разлагаетъ тѣ формы собственности, на прочной основѣ которыхъ и постоянномъ воспроизведеніи въ прежнемъ видѣ покоится политическій составъ общества. *При азіатскихъ формахъ ростовщичество можетъ существовать долгое время, не вызывая ничего иного, кромѣ экономическаго упадка и политической испорченности.* Только тамъ и тогда, *гдѣ* и *когда* есть на лицо *остальныя* условія капиталистическаго способа производства, ростовщичество является *однимъ* изъ средствъ образованія новаго способа производства».

«Ростовщическій капиталъ обладаетъ способомъ эксплуатаціи (промышленнаго) капитала, безъ его способа производства. Это отношеніе повторяется также и при буржуазномъ строѣ въ отсталыхъ отрасляхъ промышленности... Процентный капиталъ сохраняетъ форму ростовщическаго капитала по отношенію къ тѣмъ лицамъ и классамъ, или при такихъ условіяхъ, когда заемъ совершается и можетъ совершаться не въ смыслѣ капиталистическаго способа производства»[1]). И «функція денегъ какъ *платежнаго средства* представляетъ изъ себя... настоящую, великую и специфическую область ростовщичества. — Отсюда существующая со временъ древнихъ римлянъ и до новѣйшаго времени связь ростовщичества въ крупныхъ размѣрахъ *съ откупомъ податей*. Затѣмъ съ развитіемъ торговли и съ распространеніемъ товарнаго производства развивается разъединеніе во времени покупки и платежа. Деньги приходится уплачивать въ опредѣленные сроки. Что этотъ фактъ можетъ вести къ тому, что денежный капиталистъ и ростовщикъ еще и теперь сливаются въ одно,—это показываютъ современные денежные кризисы». То, что отличаетъ процентный капиталъ, поскольку онъ составляетъ существенный элементъ капиталистическаго способа производства, отъ ростовщическаго капитала,—это ни въ какомъ случаѣ не природа или характеръ самого этого капитала. Это—лишь тѣ измѣнившіяся *условія*, при которыхъ онъ функціонируетъ, а отсюда также и *совершенно измѣнившійся обликъ заемщика*, который противостоитъ кредитору» (стр. 134—139).

Такъ говоритъ Марксъ о ростовщичествѣ. Въ видѣ исторической, —

---

[1]) Это значитъ — для того, чтобы пріобрѣсти посредствомъ занятыхъ денегъ большую прибыль, чѣмъ составляетъ цѣна этихъ денегъ—процентъ.

такъ сказать, прогрессивной реакціи противъ него развивается *система кредита*, посредствомъ которой процентный капиталъ подчиняется «условіямъ и потребностямъ капиталистическаго способа производства». Первые организаторы этой системы исходятъ не изъ проклятій по адресу процентнаго капитала, какъ древніе писатели, отцы церкви, Лютеръ и старые соціалисты, а изъ *«полнаго признанія его»* (стр. 140).

Первые—купцы, а потомъ промышленники вызываютъ къ жизни ассоціаціи и банки и организуютъ систему кредита. Начало полагаютъ итальянскія городскія республики, и поэтому еще въ концѣ XVII вѣка, когда намѣревались основать Англійскій Банкъ, тори приводили такое возраженіе: «Банки—это республиканскія учрежденія» [1]).

Чрезвычайно интересно то, что говоритъ Марксъ объ иллюзіяхъ на счетъ чудотворнаго дѣйствія кредита, бумажныхъ денегъ и т. д., встрѣчающихся въ сочиненіяхъ о банкахъ, появившихся въ Англіи въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка.

«Если мы обратимъ вниманіе на *дѣйствительное содержаніе* этихъ сочиненій, которыя исторически сопровождаютъ и ускоряютъ созданіе новѣйшей кредитной системы въ Англіи, то мы не найдемъ въ нихъ ничего, кромѣ требованія подчинить процентный капиталъ и вообще всѣ служебныя средства производства капиталистическому способу производства, какъ одно изъ его условій. Если же мы обратимъ вниманіе *только* на ихъ *фразы*, то *совпаденіе* ихъ, доходящее даже до способа выраженій, съ *иллюзіями сенъ-симонистовъ насчетъ банковъ и кредита покажется часто изумительнымъ»* [2]).

У С.-Симона выраженіе «travailleur» означаетъ не рабочаго, а вообще промышленника, подъ которымъ С.-Симонъ въ первыхъ своихъ сочиненіяхъ большей частью разумѣлъ капиталиста. Это игнорированіе антагонизма, которое у С.-Симона происходитъ еще съ полной искренностью и которое, какъ прибавляетъ Энгельсъ въ примѣчаніи къ соотвѣтствующему мѣсту Маркса,

[1]) Въ самомъ дѣлѣ, основателями и первыми руководителями банка были преимущественно разбогатѣвшіе пуритане и индепенденты. Въ 1699 г. въ предисловіи къ изданію всѣхъ сочиненій Гаррингтона Джонъ Толандъ привѣтствуетъ организацію Англійскаго Банка какъ такое учрежденіе, которое всего болѣе приближается къ образцу, изложенному авторомъ «Океана». Гаррингтонъ самъ заимствовалъ существеннѣйшія черты своего идеала республики изъ конституціи Венеціи, на которую онъ прямо и ссылается.

[2]) «Шотландецъ Вильямъ Паттерсонъ, основатель Англійскаго Банка и Шотландскаго Банка»,—говорится немного выше—«это—положительно Лоу Первый». Извѣстно, что этого финансоваго авантюриста Лоу Луи Бланъ принялъ за соціалиста, на основаніи подобныхъ мѣстъ въ его сочиненіяхъ.

объясняется «экономическимъ и политическимъ положеніемъ тогдашней Франціи», поддерживается той школой, которая называетъ себя по имени С.-Симона, съ постоянно уменьшающимся безпристрастіемъ. «Если критически читать ихъ сочиненія, то не покажется удивительнымъ, что осуществленіемъ ихъ мечтаній о кредитѣ явился Crédit Mobilier, основанный экс-сенсимонистомъ Эмилемъ Перейра—учрежденіе, которое, впрочемъ, могло сдѣлаться господствующимъ только въ такой странѣ какъ Франція, въ которой *ни кредитная система, ни крупная промышленность не были развиты до современной высоты*» (стр. 145). Въ образецъ невѣрныхъ,—хотя опять-таки объяснимыхъ особенными экономическими условіями Франціи,—положеній с.-симонистовъ, Марксъ приводитъ одно мѣсто изъ «Doctrine de St. Simon», гдѣ средства, которыми распоряжаются банкиры, характеризуются какъ деньги людей «праздныхъ». Это невѣрно, доказываетъ Марксъ. «Во-первыхъ, это—часть капитала, которую промышленники и купцы держатъ въ данный моментъ незанятымъ, въ качествѣ денежнаго резерва или капитала, только еще подлежащаго помѣщенію; слѣдовательно, праздный капиталъ, но не капиталъ людей праздныхъ. Во-вторыхъ, это—часть доходовъ и сбереженій всѣхъ, которая постоянно или временно предназначена на накопленіе»...

«Не слѣдуетъ, однако, никогда забывать», говорится далѣе, «что во 1-хъ, *деньги* — въ формѣ благородныхъ металловъ — образуютъ то *основаніе*, отъ котораго кредитная система по самой природѣ дѣла *никогда не можетъ оторваться*, и во-вторыхъ, что *кредитная система предполагаетъ* монополизацію общественныхъ средствъ производства (въ формѣ капитала и поземельной собственности) въ рукахъ *частныхъ лицъ*, что она сама является, съ одной стороны, *имманентной формой капиталистическаго способа производства*, а, съ другой стороны, *силой, толкающей его развитіе до его наивысшей возможной и послѣдне-возможной формы*» (стр. 145).

Это поясняется подробнѣе въ слѣдующемъ великолѣпномъ мѣстѣ:

«Банковая система представляетъ изъ себя, по своей формальной организаціи и централизаціи.... самую *искусственную* и выработанную систему, до которой только можетъ дойти капиталистическій способъ производства. Отсюда такое громадное вліяніе учрежденія, подобнаго Англійскому Банку, на торговлю и промышленность, хотя дѣйствительное движеніе ихъ остается совершенно внѣ области его вліянія и хотя онъ относится къ этому движенію пассивно. Этой системой дана уже *форма общаго счетоводства и распредѣленія средствъ производства во всемъ обществѣ*, но именно *одна только* форма... Этотъ общественный характеръ капитала (именно: выражающійся въ *средней прибыли*, гдѣ

каждый отдѣльный капиталъ беретъ свой *дивидендъ* изъ *общаго прибавочнаго труда* лишь *какъ пропорціональную часть всего капитала*, а *не* пропорціонально тому прибавочному труду, который добытъ *непосредственно имъ*) впервые проводится и осуществляется вполнѣ посредствомъ полнаго развитія кредитной и банковой системы. Съ другой стороны, эта система идетъ дальше. Она отдастъ въ распоряженіе промышленнымъ и коммерческимъ капиталистамъ весь свободный и даже потенціальный, не занятый еще активно, капиталъ общества, такъ что *ни тотъ, кто ссужаетъ капиталъ*, ни *тотъ, кто употребляетъ его*, не является *ни его собственникомъ, ни производителемъ*. Она уничтожаетъ этимъ *частный характеръ* капитала, и содержитъ такимъ образомъ въ себѣ, *по своей сущности* (an sich), *но именно только по своей сущности*,— *уничтоженіе самого капитала*... Банковая система показываетъ далѣе подстановкой различныхъ формъ оборотнаго кредита на мѣсто денегъ, *что деньги на самомъ дѣлѣ не что иное, какъ особое выраженіе общественнаго характера труда и его продуктовъ*, которое, однако, въ послѣдней инстанціи всегда должно представляться какъ вещь, какъ *особый товаръ* рядомъ съ *другими* товарами.

«Наконецъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что *кредитная система* послужитъ *могучимъ рычагомъ* во время *перехода* изъ капиталистическаго способа производства *въ способъ производства ассоціированнаго труда*; однако, лишь какъ *одинъ* изъ элементовъ въ связи съ *другими великими органическими преобразованіями самаго способа производства*. Напротивъ, иллюзіи на счетъ *чудодѣйственной силы кредитной и банковой системы, въ соціалистическомъ смыслѣ*, проистекаютъ изъ *полнаго непониманія* капиталистическаго способа производства и кредитной системы, какъ одной изъ его формъ. Разъ только средства производства перестали превращаться въ капиталъ... *кредитъ, какъ таковой, не имѣетъ уже никакого смысла*, — что, впрочемъ, поняли даже сенъ-симонисты. Съ другой стороны, покуда существуетъ *капиталистическій способъ производства*, будетъ существовать и *процентный* капиталъ, какъ одна изъ его формъ, образуя по истинѣ *основу* его кредитной системы» (III, 2, стр. 145/147).

Мы опускаемъ нѣкоторыя дальнѣйшія положенія, характеризующія взгляды Прудона, сенъ-симонистовъ и Ш. Пеккёра (Ch. Pecqueur) на отношеніе кредита къ способу производства, и приводимъ за то еще два относящихся сюда положенія изъ главы 27-ой, трактующей о «роли кредита въ капиталистическомъ производствѣ». При этомъ, мы обращаемъ особенное вниманіе на разсужденія этой главы объ *акціонерныхъ обще-*

ствахъ, на которыхъ мы, къ сожалѣнію, не можемъ остановиться здѣсь подробнѣе, и которыя Энгельсъ пополняетъ добавленіемъ о картеляхъ и трёстахъ.

Прежде всего, здѣсь представляется намъ безусловно стоющимъ особаго указанія слѣдующее замѣчаніе о *производительныхъ ассоціаціяхъ*, и проведенное въ концѣ сравненіе ихъ съ акціонерными обществами. «*Кооперативныя фабрики рабочихъ* являются внутри старой формы *первою брешью въ старой формѣ*, хотя онѣ, разумѣется, повсюду, въ своей дѣйствительной организаціи, *воспроизводятъ всѣ недостатки существующей системы* и *должны* воспроизводить ихъ. Но *противоположность* капитала и труда *уничтожена* въ нихъ, хотя первоначально *лишь въ такой формѣ*, что рабочіе, какъ *ассоціація*, являются *своимъ собственнымъ капиталистомъ*, то-есть употребляютъ средства производства для возрастанія стоимости своего собственнаго труда. Онѣ показываютъ, какимъ образомъ, на извѣстной ступени развитія матеріальныхъ производительныхъ силъ и соотвѣтствующихъ имъ общественныхъ формъ производства изъ даннаго способа производства *естественно развивается и вырабатывается новый способъ производства*. Безъ вытекающей изъ капиталистическаго способа производства *фабричной системы* не могла бы развиться *кооперативная фабрика*, точно такъ же какъ она не могла бы развиться безъ вытекающей изъ того же способа производства *кредитной системы*. Эта послѣдняя, составляя главную основу постепеннаго превращенія капиталистическихъ частныхъ предпріятій въ капиталистическія акціонерныя общества, даетъ точно также средства къ постепенному расширенію кооперативныхъ предпріятій, такъ чтобы они обнимали болѣе или менѣе все національное производство. *Капиталистическія акціонерныя предпріятія* [1]) слѣдуетъ разсматривать, точно такъ же, какъ и *кооперативныя фабрики*, какъ *переходныя формы* изъ капиталистическаго способа производства въ ассоціированный, только что въ однихъ противоположность уничтожается *отрицательно*, а въ другихъ—*положительно* (III, 1, стр. 427—428).

Въ акціонерномъ обществѣ эксплуатирующій капиталистъ стоитъ *внѣ* предпріятія, *функція* предпринимателя отдѣлена отъ *владѣнія капиталомъ*,—въ производительной ассоціаціи въ ея чистой формѣ капиталистъ, какъ эксплуататоръ функціонирующаго труда, *изчезъ совершенно*.

Кстати приведемъ здѣсь одно мѣсто объ акціонерныхъ обществахъ въ вящшее поученіе тѣхъ, по мнѣнію которыхъ Марксъ «слит-

---

[1]) Сюда же принадлежатъ, конечно, картели и трёсты, которые Энгельсъ называетъ «акціонерными обществами второй и третьей степени».

комъ пощадилъ» *биржу*. Оно относится къ тому противорѣчію, заключающемуся въ этихъ обществахъ, что они представляютъ изъ себя уничтоженіе капиталистическаго способа производства въ предѣлахъ капиталистическаго способа производства. Объ этомъ противорѣчіи говорится: «Оно создаетъ въ извѣстныхъ сферахъ монополію и вызываетъ поэтому государственное вмѣшательство. Оно создаетъ новую финансовую аристократію, новый родъ паразитовъ въ видѣ проэктеровъ, концессіонеровъ и номинальныхъ директоровъ, цѣлую систему дутыхъ предпріятій и обмана, при полученіи концессій, при выпускѣ акцій и торговлѣ ими. Это—частное производство безъ контроля частной собственности (тамъ же, стр. 426). Какимъ образомъ дальше «описывается вся «Панама», за цѣлыя 20 лѣтъ до того, какъ она произошла» (Энгельсъ),—объ этомъ читатель самъ можетъ прочитать въ указанномъ мѣстѣ.

Въ заключеніе Марксъ резюмируетъ свои выводы о роли кредита слѣдующимъ образомъ:

«*Двойственный характеръ*, присущій кредитной системѣ: съ одной стороны, быть двигателемъ капиталистическаго производства, развивать обогащеніе посредствомъ эксплуатаціи чужого труда до *чистѣйшей и колоссальнѣйшей системы ажіотажа и мошенничества* и постоянно уменьшать число немногихъ, пользующихся общественнымъ богатствомъ; а съ другой стороны, составлять *переходную форму къ новому способу производства,—эта-то двойственность* и сообщаетъ главнымъ провозвѣстникамъ кредита, начиная отъ Лоу и до Исаака Перейры, (Isaac Pereire) ихъ *привлекательный смѣшанный образъ шарлатановъ и пророковъ* (стр. 429).

Возвратимся къ процентному капиталу. Было уже указано, что когда деньги ссужаются съ той цѣлью, чтобы употребить ихъ какъ капиталъ, то процентъ, выплачиваемый за нихъ, меньше, чѣмъ ожидаемая прибыль: иначе сдѣлка была бы безсмысленной. Конечно, бываютъ и такіе случаи, когда за ссуду для промышленныхъ цѣлей платится процентъ высшій, чѣмъ ожидаемая прибыль, но они составляютъ исключеніе и потому не подлежатъ здѣсь обсужденію. Такъ какъ на извѣстной ступени развитія всякая денежная сумма является потенціальнымъ капиталомъ, капиталомъ, которому самому по себѣ присуще свойство увеличивать свою стоимость, принося прибыль, —то деньги уже вообще даются въ ссуду только какъ капиталъ, и процентъ разсматривается какъ естественная, на самой природѣ дѣла основанная «цѣна» ссуднаго капитала, употребляя обычное совершенно нераціональное выраженіе. Ибо извѣстная сумма, хотя бы она и давалась въ ссуду какъ капиталъ, не можетъ имѣть никакой другой цѣны, кромѣ той, которую она выражаетъ. Однако вошло въ обычай говорить о «цѣнѣ денегъ», когда говорятъ о *процентѣ*.

Чѣмъ регулируется эта «цѣна», или, выражаясь правильнѣе, норма процента? Мы выше указали максимальную границу, которая можетъ считаться всеобщей: среднюю прибыль. Общая (средняя) норма процента — въ отдѣльныхъ случаяхъ, разумѣется, бываютъ отклоненія — будетъ всегда ниже, чѣмъ общая норма прибыли. Минимальной границы внизъ не существуетъ. Процентъ «можетъ падать до какой угодно низкой степени» (III, 1, стр. 343). Высота его въ каждомъ данномъ случаѣ опредѣляется конкуренціей въ предѣлахъ максимальной границы. Здѣсь мы имѣемъ случай, когда предложеніе и спросъ на самомъ дѣлѣ имѣютъ рѣшающее значеніе. Какимъ образомъ оба лица, претендующія на прибыль — тотъ, кто ссужаетъ денежную сумму, и тотъ, кто употребляетъ ее, — дѣлятъ эту прибыль между собой, это «по самой своей сущности настолько же *чисто эмпирическій*, принадлежащій царству *случайнаго*, фактъ, какъ и распредѣленіе процентныхъ долей какого нибудь компанейскаго предпріятія между различными участниками» (III. 1. стр. 349).

Не существуетъ никакой «естественной» нормы процента. Но въ каждое данное время существуетъ всегда рыночная норма процента (отъ которой идетъ лѣстница нормъ для различныхъ видовъ ссуды), а также средняя норма процента, которая представляется равной для всѣхъ, опредѣленной и гораздо болѣе осязательной величиною, чѣмъ общая норма прибыли.

«Уровень процента относится къ нормѣ прибыли примѣрно такъ, какъ рыночная цѣна товара относится къ его стоимости» (стр. 349 и 350).

Какимъ образомъ совершается раздѣленіе прибыли на процентъ и предпринимательскую прибыль и какимъ образомъ отношеніе капитала получаетъ свое внѣшнее и поверхностное выраженіе въ формѣ процентнаго капитала, это изложено въ тѣхъ двухъ главахъ, которыя уже раньше выхода III-го тома были напечатаны въ «Neue Zeit». Поэтому, мы думаемъ, что нѣтъ надобности подробнѣе касаться здѣсь этого вопроса. Въ слѣдующей главѣ мы приведемъ за то изъ того же пятаго отдѣла нѣкоторыя выдержки о банковомъ капиталѣ, а также кое-что изъ послѣдняго (седьмого) отдѣла книги и этимъ закончимъ пока нашу статью. Пересказъ шестого отдѣла книги, трактующаго о *поземельной рентѣ*, мы дадимъ въ другой разъ.

VII. О денежномъ рынкѣ. Три главныхъ категоріи дохода. Взглядъ на будущее.

Вопросъ о деньгахъ представляетъ неразрѣшимую тайну не только для «большой толпы» тѣхъ, для кого денежный вопросъ существуетъ лишь въ грубо-варварской формѣ заботы о насущномъ грошѣ. Даже въ понятіяхъ настоящихъ жрецовъ и книжниковъ этой въ высокой степени реальной «вещи въ себѣ» товарнаго міра долго господствовала безнадежная путаница насчетъ законовъ ея происхожденія и дѣйствія. Въ своемъ сочиненіи «Zur Kritik der politischen» Oekonomie», обнародованномъ въ 1859 г., Марксъ вскрылъ тѣ неясности, которыя встрѣчались даже у лучшихъ научныхъ представителей буржуазной экономіи насчетъ функцій денегъ и способовъ ихъ функціонированья. При этомъ онъ не преминулъ воздать «каждому свое», т. е. оцѣнить по достоинству каждый трудъ, подвинувшій наши знанія хотя бы на шагъ впередъ. Теперь, въ связи съ анализомъ различныхъ формъ *процентнаго капитала*, специфической формой котораго является банковый капиталъ, Марксъ выводитъ передъ нами, рядомъ съ этими книжниками, различные выдающіеся экземпляры жрецовъ и верховныхъ жрецовъ этого таинственнаго божества, и показываетъ намъ, какъ мало бываютъ обыкновенно свѣдущи эти господа, — частные банкиры и директора общественныхъ банковъ, — когда требуется объяснить конечныя причины и конечныя вліянія процессовъ на денежномъ рынкѣ. Полная *неспособность* видѣть что нибудь дальше своего носа соединяется у нихъ обыкновенно съ *нежеланіемъ* смотрѣть дальше—къ вящшей чести ихъ святой церкви. Значитъ, не только въ католическихъ и протестантскихъ теологахъ «блудящій разумъ» («die Hure Vernunft») вызываетъ ужасъ.

Ту роль, которую въ I-мъ томѣ «Капитала» играютъ отчеты англійскихъ коммиссій для изслѣдованія условій труда,—здѣсь играютъ отчеты и протоколы парламентскихъ коммиссій для изслѣдованія банковыхъ дѣлъ, особенно положенія Англійскаго Банка. Марксъ не побоялся труда проштудировать основательно эти крайне сухія, многорѣчивыя и многотомныя изданія. Ему не удалось подвергнуть собранный матеріалъ окончательной органической обработкѣ, но выписки изъ этихъ изданій съ добавленіями Маркса, которыя напечаталъ Энгельсъ, пополнили ихъ цѣнными вставками, вполнѣ достаточными, чтобы отнять—какъ было уже замѣчено—у представителей денежнаго капитала всякое основаніе жаловаться на то, что ихъ обидѣли сравнительно съ представителями капитала, вложеннаго въ производство.

Систематическое изслѣдованіе этого предмета должно исходить изъ анализа *товара*, который и данъ въ I-мъ томѣ «Капитала». На основаніи этого анализа Марксъ могъ уже въ этомъ томѣ—и предшествовавшемъ ему сочиненіи «Zur Kritik etc.»—развить ту теорію денегъ, которая съ тѣхъ поръ сдѣлалась господствующимъ ученіемъ. Какая «путаница» господствовала въ то время, и какъ банки эксплуатировали эту путаницу,—эксплуатировали ростовщически, — указанныя выписки приводятъ тому самые поучительные примѣры.

Мы цитировали въ предыдущей главѣ то мѣсто, въ которомъ говорится, что банковая система приводитъ при развитомъ кредитномъ хозяйствѣ къ такому состоянію, когда «ни тотъ, кто ссужаетъ капиталъ, ни тотъ, кто употребляетъ его, не являются ни собственниками, ни производителями его». Въ настоящее время это такъ очевидно, что можно ограничиться однимъ этимъ констатированіемъ. Не говоря уже о томъ, что основной капиталъ акціонерныхъ банковъ самъ является «чужимъ» капиталомъ—не говоря уже объ этомъ, наибольшая часть тѣхъ ссудъ, которыя они дѣлаютъ своимъ кліентамъ, берется не изъ этого капитала, а отчасти изъ тѣхъ денегъ, которыя положены къ нимъ другими кліентами, частью изъ векселей или—въ эмиссіонныхъ банкахъ, изъ билетовъ, выпускаемыхъ ими на основаніи ихъ кредита. Эта операція — принимать на вкладъ ссудный капиталъ безъ процентовъ или, во всякомъ случаѣ, за болѣе низкій процентъ, чѣмъ тотъ, который они берутъ за дѣлаемыя ими ссуды и авансы,—и составляетъ «законный» источникъ ихъ прибыли. Живя, такимъ образомъ, эксплуатаціей кредита, господа банкиры и директора банковъ любятъ выступать передъ публикой какъ «благотворители», оплодотворяющіе торговлю и промышленность *своимъ* капиталомъ. Въ лицѣ лорда Оверстона, который прежде подъ именемъ Самуэля Джоназа Лойда былъ главой банковой фирмы того же имени, Марксъ приводитъ (т. III, ч. 1, стр. 405—414) классическій типъ банкира, который разыгрывалъ такимъ образомъ роль благотворителя, и при этомъ, пользуясь своимъ вліяніемъ на законодательство, проводилъ законъ Пиля о банкахъ 1844 года, позволявшій банкирамъ самый безстыдный грабежъ остального торговаго міра. Послѣднее признавалъ даже одинъ бѣлый воронъ среди нихъ. Мы не можемъ перепечатывать здѣсь показанія Оверстона и комментаріи Маркса къ нимъ, но мы считаемъ необходимымъ обратить особенное вниманіе на нихъ и прибавленное Энгельсомъ краткое изложеніе природы банкирскаго кредита.

Этотъ Оверстонъ былъ однимъ изъ главныхъ представителей школы «currency», доктрина которой получила законодательное признаніе въ вышеупомянутомъ законѣ о банкахъ. Эта доктрина основывалась на тео-

рін денегъ Рикардо, разобранной уже въ «Zur Kritik». Говоря вкратцѣ, она объясняетъ общее повышеніе и паденіе товарныхъ цѣнъ несоотвѣтствіемъ количества обращающихся денегъ («currency») съ количествомъ товаровъ, которому предстоитъ обращаться посредствомъ этихъ денегъ. «Ея позорное фіаско, теоретическое и практическое, послѣ экспериментовъ въ громадныхъ, распространяющихся на всю націю, размѣрахъ» — говорится въ «Zur Kritik» — «можетъ быть изложено лишь въ ученіи о кредитѣ» («Zur Kritik» стр. 168), но уже и теперь ясно, что теорія денегъ Рикардо приводитъ къ тому, что приписываетъ увеличенію и уменьшенію благородныхъ металловъ такое абсолютное вліяніе на буржуазную экономію, о какомъ не мечтало даже суевѣріе монетарной системы» (тамъ же). А въ первой книгѣ «Капитала» Марксъ говоритъ о школѣ Currency: «Ея невѣжество и полное непониманіе фактовъ находитъ себѣ достойную параллель въ тѣхъ экономистахъ, которые объясняютъ указанныя явленія накопленія (процвѣтаніе и кризисъ) тѣмъ, что въ первомъ случаѣ существуетъ слишкомъ мало наемныхъ рабочихъ, а во второмъ—слишкомъ много» (стр. 646).

Практическое банкротство currency-школы состояло въ крахѣ въ 1857 году закона Пиля о банкахъ, по которому Англійскій Банкъ долженъ былъ сокращать или расширять обращеніе своихъ билетовъ строго-пропорціонально величинѣ своего денежнаго запаса и, слѣдовательно, долженъ былъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, уменьшать число билетовъ именно тогда, когда въ нихъ была наибольшая нужда. Еще въ іюлѣ того года Оверстонъ восхвалялъ передъ парламентской коммиссіей этотъ законъ, какъ чудодѣйственную причину непоколебимо якобы здороваго состоянія денежныхъ отношеній, а ровно четыре мѣсяца спустя, правительству пришлось подъ своей отвѣтственностью пріостановить дѣйствіе этого закона, чтобы помѣшать банкротству банковаго отдѣленія (Bankgeschäfts-Departament) Англійскаго Банка. Намъ нѣтъ надобности разсказывать здѣсь подробнѣе исторію этого закона о банкахъ, которую Энгельсъ повторяетъ вкратцѣ въ III томѣ, 2 ч., стр. 93—95. Доктрина currency въ этомъ ея спеціальномъ примѣненіи умерла и похоронена. Это не препятствуетъ, однако, тому, что она въ другой формѣ по временамъ снова оживаетъ, воскресаетъ и одурманиваетъ головы. Подобнымъ дурманомъ является современный биметаллизмъ, проповѣдуемый на всѣхъ перекресткахъ, съ одной стороны, честными людьми, воображающими въ самомъ дѣлѣ, что «возстановленіе» цѣнности серебра до такой величины, которая находится въ вопіющемъ противорѣчіи съ издержками его производства, можетъ повернуть вспять, ко благу человѣчества, колесо капиталистическаго развитія, — а съ другой стороны, знатоками дѣла,

добросовѣстность которыхъ опредѣляется видами на *прибыль*, которую, по крайней мѣрѣ въ первый моментъ, обѣщаетъ положить въ ихъ карманы этотъ экспериментъ. Многое изъ того, что пишетъ Марксъ противъ currency-доктрины 30-хъ и 40-хъ годовъ, подходитъ цѣликомъ къ современнымъ биметаллистамъ, ученіе которыхъ является лишь антиподомъ этой доктрины [1]).

Если выше цитированная фраза изъ «Zur Kritik» говоритъ, что фіаско currency-школы можетъ быть изложено лишь въ ученіи о кредитѣ, то это уже указываетъ собственно на то, что сама кредитная система является важнымъ моментомъ этой критики. Въ самомъ дѣлѣ, если кредитная система, какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ, развивается исторически какъ реакція противъ ростовщичества, то въ тоже время она является реакціей *противъ*,—и даже, хотя лишь въ извѣстныхъ границахъ, эмансипаціей *отъ* абсолютнаго владычества металлическихъ денегъ. По мѣрѣ ея развитія и организаціи понижается пропорція металлическихъ денегъ, требующихся для обращенія продуктовъ. «Точно такъ же при различномъ развитіи системы кредита тотъ-же самый, напр., перемѣнный капиталъ, то-же самое количество заработной платы въ одной странѣ требуетъ большаго количества средствъ обращенія, чѣмъ въ другой, въ Англіи, напр., больше, чѣмъ въ Шотландіи, въ Германіи больше, чѣмъ въ Англіи» (т. III, ч. 1, стр. 437). Такъ писалъ Марксъ болѣе 25 лѣтъ тому назадъ. Насколько развилась съ тѣхъ поръ система кредита въ Германіи, объ этомъ маленькое представленіе даетъ исторія спекулятивной горячки: «все, что облегчаетъ торговыя дѣла, облегчаетъ и спекуляцію»— писалъ еще въ 1834 году одинъ англійскій писатель по финансовымъ вопросамъ (Цитировано въ III, ч. 1, стр. 391). Въ первомъ томѣ «Капитала» Марксъ въ примѣчаніи 103-мъ третьей главы привелъ заимствованный изъ опубликованныхъ въ 1858 г. актовъ по изслѣдованію англійскаго законодательства о банкахъ, примѣръ одного крупнаго лондонскаго торговаго дома, въ которомъ въ 1856 г. на каждый милліонъ оборота платежей употреблено было наличныхъ денегъ только 28,000 фунт. Въ высшей степени поучительный матеріалъ о томъ, какимъ образомъ металлическія деньги вытѣсняются изъ торговаго оборота, и о природѣ тѣхъ органовъ, посредствомъ которыхъ это совершается, читатель най-

[1]) Такъ, напр., по отношенію къ нимъ такъ же вѣрно, какъ и по отношенію къ currency-школѣ, что они ищутъ происхожденія тѣхъ великихъ бурь на всемірномъ рынкѣ, которыми разрѣшается столкновеніе всѣхъ элементовъ буржуазнаго процесса производства—и защиты отъ этихъ бурь — «*въ самой поверхностной и абстрактной сферѣ этого процесса*», въ «сферѣ денежнаго обращенія» («Zur Kritik», с. 165, и т. III, 2 ч., с. 86).

детъ въ главахъ 30 до 32-ой: «Денежный капиталъ и дѣйствительный капиталъ» и 33-ей: «Средства обращенія при кредитной системѣ». Мы видимъ тамъ, какъ одно и то же количество не только обращающихся денегъ, но и банковыхъ билетовъ служитъ все расширяющемуся торговому обороту. Въ 1844 г. среднее обращеніе билетовъ Англійскаго Банка составляло свыше 20 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, въ 1857 г. — менѣе 19½ милл., между тѣмъ какъ въ то-же самое время оборотъ товаровъ по стоимости болѣе чѣмъ удвоился, и съ тѣхъ поръ дѣло развивалось все въ томъ же направленіи. Въ настоящее время писать, что промышленное развитіе страдаетъ отъ недостатка металлическихъ денегъ—просто абсурдъ.

Конечно, нельзя пользоваться выгодами кредитной системы, не получая въ придачу извѣстныхъ прелестей, но эти прелести не имѣютъ никакого отношенія къ вопросу о валютѣ и могутъ только увеличиваться отъ ея ухудшенія. Какъ бы совершенно ни была развита и организована кредитная система, она только уменьшаетъ количество ежедневно обращающихся наличныхъ денегъ, но вообще не уничтожаетъ необходимости разсчитываться въ извѣстныхъ случаяхъ по платежнымъ обязательствамъ наличными деньгами или полноцѣнными представителями ихъ. Когда наступаетъ такой моментъ, что весь торговый міръ одновременно поставленъ передъ необходимостью такихъ платежей, а это бываетъ при каждомъ торговомъ кризисѣ — тогда, разумѣется, внезапно оказывается повсюду недостатокъ въ наличныхъ деньгахъ, и естественно напрашивается заключеніе, что самый кризисъ проистекаетъ изъ недостатка въ средствахъ обращенія, т. е. въ деньгахъ. Но до сихъ поръ въ такіе періоды избавлялись всегда всего быстрѣе и всего легче именно отъ *денежнаго* кризиса; чтобы устранить застой,—достаточно бывало обыкновенно несложныхъ мѣропріятій со стороны государства или руководящихъ финансовыхъ учрежденій. Напротивъ, *тѣ* явленія, которыя были слѣдствіемъ поддерживаемой кредитною системою хозяйственной анархіи, въ производствѣ и торговлѣ, всегда продолжали еще долго существовать. А въ международномъ обращеніи дѣла обстоятъ такъ же, какъ и въ національномъ.

«Платежной балансъ, который не слѣдуетъ смѣшивать съ торговымъ балансомъ, въ эпохи общаго кризиса бываетъ неблагопріятенъ для каждой... коммерчески развитой націи, но при этомъ, этотъ неблагопріятный балансъ появляется всегда у одной націи за другой, по мѣрѣ того, какъ доходитъ до нея очередь платежа... Явленіе отлива золота по очереди обходитъ всѣ націи и показываетъ именно своей всеобщностью, что отливъ золота есть *просто* симптомъ кризиса, *а не его причина*» (III, 2 ч., стр. 30).

Приведемъ здѣсь еще нѣкоторыя положенія, относящіяся къ этому вопросу, причемъ мы должны, къ сожалѣнію, опустить изложеніе тѣхъ фактовъ, на которыхъ они основаны:

«Во времена заминки спросъ на ссудный капиталъ есть спросъ на *платежныя средства* и ничего болѣе». Но этотъ спросъ можетъ означать лишь потребность обратить надежныя цѣнности (залоги) въ деньги и потребность въ денежномъ капиталѣ вообще. Поэтому тѣ, кто объясняютъ кризисы просто недостаткомъ платежныхъ средствъ, либо имѣютъ въ виду однихъ владѣльцевъ надежныхъ цѣнностей, либо это—дураки, которые думаютъ, что задачей и обязанностью банка является превращать посредствомъ кусковъ бумаги всѣхъ несостоятельныхъ мошенниковъ въ платежеспособныхъ солидныхъ капиталистовъ» (тамъ же, стр. 53—4). Съ другой стороны, и тѣ принудительныя мѣры, которыя принимаются во времена заминки для обезпеченія кредитнымъ деньгамъ возможности ихъ превращенія въ металлическія деньги, могутъ «болѣе или менѣе обостряться нелѣпымъ законодательствомъ, основывающимся на неправильныхъ теоріяхъ о деньгахъ, и навязываться націи въ интересахъ денежныхъ торговцевъ, Оверстоновъ и всей этой клики. Основа этихъ явленій дана уже основой самого способа производства... Стоимость товаровъ приносится въ жертву для обезпеченія фантастическаго и самостоятельнаго бытія этой стоимости... Для какихъ нибудь двухъ-трехъ милліоновъ денегъ приходится *жертвовать многими милліонами товаровъ*. Это *неизбѣжно въ капиталистическомъ производствѣ* и составляетъ одну изъ его прелестей... *Вся исторія новѣйшей промышленности показываетъ, что металлъ требовался бы въ дѣйствительности лишь для платежа по международной торговлѣ на случай временнаго нарушенія ея равновѣсія—еслибы національное производство было организовано.* Что внутри страны уже теперь нѣтъ никакой надобности въ металлическихъ деньгахъ, это доказываетъ пріостановка платежа наличными въ такъ называемыхъ національныхъ банкахъ, къ которой прибѣгаютъ во всѣхъ крайнихъ случаяхъ, какъ къ единственному средству помощи» (стр. 54—55).

Если же въ Англіи, напр., банковый билетъ сохраняетъ способность къ обращенію даже при совершенно недостаточномъ фактически резервѣ, то это потому, что «вся нація со всѣмъ ея богатствомъ стоитъ за Англійскимъ Банкомъ» (стр. 80). Прибыль, которую получаетъ банкъ отъ выпуска билетовъ свыше своего металлическаго запаса, есть прибыль на предоставленный ему общественный кредитъ. Такой выпускъ буржуазный экономистъ разсматриваетъ какъ національное сбереженіе металлическихъ денегъ. А что это національное сбереженіе оказывается прибылью частныхъ лицъ, это «нисколько не смущаетъ буржуазнаго экономиста, такъ

какъ прибыль вообще есть присвоеніе національнаго труда». Какъ видите, Марксъ не очень-то долюбливалъ банкократію. «Можетъ-ли быть что нибудь болѣе нелѣпое» — пишетъ онъ вслѣдъ за предыдущимъ — «чѣмъ, напр., Англійскій Банкъ съ 1797 по 1817 г., билеты котораго имѣютъ кредитъ лишь благодаря государству и который потомъ заставляетъ государство, т. е. публику—платить себѣ,—въ формѣ процентовъ по государственнымъ займамъ, — за предоставленное ему государствомъ же право превращать эти билеты изъ бумажекъ въ деньги и затѣмъ давать ихъ въ ссуду тому же государству?» (стр. 81). Нѣсколькими страницами ниже онъ приводитъ цифры прибылей, полученныхъ за тотъ періодъ Англійскимъ Банкомъ и Ирландскимъ Банкомъ, который тоже пріостановилъ платежи. Прибыли составляли, включая повысившуюся капитальную стоимость банковыхъ акцій—въ Англійскомъ Банкѣ свыше 29 милл. фунтовъ на $11^1/_2$ милл. капитала, а въ Ирландскомъ Банкѣ свыше 11 милл. на 3 милл. капитала. Вотъ комментарій Маркса къ этому:

«Толкуйте тутъ о централизаціи! Кредитная система, средоточіе которой заключается въ пресловутыхъ національныхъ банкахъ и въ ютящихся около нихъ крупныхъ денежныхъ торговцахъ и ростовщикахъ, представляетъ изъ себя громадную централизацію. Она даетъ этому классу паразитовъ сказочную силу не только періодически предавать закланію промышленныхъ капиталистовъ, но и вмѣшиваться самымъ опаснымъ образомъ въ дѣйствительное производство, — а эта шайка понятія не имѣетъ о производствѣ и не имѣетъ съ нимъ ничего общаго. Акты 1844 и 1845 гг. служатъ доказательствомъ растущей силы этихъ бандитовъ, къ которымъ примыкаютъ финансисты и биржевые дѣльцы» (стр. 84).

На этомъ мы заканчиваемъ выписку изъ пятаго отдѣла. Мы отмѣтили, положимъ, для себя еще много мѣстъ, въ которыхъ чрезвычайно рельефно характеризуются пріемы денежныхъ торговцевъ различныхъ категорій, но должны опустить ихъ за недостаткомъ мѣста. А простая перепечатка комментаріевъ кажется намъ неудобной по тому соображенію, что безъ фактовъ, къ которымъ они относятся, они легко могутъ вызвать ложныя представленія. Точка зрѣнія Маркса на банкъ и биржу достаточно выяснена предыдущимъ.

* * *

Седьмой и заключительный отдѣлъ третьяго тома трактуетъ сжато о видахъ дохода—die Revenuen — и объ ихъ источникахъ;—если можно такъ выразиться, объ осадкахъ капиталистическаго производства. Марксъ излагаетъ здѣсь, какимъ образомъ совершается общественный процессъ

*

производства въ его отношеніяхъ къ доходамъ. Къ сожалѣнію, изъ послѣдней главы этого отдѣла, посвященной столь важному вопросу о *классахъ*, имѣется на лицо лишь начало. «Здѣсь должны были быть представлены»—пишетъ Энгельсъ въ предисловіи — «три главныхъ класса развитого капиталистическаго общества — землевладѣльцы, капиталисты, наемные рабочіе, — соотвѣтствующіе тремъ крупнымъ формамъ дохода: поземельной рентѣ, прибыли, заработной платѣ,—и та классовая борьба, которая необходима, дана уже ихъ существованіемъ, какъ наличный фактическій результатъ капиталистическаго періода». Громадная потеря, что Марксу не удалось осуществить этого намѣренія. За то остальныя четыре главы имѣются въ полномъ видѣ, хотя и въ первомъ наброскѣ, и даютъ обильный матеріалъ.

Первая изъ нихъ, 48-я глава книги, озаглавлена «Тройственная формула». Что это за троица, указываетъ приведенное сейчасъ мѣсто изъ Энгельса. Марксъ начинаетъ эту главу словами: «Капиталъ — прибыль (предпринимательскій барышъ плюсъ процентъ), земля — поземельная рента, трудъ—заработная плата, вотъ та тройственная формула, которая содержитъ въ себѣ всѣ тайны общественнаго процесса производства». А такъ какъ характернымъ продуктомъ капитала представляется собственно процентъ, а предпринимательскій барышъ въ противоположность проценту кажется независящей отъ капитала заработной платой, то первый членъ троицы сводится къ такому: капиталъ—процентъ, «гдѣ прибыль, форма сверхстоимости, специфически характеризующая капиталистическое производство, благополучно устранена». Или, какъ говорится въ другомъ мѣстѣ, въ процентѣ погасло не только всякое воспоминаніе о его происхожденіи, но даже самое отношеніе «поставлено въ противорѣчивую форму къ этому происхожденію (къ производительному труду)» (2 ч., стр. 365).

Марксъ показываетъ далѣе, что отдѣльные члены этой формулы,—которая такъ мила вульгарной экономіи, потому что остается на поверхности и чужда внутренней связи вещей,—сами по себѣ полны противорѣчій и совсѣмъ не вяжутся, относясь другъ къ другу «примѣрно какъ нотаріальныя пошлины, свекловица и музыка» (с. 348). Доказательство этого положенія исходитъ изъ того факта, который былъ разъясненъ въ прежнихъ отдѣлахъ, что капиталъ—не вещь, а опредѣленное общественное производственное отношеніе, что земля не можетъ создавать стоимости и, что трудъ («*die*» Arbeit), какъ таковой, призракъ, простая абстракція. Слѣдующее положеніе, заканчивающее это доказательство, ясно резюмируетъ ходъ мысли автора:

«Въ формулѣ: капиталъ—прибыль, или еще лучше капиталъ—процентъ, земля—поземельная рента, трудъ—заработная плата, въ этой экономиче-

ской троицѣ, указывающей на связь стоимости и богатства вообще съ ихъ источниками, *завершена мистификація капиталистическаго способа производства*; общественныя отношенія овеществлены; *матеріальныя* условія производства — совершенно срослись въ одно цѣлое съ ихъ *исторически* и *соціально*-опредѣленными формами; это—заколдованный, извращенный и перевернутый вверхъ ногами міръ, въ которомъ monsieur le Capital (господинъ капиталъ) и madame la Terre (госпожа земля) творятъ свое волшебство, являясь въ одно и тоже время и соціальными категоріями, и непосредственно простыми вещами. Большая заслуга классической экономіи, что она раскрыла эту обманчивую видимость, это *обособленіе и окостенѣніе различныхъ общественныхъ элементовъ богатства по отношенію другъ къ другу*, это *олицетвореніе вещей* и овеществленіе производственныхъ отношеній, эту *религію будничной жизни*, —сведя процентъ на часть прибыли, а ренту на избытокъ надъ средней прибылью, такъ что оба входятъ въ сверхстоимость, представивъ процессъ обращенія, какъ простую перемѣну формъ и, наконецъ, по отношенію къ непосредственному процессу производства, сведя стоимость и прибавочную стоимость товаровъ къ труду. Тѣмъ не менѣе, даже лучшіе изъ ея представителей продолжаютъ еще,— какъ это и не можетъ быть иначе при ихъ буржуазной точкѣ зрѣнія, — оставаться въ этомъ разрушенномъ ихъ критикой мірѣ видимостей, и потому всѣ болѣе или менѣе впадаютъ въ непослѣдовательности, половинчатости и неразрѣшимыя противорѣчія. Напротивъ, совершенно естественно, съ другой стороны, что настоящіе агенты производства [1]) чувствуютъ себя совершенно какъ дома въ этихъ голыхъ, лишенныхъ содержанія и нераціональныхъ формахъ: капиталъ—процентъ, земля—рента, трудъ—заработная плата, такъ какъ это именно тѣ поверхностныя представленія, въ которыхъ они вращаются и съ которыми они ежедневно имѣютъ дѣло. Точно такъ же вполнѣ естественно, что вульгарная экономія, которая представляетъ изъ себя не что иное, какъ дидактическій, болѣе или менѣе доктринерскій переводъ ходячихъ представленій дѣйствительныхъ агентовъ производства, и вноситъ только нѣкоторый порядокъ въ эти представленія,—что вульгарная экономія усматриваетъ *въ этой троицѣ*, въ которой *исчезла всякая внутренняя связь отдѣльныхъ частей*, естественную и стоящую выше всякихъ сомнѣній основу своихъ плоскихъ высокопарностей. Эта формула *соотвѣтствуетъ* въ тоже время *интересу господствующихъ классовъ*, провозглашая естественную необходимость и вѣчную законность источниковъ ихъ доходовъ и возводя эту необходимость и законность въ догму» (2 ч. с. 365—366).

---

[1]) Предприниматели etc.

Далѣе, мы приведемъ изъ этой главы слѣдующее въ высшей степени важное соображеніе, проливающее свѣтъ на *будущее*, или, если хотите, на «государство будущаго»:

«*Прибавочный трудъ* вообще, какъ трудъ, продолжающійся за предѣлы данныхъ потребностей, *долженъ существовать всегда*. Въ капиталистической, какъ и въ рабской системѣ и др., онъ имѣетъ лишь антагонистическую форму и дополняется полнымъ тунеядствомъ части общества. Извѣстное количество прибавочнаго труда требуется для обезпеченія отъ случайностей, для необходимаго прогрессивнаго расширенія процесса воспроизводства, расширенія—соотвѣтствующаго развитію потребностей и росту населенія. Съ *капиталистической* точки зрѣнія процессъ этотъ представляется *накопленіемъ*. Это—одна изъ цивилизаторскихъ сторонъ капитала, что онъ выжимаетъ прибавочный трудъ такимъ образомъ и при такихъ условіяхъ, которыя выгоднѣе для развитія производительныхъ силъ и общественныхъ отношеній, для созданія элементовъ высшаго новообразованія, чѣмъ прежнія формы рабства, крѣпостничества и т. д. Такимъ образомъ, онъ приводитъ, съ одной стороны, къ такой ступени, когда отпадаетъ принужденіе и монополизація общественнаго развитія (включая его матеріальныя и интеллектуальныя выгоды) одной частью общества на счетъ другой: съ другой стороны, онъ порождаетъ матеріальныя средства для созданія такихъ отношеній—и зародышъ этихъ отношеній,—которыя дадутъ возможность при высшей формѣ общества *соединить этотъ прибавочный трудъ съ большимъ сокращеніемъ времени, посвященнаго вообще матеріальному труду. Прибавочный трудъ* можетъ, смотря по развитію производительной силы труда, *быть значительнымъ при небольшой длинѣ всего рабочаго дня* и сравнительно незначительнымъ при большой величинѣ всего рабочаго дня. Если необходимое рабочее время = 3 и прибавочный трудъ 3, то весь рабочій день—6, и норма прибавочнаго труда—100%. Если необходимый трудъ=9 и прибавочный трудъ—3, то рабочій день—12, и норма прибавочнаго труда лишь—$33^1/_3$%. Затѣмъ отъ производительности труда зависитъ, сколько потребительныхъ стоимостей создается въ опредѣленное время, а, слѣдовательно, и въ опредѣленное прибавочное время. *Дѣйствительное богатство* общества и возможность постояннаго расширенія его процесса воспроизводства зависитъ такимъ образомъ не отъ продолжительности прибавочнаго труда, а отъ его *производительности* и отъ болѣе или менѣе *разнообразныхъ производительныхъ условій*, въ которыхъ этотъ процессъ совершается. *Царство свободы начинается на самомъ дѣлѣ лишь тамъ, гдѣ прекращается трудъ, предписываемый нуждой и внѣшней цѣлесообразностью,*

оно лежитъ такимъ образомъ по самой природѣ дѣла внѣ сферы собственно матеріальнаго производства. Какъ дикарь долженъ бороться съ природой, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы поддерживать и воспроизводить свою жизнь,—точно такъ же и цивилизованный человѣкъ, и это необходимо *во всѣхъ общественныхъ формаціяхъ и при всевозможныхъ способахъ производства.* Съ его развитіемъ *расширяется это царство естественной необходимости*, такъ какъ расширяются *потребности*; но въ тоже время расширяются и *производительныя* силы, удовлетворяющія ихъ. *Свобода* въ этой области можетъ состоять *лишь въ томъ*, чтобы обобществленный человѣкъ, ассоціированные производители *раціонально регулировали* свой обмѣнъ веществъ съ природой, поставили его подъ свой *общественный* контроль вмѣсто того, чтобы подчиняться ему, какъ слѣпой силѣ; въ томъ, чтобы производить его съ *наименьшей затратой силы* и при условіяхъ *наиболѣе достойныхъ* человѣческой природы и *наиболѣе соотвѣтствующихъ* ей. Но всетаки это всегда остается царствомъ *необходимости. За его предѣлами* начинается развитіе человѣческихъ силъ, являющееся *само себѣ цѣлью*, истинное царство свободы, которое однако можетъ расцвѣсть лишь въ томъ царствѣ необходимости, какъ его базисъ. *Сокращеніе рабочаго дня—вотъ основное условіе*» (III, 2 ч., с. 354/5).

Этимъ положеніемъ мы закончимъ выписки изъ сочиненія нашего великаго передового мыслителя-борца. Слѣдующія три главы содержатъ,—какъ показываютъ уже ихъ заглавія: «Къ анализу процесса производства», «Внѣшняя сторона конкуренціи», «Отношенія распредѣленія и отношенія производства»,—еще разсужденія, которыя такъ и просятся быть цитированными; весь этотъ предметъ,—отношеніе доходовъ къ процессу производства и воспроизводства,—особенно заслуживаетъ вниманія, потому что безъ его пониманія всякое представленіе о капиталистическомъ производствѣ, какъ цѣломъ, по необходимости, явится неполнымъ и потому неправильнымъ въ силу его неполноты. Мы узнаемъ также изъ этихъ главъ много такого объ отношеніяхъ стоимости къ цѣнѣ производства, объ отношеніи стоимости къ тремъ видамъ дохода [1]), что безусловно необходимо для правильнаго примѣненія теоріи стоимости вообще.

Но этого въ немногихъ положеніяхъ не передать; это нужно развить, а для этого нужна бы еще статья. Къ тому же въ цитированномъ сейчасъ разсужденіи о нераціональномъ характерѣ тройственной формулы ука-

[1]) Напримѣръ, тамъ излагается, почему невѣрна доктрина, которая разсматриваетъ заработную плату, процентъ и ренту какъ самостоятельные опредѣляющіе элементы стоимости, тогда какъ на самомъ дѣлѣ стоимость разлагается на эти виды дохода.

занъ исходный пунктъ всей аргументаціи,—а это важнѣе, чѣмъ отрывочныя положенія, которыя всегда могутъ породить недоразумѣнія.

Нелегко пересказать популярно и въ тоже время вкратцѣ книгу, въ которую вложено столько труда, столько глубины анализа. Наша статья и не претендуетъ на это. Но если она дала читателю представленіе о сущности книги, о ея богатствѣ, и глубинѣ пониманія разсматриваемыхъ проблеммъ, если она показала, сколь многому можно изъ нея научиться и какъ изложеніе ея настолько систематично и строго послѣдовательно, что каждый, кто хочетъ учиться, можетъ изъ нея научиться, — тогда наша цѣль достигнута.

Мы неохотно употребляемъ слово наука, которымъ много злоупотребляли. Но безъ него не всегда можно обойтись. И оно безспорно уже умѣстно тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ изслѣдованіи различія между сущностью отношеній и внѣшней стороной ихъ. Къ такой наукѣ нѣтъ широкой дороги. Къ ней нужно взбираться по крутой горѣ. Кто хочетъ схватить ея результаты мимоходомъ, тотъ получитъ о нихъ лишь призрачное представленіе, узнаетъ не сущность, а только внѣшнюю сторону.

Когда появилась первая книга «Капитала», — человѣкъ, бывшій лично безусловнымъ врагомъ Маркса и подвергавшійся съ его стороны самымъ рѣзкимъ нападкамъ, І. Б. фонъ-Швейцеръ (I. B. von-Schweitzer) писалъ, что, по прочтеніи этого сочиненія, онъ вынужденъ былъ сказать себѣ, что извѣстныя требованія соціальной справедливости *стали* наукой. Всякій, прочитавъ третій томъ «Капитала», долженъ получить отъ этой книги такое же впечатлѣніе.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНІЕ НАРОДНИЧЕСТВА И КРИТИКА ЕГО ВЪ КНИГѢ Г. СТРУВЕ.

(По поводу книги *П. Струве*: Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи. Спб. 1894 г.)

Названная книга г. Струве представляетъ изъ себя систематическую критику народничества, понимая это слово въ широкомъ смыслѣ—какъ теоретическую доктрину, опредѣленно рѣшающую важнѣйшіе соціологическіе и экономическіе вопросы. и какъ «систему догматовъ экономической политики» (VII с.). Одна уже постановка подобной задачи могла бы сообщить книгѣ выдающійся интересъ; но еще важнѣе въ этомъ отношеніи та точка зрѣнія, съ которой ведется критика. Объ ней авторъ говоритъ въ предисловіи слѣдующее:

«Примыкая по нѣкоторымъ основнымъ вопросамъ къ совершенно опредѣлившимся въ литературѣ взглядамъ, онъ (авторъ) нисколько не считалъ себя связаннымъ буквой и кодексомъ какой-нибудь доктрины. Ортодоксіей онъ не зараженъ». (IX).

Изъ всего содержанія книги явствуетъ, что подъ этими «совершенно опредѣлившимися въ литературѣ взглядами» разумѣются взгляды марксистскіе. Спрашивается, какія же именно «нѣкоторыя основныя» положенія марксизма авторъ принимаетъ и какія отвергаетъ?—почему и насколько? Авторъ не даетъ прямого отвѣта на этотъ вопросъ. Поэтому, для выясненія того, что̀ именно въ этой книгѣ можетъ быть отнесено на счетъ марксизма,—какія положенія доктрины авторъ принимаетъ и насколько послѣдовательно ихъ выдерживаетъ, — какія отвергаетъ и что̀ въ этихъ случаяхъ получается,—для выясненія всего этого необходимъ подробный разборъ книги.

Содержаніе ея чрезвычайно разнообразно: авторъ дастъ, во-первыхъ, изложеніе «субъективнаго метода въ соціологіи», принимаемаго нашими народниками, критикуетъ его и противопоставляетъ ему методъ «историко-экономическаго матеріализма». Затѣмъ онъ даетъ экономическую критику народничества, во-первыхъ, на основаніи «общечеловѣческаго опыта» (с. IX) и во-вторыхъ, на основаніи данныхъ русской экономической исторіи и дѣйствительности. Попутно дается и критика догматовъ народнической эко-

номической политики. Это разнообразіе содержанія (совершенно неизбѣжное при критикѣ крупнѣйшаго теченія нашей общественной мысли) опредѣляетъ и форму разбора: приходится слѣдить шагъ за шагомъ за изложеніемъ автора, останавливаясь на каждомъ рядѣ его аргументовъ.

Но прежде чѣмъ приступать къ разбору книги, мнѣ кажется необходимымъ остановиться поподробнѣе на нѣкоторомъ предварительномъ объясненіи. Задача настоящей статьи—критика книги г. Струве съ точки зрѣнія человѣка, «примыкающаго» по *всѣмъ* (а не по «нѣкоторымъ» только) «основнымъ вопросамъ къ совершенно опредѣлившимся въ литературѣ взглядамъ».

Взгляды эти не разъ уже излагались съ цѣлью критики на страницахъ либерально-народнической печати, и это изложеніе до безобразія затемнило ихъ,—даже болѣе того: исказило, приписавъ не имѣющія никакого отношенія къ нимъ гегельянство, «вѣру въ обязательность для каждой страны пройти черезъ фазу капитализма» и много другого чисто уже нововременскаго вздора.

Особенно практическая сторона доктрины, примѣненіе ея къ русскимъ дѣламъ, подвергалась искаженіямъ. Не желая понять, что исходнымъ пунктомъ доктрины русскаго марксизма является совершенно иное представленіе о русской дѣйствительности, наши либералы и народники сличали доктрину со своимъ старымъ взглядомъ на эту дѣйствительность и получали выводы не только ни съ чѣмъ несообразные, но еще вдобавокъ возводящіе на марксистовъ самыя дикія обвиненія.

Не опредѣливъ съ точностью своего отношенія къ народничеству,—мнѣ представляется, поэтому, невозможнымъ приступать къ разбору книги г. Струве. Кромѣ того предварительное сличеніе народнической и марксистской точекъ зрѣнія необходимо для разъясненія многихъ мѣстъ разбираемой книги, которая ограничивается объективной стороной доктрины и оставляетъ почти вовсе въ сторонѣ практическіе выводы.

Сличеніе это покажетъ намъ, какіе есть общіе исходные пункты у народничества и марксизма, и въ чемъ ихъ коренное отличіе. При этомъ удобнѣе взять старое русское народничество, такъ какъ оно, во-первыхъ, неизмѣримо выше современнаго (представляемаго органами въ родѣ «Рус. Богатства») въ отношеніи послѣдовательности и договоренности, а, во-вторыхъ, цѣльнѣе показываетъ лучшія стороны народничества, къ которымъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ примыкаетъ и марксизмъ.

Возьмемъ одну изъ такихъ professions de foi стараго русскаго народничества и будемъ слѣдить шагъ за шагомъ за авторомъ.

ГЛАВА I.

Подстрочный комментарій къ народнической profession de foi.

Въ CCLXII томѣ «Отечественныхъ Записокъ» [1]) помѣщена, безъ имени автора, статья: «Новые всходы на народной нивѣ», которая рельефно выдвигаетъ прогрессивныя стороны народничества въ противовѣсъ русскому либерализму.

Авторъ начинаетъ съ того, что «теперь» протестовать противъ «людей, выдѣляющихся изъ народной среды и становящихся на высшую общественную ступень» считается «чуть не измѣной».

„Еще недавно одинъ литературный оселъ лягнулъ „Отечественныя Записки "за *пессимизмъ къ народу*, какъ онъ выразился по поводу небольшой рецензіи о книжкѣ Златовратскаго, въ которой, кромѣ пессимизма къ ростовщичеству и развращающему вліянію полтины вообще, ничего пессимистическаго не было; а когда, затѣмъ, Гл. Успенскій написалъ комментарій къ своимъ послѣднимъ очеркамъ („О. З." 78 № 11), то либеральное болото, совсѣмъ какъ въ сказкѣ, всколыхалось..... и, нежданно-негаданно, явилось такое множество защитниковъ народа, что мы, по истинѣ, удивились тому, что народъ нашъ имѣетъ столько друзей..... Я не могу не сочувствовать... постановкѣ вопроса о красавицѣ-деревнѣ и объ отношеніи къ ней литературныхъ парней или, лучше сказать, не парней, а старыхъ волокитъ изъ гг. дворянъ и лакеевъ, и молодаго купечества..... Пѣть деревнѣ серенады и «строить ей глазки» вовсе еще не значитъ любить и уважать ее, точно такъ же, какъ и указывать ея недостатки вовсе еще не значитъ—относиться къ ней враждебно. Если вы спросите того-же самого Успенскаго,... къ чему больше лежитъ его душа, въ чемъ онъ видитъ больше залоговъ будущаго — въ деревнѣ или въ старо-дворянскомъ и ново-мѣщанскомъ населеніяхъ? то развѣ можетъ быть какое-нибудь сомнѣніе въ томъ, что онъ скажетъ: „въ деревнѣ".

Это мѣсто весьма характерно. Во-первыхъ, оно показываетъ наглядно, въ чемъ сущность народничества: въ протестѣ противъ крѣпостничества (старо-дворянское паслоеніе) и буржуазности (ново-мѣщанское) въ Россіи *съ точки зрѣнія крестьянина, мелкаго производителя*. Во-вторыхъ, оно показываетъ въ тоже время и мечтательность этого протеста, его отворачиванье отъ фактовъ.

Развѣ «деревня» существуетъ гдѣ-нибудь *внѣ* «старо дворянскихъ» или «ново-мѣщанскихъ» порядковъ? Развѣ не «деревню» именно строили

[1]) Годъ 1879-ый, 1-ый томъ. „Современное обозрѣніе", стр. 125—152.

и строятъ по своему представители тѣхъ и другихъ? Деревня—это и есть «наслоеніе» отчасти «старо-дворянское», отчасти «новомѣщанское». Какъ ни вертите деревню,—но если вы будете ограничиваться констатированіемъ дѣйствительности (объ этомъ только и идетъ рѣчь), а не возможностями, вы не сумѣете найти въ ней ничего иного, никакого третьяго «наслоенія». И если народники *находятъ*, то только потому, что за деревьями не видятъ лѣса, за формой землевладѣній отдѣльныхъ крестьянскихъ общинъ не видятъ экономической организаціи всего русскаго общественнаго хозяйства. Эта организація, превращая крестьянина въ товаропроизводителя, дѣлаетъ его мелкимъ буржуа,—мелкимъ обособленнымъ хозяиномъ на рынокъ; въ силу этого она исключаетъ возможность искать «залоговъ будущаго» *позади*, и заставляетъ искать ихъ *впереди*—не въ «деревнѣ», въ которой сочетаніе «старо-дворянскаго» и «ново-мѣщанскаго» наслоеній страшно ухудшаетъ положеніе труда и отнимаетъ у него возможность борьбы противъ владыкъ «ново-мѣщанскихъ» порядковъ, такъ какъ самая противоположность ихъ интересовъ интересамъ труда недостаточно развита,—а въ вполнѣ развитомъ, до самаго конца «ново-мѣщанскомъ» наслоеніи, вполнѣ очистившемся отъ «старо-дворянскихъ» прелестей, обобществившемъ трудъ, довершившемъ и выяснившемъ ту соціальную противоположность, которая въ деревнѣ находится еще въ зачаточномъ, придавленномъ состояніи.

Теперь слѣдуетъ намѣтить тѣ теоретическія различія, которыя есть между доктринами, *приводящими* къ народничеству и марксизму, между *пониманіями* русской дѣйствительности и исторіи.

Пойдемъ дальше за авторомъ.

Онъ увѣряетъ «гг. возмутившихся духомъ», что соотношеніе между народной бѣдностью и народной нравственностью Успенскій понимаетъ

> „лучше многихъ поклонниковъ деревни, для которыхъ.... деревня есть... нѣчто въ родѣ либеральнаго паспорта, которымъ въ эпохи, подобныя переживаемымъ, запасаются обыкновенно всѣ неглупые и практическіе буржуа“.

Почему бы это, думаете вы, г. народникъ, происходитъ такая прискорбная и обидная для человѣка, желающаго представлять интересы труда, вещь, какъ обращеніе въ «либеральный паспортъ» того, въ чемъ онъ видитъ «залоги будущаго»? Это будущее должно исключать буржуазію,—а то, черезъ что хотите вы идти къ этому будущему, не только не встрѣчается враждебно «практическими и неглупыми буржуа», а напротивъ, охотно берется и берется за «паспортъ».

Какъ вы думаете, мыслима-ли была бы такая скандальная вещь, еслибы «залоги будущаго» стали указывать вы не тамъ, гдѣ соціальныя противопо-

ложности, свойственныя тому строю, въ которомъ хозяйничаютъ «практическіе и неглупые буржуа», находятся еще въ неразвитомъ, зачаточномъ состояніи, а тамъ, гдѣ онѣ развиты до конца, до nec plus ultra, гдѣ нельзя, слѣдовательно, ограничиваться палліативами и полумѣрами, гдѣ нельзя утилизировать desiderata трудящихся въ свою пользу, гдѣ вопросъ поставленъ ребромъ.

Не говорите-ли вы сами ниже такой вещи:

„Не хотятъ понять пассивные друзья народа той простой вещи, что въ обществѣ всѣ дѣйствующія силы слагаются, обыкновенно, въ двѣ равнодѣйствующія, взаимнопротивоположныя, и что пассивныя силы, не принимающія, повидимому, участія въ борьбѣ, служатъ только той силѣ, которая въ данную минуту имѣетъ перевѣсъ". (с. 132).

Развѣ деревня не подпадаетъ подъ эту характеристику, развѣ она—какой-нибудь особый міръ, въ которомъ нѣтъ этихъ «взаимнопротивоположныхъ силъ» и борьбы, чтобы о ней можно было говорить огуломъ, не боясь сыграть на руку «имѣющей перевѣсъ силѣ»? Развѣ, разъ уже рѣчь пошла о борьбѣ, основательно начинать съ того, гдѣ содержаніе этой борьбы загромождено кучей посторонпихъ обстоятельствъ, мѣшающихъ твердо и окончательно отдѣлить другъ отъ друга эти взаимнопротивоположныя силы, мѣшающихъ видѣть ясно главнаго врага? Не очевидно-ли, что та программа, которую выставляетъ авторъ въ концѣ статьи—образованіе, расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, уменьшеніе податей—не въ состояніи затронуть пи на іоту того, кто имѣетъ перевѣсъ, а послѣдній пунктъ программы—«организація народной промышленности»—уже предполагаетъ, вѣдь, что борьба не только была, но сверхъ того, что она уже кончилась побѣдой? Ваша программа сторонится отъ того антагонизма, наличность котораго вы сами не могли не признать. Поэтому она и не страшна хозяевамъ «ново-мѣщанскаго наслоенія». Ваша программа—мелкобуржуазная мечта. Вотъ почему только и годна она на то, чтобы быть «либеральнымъ паспортомъ».

„Люди, для которыхъ деревня есть отвлеченное понятіе, а мужикъ—отвлеченный Парисъ, даже думаютъ плохо, когда говорятъ, что деревню нужно только хвалить и утверждать, что она отлично противостоитъ всѣмъ разрушающимъ ее вліяніямъ. Если деревня поставлена въ такія условія, что каждый день должна биться изъ за копѣйки, если ее обираютъ ростовщики, обманываютъ кулаки, притѣсняютъ помѣщики, если ее иногда сѣкутъ въ волостномъ правленіи, то развѣ это можетъ оставаться безъ вліянія на ея нравственную сторону?... Если рубль, эта капиталистическая луна, выплываетъ на первый планъ деревенскаго ландшафта, если на него обращаются всѣ взоры, всѣ помыслы и душевныя силы, если онъ становится цѣлью жизни и мѣриломъ способностей личности, то развѣ можно скрывать этотъ фактъ и говорить, что мужикъ есть такой Косьма-без-

сребренникъ, которому вовсе не нужны деньги? Если въ деревнѣ замѣтны стремленія къ розни, расцвѣтаетъ пышнымъ цвѣтомъ кулачество и стремится къ закабаленію слабѣйшаго крестьянства въ батраки, къ разрушенію общины и т. д., то развѣ можно, спрашиваю я, скрывать всѣ эти факты?! Мы можемъ желать болѣе обстоятельнаго и всесторонняго ихъ изслѣдованія, можемъ объяснять ихъ себѣ гнетущими условіями бѣдности (съ голоду люди воруютъ, убиваютъ, а въ крайнихъ случаяхъ даже ѣдятъ другъ друга), но скрывать ихъ совсѣмъ невозможно. Скрывать ихъ значитъ защищать statum quo, значитъ защищать пресловутое laissez faire, laissez aller, пока грустныя явленія не примутъ ужасающихъ размѣровъ. Подрумянивать истину вообще всегда излишне".

Опять таки, какъ хороша эта характеристика деревни и какъ мелки выводы изъ нея! какъ вѣрно подмѣчены факты и какъ мизерно объясненіе, пониманіе ихъ! Снова видимъ мы тутъ гигантскую пропасть между desiderat'ами на счетъ защиты труда и средствами ихъ осуществленія. Капитализмъ въ деревнѣ—это для автора не болѣе какъ «грустное явленіе». Несмотря на то, что онъ видитъ такой же капитализмъ и въ городѣ въ крупныхъ размѣрахъ, видитъ, какъ капитализмъ подчинилъ себѣ не только всѣ области народнаго труда, но даже и «прогрессивную» литературу, преподносящую буржуазныя мѣры отъ имени народа и во имя народа,—несмотря на это онъ не хочетъ признать, что дѣло въ особой организаціи нашего общественнаго хозяйства, и утѣшаетъ себя мечтами, что это только грустное явленіе, вызванное «гнетущими условіями». А если, де, не держаться теоріи невмѣшательства, тогда можно устранить эти условія. Да, еслибы да кабы! Но никогда еще не бывало на Руси политики невмѣшательства; всегда было вмѣшательство... въ пользу буржуазіи, и только сладкія грезы «послѣобѣденнаго спокойствія» могутъ породить надежду на измѣненіе этого безъ «перераспредѣленія соціальной силы между классами», какъ говоритъ г. Струве.

„Мы забываемъ, что обществу нашему нужны идеалы—политическіе, гражданскіе и иные—главнымъ образомъ для того, чтобы, запасшись ими, можно было уже ни о чемъ не думать, что ищетъ оно ихъ не съ юношеской тревогой, а съ послѣобѣденнымъ спокойствіемъ, что разочаровывается оно въ нихъ не съ душевными муками, а съ легкостью аркадскаго принца. Таково, по крайней мѣрѣ, громадное большинство нашего общества. Ему, собственно говоря, и не нужно никакихъ идеаловъ, потому что оно сыто и вполнѣ удовлетворяется утробными процессами".

Превосходная характеристика нашего либерально-народническаго общества.

Спрашивается, кто же теперь послѣдовательнѣе: «народники»-ли, продолжающіе возиться и нянчиться съ этимъ «обществомъ», угощающіе

его изображеніемъ ужасовъ «грядущаго» капитализма, «грозящаго зла» [1]), какъ выразился авторъ статьи, призывающіе его представителей сойти съ неправильнаго пути, на который «мы» уклонились и т. д.,—или марксисты, которые такъ «узки», что рѣзко отграничиваютъ себя отъ общества и считаютъ необходимымъ обратиться исключительно къ тѣмъ, кто не «удовлетворяется» и *не можетъ удовлетвориться* «утробными процессами», для кого идеалы—нужны, для кого они являются вопросомъ повседневной жизни.

Это—отношеніе институтки—продолжаетъ авторъ. Это

„свидѣтельствуетъ о глубокомъ развращеніи мысли и чувства... никогда еще не было такого приличнаго, лакированнаго, такого невиннаго и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокаго разврата. Развратъ этотъ есть цѣликомъ достояніе нашей новѣйшей исторіи, достояніе мѣщанской культуры, [т. е. буржуазныхъ, капиталистическихъ порядковъ, точнѣе сказать. К. Т.], развившейся на почвѣ барства, дворянскаго сантиментализма, невѣжества и лѣни. Мѣщанство принесло въ жизнь свою науку, свой нравственный кодексъ и свои софизмы".

Казалось бы, авторъ настолько вѣрно оцѣнилъ дѣйствительность, чтобы понять и единственно возможный выходъ. Ежели все дѣло въ нашей буржуазной культурѣ, — значитъ, не можетъ быть иныхъ «залоговъ будущаго», кромѣ какъ въ «антиподѣ» этой буржуазіи, потому что онъ одинъ окончательно «дифференцированъ» отъ этой «мѣщанской культуры», окончательно и безповоротно враждебенъ ей и неспособенъ ни на какіе компромиссы, изъ которыхъ такъ удобно выкраивать «либеральные паспорта».

Но нѣтъ. Можно еще помечтать. «Культура»—дѣйствительно одно «мѣщанство», одинъ развратъ. Но вѣдь это только результатъ стараго барства (самъ же сейчасъ призналъ, что она создана новѣйшей исторіей, той исторіей, которая именно и уничтожила старое барство) и лѣни,—нѣчто, значитъ, случайное и не имѣющее прочныхъ корней и т. д. и т. д. Начинаются фразы, не имѣющія никакого смысла, кромѣ отворачиванія отъ фактовъ и сантиментальнаго мечтанія, закрывающаго глаза на *наличность* «взаимно противоположныхъ силъ». Слушайте:

„Ему (мѣщанству) нужно водворить ихъ (науку, нравственный кодексъ) на каѳедрѣ, въ литературѣ, въ судѣ и въ другихъ пунктахъ жизни. [Выше мы видѣли, что оно *уже водворило* ихъ въ такомъ глубокомъ „пунктѣ жизни", какъ деревня. К. Т.]. Оно прежде всего не находитъ для этого достаточно годныхъ людей и, по необходимости, обращается къ людямъ другихъ традицій. [Это русская-то буржуазія „не находитъ людей"?! Не стоитъ и опровергать этого, тѣмъ болѣе, что авторъ самъ себя ниже опровергнетъ. К. Т.] Люди эти не знаютъ дѣла [русскіе капиталисты?! К. Т.], шаги ихъ неопытны, движенія неуклюжи; [достаточно „знаютъ дѣло", чтобы получать десятки и сотни процентовъ прибыли; достаточно „опытны",

---

[1]) Грозящаго чему? утробнымъ процессамъ? Капитализмъ не только не „грозитъ" имъ, а, напротивъ, обѣщаетъ тончайшія и изысканнѣйшія яства.

чтобы практиковать повсемѣстно truck-system; достаточно ловки, чтобы получать покровительственныя пошлины. Только тому, кто *непосредственно и прямо* не чувствуетъ на себѣ гнета этихъ людей, только мелкому буржуа и могла померещиться такая фантазія. К. Т.]; они стараются подражать западно-европейской буржуазіи, выписываютъ книжки, учатся; [вотъ уже авторъ самъ долженъ признать фантастичность сочиненнаго имъ сейчасъ мечтанія: будто у насъ „мѣщанская культура“ развилась на почвѣ *невѣжества*. Неправда, Именно *она* принесла пореформенной Россіи ея культурность, „образованность“. „Подрумянивать истину“, изображать врага безсильнымъ и безпочвеннымъ, „вообще всегда излишне.“ К. Т.]; порой ихъ беретъ сожалѣніе о прошломъ, а порой раздумье о будущемъ, такъ какъ слышны откуда-то голоса, что мѣщанство есть только наглый временщикъ, что наука его не выдерживаетъ критики, а нравственный кодексъ и совсѣмъ никуда не годится“.

Это русская-то буржуазія грѣшитъ «сожалѣніемъ о прошломъ», «раздумьемъ о будущемъ»?! Подите вы! И охота же людямъ самихъ себя морочить, клеветать такъ необъятно на бѣдную русскую буржуазію, будто она смущалась голосами о «негодности мѣщанства»! Не наоборотъ-ли: не «смутились» ли эти «голоса», когда на нихъ хорошенько прикрикнули, не они-ли это проявляютъ «раздумье о будущемъ»?...

И подобные господа удивляются еще и прикидываются непонимающими, за что ихъ называютъ романтиками!

„Между тѣмъ, надо спасаться. Мѣщанство не проситъ, а приказываетъ, подъ страхомъ погибели, идти на работу [1]). Не пойдешь,—останешься безъ хлѣба и будешь стоять среди улицы—выкрикивать:„ отставному штабсъ-капитану!“, а то и совсѣмъ околѣешь съ голоду. И вотъ начинается работа, слышится визгъ, скрипъ, лязганье, идетъ суматоха. Работа спѣшная, не терпящая отлагательствъ. Наконецъ, механизмъ пущенъ. Визга и острыхъ звуковъ какъ будто бы меньше, части какъ будто бы обходятся, слышенъ только грохотъ чего-то неуклюжаго. Но тѣмъ страшнѣе: доски гнутся все больше и больше, винты хлябаютъ и, того и гляди, все разлетится въ дребезги“.

Это мѣсто потому особенно характерно, что въ рельефной, лаконической, красивой формѣ содержитъ схему тѣхъ разсужденій, которыя любятъ облачать въ научную форму россійскіе народники. Исходя изъ безспорныхъ, не подлежащихъ никакому сомнѣнію фактовъ, доказывающихъ наличность противорѣчій при капиталистическомъ строѣ, наличность угнетенія, вымиранія, безработицы и т. д., они усиливаются доказать, что капитализмъ—крайне нехорошая вещь, «неуклюжая» [ср. В. В., *Каблу-*

---

[1]) Замѣтьте это, читатель. Когда народникъ говоритъ, что у насъ въ Россіи „на работу приказываетъ идти *мѣщанство*“,—тогда это правда. А когда марксистъ скажетъ, что у насъ господствуетъ капиталистическій способъ производства,—тогда г. В. В. закричитъ, что онъ стремится къ „замѣнѣ демократическаго (sic!!) строя капиталистическимъ“.

кова (Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ), *отчасти* г. Николая—она], которая «того и гляди» разлетится въ дребезги.

Глядимъ, вотъ уже много-много лѣтъ, какъ глядимъ, и видимъ, что эта сила, приказывающая русскому народу идти на работу, все крѣпнетъ и ростетъ, хвастаетъ передъ всей Европой мощью создаваемой *ею* Россіи и радуется, конечно, тому, что «слышатся голоса» только о необходимости уповать на то, что «винты расхлябаются».

„У людей слабыхъ замираетъ сердце отъ страха. „Тѣмъ лучше“ говорятъ люди отчаянные. „Тѣмъ лучше, говоритъ и буржуазія:—„скорѣе выпишемъ изъ за границы новый механизмъ, скорѣе приготовимъ платформы, доски и другія грубыя части изъ домашняго матерьяла, скорѣе заведемъ искусныхъ машинистовъ“. Между тѣмъ, нравственная сторона общества во все это время находится въ самомъ скверномъ состояніи. Нѣкоторые входятъ во вкусъ новой дѣятельности и стараются черезъ силу, нѣкоторые отстаютъ и разочаровываются въ жизни“.

Бѣдная русская буржуазія! «Черезъ силу» старается присвоивать сверхстоимость! и чувствуетъ себя скверно съ нравственной стороны! (Не забудьте, что страницей назадъ вся эта нравственность сводилась къ утробнымъ процессамъ и разврату). Понятно, что тутъ уже нѣтъ никакой надобности въ борьбѣ съ ней—да еще какой-то классовой борьбѣ,—а просто пожурить хорошенько—и она перестанетъ себя пасловать.

„О народѣ въ это время почти никто не думаетъ; между тѣмъ дѣлается, по правиламъ буржуазіи, все для народа, за его счетъ; между тѣмъ, каждый общественный дѣятель и литература считаютъ долгомъ распространяться объ его благѣ.... Это либерально-кокетливое направленіе подавило всѣ остальныя и сдѣлалось преобладающимъ. Въ нашъ *демократическій вѣкъ* нетолько г. Суворинъ публично признается въ любви къ народу и говоритъ: «одно я всегда любилъ и умру съ этой любовью—народъ, я самъ вышелъ изъ народа» (что еще ровно ничего не доказываетъ); но даже „Московскія Вѣдомости“ какъ-то совсѣмъ иначе относятся къ нему... и какъ-то, по своему, конечно, заботятся объ его благоустройствѣ. Въ настоящее время не осталось ни одного органа печати, подобнаго покойной „Вѣсти“, т. е. явно недружелюбнаго къ народу. Но явно недружелюбное отношеніе было лучше, потому что тогда врагъ былъ на чистоту, какъ на ладони: видно было, съ какой стороны онъ дуракъ, съ какой—плутъ. Теперь всѣ—друзья и въ тоже время всѣ—враги; все перемѣшалось въ общемъ хаосѣ. Народъ, какъ говоритъ Успенскій, именно опутанъ какимъ-то туманомъ, сбивающимъ неопытнаго человѣка съ толку и пути. Прежде онъ видѣлъ передъ собой одну искреннюю беззаконность. Теперь же ему говорятъ, что онъ такъ же свободенъ, какъ и помѣщикъ, говорятъ, что онъ самъ управляетъ своими дѣлами, говорятъ, что его поднимаютъ изъ ничтожества и ставятъ на ноги, тогда какъ во всѣхъ этихъ заботахъ тянется, перевивая ихъ тонкою, но цѣпкою нитью, одна нескончаемая фальшь и лицемѣріе“.

Что вѣрно, то вѣрно!

„Тогда далеко не всѣ занимались устройствомъ ссудосберегательныхъ то-

вариществъ, поощряющихъ кулачество и оставляющихъ настоящихъ бѣдняковъ безъ кредита".

Сначала можно бы подумать, что авторъ, понимая буржуазность кредита долженъ совершенно сторониться отъ всякихъ такихъ буржуазныхъ мѣръ. Но отличительная и основная черта мелкаго буржуа — воевать противъ буржуазности средствами буржуазнаго же общества. Поэтому и авторъ, какъ и народники вообще, *исправляетъ* буржуазную дѣятельность, требуя болѣе широкаго кредита, кредита для настоящихъ бѣдняковъ!

...„не толковали о необходимости интенсивнаго хозяйства, которому мѣшаетъ передѣлъ полей и община (?); не распространялись о тяжести подушныхъ податей, умалчивая о налогахъ косвенныхъ и о томъ, что подоходный налогъ превращается обыкновенно на практикѣ въ налогъ на тѣхъ же бѣдняковъ; не говорили о необходимости земельнаго кредита для покупки крестьянами земель у помѣщиковъ по ненормально высокимъ цѣнамъ и т. д.... Тоже самое и въ обществѣ: тамъ тоже такое множество друзей у народа, что только даешься диву... Вѣроятно, скоро о любви къ народу станутъ говорить закладчики и цѣловальники".

Протестъ противъ буржуазности превосходенъ; но выводы мизерные: буржуазія царитъ и въ жизни, и въ обществѣ. Казалось бы, слѣдуетъ отвернуться отъ общества и идти къ антиподу буржуазіи.

Нѣтъ, слѣдуетъ пропагандировать кредитъ для «настоящихъ бѣдняковъ»!

„Кто больше виноватъ въ подобномъ смутномъ положеніи вещей—литература или общество,—опредѣлить трудно, да и опредѣлять совершенно безполезно. Говорятъ, что рыба разлагается съ головы, но я не придаю этому чисто-кулинарному наблюденію никакого значенія".

Разлагается буржуазное общество—вотъ, значитъ, мысль автора. Стоитъ подчеркнуть, что именно таковъ исходный пунктъ марксистовъ.

„А между тѣмъ, когда мы кокетничаемъ съ деревней и дѣлаемъ ей глазки, колесо исторіи вертится, дѣйствуютъ стихійныя силы, или, говоря понятнѣе и проще, къ жизни пристегиваются всевозможные пройдохи и перестраиваютъ ее по своему. Пока литература будетъ спорить о деревнѣ, о прекраснодушіи мужика и объ отсутствіи у него знаній, пока публицистика будетъ исписывать цѣлыя ведра чернилъ по вопросамъ объ общинѣ и формахъ землевладѣнія, пока податная коммиссія будетъ продолжать обсуждать податную реформу, — деревня окажется въ концѣ обездоленной".

Вотъ что! «Пока мы говоримъ—колесо исторіи вертится, дѣйствуютъ стихійныя силы»!

Какой бы шумъ вы подняли, друзья, когда бы это сказалъ я!

Когда марксисты говорятъ о «колесѣ исторіи и стихійныхъ силахъ», полсиля притомъ съ точностью, что эти «стихійныя силы» есть силы развивающейся буржуазіи,—гг. народники предпочитаютъ замалчивать вопросъ о томъ, вѣренъ-ли и вѣрно-ли оцѣненъ фактъ роста этихъ «стихійныхъ

силъ», и болтать непроходимую белиберду о томъ, какіе это «мистики и метафизики» люди, способные говорить о «колесѣ исторіи» и «стихійныхъ силахъ».

Разница между выписаннымъ признаніемъ народника и обычнымъ положеніемъ марксистовъ только та—и весьма существенная разница—что, между тѣмъ какъ для народника эти «стихійныя силы» сводятся къ «пройдохамъ», которые «пристегиваются къ жизни»,—для марксиста стихійныя силы воплощаются въ *классѣ* буржуазіи, который является продуктомъ и выраженіемъ общественной «жизни», представляющей изъ себя капиталистическую общественную формацію, а не случайно или извнѣ откуда-то «пристегиваются къ жизни». Оставаясь на поверхности различныхъ кредитовъ, податей, формъ землевладѣнія, передѣловъ, улучшеній и т. п., народникъ не можетъ видѣть у буржуазіи глубокихъ корней въ русскихъ производственныхъ отношеніяхъ, и потому утѣшаетъ себя дѣтскими иллюзіями, что это не болѣе какъ «пройдохи». И естественно, что съ *такой* точки зрѣнія, дѣйствительно, будетъ абсолютно непонятно, причемъ тутъ классовая борьба, когда все дѣло только въ устраненіи «пройдохъ». Естественно, что гг. народники на усиленныя и многократныя указанія марксистовъ на эту борьбу отвѣчаютъ ничего не понимающимъ молчаніемъ человѣка, который не видитъ класса, а видитъ только «пройдохъ».

Съ классомъ можетъ бороться только *другой классъ*, и притомъ непремѣнно такой, который вполнѣ уже «дифференцированъ» отъ своего врага, вполнѣ противоположенъ ему, но съ «пройдохами», разумѣется, достаточно бороться одной полиціи, въ крайнемъ случаѣ,—«обществу» и «государству».

Скоро мы увидимъ однако, каковы эти «пройдохи» по характеристикѣ самого народника, какъ глубоки ихъ корни, какъ всеобъемлющи ихъ общественныя функціи.

Далѣе, послѣ вышевыписанныхъ словъ о «пассивныхъ друзьяхъ народа» авторъ непосредственно продолжаетъ:

„Это—нѣчто худшее, чѣмъ вооруженный нейтралитетъ въ политикѣ, худшее потому, что тутъ всегда оказывается активная помощь сильнѣйшему. Какъ бы пассивный другъ ни былъ искренъ въ своихъ чувствахъ, какое бы скромное и тихое положеніе онъ ни старался принять на житейскомъ поприщѣ, онъ все равно будетъ вредить друзьямъ“...

...„Для людей, болѣе или менѣе цѣльныхъ и искренне любящихъ народъ [1]),

[1]) Какъ неопредѣленны тутъ отличительные признаки отъ „пассивныхъ друзей“! Тѣ, вѣдь, тоже бываютъ „цѣльными“ людьми и, несомнѣнно, „искренне“ „любятъ народъ“. Изъ предъидущаго противопоставленія съ очевидностью слѣдуетъ, что пассивному надо противопоставить того, кто участвуетъ въ борьбѣ „взаимнопротивоположныхъ“ *общественныхъ силъ*. Hier liegt der Hund begraben.

подобное положеніе вещей становится, наконецъ, невыносимо омерзительнымъ. Имъ становится стыдно и противно слушать это сплошное и приторное изъясненіе въ любви, которое повторяется изъ году въ годъ каждый день, повторяется и въ канцеляріяхъ, и въ великосвѣтскихъ салонахъ, и въ трактирахъ, за бутылкою клико, и никогда не переходитъ въ дѣло. Вотъ поэтому-то, въ концѣ концовъ, они и приходятъ къ огульному отрицанію всей этой мѣщанины".

Эта характеристика отношенія прежнихъ русскихъ народниковъ къ либераламъ почти цѣликомъ подошла бы къ отношенію марксистовъ къ теперешнимъ народникамъ. Марксистамъ тоже «невыносимо» уже слушать о помощи «народу» кредитами, покупками земель, техническими улучшеніями, артелями, общественными запашками [1]) и т. п. Они тоже требуютъ отъ людей, желающихъ стоять на сторонѣ... не «народа», нѣтъ,—а того, кому буржуазія приказываетъ идти на работу, — «огульнаго отрицанія» всей этой либерально-народнической мѣщанины. Они находятъ, что это «невыносимое» лицемѣріе—толковать о выборѣ путей для Россіи, о бѣдствіяхъ «грозящаго» капитализма, о «нуждахъ народной промышленности», когда во всѣхъ областяхъ этой народной промышленности царитъ капиталъ, идетъ глухая борьба интересовъ, и надо не замазывать, а раскрывать ее,— не мечтать: «лучше бы безъ борьбы» [2]), а *развивать* ее въ отношеніи прочности, преемственности, послѣдовательности и, главное, идейности.

„Вотъ поэтому-то, въ концѣ концовъ, и являются извѣстныя гражданскія заповѣди, извѣстныя категорическія требованія порядочности, требованія строгія и подъ часъ даже узкія, за что̀ ихъ въ особенности не долюбливаютъ ширококрылые либералы, любящіе просторъ въ потемкахъ и забывающіе ихъ логическое происхожденіе".

Превосходное пожеланіе! Безусловно необходимы именно «строгія» и «узкія» требованія.

Но бѣда въ томъ, что всѣ превосходныя намѣренія народниковъ оставались въ области «невинныхъ пожеланій». Несмотря на то, что они сознавали необходимость такихъ требованій, несмотря на то, что они имѣли весьма достаточно времени для ихъ осуществленія,—они до сихъ поръ не выработали ихъ, они постоянно сливались съ россійскимъ либеральнымъ обществомъ цѣлымъ рядомъ постепенныхъ переходовъ, они продолжаютъ сливаться съ нимъ и до сихъ поръ [3]).

---

[1]) Г. Южаковъ въ № 7 „Р. Б-ва" за 1894 г.

[2]) Выраженіе г-на Кривенко („Р. Б.", 94, № 10) въ отвѣтъ на слова г-на Струве о „суровой борьбѣ общественныхъ классовъ".

[3]) Нѣкоторые наивные народники, въ простотѣ своей не понимающіе, что пишутъ противъ себя, даже хвалятся этимъ:

„Наша интеллигенція вообще, литература въ частности,—пишетъ г. В. В. *противъ* г. Струве,—даже представители наиболѣе буржуазныхъ теченій, носятъ

Поэтому — пускай уже они пеняютъ на себя, если теперь марксисты *противъ* нихъ выдвигаютъ требованія дѣйствительно очень «строгія» и очень «узкія»,—требованія *исключительнаго* служенія *исключительно* одному классу (именно тому, который «дифференцированъ отъ жизни»), его самостоятельному развитію и мышленію, требованія полнаго разрыва съ «гражданской» «порядочностью» россійскихъ «порядочныхъ» буржуевъ.

„Какъ бы ни были, на самомъ дѣлѣ, узки эти заповѣди въ частностяхъ, во всякомъ случаѣ ничего не скажешь противъ общаго требованія: „одно изъ двухъ: или будьте дѣйствительными друзьями, или же обратитесь въ открытыхъ враговъ!“

„Мы переживаемъ въ настоящее время чрезвычайно важный историческій процессъ—процессъ формированія третьяго сословія. Передъ нашими глазами совершается подборъ представителей и происходитъ организація новой общественной силы, которая готовится управлять жизнью“.

Только еще «готовится»? А кто же «управляетъ»? Какая другая «общественная сила»?

Ужъ не та-ли, которая выражалась въ органахъ à la «Вѣсть»?—Невозможно. Мы не въ 1894 г., а въ 1879 г., наканунѣ «диктатуры сердца»,—когда, по выраженію автора статьи, «крайнихъ консерваторовъ показываютъ на улицѣ пальцемъ», надъ ними «хохочутъ во всю глотку».

Ужъ не «народъ» ли, трудящіеся?—Отрицательный отвѣтъ дастъ вся статья автора.

И при этомъ говорить все еще: «готовится управлять»?! Нѣтъ, сила эта давнымъ давно «приготовилась», давнымъ давно «управляетъ»; «готовятся» же только одни народники—выбирать лучшіе пути для Россіи, да такъ, должно быть, и пробираются до тѣхъ поръ, пока послѣдовательное развитіе классовыхъ противорѣчій не оттѣснитъ, не вытолкаетъ за бортъ всѣхъ, кто отъ нихъ сторонится.

„Процессъ этотъ, начавшійся въ Европѣ гораздо раньше нашего, во многихъ государствахъ пришелъ уже къ концу [1]); въ другихъ онъ еще задерживается обломками феодализма и противодѣйствіемъ рабочихъ классовъ, но историческое колесо и здѣсь съ каждымъ годомъ все больше и больше дробитъ эти обломки и укатываетъ жизнь для новыхъ порядковъ“.

на себѣ, такъ сказать, народническій характеръ“ („Недѣля“ 1894 г. № 47, стр. 1506).

Какъ въ жизни мелкій производитель рядомъ незамѣтныхъ переходовъ сливается съ буржуазіей,—такъ въ литературѣ народническія невинныя пожеланія становятся «либеральнымъ паспортомъ» для вмѣстителей утробныхъ процессовъ, пѣнкоснимателей и т. д.

[1]) Т. е. что это значитъ: „пришелъ къ концу“? То-ли, что уже виденъ его конецъ, что уже собирается „новая сила“? — тогда онъ и у насъ приходитъ

Вотъ до какой степени не понимаютъ наши народники западноевропейскаго рабочаго движенія! Оно «задерживаетъ», видите-ли, капитализмъ,— и его, какъ «обломокъ», ставятъ рядомъ съ феодализмомъ!

Наглядное доказательство того, что не только для Россіи, но и для Запада наши народники не въ состояніи понять того, какъ можно бороться съ капитализмомъ не «задерживаніемъ» его развитія, а ускореніемъ его, не сзади, а спереди, не реакціонно, а прогрессивно.

„Въ общихъ чертахъ, процессъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ: между дворянствомъ и народомъ образуется новый общественный слой изъ элементовъ, опускающихся сверху, и элементовъ, поднимающихся снизу, которые какъ бы имѣютъ одинаковый удѣльный вѣсъ, если можно такъ выразиться; элементы эти тѣсно сплачиваются, соединяются, претерпѣваютъ глубокое внутреннее измѣненіе и начинаютъ измѣнять и верхніе и нижніе слои, приспособляя ихъ къ своимъ потребностямъ. Процессъ этотъ чрезвычайно интересенъ самъ по себѣ, а для насъ онъ имѣетъ особенно важное значеніе. Для насъ тутъ представляется цѣлый рядъ вопросовъ: составляетъ-ли господство 3-го сословія роковую и неизбѣжную ступень цивилизаціи каждаго народа?...“

Что за гиль?! Откуда и причемъ тутъ «роковая неизбѣжность»? Не самъ-ли авторъ описывалъ и еще подробнѣе будетъ ниже описывать господство 3-го сословія у *насъ*, на святой Руси, въ 70-ые годы?

Авторъ беретъ, очевидно, тѣ теоретическіе доводы, за которые прятались представители нашей буржуазіи.

Ну, какъ же это не мечтательная поверхностность — принимать такія выдумки за чистую монету? не понимать, что за этими «теоретическими» разсужденіями стоятъ *интересы*, интересы того общества, которое сейчасъ такъ вѣрно было оцѣнено, интересы буржуазіи?

Только романтикъ и можетъ думать, что можно силлогизмами бороться съ интересами.

...„нельзя ли государству прямо съ одной ступени перейти на другую, не дѣлая при этомъ никакихъ сальто-морталей, которыя чудятся на каждомъ шагу чересчуръ предусмотрительнымъ филистерамъ, и, не слушая фаталистовъ, видящихъ въ исторіи одинъ роковой порядокъ, вслѣдствіе котораго господство 3-го сословія такъ же неизбѣжно для государства, какъ неизбѣжна для человѣка старость или юность?...“

Вотъ какое глубокое пониманіе у народниковъ нашей дѣйствительности! Если государство содѣйствуетъ развитію капитализма, — то это вовсе не потому, что буржуазія владѣетъ такой матеріальной силой, что «посылаетъ на работу» народъ и гнетъ въ свою сторону политику. Вовсе нѣтъ. Дѣло

къ концу. Или то, что тамъ уже болѣе не нарождается 3-го сословія? — это невѣрно, потому что и тамъ есть еще мелкіе производители, выдѣляющіе горстки буржуазіи и массы пролетаріата.

просто въ томъ, что профессора Вернадскіе, Чичерины, Менделѣевы и пр. держатся неправильныхъ теорій о «роковомъ» порядкѣ, а государство ихъ «слушаетъ».

...„нельзя ли, наконецъ, смягчить отрицательныя стороны наступающаго порядка, какъ нибудь видоизмѣнить его или сократить время его господства? Неужели, и въ самомъ дѣлѣ, государство есть нѣчто такое инертное, непроизвольное и безсильное, что не можетъ вліять на свои судьбы и измѣнять ихъ; неужели, и въ самомъ дѣлѣ, оно есть нѣчто въ родѣ волчка, пускаемаго провидѣніемъ, который двигается по опредѣленному только пути, только извѣстное время и совершаетъ извѣстное число оборотовъ, или въ родѣ организма съ весьма ограниченной волей; неужели и въ самомъ дѣлѣ имъ управляетъ нѣчто въ родѣ гигантскаго чугуннаго колеса, которое давитъ всякаго дерзновеннаго, осмѣливающагося попытать ближайшихъ путей къ человѣческому счастью?!“

Это чрезвычайно характерное мѣсто, съ особенной наглядностью показывающее *реакціонность*, *мелкобуржуазность* того представительства интересовъ непосредственныхъ производителей, которое давалось и дается россійскими народниками. Будучи преждебно настроены противъ капитализма, мелкіе производители представляютъ изъ себя переходный классъ, смыкающійся съ буржуазіей, и потому не въ состояніи понять, что непріятный имъ крупный капитализмъ—не случайность, а прямой продуктъ всего современнаго экономическаго (и соціальнаго, и политическаго, и юридическаго) строя, складывающагося изъ борьбы взаимнопротивоположныхъ общественныхъ силъ. Только непониманіе этого и въ состояніи вести къ такой абсолютной нелѣпости, какъ обращеніе къ «государству», какъ будто бы политическіе порядки не коренились въ экономическихъ, не выражали ихъ, не служили имъ.

Неужели государство есть нѣчто инертное?—вопрошаетъ съ отчаяніемъ мелкій производитель, видя, что по отношенію къ *его* интересамъ оно, дѣйствительно, замѣчательно инертно.

Нѣтъ—могли бы мы отвѣтить ему,—государство ни въ какомъ случаѣ не есть нѣчто инертное, оно всегда дѣйствуетъ и дѣйствуетъ очень энергично, всегда активно и никогда пассивно, — и авторъ самъ страничкой раньше характеризировалъ эту активную дѣятельность, ея буржуазный характеръ, ея естественныя плоды. Плохо только то, что онъ не хочетъ видѣть связи между такимъ ея характеромъ и капиталистической организаціей русскаго общественнаго хозяйства, и поэтому такъ поверхностенъ.

Неужели государство—волчекъ, неужели это—чугунное колесо? спрашиваетъ Kleinbürger, видя, что «колесо» вертится вовсе не такъ, какъ онъ того желалъ бы.

О нѣтъ,—могли мы бы отвѣтить ему,—это не волчекъ, не колесо, не законъ фатума, не воля провидѣнія; его двигаютъ «живыя личности»

«сквозь строй препятствій?» [1]) (въ родѣ, напр., сопротивленія непосредственныхъ производителей, или представителей старо-дворянскаго паслоспія), именно тѣ «живыя личности», которыя принадлежатъ къ имѣющей перевѣсъ общественной силѣ. И поэтому, чтобы заставить колесо вертѣться въ другую сторону, надо противъ «живыхъ личностей» (т. е. общественныхъ элементовъ, принадлежащихъ не къ идеологическимъ состояніямъ, а прямо выражающимъ насущные экономическіе интересы) обратиться тоже къ «живымъ личностямъ», противъ класса—обратиться тоже къ классу. Для этого весьма недостаточно добрыхъ и невинныхъ пожеланій на счетъ «ближайшихъ путей», — для этого нужно «перераспредѣленіе соціальной силы между классами», для этого нужно стать идеологомъ не того непосредственнаго производителя, который стоитъ въ сторонѣ отъ борьбы, а того, который стоитъ въ самой горячей борьбѣ, который уже окончательно «дифференцированъ отъ жизни» буржуазнаго общества. Это *единственный*, а потому ближайшій «путь къ человѣческому счастью», путь, на которомъ можно добиться не только смягченія отрицательныхъ сторонъ положенія вещей, не только сократить его существованіе ускореніемъ его развитія, но и совсѣмъ положить конецъ ему, заставивъ «колесо» (не государственныхъ уже, а соціальныхъ силъ) вертѣться совсѣмъ въ иную сторону.

...„Насъ занимаетъ только процессъ организаціи 3-го сословія, даже только люди, выходящіе изъ народной среды и становящіеся въ его ряды. Люди эти очень важны: они исполняютъ чрезвычайно важныя общественныя функціи, отъ нихъ прямо зависитъ степень интенсивности буржуазнаго порядка. Безъ нихъ не обходилась ни одна страна, гдѣ только этотъ порядокъ водворялся. Если ихъ нѣтъ, или недостаточно въ странѣ, то ихъ необходимо вызвать изъ народа, необходимо создать въ народной жизни такія условія, которыя способствовали бы ихъ образованію и выдѣленію, необходимо, наконецъ, охранять ихъ и помогать ихъ росту, пока они не окрѣпнутъ. Здѣсь мы встрѣчаемся съ прямымъ вмѣшательствомъ въ историческія судьбы со стороны людей наиболѣе энергичныхъ, которые пользуются обстоятельствами и минутой для своихъ интересовъ. Обстоятельства эти состоятъ, главнымъ образомъ, въ необходимости промышленнаго прогресса (въ замѣнѣ кустарнаго производства мануфактурнымъ и мануфактурнаго фабричнымъ, въ замѣнѣ одной системы полеводства другою, болѣе раціональною), безъ чего государство, дѣйствительно обойтись не можетъ при извѣстной густотѣ населенія и международныхъ сношеніяхъ, и въ разладѣ политическомъ и нравственномъ, что обусловливается какъ экономическими

---

[1]) Г. Н. Михайловскій, у г. Струве, с. 8: „Живая личность со всѣми своими помыслами и чувствами становится дѣятелемъ исторіи на свой собственный страхъ. Она, а не какая-нибудь мистическая сила, ставитъ цѣли въ исторіи и движетъ къ нимъ событія сквозь строй препятствій, поставляемыхъ ей стихійными силами природы и историческихъ условій".

факторами, такъ и ростомъ идей. Эти-то настоятельныя въ государственной жизни измѣненія и связываютъ обыкновенно люди ловкіе съ собою и съ извѣстными порядками, которые, безъ всякаго сомнѣнія, могли бы быть замѣнены и всегда могутъ быть замѣнены другими, если другіе люди будутъ умнѣе и энергичнѣе, чѣмъ они были до сихъ поръ".

Итакъ, авторъ не можетъ не признать, что буржуазія исполняетъ «важныя общественныя функціи,»—функціи, которыя обще можно выразить такъ: подчиненіе себѣ народнаго труда, руководство имъ и повышеніе его производительности. Авторъ не можетъ не видѣть того, что экономическій «прогрессъ» дѣйствительно «связывается» съ этими элементами, т. е. что наша буржуазія дѣйствительно несетъ съ собой экономическій, точнѣе сказать, техническій прогрессъ.

Но тутъ-то и начинается коренное различіе между идеологомъ мелкаго производителя и марксистомъ. Народникъ объясняетъ этотъ *фактъ* (связи между буржуазіей и прогрессомъ) тѣмъ, что «ловкіе люди» «пользуются обстоятельствами и минутой для своихъ интересовъ», — другими словами, считаетъ это явленіе случайнымъ и потому съ наивной смѣлостью заключаетъ: «безъ всякаго сомнѣнія, эти люди всегда (!) могутъ быть замѣнены другими», которые тоже дадутъ прогрессъ, но прогрессъ не буржуазный.

Марксистъ объясняетъ этотъ фактъ тѣми общественными отношеніями людей по производству матеріальныхъ цѣнностей, которыя складываются въ товарномъ хозяйствѣ, дѣлаютъ товаромъ трудъ, подчиняютъ его капиталу и поднимаютъ его производительность. Онъ видитъ тутъ не случайность, а необходимый продуктъ капиталистическаго устройства нашего общественнаго хозяйства. Онъ видитъ поэтому выходъ не въ росказняхъ о томъ, что́ «могутъ, безъ сомнѣнія» сдѣлать люди, замѣняющіе буржуа (сначала, вѣдь, надо еще «замѣнить»,—а для этого однихъ словъ или обращенія къ обществу и государству недостаточно), а въ развитіи тѣхъ классовыхъ противорѣчій даннаго экономическаго порядка.

Всякій понимаетъ, что эти два объясненія діаметрально противоположны, что изъ нихъ вытекаютъ двѣ исключающія другъ друга системы дѣйствія. Народникъ, считая буржуазію случайностью, не видитъ связей ея съ государствомъ и съ довѣрчивостью «простодушнаго мужичка» обращается за помощью къ тому, кто именно и охраняетъ ея интересы. Его дѣятельность сводится къ той умѣренной и аккуратной, казенно-либеральной дѣятельности, которая совершенно равносильна съ филантропіей, ибо «интересовъ» серьезно не трогаетъ и ни мало имъ не страшна. Марксистъ отворачивается отъ этой мѣшанины и говоритъ, что не можетъ быть

иныхъ «залоговъ будущаго», кромѣ «суровой борьбы экономическихъ классовъ».

Понятно также, что если эти различія въ системахъ дѣйствія непосредственно и неизбѣжно вытекаютъ изъ различій *объясненія* факта господства нашей буржуазіи,—то марксистъ, ведя *теоретическій споръ*, ограничивается доказательствомъ необходимости и неизбѣжности (при данной организаціи общественнаго хозяйства) этой буржуазіи (это и вышло съ книгой г. Струве), и если народникъ, обходя вопросъ объ этихъ различныхъ пріемахъ объясненія, занимается разговорами о гегельянствѣ и о «жестокости къ личности» [1]), — то это наглядно показываетъ лишь его безсиліе.

„Исторія 3-го сословія въ Зап. Европѣ чрезвычайно длинная.... Мы, конечно, всю эту исторію не повторимъ, вопреки ученію фаталистовъ; просвѣщенные представители нашего 3-го сословія не станутъ, конечно, также употреблять всѣхъ тѣхъ средствъ для достиженія своихъ цѣлей, къ какимъ прибѣгали прежде, и возьмутъ изъ нихъ только наиболѣе подходящія и соотвѣтствующія условіямъ мѣста и времени. Для обезземеленія крестьянства и созданія фабричнаго пролетаріата они не станутъ, конечно, прибѣгать къ грубой военной силѣ или не менѣе грубой прочисткѣ помѣстій“,....

«Не станутъ прибѣгать»...?!! Только у теоретиковъ слащаваго оптимизма и можно встрѣтить такое умышленное забываніе *фактовъ* прошлаго и настоящаго, которые уже сказали свое «да»,—и розовое упованье, что въ будущемъ, конечно, будетъ «нѣтъ». Конечно, это ложь.

...„ а обратятся къ уничтоженію общиннаго землевладѣнія, созданію фермерства, немногочисленнаго класса зажиточныхъ крестьянъ [2]) и вообще къ средствамъ, при которыхъ экономически слабый погибаетъ самъ собой. Они не станутъ теперь создавать цеховъ, но будутъ устраивать кредитныя, сырьевыя, потребительныя и производительныя ассоціаціи, которыя, суля общее счастье, будутъ только помогать сильному дѣлаться еще сильнѣе, а слабому еще слабѣе. Они не будутъ хлопотать о патримоніальномъ судѣ, но будутъ хлопотать о законодательствѣ для поощренія трудолюбія, трезвости и образованія, въ которыхъ будетъ подвизаться только молодая буржуазія, такъ какъ масса будетъ по прежнему пьянствовать, будетъ невѣжественна и будетъ трудиться за чужой счетъ“.

Какъ хорошо характеризованы тутъ всѣ эти кредитныя, сырьевыя и всякія другія ассоціаціи, всѣ эти мѣры содѣйствія трудолюбію, трезвости и образованію, къ которымъ такъ трогательно относится наша теперешняя либерально-народническая печать, «Р. Б—во» въ томъ числѣ. Марксисту остается

---

[1]) Г. Михайловскій въ № 10 „Р. Б.“ за 1894 г.

[2]) Это превосходно осуществляется и безъ уничтоженія общины, которая нисколько не устроитъ раскола крестьянства,—какъ это установлено земской статистикой.

только подчеркнуть сказанное, согласиться вполнѣ, что дѣйствительно *все это—не болѣе какъ представительство 3-го сословія*, и слѣд., люди, пекущіеся объ этомъ, не болѣе какъ *маленькіе буржуа*.

Эта цитата—достаточный отвѣтъ современнымъ народникамъ, которые изъ презрительнаго отношенія марксистовъ къ подобнымъ мѣрамъ заключаютъ, что они хотятъ быть «зрителями», что они хотятъ сидѣть сложа руки. Да, конечно, въ буржуазную дѣятельность они никогда не вложатъ своихъ рукъ, они всегда останутся по отношенію къ ней «зрителями».

„Роль этого класса (выходцевъ изъ народа, мелкой буржуазіи), образующаго сторожевые пикеты, стрѣлковую цѣпь и авангардъ буржуазной арміи, къ сожалѣнію, очень мало интересовала историковъ и экономистовъ, тогда какъ роль его, повторяемъ, чрезвычайно важна. Когда совершалось разрушеніе общины и обезземеленіе крестьянства, то совершалось это вовсе не одними лордами и рыцарями, а и своимъ же братомъ, т. е. опять-таки — выходцами изъ народа, выходцами, надѣленными практической сметкой и низкой спиной, пожалованными барской милостью, выудившими въ мутной водѣ или пріобрѣвшими грабежомъ нѣкоторый капиталецъ, выходцами, которымъ протягивали руку высшія сословія и законодательство. Ихъ называли наиболѣе трудолюбивыми, способными и трезвыми элементами народа“ ...

Это наблюденіе съ фактической стороны очень вѣрно. Дѣйствительно, обезземеленіе производилось главнымъ образомъ «своимъ же братомъ», мелкимъ буржуа. Но пониманіе этого факта у народника неудовлетворительно Онъ не отличаетъ двухъ антагонистическихъ классовъ, феодаловъ и буржуазіи, представителей «старо-дворянскихъ» и «ново-мѣщанскихъ» порядковъ, не отличаетъ различныхъ системъ хозяйственной организаціи, не видитъ прогрессивнаго значенія второго класса по сравненію съ первымъ. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, онъ приписываетъ ростъ буржуазіи грабежу, сметкѣ, лакейству и т. д., тогда какъ мелкое хозяйство на почвѣ товарнаго производства превращаетъ въ мелкаго буржуа самаго трезваго, работящаго хозяина: у него получаются «сбереженія», и силою окружающихъ отношеній эти «сбереженія» превращаются въ *капиталъ*. Прочитайте объ этомъ въ описаніяхъ кустарныхъ промысловъ и крестьянскаго хозяйства, у нашихъ беллетристовъ-народниковъ.

...„Это даже не стрѣлковая цѣпь и авангардъ, а главная буржуазная армія, строевые нижніе чины, соединенные въ отряды, которыми распоряжаются штабъ—и оберъ-офицеры, начальники отдѣльныхъ частей и генеральный штабъ, состоящій изъ публицистовъ, ораторовъ и ученыхъ [1]). Безъ этой арміи, буржуазія ничего не могла бы подѣлать. Развѣ англійскіе ландлорды, которыхъ не насчитывается 30 тыс., могли бы управлять голодной массой въ нѣсколько де-

[1]) Слѣдовало добавить: администраторовъ, бюрократіи. Иначе указаніе состава „генер. штаба“ грѣшитъ невозможной неполнотой,—невозможной по русскимъ особенно условіямъ.

сятковъ милліоновъ безъ фермеровъ?! Фермеръ, это—настоящій боевой солдатъ въ смыслѣ политическомъ и маленькая экспропріирующая ячейка въ смыслѣ экономическомъ. ....На фабрикахъ роль фермеровъ исполняютъ мастера и подмастерья, получающіе очень хорошее жалованье не за одну только болѣе искусную работу, но и за то, чтобы наблюдать за рабочими, чтобы отходить послѣдними отъ станка, чтобы не допускать со стороны рабочихъ требованій о прибавкѣ заработной платы или уменьшеніи часовъ труда и чтобы давать хозяевамъ возможность говорить, указывая на нихъ: «смотрите, сколько мы платимъ тѣмъ, кто работаетъ и приноситъ намъ пользу»; лавочники, находящіеся въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ хозяевамъ и заводской администраціи; конторщики, всевозможныхъ видовъ надсмотрщики и тому подобная мелкая тля, въ жилахъ которой течетъ еще рабочая кровь, но въ душѣ которой засѣлъ уже полновластно капиталъ. [Совершенно Вѣрно! К. Т.] Конечно, тоже самое, что мы видимъ въ Англіи, можно видѣть и во Франціи, и въ Германіи, и въ другихъ странахъ. [Совершено вѣрно! И въ Россіи тоже. К. Т.]. Измѣняются въ нѣкоторыхъ случаяхъ только развѣ частности, да и тѣ по большей части остаются неизмѣнными. Французская буржуазія, восторжествовавшая въ концѣ прошлаго столѣтія надъ дворянствомъ, или, лучше сказать, воспользовавшаяся народной побѣдой, выдѣлила изъ народа мелкую буржуазію, которая помогла обобрать и сама обобрала народъ и отдала его въ руки авантюристовъ.... Въ то время, какъ въ литературѣ пѣлись гимны французскому народу, когда превозносилось его величіе, великодушіе и любовь къ свободѣ, когда всѣ эти воскуриванія стояли надъ Франціей туманомъ, буржуазный котъ уплеталъ себѣ курченка и уплелъ его почти всего, оставивъ народу однѣ косточки. Прославленное народное землевладѣніе оказалось микроскопическимъ, измѣряющимся метрами и часто даже не выдерживающимъ расходовъ по взиманію налоговъ“....

Остановимся на этомъ.

Во-первыхъ, намъ интересно бы спросить народника, кто у насъ «воспользовался побѣдой надъ крѣпостнымъ правомъ,» надъ «старо-дворянскимъ наслѣдіемъ?» Вѣроятно, не буржуазія. Что дѣлалось у насъ въ «народѣ» въ то время, когда «въ литературѣ пѣлись гимны», которые приводилъ сейчасъ авторъ, о народѣ, о любви къ народу, о великодушіи, объ общинныхъ свойствахъ и качествахъ, о «соціальномъ взаимоприспособленіи и солидарной дѣятельности» внутри общины, о томъ, что Россія—вся артель, что община, это «все, что̀ есть въ мысляхъ и дѣйствіяхъ сельскаго люда», etc. etc. etc., что̀ поется и по сейчасъ (хотя и въ минорномъ тонѣ) на страницахъ либерально-народнической печати? Земли, конечно, не отбирались у крестьянства; буржуазный котъ не уплеталъ курченка, не уплелъ почти всего; «прославленное народное землевладѣніе» не «оказалось микроскопическимъ», въ немъ не было превышенія платежей надъ доходами? [1])—Нѣтъ, только «мистики и метафизики» способны утвер-

[1]) И не только „часто“, какъ во Франціи, а въ видѣ общаго правила, причемъ превышеніе исчисляется не только десятками, а даже сотнями процентовъ.

ждать это, считать это фактомъ, брать этотъ фактъ за исходную отправную точку своихъ сужденій о нашихъ дѣлахъ, своей дѣятельности, направленной не на поиски «иныхъ путей для отечества», а на работу на данномъ, совершенно уже опредѣлившемся, капиталистическомъ пути.

Во-вторыхъ. Интересно сравнить *методъ* автора съ *методомъ* марксистовъ. На конкретныхъ разсужденіяхъ гораздо лучше можно уяснить ихъ различіе, чѣмъ посредствомъ отвлеченныхъ соображеній. Почему это авторъ говоритъ о французской «буржуазіи», что она восторжествовала въ концѣ прошлаго вѣка надъ дворянствомъ? почему дѣятельность, состоявшая преимущественно и почти исключительно изъ дѣятельности интеллигенціи, именуется буржуазной? и потомъ, дѣйствовало вѣдь правительство, отбирая земли у крестьянства, налагая высокіе платежи и т. д.? Наконецъ, вѣдь эти дѣятели говорили о любви къ народу, о равенствѣ и всеобщемъ счастьи, какъ говорили и говорятъ россійскіе либералы и народники? можно ли при этихъ условіяхъ видѣть во всемъ этомъ одну «буржуазію»? не «узокъ» ли этотъ взглядъ, сводящій политическія и идейныя движенія къ Plusmacherei?—Смотрите, это—все тѣ же вопросы, которыми заваливаютъ русскихъ марксистовъ, когда они однородныя вещи говорятъ про нашу крестьянскую реформу (видя ея отличіе лишь въ «частностяхъ»), про пореформенную Россію вообще. Я говорю здѣсь, повторяю, не о фактической правильности нашего взгляда, а о *методѣ*, который въ данномъ случаѣ употребляетъ народникъ. Онъ беретъ *критеріемъ*—результаты («оказалось», что народное землевладѣніе микроскопично, котъ «уплесталъ» и «уплелъ» курченка) и притомъ исключительно экономическіе *результаты*.

Спрашивается, почему же примѣняетъ онъ этотъ *методъ* только по отношенію къ Франціи, не желая употреблять его и для Россіи? Вѣдь методъ долженъ быть вездѣ одинъ. Если во Франціи за дѣятельностью *правительства* и *интеллигенціи* вы ищете *интересовъ*, то почему вы *не ищете* ихъ на святой Руси? если *тамъ* критерій вашъ ставитъ вопросъ о томъ, каково «*оказалось*» народное землевладѣніе, почему *здѣсь* критерій ставится о томъ, каково оно «можетъ» оказаться? Если тамъ фразы о народѣ и его великодушіи при наличности «уплетанія курченка» внушаютъ вамъ справедливое отвращеніе,—почему *здѣсь* не отворачиваетесь вы, какъ отъ буржуазныхъ философовъ, отъ тѣхъ, кто при несомнѣнной, вами же признаваемой наличности «уплетанія», способенъ говорить о «соціальномъ взаимоприспособленіи», о «народной общинности», о «*нуждахъ народной промышленности*» и тому подобныя вещи?

Отвѣтъ одинъ: потому, что вы—идеологъ мелкой буржуазіи, потому что ваши идеи, т. е. идеи народническія вообще, а не идеи Ивана, Петра,

Сидора,—результатъ отраженія интересовъ и точки зрѣнія мелкаго производителя, а вовсе не результатъ «чистой» [1]) мысли.

„Но для насъ въ особенности поучительна въ этомъ отношеніи Германія, опоздавшая такъ же, какъ и мы, съ буржуазной реформой и потому воспользовавшаяся опытомъ другихъ народовъ не въ положительномъ, а въ отрицательномъ, конечно, смыслѣ". Составъ крестьянства въ Германіи—пересказываетъ авторъ Васильчикова—былъ неоднороденъ; крестьяне раздѣлялись и по правамъ и по владѣнію, по размѣрамъ надѣловъ. Весь процессъ привелъ къ образованію «крестьянской аристократіи», «сословія мелкопомѣстныхъ землевладѣльцевъ не дворянскаго происхожденія», къ превращенію массы «изъ домохозяевъ въ чернорабочихъ». „Наконецъ, довершила дѣло и отрѣзала всякіе легальные пути къ поправленію положенія рабочихъ полуаристократическая, полумѣщанская конституція 1849 года, давшая право голоса только дворянству и имущему мѣщанству".

Оригинальное разсужденіе. Конституція «*отрѣзала*» легальные пути?! Это—еще отраженіе той доброй старой теоріи россійскихъ народниковъ, по которой «интеллигенція» приглашалась пожертвовать «свободой», ибо таковая, дескать, служила бы лишь ей, а народъ отдала бы въ руки «имущаго мѣщанства». Мы не станемъ спорить противъ этой нелѣпой и реакціонной теоріи, потому что отъ нея отказались современные народники вообще и наши ближайшіе противники, гг. публицисты «Русск. Богатства» въ частности. Но мы не можемъ не отмѣтить, что отказываясь отъ этой идеи, дѣлая шагъ впередъ къ открытому признанію *данныхъ* путей Россіи, вмѣсто разглагольствованія о возможности иныхъ путей,—эти народники тѣмъ самымъ окончательно установили свою мелкобуржуазность, такъ какъ настаиваніе на мелкихъ, мѣщанскихъ реформахъ въ связи съ абсолютнымъ непониманіемъ классовой борьбы ставитъ ихъ на сторону либераловъ противъ тѣхъ, кто становится на сторону «антипода», видя въ немъ единственнаго, такъ сказать, дестинатэра тѣхъ благъ, о которыхъ идетъ рѣчь.

„И въ Германіи въ это время было много людей, которые предавались только восторгамъ отъ эмансипаціи, предавались десять лѣтъ, двадцать лѣтъ, тридцать лѣтъ и болѣе, люди, которые всякій скептицизмъ, всякое недовольство реформой считали на руку реакціи и предавали ихъ проклятію. Простодушные изъ нихъ представляли себѣ народъ въ видѣ коня, выпущеннаго на волю, котораго опять можно поставить въ конюшню и начать на немъ почтовую гоньбу (что вовсе не всегда возможно). Но были тутъ и плуты, льстившіе народу, а подъ шумокъ ведшіе другую линію, плуты, пристроившіеся къ такимъ искренно любившимъ народъ розинямъ, которыхъ можно было проводить и эксплуатировать. Ахъ, эти искренніе розини! Когда начинается гражданская борьба, то вовсе не всякій готовъ къ ней и вовсе не всякій къ ней способенъ".

---

[1]) Выраженіе г-на В. В. См. „Наши направленія", а также „Недѣлю" за 1894 г. №№ 47—49.

Прекрасныя слова, которыя хорошо резюмируютъ лучшія традиціи стараго русскаго народничества и которыми мы можемъ воспользоваться для характеристики отношенія русскихъ марксистовъ къ *современному* русскому народничеству. Для такого употребленія—не приходится много измѣнять въ нихъ: настолько *однородент* процессъ капиталистическаго развитія обѣихъ странъ; настолько *однородны* общественно-политическія идеи, отражавшія этотъ процессъ.

У насъ тоже царятъ и правятъ въ «передовой» литературѣ люди, которые толкуютъ о «существенныхъ отличіяхъ нашей крестьянской реформы отъ западной», о «санкціи народнаго (sic!) производства», о великомъ «надѣленіи землей» (это выкупъ-то!!) и т. п. и ждутъ поэтому отъ начальства ниспосланія чуда, именуемаго «обобществленіемъ труда», ждутъ «десять лѣтъ, двадцать лѣтъ, тридцать лѣтъ и болѣе», а котъ—о которомъ мы сейчасъ говорили—уплетаетъ курченка, смотря съ ласковостью сытаго и спокойнаго звѣря на «искреннихъ розинь», толкующихъ о необходимости избрать другой путь для отечества, о вредѣ «грозящаго» капитализма, о мѣрахъ помощи народу кредитами, артелями, общественными запашками и тому подобнымъ невиннымъ штопаньемъ. «Ахъ, эти искренніе розини!»

„Вотъ этотъ-то процессъ образованія 3-го сословія переживаемъ теперь и мы, и, главнымъ образомъ, наше крестьянство. Россія отстала съ этимъ дѣломъ отъ всей Европы, даже отъ своей институтской подруги, или, вѣрнѣе, пепиньерки—Германіи. Главнымъ разсадникомъ и бродиломъ 3-го сословія были вездѣ въ Европѣ города. У насъ, наоборотъ",— несравненно меньше городскихъ жителей... „Главная причина этой разницы заключается въ нашемъ народномъ землевладѣніи, удерживающемъ населеніе въ деревнѣ. Увеличеніе городскаго населенія въ Европѣ тѣсно связано съ обезземеленіемъ народа и фабричной промышленностью, которая, при капиталистическихъ условіяхъ производства, нуждается въ дешевомъ трудѣ и въ избыткѣ его предложенія. Въ то время, какъ изгоняемое изъ деревень европейское крестьянство шло на заработки въ города, наше крестьянство, докуда хватаетъ силъ, держится за землю. Народное землевладѣніе есть главный стратегическій пунктъ, главный ключъ крестьянской позиціи, значеніе котораго отлично понимаютъ вожаки мѣщанства и потому направляютъ на него все свое искусство и всѣ свои силы. Отсюда-то и происходятъ всѣ нападки на общину, отсюда-то и выходятъ въ великомъ множествѣ разные проэкты объ отрѣшеніи земледѣльца отъ земли, во имя раціональной агрономіи, во имя процвѣтанія промышленности, во имя національнаго прогресса и славы!"

Тутъ уже наглядно сказывается поверхностность народнической теоріи, которая, изъ-за мечтаній объ «иныхъ путяхъ», совершенно неправильно оцѣниваетъ дѣйствительность: усматриваетъ «главный пунктъ»—въ такихъ не играющихъ коренной роли юридическихъ институтахъ, какъ формы

крестьянскаго землевладѣнія (общинное или подворное); видитъ нѣчто особенное въ нашемъ мелкомъ крестьянскомъ хозяйствѣ, какъ будто бы это не было обыкновенное хозяйство мелкихъ производителей, совершенно однородное—по типу своей политико-экономической организаціи—съ хозяйствомъ западно-европейскихъ ремесленниковъ и крестьянъ, а какое-то «народное» (!?) землевладѣніе. По установившейся въ нашей либерально-народнической печати терминологіи, слово «народный» означаетъ такой, который исключаетъ эксплуатацію трудящагося,—такъ что авторъ своей характеристикой прямо затушевываетъ несомнѣнный фактъ наличности въ нашемъ крестьянскомъ хозяйствѣ того же присвоенія сверхстоимости, того же труда за чужой счетъ, какой царитъ и внѣ «общины», и настежь отворяетъ двери сантиментальному и слащавому фарисейству.

„Настоящая наша община, маловемельная и обремененная податями, еще не Богъ вѣсть какая гарантія. Земель у крестьянства было и безъ того не много, а теперь, вслѣдствіе возрастанія населенія и ухудшенія плодородія, стало еще меньше; податная тягость не уменьшается, а увеличивается; промысловъ мало; мѣстныхъ заработковъ еще меньше; жизнь въ деревнѣ становится настолько тяжелою, что крестьянство цѣлыми деревнями уходитъ далеко на заработки, оставляя дома только женъ и дѣтей. Такимъ образомъ пустѣютъ цѣлые уѣзды... Подъ вліяніемъ этихъ-то тяжелыхъ условій жизни, съ одной стороны, изъ крестьянства и выдѣляется особый классъ людей—молодая буржуазія, которая стремится покупать землю на сторонѣ, въ одиночку, стремится къ другимъ занятіямъ — торговлѣ, ростовщичеству, составленію рабочихъ артелей, съ собою во главѣ, полученію разныхъ подрядовъ и тому подобнымъ мелкимъ аферамъ".

Стоитъ со всей подробностью остановиться на этомъ мѣстѣ.

Мы видимъ тутъ, во 1-хъ, констатированіе извѣстныхъ фактовъ, которые можно выразить двумя словами: крестьяне бѣгутъ; въ 2-хъ, оцѣнку ихъ (отрицательную), и, въ 3-хъ, объясненіе ихъ, изъ котораго вытекаетъ непосредственно и цѣлая программа, здѣсь не изложенная, но слишкомъ хорошо извѣстная (земли прибавить, подати уменьшить; промыслы «поднять» и «развить»).

Необходимо подчеркнуть, что съ точки зрѣнія марксиста вполнѣ и безусловно справедливо (и только выражено, какъ сейчасъ увидимъ, крайне неудовлетворительно) и *первое* и *второе*. Но никуда уже ровно не годится *третье* [1]).

Поясню это. Справедливо первое. Справедливъ фактъ, что община наша—не гарантія, что крестьянство бросаетъ деревню, уходитъ съ земли;

---

[1]) Вотъ почему теоретики марксизма, воюя съ народничествомъ, напираютъ такъ на объясненіе, пониманіе, на объективную сторону.

надо было сказать: экспропріируется,—потому что оно владѣло (на правахъ частной собственности) извѣстными средствами производства (изъ нихъ землею на особомъ правѣ, дававшемъ однако тоже въ частное эксплуатированіе и землю, *выкупаемую* общинами) и теряетъ ихъ. Справедливо, что кустарные промыслы «падаютъ»—*т. е.* и тутъ крестьяне экспропріируются, теряютъ средства и орудія производства, бросаютъ домашнее ткачество, и идутъ въ рабочіе по постройкѣ жел. дорогъ, въ каменьщики, въ чернорабочіе и т. д. по найму. Тѣ средства производства, отъ которыхъ освобождаются крестьяне, идутъ въ руки ничтожнаго меньшинства, служа источникомъ эксплуатаціи рабочей силы,—*капиталомъ*. Поэтому правъ авторъ, что владѣльцы этихъ средствъ производства становятся «буржуазіей», т. е. классомъ, держащимъ въ своихъ рукахъ «народный» трудъ при капиталистической организаціи общественнаго хозяйства. Всѣ эти факты констатированы правильно, оцѣнены вѣрно за ихъ эксплуататорское значеніе.

Но уже изъ сдѣланнаго описанія читатель увидѣлъ, конечно, что марксистъ совсѣмъ иначе *объясняетъ* эти факты. Народникъ видитъ причины этихъ явленій въ томъ, что «мало земли», обременительны подати, падаютъ «заработки»—т. е. въ особенностяхъ *политики*—поземельной, податной, промышленной, а не въ особенностяхъ *общественной организаціи производства*, изъ которой уже неизбѣжно вытекаетъ *данная* политика.

Земли мало—разсуждаетъ народникъ—и становится все меньше. (Я беру даже не это непремѣнно заявленіе автора статьи, а общее положеніе народнической доктрины). — Совершенно справедливо, но почему же это вы говорите только, что земли *мало*, а не добавляете: *мало продаютъ*. Вѣдь вы знаете, что наши крестьяне *выкупаютъ* свои надѣлы у помѣщиковъ. Почему вы обращаете главное вниманіе на то, что *мало*, а не на то, что *продаютъ*?

Самый уже этотъ фактъ продажи, выкупа—указываетъ на господство такихъ принциповъ (пріобрѣтеніе средствъ производства за деньги), при которыхъ трудящіеся все равно останутся безъ средствъ производства, мало ли много ли ихъ продавать станутъ. Замалчивая этотъ фактъ, вы замалчиваете тотъ капиталистическій способъ производства, на почвѣ котораго только и могла появиться такая продажа. Замалчивая его, вы тѣмъ самымъ становитесь уже на почву этого буржуазнаго общества и превращаетесь въ простого политикана, разсуждающаго о томъ, много или мало продавать земли. Вы не видите, что самый уже этотъ фактъ выкупа доказываетъ, что «въ душѣ» тѣхъ, чьи интересы осуществили «великую» реформу, кто провелъ ее, «засѣлъ уже полновластно *капиталъ*», что для

всего этого либерально-народническаго «общества», которое опирается на созданные реформой порядки, политиканствуя о различныхъ улучшеніяхъ ихъ,—только и свѣта, что отъ «капиталистической лупы». Поэтому-то народникъ и ополчается съ такой ненавистью на тѣхъ, кто послѣдовательно стоитъ на принципіально иной почвѣ. Онъ поднимаетъ крикъ, что они не заботятся о народѣ, что они хотятъ обезземеливать крестьянъ!!

Онъ, народникъ, заботится о народѣ, онъ не хочетъ обезземелить крестьянство, онъ хочетъ, чтобы ему земли было больше (*продано*). Онъ—честный лавочникъ. Правда, онъ умалчиваетъ о томъ, что земли не даромъ даются,а продаются,—но развѣ въ лавкахъ говорятъ о томъ, что за товары надо платить деньги? Это всякій и такъ знаетъ.

Понятно, что онъ ненавидитъ марксистовъ, которые говорятъ, что надо обращаться исключительно къ тѣмъ, кто уже «дифференцированъ» отъ этого лавочническаго общества, «отлученъ» отъ него,—если позволительно употребить эти характернѣйшія мелко-буржуазныя выраженія господъ Михайловскихъ и Южаковыхъ [1]).

Пойдемъ дальше. «Промысловъ мало» —вотъ точка зрѣнія народника на кустарные промыслы. И опять-таки о томъ, какова организація этихъ промысловъ, онъ умалчиваетъ. Онъ благодушно закрываетъ глаза на то, что и тѣ промыслы, которые «падаютъ», и тѣ, которые «развиваются,»—одинаково организованы капиталистически, съ полнымъ порабощеніемъ труда капиталу скупщиковъ, купцовъ и т. д., и ограничивается мѣщанскими требованіями прогрессовъ, улучшеній, артелей и т. п., какъ будто бы подобныя мѣры могутъ хоть сколько нибудь затронуть *фактъ* господства капитала. Какъ въ области земледѣлія, такъ и въ области промышленности обработывающей онъ становится на почву данной ихъ организаціи и воюетъ не противъ самой этой организаціи, а противъ различныхъ несовершенствъ ея.—Что касается податей, то тутъ ужъ народникъ самъ опровергъ себя, выставивъ рельефно основную характеристическую черту народничества—способность на компромиссы. Выше онъ самъ утверждалъ, что всякій налогъ (даже подоходный) ляжетъ на рабочія руки при наличности системы присвоенія сверхстоимости,—но тѣмъ не менѣе онъ вовсе не отказывается потолковать съ либеральнымъ обществомъ о томъ, велики ли подати или малы, и преподать съ «гражданской порядочностью» надлежащіе совѣты департаменту податей и сборовъ.

Однимъ словомъ, причина, по мнѣнію марксиста, не въ политикѣ, не

---

[1]) Кромѣ замалчиванія и непониманія капиталистическаго характера выкупа, гг. народники скромно обходятъ и тотъ фактъ, что „малоземелье“ крестьянъ дополняется наличностью весьма хорошихъ кусочковъ земли у представителей „старо-дворянскаго“ наслоенія.

въ государствѣ и не въ «обществѣ»,—а въ данной системѣ экономической организаціи Россіи; дѣло не въ томъ, что «ловкіе люди» или «пройдохи» ловятъ рыбу въ мутной водѣ, а въ томъ, что «народъ» представляетъ изъ себя два, другъ другу противоположные, другъ друга исключающіе класса: «въ обществѣ всѣ дѣйствующія силы слагаются въ двѣ равнодѣйствующія, взаимнопротивоположныя».

„Люди, заинтересованные въ водвореніи буржуазнаго порядка, видя крушеніе своихъ проектовъ [1]), не останавливаются на этомъ; они ежечасно твердятъ крестьянству, что виновата во всемъ община и круговая порука, передѣлы полей и мірскіе порядки, потворствующіе лѣнтямъ и пьяницамъ; они устраиваютъ для достаточныхъ крестьянъ ссудосберегательныя товарищества и хлопочутъ о мелкомъ земельномъ кредитѣ, для участковаго землевладѣнія; они устраиваютъ въ городахъ техническія, ремесленныя и разнаго рода другія училища, въ которыя опять таки попадаютъ только дѣти достаточныхъ людей, тогда какъ масса остается безъ школъ; они помогаютъ крестьянамъ улучшать скотъ выставками, преміями, племенными производителями, отпускаемыми изъ депо за плату и т. п. Всѣ эти мелкія усилія складываются въ одну значительную силу, которая дѣйствуетъ на деревенскій міръ разлагающимъ образомъ и все больше и больше раскалываетъ крестьянство на двое".

Характеристика «мелкихъ усилій» хороша. Мысль автора, что всѣ эти мелкія усилія (на которыхъ такъ усердно стоитъ теперь «Р. Богатство» и вся наша либерально-народническая пресса) означаютъ, выражаютъ и проводятъ «ново-мѣщанское» наслоеніе, капиталистическіе порядки,—совершенно справедлива.

Это обстоятельство именно и является причиной отрицательнаго отношенія марксистовъ къ подобнымъ усиліямъ. А тотъ фактъ, что эти «усилія» несомнѣнно представляютъ собой ближайшія desiderata мелкихъ производителей,—доказываетъ, по ихъ мнѣнію, правильность основного ихъ

---

[1]) Итакъ, крушеніе проекта объ уничтоженіи общины — означаетъ побѣду надъ интересами „водворенія буржуазнаго порядка"!!

Сочинивши себѣ мѣщанскую утопію изъ „общины", народникъ доходитъ до такого мечтательнаго игнорированія дѣйствительности, что въ проектѣ противъ общины видитъ цѣлое водвореніе буржуазнаго порядка, тогда какъ это—простое политиканство на почвѣ вполнѣ уже „водвореннаго" буржуазнаго строя.

Самымъ рѣшительнымъ доводомъ противъ марксиста является для него вопросъ, который и задается съ видомъ окончательнаго торжества: нѣтъ, вы скажите, вы хотите уничтожить общину или нѣтъ? да или нѣтъ? – Для него тутъ весь вопросъ, все „водвореніе". Онъ абсолютно не хочетъ понять, что съ точки зрѣнія марксиста „водвореніе"—давній уже и безповоротный фактъ, котораго ни уничтоженіе общины, ни укрѣпленіе ея не затронетъ,—какъ и теперь господство капитала одинаково и въ общинной, и въ подворной деревнѣ.

Болѣе глубокій протестъ противъ „водворенія" народникъ старается выставить апологіей водворенія. Утопающій за соломинку хватается.

положенія: что нельзя видѣть представителя идеи труда въ крестьянинѣ, такъ какъ онъ, являясь при капиталистической организаціи хозяйства мелкимъ буржуа, въ силу этого становится на почву данныхъ порядковъ, въ силу этого примыкаетъ нѣкоторыми сторонами своей жизни (и своихъ идей) къ буржуазіи.

Этимъ мѣстомъ небезполезно также воспользоваться, чтобы подчеркнуть слѣдующее. Отрицательное отношеніе марксистовъ къ «мелкимъ усиліямъ»— особенно вызываетъ нареканія господъ народниковъ. Напоминая имъ объ ихъ предкахъ, мы тѣмъ самымъ показываемъ, что было время, когда народники иначе смотрѣли на это, когда они не такъ охотно и усердно шли на компромиссы [хотя и тогда все-таки шли, какъ доказываетъ эта же статья], когда они—не скажу: понимали,—но по крайней мѣрѣ чувствовали буржуазность всѣхъ такихъ усилій, когда отрицаніе ихъ осуждалось какъ «пессимизмъ къ народу» только самыми наивными изъ либераловъ.

Пріятное общеніе господъ народниковъ съ этими послѣдними, въ качествѣ представителей «общества», принесло, видимо, полезные плоды.

Неспособность удовлетворяться «мелкими усиліями» буржуазнаго прогресса вовсе не означаетъ абсолютнаго отрицанія частныхъ реформъ. Марксисты вовсе не отрицаютъ нѣкоторой (хотя и мизерной) пользы этихъ мѣропріятій: они могутъ принести трудящемуся нѣкоторое (хотя и мизерное) улучшеніе его положенія; они ускорятъ вымираніе особенно отсталыхъ формъ капитала, ростовщичества, кабалы и т. под., ускорятъ превращеніе ихъ въ болѣе современныя и человѣчныя формы европейскаго капитализма. Поэтому марксисты, если-бы ихъ спросили, слѣдуетъ-ли принимать такія мѣры, отвѣтили бы, конечно: слѣдуетъ, но при этомъ поясняли бы свое отношеніе вообще къ тому капиталистическому строю, который этими мѣрами улучшается,—при этомъ мотивировали бы свое согласіе желаніемъ ускорить развитіе этого строя и, слѣд., финалъ его [1]).

„Если мы обратимъ вниманіе, что у насъ крестьянство раздѣлено, какъ въ Германіи, по правамъ и владѣнію, на различныя категоріи (государственные крестьяне, удѣльные, бывшіе помѣщичьи, и изъ нихъ получившіе полные надѣлы, средніе и четвертные, дворовые); что общинный бытъ не представляется у насъ общимъ бытомъ; что въ юго-западномъ краѣ, встрѣчаясь съ личнымъ землевладѣніемъ, мы встрѣчаемся опять съ крестьянами тяглыми, пѣшими, огородными, батрачными и чиншевиками, изъ которыхъ одни имѣютъ по 100 дес. и болѣе, а другіе не имѣютъ вершка земли; что въ балтійскихъ губерніяхъ аграрный строй представляется совершеннымъ сколкомъ съ германскаго аграрнаго строя и т. д., то увидимъ, что и у насъ есть почва для буржуазіи".

---

[1]) Это относится не только къ „техническимъ и другимъ училищамъ", къ улучшеніямъ техники крестьянъ и кустарей, но и къ „расширенію крестьянскаго землевладѣнія", къ „кредиту" и т. п.

Нельзя не отмѣтить тутъ того мечтательнаго преувеличенія значенія общины, которымъ всегда грѣшили народники. Авторъ выражается такъ, какъ будто бы «общинный бытъ» исключалъ буржуазію, исключалъ раздробленіе крестьянъ! Да вѣдь это же прямая неправда!

Всякій знаетъ, что и общинные крестьяне тоже раздроблены по правамъ и надѣламъ; что во всякой наиобщинной деревнѣ крестьяне опять таки раздроблены и «по правамъ» (безземельные, надѣльные, бывшіе дворовые, выкупившіе надѣлы особыми взносами, приписные etc. etc). и «по владѣнію»: крестьяне, которые сдали надѣлы, у которыхъ ихъ отобрали за недоимки, за то, что не обработываютъ и запускаютъ,—и которые снимаютъ чужіе надѣлы; крестьяне, имѣющіе «вѣчную» землю или «покупающіе на года» по нѣсколько десятинъ; наконецъ, крестьяне безломовые, безъ всякаго скота, безлошадные и многолошадные. Всякій знаетъ, что въ каждой наиобщинной деревнѣ на этой почвѣ хозяйственной раздробленности и товарнаго хозяйства ростутъ пышные цвѣты ростовщическаго капитала, кабалы во всѣхъ ея формахъ. А народники все еще разсказываютъ свои приторныя сказки о какомъ-то «общинномъ бытѣ»!

„И молодая буржуазія у насъ, дѣйствительно, ростетъ не по днямъ, а по часамъ, ростетъ не по однимъ только еврейскимъ окраинамъ, но и внутри Россіи. Выразить цифрами ея численность пока очень трудно, но, смотря на возростающее число землевладѣльцевъ, на увеличивающееся число торговыхъ свидѣтельствъ, на увеличивающееся число жалобъ изъ деревень на міроѣдство и кулачество и т. п. признаки [1]), можно думать, что численность ея уже впечатльна".

Совершенно вѣрно! Именно этотъ фактъ, вѣрный для 1879 г. и безспорный, въ неизмѣримо большемъ развитіи, для 1895 г., и служитъ однимъ изъ устоевъ марксистскаго пониманія русской дѣйствительности.

Отношеніе къ этому факту у насъ одинаково отрицательное; мы оба согласны въ томъ, что онъ выражаетъ явленія, противоположныя интересамъ непосредственныхъ производителей,—но мы совершенно различно *понимаемъ* эти факты. Теоретическую сторону этого различія я уже охарактеризовалъ выше, а теперь обращусь къ практической.

Буржуазія—особенно деревенская—еще слаба у насъ; она только еще зарождается, говоритъ народникъ. Поэтому съ ней и можно еще бороться. Буржуазное направленіе очень еще несильно—поэтому можно еще повернуть назадъ. Время не ушло.

Только метафизикъ—соціологъ (превращающійся на практикѣ въ трус-

[1]) Къ которымъ слѣдуетъ добавить — покупки съ помощью крестьянскаго банка, „прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ" — улучшенія техники и культуры, введеніе улучшенныхъ орудій, травосѣяніе и т. п., развитіе мелкаго кредита и организацію сбыта для кустарей и т. д.

ливаго реакціоннаго романтика) въ состояніи разсуждать такимъ образомъ. Я уже не буду говорить о томъ, что «слабость» буржуазіи деревенской объясняется отливомъ сильныхъ ея элементовъ, ея вершинъ, въ города,— что въ деревняхъ это только—«солдаты», а въ городахъ уже сидитъ «генеральный штабъ»,— я не буду говорить о всѣхъ этихъ, до-нельзя очевидныхъ извращеніяхъ факта народниками. Есть еще ошибка въ этомъ разсужденіи, которая и дѣлаетъ его метафизическимъ.

Мы имѣемъ передъ собой извѣстное общественное отношеніе, отношеніе между деревенскимъ мелкимъ буржуа (богатымъ крестьяниномъ, торгашомъ, кулакомъ, міроѣдомъ и т. п.) и «трудовымъ» крестьяниномъ, трудовымъ «за чужой счетъ», разумѣется.

Отношеніе это существуетъ—народникъ не сможетъ отрицать его всеобщей распространенности. Но оно слабо — говоритъ онъ — и потому его можно *еще* исправить.

Исторію дѣлаютъ «живыя личности», скажемъ мы этому народнику, угощая его его же добромъ. Исправленіе, измѣненіе общественныхъ отношеній, разумѣется, возможно, но возможно лишь тогда, когда исходитъ *отъ самихъ членовъ этихъ исправляемыхъ или измѣняемыхъ общественныхъ отношеній*. Это ясно, какъ ясенъ ясный Божій день. Спрашивается, можетъ ли «трудовой» крестьянинъ измѣнить это отношеніе? Въ чемъ оно состоитъ?—Въ томъ, что два мелкіе производителя хозяйничаютъ при системѣ товарнаго производства, что это товарное хозяйство раскалываетъ ихъ «на двое». что оно даетъ одному *капиталъ*, другого заставляетъ работать «за чужой счетъ».

Какимъ же образомъ нашъ трудовой крестьянинъ измѣнитъ это отношеніе, когда онъ самъ одной ногой стоитъ на той именно почвѣ, которую и нужно измѣнять? какъ можетъ онъ понять негодность обособленности и товарнаго хозяйства, когда онъ самъ обособленъ и хозяйничаетъ на свой рискъ и страхъ, хозяйничаетъ на рынокъ? когда эти условія жизни порождаютъ въ немъ «помыслы и чувства», свойственныя тому, кто по одиночкѣ работаетъ на рынокъ? когда онъ раздробленъ самыми матеріальными условіями, величиной и характеромъ своего хозяйства, и въ силу этого его противоположность капиталу настолько еще не развита, что онъ не можетъ понять, что это именно—*капиталъ*, а не только «пройдохи» да ловкіе люди?

Не очевидно-ли, что слѣдуетъ обратиться туда, гдѣ *это же* (nota bene) общественное отношеніе развито *до конца*, гдѣ члены этого общественнаго отношенія, являющіеся непосредственными производителями, сами уже окончательно «дифференцированы» и «отлучены» отъ буржуазныхъ порядковъ, гдѣ противоположность уже развита такъ, что ясна сама собой, гдѣ не-

возможна уже никакая мечтательная, половинчатая постановка вопроса? И когда непосредственные производители, стоящіе въ этихъ передовыхъ условіяхъ, будутъ «дифференцированы отъ жизни» буржуазнаго общества не только *въ фактѣ*, но и *въ своемъ сознаніи*, — тогда и «трудовое» крестьянство, поставленное въ отсталыя, худшія условія, увидитъ, «какъ это дѣлается» и примкнетъ къ своимъ товарищамъ по работѣ «за чужой счетъ».

„Когда у насъ говорятъ о фактахъ покупки крестьянами земель и объясняютъ, что крестьянство покупаетъ землю и въ личную собственность, и міромъ, то никогда почти не добавляютъ къ этому, что мірскія покупки составляютъ только рѣдкое и ничтожное исключеніе изъ общаго правила личныхъ покупокъ"

Приведя далѣе данныя о томъ, какъ число частныхъ землевладѣльцевъ достигавшее 103.158 въ 1861 г., оказалось 313.529 по даннымъ 60-хъ годовъ, и сказавъ, что это объясняется тѣмъ, что второй разъ сосчитаны мелкіе собственники изъ крестьянъ, которые не считались при крѣпостномъ правѣ, авторъ продолжаетъ: «это и есть наша молодая сельскак буржуазія, непосредственно примыкающая и соединяющаяся съ мелкопомѣстнымъ дворянствомъ».

Правда — скажемъ мы на это, — совершенная правда, — особенно на счетъ того, что она «примыкаетъ» и «соединяется»! И поэтому къ идеологамъ мелкой буржуазіи относимъ мы тѣхъ, кто придаетъ серьезное значеніе (въ смыслѣ интересовъ непосредственныхъ производителей) «расширенію крестьянскаго землевладѣнія», т. е. и автора, говорящаго это на стр. 152-ой.

Поэтому-то и считаемъ мы не болѣе какъ политиканами людей, разбирающихъ вопросъ о личныхъ и мірскихъ покупкахъ такъ, какъ будто бы отъ него зависѣло хоть на іоту «водвореніе» буржуазныхъ порядковъ. Мы и тотъ и другой случай относимъ къ буржуазности, ибо покупка есть покупка, деньги суть деньги въ обоихъ случаяхъ, т. е. такой товаръ, который попадаетъ лишь въ руки мелкаго буржуа, [1]) все равно, объединенаго ли міромъ «для соціальнаго взаимоприспособленія и солидарной дѣятельности» или разъединеннаго участковымъ землевладѣніемъ.

„Впрочемъ, она (молодая сельская буржуазія) тутъ далеко еще не вся. «Міроѣдъ» — слово, конечно, не новое на Руси, но оно никогда не имѣло такого значенія, какое получило теперь, никогда не оказывало такого давленія на односельцевъ, какое оказываетъ теперь. Міроѣдъ былъ лицомъ какимъ-

[1]) Рѣчь идетъ, разумѣется, не о такихъ деньгахъ, которыя служатъ только для пріобрѣтенія необходимыхъ предметовъ потребленія, а о *свободныхъ* деньгахъ, которыя могутъ быть сбережены для покупки средствъ производства.

то патріархальнымъ, сравнительно съ настоящимъ, лицомъ, всегда подчинявшимся міру, а иногда просто лѣнтяемъ, особенно и не гнавшимся за наживой. — Въ настоящее время слово міроѣдъ имѣетъ другое значеніе, а въ большинствѣ губерній оно сдѣлалось уже родовымъ понятіемъ, сравнительно мало употребляется и замѣняется словами: кулакъ, коштанъ, купецъ, кабатчикъ, кошатникъ, подрядчикъ, закладчикъ и т. д. Это раздробленіе одного слова на нѣсколько словъ, словъ, отчасти тоже не новыхъ, а отчасти совершенно новыхъ или доселѣ не встрѣчавшихся въ крестьянскомъ обиходѣ, показываетъ прежде всего на то, что въ эксплуатаціи народа произошло раздѣленіе труда, а затѣмъ на широкое разростаніе хищничества и на спеціализацію его. Почти въ каждомъ селѣ и въ каждой деревнѣ есть одинъ или нѣсколько такихъ эксплуататоровъ".

Безспорно, что этотъ фактъ разростанія хищничества подмѣченъ вѣрно. Напрасно только авторъ, какъ и всѣ народники, несмотря на всѣ эти факты, не хочетъ понять, что это систематическое, всеобщее, правильное (даже съ раздѣленіемъ труда) кулачество есть проявленіе капитализма въ земледѣліи, есть господство капитала въ его первичныхъ формахъ, который, съ одной стороны, постоянно высачиваетъ тотъ городской, банковскій, вообще европейскій капитализмъ, который народники считаютъ чѣмъ-то наносимъ, а съ другой стороны,—поддерживается и питается этимъ капитализмомъ; однимъ словомъ, что это—одна изъ сторонъ капиталистической организаціи русскаго народнаго хозяйства.

Кромѣ того, характеристика «эволюціи» міроѣда дастъ намъ возможность еще уличить народника.

Въ реформѣ 1861 г. народникъ видитъ санкцію народнаго производства, усматриваетъ въ ней существенныя отличія отъ западной.

Тѣ мѣропріятія, которыхъ онъ теперь жаждетъ, равнымъ образомъ, сводятся къ подобной же «санкціи»—общины и т. п., къ подобнымъ же «обезпеченіямъ надѣломъ» и средствами производства вообще.

Отчего же это, г. народникъ, реформа, «санкціонировавшая народное (а не капиталистическое) производство», привела только къ тому, что изъ «патріархальнаго лѣнтяя» получился сравнительно энергичный, бойкій, подернутый цивилизаціей хищникъ? только къ перемѣнѣ *формы* хищничества, какъ и соотвѣтствующія великія реформы на Западѣ?

Отчего думаете вы, что слѣдующіе шаги «санкціи» (вполнѣ возможные въ видѣ расширенія крестьянскаго землевладѣнія, переселеній, регулированій аренды и прочихъ несомнѣнныхъ прогрессовъ, но только прогрессовъ буржуазныхъ), — почему думаете вы, что они поведутъ къ чему нибудь иному, кромѣ дальнѣйшаго видоизмѣненія *формы*, дальнѣйшей европеизаціи *капитала*, перерожденію его изъ торговаго въ производительный, изъ средневѣковаго—въ новѣйшій?

Иначе *не можетъ быть* — по той простой причинѣ, что подобныя

мѣры нисколько не задѣваютъ *капитала*, т. е. того отношенія между людьми, при которомъ въ рукахъ однихъ скоплены деньги—продуктъ *общественнаго* труда, организованнаго товарнымъ хозяйствомъ,—а у другихъ нѣтъ ничего кромѣ свободныхъ «рукъ» [1]), свободныхъ именно отъ того продукта, который сосредоточенъ у предыдущаго разряда.

...„Изъ нихъ (изъ этихъ кулаковъ и т. д.) не имѣющая капитала мелюзга примыкаетъ обыкновенно къ крупнымъ торговцамъ, снабжающимъ ихъ кредитомъ или поручающимъ имъ покупку за свой счетъ; болѣе состоятельные ведутъ дѣло самостоятельно, сами сносятся съ большими торговыми и портовыми городами, отправляютъ туда отъ своего имени вагоны и сами отправляются за товарами, потребными на мѣстѣ. Садитесь вы на любую желѣзную дорогу и вы непремѣнно встрѣтите въ III классѣ (рѣдко во II) десятки этого люда, отправляющагося куда-нибудь по своимъ дѣламъ. Вы узнаете этихъ людей и по особому костюму, и по крайней безцеремонности обращенія, и по рѣзкому гоготанью надъ какой-нибудь барыней, которая проситъ не курить, или надъ мужичкомъ [такъ и стоитъ: «мужичкомъ». К. Т.], отправляющимся куда-нибудь на заработки, который оказывается «необразованнымъ», потому что ничего не понимаетъ въ коммерціи и ходитъ въ лаптяхъ. Вы узнаете этихъ людей и по разговору. Разговариваютъ они обыкновенно: о «курпеяхъ», о «постныхъ маслахъ», о кожѣ, о «снѣткѣ», о просахъ и т. п. Вы услышите при этомъ и циническіе разсказы объ употребляемыхъ ими мошенничествахъ и фальсификаціяхъ товаровъ: о томъ, какъ солопину, давшую «сильный духъ, сбыли на фабрику», о томъ, что «подкрасить чай всякій съумѣетъ, ежели разъ ему показать», что «въ сахаръ можно вогнать водою три фунта лишняго вѣса на голову, такъ что покупатель ничего не замѣтитъ» и т. д. Разсказывается все это съ такой откровенностью и безцеремонностью, что вы ясно видите, что люди эти не воруютъ въ буфетахъ ложекъ и не отвертываютъ въ вокзалахъ газовыхъ рожковъ только потому, что боятся попасть въ тюрьму. Нравственная сторона этихъ людей ниже самыхъ элементарныхъ требованій, вся она основана на рублѣ и исчерпывается афоризмами: купецъ-ловецъ; на то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ; не плошай; присматривайся къ тому, что плохо лежитъ; пользуйся минутой, когда никто не смотритъ; не жалѣй слабаго; кланяйся и пресмыкайся, когда можешь". И дальше приводится изъ газетной корреспонденціи примѣръ, какъ одинъ кабатчикъ и ростовщикъ, Волковъ, поджегъ свой домъ, застрахованный въ большую сумму. Этого субъекта „учитель и мѣстный священникъ считаютъ самымъ уважаемымъ своимъ знакомымъ", одинъ „учитель пишетъ ему за вино всѣ кляузныя бумаги". „Волостной писарь обѣщаетъ ему опутать мордву". „Одинъ земскій агентъ и въ тоже время членъ земской управы страхуетъ ему старый домъ въ 1000 р." и т. д. „Волковъ — явленіе вовсе не единичное, а типъ. Нѣтъ мѣстности, гдѣ бы не было своихъ Волковыхъ, гдѣ бы не разсказывали вамъ не только о подобномъ же обираніи и закабаленіи крестьянъ, но и о случаяхъ подобныхъ же поджоговъ"....

---

[1]) „*Масса* будетъ *по прежнему*... трудиться *за чужой счетъ*" (разбир. статья, стр. 135): еслибы она не была „свободна" (de facto,—de jure же, м.-б., и „обезпечена надѣломъ"), этого не могло бы, разумѣется, быть.

...„Но какъ же относится, однако, къ подобнымъ людямъ крестьянство? Если они глупы, грубо-безсердечны и мелочны, какъ Волковъ, то крестьянство не любитъ ихъ и боится, боится потому, что они могутъ сдѣлать ему всякую мерзость, тогда какъ оно имъ ничего сдѣлать не можетъ; у нихъ дома застрахованы, у нихъ борзые кони, крѣпкіе запоры, злыя собаки и связи съ мѣстными властями. Но если эти люди поумнѣе и похитрѣе Волкова, если они обираніе и закабаленіе крестьянства облекаютъ въ благовидную форму, если, утаивая рубль, они въ тоже время во всеуслышаніе скидываютъ грошъ, не жалѣютъ лишняго полштофа водки или какой-нибудь мѣры пшена на погорѣлую деревню, то они пользуются со стороны крестьянъ почетомъ, авторитетомъ и уваженіемъ, какъ кормильцы, какъ благодѣтели бѣдняковъ, безъ которыхъ тѣ, пожалуй, пропали бы. Крестьянство смотритъ на нихъ, какъ на людей умныхъ и отдаетъ имъ даже дѣтей въ науку, считая за честь, что мальчикъ сидитъ въ лавкѣ, и будучи увѣрено, что изъ него выйдетъ человѣкъ“.

Я нарочно выписалъ подробнѣе разсужденія автора, чтобы привести характеристику нашей молодой буржуазіи, сдѣланную *противникомъ* положенія о буржуазной организаціи русскаго общественнаго хозяйства. Разборъ ея можетъ много уяснить въ теоріи русскаго марксизма, въ характерѣ ходячихъ нападокъ на него со стороны *современнаго* народничества.

По началу этой характеристики видно, что авторъ понимаетъ, какъ будто, глубокіе корни этой буржуазіи, понимаетъ связь ея съ крупной буржуазіей, къ которой «примыкаетъ» мелкая, связь ея съ крестьянствомъ, которое отдаетъ ей «дѣтей въ науку»,—но по примѣрамъ автора видно, что онъ далеко не достаточно оцѣниваетъ силу и прочность этого явленія.

Его примѣры говорятъ объ уголовныхъ преступленіяхъ, мошенничествахъ, поджогахъ и т. д. Получается впечатлѣніе, что «обираніе и закабаленіе» крестьянства—какая то случайность, результатъ (какъ выше выразился авторъ) тяжелыхъ условій жизни, «грубости нравственныхъ идей», стѣсненій «доступа литературы къ народу» (с. 152) и т. п.—однимъ словомъ, что все это не вытекаетъ вовсе съ неизбѣжностью изъ современной организаціи нашего общественнаго хозяйства.

Марксистъ держится именно этого послѣдняго мнѣнія; онъ утверждаетъ, что это вовсе не случайность, а необходимость, необходимость, обусловленная капиталистическимъ способомъ производства, господствующимъ въ Россіи. Разъ крестьянинъ становится товарнымъ производителемъ (а таковыми стали уже всѣ крестьяне),—то «нравственность» его неизбѣжно уже будетъ «основана на рублѣ», и винить его за это не приходится, такъ какъ самыя условія жизни заставляютъ ловить этотъ рубль всѣческими торговыми ухищреніями [1]). При этихъ условіяхъ безъ всякой уголовщины, безъ всякаго лакейства, безъ всякихъ фальсификацій, — изъ

[1]) Ср. *Успенскаго.*

«крестьянства» выдѣляются богатые и бѣдные. Старое равенство не можетъ устоять передъ рыночными колебаніями. Это—не разсужденіе; это—фактъ. И фактъ—то, что «богатство» немногихъ становится при этихъ условіяхъ *капиталомъ*, а «бѣдность» массы заставляетъ ее продавать свои руки, работать за чужой счетъ. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія марксиста, капитализмъ засѣлъ уже прочно, сложился и опредѣлился вполнѣ не только въ фабрично-заводской промышленности, а и въ деревнѣ и вообще вездѣ на Руси.

Можете себѣ представить теперь, какое остроуміе проявляютъ гг. народники, когда въ отвѣтъ на аргументацію марксиста, что причина этихъ «печальныхъ явленій» въ деревняхъ — не политика, не малоземелье, не платежи, не худыя «личности», а капитализмъ, что все это *необходимо* и неизбѣжно при существованіи капиталистическаго способа производства, при господствѣ класса буржуазіи, — когда въ отвѣтъ на это народникъ начинаетъ кричать, что марксисты хотятъ обезземелить крестьянство, что они «предпочитаютъ» пролетарія «самостоятельному» крестьянину, что они проявляютъ, - какъ говорятъ провинціальныя барышни и г. Михайловскій въ отвѣтѣ г. Струве—«презрѣніе и жестокость» къ «личности»!

На этой картинкѣ деревни, которая интересна тѣмъ, что приведена противникомъ, мы можемъ видѣть наглядно вздорность ходячихъ возраженій противъ марксистовъ, выдуманность ихъ—въ обходъ фактовъ, въ забвеніе прежнихъ своихъ заявленій—все ради того, чтобы спасти, coûte que coûte, тѣ теоріи мечтаній и компромиссовъ, которыя, къ счастью, не спасетъ уже теперь никакая сила.

Толкуя о капитализмѣ въ Россіи, марксисты перенимаютъ готовыя схемы, повторяютъ какъ догмы положенія, являющіяся слѣпкомъ съ другихъ совсѣмъ условій. Ничтожное по развитію и значенію капиталистическое производство Россіи (на нашихъ фабрикахъ и заводахъ занято всего 1.400 тыс. человѣкъ) они распространяютъ на массу крестьянства, которое еще владѣетъ землей. Таково одно изъ любимыхъ въ либерально-народническомъ лагерѣ возраженій.

И вотъ на этой же картинкѣ деревни видимъ мы, что народникъ, описывая порядки «общинныхъ» и «самостоятельныхъ» крестьянъ, не можетъ обойтись безъ той же, заимствованной изъ абстрактныхъ схемъ и чужихъ догмъ, категоріи буржуазіи, не можетъ не констатировать, что она—деревенскій типъ, а не единичный случай, что она связана съ крупной буржуазіей въ городахъ крѣпчайшими нитями, что она связана и съ крестьянствомъ, которое «отдаетъ ей дѣтей въ науку», изъ котораго, другими словами, и выходитъ эта молодая буржуазія. Мы видимъ, стало быть, что ростетъ эта молодая буржуазія извнутри нашей «общины», а не извнѣ

ся, что порождается она самими общественными отношеніями въ средѣ ставшаго товаропроизводителемъ крестьянства; мы видимъ, что не только «1.400 тыс. человѣкъ», а и вся масса сельскаго русскаго люда работаетъ на *капиталъ*, находится въ его «завѣдываніи».—Кто же дѣлаетъ правильнѣе выводы изъ этихъ фактовъ, констатируемыхъ не какимъ-нибудь «мистикомъ и метафизикомъ» марксистомъ, вѣрующимъ въ «тріады», а самобытнымъ народникомъ, умѣющимъ цѣнить особенности русскаго быта? Народникъ-ли, когда онъ толкуетъ о выборѣ лучшаго пути, какъ будто бы капиталъ не сдѣлалъ уже своего выбора,—когда онъ толкуетъ о поворотѣ къ другому строю, ожидаемомъ отъ «общества» и «государства», т. е. отъ такихъ элементовъ, которые только на почвѣ этого выбора и *для него* выросли? или марксистъ, говорящій, что мечтать объ иныхъ путяхъ значитъ быть наивнымъ романтикомъ, такъ какъ дѣйствительность показываетъ самымъ очевиднымъ образомъ, что «путь» уже выбранъ, что господство капитала фактъ, отъ котораго нельзя отговориться попреками и осужденіями,—фактъ, съ которымъ могутъ считаться только непосредственные производители?

Другой ходячій упрекъ. Марксисты признаютъ крупный капитализмъ въ Россіи прогрессивнымъ явленіемъ. Они предпочитаютъ такимъ образомъ пролетарія—«самостоятельному» крестьянину, сочувствуютъ обезземеленію народа и, съ точки зрѣнія теоріи, выставляющей идеаломъ принадлежность рабочимъ средствъ производства, сочувствуютъ отдѣленію рабочаго отъ средствъ производства, т. е. впадаютъ въ непримиримое противорѣчіе.

Да, марксисты считаютъ крупный капитализмъ явленіемъ прогрессивнымъ,—не потому, конечно, что онъ «самостоятельность» замѣняетъ несамостоятельностью, а потому, что онъ создаетъ условія для уничтоженія несамостоятельности. Что касается до «самостоятельности» русскаго крестьянина,—то это слащавая народническая сказка, ничего болѣе; въ дѣйствительности ея нѣтъ. И приведенная картина (да и всѣ сочиненія и изслѣдованія экономическаго положенія крестьянства) тоже содержитъ признаніе этого факта (что въ дѣйствительности нѣтъ самостоятельности): крестьянство тоже, какъ и рабочіе, работаетъ «за чужой счетъ». Это признавали старые русскіе народники. Но они не понимали причинъ и характера этой *не*самостоятельности, не понимали, что это—тоже *капиталистическая* несамостоятельность, отличающаяся отъ городской меньшей развитостью, большими остатками средневѣковыхъ, полукрѣпостническихъ формъ капитала, и только. Сравнимъ хотя бы ту деревню, которую нарисовалъ намъ народникъ, съ фабрикой. Отличіе (по отношенію къ самостоятельности) только въ томъ, что тамъ—видимъ мы «мелкую тлю», здѣсь—крупную, тамъ — эксплуатацію по одиночкѣ, пріемами полу-крѣпостниче-

скими; здѣсь—эксплуатацію массъ, и уже чисто капиталистическую. Понятно, что вторая прогрессивна: тотъ же капитализмъ, который не развитъ и потому успащенъ ростовщичествомъ etc въ деревнѣ, здѣсь — развитъ; таже противоположность, которая есть въ деревнѣ, здѣсь выражена вполнѣ; здѣсь расколъ уже полный, и нѣтъ возможности такой половинчатой постановки вопроса, которой удовлетворяется мелкій производитель (и его идеологъ), способный распекать, журить и проклинать капитализмъ, но не способный отказаться отъ самой почвы [1]) этого капитализма, отъ довѣрія къ его слугамъ, отъ розовыхъ мечтаній насчетъ того, что «лучше бы безъ борьбы», какъ сказалъ великолѣпный г. Кривенко. *Здѣсь* уже мечты невозможны,—и это одно гигантскій шагъ впередъ; здѣсь уже ясно видно, на чьей сторонѣ сила, и нельзя болтать о выборѣ пути, ибо ясно, что сначала надо «перераспредѣлить» эту силу.

«Слащавый оптимизмъ»—такъ охарактеризовалъ г. Струве народничество, и это—глубоко вѣрно. Какъ же не оптимизмъ, когда полнѣйшее господство капитала въ деревнѣ игнорируется, замалчивается, изображается случайностью? когда предлагаются разные кредиты, артели, общественныя запашки, какъ будто бы всѣ эти «кулаки, коштапы, купцы, кабатчики, подрядчики, закладчики» и т. д., какъ будто бы вся эта «молодая буржуазія» не держала уже «въ рукахъ» «каждую деревню»?—Какъ же не слащавость, когда люди продолжаютъ говорить «10 лѣтъ, 20 лѣтъ, 30 лѣтъ и болѣе»: «лучше бы безъ борьбы»—въ то время какъ борьба уже идетъ, но только глухая, безсознательная, не освѣщенная идеей.

„Перейдите теперь, читатель, въ города. Здѣсь вы встрѣтите еще большее число и еще большее разнообразіе молодой буржуазіи. Все, что становится грамотнымъ, и считаетъ себя пригоднымъ къ болѣе благородной дѣятельности, все, что считаетъ себя достойнымъ лучшей участи, чѣмъ жалкая участь рядового крестьянина, все, наконецъ, что на этихъ условіяхъ не помѣщается въ деревнѣ, стремится теперь въ городъ“....

И тѣмъ не менѣе гг. народники слащаво толкуютъ объ «искусственности» городскаго капитализма, о томъ, что это—«тепличное растеніе»,

---

[1]) Во избѣжаніе недоразумѣній поясню, что подъ „почвой“ капитализма я разумѣю то общественное отношеніе, которое, въ разныхъ формахъ, царитъ въ капиталистическомъ обществѣ и которое Марксъ выразилъ формулой: деньги—товаръ—деньги съ плюсомъ.

Народническія мѣры *не затрогиваютъ* этого отношенія, не колебля ни товарнаго производства, дающаго въ руки частныхъ лицъ деньги=продуктъ общественнаго труда, ни раскола „народа“ на владѣльцевъ этихъ денегъ и голь.

Марксистъ обращается къ этому отношенію въ его наиболѣе развитой формѣ, являющейся квинтъ-эссенціей всѣхъ остальныхъ формъ, и указываетъ производителю задачу и цѣль: уничтожить это отношеніе, замѣнить его другимъ.

которое если не оберегать, такъ оно само сгинетъ и т. д. Стоитъ только посмотрѣть попроще на *факты*, и ясно будетъ, что эта «искусственная» буржуазія просто—переселившіеся въ города деревенскіе міроѣды, которые ростутъ совершенно самопроизвольно на почвѣ, освѣщенной «капиталистической луной» и вынуждающей каждаго рядоваго крестьянина—дешевле купить, дороже продать.

...„Здѣсь вы встрѣчаете: прикащиковъ, конторщиковъ, мелочныхъ торговцевъ, разнощиковъ, разнообразныхъ подрядчиковъ (штукатуровъ, плотниковъ, каменьщиковъ и т. д.), кондукторовъ, старшихъ дворниковъ, городовыхъ, биржевыхъ артельщиковъ, содержателей перевозовъ, съѣстныхъ и постоялыхъ дворовъ, хозяевъ различныхъ мастерскихъ, фабричныхъ мастеровъ и т. д. и т. д. Все это — настоящая молодая буржуазія, со всѣми ея характерными признаками. Кодексъ ея морали и здѣсь также весьма не широкъ: вся дѣятельность основана на эксплоатаціи труда [1]), а жизненная задача заключается въ пріобрѣтеніи капитала или капитальца для тупоумнаго времяпрепровожденія“.... ...„Я знаю, что многіе радуются, смотря на этихъ людей, видятъ въ нихъ умъ, энергію и предпріимчивость, считаютъ ихъ элементами наиболѣе прогрессивными изъ народа, видятъ въ нихъ прямой и естественный шагъ отечественной цивилизаціи, неровности которой сгладятся со временемъ. О, я давно уже знаю, что у насъ создалась высшая буржуазія изъ людей образованныхъ, купечества и дворянства, либо не выдержавшаго кризиса 1861 года и опустившагося, либо охваченнаго духомъ времени, что буржуазія эта образовала уже кадры 3-го сословія и что ей недостаетъ только именно такихъ элементовъ изъ народа, безъ которыхъ она ничего подѣлать не можетъ и которые потому ей и нравятся“....

И тутъ оставлена лазейка «слащавому оптимизму»: крупной буржуазіи «недостаетъ только» буржуазныхъ элементовъ въ народѣ!! Да откуда-же крупная-то буржуазія вышла, какъ не изъ народа? Ужъ не станетъ-ли авторъ отрицать связи нашего «купечества» съ крестьянствомъ?

Здѣсь проглядываетъ стремленіе выставить этотъ ростъ молодой буржуазіи дѣломъ случайнымъ, результатомъ политики и т. д. Эта поверхностность пониманія, неспособная видѣть корни явленія въ самой экономической структурѣ общества,—способная перечислить со всей подробностью

---

[1]) Неточно. Мелкій буржуа тѣмъ и отличается отъ крупнаго, что трудится и самъ,—какъ трудятся и перечисленные авторомъ разряды. Эксплуатація труда, конечно, есть, но не исключительно одна эксплуатація.

Еще одно замѣчаньице: жизненная задача тѣхъ, кто не удовлетворяется участью рядового крестьянина, — пріобрѣтеніе капитала. Такъ говоритъ (въ трезвыя минуты) народникъ.—Тенденція русскаго крестьянства—не общинный, а мелкобуржуазный строй. Такъ говоритъ марксистъ.

Какая разница между этими положеніями? Не та ли только, что одинъ даетъ эмпирическое бытовое наблюденіе; а другой — обобщаетъ наблюдаемые факты (выражающіе реальные „помыслы и чувства“ реальныхъ „живыхъ личностей“) въ политико-экономическій законъ?

отдѣльныхъ представителей мелкой буржуазіи, но не способная понять, что самое уже мелкое самостоятельное хозяйство крестьянина и кустаря является, при данныхъ экономическихъ порядкахъ, вовсе не какимъ-то «народнымъ» хозяйствомъ, а хозяйствомъ *мелкобуржуазнымъ*,—крайне типична для народника.

...„Я знаю, что многіе потомки древнихъ родовъ занялись уже винокуреніемъ и кабаками, желѣзно-дорожными концессіями и изысканіями, засѣли въ правленія акціонерныхъ банковъ, пристроились даже въ литературѣ и поютъ теперь новыя пѣсни. Я знаю, что многія изъ этихъ литературныхъ пѣсенъ чрезвычайно нѣжны и чувствительны, что говорится въ нихъ о народныхъ нуждахъ и желаніяхъ; но я знаю также и то, что обязанность порядочной литературы состоитъ въ обнаруженіи намѣреній преподнести народу, вмѣсто хлѣба, камень“.

Какая аркадская идиллія! Только еще «*намѣреніе*» преподнести?!

И какъ это гармонируетъ: «знаетъ», что «уже давно» образовалась буржуазія,—и все еще видитъ свою задачу въ «обнаруженіи намѣреній» создать буржуазію!

Вотъ это-то и называется «прекраснодушіемъ», когда въ виду мобилизованной уже арміи, въ виду выстроенныхъ «солдатъ», объединенныхъ «давно уже» образовавшимся «генеральнымъ штабомъ»,—люди все еще толкуютъ объ «обнаруженіи намѣреній», а не о вполнѣ уже обнаружившейся борьбѣ интересовъ.

...„Французская буржуазія тоже отождествляла себя съ народомъ и всегда предъявляла свои требованія отъ имени народа, но всегда обманывала его. Мы считаемъ буржуазное направленіе, принятое нашимъ обществомъ за послѣдніе годы, вреднымъ и опаснымъ для народной нравственности и благосостоянія“.

Въ этой фразѣ всего нагляднѣе, пожалуй, сказалась мелкобуржуазность автора. Буржуазное направленіе объявляетъ онъ «вреднымъ и опаснымъ» для нравственности и благосостоянія народа! Какого же это «народа», почтенный г. моралистъ?—того, который работалъ на помѣщиковъ при крѣпостномъ правѣ, укрѣплявшемъ «семейный очагъ», «осѣдлость» и «святую обязанность труда»? [1]), или того, который послѣ шелъ доставать выкупной рубль? Вы хорошо знаете, что уплата этого рубля была основнымъ и главнымъ условіемъ «освобожденія» и что достать этотъ рубль крестьянину негдѣ, кромѣ какъ у господина Купона. Вы сами же описали, какъ хозяйничалъ этотъ господинъ, какъ «мѣщанство принесло въ жизнь свою пауку, свой нравственный кодексъ и свои софизмы», какъ образовалась уже литература, поющая объ «умѣ, предпріимчивости и

[1]) слова г-на Южакова.

энергіи» буржуазіи. Ясно, что все дѣло сводится къ смѣнѣ двухъ формъ общественной организаціи: система присвоенія прибавочнаго труда прикрѣпленныхъ къ землѣ крѣпостныхъ крестьянъ создала нравственность крѣпостническую; система «свободнаго труда», работающаго «за чужой счетъ», на владѣльца денегъ,—создала въ замѣнъ ея нравственность буржуазную.

Но мелкій буржуа боится прямо взглянуть на вещи и назвать ихъ своимъ именемъ: онъ отворачивается отъ этихъ безспорныхъ фактовъ и начинаетъ мечтать. «Нравственнымъ» считаетъ онъ только мелкое самостоятельное хозяйство (*на рынокъ* — объ этомъ скромно умалчивается), а наемный трудъ—«безнравственнымъ». Связи одного съ другимъ — и связи неразрывной—онъ не понимаетъ и считаетъ, что буржуазная нравственность—какая-то случайная болѣзнь, а не прямой продуктъ буржуазныхъ порядковъ, выростающихъ изъ товарнаго хозяйства (противъ котораго онъ, собственно, ничего не имѣетъ). И вотъ онъ начинаетъ свою старушечью проповѣдь: «вредно и опасно». Онъ не сличаетъ новѣйшей формы эксплуатаціи съ предыдущей, крѣпостной, онъ не смотритъ на тѣ измѣненія, которыя внесла она въ отношенія производителя къ собственнику средствъ производства,—онъ сравниваетъ ее съ безсмысленной, мѣщанской утопіей: съ такимъ «мелкимъ самостоятельнымъ хозяйствомъ», которое, будучи товарнымъ хозяйствомъ, не вело бы къ тому, къ чему оно ведетъ (ср. выше: «расцвѣтаетъ пышнымъ цвѣтомъ кулачество, стремится къ закабаленію слабѣйшаго въ батраки» и т. д.). Поэтому его протестъ противъ капитализма (какъ таковой, какъ протестъ—совершенно законный и справедливый) становится реакціонной ламентаціей.

Онъ не понимаетъ, что замѣняя ту форму эксплуатаціи, которая прикрѣпляла трудящагося къ мѣсту, такой, которая бросаетъ его съ мѣста на мѣсто по всей странѣ, «буржуазное направленіе» дѣлало полезную работу; что замѣняя такую форму эксплуатаціи, при которой присвоеніе прибавочнаго продукта опутывалось личными отношеніями эксплуататора къ производителю, взаимными гражданскими политическими обязательствами, «обезпеченіемъ надѣломъ» и т. п.,—такой, которая ставитъ на мѣсто всего этого «безсердечный чистоганъ», сравниваетъ рабочую силу со всякимъ другимъ товаромъ, съ вещью, что «буржуазное направленіе» тѣмъ самымъ оголяетъ эксплуатацію отъ всѣхъ ея затемненій и иллюзій, а оголить ее—уже большая заслуга.

Потомъ еще обратите вниманіе на заявленіе, что буржуазное направленіе принято нашимъ обществомъ «за послѣдніе годы».—Неужели только «за послѣдніе годы»? Не выразилось-ли оно вполнѣ ясно и въ 60-ые годы? Не господствовало-ли оно и въ теченіе всѣхъ 70-хъ годовъ?

Мелкій буржуа и тутъ старается смягчить дѣло, представить буржуазность, характеризующую наше «общество» въ теченіе всей пореформенной эпохи, какимъ то временнымъ увлеченіемъ, модой. За деревьями не видѣть лѣса—это основная черта мелкобуржуазной доктрины. За протестомъ противъ крѣпостнаго права и ярыми нападками на него — онъ (идеологъ мелкой буржуазіи) не видитъ буржуазности, потому что боится прямо взглянуть на экономическія основы тѣхъ порядковъ, которые при этихъ яростныхъ крикахъ строились. За толками всей передовой («либерально-кокетливой» с. 129) литературы о кредитахъ, ссудосберегательныхъ товариществахъ, о тяжести податей, о расширеніи землевладѣнія и тому подобныхъ мѣрахъ помощи «народу» — онъ видитъ лишь буржуазность «послѣднихъ годовъ». Накопецъ, за сѣтованіями насчетъ «реакціи», за плачемъ по «60-мъ годамъ»—онъ уже не видитъ вовсе лежащей въ основѣ всего этого буржуазности, и потому все больше и больше сливается съ этимъ «обществомъ».

На самомъ дѣлѣ — въ теченіе всѣхъ этихъ трехъ періодовъ пореформенной исторіи нашъ идеологъ крестьянства всегда стоялъ рядомъ съ «обществомъ» и вмѣстѣ съ нимъ, не понимая, что буржуазность этого «общества» отнимаетъ всякую силу у его протеста противъ буржуазности и неизбѣжно осуждаетъ его либо на мечтанія, либо на жалкіе мелкобуржуазные компромиссы.

Эта близость нашего народничества («въ принципѣ» враждебнаго либерализму) къ либеральному обществу умиляла многихъ и даже по сю пору продолжаетъ умилять г-на В. В. (ср. его статью въ «Недѣлѣ» за 1894 г. №№ 47—49). Изъ этого выводятъ слабость или даже отсутствіе у насъ буржуазной интеллигенціи, что и ставится въ связь съ безпочвенностью русскаго капитализма. На самомъ же дѣлѣ какъ разъ наоборотъ: эта близость является сильнѣйшимъ доводомъ противъ народничества, прямымъ подтвержденіемъ его мелкобуржуазности. Какъ въ жизни мелкій производитель сливается съ буржуазіей наличностью обособленнаго производства товаровъ на рынокъ, своими шансами выбиться на дорогу, пробиться въ крупные хозяева,—такъ идеологъ мелкаго производителя сливается съ либераломъ, обсуждая совмѣстно вопросы о разныхъ кредитахъ, артеляхъ etc; какъ мелкій производитель неспособенъ бороться съ буржуазіей и уповаетъ на такія мѣры помощи, какъ уменьшеніе податей, увеличеніе землицы и т. п.—такъ народникъ довѣряетъ либеральному «обществу» и его подернутой «нескончаемой фальшью и лицемѣріемъ» болтовнѣ о «народѣ». Если онъ иногда и обругаетъ «общество», то тутъ же прибавитъ, что это только «за послѣдніе годы» оно испортилось, а вообще и само по себѣ недурно.

„Разсматривая недавно новый экономическій классъ, сложившійся у насъ послѣ реформы, „Современныя Извѣстія“ такъ хорошо характеризуютъ его: „Скромный и бородатый, въ смазныхъ сапогахъ, милліонеръ стараго времени, смирявшійся передъ малымъ полицейскимъ чиномъ, быстро преобразился въ европейски развязнаго, даже безцеремоннаго и надменнаго антрепренера, иногда украшеннаго очень замѣтнымъ орденомъ и высокимъ чиномъ. Присмотрѣвшись къ этому нежданно выросшему люду, съ удивленіемъ замѣчаешь, что большинство этихъ свѣтилъ дня—вчерашніе кабатчики, подрядчики, прикащики и т. п. Новые пришельцы оживили городскую жизнь, но не улучшили ея. Они внесли въ нее суетливое движеніе и чрезвычайную путаницу понятій. Усиленіе оборотовъ, спросъ на капиталъ развили лихорадку предпріятій, которая превратилась въ горячку игры. Множество состояній, создавшихся нежданно-негаданно, довели до высшей степени нетерпѣнія аппетитъ наживы“ и т. д....

„Несомнѣнно, что подобные люди оказываютъ самое гибельное вліяніе на народную нравственность, [вотъ въ чемъ бѣда-то: въ порчѣ нравовъ, а вовсе не въ капиталистическихъ производственныхъ отношеніяхъ! К. Т.], и если не сомнѣваться въ томъ фактѣ, что городскіе рабочіе развращены болѣе деревенскихъ, то, конечно, нельзя сомнѣваться и въ томъ, что это зависитъ отъ того, что они здѣсь гораздо больше окружены подобными людьми, дышатъ ихъ воздухомъ и живутъ созданной ими жизнью“.

Наглядное подтвержденіе мнѣнія г-на Струве о реакціонности народничества. «Развратъ» городскихъ рабочихъ пугаетъ мелкаго буржуа, который предпочитаетъ «семейный очагъ» (съ спохачествомъ и палкой), «осѣдлость» (съ забитостью и дикостью) и не понимаетъ, что пробужденіе человѣка въ «копягѣ»—пробужденіе, которое имѣетъ такое гигантское, всемірно-историческое значеніе, что для него законны всѣ жертвы,—не можетъ не принять буйныхъ формъ при капиталистическихъ условіяхъ вообще, русскихъ въ особенности.

„Если русскій помѣщикъ отличался дикостью, и стоило его только немного поскоблить, чтобы увидѣть въ немъ татарина, то русскаго буржуа не нужно даже и скоблить. Если старое русское купечество создало темное царство, то теперь оно съ новой буржуазіей создадутъ такую тьму, въ которой будетъ гибнуть всякая мысль, всякое человѣческое чувство“.

Авторъ жестоко ошибается. Тутъ должно стоять прошедшее, а не будущее время, должно было стоять и тогда, въ 70-хъ годахъ.

„Ватаги новыхъ завоевателей расходятся во всѣ стороны и нигдѣ и ни въ комъ не встрѣчаютъ противодѣйствія. Помѣщики имъ покровительствуютъ и встрѣчаютъ ихъ съ радостью, земскіе люди выдаютъ имъ громадныя страховыя преміи, народные учителя пишутъ имъ кляузы, духовенство дѣлаетъ визиты, а волостные писаря помогаютъ опутывать мордву“.

Совершенно вѣрная характеристика! «не только не встрѣчаютъ ни въ комъ противодѣйствія», но во всѣхъ представителяхъ «общества» и «государства»,—которыхъ сейчасъ примѣрно исчислялъ авторъ,—встрѣчаютъ

содѣйствіе. Поэтому—самобытная логика!—чтобы перемѣнить дѣло, слѣдуетъ посовѣтовать избрать другой путь, посовѣтовать именно «обществу» и «государству».

„Что же, однако, дѣлать противъ подобныхъ людей?“

....„Ожидать умственнаго развитія эксплуатирующихъ и улучшенія общественнаго мнѣнія невозможно ни съ точки зрѣнія справедливости, ни съ точки зрѣнія нравственной и политической, на которыя должно становиться государство“.

Изволите видѣть: государство должно становиться на «нравственную и политическую точку зрѣнія»! Это уже просто одно фразерство. Развѣ описанные сейчасъ представители и агенты «государства» (начиная отъ волостныхъ писарей и выше) не стоятъ уже на точкѣ зрѣнія «политической [ср. выше: «многіе радуются... считаютъ ихъ элементами наиболѣе прогрессивными изъ народа, видятъ въ нихъ прямой и естественный шагъ отечественной цивилизаціи»] и «нравственной» [ср. тамъ же: «умъ, энергія, предпріимчивость»]? Къ чему же вы замазываете фактъ раскола нравственныхъ и политическихъ идей, столь же враждебныхъ, какъ въ жизни безусловно враждебны «новые всходы»—тѣмъ, «кому буржуазія приказываетъ идти на работу»? Къ чему затушевываете вы борьбу этихъ идей, которая является лишь надстройкой надъ борьбой общественныхъ классовъ?

Это — все естественный и неизбѣжный результатъ мелкобуржуазной точки зрѣнія. Мелкій производитель сильно страдаетъ отъ современныхъ порядковъ, но онъ стоитъ въ сторонѣ отъ прямыхъ, обнажившихся вполнѣ противорѣчій, боится ихъ и утѣшаетъ себя наивно-реакціонными мечтами, будто «государство должно становиться на нравственную точку зрѣнія» и именно на точку зрѣнія той нравственности, которая мила мелкому производителю.

Нѣтъ, вы не правы. Государство, къ которому вы обращаетесь, современное, данное государство *должно* становиться на точку зрѣнія той нравственности, которая мила высшей буржуазіи, *должно* потому, что таково распредѣленіе соціальной силы между наличными классами общества.

Вы возмущены. Вы начинаете кричать о томъ, что, признавая это «долженствованіе», эту необходимость, марксистъ защищаетъ буржуазію.

Неправда. Вы чувствуете, что фактъ—противъ васъ, и потому прибѣгаете уже къ фокусничанью: приписываете желаніе защищать буржуевъ тому, кто опровергаетъ ваши мѣщанскія мечты о выборѣ пути безъ буржуазіи ссылкой на *фактъ* господства буржуазіи;—кто опровергаетъ пригодность вашихъ мелкихъ, мизерныхъ мѣръ противъ буржуазіи—ссылкой на глубокіе корни ея въ экономической структурѣ общества, на экономическую борьбу классовъ, лежащую въ фундаментѣ «общества» и госу-

дарства»;—кто требуетъ отъ идеологовъ трудящагося класса полнаго разрыва съ этими элементами и исключительнаго служенія тому, кто «дифференцированъ отъ жизни» буржуазнаго общества.

„Мы не считаемъ, конечно, вліянія литературы совсѣмъ безсильнымъ, но для этого она должна: въ 1-хъ, лучше понимать свое назначеніе и не ограничиваться однимъ только (sic!!!) воспитаніемъ кулачества, но и будить общественное мнѣніе".

Вотъ уже вамъ petit bourgeois въ чистомъ видѣ! Если литература воспитываетъ кулачество, такъ это потому, что она плохо понимаетъ свое назначеніе!! И эти господа еще удивляются, когда ихъ называютъ наивными, когда про нихъ говорятъ, что они—романтики!

Наоборотъ, почтенный г. народникъ: «кулачество» [1]) воспитываетъ литературу—оно даетъ ей идеи (объ умѣ, энергіи, предпріимчивости, о естественномъ шагѣ отечественной цивилизаціи), оно даетъ ей средства. Ваше обращеніе къ литературѣ такъ же смѣхотворно, какъ еслибы кто въ виду двухъ стоящихъ другъ передъ другомъ непріятельскихъ армій обратился къ адъютанту непріятельскаго фельдмаршала съ покорной просьбой: «дѣйствовать дружнѣе». Совершенно тоже самое.

Таково же пожеланіе—«будить общественное мнѣніе».—Мнѣніе того общества, которое «ищетъ идеаловъ съ послѣобѣденнымъ спокойствіемъ?» Привычное для гг. народниковъ занятіе, которому они предаются съ такимъ блестящимъ успѣхомъ «10 лѣтъ, 20 лѣтъ, 30 лѣтъ и болѣе».

Постарайтесь еще, господа! Наслаждающееся послѣобѣденнымъ сномъ общество иногда мычитъ—навѣрное, это значитъ, что оно приготовилось дружно дѣйствовать противъ кулачества. Поговорите еще съ нимъ. Allez toujours!

...„а во 2-хъ, она должна пользоваться большей свободой слова и большимъ доступомъ къ народу".

Хорошее желаніе. «Общество» сочувствуетъ этому «идеалу». Но такъ какъ оно и его «ищетъ» съ послѣобѣденнымъ спокойствіемъ и такъ какъ оно пуще всего на свѣтѣ боится нарушенія этого спокойствія, то... то оно и спѣшитъ очень медленно, прогрессируетъ такъ мудро, что съ каждымъ годомъ оказывается все дальше и дальше позади. Гг. народники думаютъ, что это—случайность, что сейчасъ послѣобѣденный сонъ кончится и начнется настоящій прогрессъ. Дождайтесь!

„Мы не считаемъ точно также безсильнымъ совсѣмъ и вліянія воспитанія и образованія, но полагаемъ прежде всего: 1) что образованіе должно даваться

---

[1]) Это—слишкомъ узкое слово. Надо было сказать точнѣе и опредѣленнѣе: буржуазія.

всѣмъ и каждому, а не исключительнымъ только личностямъ, выдѣляя ихъ изъ среды и превращая въ кулаковъ“.....

«Всѣмъ и каждому»...—именно этого хотятъ марксисты. Но они думаютъ, что это недостижимо на почвѣ данныхъ общественно-экономическихъ отношеній, потому что даже и при даровомъ и обязательномъ обученіи для «образованія» нужны будутъ деньги, каковыя имѣются только у «выходцевъ». Они думаютъ, что и тутъ, слѣд., выхода нѣтъ внѣ «суровой борьбы общественныхъ классовъ».

...„2) что въ народныя школы долженъ быть открытъ доступъ не однимъ только отставнымъ дьячкамъ, чиновникамъ и разнымъ бабулдыгамъ, а людямъ дѣйствительно порядочнымъ и искренне любящимъ народъ“.

Трогательно! Но вѣдь тѣ, кто видитъ «умъ, предпріимчивость и энергію» въ «выходцахъ изъ народа».—также увѣряютъ (и не всегда не искренне), что «любятъ народъ», изъ нихъ многіе, несомнѣнно, «дѣйствительно порядочные» люди? Кто же тутъ судить будетъ? Критически мыслящія и нравственно-развитыя личности? Но не сказалъ ли самъ авторъ, что презрѣніемъ нельзя дѣйствовать на этихъ выходцевъ? [1])

Мы опять, въ заключеніе, стоимъ у той же основной черты народничества, которую пришлось констатировать въ самомъ началѣ—отворачиванье отъ фактовъ.

Когда народникъ дастъ описаніе фактовъ,—онъ самъ всегда вынужденъ признать, что дѣйствительность принадлежитъ капиталу, что дѣйствительная наша эволюція—капиталистическая, что сила находится въ рукахъ буржуазіи. Это признаетъ сейчасъ, напр., и авторъ комментируемой статьи, констатировавшій, что у насъ создалась «мѣщанская культура», что идти на работу приказываетъ народу буржуазія, что буржуазное общество занято только утробными процессами и послѣобѣденнымъ сномъ, что «мѣщанство» создало даже буржуазную науку, буржуазную нравственность, буржуазные софизмы политики, буржуазную литературу.

И тѣмъ не менѣе *вся* народническія разсужденія *всегда* основаны на обратномъ предположеніи: что сила не на сторонѣ буржуазіи, а на сторонѣ «народа». Народникъ толкуетъ о выборѣ пути (рядомъ съ признаніемъ капиталистическаго характера дѣйствительнаго пути), объ обобществленіи труда (находящагося въ «завѣдываніи» буржуазіи), о томъ, что государство должно стать на нравственную и политическую точку зрѣнія, что учить народъ должны именно народники и т. д., какъ будто бы сила была уже на сторонѣ трудящихся или ихъ идеологовъ, и оставалось уже только

---

[1]) Стр. 151: „...не презираютъ-ли они уже раньше (замѣтьте хорошенько это „уже раньше“) тѣхъ, кто могъ бы ихъ презирать?“

указать «ближайшіе», «цѣлесообразные» и т. п. пріемы употребить эту силу.

Все это — сплошная приторная ложь. Можно еще себѣ представить raison d'être для подобныхъ иллюзій полвѣка тому назадъ, въ тѣ времена, когда прусскій регирунгератъ открывалъ въ Россіи «общину»,—но теперь, послѣ свыше чѣмъ 30-ти-лѣтней исторіи «свободнаго» труда, это—не то насмѣшка, не то фарисейство и слащавое лицемѣріе.

Въ разрушеніи этой благонамѣренной и прекраснодушной лжи заключается основная теоретическая задача марксизма. Первая обязанность тѣхъ, кто хочетъ искать «путей къ человѣческому счастью»—не морочить самихъ себя, имѣть смѣлость признать откровенно то, что̀ есть.

И когда идеологи трудящагося класса поймутъ это и прочувствуютъ,—тогда они признаютъ, что «идеалы» должны заключаться не въ построеніи лучшихъ и ближайшихъ путей, а въ формулировкѣ задачи и цѣлей той «суровой борьбы общественныхъ классовъ», которая идетъ передъ нашими глазами въ нашемъ капиталистическомъ обществѣ; что мѣрой успѣха своихъ стремленій является не разработка совѣтовъ «обществу» и «государству», а степень распространенія этихъ идеаловъ въ опредѣленномъ классѣ общества; что самымъ высокимъ идеаламъ цѣна—мѣдный грошъ, покуда вы не съумѣли слить ихъ неразрывно съ интересами самихъ участвующихъ въ экономической борьбѣ, слить съ тѣми «узкими» и мелкими житейскими вопросами даннаго класса, въ родѣ вопроса о «справедливомъ вознагражденіи за трудъ», на которые съ такимъ величественнымъ пренебреженіемъ смотритъ широковѣщательный народникъ.

...„Но этого мало, умственное развитіе, какъ это мы видимъ, къ сожалѣнію, на каждомъ шагу, не гарантируетъ еще человѣка отъ хищныхъ поползновеній и инстинктовъ. А потому должны быть приняты немедленно мѣры къ огражденію деревни отъ хищничества, должны быть, прежде всего, приняты мѣры къ огражденію нашей общины, какъ формы общежитія, помогающей нравственному несовершенству человѣческой природы. Община разъ навсегда должна быть обезпечена. Но этого еще мало: община, при настоящихъ ея экономическихъ условіяхъ и податныхъ тягостяхъ, существовать не можетъ, а потому нужны мѣры къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія, уменьшенію податей, организаціи народной промышленности".

„Вотъ тѣ средства противъ кулачества, на которыхъ должна сойтись вся порядочная литература и стоять за нихъ. Средства эти, конечно, не новы; но дѣло въ томъ, что это единственныя въ своемъ родѣ средства, а въ этомъ далеко еще не всѣ убѣждены". (Конецъ).

Вотъ вамъ и программа этого широковѣщательнаго народника! Изъ описанія фактовъ видѣли мы, что повсюду обнаруживается полное противорѣчіе экономическихъ интересовъ,—«повсюду» не только въ томъ смыслѣ,

что и въ городѣ и въ деревнѣ, и внутри общины и внѣ ея, и въ фабрично-заводской и въ «народной» промышленности, но и за предѣлами хозяйственныхъ явленій—и въ литературѣ и въ «обществѣ», въ сферѣ идей нравственныхъ, политическихъ, юридическихъ и т. д. А нашъ рыцарь—Kleinbürger проливаетъ горькія слезы и взываетъ: «немедленно принять мѣры къ огражденію деревни». Мѣщанская поверхностность пониманія и готовность идти на компромиссы выступаетъ съ полной очевидностью. Самая эта деревня, какъ мы видѣли, представляетъ изъ себя расколъ и борьбу, представляетъ строй противоположныхъ интересовъ,—но народникъ видитъ корень зла не въ самомъ этомъ строѣ, а въ частныхъ недостаткахъ его, строитъ свою программу не на томъ, чтобы придать идейность идущей борьбѣ, а о томъ, чтобы «оградить» деревню отъ случайныхъ, незаконныхъ, извнѣ являющихся «хищниковъ»! И кому же, достопочтенный г. романтикъ, слѣдуетъ принять мѣры къ огражденію? Тому «обществу», которое удовлетворяется утробными процессами на счетъ именно тѣхъ, кого ограждать слѣдуетъ? Земскимъ, волостнымъ и всякимъ другимъ агентамъ, которые живутъ долями прибавочной стоимости и поэтому, какъ мы сейчасъ видѣли, оказываютъ не противодѣйствіе, а содѣйствіе?

Народникъ находитъ, что это—грустная случайность, не болѣе,—результатъ дурного «пониманія своего назначенія»; что достаточно призыва «сойтись и дѣйствовать дружно», чтобы всѣ подобные элементы «сошли съ невѣрнаго пути». Онъ не хочетъ видѣть, что если въ отношеніяхъ экономическихъ сложилась система Plusmacherei, сложились такіе порядки, что имѣть средства и досугъ для образованія можетъ только «выходецъ изъ народа», а «масса» должна «оставаться невѣжественной и трудиться за чужой счетъ»,—то прямымъ уже и непосредственнымъ слѣдствіемъ ихъ является то, что въ «общество» попадаютъ только представители первыхъ, что изъ этого же «общества» да изъ «выходцевъ» только и могутъ рекрутироваться волостные писаря, земскіе агенты и такъ далѣе, которыхъ народникъ имѣетъ наивность считать чѣмъ-то стоящимъ *выше* экономическихъ отношеній и классовъ, *надъ* ними.

Поэтому и воззваніе его: «оградите» обращается совсѣмъ не по адресу.

Онъ успокаивается либо на мѣщанскихъ паллiативахъ (борьба съ кулачествомъ—см. выше о ссудосберегательныхъ товариществахъ, кредитѣ, о законодательствѣ для поощренія трезвости, трудолюбія и образованія; расширеніе крестьянскаго землевладѣнія—см. выше о земельномъ кредитѣ и покупкѣ земли; уменьшеніе податей—см. выше о подоходномъ налогѣ), либо на розовыхъ институтскихъ мечтаніяхъ. «Организовать народную промышленность».

Да развѣ она уже не организована? Развѣ вся эта вышеописанная молодая буржуазія не организовала уже по своему, по буржуазному эту «народную промышленность»? Иначе какъ бы могла она «держать каждую деревню въ своихъ рукахъ»? какъ бы могла она «приказывать народу идти на работу» и присвоивать сверхстоимость?

Народникъ доходитъ до высшей степени высоконравственнаго возмущенія. Безнравственно—кричитъ онъ—признавать капитализмъ «организаціей», когда онъ построенъ на анархіи производства, на кризисахъ, на постоянной, нормальной и все углубляющейся безработицѣ массъ, на безмѣрномъ ухудшеніи положенія трудящихся.

Напротивъ. Безнравственно подрумянивать истину, изображать чѣмъ-то случайнымъ, нечаяннымъ порядки, характеризующіе всю пореформенную Россію. Что всякая капиталистическая нація несетъ техническій прогрессъ и обобществленіе труда цѣной калѣченія и уродованія производителя,—это установлено уже давнымъ давно. Но обращать этотъ *фактъ* въ матеріалъ моральныхъ собесѣдованій съ «обществомъ» и, закрывая глаза на идущую борьбу, лепетать съ послѣобѣденнымъ спокойствіемъ: «оградите», «обезпечьте», «организуйте»—значитъ быть романтикомъ, наивнымъ, реакціоннымъ романтикомъ.

Читателю покажется, вѣроятно, что этотъ комментарій не имѣетъ никакой связи съ разборомъ книги г. Струве. По моему, это—отсутствіе лишь внѣшней связи.

Книга г. Струве совсѣмъ не открываетъ русскій марксизмъ. Она только впервые выноситъ въ нашу печать теоріи, сложившіяся и изложенныя уже раньше [1]). Этому вынесенію предшествовала, какъ было уже замѣчено, ожесточенная критика марксизма въ либерально-народнической печати, критика, запутавшая и исказившая дѣло.

Не отвѣтивъ на эту критику, нельзя было, во-первыхъ, подойти къ современному положенію вопроса; во-вторыхъ, нельзя было понять книги г-на Струве, ея характера и назначенія.

Старая народническая статья взята была для отвѣта потому, что нужна была принципіальная статья и сверхъ того, статья сохраняющая хотя бы нѣкоторые завѣты стараго русскаго народничества, цѣнные для марксизма.

Этимъ комментаріемъ мы старались показать выдуманность и вздорность ходячихъ пріемовъ либерально-народнической полемики. Разсужденія на тему, что марксизмъ связывается съ гегельянствомъ [2]), съ вѣрой въ

---

[1]) Ср. *В. В.* „Очерки теоретической экономіи“ Спб. 1895, стр. 257—8.

[2]) Я говорю, разумѣется, не объ историческомъ происхожденіи марксизма, а о его современномъ содержаніи.

тріады, въ абстрактныя, не требующія провѣрки фактами, догмы и схемы, въ обязательность для каждой страны пройти черезъ фазу капитализма и т. п., оказываются пустой болтовней.

Марксизмъ видитъ свой критерій въ *формулировкѣ* и въ теоретическомъ *объясненіи* идущей передъ нашими глазами борьбы общественныхъ классовъ и экономическихъ интересовъ.

Марксизмъ не основывается ни на чемъ другомъ, кромѣ какъ на фактахъ русской исторіи и дѣйствительности; онъ представляетъ изъ себя тоже идеологію трудящагося класса, но только онъ совершенно иначе объясняетъ общеизвѣстные факты роста и побѣдъ русскаго капитализма, совсѣмъ иначе понимаетъ задачи, которыя ставитъ наша дѣйствительность идеологамъ непосредственныхъ производителей. Поэтому, когда марксистъ говоритъ о необходимости, неизбѣжности, прогрессивности русскаго капитализма, — онъ исходитъ изъ общеустановленныхъ фактовъ, которые именно въ силу ихъ общеустановленности, въ силу ихъ не-новизны и не всегда приводятся; онъ даетъ иное объясненіе тому, что̀ разсказано и пересказано народнической литературой,—и если народникъ въ отвѣтъ на это кричитъ, что марксистъ не хочетъ знать фактовъ, тогда для уличенія его достаточно даже простой ссылки на любую принципіальную народническую статью 70-хъ годовъ.

Перейдемъ теперь къ разбору книги г. Струве.

ГЛАВА II

Критика народнической соціологіи.

«Сущность» народничества, его «основную идею» авторъ видитъ въ «теоріи самобытнаго экономическаго развитія Россіи». Теорія эта, по его словамъ, имѣетъ «два основныхъ источника: 1) опредѣленное ученіе о роли личности въ историческомъ процессѣ и 2) непосредственное убѣжденіе въ специфическомъ національномъ характерѣ и духѣ русскаго народа и въ особенныхъ его историческихъ судьбахъ». (2). Въ примѣчаніи къ этому мѣсту авторъ указываетъ, что «для народничества характерны вполнѣ опредѣленные соціальные идеалы»[1]) и говоритъ, что экономическое міровоззрѣніе народниковъ онъ излагаетъ ниже.

[1]) Конечно, этого выраженія: „вполнѣ опредѣленные идеалы“ нельзя понимать буквально, т. е. въ томъ смыслѣ, чтобы народники „вполнѣ опредѣленно“ знали, чего они хотятъ. Это было бы совершенно невѣрно. Подъ „вполнѣ опредѣленными идеалами“ слѣдуетъ разумѣть не болѣе какъ идеологію непосредственныхъ производителей, хотя бы эта идеологія и была самая расплывчатая.

Такая характеристика сущности народничества требуетъ, мнѣ кажется, нѣкотораго исправленія. Она слишкомъ абстрактна, идеалистична, указывая господствующія теоретическія идеи народничества, но не указывая ни его «сущности», ни его «источника». Остается совершенно неяснымъ, почему указанные идеалы соединялись съ вѣрой въ самобытное развитіе, съ особымъ ученіемъ о роли личности, почему эти теоріи стали «самымъ вліятельнымъ» теченіемъ нашей общественной мысли. Если авторъ, говоря о «соціологическихъ идеяхъ народничества» (заглавіе 1-й главы), не могъ однако ограничиться чисто соціологическими вопросами (методъ въ соціологіи), а коснулся и воззрѣній народниковъ на русскую экономическую дѣйствительность, то онъ долженъ былъ указать сущность этихъ воззрѣній. Между тѣмъ въ указанномъ примѣчаніи это сдѣлано лишь на половину. Сущность народничества—представительство интересовъ производителей съ точки зрѣнія мелкаго производителя, мелкаго буржуа. Г. Струве въ своей нѣмецкой статьѣ о книгѣ г. П.—она (Socialpolitisches Centralblatt, 1893, № 1) назвалъ народничество «національнымъ соціализмомъ» (Р. Бог-во, 1893, № 12, стр. 185). Вмѣсто «національный» слѣдовало бы сказать «крестьянскій»—по отношенію къ старому русскому народничеству и «мѣщанскій» по отношенію къ современному. «Источникъ» народничества — преобладаніе класса мелкихъ производителей въ пореформенной капиталистической Россіи.

Необходимо пояснить эту характеристику. Выраженіе «мѣщанскій» употребляю я не въ обыденномъ, а въ политико-экономическомъ значеніи слова. Мелкій производитель, хозяйничающій при системѣ товарнаго хозяйства,—вотъ два признака, составляющіе понятіе «мелкаго буржуа», Kleinbürger'а или, что тоже, мѣщанина. Сюда подходятъ такимъ образомъ и крестьянинъ, и кустарь, которыхъ народники ставили всегда на одну доску — и вполнѣ справедливо, такъ какъ оба представляютъ изъ себя такихъ производителей, работающихъ на рынокъ, и отличаются лишь степенью развитія товарнаго хозяйства. Далѣе, я отличаю старое [1]) и современное народничество на томъ основаніи, что это была до нѣкоторой степени стройная доктрина, сложившаяся въ эпоху, когда капитализмъ въ Россіи былъ еще весьма слабо развитъ, когда мелкобуржуазный характеръ крестьянскаго хозяйства совершенно еще не обнаружился, когда практическая сторона доктрины была чистая утопія, когда народники рѣзко сторонились отъ либеральнаго «общества» и «шли въ народъ». Теперь не то: капиталистическій путь развитія Россіи никѣмъ уже не отрицается, разложеніе деревни—безспорный фактъ. Отъ стройной доктрины народничества съ дѣт-

[1]) Подъ старыми народниками я разумѣю не тѣхъ, кто двигалъ, напр., „Отеч. Зап.“, а тѣхъ именно, кто „шелъ въ народъ“.

ской вѣрой въ «общину» остались одни лохмотья. Въ отношеніи практическомъ—на мѣсто утопіи выступила вовсе не утопическая программа мелкобуржуазныхъ «прогрессовъ», и только пышныя фразы напоминаютъ объ исторической связи этихъ убогихъ компромиссовъ съ мечтами о лучшихъ и самобытныхъ путяхъ для отечества. Вмѣсто отдѣленія отъ либеральнаго общества мы видимъ самое трогательное сближеніе съ нимъ. Вотъ эта-то перемѣна и заставляетъ отличать идеологію крестьянства отъ идеологіи мелкой буржуазіи.

Эта поправка насчетъ дѣйствительнаго содержанія народничества казалась тѣмъ болѣе необходимой, что указанная абстрактность изложенія у г-на Струве—основной его недостатокъ; это во-первыхъ. А во-вторыхъ, «нѣкоторыя основныя» положенія той доктрины, которою г. Струве не связанъ, требуютъ именно сведенія общественныхъ идей къ общественно-экономическимъ отношеніямъ. И мы постараемся теперь показать, что безъ такого сведенія нельзя уяснить себѣ даже чисто теоретическихъ идей народничества, въ родѣ вопроса о методѣ въ соціологіи.

Указавши, что народническое ученіе объ особомъ методѣ въ соціологіи всего лучше изложено гг. Миртовымъ и Михайловскимъ, г. Струве характеризуетъ это ученіе какъ «субъективный идеализмъ» и въ подтвержденіе этого приводитъ изъ сочиненій названныхъ лицъ рядъ мѣстъ, на которыхъ стоитъ остановиться.

Оба автора ставятъ во главу угла положеніе, что исторію дѣлали «одиночки борющіяся личности». «Личности создаютъ исторію» (Миртовъ). Еще яснѣе у г. Михайловскаго: «Живая личность со всѣми своими помыслами и чувствами становится дѣятелемъ исторіи на свой собственный страхъ. Она, а не какая-нибудь мистическая сила, ставитъ цѣли въ исторіи и движетъ къ нимъ событія сквозь строй препятствій, поставляемыхъ ей стихійными силами природы и историческихъ условій» (8). Это положеніе—что исторію дѣлаютъ личности—теоретически совершенно безсодержательно. Исторія вся и состоитъ изъ дѣйствій личностей, и задача общественной науки состоитъ въ томъ, чтобы объяснить эти дѣйствія, такъ что указаніе на «право вмѣшательства въ ходъ событій» (слова г. Михайловскаго, цитированныя у г. Струве, с. 8) — сводится къ пустой тавтологіи. Особенно ясно обнаруживается это на послѣдней тирадѣ у г. Михайловскаго. Живая личность—разсуждаетъ онъ—движетъ событія сквозь строй препятствій, поставляемыхъ стихійными силами историческихъ условій. А въ чемъ состоятъ эти «историческія условія»? По логикѣ автора, опять таки въ дѣйствіяхъ другихъ «живыхъ личностей». Неправда-ли, какая глубокая философія исторіи: живая личность движетъ событія сквозь строй препятствій, поставляемыхъ другими живыми личностями! И почему это дѣй-

ствія однѣхъ личностей именуются стихійными, а о другихъ говорится, что онѣ «двигаютъ событія» къ поставленнымъ заранѣе цѣлямъ? Ясно, что искать тутъ хоть какого нибудь теоретическаго содержанія было бы предпріятіемъ едва-ли не безнадежнымъ. Дѣло все въ томъ, что тѣ историческія условія, которыя давали для нашихъ субъективистовъ матерьялъ для «теоріи», представляли изъ себя (какъ представляютъ и теперь) отношенія антагонистическія, порождали экспропріацію производителя. Не умѣя понять этихъ антагонистическихъ отношеній, не умѣя найти *въ нихъ же* такіе общественные элементы, къ которымъ бы могли примкнуть «одинокія личности», субъективисты ограничивались сочиненіемъ теорій, которыя утѣшали «одинокихъ» личностей тѣмъ, что исторію дѣлали «живыя личности». Рѣшительно ничего кромѣ хорошаго желанія и плохого пониманія знаменитый «субъективный методъ въ соціологіи» не выражаетъ. Дальнѣйшее разсужденіе г. Михайловскаго, приводимое у автора, наглядно подтверждаетъ это.

Европейская жизнь, говоритъ г. Михайловскій, «складывалась также безсмысленно и безнравственно, какъ въ природѣ течетъ рѣка или ростетъ дерево. Рѣка течетъ по направленію наименьшаго сопротивленія, смываетъ то, что можетъ смыть, будь это алмазная копь, огибаетъ то, чего смыть не можетъ, будь это навозная куча. Шлюзы, плотины, обводные и отводные каналы устраиваются по иниціативѣ человѣческаго разума и чувства. Этомъ разумъ и это чувство, можно сказать, не присутствовали (? П. С.) при возникновеніи современнаго экономическаго порядка въ Европѣ. Они были въ зачаточномъ состояніи, и воздѣйствіе ихъ на естественный стихійный ходъ вещей было ничтожно». (9).

Г. Струве ставитъ вопросительный знакъ, и мы недоумѣваемъ, почему онъ поставилъ его при одномъ только словѣ, а не при всѣхъ словахъ: до того безсодержательна вся эта тирада! Что это за чепуха, будто разумъ и чувство не присутствовали при возникновеніи капитализма? Да въ чемъ же состоитъ капитализмъ какъ не въ извѣстныхъ отношеніяхъ между людьми, а такихъ людей, у которыхъ бы не было разума и чувства, мы еще не знаемъ. И что это за фальшь, будто воздѣйствіе разума и чувства тогдашнихъ «живыхъ личностей» на «ходъ вещей» было «ничтожно»? Совсѣмъ напротивъ. Люди устраивали тогда, въ здравомъ умѣ и твердой памяти, чрезвычайно искусные шлюзы и плотины, загонявшія непокорнаго крестьянина въ русло капиталистической эксплуатаціи; они создавали чрезвычайно хитрые обводные каналы политическихъ и финансовыхъ мѣропріятій, по которымъ (каналамъ) устремлялись капиталистическое накопленіе и капиталистическая экспропріація, не удовлетворявшіяся дѣйствіемъ однихъ экономическихъ законовъ. Однимъ сло-

вомъ, всѣ эти заявленія г. Михайловскаго такъ чудовищно невѣрны, что однѣми теоретическими ошибками ихъ не объяснишь. Они объясняются вполнѣ той мѣщанской точкой зрѣнія, на которой стоитъ этотъ писатель. Капитализмъ обнаружилъ уже совершенно ясно свои тенденціи, онъ развилъ присущій ему антагонизмъ до конца, противорѣчіе интересовъ начинаетъ уже принимать опредѣленныя формы, отражаясь даже въ русскомъ законодательствѣ,—но мелкій производитель стоитъ въ сторонѣ отъ этой борьбы. Онъ еще привязанъ къ старому буржуазному обществу своимъ крохотнымъ хозяйствомъ и потому, будучи угнетаемъ капиталистическимъ строемъ, онъ не въ состояніи понять истинныхъ причинъ своего угнетенія и продолжаетъ утѣшать себя иллюзіями, что всѣ бѣды оттого, что разумъ и чувство людей находятся еще «въ зачаточномъ состояніи».

«Конечно—продолжаетъ идеологъ этого мелкаго буржуа—люди всегда старались такъ или иначе повліять на ходъ вещей».

«Ходъ вещей» и состоитъ въ дѣйствіяхъ и «вліяніяхъ» людей и ни въ чемъ больше, такъ что это опять пустая фраза.

«Но они руководствовались при этомъ указаніями самаго скуднаго опыта и самыми грубыми интересами; и понятно, что только въ высшей степени рѣдко эти руководители могли случайно натолкнуть на путь, указываемый современной наукой и современными нравственными идеями» (9).

Мѣщанская мораль, осуждающая «грубость интересовъ» вслѣдствіе неумѣнія сблизить свои «идеалы» съ какими-нибудь насущными интересами; мѣщанское закрываніе глазъ на происшедшій уже расколъ, ярко отражающійся и на современной наукѣ, и на современныхъ нравственныхъ идеяхъ.

Понятно, что всѣ эти свойства разсужденій г. Михайловскаго остаются неизмѣнными и тогда, когда онъ переходитъ къ Россіи. Онъ «привѣтствуетъ отъ всей души» столь же странныя росказни нѣкоего г. Яковлева, что Россія—tabula rasa, что она можетъ начать съ начала, избѣгать ошибокъ другихъ странъ и т. д. и т. д. И все это говорится въ полномъ сознаніи того, что на этой tabula rasa очень еще прочно держатся представители «старо-дворянскаго» уклада, съ крупной поземельной собственностью и съ громадными политическими привилегіями, что на ней быстро растетъ капитализмъ, съ его всевозможными «прогрессами». Мелкій буржуа трусливо закрываетъ глаза на эти *факты* и уносится въ сферу невинныхъ мечтаній о томъ, что «мы начинаемъ жить теперь, когда наука уже обладаетъ и нѣкоторыми истинами и нѣкоторымъ авторитетомъ».

Итакъ, уже изъ тѣхъ разсужденій г. Михайловскаго, которыя приведены у г. Струве, явствуетъ классовое происхожденіе соціологическихъ идей народничества.

Не можемъ не оставить безъ возраженія одно замѣчаніе г. Струве противъ г. Михайловскаго. «По его взгляду—говоритъ авторъ—не существуетъ непреодолимыхъ историческихъ тенденцій, которыя, какъ таковыя, должны служить, съ одной стороны, исходнымъ пунктомъ, съ другой—обязательными границами для цѣлесообразной дѣятельности личности и общественныхъ группъ». (11).

Это—языкъ объективиста, а не марксиста (матеріалиста). Между этими понятіями (системами воззрѣній) есть разница, на которой слѣдуетъ остановиться, такъ какъ неполное уясненіе этой разницы принадлежитъ къ основному недостатку книги г. Струве, проявляясь въ большинствѣ его разсужденій.

Объективистъ говоритъ о необходимости даннаго историческаго процесса; матеріалистъ констатируетъ съ точностью данную общественно-экономическую формацію и порождаемыя ею антагонистическія отношенія. Объективистъ, доказывая необходимость даннаго ряда фактовъ, всегда рискуетъ сбиться на точку зрѣнія апологета этихъ фактовъ; матеріалистъ вскрываетъ классовыя противорѣчія и тѣмъ самымъ опредѣляетъ свою точку зрѣнія. Объективистъ говоритъ о «непреодолимыхъ историческихъ тенденціяхъ»; матеріалистъ говоритъ о томъ классѣ, который «завѣдуетъ» даннымъ экономическимъ порядкомъ, создавая такія-то формы противодѣйствія другихъ классовъ. Такимъ образомъ, матеріалистъ, съ одной стороны послѣдовательнѣе объективиста и глубже, полнѣе проводитъ свой объективизмъ. Онъ не ограничивается указаніемъ на необходимость процесса, а выясняетъ, какая именно общественно-экономическая формація даетъ содержаніе этому процессу, *какой именно классъ* опредѣляетъ эту необходимость. Въ данномъ случаѣ, напр., матеріалистъ не удовлетворился бы констатированіемъ «непреодолимыхъ историческихъ тенденцій», а указалъ бы на существованіе извѣстныхъ классовъ, опредѣляющихъ содержаніе данныхъ порядковъ и исключающихъ возможность выхода внѣ выступленія самихъ производителей. Съ другой стороны, матеріализмъ включаетъ въ себя, такъ сказать, партійность, обязывая при всякой оцѣнкѣ событія прямо и открыто становиться на точку зрѣнія опредѣленной общественной группы [1]).

Отъ г. Михайловскаго авторъ переходитъ къ г. Южакову, который не представляетъ изъ себя ничего самостоятельнаго и интереснаго. Г. Струве совершенно справедливо отзывается о его соціологическихъ разсужденіяхъ, что это—«пышныя слова», «лишенныя всякаго содержанія». Стоитъ оста-

[1]) Конкретные примѣры неполнаго проведенія объективизма у г. Струве и невыдержанности у него теоріи классовой борьбы будутъ указываться ниже въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

новиться на чрезвычайно характерномъ (для народничества вообще) различіи между г. Южаковымъ и г. Михайловскимъ. Г. Струве отмѣчаетъ это различіе, называя г-на Южакова «націоналистомъ», тогда какъ, де, г. Михайловскому «всякій націонализмъ всегда былъ совершенно чуждъ» и для него, по его собственнымъ словамъ, «вопросъ о народной правдѣ обнимаетъ не только русскій народъ, а весь трудящійся людъ всего цивилизованнаго міра». Мнѣ кажется, что за этимъ различіемъ проглядываетъ еще отраженіе двойственнаго положенія мелкаго производителя, который является элементомъ прогрессивнымъ, поскольку онъ начинаетъ, по безсознательно-удачному выраженію г. Южакова, «дифференцироваться отъ общества»,—и элементомъ реакціоннымъ, поскольку борется за сохраненіе своего положенія, какъ мелкаго хозяина, и старается задержать экономическое развитіе. Поэтому и русское народничество умѣетъ сочетать прогрессивныя, демократическія черты доктрины—съ реакціонными, вызывающими сочувствіе «Московскихъ Вѣдомостей». Что касается до этихъ послѣднихъ, то трудно было бы, думается, рельефнѣе выставить ихъ, чѣмъ сдѣлалъ это г. Южаковъ въ слѣдующей тирадѣ, приводимой у г. Струве.

«Только крестьянство всегда и всюду являлось носителемъ чистой идеи труда. Повидимому, эта же идея вынесена на арену современной исторіи такъ называемымъ четвертымъ сословіемъ, городскимъ пролетаріатомъ, по видоизмѣненія, претерпѣвшія ея сущностью, при этомъ такъ значительны, что крестьянинъ едвали бы узналъ въ ней обычную основу своего быта. *Право* на трудъ, а не святая *обязанность* труда, обязанность въ потѣ лица добывать хлѣбъ свой; [такъ вотъ что скрывалось за «чистой идеей труда»! Чисто крѣпостническая идея объ «обязанности» крестьянина добывать хлѣбъ... для исполненія своихъ повинностей? Объ этой «святой» обязанности говорится забитому и задавленному ею копягѣ!! [1])]; затѣмъ выдѣленіе труда и вознагражденіе за него, вся эта агитація о справедливомъ вознагражденіи за трудъ, какъ будто не самъ трудъ въ плодахъ своихъ создастъ это вознагражденіе; [«Что это?» спрашиваетъ г. Струве, «sancta simplicitas или нѣчто иное?» Хуже. Это—апофеозъ послушливости прикрѣпленнаго къ землѣ батрака, привыкшаго работать на другихъ чуть не даромъ]; дифференцированіе труда отъ жизни въ какую-то отвлеченную (?! П. С.) категорію, изображаемую столькими-

[1]) Авторъ не знаетъ, должно быть, — какъ и подобаетъ маленькому буржуа,—что зап.-европейскій трудящійся людъ давно переросъ ту стадію развитія, когда онъ требовалъ „права на трудъ“ и требуетъ теперь „права на лѣность“, права на отдыхъ отъ чрезмѣрной работы, которая калѣчитъ и давитъ его.

то часами пребыванія на фабрикѣ, не имѣющую никакого иного (?! П. С.) отношенія, никакой связи съ повседневными интересами работника; [чисто мѣщанская трусость мелкаго производителя, которому порой очень и очень плохо приходится отъ современной капиталистической организаціи, но который пуще всего на свѣтѣ боится серьезнаго движенія противъ этой организаціи со стороны элементовъ, окончательно «дифференцировавшихся» отъ всякой связи съ ней]; наконецъ, отсутствіе осѣдлости, домашняго, созданнаго трудомъ очага, измѣнчивость поприща труда,—все это совершенно чуждо идеѣ крестьянскаго труда. Трудовой, отъ отцовъ и дѣдовъ завѣщанный очагъ, трудъ, проникающій своими интересами всю жизнь и строющій ея мораль—любовь къ политой потомъ многихъ поколѣній нивѣ,—все это, составляющее неотъемлемую отличительную черту крестьянскаго быта, совершенно незнакомо рабочему пролетаріату, а потому, въ то время, какъ жизнь послѣдняго, хотя и трудовая, строится на морали буржуазной (индивидуалистической и опирающейся на принципъ пріобрѣтеннаго права), а въ лучшемъ случаѣ отвлеченно-философской, въ основѣ крестьянской морали лежитъ именно трудъ, его логика, его требованія» (18). Тутъ выступаетъ уже въ чистомъ видѣ реакціонныя черты мелкаго производителя, его забитость, заставляющая его вѣрить въ то, что ему навѣки суждена «святая обязанность» быть копягой; его «завѣщанный отъ отцовъ и дѣдовъ» сервилизмъ; его привязанность къ отдѣльному крохотному хозяйству, боязнь потерять которое вынуждаетъ его отказаться даже отъ всякой мысли о «справедливомъ вознагражденіи» и выступать врагомъ всякой «агитаціи»,—которое, вслѣдствіе низкой производительности труда и прикрѣпленія трудящагося къ одному мѣсту дѣлаетъ его дикаремъ и, сплою однихъ уже хозяйственныхъ условій, необходимо порождаетъ его забитость и сервилизмъ. Разрушеніе этихъ реакціонныхъ чертъ должно быть безусловно поставлено въ заслугу нашей буржуазіи; прогрессивная работа ея состоитъ именно въ томъ, что она порвала всѣ связи трудящагося съ крѣпостническими порядками, съ крѣпостническими традиціями. Средневѣковыя формы эксплуатаціи, которыя были прикрыты *личными* отношеніями господина къ его подданному, мѣстнаго кулака и скупщика къ мѣстнымъ крестьянамъ и кустарямъ, патріархальнаго «скромнаго и бородатаго милліонера» къ его «ребятамъ», и которыя въ силу этого порождали ультра-реакціонныя идеи,—эти средневѣковыя формы она замѣнила и продолжаетъ замѣнять эксплуатаціей «европейски развязнаго антрепренера», эксплуатаціей безличной, голой, ничѣмъ не прикрытой и уже тѣмъ самымъ разрушающей пелѣнныя иллюзіи и мечтанія. Она разрушила прежнюю обособленность крестьянина («осѣдлость»), который не хотѣлъ *да и не могъ* знать ничего кромѣ своего клочка земли, и—обобществляя трудъ и

чрезвычайно повышая его производительность, стала силой выталкивать производителя на арену общественной жизни.

Г. Струве говоритъ по поводу этого разсужденія г-на Южакова: «Такимъ образомъ г. Южаковъ съ полной ясностью документируетъ славянофильскіе корни народничества» (18) и ниже, подводя итоги своему изложенію соціологическихъ идей народничества, онъ добавляетъ, что вѣра въ «самобытное развитіе Россіи» составляетъ «историческую связь между славянофильствомъ и народничествомъ» и что поэтому споръ марксистовъ съ народниками есть «естественное продолженіе разногласія между славянофильствомъ и западничествомъ» (29). Это послѣднее положеніе, мнѣ кажется, требуетъ ограниченія. Безспорно, что народники очень и очень повинны въ квасномъ патріотизмѣ самаго низкаго разбора (г. Южаковъ, напр.). Безспорно и то, что игнорированіе соціологическаго метода Маркса и его постановки вопросовъ, касающихся непосредственныхъ производителей, равносильно для тѣхъ русскихъ людей, кто хочетъ представлять интересы этихъ непосредственныхъ производителей, съ полнымъ отчужденіемъ отъ западной «цивилизаціи». Но сущность народничества лежитъ глубже; не въ ученіи о самобытности и славянофильствѣ, а въ представительствѣ интересовъ и идей русскаго мелкаго производителя. Поэтому среди народниковъ и были писатели (и это были лучшіе изъ народниковъ), которые, какъ это призналъ и г. Струве, не имѣли ничего общаго съ славянофильствомъ, которые даже признавали, что Россія вступила на тотъ же путь, что́ и Зап. Европа. Съ такими категоріями, какъ славянофильство и западничество, въ вопросахъ русскаго народничества никакъ не разобраться. Народничество отразило такой фактъ русской жизни, который почти еще отсутствовалъ въ ту эпоху, когда складывалось славянофильство и западничество, именно: противоположность интересовъ труда и *капитала*. Оно отразило этотъ *фактъ* черезъ призму жизненныхъ условій и интересовъ мелкаго производителя, отразило поэтому уродливо, трусливо, создавъ теорію выдвигающую не противорѣчія общественныхъ интересовъ, а безплодныя упованія на иной путь развитія, и наша задача исправить эту ошибку народничества, показать, какая общественная группа можетъ явиться дѣйствительнымъ представителемъ интересовъ непосредственныхъ производителей.

Переходимъ теперь ко второй главѣ книги г. Струве.

Планъ изложенія у автора слѣдующій: сначала онъ указываетъ тѣ общія соображенія, которыя заставляютъ считать матеріализмъ единственно правильнымъ методомъ общественной науки; затѣмъ излагаетъ воззрѣнія Маркса

и Энгельса, и, наконецъ, примѣнятъ полученные выводы къ нѣкоторымъ явленіямъ русской жизни. Вслѣдствіе особенной важности предмета этой главы, мы попытаемся подробнѣе разобрать ея содержаніе, отмѣчая всѣ тѣ пункты, которые вызываютъ возраженіе.

Авторъ начинаетъ съ совершенно справедливаго указанія на то, что теорія, сводящая общественный процессъ къ дѣйствіямъ «живыхъ личностей», которыя «ставятъ себѣ цѣли» и «двигаютъ событія»,—есть результатъ недоразумѣнія. Никто, разумѣется, и не думалъ никогда о томъ, чтобы приписывать «соціальной группѣ самостоятельное, не зависимое отъ составляющихъ ее личностей существованіе» (31), но дѣло въ томъ, что «личность, какъ конкретная индивидуальность, есть производная всѣхъ раньше жившихъ и современныхъ ей личностей, т. е. соціальной группы» (31). Поясникъ мысль автора. Исторію дѣлаетъ—разсуждаетъ г. Михайловскій—«живая личность со всѣми своими помыслами и чувствами». Совершенно вѣрно. Но чѣмъ опредѣляются эти «помыслы и чувства»? Можно ли серьезно защищать то мнѣніе, что они появляются случайно, а не вытекаютъ необходимо изъ данной общественной среды, которая служитъ матеріаломъ, объектомъ духовной жизни личности и которая отражается въ ея «помыслахъ и чувствахъ» съ положительной или отрицательной стороны, въ представительствѣ интересовъ того или другого общественнаго класса? И далѣе: по какимъ признакамъ судить намъ о *реальныхъ* «помыслахъ и чувствахъ» *реальныхъ* личностей? Понятно, что такой признакъ можетъ быть лишь одинъ: *дѣйствія* этихъ личностей,—а такъ какъ рѣчь идетъ только объ общественныхъ «помыслахъ и чувствахъ», то слѣдуетъ добавить еще: *общественныя дѣйствія* личностей, т. е. *соціальные факты*. «Обособляя соціальную группу отъ личности,—говоритъ г. Струве,—мы подразумѣваемъ подъ первой всѣ тѣ многообразныя взаимодѣйствія между личностями, которыя возникаютъ на почвѣ соціальной жизни и объективируются въ обычаяхъ и правѣ, въ нравахъ и нравственности, въ религіозныхъ представленіяхъ» (32). Другими словами: соціологъ-матеріалистъ, дѣлающій предметомъ своего изученія опредѣленныя общественныя отношенія людей, тѣмъ самымъ уже изучаетъ и реальныхъ *личностей*, изъ дѣйствій которыхъ и слагаются эти отношенія. Соціологъ-субъективистъ, начиная свое разсужденіе якобы съ «живыхъ личностей», на самомъ дѣлѣ начинаетъ съ того, что вкладываетъ въ эти личности такіе «помыслы и чувства», которые онъ считаетъ раціональными (потому что, изолируя своихъ «личностей» отъ конкретной общественной обстановки, онъ тѣмъ самымъ отнялъ у себя возможность изучить *дѣйствительные* ихъ помыслы и чувства), т. е. «начинаетъ съ утопіи»,

какъ это и пришлось признать г-ну Михайловскому [1]). А такъ какъ, далѣе, собственныя представленія этого соціолога о раціональномъ сами отражаютъ (безсознательно для него самого) данную соціальную среду, то окончательные выводы его изъ разсужденія, которые представляются ему «чистѣйшимъ» продуктомъ «современной науки и современныхъ нравственныхъ идей», на самомъ дѣлѣ выражаютъ только точку зрѣнія и интересы... мѣщанства.

Этотъ послѣдній пунктъ,—т. е. что особая соціологическая теорія о роли личности или о субъективномъ методѣ ставитъ утопію на мѣсто критическаго матеріалистическаго изслѣдованія,—особенно важенъ, и, такъ какъ онъ опущенъ г. Струве, то на немъ стоитъ нѣсколько остановиться.

Возьмемъ для иллюстраціи ходячее народническое разсужденіе о кустарѣ. Народникъ описываетъ жалкое положеніе этого кустаря, мизерность его производства, безобразнѣйшую эксплуатацію его скупщикомъ, который кладетъ въ карманъ львиную долю продукта, оставляя производителю гроши за 16—18 часовой рабочій день,—и заключаетъ: жалкій уровень производства и эксплуатація труда кустаря—это дурныя стороны данныхъ порядковъ. Но кустарь не наемный рабочій; это—хорошая сторона. Слѣдуетъ сохранить хорошую сторону и уничтожить дурную и для этого устроить кустарную артель. Вотъ—законченное народническое разсужденіе.

Марксистъ разсуждаетъ иначе. Знакомство съ положеніемъ промысла возбуждаетъ въ немъ кромѣ вопроса о томъ, хорошо это или дурно, еще вопросъ о томъ, какова организація этого промысла, т. е. какъ *и почему именно такъ*, *а не иначе*, складываются отношенія между кустарями по производству даннаго продукта. И онъ видитъ, что эта организація есть товарное производство, т. е. производство *обособленныхъ* производителей, связанныхъ между собою *рынкомъ*. Продуктъ отдѣльнаго производителя, предназначенный на чужое потребленіе, можетъ дойти до потребителя и дать право производителю на полученіе другого общественнаго продукта только принявши форму *денегъ*, т. подвергшись предварительно общественному учету какъ въ качественномъ, такъ и въ количественномъ отношеніяхъ. А учетъ этотъ производится за спиной производителя, посредствомъ рыночныхъ колебаній. Эти невѣдомыя производителю, независимыя отъ него рыночныя колебанія не могутъ не порождать неравенства между производителями, не могутъ не усиливать этого неравенства, разоряя однихъ и давая другимъ въ руки деньги=продуктъ общественнаго труда. Отсюда ясна и причина могущества владѣльца денегъ, скупщика: она со-

---

[1]) Сочиненія, т. III, с. 155: „Соціологія должна начать съ нѣкоторой утопіи“.

стоитъ въ томъ, что среди кустарей, живущихъ со дня на день, самое большое съ недѣли на недѣлю, онъ одинъ владѣетъ деньгами, т. е. продуктомъ прежняго *общественнаго* труда, который въ его рукахъ и становится *капиталомъ*, орудіемъ присвоенія прибавочнаго продукта другихъ кустарей. Поэтому, заключаетъ марксистъ, при такомъ устройствѣ общественнаго хозяйства экспропріація производителя и эксплуатація его совершенно неизбѣжны, совершенно необходимо подчиненіе неимущихъ имущимъ и та противоположность ихъ интересовъ, которая дастъ содержаніе *научному* понятію *борьбы классовъ*. И, слѣдовательно, интересъ производителя состоитъ совсѣмъ не въ примиреніи этихъ противоположныхъ элементовъ, а напротивъ, въ развитіи противоположности, въ развитіи сознанія этой противоположности. Мы видимъ, что ростъ товарнаго хозяйства приводитъ и у насъ, на Руси, къ такому развитію противоположности: по мѣрѣ увеличенія рынка и расширенія производства капиталъ торговый становится индустріальнымъ. Машинная индустрія, разрушая мелкое обособленное производство окончательно (оно уже въ корень подорвано скупщикомъ), обобществляетъ трудъ. Система Plusmacherei, которая въ кустарномъ производствѣ прикрыта кажущейся самостоятельностью кустаря и кажущейся случайностью власти скупщика,—теперь становится ясной и ничѣмъ не прикрытой. «Трудъ», который и въ кустарномъ промыслѣ принималъ участіе въ «жизни» только тѣмъ, что дарилъ прибавочный продуктъ скупщикамъ, теперь окончательно «дифференцируется отъ жизни» буржуазнаго общества. Это общество выталкиваетъ его съ полной откровенностью прочь, договаривая до конца лежащій въ его основаніи принципъ, что производитель можетъ получить средства къ жизни лишь тогда, когда найдетъ владѣльца денегъ, соблаговоляющаго присвоить прибавочный продуктъ его труда,—и то, чего не могъ понять кустарь [и его идеологъ-народникъ] — именно: глубокій, классовой характеръ вышеуказанной противоположности,—становится само собой яснымъ для производителя. Вотъ почему интересы кустаря могутъ быть представлены только этимъ передовымъ производителемъ.

Сравнимъ теперь эти разсужденія со стороны ихъ соціологическаго метода.

Народникъ увѣряетъ, что онъ—реалистъ. «Исторію дѣлаютъ живыя личности», и я, молъ, и начинаю съ «чувствъ» кустаря, отрицательно настроеннаго къ современному порядку, и съ помысловъ его объ устройствѣ порядковъ лучшихъ, а марксистъ разсуждаетъ о какой то необходимости и неизбѣжности; онъ мистикъ и метафизикъ.

Дѣйствительно, отвѣчаетъ этотъ мистикъ, исторію дѣлаютъ «живыя личности»,—и я, разбирая вопросъ о томъ, почему общественныя отношенія въ кустарномъ промыслѣ сложились такъ, а не иначе (вы этого

вопроса даже и не поставили!), разбиралъ именно то, *какъ* «живыя личности» *свою исторію сдѣлали* и продолжаютъ дѣлать. И у меня былъ въ рукахъ надежный критерій того, что я имѣю дѣло съ «живыми», дѣйствительными личностями, съ дѣйствительными помыслами и чувствами: критерій этотъ состоялъ въ томъ, что у нихъ уже «помыслы и чувства» выразились въ дѣйствіяхъ, создали опредѣленныя общественныя отношенія. Я, правда, не говорю никогда о томъ, что «исторію дѣлаютъ живыя личности» (потому что мнѣ кажется, что это—пустая фраза), но, изслѣдуя *дѣйствительныя* общественныя отношенія и ихъ *дѣйствительное* развитіе, я изслѣдую именно продуктъ дѣятельности живыхъ личностей. А вы говорить-то о «живыхъ личностяхъ» говорите, а на самомъ дѣлѣ берете за исходный пунктъ не «живую личность» съ тѣми «помыслами и чувствами», которыя дѣйствительно создаются условіями ихъ жизни, данной системой производственныхъ отношеній, а куклу и начиняете ей голову своими собственными «помыслами и чувствами». Понятно, что отъ такого занятія, получаются одни только невинныя мечтанія; жизнь оказывается въ сторонѣ отъ васъ, и вы—въ сторонѣ отъ жизни [1]). Да мало еще этого: вы посмотрите-ка, *чѣмъ* вы начиняете голову этой куклы и какія мѣры вы проповѣдуете. Рекомендуя трудящимся артель, какъ «путь, указываемый современной наукой и современными нравственными идеями», вы не приняли во вниманіе одного маленькаго обстоятельства: всей организаціи нашего общественнаго хозяйства. Не понимая, что это—капиталистическое хозяйство, вы не замѣтили, что *на этой почвѣ* всѣ возможныя артели останутся крохотными палліативами, нимало не устраняющими ни концентраціи средствъ производства, и денегъ въ томъ числѣ, въ рукахъ меньшинства (эта концентрація — неоспоримый фактъ), ни полной обезземеленности громадной массы населенія,—палліативами, которые въ лучшемъ случаѣ поднимутъ только кучку отдѣльныхъ кустарей въ ряды мелкой буржуазіи. Изъ идеолога трудящагося вы становитесь идеологомъ мелкой буржуазіи.

Возвратимся однако къ г. Струве. Указавши на безсодержательность разсужденій народниковъ о «личности», онъ продолжаетъ: «Что соціологія въ самомъ дѣлѣ стремится всегда свести элементы индивидуальности къ соціальнымъ источникамъ, въ этомъ убѣждаетъ любая попытка объяснить тотъ или другой крупный моментъ исторической эволюціи. Когда дѣло доходитъ до «исторической личности» «великаго человѣка», всегда является

[1]) „Практика урѣзываетъ ее („возможность новаго историческаго пути“) безпощадно“; „она убываетъ, можно сказать, съ каждымъ днемъ“ (слова г. Михайловскаго, у П. Струве, с. 16). Убываетъ, конечно, не „возможность“, которой никогда не было, а убываютъ иллюзіи. И хорошо дѣлаютъ, что убываютъ.

стремленіе выставить его, какъ «носителя» духа извѣстной эпохи, представителя своего времени,—его дѣйствія, его успѣхи и неудачи представить какъ необходимые результаты всего предшествующаго хода вещей». (32). Эта общая тенденція всякой попытки—*объяснить* соціальныя явленія т. е. создать общественную науку, «нашла себѣ яркое выраженіе въ ученіи о классовой борьбѣ, какъ основномъ процессѣ общественной эволюціи. Разъ личность была сброшена со счетовъ, нужно было найти другой элементъ. Такимъ элементомъ оказалась соціальная группа»(33). Г. Струве совершенно правъ, указывая, что теорія классовой борьбы довершаетъ, такъ сказать, общее стремленіе соціологіи сводить «элементы индивидуальности къ соціальнымъ источникамъ». Мало этого: теорія классовой борьбы впервые проводитъ это стремленіе съ такой полнотой и послѣдовательностью, что возводитъ соціологію на степень науки. Достигнуто было это матеріалистическимъ опредѣленіемъ понятія «группы». Само по себѣ это понятіе слишкомъ еще неопредѣленно и произвольно: критерій различенія «группъ» можно видѣть и въ явленіяхъ религіозныхъ, и этнографическихъ, и политическихъ, и юридическихъ и т. п. Нѣтъ твердаго признака, по которому бы въ каждой изъ этихъ областей можно было различать тѣ или иныя «группы». Теорія же классовой борьбы потому именно и составляетъ громадное пріобрѣтеніе общественной науки, что установляетъ пріемы этого сведенія индивидуальнаго къ соціальному съ полнѣйшей точностью и опредѣленностью. Во-первыхъ, эта теорія выработала понятіе *общественно-экономической формаціи*. Взявши за исходный пунктъ основной для всякаго человѣческаго общежитія фактъ—способъ добыванія средствъ къ жизни, она поставила въ связь съ нимъ тѣ отношенія между людьми, которыя складываются подъ вліяніемъ данныхъ способовъ добыванія средствъ къ жизни, и въ системѣ этихъ отношеній («производственныхъ отношеній» по терминологіи Маркса) указала ту *основу* общества, которая облекается политико-юридическими формами и извѣстными теченіями общественной мысли. Каждая такая система производственныхъ отношеній является, по теоріи Маркса, особымъ соціальнымъ организмомъ, имѣющимъ особые законы своего зарожденія, функціонированія и перехода въ высшую форму, превращенія въ другой соціальный организмъ. Этой теоріей былъ примѣненъ къ соціальной наукѣ тотъ объективный, общенаучный критерій повторяемости, возможность примѣненія котораго къ соціологіи отрицали субъективисты. Они разсуждали именно такъ, что вслѣдствіе громадной сложности соціальныхъ явленій и разнообразія ихъ нельзя изучать эти явленія, не отдѣливъ важныя отъ неважныхъ, и для такого выдѣленія необходима точка зрѣнія «критически мыслящей» и «нравственно-развитой» личности,—и они приходили такимъ образомъ бла-

гополучно къ превращенію общественной науки въ рядъ назиданій мѣщанской морали, образцы которой мы видѣли у г. Михайловскаго, философствовавшаго о нецѣлесообразности исторіи и о пути, руководимомъ «свѣтомъ науки». Вотъ этимъ-то разсужденіямъ и былъ подрѣзанъ корень теоріей Маркса. На мѣсто различія важнаго и неважнаго было поставлено различіе между экономической структурой общества, какъ *содержаніемъ*, и политической и идейной *формой*: самое понятіе экономической структуры было точно разъяснено опроверженіемъ взгляда прежнихъ экономистовъ, видѣвшихъ законы природы тамъ, гдѣ есть мѣсто только законамъ особой, исторически опредѣленной системы производственныхъ отношеній. На мѣсто разсужденій субъективистовъ объ «обществѣ» вообще, разсужденій безсодержательныхъ и не шедшихъ далѣе мѣщанскихъ утопій (ибо не выяснена была даже возможность обобщенія самыхъ различныхъ соціальныхъ порядковъ въ особые виды соціальныхъ организмовъ)—было поставлено *изслѣдованіе* опредѣленныхъ формъ устройства общества. Во-вторыхъ, дѣйствія «живыхъ личностей» въ предѣлахъ каждой такой общественно-экономической формаціи, дѣйствія, безконечно разнообразныя и, казалось, не поддающіяся никакой систематизаціи, были обобщены и сведены къ дѣйствіямъ группъ личностей, различавшихся между собою по роли, которую они играли въ системѣ производственныхъ отношеній, по условіямъ производства и, слѣд., по условіямъ ихъ жизненной обстановки, по тѣмъ интересамъ, которые опредѣлялись этой обстановкой,—однимъ словомъ, къ дѣйствіямъ *классовъ*, борьба которыхъ опредѣляла развитіе общества. Этимъ былъ опровергнутъ дѣтски-наивный, чисто механическій взглядъ на исторію субъективистовъ, удовлетворявшихся ничего не говорящимъ положеніемъ, что исторію дѣлаютъ живыя личности, и не хотѣвшихъ разобрать, какой соціальной обстановкой и какъ именно обусловливаются ихъ дѣйствія. На мѣсто субъективизма было поставлено воззрѣніе на соціальный процессъ, какъ на естественно-историческій процессъ,—воззрѣніе, безъ котораго, конечно, и не могло бы быть общественной науки. Г. Струве очень справедливо указываетъ, что «игнорированіе личности въ соціологіи или, вѣрнѣе, ея устраненіе изъ соціологіи есть въ сущности частный случай стремленія къ научному познанію» (33), что «индивидуальности» существуютъ не только въ духовномъ, но и въ физическомъ мірѣ. Все дѣло въ томъ, что подведеніе «индивидуальностей» подъ извѣстные общіе законы давнымъ давно завершено для міра физическаго, а для области соціальной оно твердо установлено лишь теоріей Маркса.

Дальнѣйшее возраженіе г. Струве противъ соціологической теоріи россійскихъ субъективистовъ состоитъ въ томъ, что помимо всѣхъ вышеприведенныхъ аргументовъ—«соціологія» *ни въ какомъ случаѣ* не можетъ

признавать то, что мы называемъ индивидуальностью, за первичный фактъ, такъ какъ самое понятіе индивидуальности (не подлежащей дальнѣйшему объясненію) и соотвѣтствующій ему фактъ есть результатъ долгаго соціальнаго процесса» (36). Это—очень вѣрная мысль, на которой слѣдуетъ остановиться тѣмъ болѣе, что аргументація автора представляетъ нѣкоторыя неправильности. Онъ приводитъ взгляды *Зиммеля*, который, де, въ сочиненіи своемъ: «О соціальной дифференціаціи» доказалъ прямую зависимость между развитіемъ индивидуальности и дифференціаціей той группы, въ которую входитъ эта личность. Г. Струве противополагаетъ это положеніе теоріи г. Михайловскаго объ обратной зависимости между развитіемъ индивидуальности и дифференціаціей («разнородностью») общества. «Въ недифференцированной средѣ—возражаетъ ему г. Струве—индивидуумъ будетъ «гармонически цѣлостенъ»... въ своемъ однообразіи и безличности». «Реальная личность не можетъ быть «совокупностью всѣхъ чертъ, свойственныхъ человѣческому организму вообще» просто потому, что такая полнота содержанія превышаетъ силы реальной личности» (38—39). «Для того, чтобы личность могла быть дифференцированной, она должна находиться въ дифференцированной средѣ» (39).

Не ясно изъ этого изложенія, какимъ именно образомъ ставитъ вопросъ Зиммель и какъ онъ аргументируетъ. Но въ передачѣ г. Струве постановка вопроса грѣшитъ тѣмъ же недостаткомъ, что и у г. Михайловскаго. Абстрактное разсужденіе о томъ, въ какой зависимости стоитъ развитіе (и благосостояніе) индивидуальности отъ дифференціаціи общества,—совершенно ненаучно, потому что нельзя установить никакого соотношенія, годнаго для всякой формы устройства общества. Самое понятіе «дифференціаціи», «разнородности» и т. п. получаетъ совершенно различное значеніе смотря потому, къ какой именно соціальной обстановкѣ примѣнить его. Основная ошибка г. Михайловскаго именно и состоитъ въ абстрактномъ догматизмѣ его разсужденій, пытающихся обнять «прогрессъ» вообще вмѣсто изученія конкретнаго «прогресса» какой-нибудь конкретной общественной формаціи. Когда г. Струве выставляетъ противъ г. Михайловскаго свои общія положенія (вышевыписанныя), онъ повторяетъ его ошибку, отходя отъ изображенія и выясненія конкрстнаго процесса въ область туманныхъ и голословныхъ догмъ. Возьмемъ примѣръ: «Гармоническая цѣлостность индивидуума въ своемъ содержаніи опредѣляется степенью развитія, т. е. дифференціаціи группы»—говоритъ г. Струве и пишетъ эту фразу курсивомъ. Однако, что слѣдуетъ понимать тутъ подъ «дифференціаціей» группы? Уничтоженіе крѣпостного права усилило эту «дифференціацію» или ослабило? Г. Михайловскій рѣшаетъ вопросъ въ послѣднемъ смыслѣ («Что такое прогрессъ?»); г. Струве рѣшилъ бы его, вѣроятно, въ первомъ—ссылаясь

на усиленіе общественнаго раздѣленія труда. Одинъ имѣлъ въ виду уничтоженіе сословныхъ различій; другой—созданіе экономическихъ различій. Терминъ такъ неопредѣленъ, какъ видите, что его можно натягивать на противоположныя вещи. Еще примѣръ. Переходъ отъ капиталистической мануфактуры къ крупной машинной индустріи можно бы признать уменьшеніемъ «дифференціаціи», ибо детальное раздѣленіе труда между спеціализировавшимися рабочими прекращается. А между тѣмъ не можетъ подлежать сомнѣнію, что условія развитія индивидуальности гораздо благопріятнѣе (для рабочаго) именно въ послѣднемъ случаѣ. Выводъ отсюда—тотъ, что неправильна уже самая постановка вопроса. Авторъ самъ признаетъ, что существуетъ также антагонизмъ между личностью и группой (о чемъ и говоритъ Михайловскій). «Но жизнь—прибавляетъ онъ—никогда не слагается изъ *абсолютныхъ* противорѣчій: въ ней все *текуче* и *относительно*, и въ то же время всѣ отдѣльныя стороны находятся въ постоянномъ взаимодѣйствіи» (39). Если такъ,—то къ чему же было и выставлять абсолютныя соотношенія между группой и личностью?—соотношенія, не относящіяся къ строго опредѣленному моменту развитія опредѣленной общественной формаціи? почему было и не отнести всю аргументацію къ вопросу о конкретномъ процессѣ эволюціи Россіи? У автора есть попытка поставить вопросъ такимъ образомъ, и еслибы онъ выдержалъ ее послѣдовательно, его аргументація много выиграла бы. «Только раздѣленіе труда,—это грѣхопаденіе человѣчества, по ученію г. Михайловскаго,—создало условія для развитія той «личности», во имя которой г. Михайловскій справедливо протестуетъ противъ современныхъ формъ раздѣленія труда» (38). Это превосходно сказано; только бы вмѣсто «раздѣленіе труда» слѣдовало сказать «капитализмъ» и даже еще уже: *русскій капитализмъ*. Прогрессивное значеніе капитализма состоитъ именно въ томъ, что онъ разрушилъ прежнія узкія условія жизни человѣка, порождавшія умственную тупость и не дававшія возможности производителямъ самимъ взять въ руки свою судьбу. Громадное развитіе торговыхъ сношеній и мірового обмѣна, постоянныя передвиженія громадныхъ массъ населенія разорвало исконныя узы рода, семьи, территоріальной общины и создало то разнообразіе развитія, «разнообразіе талантовъ, богатство общественныхъ отношеній» [1]), которое играетъ такую крупную роль въ новѣйшей исторіи Запада. Въ Россіи этотъ процессъ сказался съ полной силой въ пореформенную эпоху, когда старинныя формы труда рушились съ громадной быстротой и первое мѣсто заняла купля-продажа рабочей силы, отрывавшая крестьянина отъ патріархальной полукрѣпостнической

[1]) K. Marx, Der achtzehnte Brumaire, s. 98 u. s. w.

семьи, отъ отупляющей обстановки деревни и замѣнявшая полукрѣпостническія формы присвоенія сверхстоимости—формами чисто капиталистическими. Этотъ экономическій процессъ отразился въ соціальной области «общимъ подъемомъ чувства личности», вытѣсненіемъ изъ «общества» помѣщичьяго класса разночинцами, горячей войной литературы противъ безсмысленныхъ средневѣковыхъ стѣсненій личности и т. п. Что именно пореформенная Россія принесла этотъ подъемъ чувства личности, чувства собственнаго достоинства,—этого народники не станутъ, вѣроятно, оспаривать. Но они не задаются вопросомъ, какія матеріальныя условія повели къ этому. При крѣпостномъ правѣ, разумѣется, ничего подобнаго быть не могло,—и вотъ народникъ привѣтствуетъ «освободительную» реформу, не замѣчая, что онъ впадаетъ въ такой же близорукій оптимизмъ, какъ буржуазные историки, про которыхъ Марксъ сказалъ, что они смотрятъ на крестьянскую реформу сквозь clair-obscur «эмансипаціи», не замѣчая, что эта «эмансипація» состояла только въ замѣнѣ одной формы другою, въ замѣнѣ феодальнаго прибавочнаго продукта буржуазною прибавочной стоимостью. Совершенно то жа самое было и у насъ. Именно система «старо-дворянскаго» хозяйства, привязывавшая населеніе къ мѣсту, раздроблявшая его на кучки подданныхъ отдѣльныхъ вотчинниковъ, и создавала придавленность личности. И далѣе,—именно капитализмъ, оторвавшій личность отъ всѣхъ крѣпостныхъ узъ, поставивъ ее въ самостоятельныя отношенія къ рынку, сдѣлавъ ее товаровладѣльцемъ (и въ качествѣ такового—равной всякому другому товаровладѣльцу), и создалъ подъемъ чувства личности. Если гг. народники фарисейски ужасаются, когда имъ говорятъ о прогрессивности русскаго капитализма, то это только потому, что они не задумываются надъ вопросомъ о матеріальныхъ условіяхъ тѣхъ «благъ прогресса», которыя знаменуютъ пореформенную Россію. Если г. Михайловскій начинаетъ свою «соціологію» съ «личности», протестующей противъ русскаго капитализма, какъ случайнаго и временнаго уклоненія Россіи съ правильнаго пути, то онъ уже тутъ побиваетъ самъ себя, не понимая, что только капитализмъ и создалъ условія, сдѣлавшія возможнымъ этотъ протестъ личности.—На этомъ примѣрѣ мы видимъ еще разъ, въ какомъ измѣненіи нуждается аргументація г. Струве. Вопросъ слѣдовало свести цѣликомъ на почву русской дѣйствительности, на почву выясненія того, что есть, и почему есть именно такъ, а не иначе: народники не даромъ всю свою соціологію строили на томъ, что вмѣсто анализа дѣйствительности разсуждали о томъ, что «можетъ быть»; они не могли не видѣть, что дѣйствительность безпощадно разбиваетъ ихъ иллюзіи.

Свой разборъ теоріи «личностей» авторъ заключаетъ такой формули-

ровкой: «личность для соціологіи есть функція среды», «личность является тутъ формальнымъ понятіемъ, содержаніе котораго дастся изслѣдованіемъ соціальной группы» (40). Послѣднее противоположеніе особенно хорошо подчеркиваетъ противоположность субъективизма и матеріализма: разсуждая о «личности», субъективисты опредѣляли *содержаніе* этого понятія (т. е. «помыслы и чувства» этой личности, ея соціальныя дѣйствія) *a priori*, т. е. подсовывали свои утопіи вмѣсто «изслѣдованія соціальной группы».

Другая «важная сторона» матеріализма — продолжаетъ г. Струве — «заключается въ томъ, что экономическій матеріализмъ подчиняетъ идею факту, сознаніе и долженствованіе — бытію» (40). «Подчиняетъ» — это значитъ, конечно, въ данномъ случаѣ: отводитъ подчиненное мѣсто въ объясненіи общественныхъ явленій. Субъективисты народники поступаютъ какъ разъ наоборотъ: они исходятъ въ своихъ разсужденіяхъ изъ «идеаловъ», нисколько не задумываясь о томъ, что эти идеалы могли явиться только извѣстнымъ отраженіемъ дѣйствительности, что ихъ, слѣдовательно, необходимо провѣрить фактами, свести къ фактамъ. — Народнику, впрочемъ, безъ поясненій будетъ непонятно это послѣднее положеніе. Какъ это такъ?—думаетъ онъ,—идеалы должны осуждать факты, указывать, какъ измѣнить ихъ, провѣрять факты, а не провѣряться фактами. Это послѣднее кажется народнику, привыкшему витать въ заоблачныхъ сферахъ, примиреніемъ съ фактомъ. Объяснимся.

Наличность «хозяйничанья за чужой счетъ», наличность эксплуатаціи всегда будетъ порождать какъ въ самихъ эксплуатируемыхъ, такъ и въ отдѣльныхъ представителяхъ «интеллигенціи» идеалы, противоположные этой системѣ.

Эти идеалы чрезвычайно цѣнны для марксиста; онъ только на ихъ почвѣ и полемизируетъ съ народничествомъ, онъ полемизируетъ исключительно по вопросу о построеніи этихъ идеаловъ и осуществленіи ихъ.

Для народника достаточно констатировать фактъ, порождающій такіе идеалы, затѣмъ привести указанія на законность идеала съ точки зрѣнія «современной науки и современныхъ нравственныхъ идей» [причемъ онъ не понимаетъ, что эти «современныя идеи» означаютъ только уступки западно-европейскаго «общественнаго мнѣнія» новой нарождающейся силѣ] и взывать далѣе къ «обществу» и «государству»: обезпечьте, оградите, организуйте!

Марксистъ исходитъ изъ того же идеала, но сличаетъ его не съ «современной наукой и современными нравственными идеями» [1]), а *съ существующими классовыми противорѣчіями* и формулируетъ его

[1]) Энгельсъ въ своей книгѣ «Herrn E. Dührings Umwälzung der Wissenschaft» превосходно замѣтилъ, что это—старый психологическій методъ: сли-

поэтому не какъ требованіе «науки», а какъ требованіе такого-то класса, порождаемое такими-то общественными отношеніями (которыя подлежатъ объективному изслѣдованію) и достижимое лишь такъ-то вслѣдствіе такихъ-то свойствъ этихъ отношеній. Если не свести *такимъ образомъ* идеалы къ фактамъ, то эти идеалы останутся невинными пожеланіями, безъ всякихъ шансовъ на принятіе ихъ массой и, слѣдовательно, на ихъ осуществленіе.—

Указавъ такимъ образомъ общія теоретическія положенія, заставляющія признать матеріализмъ единственно правильнымъ методомъ общественной науки, г. Струве переходитъ къ изложенію взглядовъ Маркса и Энгельса, цитируя преимущественно сочиненія послѣдняго. Это—чрезвычайно интересная и поучительная часть книги.

Чрезвычайно справедливо указаніе автора, что «нигдѣ не приходится натыкаться на такое непониманіе Маркса, какъ у русскихъ публицистовъ» (44). Въ примѣръ приводится прежде всего г. Михайловскій, усматривающій въ «историко-философской теоріи» Маркса только выясненіе «генезиса капиталистическаго строя». Г. Струве съ полнымъ правомъ протестуетъ противъ этого. Дѣйствительно, это въ высшей степени характерный фактъ. Г. Михайловскій писалъ о Марксѣ много разъ, но никогда и не заикался о томъ отношеніи, въ которомъ находится *методъ Маркса* къ «субъективному методу въ соціологіи». Г. Михайловскій писалъ о «Капиталѣ», заявлялъ свою «солидарность» (?) съ экономической доктриной Маркса, но обходилъ строгимъ молчаніемъ вопросъ—къ примѣру скажемъ—о томъ, не подходятъ ли россійскіе субъективисты подъ методъ Прудона, желающаго передѣлать товарное хозяйство по своему идеалу справедливости? [1]) Чѣмъ отличается этотъ критерій (справедливости — justice éternelle) отъ критерія г-на Михайловскаго: «современная наука и современныя нравственныя идеи»? И почему г. Михайловскій, такъ энергично протестовавшій всегда противъ отождествленія метода общественныхъ наукъ съ методомъ наукъ естественныхъ, не спорилъ противъ заявленія Маркса, что подобный методъ Прудона совершенно такъ же нелѣпъ, какъ еслибы химикъ пожелалъ вмѣсто «изученія дѣйствительныхъ законовъ обмѣна веществъ» преобразовать этотъ обмѣнъ по законамъ «сродства»? не спорилъ противъ того взгляда Маркса, что соціальный процессъ есть «естественно-историческій процессъ»? Незнакомствомъ съ литературой этого не объяснишь: дѣло, очевидно, въ полнѣйшемъ непониманіи или нежеланіи

чать свое понятіе не съ фактомъ, который оно отражаетъ, а съ другимъ понятіемъ, съ слѣпкомъ съ другого факта.

[1]) Das Kapital. I B. 2-te aufl. s. 62 u. 38.

понять. Г. Струве первый, кажется, въ нашей литературѣ заявилъ это,— и въ этомъ его большая заслуга.

Перейдемъ теперь къ тѣмъ заявленіямъ автора по поводу марксизма, которыя вызываютъ критику. «Мы не можемъ не признать—говоритъ г. Струве,—что *чисто философское обоснованіе* этого ученія еще не дано, и что оно еще не справилось съ тѣмъ огромнымъ конкретнымъ матеріаломъ, который представляетъ всемірная исторія. Нуженъ, очевидно, пересмотръ фактовъ съ точки зрѣнія новой теоріи; нужна критика теоріи на фактахъ. Быть можетъ, многія односторонности и слишкомъ поспѣшныя обобщенія будутъ оставлены» (46). Не совсѣмъ ясно, что̀ разумѣетъ авторъ подъ «чисто философскимъ обоснованіемъ»? Съ точки зрѣнія Маркса и Энгельса, философія не имѣетъ никакого права на отдѣльное самостоятельное существованіе, и ея матеріалъ распадается между разными отраслями положительной науки. Такимъ образомъ подъ философскимъ обоснованіемъ можно разумѣть *или* сопоставленіе посылокъ ея съ твердо установленными законами другихъ наукъ [и г. Струве самъ призналъ, что уже психологія даетъ положенія, заставляющія отказаться отъ субъективизма и принять матеріализмъ], *или* опытъ примѣненія этой теоріи. А въ этомъ отношеніи мы имѣемъ заявленіе самого г. Струве, что «за матеріализмомъ всегда останется та заслуга, что онъ далъ глубоко-научное, по истинѣ *философское* (курсивъ автора) истолкованіе цѣлому ряду (это NB) историческихъ фактовъ огромной важности». (50). Послѣднее заявленіе автора содержитъ признаніе, что матеріализмъ—единственно научный методъ соціологіи, и поэтому, конечно, нуженъ «пересмотръ фактовъ» съ этой точки зрѣнія, особенно пересмотръ фактовъ русской исторіи и дѣйствительности, такъ усердно искажавшихся россійскими субъективистами. Что касается до послѣдняго замѣчанія насчетъ возможныхъ «односторонностей» и «слишкомъ поспѣшныхъ обобщеній», то мы, не останавливаясь на этомъ общемъ и потому неясномъ замѣчаніи, обратимся прямо къ одной изъ тѣхъ поправокъ, которую вноситъ «не зараженный ортодоксіей» авторъ въ «слишкомъ поспѣшныя обобщенія» Маркса.

Дѣло идетъ о государствѣ. Отрицая государство, «Марксъ и его послѣдователи» «увлеклись» «слишкомъ далеко въ критикѣ *современнаго государства*» и впали въ «односторонность». «Государство—исправляетъ это увлеченіе г. Струве—есть прежде всего *организація порядка*; организаціей же господства (классоваго) оно является въ обществѣ, въ которомъ подчиненіе однихъ группъ другимъ обусловливается его экономической структурой». (53). Родовой бытъ, по мнѣнію автора, зналъ государство, которое останется и при уничтоженіи классовъ, ибо признакъ государства—принудительная власть.

Можно только подивиться тому, что авторъ съ такимъ поразительнымъ отсутствіемъ аргументовъ критикуетъ Маркса съ своей профессорской точки зрѣнія. Прежде всего, онъ совершенно неправильно видитъ отличительный признакъ государства въ принудительной власти: принудительная власть есть во всякомъ человѣческомъ общежитіи, и въ родовомъ устройствѣ, и въ семьѣ, но государства тутъ не было. «Существенный признакъ государства — говоритъ Энгельсъ въ томъ самомъ сочиненіи, изъ котораго г. Струве взялъ цитату о государствѣ — состоитъ въ публичной власти, отдѣльной отъ массы народа» [Ursprung der Familie u s. w., 2-te Aufl, s. 84; русск. пер., с. 109] и нѣсколько выше онъ говоритъ объ учрежденіи навкрарій, что оно подрывало двоякимъ образомъ родовое устройство: во-первыхъ, оно создавало публичную власть (oeffentliche Gewalt—въ русск. пер. невѣрно передано: общественная сила), которая уже не совпадала просто на просто съ совокупностью вооруженнаго народа» (ib., s. 79; русск. пер., с. 105). Итакъ, признакъ государства—наличность особаго класса лицъ, въ рукахъ котораго сосредоточивается *власть*. Общину, въ которой «организаціей порядка» завѣдывали бы поочередно *всѣ* члены ея, никто, разумѣется, не могъ бы назвать государствомъ. Далѣе, по отношенію къ современному государству разсужденіе г-на Струве еще болѣе несостоятельно. Говорить о немъ, что оно «прежде всего (sic!?!) организація порядка»—значитъ не понимать одного изъ очень важныхъ пунктовъ теоріи Маркса. Тотъ особый слой, въ рукахъ котораго находится власть въ современномъ обществѣ, это — бюрократія. Непосредственная и тѣснѣйшая связь этого органа съ господствующимъ въ современномъ обществѣ классомъ буржуазіи явствуетъ и изъ исторіи (бюрократія была первымъ политическимъ орудіемъ буржуазіи противъ феодаловъ, вообще противъ представителей «старо-дворянскаго» уклада, первымъ выступленіемъ на арену политическаго господства не породистыхъ землевладѣльцевъ, а разночинцевъ, «мѣщанства») и изъ самыхъ условій образованія и комплектованія этого класса, въ который доступъ открытъ только буржуазнымъ «выходцамъ изъ народа» и который связанъ съ этой буржуазіей тысячами крѣпчайшихъ нитей [1]). Ошибка автора тѣмъ болѣе досадна, что именно россійскіе народники, противъ которыхъ онъ

---

[1]) Ср. 1 *Marx*, Bürgerkrieg in Frankreich, s. 23 (Lpz. 1876) и Der achtzehnte Brumaire, s. 45—6 (Hmb. 1885): «Матеріальный интересъ французской буржуазіи тѣснѣйшимъ образомъ сплетается съ сохраненіемъ этого широкаго и широко развѣтвляющагося механизма [рѣчь идетъ о бюрократіи]. Сюда сбываетъ она свое излишнее населеніе и пополняетъ въ формѣ казеннаго жалованья то, чего она не смогла заполучить въ формѣ прибыли, процентовъ, ренты и гонораровъ».

возъимѣлъ такую хорошую мысль ополчиться, понятія не имѣютъ о томъ, что всякая бюрократія и по своему историческому происхожденію и по своему современному источнику и по своему назначенію представляетъ изъ себя чисто и исключительно буржуазное учрежденіе, обращаться къ которому съ точки зрѣнія интересовъ производителя только и въ состояніи идеологи мелкой буржуазіи.

Стоитъ остановиться еще нѣсколько на отношеніи марксизма къ этикѣ. Авторъ приводитъ на с. 64—5 прекрасное разъясненіе Энгельсомъ отношенія свободы къ необходимости: «Свобода есть пониманіе необходимости». Детерминизмъ не только не предполагаетъ фатализма, а напротивъ, именно и даетъ почву для разумнаго дѣйствованія. Нельзя не добавить къ этому, что россійскіе субъективисты не съумѣли разобраться даже въ столь элементарномъ вопросѣ, какъ вопросъ о свободѣ воли. Г. Михайловскій безпомощно путался въ смѣшеніи детерминизма съ фатализмомъ и находилъ выходъ..., усаживаясь между двумя стульями: не желая отрицать закономѣрности, онъ утверждалъ, что свобода воли—фактъ нашего сознанія (собственно, идея Миртова, перенятая г. Михайловскимъ) и потому можетъ служить основой этики. Понятно, что въ примѣненіи къ соціологіи эти идеи не могли дать ничего кромѣ утопіи или пустой морали, игнорирующей борьбу классовъ, происходящую въ обществѣ. Нельзя не признать поэтому справедливости утвержденія Зомбарта, что «въ самомъ марксизмѣ отъ начала до конца нѣтъ ни грана этики»: въ отношеніи теоретическомъ, «этическую точку зрѣнія» онъ подчиняетъ «принципу причинности»; въ отношеніи практическомъ—онъ сводитъ ее къ классовой борьбѣ.

Изложеніе матеріализма г. Струве дополняетъ оцѣнкой съ матеріалистической точки зрѣнія «двухъ факторовъ, играющихъ весьма важную роль во всѣхъ народническихъ построеніяхъ»—«интеллигенціи» и «государства» (70). На этой оцѣнкѣ опять таки отразилась та же «неортодоксальность» автора, которая была отмѣчена выше по поводу его объективизма. «Если... всѣ вообще общественныя группы представляютъ изъ себя реальную силу только поскольку... они совпадаютъ съ общественными классами или къ нимъ примыкаютъ, то очевидно, что «безсословная интеллигенція» не есть реальная общественная сила» (70). Въ абстрактномъ теоретическомъ смыслѣ авторъ, конечно, правъ. Онъ ловитъ, такъ сказать, народниковъ на словѣ. Вы говорите, что на «иные пути» должна направить Россію интеллигенція—вы не понимаете, что, не примыкая къ классу, она есть нуль. Вы хвастаетесь, что русская безсословная интеллигенція отличалась всегда «чистотой» идей—поэтому-то и была она всегда безсильна. Критика автора ограничивается сопоставленіемъ нелѣпой на-

роднической *идеи* о всемогуществѣ интеллигенціи съ своей совершенно справедливой *идеей* о «безсиліи интеллигенціи въ экономическомъ процессѣ» (71). Но такого сопоставленія мало. Чтобы судить о русской «безсословной интеллигенціи», какъ объ особой группѣ русскаго общества, которая такъ характеризуетъ всю пореформенную эпоху—эпоху окончательнаго вытѣсненія дворянина разночинцемъ,—которая, несомнѣнно, играла и продолжаетъ играть извѣстную историческую роль, для этого нужно сопоставить идеи и еще болѣе программы нашей «безсословной интеллигенціи» съ *положеніемъ и интересами данныхъ классовъ русскаго общества*. Чтобы устранить возможность заподозрить насъ въ пристрастности, мы не будемъ дѣлать этого сопоставленія сами, а ограничимся ссылкой на того народника, статья котораго была комментирована въ I главѣ. Выводъ изъ всѣхъ его отзывовъ вытекаетъ совершенно опредѣленный: русская передовая, либеральная, «демократическая» интеллигенція была интеллигенціей буржуазной. «Безсословность» нимало не исключаетъ классоваго происхожденія идей интеллигенціи. Всегда и вездѣ буржуазія возставала противъ феодализма во имя безсословности—и у насъ противъ стародворянскаго, сословнаго строя выступила безсословная интеллигенція. Всегда и вездѣ буржуазія выступала противъ отжившихъ сословныхъ рамокъ и др. средневѣковыхъ учрежденій во имя всего «народа», классовыя противорѣчія внутри котораго были еще не развиты, и она была, какъ на Западѣ, такъ и въ Россіи, права, такъ какъ критикуемыя учрежденія стѣсняли дѣйствительно *всѣхъ*. Какъ только сословности въ Россіи нанесенъ былъ рѣшительный ударъ (1861),—тотчасъ же сталъ обнаруживаться антагонизмъ внутри «народа», а на ряду съ этимъ и въ силу этого антагонизмъ внутри безсословной интеллигенціи между либералами и народниками, идеологами крестьянства (внутри котораго первые русскіе идеологи непосредственныхъ производителей не видѣли, да и не могли еще видѣть, образованія противоположныхъ классовъ). Дальнѣйшее экономическое развитіе повело къ болѣе полному обнаруженію соціальныхъ противоположностей въ русскомъ обществѣ, заставило признать фактъ разложенія крестьянства на деревенскую буржуазію и пролетаріатъ. Народничество совсѣмъ уже почти превратилось въ идеологію мелкой буржуазіи, отдѣливъ отъ себя марксизмъ. Поэтому русская «безсословная интеллигенція» представляетъ изъ себя «реальную общественную силу» *поскольку она заступаетъ общебуржуазные интересы* [1]). Если тѣмъ не менѣе эта сила не *смогла* создать подходящихъ

[1]) Мелко-буржуазный характеръ громадной массы народническихъ пожеланій отмѣченъ былъ въ I главѣ. Пожеланія, не подходящія подъ эту характеристику (въ родѣ „обобществленія труда“) занимаютъ въ современномъ народ-

для защищаемыхъ ею интересовъ учрежденій, не съумѣла передѣлать «атмосферы современной россійской культуры» (г. В. В.), если «активный демократизмъ въ эпоху политической борьбы» смѣнился «общественнымъ индифферентизмомъ» (г. В. В. въ «Недѣлѣ» 94 г. № 47),— то причина этого лежитъ не только въ мечтательномъ характерѣ отечественной «безсословной интеллигенціи», но и главнымъ образомъ въ положеніи тѣхъ классовъ, изъ которыхъ она выходила, и отъ которыхъ черпала силу, въ ихъ двуличности. Неоспоримо, что россійская «атмосфера» представляла для нихъ много минусовъ, но она давала имъ и нѣкоторые плюсы.

Въ Россіи особенно велика историческая роль того класса, который по мнѣнію народниковъ, не является носителемъ «чистой идеи труда»; его «активность» нельзя усыплять «севрюжиной съ хрѣномъ». Поэтому указанія на него со стороны марксистовъ не только не «обрываютъ демократической нити», какъ увѣряетъ г. В. В., спеціализирующійся на выдумываніи самыхъ невѣроятныхъ нелѣпостей про марксистовъ, а напротивъ, подхватываютъ эту «нить», которую выпускаетъ изъ рукъ индифферентное «общество», требуютъ ея развитія, укрѣпленія, приближенія къ жизни.

Въ связи съ неполнотой въ оцѣнкѣ интеллигенціи стоитъ у г. Струве не вполнѣ удачная формулировка слѣдующаго положенія. «Надо доказать,—говоритъ онъ,—что разложеніе стараго экономическаго строя неизбѣжно». (71). Во-первыхъ, что разумѣетъ авторъ подъ «старымъ экономическимъ строемъ»? Крѣпостничество?—но разложеніе его нечего и доказывать.—«Народное производство»? но онъ самъ же говоритъ ниже и говоритъ совершенно справедливо, что это словосочетаніе «не отвѣчаетъ никакому реальному историческому порядку» (177), что это, другими словами,—миѳъ, такъ какъ послѣ отмѣны «крѣпостнаго права» у насъ ускоренно стало развиваться товарное хозяйство. Вѣроятно, авторъ имѣлъ въ виду ту стадію развитія капитализма, когда онъ не вполнѣ еще выпутался изъ средневѣковыхъ учрежденій, когда силенъ еще торговый капиталъ и мелкое производство еще держится для большой части производителей. Во-вторыхъ, въ чемъ видитъ авторъ критерій этой неизбѣжности? Въ господствѣ такихъ-то классовъ? въ свойствахъ данной системы производственныхъ отношеній? Въ обоихъ случаяхъ вопросъ сводится къ

ничествѣ совсѣмъ уже миніатюрное мѣсто. И „Рус. Богатство“ (93 № 11—12, ст. *Южакова* „Вопросы экон. развитія Россіи“) и г. В. В. („Очерки теоретической экономіи“, Спб. 1895) протестуютъ противъ г. Н.—она, отзывающагося „сурово“ (выраженіе г. Южакова) объ истасканной панацеѣ кредитовъ, расширенія землевладѣнія, переселеній и т. д.

констатированію наличности тѣхъ или другихъ (капиталистическихъ) порядковъ; вопросъ сводится къ *констатированію факта*, и его ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало переносить въ область разсужденій о будущемъ. Подобныя разсужденія слѣдовало бы оставить въ монопольномъ владѣніи гг. народниковъ, ищущихъ «иныхъ путей для отечества». Авторъ самъ говоритъ на слѣдующей же страницѣ, что всякое государство есть «выраженіе господства извѣстныхъ общественныхъ классовъ», что «нужно перераспредѣленіе соціальной силы между отдѣльными классами для того, чтобы государство кореннымъ образомъ измѣнило свой курсъ» (72). Все это — глубоко вѣрно и очень мѣтко направлено противъ народниковъ, и сообразно съ этимъ вопросъ слѣдовало поставить иначе: надо доказать (не «неизбѣжность разложенія» и т. д.) *наличность* въ Россіи капиталистическихъ производственныхъ отношеній; надо доказать, что и на русскихъ данныхъ оправдывается тотъ законъ, что «товарное хозяйство есть хозяйство капиталистическое», т. е. что и у насъ товарное хозяйство повсюду перерастаетъ въ капиталистическое; надо доказать, что повсюду господствуютъ порядки въ существѣ своемъ буржуазные, что именно господство этого класса, а не пресловутыя народническія «случайности» или «политика» и т. п., вызываютъ освобожденіе производителя отъ средствъ производства и повсемѣстное хозяйничанье его за чужой счетъ.

Этимъ закончимъ разборъ первой части книги г. Струве, носящей общій характеръ.

ГЛАВА III.

Постановка экономическихъ вопросовъ у народниковъ и у г. Струве.

Покончивъ съ соціологіей, авторъ переходитъ къ болѣе «конкретнымъ экономическимъ вопросамъ» (73). Онъ считаетъ при этомъ естественнымъ и законнымъ» начать съ «общихъ положеній и историческихъ справокъ», съ «безспорныхъ, общечеловѣческимъ опытомъ установленныхъ посылокъ»— какъ онъ говоритъ въ предисловіи.

Нельзя не замѣтить, что этотъ пріемъ грѣшитъ той же абстрактностью, которая была отмѣчена съ самаго начала какъ основной недостатокъ разбираемой книги. Въ тѣхъ главахъ, къ которымъ мы теперь переходимъ (третья, четвертая и пятая), этотъ недостатокъ привелъ къ двоякаго рода нежелательнымъ послѣдствіямъ. Съ одной стороны, онъ ослабилъ тѣ опредѣленныя теоретическія положенія, которыя авторъ выста-

вилъ противъ народниковъ. Г. Струве разсуждаетъ *вообще*, обрисовываетъ переходъ отъ натуральнаго къ товарному хозяйству, указываетъ, что бывало на свѣтѣ дѣло по большей части вотъ такъ-то и такъ-то, и при этомъ отдѣльными, бѣглыми указаніями переходитъ и къ Россіи, распространяя и на нее общій процессъ «историческаго развитія хозяйственнаго быта». Безспорно, что такое распространеніе совершенно законно и что «историческія справки» автора совершенно необходимы для критики народничества, неправильно представляющаго исторію не одной только Россіи. Но слѣдовало бы конкретнѣе высказать эти положенія, опредѣленнѣе противопоставить ихъ доводамъ народниковъ, которые отрицаютъ правильность распространенія общаго процесса на Россію; слѣдовало бы сопоставить такое-то пониманіе русской дѣйствительности народниками съ *другимъ* пониманіемъ *той же* дѣйствительности марксистами. Съ другой стороны, абстрактный характеръ разсужденій автора ведетъ къ недоговоренности его положеній, къ тому, что онъ, правильно указывая на наличность такого-то процесса, не разбираетъ, какіе классы складывались при этомъ, какіе классы являлись носителями процесса, заслоняя собой другіе, подчиненные имъ слои населенія; однимъ словомъ, объективизмъ автора не доходитъ тутъ до матеріализма—въ вышеупомянутомъ значеніи этихъ терминовъ [1]).

Доказательства такой оцѣнки указанныхъ главъ сочиненія г. Струве мы приведемъ сейчасъ, разбирая отдѣльныя, наиболѣе важныя положенія.

Чрезвычайно вѣрно замѣчаніе автора, что «Въ русской исторіи зависимость (юридическая и экономическая) непосредственныхъ производителей отъ господъ встрѣчается намъ чуть не съ первыхъ страницъ, какъ историческій спутникъ идилліи «народнаго производства» (81). Въ эпоху натуральнаго хозяйства крестьянинъ былъ порабощенъ землевладѣльцу, онъ работалъ не на себя, а на боярина, на монастырь, на помѣщика,—и г. Струве съ полнымъ правомъ противопоставляетъ этотъ *историческій*

---

[1]) Такое соотношеніе объективизма и матеріализма указано, между прочимъ, Марксомъ въ предисловіи къ его сочиненію: «Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonapartes». Марксъ говоритъ, что объ этомъ же историческомъ событіи писалъ Прудонъ (Coup d'état) и отзывается о его точкѣ зрѣнія въ противоположность своей слѣдующимъ образомъ:

„Прудонъ, съ своей стороны, стремится представить государственный переворотъ [2-го дек.] результатомъ предшествующаго историческаго развитія. Но историческая конструкція государственнаго переворота превращается у него подъ рукой въ историческую апологію героя этого переворота. Онъ впадаетъ такимъ образомъ въ ошибку нашихъ т.-наз. *объективныхъ* историковъ. Я напротивъ показываю, какимъ образомъ *классовая борьба* во Франціи создала условія и обстоятельства, давшія возможность дюжинной и смѣшной личности сыграть роль героя". (Vorwort).

фактъ росказнямъ нашихъ самобытныхъ соціологовъ о томъ, какъ «средства производства принадлежали производителю» (81). Эти росказни представляютъ изъ себя одно изъ тѣхъ искаженій русской исторіи въ угоду мѣщанской утопіи, на которыя такъ щедры были всегда народники. Боясь прямо взглянуть на дѣйствительность, боясь назвать это угнетеніе его настоящимъ именемъ, они обращались къ исторіи, изображая дѣло такимъ образомъ, что принадлежность средствъ производства производителю была «исконнымъ» началомъ, «вѣковымъ устоемъ» крестьянскаго труда и что современная экспропріація крестьянства объясняется поэтому не смѣной феодальнаго прибавочнаго продукта буржуазною сверхстоимостью, не капиталистическою организаціей нашего общественнаго хозяйства, а случайностью неудачной политики, временнымъ «отклоненіемъ отъ пути, предписываемаго всею историческою жизнью націи» (г. Южаковъ, цитировано у П. Струве, с. 15). И эти вздорныя побасенки не стыдились разсказывать про страну, въ которой только очень недавно прекратилась [1]) крѣпостническая эксплуатація крестьянства въ самыхъ грубыхъ, азіатскихъ формахъ, когда не только средства производства не принадлежали производителю, но и сами производители очень мало отличались отъ какого-нибудь «средства производства». Г. Струве очень мѣтко противополагаетъ этому «слащавому оптимизму» рѣзкій отзывъ Салтыкова о связи «народнаго производства» и крѣпостного права, о томъ, какъ «изобиліе» эпохи «вѣковыхъ устоевъ» «выпадало только [это замѣтьте] на долю потомковъ лейбкампанцевъ и прочихъ дружинниковъ» (83).

Далѣе, отмѣтимъ слѣдующее замѣчаніе г. Струве, опредѣленно касающееся опредѣленныхъ фактовъ русской дѣйствительности и содержащее чрезвычайно вѣрную мысль. «Когда производители начинаютъ работать не на мѣстный, точно отграниченный, а на отдаленный и неопредѣленный рынокъ, и развивается конкурренція, борьба за рынокъ, то эти условія приводятъ къ техническому прогрессу... Разъ возможно раздѣленіе труда, оно должно быть проведено какъ можно шире, но, прежде чѣмъ производство реорганизуется въ техническомъ отношеніи, вліяніе новыхъ условій обмѣна (сбыта) скажется въ томъ, что производитель попадетъ въ экономическую зависимость отъ торговца (скупщика), и въ соціальномъ отношеніи этотъ моментъ имѣетъ рѣшающее значеніе. Это упускаютъ изъ виду наши «истинные марксисты» въ родѣ г. В. В., ослѣпленные зна-

[1]) Даже еще нельзя сказать, чтобы окончательно прекратилась. Съ одной стороны, мы имѣемъ выкупные платежи (а извѣстно, что въ нихъ вошла не только цѣна земли, но и выкупъ крѣпостного права); съ другой стороны, напримѣръ, отработки крестьянъ за «отрѣзныя земли»—прямое переживаніе феодальнаго способа производства.

ченіемъ чисто техническаго прогресса» (98). Это указаніе на рѣшающее значеніе появленія скупщика—глубоко вѣрно. Рѣшающимъ является оно въ томъ отношеніи, что безусловно доказываетъ уже наличность капиталистической организаціи производства, доказываетъ примѣнимость и къ Россіи положенія, что «товарное хозяйство—денежное хозяйство—есть хозяйство капиталистическое», создаетъ то подчиненіе производителя—капиталу, изъ котораго не можетъ быть иного выхода, кромѣ самодѣятельности производителя. «Съ того момента, что между потребителемъ и производителемъ становится капиталистъ-предприниматель,—а это неизбѣжно при производствѣ на широкій и неопредѣленный рынокъ—мы имѣемъ передъ собой одну изъ формъ капиталистическаго производства». И авторъ справедливо добавляетъ, что, «если подъ *кустарнымъ* производствомъ разумѣть такое, при которомъ производитель, работая на неопредѣленный и отдаленный рынокъ, пользуется *полной экономической самостоятельностью*, то окажется, пожалуй что этого настоящаго кустарнаго производства въ русской *дѣйствительности* почти не имѣется». Напрасно только употреблено тутъ выраженіе «пожалуй» и будущее время: преобладаніе домашней системы крупнаго производства и полнѣйшаго порабощенія кустарей скупщикамъ — общераспространенный и преобладающій *фактъ* дѣйствительной организаціи нашихъ кустарныхъ промысловъ. Эта организація—не только капиталистическая, но, по вѣрному замѣчанію автора, это еще организація «чрезвычайно выгодная для капиталистовъ», обезпечивающая имъ гигантскіе барыши, безобразно низкую заработную плату и и въ высшей степени затрудняющая организацію и развитіе рабочихъ (с. 99—101). Нельзя не отмѣтить, что фактъ преобладанія капиталистической эксплуатаціи въ нашихъ кустарныхъ промыслахъ извѣстенъ давнымъ давно, но народники игнорируютъ его самымъ беззастѣнчивымъ образомъ. Въ каждомъ почти номерѣ ихъ журналовъ и газетъ, гдѣ идетъ рѣчь объ этомъ предметѣ, встрѣтите вы сѣтованія на то, что правительство поддерживаетъ «искусственно» крупный капитализмъ [вся «искусственность» котораго состоитъ въ томъ, что онъ крупный, а не мелкій, фабричный, а не кустарный, механическій, а не ручной] и ничего не дѣлаетъ для «нуждъ *народной* промышленности». Съ полной наглядностью выказывается тутъ ограниченность мелкаго буржуа, борющагося за мелкій *капиталъ* противъ крупнаго и упорно закрывающаго глаза на безспорно установленный фактъ, что и въ этой «народной» промышленности существуетъ такая же противоположность интересовъ и что, слѣдовательно, не въ жалкихъ кредитахъ и т. п. заключается выходъ. Такъ какъ для мелкаго хозяина, привязаннаго къ своему хозяйству и боящагося постоянно потерять его, все это представляется чѣмъ-то ужаснымъ, какой-то «аги-

тацій» «о справедливомъ вознагражденіи за трудъ, какъ будто не самъ трудъ въ плодахъ своихъ создастъ это вознагражденіе»,—то понятно, что единственнымъ представителемъ трудящейся массы кустарей можетъ быть только производитель, стоящій въ «искусственныхъ», «тепличныхъ» условіяхъ фабрично-заводской промышленности [1]).

Остановимся еще на разсужденіи г. Струве о земледѣліи. Паровой транспортъ вынуждаетъ переходъ къ мѣновому хозяйству, онъ дѣлаетъ сельскохозяйственное производство товарнымъ. Товарный же характеръ производства безусловно требуетъ «его экономической и технической раціональности» (110). Положеніе это авторъ считаетъ особенно важнымъ аргументомъ противъ народниковъ, которые съ торжествомъ указываютъ на недоказанность (будто бы) преимуществъ крупнаго производства въ земледѣліи. «Тѣмъ, кто опирается на ученіе Маркса — отвѣчаетъ имъ авторъ—не пристало отрицать значеніе экономическихъ и техническихъ особенностей сельскохозяйственнаго производства, благодаря которымъ въ извѣстныхъ случаяхъ мелкія предпріятія имѣютъ экономическія преимущества надъ крупными,—хотя бы самъ Марксъ и отрицалъ значеніе этихъ особенностей» (111). Очень неясное мѣсто. О какихъ это особенностяхъ говоритъ авторъ? Почему не указываетъ ихъ точно? Почему не указываетъ, гдѣ и какъ выражалъ объ этомъ свое мнѣніе Марксъ и на какихъ основаніяхъ признается нужнымъ исправить это мнѣніе?

«Мелкое земледѣльческое производство — продолжаетъ авторъ — все больше и больше должно принимать товарный характеръ и для того, чтобы быть жизнеспособными *предпріятіями*, мелкія земледѣльческія хозяйства должны удовлетворять общимъ требованіямъ экономической и технической раціональности» (111). «Дѣло вовсе не въ томъ, будутъ ли мелкія земледѣльческія предпріятія поглощены крупными—такого исхода экономической эволюціи врядъ ли можно ждать—а въ томъ метаморфозѣ, которому подвергается все народное хозяйство подъ вліяніемъ обмѣна. Народники упускаютъ изъ виду, что вытѣсненіе натуральнаго хозяйства мѣновымъ въ связи съ констатированнымъ выше «разсѣяніемъ промышленности» совершенно измѣняетъ всю структуру общества. Прежнее отношеніе между земледѣльческимъ (сельскимъ) и неземледѣльческимъ (городскимъ) населеніемъ нарушается въ пользу послѣдняго. Самый экономическій типъ и психическій складъ сельскохозяйственныхъ производителей коренньмъ образомъ измѣняется подъ вліяніемъ новыхъ условій хозяйственной жизни» (114).

---

[1]) „Весь процессъ выражается въ томъ, что мелкое производство (ремесло) одними своими элементами сближается съ „капитализмомъ“, другими—съ наемнымъ трудомъ, свободнымъ отъ средствъ производства“. (с. 104).

Приведенное мѣсто поясняетъ намъ, что хотѣлъ сказать авторъ своей тирадой о Марксѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ наглядно иллюстрируетъ вышесдѣланное замѣчаніе, что догматичный способъ изложенія, не опирающійся на изображеніе конкретнаго процесса, затемняетъ мысли автора и оставляетъ ихъ недоговоренными. Положеніе его о невѣрности народническихъ взглядовъ совершенно правильно, но неполно, потому что не сопровождается указаніемъ на тѣ новыя формы классоваго антагонизма, которыя развиваются при этой замѣнѣ нераціональнаго производства раціональнымъ. Авторъ, напримѣръ, ограничивается бѣглымъ упоминаніемъ, что «экономическая раціональность» означаетъ «наивысшую ренту» (110), но забываетъ добавить, что *рента* предполагаетъ *буржуазную организацію земледѣлія*, т. е., во-первыхъ, полное подчиненіе его рынку, и, во-вторыхъ, образованіе въ земледѣліи такихъ же классовъ буржуазіи и пролетаріата, которые свойственны и капиталистической индустріи.

Народники, разсуждая о некапиталистической, будто бы, организаціи нашего земледѣлія, ставятъ вопросъ безобразно узко и неправильно, сводя все къ вытѣсненію мелкихъ хозяйствъ крупными, и только. Г. Струве совершенно справедливо говоритъ имъ, что при такомъ разсужденіи они упускаютъ изъ виду общій характеръ земледѣльческаго производства, который можетъ быть (и дѣйствительно является у насъ) буржуазнымъ и при мелкомъ производствѣ, какъ является буржуазнымъ хозяйство западноевропейскихъ крестьянъ. Условія, при которыхъ мелкое самостоятельное хозяйство («народное» — по терминологіи россійской интеллигенціи) становится буржуазнымъ, извѣстны: это, во-первыхъ, господство товарнаго хозяйства, которое при изолированности [1]) производителей порождаетъ среди нихъ конкурренцію и, разоряя массу, обогащаетъ немногихъ; это, во-вторыхъ, превращеніе рабочей силы въ товаръ и средствъ производствъ въ капиталъ, т. е. освобожденіе производителя отъ средствъ производства и капиталистическая организація важнѣйшихъ отраслей промышленности. При этихъ условіяхъ мелкій самостоятельный производитель становится въ исключительное положеніе по отношенію къ массѣ производителей, — какъ и у насъ сейчасъ *дѣйствительно самостоятельные* хозяева представляютъ исключеніе среди массы, работающей за чужой счетъ, не имѣющей не только «самостоятельнаго» хозяйства, но даже и жизненныхъ средствъ на недѣлю. Положеніе и интересы самостоятельнаго хозяина обособляютъ его отъ массы производителей, живущихъ *главнымъ образомъ*

[1]) Понятно, что рѣчь идетъ о *хозяйственной* изолированности. Общинное землевладѣніе нимало ея не устраняетъ. При самыхъ „уравнительныхъ“ передѣлахъ крестьянинъ въ одиночку хозяйничаетъ на своей полосѣ, слѣдовательно, является изолированнымъ, обособленнымъ производителемъ.

заработной платой. Между тѣмъ какъ послѣдніе выдвигаютъ вопросъ о «справедливомъ вознагражденіи», являющійся по необходимости преддверіемъ коренного вопроса объ иномъ устройствѣ общественнаго хозяйства,— перваго интересуетъ гораздо живѣе совсѣмъ другое: кредитъ, и особенно мелкій «народный» кредитъ, улучшенныя удешевленныя орудія, «организація сбыта», «расширеніе землевладѣнія» и т. п.

Самый законъ о преимуществѣ крупныхъ хозяйствъ надъ мелкими есть законъ только товарнаго производства и, слѣдовательно, не можетъ быть прилагаемъ къ хозяйствамъ, не втянутымъ еще окончательно въ товарное производство, не подчиненнымъ рынку. Поэтому такая аргументація (въ которой, между прочимъ, упражнялся и г. В. В.), что упадокъ дворянскихъ хозяйствъ послѣ реформы и аренда крестьянами частновладѣльческихъ земель опровергаетъ мнѣніе о капиталистической эволюціи нашего земледѣлія,—эта аргументація доказываетъ только полное непониманіе дѣла у прибѣгавшихъ къ ней. Понятно, что разрушеніе крѣпостныхъ отношеній, при которыхъ *культура* была въ рукахъ крестьянъ, вызвало кризисъ помѣщиковъ. Но не говоря уже о томъ, что этотъ кризисъ повелъ только къ примѣненію все въ большихъ и большихъ размѣрахъ труда батраковъ и поденьщиковъ, смѣнявшаго отживающія формы полуфеодальнаго труда (за отработки),— не говоря уже объ этомъ, самое крестьянское хозяйство стало существенно измѣнять свой характеръ: оно вынуждено было работать на рынокъ, что и не замедлило повести къ расколу крестьянства на деревенскую мелкую буржуазію и сельскій пролетаріатъ. Этотъ расколъ окончательно рѣшаетъ вопросъ о капитализмѣ въ Россіи. Г. Струве поясняетъ указанный процессъ въ V главѣ, гдѣ онъ замѣчаетъ: «Мелкій земледѣлецъ дифференцируется: развивается, съ одной стороны, «экономически крѣпкое» крестьянство [надо было сказать: буржуазное], съ другой — крестьянство пролетарскаго типа. Черты народнаго производства соединяются съ капиталистическими въ одну картину, надъ которой явственно значится надпись: чумазый идетъ» (стр. 177).

Вотъ на эту сторону дѣла, на *буржуазную организацію* новаго, «раціональнаго» земледѣлія и слѣдовало обратить вниманіе. Слѣдовало показать народникамъ, что, игнорируя указанный процессъ, они превращаются изъ идеологовъ крестьянства въ идеологовъ мелкой буржуазіи. «Поднятіе народнаго производства», котораго они жаждутъ, можетъ означать, при такой организаціи крестьянскаго хозяйства, только «поднятіе» мелкой буржуазіи. Напротивъ, тѣ, кто указываетъ на производителя, живущаго въ наиболѣе развитыхъ капиталистическихъ отношеніяхъ, выражаютъ правильно интересы не одного только этого производителя, а и всей гигантской массы «пролетарскаго» крестьянства.

Неудовлетворительность изложенія у г. Струве, его неполнота и недоговоренность привела къ тому, что говоря о раціональномъ земледѣліи, онъ не характеризировалъ его общественно-экономической организаціи, — что, показывая, какъ паровой транспортъ замѣняетъ нераціональное производство раціональнымъ, натуральное товарнымъ, онъ не характеризировалъ той новой формы классоваго антагонизма, которая складывается при этомъ.

Этотъ же недостатокъ въ постановкѣ вопросовъ сказывается на большей части разсужденій въ разбираемыхъ главахъ. Для иллюстраціи приведу еще нѣсколько примѣровъ. Товарное хозяйство — говоритъ авторъ — и широкое общественное раздѣленіе труда «развиваются, опираясь на институтъ частной собственности, принципы экономической свободы и чувство индивидуализма» (91). Прогрессъ національнаго производства связанъ съ «мѣрой господства института частной собственности надъ обществомъ». «Быть можетъ, это печально, но такъ происходитъ дѣло въ дѣйствительности, это—эмпирически, исторически установленное сосуществованіе. Въ настоящее время, когда съ такимъ легкомысліемъ третируются идеи и принципы XVIII вѣка, при чемъ въ сущности повторяется его же ошибка,—слишкомъ часто забывается эта культурно-историческая связь экономическаго прогресса съ институтомъ частной собственности, принципами экономической свободы и чувствомъ индивидуализма. Только игнорируя эту связь, можно разсчитывать на то, что безъ осуществленія названныхъ началъ возможенъ для экономически и культурно неразвитого общества хозяйственный прогрессъ. Мы не чувствуемъ никакой особенной симпатіи къ этимъ началамъ и прекрасно понимаемъ ихъ исторически-*преходящій* характеръ, но въ тоже время мы не можемъ не видѣть въ нихъ огромной культурной силы, не только отрицательной но и положительной. Не видѣть ея можетъ только идеализмъ, мнящій себя въ своихъ построеніяхъ не связаннымъ никакой исторической преемственностью» (91).

Авторъ совершенно правъ въ своемъ «объективномъ» констатированіи «историческихъ сосуществованій», но тѣмъ болѣе досады возбуждаетъ недоговоренность его аргументаціи. Такъ и хочется сказать ему: договаривайте же! сводите эти общія положенія и историческія справки къ опредѣленному періоду нашей русской исторіи, формулируйте ихъ такъ, чтобы показать, почему и въ чемъ именно отличается ваше пониманіе отъ народническаго, сопоставляйте ихъ съ той дѣйствительностью, которая должна служить критеріемъ для русскаго марксиста, показывайте классовыя противорѣчія, скрадываемыя всѣми этими прогрессами и культурами [1]).

[1]) Contra principia negantem disputari non potest—говоритъ авторъ о спорѣ

Тотъ «прогрессъ» и та «культура», которые принесла съ собой пореформенная Россія, несомнѣнно, связаны съ «институтомъ частной собственности»—онъ не только былъ проведенъ впервые со всей полнотой созданіемъ новаго «состязательнаго» гражданскаго процесса, обезпечившаго такое же «равенство» на судѣ, которое воплощалось въ жизни «свободнымъ трудомъ» и его продажей капиталу; онъ былъ распространенъ на землевладѣніе какъ помѣщиковъ, избавленныхъ отъ всѣхъ государственныхъ повинностей и обязанностей, такъ и крестьянъ, превратившихся въ крестьянъ-*собственниковъ*; онъ былъ положенъ даже въ основаніе политическихъ правъ «гражданъ» на участіе въ мѣстномъ самоуправленіи (цензъ) и т. д. Еще болѣе несомнѣнна «связь» нашего «прогресса» съ «принципами экономической свободы»: мы уже слышали въ I главѣ отъ нашего народника, какъ эта «свобода» состояла въ освобожденіи «скромныхъ и бородатыхъ» собирателей земли русской отъ необходимости «смиряться предъ малымъ полицейскимъ чиномъ». Мы уже говорили о томъ, какъ «чувство индивидуализма» создавалось развитіемъ товарнаго хозяйства. Сводя вмѣстѣ всѣ эти черты отечественнаго прогресса, нельзя не придти къ выводу (сдѣланному и народникомъ 70-хъ годовъ), что этотъ прогрессъ и культура были сплошь буржуазными. Современная Россія гораздо лучше дореформенной, но такъ какъ все это улучшеніе цѣликомъ и исключительно обязано буржуазіи, ея агентамъ и идеологамъ, то производители имъ и не воспользовались. Для нихъ эти улучшенія означали только перемѣну формы прибавочнаго продукта, означали только улучшенные и усовершенствованные пріемы освобожденія производителя отъ средствъ производства. Поэтому гг. народники проявляютъ самое невѣроятное «легкомысліе» и забывчивость, когда съ протестомъ противъ русскаго капитализма и буржуазности обращаются къ тѣмъ, кто именно и былъ ихъ носителемъ и проводникомъ. Про нихъ только и можно сказать: «своя своихъ не познаша».

Согласиться съ такой квалификаціей пореформенной Россіи и «общества» современному народнику будетъ не подъ силу. А чтобы оспаривать это, ему пришлось бы отрицать буржуазный характеръ пореформенной Россіи, отрицать то самое, во имя чего поднимался его отдаленный предокъ, народникъ 70-хъ годовъ и «шелъ въ народъ» искать «залоговъ будущаго» у самихъ непосредственныхъ производителей. Конечно, *современный* народникъ не только рѣшится, чего добраго, отрицать это, но и станетъ, пожалуй, доказывать, что въ разсматриваемомъ отношеніи произошла

съ народниками. Это зависитъ отъ того, какъ формулировать эти principia,—какъ общія ли положенія и справки, или какъ *иное пониманіе* такихъ-то и такихъ-то *фактовъ* русской исторіи и дѣйствительности.

перемѣна къ лучшему: но этимъ онъ только показалъ бы всѣмъ, кто еще этого не видитъ, что онъ не представляетъ изъ себя рѣшительно ничего болѣе какъ самаго обыкновеннаго *маленькаго буржуа.*

Какъ видитъ читатель, мнѣ приходится только договаривать положенія г. Струве, давать имъ иную формулировку,—«тоже слово да иначе молвить». Спрашивается, есть ли нужда въ этомъ? Стоитъ ли останавливаться съ такой подробностью на этихъ дополненіяхъ и выводахъ? Не разумѣются ли они сами собой?

Мнѣ кажется,—стоитъ, по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, узкій объективизмъ автора крайне опасенъ, такъ какъ доходитъ до забвенія граней между старыми, такъ вкоренившимися въ нашей литературѣ, профессорскими разсужденіями о путяхъ и судьбахъ отечества,—и точной характеристикой дѣйствительнаго процесса, двигаемаго такими-то классами. Этотъ узкій объективизмъ, эта невыдержанность марксизма—основной недостатокъ книги г. Струве, и на немъ необходимо особенно подробно остановиться, чтобы показать, что онъ вытекаетъ именно не изъ марксизма, а изъ недостаточнаго проведенія его; не изъ того, чтобы авторъ видѣлъ иные критеріи своей теоріи кромѣ дѣйствительности, чтобы онъ дѣлалъ другіе практическіе выводы изъ доктрины (они невозможны, повторяю, немыслимы безъ искалѣченія всѣхъ главнѣйшихъ ея положеній), а потому, что авторъ ограничился одной, наиболѣе общей, стороной теоріи и не провелъ ея съ полной послѣдовательностью. Во-вторыхъ, нельзя не согласиться съ той мыслью, которая высказана авторомъ въ предисловіи, что прежде чѣмъ критиковать народничество на частныхъ вопросахъ, необходимо было «раскрыть самыя основы разногласія» (VII) посредствомъ «принципіальной полемики». Но именно для того, чтобы эта цѣль автора не осталась недостигнутой, и необходимо придать болѣе конкретный смыслъ почти всѣмъ его положеніямъ, необходимо свести его слишкомъ общія указанія на конкретные вопросы русской исторіи и дѣйствительности. По всѣмъ этимъ вопросамъ предстоитъ еще русскимъ марксистамъ большая работа «пересмотра фактовъ» съ матеріалистической точки зрѣнія,—раскрытія классовыхъ противорѣчій въ дѣятельности «общества» и «государства», за теоріями «интеллигенціи»,—наконецъ, работа по установленію связи между всѣми отдѣльными, безконечно разнообразными, формами присвоенія прибавочнаго продукта въ россійскихъ «народныхъ» производствахъ и той передовой, наиболѣе развитой капиталистической формой этого присвоенія, которая содержитъ въ себѣ «залоги будущаго» и выдвигаетъ въ настоящее время на первый планъ идею и историческую задачу «производителя». Поэтому какъ бы ни казалась смѣлой попытка указать рѣшеніе этихъ вопросовъ, сколько измѣненій, исправленій ни принесло бы даль-

нѣйшее, детальное изученіе,—все-таки стоитъ труда намѣтить конкретные вопросы, чтобы вызвать возможно болѣе общее и широкое обсужденіе ихъ.

Кульминаціонной точкой того узкаго объективизма г. Струве, который порождаетъ у него неправильность постановки вопросовъ, является разсужденіе его о Листѣ, о его «замѣчательномъ ученіи» насчетъ «конфедераціи національныхъ производительныхъ силъ», о важности для сельскаго хозяйства развитія фабричной промышленности, о превосходствѣ мануфактурно-земледѣльческаго государства надъ земледѣльческимъ и т. п. Авторъ находитъ, что это «ученіе» чрезвычайно «убѣдительно говоритъ объ исторической неизбѣжности и законности капитализма въ широкомъ смыслѣ слова» (123), о «культурно-исторической мощи торжествующаго товарнаго производства» (124).

Профессорскій характеръ разсужденій автора, какъ бы поднимающагося выше всякихъ опредѣленныхъ странъ, опредѣленныхъ историческихъ періодовъ, опредѣленныхъ классовъ, сказывается тутъ особенно наглядно. Какъ ни смотрѣть на это разсужденіе,—съ теоретической ли чисто или съ практической стороны,—одинаково правильна будетъ такая оцѣнка. Начнемъ съ первой. Не странно ли думать, что можно «убѣдить» кого бы то ни было въ «исторической неизбѣжности и законности капитализма» для извѣстной страны абстрактными, догматичными положеніями о значеніи фабричной промышленности? Не ошибка ли ставить вопросъ на эту почву, столь любезную либеральнымъ профессорамъ изъ «Рус. Богатства»? Не обязательно ли для марксиста свести все дѣло къ выясненію того, что̀ есть и почему есть именно такъ, а не иначе?

Народники считаютъ нашъ капитализмъ искусственнымъ, тепличнымъ растеніемъ, потому что не понимаютъ связи его со всей товарной организаціей нашего общественнаго хозяйства, не видятъ корней его въ нашемъ «народномъ производствѣ». Покажите имъ эти связи и корни, покажите, что капитализмъ господствуетъ въ наименѣе развитой и потому въ наихудшей формѣ и въ народномъ производствѣ,—и вы докажете «неизбѣжность» русскаго капитализма. Покажите, что этотъ капитализмъ, повышая производительность труда и обобществляя его, развиваетъ и выясняетъ ту классовую, соціальную противоположность, которая повсюду сложилась въ «народномъ производствѣ»,—и вы докажете «законность» русскаго крупнаго капитализма. Что касается до практической стороны этого разсужденія, соприкасающагося съ вопросомъ о торговой политикѣ, то можно замѣтить слѣдующее. Русскіе марксисты, подчеркивая прежде всего и сильнѣе всего, что вопросъ о свободѣ торговли и протекціонизмѣ есть вопросъ капиталистическій, вопросъ буржуазной политики, должны

стоять за свободу торговли, такъ какъ въ Россіи съ особенной силой сказывается реакціонность протекціонизма, задерживающаго экономическое развитіе страны, служащаго интересамъ не всего класса буржуазіи, а лишь кучкѣ олигарховъ-тузовъ, — такъ какъ свобода торговли означаетъ ускореніе того процесса, который несетъ средства избавленія отъ капитализма.

Послѣдній § (XI) III-ей главы посвященъ разбору понятія «капитализмъ». Авторъ очень справедливо указываетъ, что это слово употребляется «весьма вольно», приводитъ примѣры «очень узкаго» и «очень широкаго» его пониманія, но никакихъ точно опредѣленныхъ признаковъ не устанавливаетъ; «понятіе—капитализмъ», несмотря на разборъ автора, осталось неразобраннымъ. А между тѣмъ, казалось бы, это не должно представить особеннаго труда, потому что понятіе это введено въ науку Марксомъ и имъ же обосновано фактически. Но г. Струве и тутъ не желалъ бы заражаться «ортодоксіей». «Маркъ самъ—говоритъ онъ—представлялъ себѣ процессъ превращенія *товарнаго* производства въ *товарно-капиталистическое*, быть можетъ, болѣе стремительнымъ и прямолинейнымъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ» (стр. 127, прим.). Быть можетъ. Но такъ какъ это единственное представленіе, обоснованное научно и подкрѣпленное исторіей капитала, такъ какъ съ другими представленіями, «быть можетъ» менѣе «стремительными» и менѣе «прямолинейными», мы не знакомы, то мы и обратимся къ Марксу. Существенными признаками капитализма, по его ученію, являются (1) товарное производство, какъ *общая* форма производства. Продуктъ принимаетъ форму товара въ самыхъ различныхъ общественныхъ производственныхъ организмахъ, но только въ капиталистическомъ производствѣ такая форма продукта труда является *общей*, а не исключительной, не единичной, не случайной. Второй признакъ капитализма—(2) принятіе товарной формы не только продуктомъ труда, но и самимъ трудомъ, т. е. рабочей силы человѣка. Степень развитія товарной формы рабочей силы характеризуетъ степень развитія капитализма [1])—При помощи этого опредѣленія мы легко разберемся въ приводимыхъ г. Струве примѣрахъ неправильнаго пониманія этого термина. Несомнѣнно, что противопоставленіе русскихъ порядковъ капитализму, основанное на технической отсталости нашего народнаго хозяйства, на преобладаніи ручнаго производства и т. п., и такъ часто приводимое народни-

---

[1]) Das Kapital, II Band (1885), s. 93.—Необходимо оговориться, что Маркъ въ указанномъ мѣстѣ вовсе не даетъ *дефиниціи* капитализма. Онъ вообще дефиніями не занимался. Здѣсь указывается лишь на отношеніе товарнаго производства къ капиталистическому, о чемъ въ текстѣ и идетъ рѣчь.

ками,—совершенно нелѣпо, ибо капитализмъ существуетъ и при низкой и при высоко развитой техникѣ, и Марксъ много разъ подчеркиваетъ въ «Капиталѣ», что капиталъ сначала подчиняетъ себѣ производство такимъ, какимъ онъ его находитъ, и лишь впослѣдствіи преобразуетъ его технически. Несомнѣнно, что нѣмецкая Hausindustrie, русская «домашняя система крупнаго производства» представляютъ изъ себя капиталистическую организацію промышленности, ибо тутъ не только господствуетъ товарное производство, но и владѣлецъ денегъ господствуетъ надъ производителемъ и присвоиваетъ себѣ сверхстоимость. Несомнѣнно, что любимое народническое противопоставленіе зап.-европейскому капитализму русскаго «владѣющаго землей» крестьянства показываетъ тоже только непониманіе того, что такое капитализмъ. И на Западѣ, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ авторъ, сохраняется кое-гдѣ «полунатуральное хозяйство крестьянъ» (124), но этотъ фактъ ни на Западѣ ни въ Россіи не устраняетъ ни преобладанія товарнаго производства, ни подчиненія преобладающаго большинства производителей капиталу,—подчиненія, которое до своего высшаго, предѣльнаго развитія проходитъ много ступеней, обыкновенно народниками игнорируемыхъ несмотря на совершенное точное разъясненіе дѣла Марксомъ. Начинается это подчиненіе *торговымъ* и *ростовщическимъ капиталомъ*, затѣмъ переходитъ въ индустріальный капитализмъ, который въ свою очередь сначала является технически совершенно примитивнымъ и ничѣмъ не отличается отъ старыхъ системъ производства, затѣмъ организуетъ мануфактуру, — которая все еще основывается на ручномъ трудѣ, покоится на преобладающихъ кустарныхъ промыслахъ, не нарушая связи наемнаго рабочаго съ землей,—и завершаетъ развитіе крупной машинной индустріей. Только послѣдняя, высшая стадія представляетъ кульминаціонную точку развитія капитализма, *только она* создаетъ совершенно экспропріированнаго, свободнаго какъ птица, рабочаго [1]), *только она* порождаетъ (и въ матеріальномъ и въ соціальномъ отношеніи) то «объединяющее значеніе» капитализма, которое народники привыкли связывать съ капитализмомъ вообще, *только она* противополагаетъ капитализму его «кровное дѣтище».

Четвертая глава книги: «Прогрессъ экономическій и прогрессъ соціальный» составляетъ прямое продолженіе третьей главы, относясь къ той части книги, которая выдвигаетъ противъ народниковъ данныя «общечеловѣческаго опыта». Намъ придется тутъ подробно остановиться, во-первыхъ, на одномъ неправильномъ взглядѣ автора [или неудачномъ

---

[1]) Народники всегда изображаютъ дѣло такъ, что обезземеленный рабочій—необходимое условіе капитализма *вообще*, а не только машинной индустріи.

выраженіи?] насчетъ послѣдователей Маркса и, во-вторыхъ, на формулировкѣ задачъ экономической критики народничества.

Г. Струве говоритъ, что Марксъ представлялъ себѣ переходъ отъ капитализма къ новому общественному строю въ видѣ рѣзкаго паденія, крушенія капитализма. (Онъ находитъ, что это даютъ основаніе думать «нѣкоторыя мѣста» у Маркса, тогда какъ на самомъ дѣлѣ этотъ взглядъ содержится *во всѣхъ сочиненіяхъ* Маркса). Послѣдователи его борются *за реформы*. Въ точку зрѣнія Маркса 40-хъ годовъ «внесенъ былъ важный коррективъ»: вмѣсто «пропасти», отдѣляющей капитализмъ отъ новаго строя, былъ признанъ «цѣлый рядъ переходовъ».

Мы никакъ не можемъ признать это правильнымъ. Никакого «корректива» (*исправленія* по русски) ни важнаго ни неважнаго не вносили «послѣдователи Маркса» въ его точку зрѣнія. Борьба за реформы нисколько не свидѣтельствуетъ о «коррективѣ», нимало не исправляетъ ученія о пропасти и рѣзкомъ паденіи, такъ какъ эта борьба ведется съ открыто и опредѣленно признанной цѣлью — дойти именно до «паденія»; а что для этого необходимъ «цѣлый рядъ переходовъ» — одного фазиса борьбы, одной ступени ея въ слѣдующія, — это признавалъ и Марксъ въ 1840-хъ гг., говоря въ «Манифестѣ», что нельзя *отдѣлять* движеніе къ новому строю отъ рабочаго движенія (и, слѣд., отъ борьбы за реформы), выставляя самъ въ заключеніе рядъ практическихъ мѣропріятій.

Если г. Струве хотѣлъ указать на *развитіе* точки зрѣнія Маркса, то онъ, конечно, правъ. Но тогда мы видимъ тутъ не «*коррективъ*» къ его взглядамъ, а какъ разъ наоборотъ: *проведеніе, осуществленіе* ихъ.

Мы не можемъ также согласиться съ отношеніемъ автора къ народничеству.

«Наша народническая литература—говоритъ онъ—подхватила противопоставленіе національнаго богатства и народнаго благосостоянія, прогресса соціальнаго, прогресса распредѣленія» (131).

Народничество не «подхватило» этого противопоставленія, а только *констатировало* наличность въ пореформенной Россіи той же противоположности между прогрессомъ, культурой, богатствомъ и—освобожденіемъ производителя отъ средствъ производства, уменьшеніемъ доли производителя въ продуктѣ народнаго труда, ростомъ нищеты и безработицы, которая создала это противопоставленіе и на Западѣ.

...«Въ силу своего гуманнаго, народолюбиваго характера, эта литература сразу рѣшила вопросъ въ пользу народнаго благосостоянія и, такъ какъ нѣкоторыя народно-экономическія формы (община, артель), повидимому, воплощали въ себѣ идеалъ экономическаго равенства и такимъ

образомъ обезпечивали народное благосостояніе, а прогрессъ производства подъ вліяніемъ усиленнаго обмѣна отнюдь не обѣщалъ благопріятствовать этимъ формамъ, устраняя ихъ экономическія и психическія основы, то народники, указывая на печальный опытъ Запада съ производственнымъ прогрессомъ, опирающимся на частную собственность и экономическую свободу, противопоставили товарному хозяйству—капитализму такъ называемое «народное производство», гарантирующее народное благосостояніе, какъ общественно-экономическій идеалъ, за сохраненіе и дальнѣйшее развитіе котораго надлежитъ бороться русской интеллигенціи и русскому народу».

Въ этомъ разсужденіи съ полной наглядностью выступаютъ недостатки изложенія у г. Струве. Народничество изображается какъ «гуманная» теорія, которая «подхватила» противопоставленіе національнаго богатства и народной бѣдности, «рѣшила вопросъ» въ пользу распредѣленія, ибо «опытъ Запада» «не обѣщалъ» народнаго благосостоянія. И авторъ начинаетъ спорить противъ такого «рѣшенія» вопроса, упуская изъ виду, что онъ воюетъ только противъ идеалистическаго и притомъ наивно-мечтательнаго облаченія народничества, а не противъ его содержанія, упуская изъ виду, что онъ самымъ уже допущеніемъ обычной у гг. народниковъ профессорской постановки вопроса дѣлаетъ крупную ошибку.—Какъ уже было замѣчено, *содержаніе* народничеству дастъ отраженіе точки зрѣнія зрѣнія и интересовъ русскаго мелкаго производителя. «Гуманность и народолюбивость» теоріи была слѣдствіемъ придавленнаго положенія нашего мелкаго производителя, терпѣвшаго жестокія невзгоды и отъ «стародворянскихъ» порядковъ и традицій и отъ гнета крупнаго капитала. Отношеніе народничества къ «Западу» и его вліянію на Россію опредѣлилось, конечно, уже не тѣмъ, что оно «подхватило» у него ту или иную идею, а условіями жизни мелкаго производителя: онъ видѣлъ противъ себя крупный капитализмъ, заимствующій западно-европейскую технику[1]), и, будучи угнетаемъ имъ, строилъ наивныя теоріи, объяснявшія не капиталистическую политику капиталистическимъ хозяйствомъ, а капитализмъ—политикой, объявлявшія крупный капитализмъ чѣмъ-то чуждымъ русской жизни, наноснымъ. Прикрѣпленіе къ своему отдѣльному маленькому хозяйству отнимало у него возможность понять истинный характеръ государства,—и онъ обращался къ нему съ просьбой о поддержкѣ и развитіи мелкаго («народнаго») производства. Неразвитость классовой противоположности, присущей русскому капиталистическому обществу, породила то, что теорія этихъ идеологовъ мѣщанства выступила какъ представительница интересовъ труда вообще.

[1]) Ср. вышеприведенную статью изъ „От. Зап.“.

Вмѣсто того, чтобы показать нелѣпость самой уже постановки вопроса у народниковъ и объяснить ихъ «рѣшеніе» этого вопроса матеріальными условіями жизни мелкаго производителя, авторъ самъ въ своей постановкѣ вопроса проявляетъ догматизмъ, напоминающій о народническомъ «*выборѣ*» между экономическимъ и соціальнымъ прогрессомъ.

«Задачей критики экономическихъ основъ народничества ...является... доказать слѣдующее:

1) «Прогрессъ экономическій есть необходимое условіе прогресса соціальнаго; послѣдній исторически вытекаетъ изъ перваго, и на извѣстной ступени развитія между обоими процессами должно явиться и на самомъ дѣлѣ является органическое взаимодѣйствіе, взаимная обусловленность»(131).

Вообще говоря, положеніе это, разумѣется совершенно справедливо. Но оно намѣчаетъ скорѣе задачи критики соціологическихъ, а не экономическихъ основъ народничества: въ сущности, это — иная формулировка того ученія, по которому развитіе общества опредѣляется развитіемъ производительныхъ силъ и о которомъ шла рѣчь въ I и II главахъ. Для критики «*экономическихъ основъ* народничества» этого недостаточно. Надо конкретнѣе формулировать вопросъ, свести его отъ прогресса вообще къ «прогрессу» капиталистическаго русскаго общества, къ тѣмъ неправильностямъ въ пониманіи *этого* прогресса, которыя породили смѣшныя народническія сказки о tabula rasa, о «народномъ производствѣ», о безпочвенности русскаго капитализма и т. д. Вмѣсто того, чтобы говорить: между экономическимъ и соціальнымъ прогрессомъ должно явиться взаимодѣйствіе,—надо указать (или хотя бы намѣтить) опредѣленныя явленія соціальнаго прогресса въ Россіи, у которыхъ народники не видятъ *такихъ-то* экономическихъ корней [1]).

2) «Поэтому вопросъ объ организаціи производства и степени производительности труда есть вопросъ, первенствующій надъ вопросомъ о распредѣленіи; при извѣстныхъ историческихъ условіяхъ, когда производительность народнаго труда и абсолютно и относительно очень низка первостепенное значеніе производственнаго момента сказывается особенно рѣзко».

Авторъ опирается тутъ на ученіе Маркса о подчиненномъ значеніи распредѣленія. Эпиграфомъ къ IV главѣ взяты слова его изъ замѣчаній

---

[1]) Могутъ возразить, что я просто забѣгаю впередъ: авторъ, вѣдь, сказалъ, что отъ общихъ вопросовъ намѣренъ постепенно переходить къ конкретнымъ, которые онъ и разбираетъ въ VI главѣ. Но дѣло въ томъ, что указанная абстрактность критики г. Струве составляетъ отличительное свойство *всей* его книги, и VI-й главы и даже заключительной части. Нуждается въ исправленіи у него больше всего именно *постановка вопросовъ*.

на Готскую программу, гдѣ Марксъ противопоставляетъ вульгарный соціализмъ—научному, который не придаетъ существеннаго значенія распредѣленію объяснялъ общественный строй организаціей *производственныхъ отношеній* и считая, что данная организація ихъ уже включаетъ въ себѣ опредѣленную систему распредѣленія. Эта идея, по совершенно справедливому замѣчанію автора, проникаетъ собой все ученіе Маркса, и она имѣетъ крайне важное значеніе для уясненія мѣщанскаго содержанія народничества. Но вторая половина фразы г. Струве сильно затумавиваетъ ее, особенно благодаря неясному термину «производственный моментъ». Можетъ, пожалуй, возникнуть недоумѣніе, въ какомъ смыслѣ понимать этотъ терминъ. Народникъ стоитъ на точкѣ зрѣнія мелкаго производителя, объясняющаго свои невзгоды крайне поверхностно: тѣмъ, что онъ «бѣденъ», а сосѣдъ скупщикъ «богатъ», тѣмъ, что «начальство» помогаетъ только крупному капиталу и т. д., однимъ словомъ, особенностями распредѣленія, ошибками политики и т. п. Какую же точку зрѣнія противополагаетъ ему авторъ: точку ли зрѣнія крупнаго капитала, съ презрѣніемъ смотрящаго на мизерное хозяйствованіе крестьянина-кустаря и гордящагося высокой степенью развитія своего производства, своей «заслугой», состоящей въ повышеніи и абсолютно и относительно низкой производительности народнаго труда? или точку зрѣнія его антипода, который живетъ уже въ отношеніяхъ настолько развитыхъ, что не можетъ удовлетвориться ссылками на политику да на распредѣленіе, который начинаетъ понимать, что причина лежитъ глубже—въ самой организаціи (общественной) производства, въ самомъ устройствѣ общественнаго хозяйства на началахъ индивидуальной собственности подъ контролемъ и руководствомъ рынка? Такой вопросъ естественно могъ бы возникнуть у читателя, тѣмъ болѣе, что авторъ иногда употребляетъ выраженіе «производственный моментъ» наряду съ выраженіемъ «хозяйственность» (см. с. 171: «игнорированіе производственнаго момента» у народниковъ, «доходящее до отрицанія всякой хозяйственности»), тѣмъ болѣе, что авторъ иногда соотношеніемъ «нераціональнаго» и «раціональнаго» производства заслоняетъ отношеніе мелкаго производителя и производителя, окончательно уже потерявшаго средства производства. Спору нѣтъ, что вѣрность изложенія автора *съ объективной стороны* отъ этого не уменьшается; что представить себѣ дѣло съ точки зрѣнія послѣдняго отношенія легко для всякаго понимающаго антагонистичность капиталистическаго строя. Но такъ какъ общеизвѣстно, что именно господа россійскіе народники этого не понимаютъ, то въ спорахъ съ ними и желательно видѣть больше опредѣленности и договоренности и какъ можно меньше слишкомъ общихъ абстрактныхъ положеній.

Какъ мы старались показать на конкретномъ примѣрѣ въ I главѣ, *все* отличіе народничества отъ марксизма состоитъ *въ характерѣ критики русскаго капитализма*. Народникъ для критики капитализма считаетъ достаточнымъ констатировать наличность эксплуатаціи, взаимодѣйствіе между ней и политикой и т. п. Марксистъ считаетъ необходимымъ объяснить и связать вмѣстѣ эти явленія эксплоатаціи какъ систему извѣстныхъ производственныхъ отношеній, какъ особую общественно-экономическую формацію, законы функціонированія и развитія которой подлежатъ объективному изученію. Народникъ считаетъ достаточнымъ для критики капитализма — осудить его съ точки зрѣнія своихъ идеаловъ, съ точки зрѣнія «современной науки и современныхъ нравственныхъ идей». Марксистъ считаетъ необходимымъ прослѣдить со всей подробностью тѣ классы, которые образуются въ капиталистическомъ обществѣ, считаетъ основательной только критику съ точки зрѣнія опредѣленнаго класса,— критику, основывающуюся не на моральныхъ сужденіяхъ «личности», а на точной формулировкѣ дѣйствительно происходящаго общественнаго процесса.

Если попытаться, исходя изъ этого, формулировать задачи критики экономическихъ основъ народничества, то онѣ выразились бы примѣрно такимъ образомъ:

Надо доказать, что крупный капитализмъ въ Россіи относится къ «народному производству» какъ вполнѣ развитое явленіе къ неразвитому, какъ высшая стадія развитія капиталистической общественной формаціи къ низшей ея стадіи [1]);—что освобожденіе производителя отъ средствъ производства и присвоеніе продукта его труда владѣльцемъ денегъ должно быть объяснено какъ на фабрикѣ, такъ и въ самой хотя бы общинной деревнѣ не политикой, не распредѣленіемъ, а тѣми отношеніями производства, которыя необходимо складываются въ товарномъ хозяйствѣ, тѣмъ образованіемъ противоположныхъ по своимъ интересамъ классовъ, которое характеризуетъ капиталистическое общество [2]);—что та дѣйствительность (мел-

---

[1]) Анализъ экономической стороны долженъ быть, разумѣется, дополненъ анализомъ соціальныхъ, юридико-политическихъ и идейныхъ надстроекъ. Непониманіе связи капитализма съ „народнымъ производствомъ“ порождало у народниковъ идеи о *не-классовомъ* характерѣ крестьянской реформы, государственной власти, интеллигенціи и т. д. Матеріалистическій анализъ, сводя всѣ эти явленія къ классовой борьбѣ, долженъ показать конкретно, что нашъ русскій пореформенный „соціальный прогрессъ“ былъ только слѣдствіемъ капиталистическаго „экономическаго прогресса“.

[2]) „Пересмотръ фактовъ“ русской экономической дѣйствительности, особенно той, изъ которой народники почерпаютъ матеріалъ для своихъ институтскихъ мечтаній, т. е. крестьянскаго и кустарнаго хозяйства,—долженъ показать

кое производство), которую народники хотятъ поднять на высшую ступень, минуя капитализмъ, уже включаетъ въ себя капитализмъ и присущую ему противоположность классовъ и столкновенія ихъ,—но только въ наихудшей ея формѣ, затрудняющей самостоятельную дѣятельность производителя и что поэтому народники, игнорируя сложившіяся уже соціальныя противоположности и мечтая объ «иныхъ путяхъ для отечества», являются утопистами-реакціонерами, такъ какъ крупный капитализмъ только развиваетъ, очищаетъ и выясняетъ содержаніе этихъ противоположностей, существующихъ въ Россіи всѣдѣ и повсюду.

Въ непосредственной связи съ слишкомъ абстрактной формулировкой задачъ экономической критики народничества стоитъ и дальнѣйшее изложеніе автора, доказывающаго «необходимость» и «прогрессивность» не русскаго капитализма, а западноевропейскаго. Не затрогивая непосредственно экономическаго содержанія народнической доктрины, это изложеніе даетъ однако много интереснаго и поучительнаго. Въ нашей народнической литературѣ не разъ раздавались голоса недовѣрія къ западноевропейскому рабочему движенію. Особенно ярко выразилось это во время послѣдней полемики противъ марксистовъ гг. Михайловскаго и К° (Р. Бог., 1893—4). Мы еще ничего хорошаго не видали отъ капитализма—писалъ тогда г. Михайловской [1]). Нелѣпость этихъ мѣщанскихъ взглядовъ прекрасно опровергается данными г. Струве, тѣмъ болѣе, что данныя эти заимствованы изъ новѣйшей буржуазной литературы, которую никакъ нельзя заподозрить въ преувеличеніи. Цитаты, приводимыя авторомъ, по-

---

что причина угнетеннаго положенія производителя лежитъ не въ распредѣленіи („мужикъ бѣденъ, скупщикъ богатъ"), а въ самыхъ уже отношеніяхъ производства, въ самой общественной организаціи современнаго крестьянскаго и кустарнаго хозяйства. Отсюда выяснится, что и въ „народномъ" производствѣ „вопросъ объ организаціи производства первенствуетъ надъ вопросомъ о распредѣленіи."

[1]) Нельзя не отмѣтить, что въ отвѣтѣ г. Струве г. Михайловскій усматриваетъ „влюбленность въ себя" у Энгельса, который говоритъ, что доминирующимъ, гигантскимъ фактомъ современности, дѣлающимъ эту современность лучше всякой другой эпохи, оправдывающимъ исторію ея происхожденія, является рабочее движеніе на Западѣ.

Этотъ, просто возмутительный упрекъ Энгельсу крайне характеренъ для оцѣнки современнаго русскаго народничества.

Эти господа умѣютъ болтать о „народной правдѣ", умѣютъ разговаривать съ нашимъ „обществомъ", журя его за неправильный выборъ пути для отечества, умѣютъ сладко пѣть о томъ, что „либо сейчасъ, либо никогда" и пѣть это „10 лѣтъ, 20 лѣтъ, 30 лѣтъ и болѣе",—но абсолютно неспособны понять какое всеобъемлющее значеніе имѣетъ самостоятельное выступленіе тѣхъ, во имя кого и пѣлись эти сладкія пѣсни.

казываютъ, что на Западѣ всѣ, даже буржуа, видятъ, что переходъ капитализма въ новую общественно-экономическую формацію неизбѣженъ.

Обобществленіе труда капитализмомъ подвинулось такъ далеко, что даже и въ буржуазной литературѣ громко говорятъ о необходимости «планомѣрной организаціи народнаго хозяйства». Авторъ совершенно правъ, говоря, что это—«признакъ времени», признакъ полнаго разложенія капиталистическихъ порядковъ. Крайне интересны приводимыя имъ заявленія не только буржуазныхъ профессоровъ, но и консерваторовъ, вынужденныхъ признать то, что и по сю пору хотятъ отрицать россійскіе радикалы,—именно что рабочее движеніе создано тѣми матеріальными условіями, которыя порождены капитализмомъ, а не «просто» культурой или иными политическими условіями.

Послѣ всего вышеизложеннаго, намъ едвали уже есть надобность останавливаться на разсужденіи автора, что распредѣленіе можетъ прогрессировать только опираясь на раціональное производство. Ясно, что смыслъ этого положенія—тотъ, что только крупный капитализмъ, основанный на раціональномъ производствѣ, ставитъ производителя въ условія, позволяющія ему поднять голову, подумать и позаботиться и о себѣ и о тѣхъ, кто благодаря отсталому производству не находится въ этихъ условіяхъ.

Мы замѣтимъ только два слова по поводу такой фразы г. Струве: «Крайне неравномѣрное распредѣленіе, задерживающее экономическій прогрессъ, не создано капитализмомъ: оно перешло къ нему по наслѣдству» отъ той эпохи, въ которой романтики видятъ молочныя рѣки и кисельные берега (с. 159). Это вѣрно, если при этомъ авторъ хочетъ сказать только, что и до капитализма было неравномѣрное распредѣленіе, о которомъ склонны забывать гг. народники. Но это невѣрно, если отрицать усиленіе неравномѣрности капитализмомъ. При крѣпостномъ правѣ не было и быть не могло такого рѣзкаго неравенства между совершенно обнищавшимъ крестьяниномъ или босякомъ,—и банковскимъ, желѣзнодорожнымъ, промышленнымъ тузомъ, которое создано пореформенной капиталистической Россіей.

Перейдемъ къ V-й главѣ. Авторъ даетъ тутъ общую характеристику «народничества, какъ экономическаго міровоззрѣнія». «Народники», по мнѣнію г. Струве, «идеологи натуральнаго хозяйства и первобытнаго равенства» (167).

Съ такой характеристикой невозможно согласиться. Мы не станемъ здѣсь повторять доводовъ, приведенныхъ въ I-ой главѣ, въ пользу того, что народники—идеологи мелкаго производителя. Тамъ было уже показано, какъ именно матеріальныя условія жизни мелкаго производителя, его пе-

реходное, срединное положеніе между «хозяевами» и «рабочими»,—порождаетъ и непониманіе классовыхъ противорѣчій народниками и странную смѣсь прогрессивныхъ и реакціонныхъ пунктовъ ихъ программы.

Здѣсь добавимъ только, что первой т. е. прогрессивной своей стороной русское народничество сближается съ западноевропейскимъ демократизмомъ, и потому къ нему цѣликомъ приложима геніальная характеристика демократизма, данная свыше 40 лѣтъ тому назадъ по поводу событій французской исторіи:

«Демократъ, представляя мелкую буржуазію, т. е. *переходный классъ*, въ которомъ взаимно притупляются интересы двухъ классовъ,—воображаетъ поэтому, что онъ вообще стоитъ выше классоваго антагонизма. Демократы допускаютъ, что противъ нихъ стоитъ привилегированный классъ, но вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ населеніемъ націи они составляютъ *народъ*. Они стоятъ за *народное право*; они представляютъ *народные интересы*. Поэтому имъ нѣтъ надобности изслѣдовать интересы и положеніе различныхъ классовъ. Имъ нѣтъ надобности слишкомъ строго взвѣшивать свои собственныя средства [1])... Если оказывается, что ихъ интересы не заинтересовываютъ, что ихъ сила есть *безсиліе*, то виноваты тутъ либо вредные софисты, раскалывающіе *единый народъ* на различные враждебные лагери [2]),... либо все рухнуло изъ за какой нибудь детали исполненія, либо наконецъ непредусмотрѣнная случайность повела на этотъ разъ къ неудачѣ. Во всякомъ случаѣ демократъ выходитъ изъ самаго позорнаго пораженія на столько же не запятнаннымъ, на сколько невиннымъ онъ туда вошелъ, выходитъ съ укрѣпившимся убѣжденіемъ, что онъ долженъ побѣдить, что не онъ самъ и его партія должна оставить старую точку зрѣнія, а напротивъ обстоятельства должны дорости до него» (ihm entgegenzureifen haben. Der achtzehnte Brumaire u. s. w., s. 39).

О неправильности той характеристики народниковъ, которая видитъ въ нихъ идеологовъ натуральнаго хозяйства и первобытнаго равенства, говорятъ приведенные самимъ авторомъ примѣры. «Какъ *курьезъ* слѣду-

---

[1]) Точь въ точь россійскіе народники. Они не отрицаютъ, что есть на Руси классы, антагонистичные производителю, но они убаюкиваютъ себя разсужденіями о ничтожности этихъ „хищниковъ“ передъ „народомъ“ и не хотятъ заняться точнымъ изслѣдованіемъ положенія и интересовъ каждаго отдѣльнаго класса, не хотятъ разобрать, не переплетаются-ли интересы нѣкотораго разряда производителей съ интересами „хищниковъ“, ослабляя силу сопротивленія первыхъ противъ послѣднихъ.

[2]) Для россійскихъ народниковъ—виноваты вловредные марксисты, искусственно прививающіе капитализмъ и его классовые антагонизмы къ почвѣ, на которой такъ пышно ростутъ цвѣты «соціальнаго взаимоприспособленія“ и „солидарной дѣятельности“ (г. В. В. у Струве, с. 161).

етъ отмѣтить—говоритъ г. Струве—что г.—онъ до сихъ поръ называетъ Васильчикова либеральнымъ экономистомъ» (169). Если брать это наименованіе *по существу*, то оно вовсе не курьезно. Васильчиковъ ставитъ въ свою программу дешевый и широко распространенный кредитъ. Г. Николай—онъ не можетъ не видѣть, что на почвѣ капиталистическаго общества, каково русское, кредитъ только усилитъ буржуазію, поведетъ къ «развитію и упроченію капиталистическихъ отношеній» («Очерки», с. 77). Васильчиковъ, какъ и всѣ народники, своими практическими мѣропріятіями представляетъ интересы одной лишь мелкой буржуазіи. Курьезно тутъ развѣ только то, что г.—онъ, возсѣдая рядомъ съ публицистами «Рус. Богатства», «до сихъ поръ» не видитъ, что они представляютъ изъ себя совершенно такихъ же маленькихъ «либеральныхъ экономистовъ», какъ и кн. Васильчиковъ. Теорія утопизма легко мирится на практикѣ съ мѣщанскими прогрессами. Еще болѣе подтверждаетъ такую квалификацію народничества Головачевъ, сознающій безсмысленность поголовнаго надѣла и предлагающій «дешевый кредитъ для рабочаго люда». Критикуя эту «изумительную» теорію, г. Струве обращаетъ вниманіе только на ея теоретическую вздорность, но не замѣчаетъ какъ будто ея мелкобуржуазнаго содержанія.

Нельзя не остановиться еще, по поводу V главы, на «законѣ среднихъ потребностей» г. Щербины. Это важно для оцѣнки мальтузіанства г. Струве, которое рельефно выступаетъ въ VI главѣ. «Законъ» состоитъ въ томъ, что при группировкѣ крестьянъ *по надѣлу* получается очень мало колеблющаяся (по группамъ), средняя величина потребностей крестьянской семьи (т. е. расходовъ на разныя нужды), причемъ расходы г. Щербины расчисляетъ на 1 душу населенія.

Г. Струве съ удовольствіемъ подчеркиваетъ, что этотъ «законъ» «имѣетъ огромное значеніе», такъ какъ, дескать, подтверждаетъ «общеизвѣстный» законъ Мальтуса, что «благосостояніе и размноженіе населенія опредѣляется доступными ему средствами существованія».

Непонятно, почему обрадовался этому закону г.Струве. Непонятно, какимъ образомъ можно усматривать «законъ» да еще съ «огромнымъ значеніемъ» въ разсчетахъ г. Щербины. Очень естественно, что при не особенно большихъ различіяхъ въ образѣ жизни отдѣльныхъ крестьянскихъ семей мы получаемъ мало колеблющіяся среднія, если разобьемъ крестьянъ по группамъ; особенно если за основаніе при дѣленіи на группы возьмемъ размѣръ надѣла, не опредѣляющій непосредственно благосостоянія семьи (такъ какъ надѣлъ можетъ быть сданъ, а можетъ быть и еще арендована земля) и достающійся одинаково и богатому и бѣдному крестьянину, владѣющимъ одинаковымъ числомъ окладныхъ душъ. Разсчеты г. Щербины

только и доказываютъ, что онъ избралъ неудачный пріемъ группировки. Если г. Щербина видитъ тутъ какой-то открытый имъ законъ, — то это совсѣмъ странно. Не менѣе странно усматривать тутъ подтвержденіе закона Мальтуса, какъ будто бы по величинѣ надѣла можно было судить о «доступныхъ крестьянину средствахъ существованія», не принимая во вниманіе ни аренды, ни «заработковъ», ни экономической зависимости крестьянина отъ помѣщика и скупщика. — По поводу этого «закона» г. Щербины (изложеніе его у г. Щербины показываетъ, что самъ авторъ «закона» придаетъ невѣроятно большое значеніе своимъ ровно ничего не доказывающимъ среднимъ цифрамъ) г. Струве говоритъ: «Народное производство» въ данномъ случаѣ означаетъ просто хозяйство безъ приложенія наемнаго труда. Что при такой организаціи хозяйства «прибавочная стоимость» остается въ рукахъ производителя, — это безспорно» (176). И авторъ указываетъ, что при низкой производительности труда это не мѣшаетъ представителю такого «народнаго производства» жить хуже рабочаго. Увлеченіе мальтузіанствомъ привело автора къ неточной формулировкѣ выписаннаго положенія. Торговый и ростовщическій *капиталъ* подчиняетъ себѣ трудъ въ каждой русской деревнѣ и—не обращая производителя въ наемнаго рабочаго—отнимаютъ у него не меньше прибавочной стоимости, чѣмъ капиталъ индустріальный беретъ у работника. Г. Струве справедливо указалъ выше, что капиталистическое производство наступаетъ съ того момента, когда между производителемъ становится *капиталистъ*, хотя бы онъ только покупалъ у самостоятельнаго (по виду) производителя готовый товаръ (стр. 99 и пр. 2), и изъ русскихъ «самостоятельныхъ» производителей было бы не легко найти такихъ, которые не работаютъ на капиталиста (купца, скупщика, кулака и пр.). Одна изъ самыхъ крупныхъ ошибокъ народниковъ состоитъ въ томъ, что они не видятъ тѣснѣйшей и неразрывной связи между капиталистической организаціей русскаго общественнаго хозяйства и полновластнымъ господствомъ въ деревнѣ торговаго капитала. Поэтому замѣчательно вѣрно говоритъ авторъ, что «самое словосочетаніе «народное производство» въ томъ смыслѣ, какъ его употребляютъ гг. народники, не отвѣчаетъ никакому реальному историческому порядку. У насъ въ Россіи до 1861 г. «народное производство» было тѣсно связано съ крѣпостнымъ правомъ, а затѣмъ послѣ 1861 г. ускореннымъ темпомъ происходило развитіе товарнаго хозяйства, которое не могло не искажать чистоты народнаго производства» (177). Когда народникъ говоритъ, что принадлежность производителю средствъ производства—исконное начало русскаго быта, онъ просто на-просто извращаетъ исторію въ угоду своей утопіи, извращаетъ посредствомъ словеснаго ухищренія: при крѣпостномъ правѣ средства производства

давались производителю помѣщикомъ *для того, чтобы* производитель могъ отрабатывать на него барщину; надѣлъ былъ какъ бы натуральной заработной платой, — «ископнымъ» средствомъ присвоенія прибавочнаго продукта. Разрушеніе крѣпостнаго права вовсе не было «освобожденіемъ» производителя; оно означало только *перемѣну формы* прибавочнаго продукта. Если гдѣ нибудь въ Англіи паденіе крѣпостнаго права создало дѣйствительно самостоятельныхъ и свободныхъ крестьянъ, то наша реформа сразу совершила переходъ отъ «позорнаго» крѣпостнаго прибавочнаго продукта къ «свободной» буржуазной сверхстоимости.

ГЛАВА IV.

Объясненіе нѣкоторыхъ чертъ пореформенной экономики Россіи у г. Струве.

Послѣдняя (шестая) глава книги г. Струве посвящена самому важному вопросу — экономическому развитію Россіи. Теоретическое содержаніе ея распадается на слѣдующіе отдѣлы: 1) перенаселеніе въ земледѣльческой Россіи, его характеръ и причины; 2) разложеніе крестьянства, его значеніе и причины; 3) роль промышленнаго капитализма въ разореніи крестьянства ; 4) частновладѣльческое хозяйство; характеръ его развитія, и 5) вопросъ о рынкахъ для русскаго капитализма. Прежде чѣмъ перейти къ разбору аргументаціи г. Струве по каждому изъ этихъ вопросовъ, остановимся на замѣчаніяхъ его о крестьянской реформѣ.

Авторъ заявляетъ протестъ противъ «идеалистическаго» ея пониманія и указываетъ на потребности государства, которыя требовали подъема производительности труда, на *выкупъ*, на давленіе «снизу». Жаль, что авторъ не договорилъ своего законнаго протеста до конца. Народники объясняютъ реформу развитіемъ въ «обществѣ» «гуманныхъ» и «освободительныхъ» идей. Фактъ этотъ несомнѣненъ, но *объяснять* имъ реформу значитъ впадать въ безсодержательную тавтологію, сводя «освобожденіе» къ «освободительнымъ» идеямъ. Для матеріалиста необходимо особое разсмотрѣніе *содержанія* тѣхъ мѣропріятій, которыя во имя идей были осуществлены. Не было въ исторіи ни одной важной «реформы», хотя бы и носившей классовый характеръ, въ пользу которой не приводились бы высокія слова и высокія идеи. Точно также и въ крестьянской реформѣ. Если обратить вниманіе на дѣйствительное содержаніе произведенныхъ ею перемѣнъ, то окажется, что характеръ ихъ таковъ: часть

крестьянъ была обезземелена, и—главное—остальнымъ крестьянамъ, которымъ была оставлена часть ихъ земли, пришлось *выкупать* ее какъ совершенно чужую вещь у помѣщиковъ и притомъ еще выкупать по цѣнѣ, искусственно поднятой. Такія реформы не только у насъ въ Россіи, но и на Западѣ облекались теоріями «свободы» и «равенства», и было уже показано въ «Капиталѣ», что почвой, взростившей идеи свободы и равенства, было именно товарное производство. Во всякомъ случаѣ, какъ ни сложенъ былъ тотъ бюрократическій механизмъ, который проводилъ реформу въ Россіи, какъ ни далекъ онъ былъ, *повидимому*[1]), отъ самой буржуазіи,—остается неоспоримымъ, что на почвѣ *такой* реформы только и могли вырости *порядки буржуазные*. Г. Струве совершенно справедливо указываетъ, что ходячее противоположеніе русской крестьянской реформы—западно-европейскимъ неправильно: «совершенно невѣрно (*въ столь общей формѣ*) утвержденіе, что въ З. Европѣ крестьяне были освобождены безъ земли или, другими словами, обезземелены законодательнымъ путемъ» (196). Я подчеркиваю слова: «въ столь общей формѣ», такъ какъ обезземеленіе крестьянъ законодательнымъ путемъ — несомнѣнный историческій фактъ всюду, гдѣ была произведена крестьянская реформа, но это фактъ не всеобщій, ибо *часть* крестьянъ, при освобожденіи отъ крѣпостной зависимости, *выкупила* землю у помѣщиковъ на Западѣ, выкупаетъ и у насъ. Только буржуа способны затушевывать этотъ фактъ *выкупа* и толковать о томъ, будто «освобожденіе крестьянъ съ землей[2]) сдѣлало изъ Россіи tabula rasa» (слова нѣкоего г. Яковлева, «отъ души привѣтствуемыя» г-номъ Михайловскимъ — см. стр. 10 у П. Струве).

I.

Перейдемъ къ теоріи г. Струве о «характерѣ перенаселенія въ земледѣльческой Россіи». Это—одинъ изъ самыхъ важныхъ пунктовъ, въ которыхъ г. Струве отступаетъ отъ «доктрины» марксизма къ доктринѣ мальтузіанства. Сущность его взглядовъ, развиваемыхъ имъ въ полемикѣ

---

[1]) На самомъ дѣлѣ, какъ было указано выше, этотъ механизмъ только и могъ служить буржуазіи и по своему составу и по своему историческому происхожденію.

[2]) Ежели бы говорить правду, то слѣдовало бы сказать: предоставленіе *части* крестьянъ *выкупать* у помѣщиковъ *часть* *ихъ* надѣльной земли *за двойную цѣну*. И даже еще не годится слово „предоставленіе“, потому что за отказъ крестьянина отъ такого „обезпеченія надѣломъ“ ему грозитъ порка въ волостномъ правленіи.

противъ г. Н — она, состоитъ въ томъ, что перенаселеніе въ земледѣльческой Россіи—«не капиталистическое, а, такъ сказать, простое, соотвѣтствующее натуральному хозяйству» [1]).

Такъ какъ г. Струве говоритъ, что его возраженіе г. —ону «вполнѣ совпадаетъ съ общимъ возраженіемъ Ф. А. Ланге противъ теоріи относительнаго перенаселенія Маркса» (183, пр.), то мы и обратимся сначала къ этому «общему возраженію» Ланге для его провѣрки.

Ланге разсуждаетъ о законѣ народонаселенія Маркса въ своемъ «Рабочемъ вопросѣ» въ главѣ V-ой (русск. пер., с. 142—178). Онъ начинаетъ съ основного положенія Маркса, что «вообще каждому исторически особенному способу производства соотвѣтствуетъ свой собственный законъ возрастанія народонаселенія, имѣющій только историческое значеніе. Абстрактный законъ размноженія существуетъ только для растеній и животныхъ». Ланге говоритъ на это:

«Да будетъ намъ позволено замѣтить, что и для растеній и животныхъ, строго говоря, не существуетъ никакого «абстрактнаго» закона размноженія, такъ какъ вообще абстракція есть только выдѣленіе въ цѣломъ рядѣ однородныхъ явленій» (143), и Ланге съ подробностью разъясняетъ Марксу, что такое абстракція. Очевидно, что онъ просто не понялъ смысла заявленія Маркса. Марксъ противополагаетъ въ этомъ отношеніи человѣка—растеніямъ и животнымъ на томъ основаніи, что первый живетъ въ *различныхъ*, исторически смѣняющихся, *соціальныхъ организмахъ*, опредѣляемыхъ системой общественнаго производства а, слѣдовательно, и распредѣленія. Условія размноженія человѣка непосредственно зависятъ отъ устройства различныхъ соціальныхъ организмовъ, и потому законъ народонаселенія надо изучать для каждаго такого организма отдѣльно, а не «абстрактно», безъ отношенія къ исторически различнымъ формамъ общественнаго устройства. Разъясненіе Ланге, что абстракція есть выдѣленіе общаго изъ *однородныхъ* явленій обращается цѣликомъ противъ него самого: мы можемъ считать однородными условія существованія только животныхъ и растеній, но никакъ не человѣка, разъ мы знаемъ, что онъ жилъ въ различныхъ по типу своей организаціи соціальныхъ союзахъ.

Изложивши затѣмъ теорію Маркса объ относительномъ перенаселеніи въ капиталистической странѣ, Ланге говоритъ: «съ перваго взгляда можетъ показаться, что эта теорія порываетъ длинную нить, проходящую черезъ всю органическую природу вплоть до человѣка, что она объясняетъ основанія рабочаго вопроса такъ, какъ будто бы общія изысканія о су-

[1]) Такъ формулируетъ г. Струве въ своей статьѣ въ Socialpolitisches Centralblatt (1893 № 1, отъ 2 oct.). Онъ прибавляетъ, что не считаетъ этого взгляда „мальтузіанскимъ".

ществованіи, размноженіи и совершенствованіи человѣческаго рода для нашей цѣли, т. е. для пониманія рабочаго вопроса, вполнѣ излишни» (154)[1]).

Нити, проходящей черезъ всю органическую природу вплоть до человѣка, теорія Маркса нимало не прерываетъ: она требуетъ только, чтобы «рабочій вопросъ» — такъ какъ таковой существуетъ лишь въ капиталистическомъ обществѣ—рѣшался не на основаніи «общихъ изысканій» о размноженіи человѣка, а на основаніи особенныхъ изысканій о законахъ капиталистическихъ отношеній. Но Ланге другаго мнѣнія: «въ дѣйствительности же—говоритъ онъ—это не такъ. Прежде всего ясно, что фабричный трудъ уже въ первыхъ начаткахъ своихъ предполагаетъ *нищету*» (154). И Ланге посвящаетъ полторы страницы доказательствамъ этого положенія, которое очевидно само собой и которое ни на волосъ не двигаетъ насъ впередъ: во-первыхъ, мы знаемъ, что капитализмъ самъ создаетъ нищету еще ранѣе той стадіи его развитія, когда производство принимаетъ фабричную форму, ранѣе того, какъ машины создаютъ избыточное населеніе; во-вторыхъ, и предшествующая капитализму форма общественнаго устройства—феодальная, крѣпостническая, сама создавала свою особую нищету, которую она и передала по наслѣдству капитализму.

«Но даже съ такимъ могучимъ помощникомъ [т. е. съ нуждой] первому предпринимателю лишь въ рѣдкихъ случаяхъ удается переманить значительное количество рабочихъ силъ къ новому роду дѣятельности. Обыкновенно дѣло происходитъ слѣдующимъ образомъ. Изъ мѣстности, гдѣ фабричная промышленность отвоевала уже себѣ права гражданства, предприниматель привозитъ съ собой контингентъ рабочихъ; къ нему онъ присоединяетъ нѣсколькихъ бобылей[2]), не имѣющихъ въ данный моментъ работы, и дальнѣйшее пополненіе наличнаго фабричнаго контингента производится уже среди *подрастающаго юношества*» (156). Два послѣднія слова Ланге пишетъ курсивомъ. Очевидно, «общія изысканія о существованіи, размноженіи и совершенствованіи человѣческаго рода» выразились именно въ томъ положеніи, что фабрикантъ набираетъ новыхъ рабочихъ изъ «подрастающаго юношества», а не изъ увядающей старости. Добрый Ланге на цѣлой страницѣ еще (157) продолжаетъ эти «об-

[1]) И въ чемъ могутъ состоять эти „общія изысканія“? Если они будутъ игнорировать особенныя экономическія формаціи человѣческаго общества,— они сведутся къ банальностямъ. А если они должны обнять нѣсколько формацій, тогда очевидно, что имъ должны предшествовать особенныя изысканія о каждой формаціи отдѣльно.

[2]) Между прочимъ: откуда взялись эти „бобыли“? Вѣроятно, по мнѣнію Ланге, это—не остатокъ крѣпостныхъ порядковъ и не продуктъ господства капитала, а результатъ того, что „въ народныхъ нравахъ не укрѣпилась тенденція добровольнаго ограниченія рожденій“ (стр. 157)?

щія изысканія», разсказывая читателю, что родители стремятся обезпечить своихъ дѣтей,—что досужіе моралисты напрасно осуждаютъ стремленіе выбиться изъ того состоянія, въ которомъ родился, что стремиться пристроить дѣтей къ собственному заработку—вполнѣ естественно. Только преодолѣвъ всѣ эти разсужденія, умѣстныя развѣ въ прописяхъ, доходимъ мы до дѣла:

«Въ земледѣльческой странѣ, почва которой принадлежитъ мелкимъ и крупнымъ владѣльцамъ, неизбѣжно возникаетъ, если только въ народныхъ нравахъ не укрѣпилась тенденція добровольнаго ограниченія рожденій, постоянный избытокъ рабочихъ рукъ и потребителей, желающихъ существовать на произведенія данной территоріи» (157—8). Это чисто мальтузіанское положеніе Ланге просто выставляетъ, безъ всякихъ доказательствъ. Онъ повторяетъ его еще и еще разъ, говоря, что «во всякомъ случаѣ, народонаселеніе такой страны, хотя бы оно абсолютно и было очень рѣдко, представляетъ обыкновенно признаки относительнаго перенаселенія», что «на рынкѣ *постоянно преобладаетъ* предложеніе труда, между тѣмъ какъ спросъ остается незначительнымъ» (158),—но все это остается совершенно голословнымъ. Откуда это слѣдуетъ, чтобы «избытокъ рабочихъ» получался дѣйствительно «неизбѣжно»? Откуда явствуетъ связь этого избытка съ отсутствіемъ въ народныхъ нравахъ тенденціи добровольнаго ограниченія рожденій? Не слѣдовало ли, прежде чѣмъ разсуждать о «народныхъ нравахъ», посмотрѣть на тѣ производственныя отношенія, въ которыхъ живетъ этотъ народъ? Представимъ себѣ, напр., что тѣ мелкіе и крупные владѣльцы, о которыхъ говоритъ Ланге, были соединены по производству матеріальныхъ цѣнностей такимъ образомъ: мелкіе владѣльцы получали отъ крупныхъ земельные надѣлы на свое содержаніе и за это работали на крупныхъ барщину, обрабатывая ихъ поля. Представимъ далѣе, что эти отношенія разрушены, что гуманныя идеи до того закружили голову крупнымъ владѣльцамъ, что они «освободили своихъ крестьянъ съ землей», *т. е.* отрѣзали у нихъ, примѣрно, 20% надѣловъ, а за остальные 80% заставили платить покупную цѣну земли, повышенную вдвое. Понятно, что эти крестьяне, обезпеченные такимъ образомъ отъ «язвы пролетаріата», по прежнему должны работать на крупныхъ владѣльцевъ, чтобы существовать, но работаютъ они теперь уже не по наряду крѣпостного бурмистра, какъ прежде, а по свободному договору—слѣдовательно, перебиваютъ другъ у друга работу, такъ какъ теперь они уже вмѣстѣ не связаны и каждый хозяйничаетъ за свой счетъ. Этотъ порядокъ перебиванія работы неизбѣжно вытолкнетъ нѣкоторыхъ крестьянъ: такъ какъ они вслѣдствіе уменьшенія надѣловъ и увеличенія платежей стали слабѣе по отношенію къ помѣщику, то кон-

курренція ихъ увеличитъ норму прибавочнаго продукта, и помѣщикъ обойдется меньшимъ числомъ крестьянъ. Сколько бы ни укрѣплялась въ народныхъ нравахъ тенденція добровольнаго ограниченія рожденій,—образованіе «избытка» все равно неизбѣжно. Разсужденіе Ланге, игнорирующее общественно-экономическія отношенія, служитъ только наглядньмъ доказательствомъ негодности его пріемовъ. А Ланге ничего не даетъ еще кромѣ такихъ же разсужденій. Онъ говоритъ, что фабриканты охотно переносятъ производство въ деревенскую глушь, по той причинѣ, что тамъ «*всегда имѣется на готовъ потребное количество дѣтскаго труда для любого дѣла*» (161), не изслѣдуя, какая исторія, какой способъ общественнаго прозводства создалъ эту «готовность» родителей отдавать своихъ дѣтей въ кабалу. Его пріемы всего рельефнѣе выясняются на такомъ его разсужденіи: онъ цитируетъ Маркса, который говоритъ, что машинная индустрія, давая возможность капиталу покупать трудъ женщинъ и дѣтей, дѣлаетъ рабочаго «работорговцемъ».

«Такъ вотъ къ чему клонилась рѣчь!» — побѣдоносно восклицаетъ Ланге.—«Но развѣ можно думать, что рабочій, который изъ нужды продаетъ свою собственную рабочую силу, такъ легко перешелъ бы и къ торговлѣ женой и дѣтьми, если бы его и къ этому шагу не побуждали, съ одной стороны, нужда, а съ другой—соблазнъ»? (163).

Добрый Ланге довелъ свое усердіе до того, что защищаетъ рабочаго отъ Маркса, доказывая Марксу, что рабочаго «толкаетъ нужда».

...«Да и что иное въ сущности представляетъ собою эта, все дальше развивающаяся нужда, какъ не метаморфозу борьбы за существованіе?» (163).

Вотъ къ какимъ открытіямъ приводятъ «общія изысканія о существованіи, размноженіи и совершенствованіи человѣческаго рода»! Узнаемъ ли мы хоть что нибудь о причинахъ «нужды», объ ея политико-экономическомъ содержаніи и ходѣ развитія, если намъ говорятъ, что это — метаморфоза борьбы за существованіе? Вѣдь это можно сказать про все, что́ угодно, и про отношенія рабочаго къ капиталисту, и землевладѣльца къ фабриканту и къ крѣпостному крестьянину и т. д. и т. д. Ничего кромѣ подобныхъ безсодержательныхъ банальностей, или наивностей не даетъ намъ попытка Ланге исправить Маркса. Посмотримъ теперь, что дастъ въ подкрѣпленіе этой поправки послѣдователь Ланге, г. Струве—на разсужденіи о конкретномъ вопросѣ, именно перенаселеніи въ земледѣльческой Россіи.

Товарное производство — начинаетъ г. Струве—увеличиваетъ емкость страны. «Обмѣнъ проявляетъ такое дѣйствіе не только путемъ полной, технической и экономической, реорганизаціи производства, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда и техника производства остается на прежней ступени, и

натуральное хозяйство удерживаетъ, въ общей экономіи населенія, прежнюю доминирующую роль. Но въ этомъ случаѣ послѣ короткаго оживленія совершенно неизбѣжно наступаетъ «перенаселеніе»; въ немъ, однако, товарное производство если и виновато, то только: 1) какъ *возбудитель*, 2) какъ усложняющій моментъ» (182). Перенаселеніе наступило бы и безъ товарнаго хозяйства: оно носитъ некапиталистическій характеръ.

Вотъ тѣ положенія, которыя выставляетъ авторъ. Съ самаго начала они поражаютъ той же голословностью, какую мы видѣли у Ланге: утверждается, что натуральнохозяйственное перенаселеніе неизбѣжно, но не поясняется, какимъ именно процессомъ оно создается. Обратимся къ тѣмъ фактамъ, въ которыхъ авторъ находитъ подтвержденіе своихъ взглядовъ.

Данныя за 1762—1846 годъ показываютъ, то населеніе въ общемъ размножалось вовсе не быстро: ежегодный приростъ—$1,_{07}$—$1,_5\%$. При этомъ быстрѣе размножилось оно, по словамъ Арсеньева, въ губерніяхъ «хлѣбопашественныхъ». «Фактъ» этотъ, заключаетъ г. Струве, «чрезвычайно характеренъ для примитивныхъ формъ народнаго хозяйства, гдѣ размноженіе стоитъ въ непосредственной зависимости отъ естественнаго плодородія, зависимости, которую можно, такъ сказать, осязать руками». Это—дѣйствіе «закона соотвѣтствія между размноженіемъ населенія и средствами существованія» (185). «Чѣмъ ниже земельный просторъ и чѣмъ выше естественное плодородіе земли, тѣмъ больше естественной приростъ населенія» (186). Выводъ совершенно бездоказательный: на основаніи одного того факта, что въ губерніяхъ центральной области Евр. Россіи населеніе всего менѣе возросло съ 1790 по 1846 годъ въ Владимірской и Калужской губерніяхъ, строится цѣлый законъ о соотвѣтствіи между размноженіемъ населенія и средствами существованія. Да развѣ по «земельному простору» можно судить о средствахъ существованія населенія? (Если бы даже и признать, что столь немногочисленныя данныя позволяютъ дѣлать общіе выводы). Вѣдь «населеніе» это не прямо обращало на себя добытые имъ продукты «естественнаго плодородія»: оно дѣлилось ими съ помѣщиками, съ государствомъ. Не ясно ли, что та или другая система помѣщичьяго хозяйства,— оброкъ или барщина, размѣръ повинностей и способы ихъ взиманія и т. д.—неизмѣримо болѣе вліяли на величину достающихся населенію «средствъ существованія», чѣмъ земельный просторъ, находившійся не въ исключительномъ и свободномъ владѣніи производителей? Да мало этого. Независимо отъ тѣхъ общественныхъ отношеній, которыя выражались въ крѣпостномъ правѣ, населеніе связано было и тогда обмѣномъ: «отдѣленіе обрабатывающей промышленности отъ земледѣлія—справедливо говоритъ авторъ—т. е. общественное, національное раздѣленія труда существовало и въ дореформенную эпоху»

(189). Спрашивается, почему же въ такомъ случаѣ должны мы думать, что «средства существованія» были менѣе обильны у владимірскаго кустаря или прасола, жившихъ на болотѣ, чѣмъ у тамбовскаго сѣраго земледѣльца со всѣмъ его «естественнымъ плодородіемъ земли»?

Затѣмъ г. Струве приводитъ данныя объ уменьшеніи крѣпостнаго населенія передъ освобожденіемъ. Экономисты, мнѣніе которыхъ онъ сообщаетъ, приписываютъ это явленіе «упадку благосостоянія» (189). Авторъ заключаетъ:

«Мы остановились на фактѣ уменьшенія числа крѣпостнаго населенія передъ освобожденіемъ, потому что онъ — по нашему мнѣнію — бросаетъ яркій свѣтъ на экономическое положеніе Россіи въ ту эпоху. Значительная часть страны была... насыщена населеніемъ при данныхъ технико-экономическихъ и соціально-юридическихъ условіяхъ: послѣднія были прямо неблагопріятны для сколько нибудь быстраго размноженія почти 40% всего населенія» (189). При чемъ же тутъ «законъ» Мальтуса о соотвѣтствіи размноженія со средствами существованія, когда крѣпостническіе общественные порядки направляли эти средства существованія въ руки кучки крупныхъ землевладѣльцевъ, минуя массу населенія, размноженіе которой подвергается изученію? Можно-ли признать какую нибудь цѣну за такимъ, напримѣръ, соображеніемъ автора, что наименьшій приростъ оказался или въ малоплодородныхъ губерніяхъ со слабымъ развитіемъ промышленности или въ густонаселенныхъ чистоземледѣльческихъ губерніяхъ? Г. Струве хочетъ видѣть въ этомъ проявленіе «некапиталистическаго перенаселенія», которое должно было бы наступить и безъ товарнаго хозяйства, которое «соотвѣтствуетъ натуральному хозяйству». Но съ такимъ же, если не съ большимъ правомъ можно было бы сказать, что это перенаселеніе соотвѣтствуетъ крѣпостному хозяйству, что медленный ростъ населенія всего болѣе зависѣлъ отъ того усиленія эксплуатаціи крестьянскаго труда, которое произошло вслѣдствіе роста товарнаго производства въ помѣщичьихъ хозяйствахъ вслѣдствіе того, что они стали употреблять барщинный трудъ на производство хлѣба *для продажи*, а не на свои только потребности. Примѣры автора говорятъ противъ него: они говорятъ о невозможности построить абстрактный законъ народонаселенія, по формулѣ о соотвѣтствіи размноженія со средствами существованія, игнорируя исторически особыя системы общественныхъ отношеній и стадіи ихъ развитія.

Переходя къ пореформенной эпохѣ, г. Струве говоритъ: «въ исторіи населенія послѣ паденія крѣпостнаго права мы видимъ ту же основную черту, что и до освобожденія. Энергія размноженія въ общемъ стоитъ въ прямой зависимости отъ земельнаго простора и земельнаго надѣла» (198).

Это доказывается табличкой, группирующей крестьянъ по размѣру надѣла и показывающей, что приростъ населенія тѣмъ больше, чѣмъ больше размѣръ надѣла. «*Да оно и не можетъ быть иначе при условіи натуральнаго*, «самопотребительскаго»... хозяйства, служащаго прежде всего для непосредственнаго удовлетворенія нуждъ самого производителя» (199).

Дѣйствительно, *еслибы это было такъ*, еслибы надѣлы служили прежде всего для непосредственнаго удовлетворенія нуждъ производителя, еслибы они представляли единственный источникъ удовлетворенія этихъ нуждъ,—тогда и только тогда можно было бы выводить изъ подобныхъ данныхъ общій законъ размноженія. Но мы знаемъ, что это не такъ. Надѣлы служатъ «прежде всего» для удовлетворенія нуждъ помѣщиковъ и государства: они отбираются отъ владѣльцевъ, если эти «нужды» не удовлетворяются въ срокъ; они облагаются платежами, превышающими ихъ доходность. Далѣе, это—не единственный рессурсъ крестьянина. Дефицитъ въ хозяйствѣ—говоритъ авторъ—долженъ превентивно и репрессивно отражаться на населеніи. Отхожіе промыслы, отвлекая взрослое мужское населеніе, сверхъ того задерживаютъ размноженіе (199). Но если дефицитъ надѣльнаго хозяйства покрытъ арендой или промысловымъ заработкомъ, то средства существованія крестьянина могутъ оказаться вполнѣ достаточными для «энергичнаго размноженія». Безспорно, что такъ благопріятно обстоятельства могутъ сложиться лишь для меньшинства крестьянъ, но — при отсутствіи спеціальнаго разбора производственныхъ отношеній внутри крестьянства — ни откуда не видно, чтобы этотъ приростъ шелъ равномѣрно, чтобы онъ не вызывался преимущественно благосостояніемъ меньшинства. Наконецъ, авторъ самъ ставитъ условіемъ доказательности своего положенія—натуральное хозяйство, а послѣ реформы, по его собственному признанію, широкой волной проникло въ прежнюю жизнь товарное производство. Очевидно, что *для установленія общаго закона размноженія* данныя автора абсолютно недостаточны. Мало того—абстрактная «простота» этого закона, предполагающаго, что средства производства въ разсматриваемомъ обществѣ «служатъ прежде всего для непосредственнаго удовлетворенія нуждъ самого производителя», даетъ совершенно неправильное, ничѣмъ не доказанное освѣщеніе въ высшей степени сложнымъ фактамъ. Напримѣръ: послѣ освобожденія—говоритъ г. Струве—помѣщикамъ выгодно было сдавать крестьянамъ земли въ аренду. «Такимъ образомъ, пищевая площадь, доступная крестьянству, т. е. его средства существованія увеличились» (200). Это прямолинейное отнесеніе всей аренды на счетъ «пищевой площади» совершенно голословно и невѣрно. Авторъ самъ указываетъ, что помѣщики брали себѣ львиную долю продукта, производимаго на ихъ землѣ (200), такъ что еще во-

просъ, не ухудшала ли такая аренда (за отработки, напр.) положеніе арендаторовъ, не возлагала ли она на нихъ обязательствъ, приводившихъ въ концѣ концовъ къ уменьшенію пищевой площади. Далѣе, авторъ самъ указываетъ, что аренда подъ силу лишь зажиточнымъ (216) крестьянамъ, въ рукахъ которыхъ она должна являться скорѣе средствомъ расширенія товарнаго хозяйства, чѣмъ укрѣпленія «самопотребительскаго». Если бы даже было доказано, что въ общемъ аренда улучшила положеніе «крестьянства»,—то какое значеніе могло бы имѣть это обстоятельство, когда, по словамъ самого автора, бѣдняки разорялись арендами (216)— т. е. это улучшеніе для однихъ означало ухудшеніе для другихъ? Въ крестьянской арендѣ, очевидно, переплетаются старыя, крѣпостническія отношенія и новыя, капиталистическія; абстрактное разсужденіе автора, не принимающаго во вниманіе ни тѣхъ, ни другихъ, не только не помогаетъ разобраться въ этихъ отношеніяхъ, а напротивъ, запутываетъ дѣло.

Остается еще одно указаніе автора на данныя, подтверждающія, якобы, его взгляды. Это именно ссылка на то, что «старое слово *малоземелье* есть только общежитейскій терминъ для того явленія, которое наука называетъ перенаселеніемъ» (186). Авторъ какъ бы опирается такимъ образомъ на всю нашу народническую литературу, которая безспорно установила тотъ фактъ, что крестьянскіе надѣлы «недостаточны», которая тысячи разъ «подкрѣпляла» свои пожеланія о «расширеніи крестьянскаго землевладѣнія» такимъ «простымъ» соображеніемъ: населеніе увеличилось— надѣлы измельчали—естественно, что крестьяне разоряются. Едвали однако это избитое народническое разсужденіе о «малоземельѣ» имѣетъ какое нибудь научное[1]) значеніе, едва ли оно можетъ годиться на что нибудь иное кромѣ какъ на «благонамѣренныя рѣчи» въ коммиссіи по вопросу о безболѣзненномъ шествованіи отечества по правильному пути. Въ этомъ разсужденіи за деревьями не видно лѣса, за внѣшними контурами явленія не видно основного общественно-экономическаго фона картины. Принадлежность огромнаго земельнаго фонда представителямъ «старо-дворянскаго» уклада—съ одной стороны, пріобрѣтеніе земли покупкой, съ другой—вотъ тотъ основной фонъ, при которомъ всякое «расширеніе землевладѣнія» останется жалкимъ палліативомъ. И народническія разсужденія о малоземельи, и Мальтусовы «законы» о соотвѣтствіи размноженія со средствами существованія грѣшатъ именно своей абстрактной «простотой», игнорирующей данныя, конкретныя общественно-экономическія отношенія.

---

[1]) Т. е. это разсужденіе совершенно не пригодно для *объясненія* разоренія крестьянства и перенаселенія, хотя самый фактъ „недостаточности“ стоитъ внѣ спора, равно какъ и обостреніе его вслѣдствіе роста населенія. Требуется не констатировать фактъ, а объяснить, откуда онъ вышелъ.

Этотъ обзоръ аргументовъ г. Струве приводитъ насъ къ тому выводу, что положеніе его, будто перенаселеніе въ земледѣльческой Россіи объясняется несоотвѣтствіемъ размноженія со средствами существованія, рѣшительно ничѣмъ не доказано. Свои аргументы онъ заключаетъ такимъ образомъ: «и вотъ—передъ нами картина натурально-хозяйственнаго перенаселенія, осложненнаго товарно-хозяйственными моментами и другими важными чертами, унаслѣдованными отъ соціальнаго строя крѣпостной эпохи» (200). Конечно, про всякій экономическій фактъ, происходящій въ странѣ, которая переживаетъ переходъ отъ «натуральнаго» хозяйства къ «товарному», можно сказать, что это—явленіе «натурально-хозяйственное, осложненное товарнохозяйственными моментами». Можно и наоборотъ сказать: «товарнохозяйственное явленіе, осложненное натуральнохозяйственными моментами», — но все это не въ состояніи дать не только «картины», но даже и малѣйшаго представленія о томъ, *какъ именно* создается перенаселеніе на почвѣ *данныхъ общественно-экономическихъ отношеній*. Окончательный выводъ автора противъ г. Н.—она и его теоріи капиталистическаго перенаселенія въ Россіи гласитъ: «наши крестьяне производятъ недостаточно пищи» (237).

Земледѣльческое производство крестьянъ до сихъ поръ даетъ продукты, идущіе помѣщикамъ, получающимъ чрезъ посредство государства выкупные платежи,—оно служитъ постояннымъ объектомъ операцій торговаго и ростовщическаго *капитала*, отбирающаго громадныя доли продукта у преобладающей массы крестьянства,—наконецъ, среди самаго «крестьянства» это производство распредѣлено такъ сложно, что общій и средній плюсъ (аренда) оказывается для массы минусомъ, и всю эту сѣть общественныхъ отношеній г. Струве разрубаетъ какъ Гордіевъ узелъ абстрактнымъ и голословнѣйшимъ рѣшеніемъ: «недостаточно производство». Нѣтъ, эта теорія не выдерживаетъ никакой критики: она только загромождаетъ то, что подлежитъ изслѣдованію,—производственныя отношенія въ земледѣльческомъ хозяйствѣ крестьянъ. Мальтузіанская формула изображаетъ дѣло такъ, какъ будто передъ нами tabula rasa, а не крѣпостническія и буржуазныя отношенія, переплетающіяся въ современной организаціи русскаго крестьянскаго хозяйства.

Разумѣется, мы никакъ не можемъ удовлетвориться одной критикой взглядовъ г. Струве. Мы должны еще задаться вопросомъ: въ чемъ основанія его ошибки? и кто изъ противниковъ (г. Н.—онъ и г. Струве) правъ въ своихъ объясненіяхъ перенаселенія?

Г. Н.—онъ основываетъ свое объясненіе перенаселенія на фактѣ «освобожденія» массы рабочихъ вслѣдствіе капитализаціи промысловъ. При этомъ онъ приводитъ только данныя о ростѣ крупной фабрично-заводской

промышленности и оставляетъ безъ вниманія параллельный фактъ роста кустарныхъ промысловъ, выражающій углубленіе общественнаго раздѣленія труда [1]). Онъ переноситъ свое объясненіе на земледѣліе, даже и не пытаясь обрисовать точно его общественно-экономическую организацію и *степень ея развитія.*

Г. Струве указываетъ въ отвѣтъ на это, что «капиталистическое перенаселеніе въ смыслѣ Маркса тѣсно связано съ прогрессомъ техники» (183) и такъ какъ онъ, вмѣстѣ съ г. —опомъ находитъ, что «техника» крестьянскаго «хозяйства почти не прогрессировала» (200), — то онъ и отказывается признать перенаселеніе въ земледѣльческой Россіи капиталистическимъ и ищетъ другихъ объясненій.

Указаніе г. Струве въ отвѣтъ г. Н. -ону правильно. Капиталистическое перенаселеніе создается тѣмъ, что *капиталъ* овладѣваетъ производствомъ и, уменьшая число необходимыхъ (для производства даннаго количества продуктовъ) рабочихъ, создаетъ излишнее населеніе. Марксъ говоритъ о капиталистическомъ перенаселеніи въ земледѣліи слѣдующее:

«Какъ скоро капиталистическое производство овладѣваетъ сельскимъ хозяйствомъ или по мѣрѣ того, какъ оно овладѣваетъ имъ,—спросъ на сельскихъ рабочихъ абсолютно уменьшается вмѣстѣ съ накопленіемъ функціонирующаго въ этой области капитала, причемъ выталкиваніе рабочихъ не сопровождается, какъ въ промышленности не земледѣльческой, большимъ привлеченіемъ ихъ. Поэтому часть сельскаго населенія постоянно готова перейти въ городское или мануфактурное населеніе [2]). (Мануфактура—здѣсь въ смыслѣ всякой неземледѣльческой промышленности). Этотъ источникъ относительнаго перенаселенія течетъ такимъ образомъ постоянно. Но его постоянное теченіе предполагаетъ уже въ деревнѣ постоянное скрытое перенаселеніе, размѣръ котораго становится видѣнъ только тогда, когда отводные каналы открываются необыкновенно широко. Въ силу этого сельскій рабочій вынужденъ ограничиваться минимумомъ

---

[1]) Извѣстенъ фактъ роста нашихъ кустарныхъ промысловъ и появленія массы новыхъ послѣ реформы. Извѣстно также теоретическое объясненіе этого факта наряду съ капитализаціей другихъ промысловъ, данное Марксомъ при объясненіи «созданія внутренняго рынка для промышленнаго капитала» [Das Kapital, 2 Aufl., s. 776 u. ff].

[2]) Между прочимъ. Наблюденіе этого факта и подало, вѣроятно, поводъ Ланге сочинять поправку къ теоріи Маркса, которую онъ недостаточно понялъ. Вмѣсто того, чтобы, анализируя этотъ фактъ, взять исходнымъ пунктомъ данный (капиталистическій) способъ общественнаго производства и слѣдить за его проявленіемъ въ земледѣліи, онъ вздумалъ сочинять изъ головы разныя особенности „народныхъ нравовъ".

заработной платы и постоянно стоитъ одной ногой въ болотѣ пауперизма». (Das Kapital, 2 Aufl. s. 668).

Г. Н.—онъ *не доказалъ* капиталистическаго характера перенаселенія въ земледѣльческой Россіи потому, что не поставилъ его въ связь съ капитализмомъ въ земледѣліи: ограничившись бѣглымъ и неполнымъ указаніемъ на капиталистическую эволюцію частновладѣльческаго хозяйства, онъ совершенно упустилъ изъ виду буржуазныя черты организаціи крестьянскаго хозяйства. Г-ну Струве слѣдовало исправить эту неудовлетворительность изложенія г. Н.—она, имѣющую очень важное значеніе, ибо игнорированіе капитализма въ земледѣліи, его господства и въ тоже время его слабаго еще развитія, естественно повело къ теоріи объ отсутствіи или сокращеніи внутренняго рынка. Вмѣсто того, чтобы свести теорію г. Н.—она къ конкретнымъ даннымъ нашего замледѣльческаго капитализма, г. Струве впалъ въ другую ошибку, отрицая совершенно капиталистическій характеръ перенаселенія.

Вторженіемъ *капитала* въ земледѣльческое хозяйство характеризуется вся пореформенная исторія. Помѣщики переходили (медленно или быстро, это—другой вопросъ) къ вольнонаемному труду, который получилъ весьма широкое распространеніе и опредѣлилъ собой даже характеръ преобладающей части крестьянскихъ заработковъ; они повышали технику и вводили въ употребленіе машины. Даже вымирающая крѣпостническая система хозяйства—отдача крестьянамъ земли за отработки—подвергалась буржуазному превращенію вслѣдствіе конкурренціи крестьянъ, повешей къ ухудшенію положенія съемщиковъ, къ болѣе тяжелымъ условіямъ [1]) и, слѣд., къ уменьшенію числа рабочихъ. Въ крестьянскомъ хозяйствѣ обнаружилось совершенно ясно разложеніе крестьянства на деревенскую буржуазію и пролетаріатъ. «Богатѣи» расширяли запашку, улучшали хозяйство [ср. *В. В.* Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ.] и вынуждены были прибѣгать къ наемному труду. Все это—давно установленные, общепризнанные факты, которые указываетъ (какъ сейчасъ увидимъ) и самъ г. Струве. Возьмемъ еще для иллюстраціи самый обыкновенный въ русской деревнѣ случай: «кулакъ» оттягалъ у «общины», вѣрнѣе, у сообщинниковъ пролетарскаго типа, лучшій кусокъ надѣльной земли и ведетъ на немъ хозяйство трудомъ и инвентаремъ тѣхъ же «обезпеченныхъ надѣломъ» крестьянъ, которые опутаны долгами и обязательствами и привязаны къ своему благодѣтелю—для соціальнаго взаимоприспособленія

[1]) См. напр. Карышева (Итоги земской статистики, т. II, с. 266)—указаніе сборника по Ростовскому н/Д уѣзду на постепенное уменьшеніе доли крестьянъ въ скопщинѣ. Тамъ-же гл. V, § 9—о доплатахъ крестьянъ трудомъ при надольной арендѣ.

и солидарной дѣятельности—силою излюбленныхъ народниками общинныхъ началъ. Его хозяйство ведется, конечно, лучше хозяйства разоренныхъ крестьянъ и требуетъ гораздо меньше рабочихъ сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда этотъ кусокъ былъ въ рукахъ нѣсколькихъ мелкихъ хозяевъ. Что подобные факты не единичны, а всеобщи,—этого ни одинъ народникъ отрицать не можетъ. Самобытность ихъ теорій состоитъ только въ томъ, что они не хотятъ назвать эти факты ихъ настоящимъ именемъ, не хотятъ видѣть, что они означаютъ *господство капитала въ земледѣліи*. Они забываютъ, что первичной формой *капитала* всегда и вездѣ былъ капиталъ торговый, денежный, что капиталъ всегда беретъ техническій процессъ производства такимъ, какимъ онъ его застаетъ, и лишь впослѣдствіи подвергаетъ его техническому преобразованію. Они не видятъ поэтому, что «отстаивая» (словами, разумѣется,—не болѣе того) современные земледѣльческіе порядки отъ «грядущаго» (?!) капитализма, они отстаиваютъ только *средневѣковыя* формы капитала отъ натиска его новѣйшихъ, чисто буржуазныхъ формъ.

Такимъ образомъ нельзя отрицать капиталистическаго характера перенаселенія въ Россіи, какъ нельзя отрицать господства капитала въ земледѣліи. Но совершенно нелѣпо, разумѣется, игнорировать *степень развитія капитала*, какъ это дѣлаетъ г. И.—онъ, который въ своемъ увлеченіи представляетъ его почти завершившимся, и потому сочиняетъ теорію о сокращеніи или отсутствіи внутренняго рынка, тогда какъ на самомъ дѣлѣ капиталъ, хотя уже и господствуетъ, но въ очень неразвитой сравнительно формѣ; до полнаго развитія, до полнаго отдѣленія производителя отъ средствъ производства еще много промежуточныхъ ступеней, и каждый шагъ впередъ земледѣльческаго капитализма означаетъ *ростъ* внутренняго рынка, который, по теоріи Маркса, именно земледѣльческимъ капитализмомъ и создается,—который въ Россіи не сокращается, а напротивъ складывается и развивается.

Далѣе мы видимъ изъ этой, хотя бы и самой общей, характеристики нашего земледѣльческаго капитализма [1]), что онъ не покрываетъ собой *всѣхъ* общественно-экономическихъ отношеній въ деревнѣ. Рядомъ съ нимъ мы видимъ все еще и крѣпостническія отношенія—и въ хозяйственной области (напр., сдача отрѣзныхъ земель за отработки и взносы натурой—тутъ на лицо всѣ признаки крѣпостническаго хозяйства: и натуральный «обмѣнъ услугъ» между производителемъ и владѣльцемъ средствъ производства, и эксплуатація производителя посредствомъ *прикрѣпленія* его

[1]) о немъ будетъ подробнѣе говориться ниже, по отношенію къ крестьянамъ и помѣщикамъ отдѣльно.

къ землѣ, а не отдѣленія отъ средствъ производства), и еще болѣе въ соціальной и юридико-политической (обязательное «обезпеченіе надѣломъ», прикрѣпленіе къ землѣ т. е. отсутствіе свободы передвиженія, платежъ выкупныхъ т. е. того же оброка помѣщику, подчиненіе привилегированнымъ землевладѣльцамъ въ области суда и управленія и т. д.); эти отношенія тоже ведутъ, несомнѣнно, къ разоренію крестьянъ и къ безработицѣ, «перенаселенію» прикрѣпленныхъ къ землѣ батраковъ. Капиталистическая основа современныхъ отношеній не должна скрывать этихъ все еще могущественныхъ остатковъ «старо-дворянскаго» наслоенія, которые *еще не разрушены* капитализмомъ именно вслѣдствіе его неразвитости. Неразвитость капитализма, «отсталость Россіи», которую народники считаютъ «счастьемъ» [1]), является «счастьемъ» только для эксплуататоровъ благороднаго званія. Въ современномъ «перенаселеніи» кромѣ основныхъ капиталистическихъ чертъ есть, слѣд., еще крѣпостническія.

Если мы сравнимъ это послѣднее положеніе съ положеніемъ г-на Струве о томъ, что въ «перенаселеніи» есть натурально-хозяйственныя и товарно-хозяйственныя черты, то увидимъ, что первое не исключаетъ второго, а, напротивъ, включается въ него: крѣпостное право относится къ явленіямъ «натурально-хозяйственнымъ», капитализмъ — къ «товарно-хозяйственнымъ». Положеніе г-на Струве, съ одной стороны, точно не указываетъ, какія именно *отношенія* натурально-хозяйственныя и какія товарно-хозяйственныя, а съ другой стороны, ведетъ насъ назадъ къ голословнымъ и безсодержательнымъ «законамъ» Мальтуса.

Изъ этихъ недостатковъ естественно вытекла неудовлетворительность послѣдующаго изложенія. «Какимъ же образомъ,—спрашиваетъ авторъ,—на какихъ началахъ *можетъ* быть реорганизовано наше народное хозяйство?» (202). Странный вопросъ, формулированный опять-таки совершенно по-профессорски, совершенно такъ, какъ привыкли ставить вопросы гг. народники, констатирующіе неудовлетворительность настоящаго и выбирающіе лучшіе пути для отечества. «Наше народное хозяйство» есть капиталистическое хозяйство, организація и «реорганизація» котораго опредѣляется буржуазіей, «завѣдующей» этимъ хозяйствомъ. Вмѣсто вопроса о возможной реорганизаціи и слѣдовало поставить вопросъ о послѣдовательныхъ ступеняхъ развитія этого буржуазнаго хозяйства,—слѣдовало съ точки зрѣнія той именно теоріи, во имя которой авторъ такъ прекрасно отвѣчаетъ г-ну В. В., аттестующему г. И—она «несомнѣннымъ марксистомъ», что этотъ «несомнѣнный марксистъ» понятія не имѣетъ о классовой борьбѣ и о классовомъ происхожденіи государства. Измѣненіе поста-

[1]) Г. Южаковъ въ „Р. Бог."

новки вопроса въ указанномъ смыслѣ гарантировало бы автора отъ такихъ сбивчивыхъ разсужденій о «крестьянствѣ», которыя мы читаемъ на стр. 202—4.

Авторъ начинаетъ съ того, что крестьянству недостаточно надѣльной земли, что если оно и покрываетъ этотъ недостатокъ арендой, то «у значительной части его» тѣмъ не менѣе *всегда* бываетъ дефицитъ; говорить о крестьянствѣ какъ о цѣломъ нельзя, ибо это значитъ говорить о фикціи [1]) (с. 203). И непосредственно изъ этого выводится:

«Во всякомъ случаѣ, недостаточное производство—*основной*, *доминирующій* фактъ нашего народнаго хозяйства» (с. 204). Совершенно голословно и ни въ какой связи не стоитъ съ предыдущимъ: почему «основнымъ, доминирующимъ фактомъ» не является тотъ, что крестьянство какъ цѣлое есть фикція, ибо внутри его складываются враждебные классы? Авторъ дѣлаетъ свой выводъ безъ всякихъ данныхъ, безъ всякаго анализа фактовъ, относящихся къ «недостаточному производству» [которое однако не мѣшаетъ меньшинству обзаводиться достаткомъ на счетъ большинства] или къ расчлененію крестьянства,—просто въ силу какого-то предубѣжденія въ пользу мальтузіанства.—«Поэтому,—продолжаетъ онъ,—увеличеніе производительности земледѣльческаго труда прямо выгодно и благодѣтельно для русскаго крестьянства» (206). Мы въ недоумѣніи: сейчасъ только авторъ выставилъ противъ народниковъ серьезное (и въ высшей степени справедливое) обвиненіе за разсужденія о «фикціи»—«крестьянствѣ» вообще, а теперь самъ вводитъ въ свой анализъ эту фикцію! Если отношенія внутри этого «крестьянства» таковы, что меньшинство становится «экономически крѣпкимъ», а большинство пролетаризуется, если меньшинство расширяетъ землевладѣніе и богатѣетъ, а большинство имѣетъ всегда дефицитъ и разоряется, то какимъ образомъ можно говорить о «выгодности и благодѣтельности» процесса вообще? Вѣроятно, авторъ хотѣлъ сказать, что процессъ выгоденъ и для той и для другой части крестьянства. Но тогда, во-первыхъ, онъ долженъ былъ разобрать положеніе каждой отдѣльной группы и изслѣдовать его особо, а во-вторыхъ, при наличности антагонизма между группами, необходимо было опредѣленно установить, съ точки зрѣнія *какой* группы говорится о «выгодности и благодѣтельности». Неудовлетворительность, недоговоренность объективизма г-на Струве еще и еще разъ подтверждается на этомъ примѣрѣ.

Такъ какъ г. П.—онъ по данному вопросу держится противнаго мнѣнія, утверждая, что увеличеніе производительности земледѣльческаго тру-

[1]) „Главный недостатокъ разсужденій г. Голубева въ его замѣчательныхъ статьяхъ состоитъ именно въ томъ, что онъ никакъ не можетъ отдѣлаться отъ той фикціи“ (203).

да [1]), если продукты будутъ производиться въ видѣ товара, не можетъ служить къ поднятію народнаго благосостоянія» («Очерки», с. 266),—то г. Струве и переходитъ теперь къ опроверженію этого мнѣнія.

Во-первыхъ, говоритъ онъ, тотъ крестьянинъ, на котораго современный кризисъ обрушился всей своей тяжестью, производитъ хлѣбъ для собственнаго потребленія; онъ не продаетъ хлѣбъ, а прикупаетъ его. Для такого крестьянина – а ихъ до 50% (одполошадные и безлошадные) и уже никакъ не менѣе 25% (безлошадные) — увеличеніе производительности труда во всякомъ случаѣ выгодно, несмотря на пониженіе цѣны хлѣба.

Да, конечно, увеличеніе производительности было бы для такого крестьянина выгодно, еслибы онъ могъ удержать свое хозяйство и поднять его на высшую ступень. Но вѣдь этихъ-то условій и нѣтъ у однолошадныхъ и безлошадныхъ крестьянъ. Имъ не подъ силу удержать теперешнее свое хозяйство, съ его примитивными орудіями, съ небрежной обработкой почвы и т. д., а не то, чтобы повышать технику. Это повышеніе техники является результатомъ роста товарнаго хозяйства. И если уже на данной ступени развитія товарнаго производства продажа хлѣба является необходимостью даже для тѣхъ крестьянъ, которымъ приходится прикупать хлѣбъ, то послѣдующая ступень сдѣлаетъ эту продажу еще болѣе обязательной (авторъ самъ признаетъ необходимость перехода отъ натуральнаго хозяйства къ товарному), и конкурренція повысившихъ культуру хозяевъ неминуемо и немедленно экспропріируетъ его до конца, обратитъ изъ пролетарія, прикрѣпленнаго къ землѣ, въ пролетарія, свободнаго какъ птица. Я вовсе не хочу сказать, чтобы такая перемѣна была *для него* невыгодна. Напротивъ, разъ производитель уже попалъ въ лапы капитала—а это безспорно совершившійся фактъ по отношенію къ разсматриваемой группѣ крестьянства—ему весьма «выгодна и благодѣтельна» полная свобода, позволяющая мѣнять хозяевъ, развязывающая ему руки. Но полемика гг. Струве и Н.—она ведется совсѣмъ не въ области *такихъ* соображеній.

Во-вторыхъ, продолжаетъ г. Струве, г. Н.—онъ «забываетъ, что повышеніе производительности земледѣльческаго труда возможно только путемъ измѣненій въ *техникѣ* и въ *системѣ* хозяйства или полеводства» (206). Дѣйствительно, г. Н.—онъ забываетъ это, но это соображеніе только усилитъ положеніе о неизбѣжности окончательной экспропріаціи несостоятельныхъ крестьянъ, крестьянъ «пролетарскаго типа». Для измѣненія техники къ лучшему нужны свободныя денежныя средства, а у этихъ крестьянъ нѣтъ даже продовольственныхъ средствъ.

[1]) „Какъ бы ни было“ оно „желательно и необходимо“, — добавляетъ г. Н.—онъ.

Въ третьихъ—заключаетъ авторъ—не правъ г. П.—онъ, утверждая что повышеніе производительности земледѣльческаго труда заставитъ конкуррентовъ понизить цѣну. Для такого пониженія—справедливо говоритъ г. Струве—необходимо, чтобы производительность нашего земледѣльческаго труда не только догнала западно-европейскую [въ этомъ случаѣ мы будемъ продавать продуктъ по уровню общественно-необходимаго труда], но и перегнала ее.—Это возраженіе вполнѣ основательно, но оно ничего еще не говоритъ о томъ, для какой именно части «крестьянства» и въ силу чего будетъ выгодно это повышеніе техники.

«Вообще г. П.—онъ напрасно такъ боится увеличенія производительности земледѣльческаго труда» (207). Происходитъ это у него, по мнѣнію г. Струве, оттого, что онъ не можетъ себѣ иначе представить прогрессъ сельскаго хозяйства, какъ въ видѣ прогресса экстенсивнаго земледѣлія, сопровождающагося все большимъ и большимъ выталкиваніемъ рабочихъ машинами.

Авторъ очень мѣтко характеризуетъ отношеніе г. П.—она къ росту земледѣльческой техники словомъ: «боязнь»; онъ совершенно правъ, что эта боязнь—нелѣпа. Но его аргументація затрогиваетъ, кажется намъ, не основную ошибку г. П.—она.

Г. П.—онъ, придерживаясь будто бы со всей строгостью доктрины марксизма, рѣзко отличаетъ тѣмъ не менѣе капиталистическую эволюцію земледѣлія въ капиталистическомъ обществѣ отъ эволюціи обрабатывающей промышленности,—различаетъ въ томъ отношеніи, что для послѣдней онъ признаетъ прогрессивную работу капитализма, обобществленіе труда, а для первой не признаетъ. Поэтому для обработывающей промышленности онъ не «боится» увеличенія производительности труда, а для земледѣлія—«боится», *хотя общественно-экономическая сторона дѣла и отраженіе этого процесса на разныхъ классахъ общества совершенно одинаково въ обоихъ случаяхъ*.. Марксъ выразилъ это положеніе особенно рельефно въ слѣдующемъ замѣчаніи: «Филантропическіе англійскіе экономисты, какъ Милль, Роджерсъ, Гольдвинъ Смитъ, Фаусеттъ и т. д., и либеральные фабриканты, какъ Джонъ Брайтъ и К°, спрашиваютъ англійскихъ поземельныхъ аристократовъ, какъ Богъ спрашивалъ Каина о его братѣ Авелѣ,—куда дѣвались тысячи нашихъ крестьянъ?—Да откуда же вы-то произошли? Изъ уничтоженія этихъ крестьянъ. И почему вы не спрашиваете, куда дѣвались самостоятельные ткачи, прядильщики, ремесленники?» (Das Kapital, I, s. 780, anm. 237). Послѣдняя фраза наглядно отождествляетъ судьбу мелкихъ производителей въ земледѣліи съ судьбой ихъ въ обработывающей промышленности, подчеркиваетъ образо-

ваніе классовъ буржуазнаго общества въ обоихъ случаяхъ [1]). Основная ошибка г. Н.—она состоитъ именно въ томъ, что онъ игнорируетъ эти классы, ихъ образованіе въ нашемъ крестьянствѣ, не задается цѣлью прослѣдить со всей точностью каждую послѣдовательную ступень развитія противоположности этихъ классовъ.

Но г. Струве совсѣмъ не такъ ставитъ вопросъ. Онъ не только не исправляетъ указанной ошибки г. Н.—она, а, напротивъ, *самъ повторяетъ ее*, разсуждая съ точки зрѣнія профессора, стоящаго *надъ* классами, о «выгодности» прогресса для «крестьянства». Это покушеніе подняться выше классовъ приводитъ къ крайней туманности положеній автора, туманности, доходящей до того, что изъ нихъ могутъ быть сдѣланы буржуазные выводы: противъ неоспоримо вѣрнаго положенія, что капитализмъ въ земледѣліи (какъ и капитализмъ въ индустріи) ухудшаетъ положеніе производителя—онъ выдвигаетъ положеніе о «выгодности» этихъ измѣненій *вообще*. Это все равно, какъ еслибы кто-нибудь, разсуждая о машинахъ въ буржуазномъ обществѣ, сталъ опровергать теорію экономиста-романтика, что онѣ ухудшаютъ положеніе трудящихся, доказательствами «выгодности и благодѣтельности» процесса вообще.

На соображеніе г-на Струве народникъ, вѣроятно, отвѣтитъ: г. Н.—онъ боится не увеличенія производительности труда, а буржуазности.

Что прогрессъ техники въ земледѣліи при нашихъ капиталистическихъ порядкахъ связанъ съ буржуазностью,—это несомнѣнно, но «боязнь», проявляемая народниками, разумѣется, совершенно нелѣпа. Буржуазность—уже фактъ дѣйствительной жизни, трудъ подчиненъ капиталу уже и въ земледѣліи,—и «бояться» надо не буржуазности, а отсутствія сознанія этой буржуазности у производителя, отсутствія у него способности отстаивать свои интересы противъ нея. Поэтому надо желать не задержки развитія капитализма, а, напротивъ, полнаго его развитія, развитія до конца.

Чтобы подробнѣе и точнѣе указать основанія той ошибки, которую допустилъ г. Струве, трактуя о земледѣліи въ капиталистическомъ обществѣ, попробуемъ обрисовать (въ самыхъ общихъ чертахъ) процессъ образованія классовъ рядомъ съ тѣми измѣненіями въ техникѣ, которыя подали поводъ къ разсужденію. Г. Струве различаетъ при этомъ строго экстенсивное земледѣліе и интенсивное, усматривая корень заблужденій г. Н.—она въ томъ, что онъ кромѣ экстенсивнаго земледѣлія не хочетъ ничего знать. Мы постараемся доказать, что *основная* ошибка г. Н.—она не въ этомъ, что, при переходѣ земледѣлія въ интенсивное, образованіе

[1]) См. особенно § 4 главы XXIV: „Генезисъ капиталистическихъ арендаторовъ“. Ss. 773—776.

классовъ буржуазнаго общества въ сущности однородно съ тѣмъ, которое происходитъ при развитіи экстенсивнаго земледѣлія.

Объ экстенсивномъ земледѣліи говорить много не приходится, потому что и г. Струве признаетъ, что тутъ получается выталкиваніе буржуазіей «крестьянства». Отмѣтимъ только два пункта. Во-первыхъ. Прогрессъ техники вызывается товарнымъ хозяйствомъ; для осуществленія его необходима наличность у хозяина свободныхъ, избыточныхъ [по отношенію къ его потребленію и воспроизведенію его средствъ производства] *денежныхъ* средствъ. Откуда могутъ взяться эти средства? Очевидно, они не могутъ взяться ни откуда, кромѣ какъ изъ того, что обращеніе: товаръ—деньги—товаръ, превратится въ обращеніе: деньги—товаръ—деньги съ плюсомъ. Другими словами, средства эти могутъ взяться исключительно отъ капитала, *отъ торговаго и ростовщическаго капитала*, отъ тѣхъ самыхъ «коштановъ, кулаковъ, купцовъ» и т. д., которыхъ наивные россійскіе народники относятъ *не* къ капитализму, *а* къ «хищничеству» (какъ будто капитализмъ не есть хищничество! какъ будто русская дѣйствительность не показываетъ намъ взаимной связи всевозможныхъ формъ этого «хищничества»—отъ самаго примитивнаго и первобытнаго кулачества до самаго новѣйшаго, раціональнаго предпринимательства!) [1]). — Во-вторыхъ, отмѣтимъ странное отношеніе г. Н.—она къ этому вопросу. Въ примѣчаніи 2-мъ на стр. 233-й онъ опровергаетъ автора «Южно-русскаго крестьянскаго хозяйства» В. Е. Постникова, который указываетъ, что машины повысили рабочую площадь крестьянскаго двора ровно вдвое, съ 10 дес. до 20 дес. на рабочаго и что поэтому причина «бѣдности Россіи»—«малый размѣръ крестьянскаго хозяйства». Другими словами: ростъ техники въ буржуазномъ обществѣ ведетъ къ экспропріаціи мелкихъ и отсталыхъ хозяйствъ. Г. Н.—онъ возражаетъ: завтра техника можетъ еще втрое повысить рабочую площадь. Тогда 60-ти-десятинныя хозяйства надо будетъ превратить въ 200 или 300-десятинныя.—Такой аргументъ про-

---

[1]) Есть у гг. народниковъ еще одинъ, весьма глубокій, пріемъ затушевывать корни нашего промышленнаго капитализма въ „народномъ производствѣ“, т. е. въ „народномъ“ ростовщичествѣ и кулачествѣ. Кулакъ несетъ свои «сбереженія» въ Государственный Банкъ; вклады его позволяютъ банку, опираясь на ростъ народнаго богатства, народныхъ сбереженій, народной предпріимчивости, народной кредитоспособности, занять денегъ у англичанина. Занятыя деньги „государство“ обращаетъ на помощь... — какая недальновидная политика! какое печальное игнорированіе „современной науки“ и „современныхъ нравственныхъ идей“!—...*капиталистамъ*. Спрашивается теперь, неужели не ясно, что ежели бы государство обращало эти деньги (капиталистовъ) не на капитализмъ, а на „народное производство“,—то у насъ на Руси былъ бы не капитализмъ, а „народное производство“?

тивъ положенія о буржуазности нашего земледѣлія такъ же смѣшонъ, какъ еслибы кто-нибудь сталъ доказывать слабость и безсиліе фабричнаго капитализма на томъ основаніи, что сегодняшнюю паровую машину придется «завтра» замѣнить электрической. «Также остается неизвѣстнымъ, куда дѣваются милліоны освободившихся рабочихъ силъ» — добавляетъ г. Н.— онъ, призывая на судъ передъ собой буржуазію и забывая, что судить-то ее некому кромѣ самого производителя. Образованіе резервной арміи безработныхъ—такой же необходимый результатъ примѣненія машинъ въ буржуазномъ земледѣліи, какъ и въ буржуазной индустріи.

Итакъ, по отношенію къ развитію экстенсивнаго земледѣлія нѣтъ сомнѣнія, что прогрессъ техники при товарномъ хозяйствѣ ведетъ къ превращенію «крестьянина» въ фермера, съ одной стороны (понимая подъ фермеромъ предпринимателя, капиталиста въ земледѣліи),—въ батрака и поденьщика, съ другой. Посмотримъ теперь на тотъ случай, когда экстенсивное земледѣліе переходитъ въ интензивное. Г. Струве именно отъ этого процесса ждетъ «выгодъ» для «крестьянина». Чтобы устранить споръ о пригодности того матеріала, по которому мы описываемъ этотъ переходъ, воспользуемся сочиненіемъ: «Вліяніе пароваго транспорта на сельское хозяйство» г-на А. И. Скворцова [1]), котораго такъ безмѣрно восхваляетъ г. Струве.

Въ главѣ 3-ей отдѣла IV-аго своей книги г. А. Скворцовъ разсматриваетъ «измѣненіе техники земледѣлія подъ вліяніемъ пароваго транспорта» въ странахъ экстенсивныхъ и интензивныхъ. Возьмемъ описаніе этого измѣненія въ *густо-населенныхъ экстенсивныхъ странахъ*. Можно думать, что центральная Европейская Россія подойдетъ подъ такую характеристику. Г. Скворцовъ предсказываетъ для такой страны тѣ же измѣненія, которыя неминуемо должны произойти, по мнѣнію г-на Струве, и въ Россіи, именно: превращеніе въ страну интенсивнаго земледѣлія съ развитымъ фабричнымъ производствомъ

Послѣдуемъ за г. А. Скворцовымъ (§§ 4—7, с. 440—451).

Страна экстенсивная [2]). Весьма значительная часть населенія занята

---

[1]) Въ нашей литературѣ принято относить его къ марксистамъ. На это такъ же мало основаній, -какъ и на зачисленіе въ марксисты г-на Н.—она. Г. А. Скворцовъ тоже не знакомъ съ ученіемъ о классовой борьбѣ и классовомъ характерѣ государства. Его практическія предложенія въ „Экономическихъ этюдахъ“ ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ буржуазныхъ предложеній. Если онъ гораздо трезвѣе смотритъ на русскую дѣйствительность, чѣмъ гг. народники, то на этомъ *одномъ* основаніи слѣдовало бы зачислять въ марксисты и г. Б. Чичерина и многихъ другихъ.

[2]) Г. А. Скворцовъ указываетъ, что обыкновенно подъ экстенсивной страной разумѣютъ малонаселенную (с. 439, пр.). Онъ считаетъ это опредѣленіе

земледѣліемъ. Однообразіе занятій вызываетъ отсутствіе рынка. Населеніе бѣдно, во-первыхъ, вслѣдствіи малаго размѣра хозяйствъ и, во-вторыхъ, вслѣдствіе отсутствія обмѣна: «удовлетвореніе остальныхъ потребностей, кромѣ пищи, производимой самимъ земледѣльцемъ, совершается, можно сказать, исключительно на счетъ произведеній первобытнаго ремесла, такъ называемаго у насъ кустарнаго промысла».

Проведеніе желѣзной дороги повышаетъ цѣну земледѣльческихъ продуктовъ и, слѣд., увеличиваетъ покупательную силу населенія. «Вмѣстѣ съ жел. дорогой страна наводняется дешевыми произведеніями мануфактуръ и фабрикъ», которыя разоряютъ мѣстныхъ кустарей. Это—первая причина «крушенія многихъ хозяйствъ».

Вторая причина того же явленія—неурожаи. «Земледѣліе также велось до сихъ поръ первобытнымъ способомъ т. е. всегда нераціонально и, слѣд., неурожаи составляютъ нерѣдкое явленіе, а съ проведеніемъ жел. дороги вздорожаніе продукта, бывшее прежде послѣдствіемъ неурожая, или совсѣмъ не имѣетъ мѣста, или, во всякомъ случаѣ значительно уменьшается. Поэтому естественнымъ послѣдствіемъ перваго же неурожая здѣсь является обыкновенно крушеніе многихъ хозяйствъ. Такой результатъ является тѣмъ скорѣе, чѣмъ вообще меньше были избытки нормальныхъ урожаевъ и чѣмъ болѣе населеніе должно было полагаться на заработокъ отъ кустарныхъ промысловъ».

Для того, чтобы обойтись безъ кустарныхъ промысловъ и обезпечить себя отъ неурожаевъ переходомъ къ интенсивному (раціональному) земледѣлію,—необходимы, во-1-хъ, большіе избытки денежныхъ средствъ (отъ продажи по болѣе высокимъ цѣнамъ земледѣльческихъ продуктовъ) и во-2-хъ, интеллигентная сила населенія, безъ которой невозможно повышеніе раціональности и интенсивности. У массы населенія, конечно, этихъ условій нѣтъ: имъ удовлетворяетъ лишь меньшинство [1]).

«Избыточное населеніе, образовавшееся такимъ образомъ [т. е. вслѣдствіе «ликвидаціи» многихъ хозяйствъ, разоренныхъ паденіемъ кустарныхъ промысловъ и болѣе высокими требованіями отъ земледѣлія], частью будетъ поглощено тѣми хозяйствами, которыя выйдутъ изъ этого поло-

---

неправильнымъ, указывая слѣдующіе признаки экстенсивности: 1) сильныя колебанія урожаевъ; 2) однообразіе культуръ и 3) отсутствіе внутреннихъ рынковъ т. е. большихъ городовъ, концентрирующихъ въ себѣ обрабатывающую промышленность.

[1]) „Для такой страны (насыщенной населеніемъ при данной степени хозяйственной культурности) мы должны допустить, что съ одной стороны малые избытки, съ другой—низкая образовательная ступень населенія заставляетъ, при измѣнившихся условіяхъ, многія хозяйства придти къ ликвидаціи“ (442).

женія болѣе счастливо и будутъ имѣть возможность увеличить интенсивность производства».—(т. е., конечно, будутъ «поглощены» въ качествѣ наемныхъ рабочихъ, батраковъ и поденьщиковъ. Г. А. Скворцовъ не говоритъ этого, считая, можетъ-быть, что это слишкомъ ясно). Потребуется большая затрата живой силы, ибо близость рынка, достигаемая улучшенными путями сообщенія, даетъ возможность производить трудно транспортируемые продукты, «производство которыхъ по большей части требуетъ значительной затраты живой рабочей силы». «Обыкновенно однако—продолжаетъ г. Скворцовъ—процессъ разрушенія идетъ гораздо быстрѣе процесса улучшенія сохранившихся хозяйствъ, и часть разоренныхъ хозяевъ должна выселиться если не вонъ изъ страны, то по крайней мѣрѣ въ города. Эта-то часть составила главный контингентъ прироста населенія европейскихъ городовъ со времени проведенія желѣзныхъ дорогъ».

Далѣе. «Избытокъ населенія означаетъ дешевыя рабочія руки». «При плодородной почвѣ (и благопріятномъ климатѣ...) здѣсь даны всѣ условія для культуры растеній и вообще производства земледѣльческихъ продуктовъ, требующихъ большого расхода рабочей силы на единицу пространства» (443) тѣмъ болѣе, что мелкіе размѣры хозяйствъ («хотя они, быть можетъ, и увеличатся противъ прежняго») затрудняютъ введеніе машинъ. «Рядомъ съ этимъ не останется безъ измѣненія и основной капиталъ, и прежде всего долженъ измѣнить свой характеръ мертвый инвентарь». И помимо машинъ «необходимость лучшей обработки почвы поведетъ къ замѣнѣ прежнихъ первобытныхъ орудій болѣе совершенными, къ замѣнѣ дерева желѣзомъ и сталью. Это преобразованіе необходимо вызоветъ образованіе здѣсь фабрикъ, занятыхъ приготовленіемъ такихъ орудій, ибо они не могутъ быть изготовляемы сколько нибудь сносно кустарнымъ путемъ». Развитію этой отрасли промышленности благопріятствуютъ слѣдующія условія: 1) необходимость получить машину или часть ея въ скоромъ времени; 2) «рабочихъ рукъ здѣсь изобиліе и онѣ дешевы»; 3) топливо, постройки и земля дешевы; 4) «мелкость хозяйственныхъ единицъ ведетъ къ тому, что потребленіе орудій увеличивается, ибо извѣстно, что мелкія хозяйства требуютъ относительно больше инвентаря». Развиваются и производства иного рода. «Вообще развивается городская жизнь». Развиваются въ силу необходимости *горные промыслы*, «такъ какъ, съ одной стороны, является масса свободныхъ рукъ, а съ другой—благодаря жел. дорогамъ и развитію перерабатывающей машинной и другой промышленности усиливается запросъ на продукты горнаго промысла».

«Такимъ образомъ такой районъ, бывшій до проведенія жел. дороги густонаселеннымъ райономъ экстенсивнаго земледѣлія, болѣе или менѣе быстро обращается въ районъ очень интенсивнаго земледѣлія съ болѣе

или менѣе развитымъ фабричнымъ производствомъ». Увеличеніе интенсивности проявляется измѣненіемъ системы полеводства. Трехполье невозможно вслѣдствіе колебанія урожаевъ. Необходимъ переходъ къ «плодосмѣнной системѣ полеводства», устраняющей колебанія урожаевъ. Конечно, *полная плодосмѣнная система* [1]), требующая очень высокой интенсивности, не можетъ войти въ употребленіе сразу. Сначала поэтому введется *зерновой плодосмѣнный сѣвооборотъ* [правильное чередованіе растеній], разовьется скотоводство, *посѣвъ кормовыхъ травъ*.

«Въ концѣ концовъ, слѣд., нашъ густонаселенный экстенсивный районъ болѣе или менѣе быстро, по мѣрѣ развитія путей сообщенія, превратится въ районъ высоко-интенсивнаго хозяйства, причемъ интенсивность его, какъ сказано, будетъ расти прежде всего на счетъ увеличенія перемѣннаго капитала».

Это подробное описаніе процесса развитія интенсивнаго хозяйства показываетъ наглядно, что и въ этомъ случаѣ прогрессъ техники при товарномъ производствѣ ведетъ къ буржуазному хозяйству, раскалываетъ непосредственнаго производителя на *фермера*, пользующагося всѣми выгодами отъ интенсивности, улучшенія орудій и т. д.,—и *рабочаго*, доставляющаго своей «свободой» и своей «дешевизной» самыя «благопріятныя условія» для «прогрессивнаго развитія всего народнаго хозяйства».

Основная ошибка г. Н.—она не въ томъ, что онъ игнорируетъ интенсивное земледѣліе, ограничиваясь однимъ экстенсивнымъ, а въ томъ, что онъ вмѣсто анализа классовыхъ противорѣчій въ области русскаго земледѣльческаго производства угощаетъ читателя безсодержательными ламентаціями, что «мы» идемъ невѣрнымъ путемъ. Г. Струве повторяетъ эту ошибку, заслоняя классовыя противорѣчія «объективными» разсужденіями, и исправляетъ лишь второстепенныя ошибки г. Н. -она. Это тѣмъ болѣе странно, что самъ же онъ совершенно справедливо упрекаетъ этого «несомнѣннаго марксиста» въ непониманіи теоріи классовой борьбы. Это тѣмъ болѣе досадно, что такой ошибкой г. Струве ослабляетъ доказательное значеніе своей совершенно вѣрной мысли, что «болѣзнь» техническаго прогресса въ земледѣліи нелѣпа.

Чтобы покончить съ этимъ вопросомъ о капитализмѣ въ земледѣліи, резюмируемъ вышеизложенное. Какъ ставитъ вопросъ г. Струве? Онъ исходитъ изъ апріорнаго, голословнаго объясненія перенаселенія несоотвѣтствіемъ размноженія со средствами существованія, указываетъ далѣе, что производство пищи у нашего крестьянина «недостаточно» и рѣшаетъ вопросъ

[1]) Признаки ея: 1) вся земля обращается въ пашню; 2) паръ по возможности исключается; 3) въ сѣвооборотѣ правильно чередуются растенія; 4) возможно тщательная обработка; 5) стойловое содержаніе скота.

тѣмъ, что прогрессъ техники выгоденъ для «крестьянства», что «земледѣльческая производительность должна быть повышена» (211). Какъ долженъ онъ былъ поставить вопросъ, если бы былъ «связанъ доктриной» марксизма? Онъ долженъ былъ *начать* съ анализа данныхъ производственныхъ отношеній въ русскомъ земледѣліи и—показавши, что угнетеніе производителя объясняется не случайностью и не политикой, а господствомъ *капитала*, необходимо складывающагося на почвѣ товарнаго хозяйства,—слѣдить далѣе за тѣмъ, какъ этотъ капиталъ разрушаетъ мелкое производство и какія формы при этомъ принимаютъ классовыя противорѣчія. Онъ долженъ былъ затѣмъ показать, какъ дальнѣйшее развитіе ведетъ къ тому, что капиталъ перерастаетъ изъ торговаго въ индустріальный (принимая такія-то формы при экстенсивномъ, такія-то при интенсивномъ хозяйствѣ), развивая и обостряя ту классовую противоположность, основа которой была вполнѣ уже положена при старой ея формѣ, окончательно противополагая «свободный» трудъ «раціональному» производству. Тогда достаточно уже было бы простого сопоставленія этихъ двухъ послѣдовательныхъ формъ буржуазнаго производства и буржуазной эксплуатаціи, чтобы «прогрессивный» характеръ измѣненія, его «выгодность» для производителя выступила съ полной очевидностью: въ первомъ случаѣ подчиненія труда капиталу прикрыто тысячами обломковъ средневѣковыхъ отношеній, которыя мѣшаютъ производителю видѣть сущность дѣла и порождаютъ у его идеолога нелѣпыя и реакціонныя идеи о возможности ждать помощи отъ «общества» *и. т. п.*; во второмъ случаѣ подчиненіе это совершенно свободно отъ средневѣковыхъ путъ, и производитель получаетъ возможность и понимаетъ необходимость самостоятельной, сознательной дѣятельности противъ своего «антипода». На мѣсто разсужденій о «трудномъ, болѣзненномъ переходѣ» къ капитализму выступила бы теорія, не только говорящая о классовыхъ противорѣчіяхъ, но и дѣйствительно вскрывающая ихъ въ каждой формѣ «нераціональнаго» и «раціональнаго» производства, «экстенсивнаго» и «интенсивнаго» хозяйства.

Результаты, къ которымъ привелъ насъ разборъ первой части VI-ой главы книги г. Струве, посвященной «характеру перенаселенія въ земледѣльческой Россіи», можно формулировать слѣдующимъ образомъ: 1) Мальтузіанство г-на Струве не подкрѣплено никакими фактическими данными и основано на методологически неправильныхъ догматическихъ посылкахъ.—1) Перенаселеніе въ земледѣльческой Россіи объясняется господствомъ капитала, а не отсутствіемъ соотвѣтствія между размноженіемъ и средствами существованія населенія.—3) Положеніе г-на Струве о патурально-хозяйственномъ характерѣ перенаселенія вѣрно только въ томъ смыслѣ, что земледѣльческій капиталъ задерживается въ неразвитыхъ -и потому осо-

весьма тяжелыхъ для производителя формахъ переживаніемъ крѣпостническихъ отношеній.—4) Г. Н.—онъ не доказалъ капиталистическаго характера перенаселенія въ Россіи потому, что не изслѣдовалъ господства капитала въ земледѣліи.—5) Основная ошибка г. Н.—она, повторяемая и г. Струве, состоитъ въ отсутствіи анализа тѣхъ классовъ, которые складываются при развитіи буржуазнаго земледѣлія.—6) Это игнорированіе классовыхъ противорѣчій у г. Струве естественно привело къ тому, что совершенно вѣрное положеніе о прогрессивности и желательности техническихъ улучшеній выражено было въ крайне неудачной и туманной формѣ.

II.

Перейдемъ теперь ко второй части главы VI, посвященной вопросу о разложеніи крестьянства. Эта часть стоитъ въ прямой и непосредственной связи съ предъидущей частью, служа дополненіемъ къ вопросу о капитализмѣ въ земледѣліи.

Указавши на повышеніе цѣнъ на сельскохозяйственные продукты въ теченіе первыхъ 20 лѣтъ послѣ реформы, на расширеніе товарнаго производства въ земледѣліи, г. Струве совершенно справедливо говоритъ, что отъ этого «выиграли по преимуществу землевладѣльцы и зажиточные крестьяне» (214). «Дифференціація въ средѣ крестьянскаго населенія должна была увеличиться. и къ этой эпохѣ относятся первые ея успѣхи». Авторъ цитируетъ указанія мѣстныхъ изслѣдователей, что проведеніе желѣзныхъ дорогъ подняло только благосостояніе зажиточной части крестьянства, что аренда порождаетъ среди крестьянъ «чистый бой», приводящій всегда къ побѣдѣ экономически сильныхъ элементовъ (216—7). Онъ цитируетъ изслѣдованіе В. Постникова, по которому хозяйство крестьянъ зажиточныхъ настолько уже подчиняется рынку, что 40% посѣвной площади даютъ продуктъ, идущій на продажу, и—добавляя, что на противоположномъ полюсѣ крестьяне «теряютъ свою экономическую самостоятельность и, продавая свою рабочую силу, находятся на границѣ батрачества»—справедливо заключаетъ: «Только проникновеніемъ мѣнового хозяйства объясняется тотъ фактъ, что экономически сильныя крестьянскія хозяйства могутъ извлекать выгоду изъ разоренія слабыхъ дворовъ» (223). «Развитіе денежнаго хозяйства и ростъ населенія—говоритъ авторъ—приводитъ къ тому, что крестьянство распадается на двѣ части, одну экономически крѣпкую, состоящую изъ представителей новой силы, капитала во всѣхъ его формахъ и степеняхъ, и другую, состоящую изъ полусамостоятельныхъ земледѣльцевъ и настоящихъ батраковъ» (239).

Какъ ни кратки замѣчанія автора объ этой «дифференціаціи», тѣмъ

не менѣе они даютъ намъ возможность отмѣтить слѣдующія важныя черты разсматриваемаго процесса: 1) Дѣло не ограничивается созданіемъ одного только имущественнаго неравенства: «создается «новая сила»—*капиталъ*. 2) Созданіе этой новой силы сопровождается созданіемъ новыхъ типовъ крестьянскихъ хозяйствъ: во-первыхъ, зажиточнаго, экономически крѣпкаго, ведущаго развитое товарное хозяйство, отбивающаго аренду у бѣдноты, прибѣгающаго къ эксплоатаціи чужого труда [1]);—во-вторыхъ, «пролетарскаго» крестьянства, продающаго свою рабочую силу капиталу. 3) Всѣ эти явленія прямо и непосредственно выросли на почвѣ товарнаго хозяйства. Г. Струве самъ указалъ, что безъ товарнаго производства они были невозможны, а съ его проникновеніемъ стали необходимы. 4) Явленія эти («новая сила», новые типы крестьянства) относятся къ области *производства*, а не ограничиваются областью обмѣна, товарнаго обращенія: капиталъ проявляется въ земледѣльческомъ *производствѣ*; тоже и продажа рабочей силы.

Казалось бы, эти черты процесса прямо опредѣляютъ, что мы имѣемъ дѣло съ чисто капиталистическимъ явленіемъ, что въ крестьянствѣ складываются *классы*, свойственные капиталистическому обществу,—буржуазія и пролетаріатъ. Мало этого: эти факты свидѣтельствуютъ не только о господствѣ капитала въ земледѣліи, но и о томъ, что капиталъ сдѣлалъ уже, если можно такъ выразиться, второй шагъ. Изъ торговаго капитала онъ превращается въ индустріальный, изъ господствующаго на рынкѣ въ господствующій въ производствѣ; классовая противоположность богача-скупщика и бѣдняка-крестьянина превращается въ противоположность раціональнаго буржуазнаго хозяина и свободнаго продавца свободныхъ рукъ.

Но г. Струве и тутъ не могъ обойтись безъ своего мальтузіанства; въ указанномъ процессѣ, по его мнѣнію, выражается лишь *одна сторона* дѣла («только прогрессивная сторона»), рядомъ съ которой есть и другая: «техническая нераціональность всего крестьянскаго хозяйства»: «въ ней выражается, такъ сказать, регрессивная сторона всего процесса», она «нивеллируетъ» крестьянство, сглаживаетъ неравенство, дѣйствуя «въ связи съ ростомъ населенія» (223—224).

Въ этомъ довольно туманномъ разсужденіи только и видно, что авторъ предпочитаетъ крайне абстрактныя положенія конкретнымъ указаніямъ, что онъ ко всему припутываетъ «законъ» о соотвѣтствіи размноженія со

---

[1]) Г. Струве не упоминаетъ объ этой чертѣ. Она выражается и въ употребленіи наемнаго труда, играющемъ не малую роль въ хозяйствѣ зажиточныхъ крестьянъ, и въ операціяхъ ростовщическаго и торговаго капитала въ ихъ рукахъ, равнымъ образомъ отнимающаго сверхстоимость у производителя. Безъ этого признака нельзя и говорить о «капиталѣ».

средствами существованія. Говорю: припутываетъ,—потому что, если даже строго ограничиться фактами, приводимыми самимъ авторомъ, невозможно найти указанія на такія конкретныя черты процесса, которыя бы не подходили подъ «доктрину» марксизма и требовали признанія мальтузіанства. Намѣтимъ еще разъ этотъ процессъ: сначала мы имѣемъ натуральныхъ производителей, крестьянъ, сравнительно однородныхъ [1]). Проникновеніе товарнаго производства ставитъ богатство отдѣльнаго двора въ зависимость отъ рынка, создавая такимъ образомъ путемъ рыночныхъ колебаній неравенство и обостряя его, сосредоточивая у однихъ въ рукахъ свободныя деньги и разоряя другихъ. Эти деньги служатъ, естественно, для эксплоатаціи неимущихъ, превращаются въ капиталъ. Покуда еще разоряющіеся крестьяне держатся за свое хозяйство, капиталъ можетъ эксплуатировать ихъ, оставляя ихъ хозяйничать по прежнему, на старыхъ, технически нераціональныхъ основаніяхъ, можетъ основывать эксплуатацію на покупкѣ продукта ихъ труда. Но разореніе достигаетъ, наконецъ, такой степени развитія, что крестьянинъ вынужденъ совсѣмъ бросить хозяйство: онъ не можетъ уже продавать продукта своего труда, ему остается только продавать трудъ. Капиталъ беретъ тогда хозяйство въ свои руки, причемъ онъ вынужденъ уже—силою конкурренціи—организовать его раціонально; онъ получаетъ возможность къ тому благодаря «сбереженнымъ» ранѣе свободнымъ денежнымъ средствамъ, онъ эксплуатируетъ уже не хозяина, а батрака, подепьщика. Спрашивается, какія же это двѣ стороны отличаетъ авторъ въ этомъ процессѣ? Какимъ образомъ находитъ онъ возможнымъ дѣлать такой чудовищный мальтузіанскій выводъ: «Техническая раціональность хозяйства, а не капитализмъ [замѣтьте это «а не»]—вотъ тотъ врагъ, который отнимаетъ хлѣбъ насущный у нашего крестьянства» (224). Какъ будто бы этотъ насущный хлѣбъ доставался когда-нибудь цѣликомъ производителю, а не дѣлился на необходимый продуктъ и прибавочный, получаемый помѣщикомъ, кулакомъ, «крѣпкимъ» крестьяниномъ, капиталистомъ!

Нельзя не добавить однако, что по вопросу о «нивеллировкѣ» у автора есть нѣкоторое дальнѣйшее разъясненіе. Она говоритъ, что «результатомъ указанной выше нивеллировки» является «констатируемое во многихъ мѣстахъ *уменьшеніе* или *даже исчезновеніе средняго слоя крестьянскаго населенія*» (223). Приведя цитату изъ земскаго изданія, констатирующаго «еще большее увеличеніе разстоянія, отдѣляющаго сельскихъ

[1]) *Работающихъ на помѣщика.* Эта сторона отодвигается, чтобы яснѣе представить переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ товарному.—Что остатки „старо-дворянскихъ“ отношеній ухудшаютъ положеніе производителя и придаютъ разоренію особенно тяжелыя формы,—объ этомъ было уже говорено.

богатѣевъ отъ безземельнаго и безлошаднаго пролетаріата», онъ заключаетъ: «*Нивеллировка* въ данномъ случаѣ, конечно, въ то же время и *дифференціація*, но на почвѣ *такой* дифференціаціи развивается только одна *кабала*, могущая быть лишь тормазомъ экономическаго прогресса» (236).—Итакъ, оказывается уже теперь, что дифференціацію, создаваемую товарнымъ хозяйствомъ, слѣдуетъ противополагать не «нивеллировкѣ», а тоже дифференціаціи, но только дифференціаціи *иного рода*, а именно кабалѣ. А такъ какъ кабала «тормозитъ» «экономическій прогрессъ», то авторъ и называетъ эту «сторону»—«регрессивной».

Разсужденіе построено по крайне страннымъ, никакъ уже не марксистскимъ пріемамъ. Сравниваются «кабала» и «дифференціація», какъ какія-то двѣ самостоятельныя, особыя «системы»; одна восхваляется за то, что содѣйствуетъ «прогрессу»; другая осуждается за то, что тормозитъ прогрессъ. Куда дѣлось у г. Струве то требованіе анализа классовыхъ противоположностей, за неисполненіе котораго онъ такъ справедливо нападалъ на г. И.—она, то ученіе о «стихійномъ процессѣ», о которомъ онъ такъ хорошо говорилъ? Вѣдь эта кабала, которую онъ сейчасъ уничтожилъ за ея регрессивность, представляетъ изъ себя не что иное, какъ первоначальное проявленіе капитализма въ земледѣліи, того самаго капитализма, который ведетъ далѣе къ прогрессивному подъему техники. Въ самомъ дѣлѣ, что такое кабала? Это—зависимость владѣющаго своими средствами производства хозяина, вынужденнаго работать на рынокъ, отъ владѣльца денегъ,—зависимость, которая, какъ бы она различно ни выражалась (въ формѣ ли ростовщическаго капитала или капитала скупщика, который монополизировалъ сбытъ),—всегда ведетъ къ тому, что громадная часть продукта труда достается не производителю, а владѣльцу денегъ. Слѣдовательно, сущность ея—чисто капиталистическая [1]), и вся особенность заключается въ томъ, что эта первичная, зародышевая форма капиталистическихъ отношеній цѣликомъ опутана прежними, крѣпостническими отношеніями: тутъ нѣтъ свободнаго договора, а есть сдѣлка вынужденная

---

[1]) Тутъ на-лицо всѣ признаки: товарное производство, какъ почва,—монополизація продукта общественнаго труда въ формѣ денегъ, какъ результатъ,—и обращеніе этихъ денегъ въ капиталъ.—Я нисколько не забываю, что эти первичныя формы *капитала* встрѣчались въ отдѣльныхъ случаяхъ и до капиталистическихъ порядковъ. Но дѣло именно въ томъ, что онѣ являются въ современномъ русскомъ крестьянскомъ хозяйствѣ не какъ единичные случаи, а какъ правило, какъ господствующая система отношеній. Онѣ связались уже (торговыми оборотами, банками) съ крупнымъ фабрично-заводскимъ машиннымъ капитализмомъ и тѣмъ показали свою тенденцію;—показали, что представители этой „кабалы" только боевые солдаты единой и нераздѣльной арміи буржуазіи.

(иногда приказомъ «начальства», иногда желаніемъ сохранить хозяйство, иногда старыми долгами и т. д.); производитель тутъ привязанъ къ опредѣленному мѣсту и къ опредѣленному эксплоататору: въ противоположность безличному характеру товарной сдѣлки, свойственному чисто капиталистическимъ отношеніямъ, здѣсь сдѣлка носитъ непремѣнно личный характеръ «помощи», «благодѣянія»,—и этотъ характеръ сдѣлки неизбѣжно ставитъ производителя въ зависимость личную, полу-крѣпостническую. Такія выраженія автора, какъ «нивеллировка», «тормазъ прогресса», «регрессивность»,—не означаютъ ничего иного, кромѣ того, что капиталъ овладѣваетъ сначала производствомъ на старомъ основаніи, подчиняетъ производителя, технически отсталаго. Указаніе автора, что наличность капитализма не даетъ еще права считать его «виновнымъ во всѣхъ бѣдствіяхъ», вѣрно въ томъ смыслѣ, что нашъ работающій на другихъ крестьянинъ страдаетъ не только отъ капитализма, но и отъ недостаточнаго развитія капитализма. Другими словами: въ громадной массѣ крестьянства нѣтъ почти уже вовсе самостоятельнаго производства на себя; на ряду съ работой на «раціональныхъ» буржуазныхъ хозяевъ мы видимъ только работу на владѣльцевъ денежнаго капитала, т. е. тоже капиталистическую эксплуатацію, но только неразвитую, примитивную, которая въ силу этого, во-1-хъ, вдесятеро ухудшаетъ положеніе трудящагося, опутывая его сѣтью особыхъ, добавочныхъ прижимокъ, а, во-2-хъ, отнимаетъ у него (и его идеолога-народника) возможность понять классовый характеръ совершаемыхъ по отношенію къ нему «непріятностей» и сообразовать свою дѣятельность съ таковымъ ихъ характеромъ. Слѣдовательно, «прогрессивная сторона» «дифференціаціи» (говоря языкомъ г. Струве) состоитъ въ томъ, что она выводитъ на свѣтъ ту противоположность, которая прячется въ формѣ кабалы, и отнимаетъ у нея ея «стародворянскія» черты. «Регрессивность» народничества, отстаивающаго крестьянское равненіе (предъ... кулакомъ), состоитъ въ томъ, что оно желаетъ задержать капиталъ въ его средневѣковыхъ формахъ, соединяющихъ эксплоатацію съ раздробленнымъ, технически отсталымъ производствомъ, съ личнымъ давленіемъ на производителя. Въ обоихъ случаяхъ (и въ случаѣ «кабалы» и въ случаѣ «дифференціаціи») причиной угнетенія является *капитализмъ*, и противоположныя заявленія автора, что дѣло «не въ капитализмѣ», а въ «технической нераціональности», что «не капитализмъ—виновникъ крестьянской бѣдности» и т. п.,—показываютъ только, что г. Струве слишкомъ увлекся, защищая правильную мысль о предпочтительности развитого капитализма передъ неразвитымъ, и благодаря абстрактности своихъ положеній противо-

поставилъ первое второму не какъ двѣ послѣдовательныя стадіи развитія даннаго явленія, а какъ особые случаи [1]).

III.

Увлеченіе автора сказывается и на слѣдующемъ разсужденіи о томъ, что причину разоренія крестьянства нельзя видѣть собственно въ крупномъ промышленномъ капитализмѣ. Онъ вступаетъ тутъ въ полемику съ г. Н.—оном.

Дешевое производство фабричныхъ продуктовъ—говоритъ г. Н.—онъ о фабричной одеждѣ—вызвало сокращеніе домашней ихъ выработки (с. 227 у г. Струве).

«Дѣло представлено тутъ какъ разъ навыворотъ, — восклицаетъ г. Струве,—и это не трудно показать. Умепьшеніе крестьянскаго производства прядильныхъ матеріаловъ повело къ увеличенію производства и потребленія продуктовъ капиталистической хлопчатобумажной промышленности, а не наоборотъ» (227).

Авторъ едвали удачно ставитъ вопросъ, загромождая суть дѣла второстепенными частностями. Если исходить изъ наблюденія надъ фактомъ развитія фабричной промышленности (а г. Н.—онъ именно изъ наблюденія этого факта и исходитъ), то невозможно отрицать, что и дешевизна фабричныхъ продуктовъ ускоряетъ ростъ товарнаго хозяйства, ускоряетъ вытѣсненіе домашнихъ продуктовъ. Возражая противъ такого заявленія г-на Н.—она, г. Струве только ослабляетъ этимъ свою аргументанцію противъ этого автора, основная ошибка котораго состоитъ въ томъ, что онъ пытается представить «фабрику» чѣмъ то оторваннымъ отъ «крестьянства», случайно, извнѣ нагрянувшимъ на него, тогда какъ на самомъ дѣлѣ «фабрика» является (и по той теоріи, которой г. Н.—онъ хочетъ вѣрно слѣдовать, и по даннымъ русской исторіи) только завершеніемъ развитія товарной организаціи всего общественнаго, слѣдовательно, и крестьянскаго хозяйства. Крупно-буржуазное производство на «фабрикѣ»—прямое и непосредственное продолженіе мелко-буржуазнаго производства въ деревнѣ,

---

[1]) На какомъ основаніи—спроситъ, пожалуй, читатель—относится это лишь къ *увлеченію* г-на Струве?—На томъ основаніи, что авторъ вполнѣ опредѣленно признаетъ капитализмъ, какъ основной фонъ, на которомъ совершаются всѣ описываемыя явленія. Онъ совершенно ясно указалъ на быстрый ростъ товарнаго хозяйства, на разложеніе крестьянства, на „распространеніе улучшенныхъ орудій“ (245) и т. п., съ одной стороны,—на „освобожденіе крестьянъ отъ земли, созданіе сельскаго пролетаріата“ (238), съ другой. Онъ самъ, наконецъ, характеризовалъ это, какъ созданіе новой силы—*капитала* и отмѣтилъ рѣшающее значеніе появленія капиталиста между производителемъ и потребителемъ.

въ пресловутой «общинѣ» или въ кустарномъ промыслѣ. «Для того, чтобы «фабричная форма» стала «болѣе дешевой»—совершенно справедливо говоритъ г. Струве—крестьянинъ долженъ стать на точку зрѣнія экономической раціональности при условіи денежнаго хозяйства». «Еслибы крестьянство держалось... за натуральное хозяйство, никакіе ситцы... его не соблазнили бы».

Другими словами: «фабричная форма»—это не болѣе какъ *развитое* товарное производство, а развилось оно изъ того *неразвитого* товарнаго производства, которое мы имѣемъ въ крестьянскомъ и кустарномъ хозяйствѣ. Авторъ желаетъ доказать г. Н.—ону, что «фабрика» и «крестьянство» взаимно связаны, что хозяйственныя «начала» ихъ порядковъ не антагонистичны [1]), а тождественны. Для этого ему и слѣдовало свести вопросъ къ экономической организаціи крестьянскаго хозяйства, выставить противъ г. Н.—она положеніе, что нашъ мелкій производитель (крестьянинъ-земледѣлецъ и кустарь) есть мелкій буржуа. Такой постановкой вопроса онъ свелъ бы его изъ области разсужденій о томъ, что «должно» быть, что «можетъ» быть и т. д., въ область выясненія *того, что есть*, и объясненія, *почему оно есть именно такъ, а не иначе*. Чтобы опровергнуть это положеніе, народникамъ пришлось бы либо отрицать общеизвѣстные и безпорные факты о ростѣ товарнаго хозяйства и разложеніи крестьянства [*а эти факты доказываютъ* мелко-буржуазность крестьянства], либо отрицать азбучныя истины политической экономіи. Принять это положеніе—значитъ признать нелѣпость противопоставленія «капитализма»—«народному строю», признать реакціонность прожектовъ «искать иныхъ путей для отечества» и обращаться съ своими пожеланіями объ «обобществленіи» къ буржуазному «обществу» или на половину еще «старо-дворянскому» «государству».

А г. Струве вмѣсто того, чтобы начать съ начала [2]), начинаетъ съ конца: «мы отвергаемъ—говоритъ онъ—одно изъ самыхъ краеугольныхъ положеній народнической теоріи экономическаго развитія Россіи, — положеніе, что развитіе крупной обрабатывающей промышленности разоряетъ крестьянина-земледѣльца» (246). Это ужъ значитъ, какъ говорятъ нѣмцы, выплескивать изъ ванны вмѣстѣ съ водой и ребенка! «Развитіе крупной обрабатывающей промышленности» означаетъ и выражаетъ развитіе капитализма. А что разоряетъ крестьянина именно капитализмъ, это—крае-

---

[1]) Народники это говорили открыто и прямо, а „несомнѣнный марксистъ“ г. Н.—онъ преподноситъ эту же безсмыслицу въ туманныхъ фразахъ о „народномъ строѣ“ и „народномъ производствѣ“, уснащенныхъ цитатами изъ Маркса.

[2]) Т. е. начать съ мелко-буржуазности „крестьянина-земледѣльца“ для доказательства „неизбѣжности и законности“ крупнаго капитализма.

угольное положеніе совсѣмъ не народничества, а *марксизма*. Народники видѣли и видятъ причины освобожденія производителя отъ средствъ производства не въ той специфической организаціи русскаго общественнаго хозяйства, которая носитъ названіе капитализма, а въ политикѣ правительства, которая, де, была неудачна («мы» шли невѣрнымъ путемъ и т. д.), въ косности общества, недостаточно сплотившагося противъ хищниковъ и пройдохъ и т. п. Поэтому и «мѣропріятія» ихъ сводились къ дѣятельности «общества» и «государства». Напротивъ, указаніе причинъ экспропріаціи въ наличности капиталистической организаціи общественнаго хозяйства приводитъ неминуемо къ ученію *о борьбѣ классовъ* (ср. у Струве, стр. 101, 288 и мн. др.). Неточность выраженія автора состоитъ въ томъ, что онъ говоритъ о «земл*едѣліи*» вообще, а не о противоположныхъ классахъ буржуазнаго земледѣлія. Народники говорятъ, что капитализмъ губитъ земл*едѣліе* и потому неспособенъ обнять все производство страны и ведетъ это производство неправильнымъ путемъ, марксисты говорятъ, что капитализмъ какъ въ обрабатывающей промышленности, такъ и въ земледѣліи давитъ *производителя*, но, поднимая производство на высшую ступень, создаетъ условія и силы для «обобществленія».[1])

Заключеніе г-на Струве по этому вопросу таково: «одна изъ самыхъ коренныхъ ошибокъ г. Н.—она заключается въ томъ, что онъ на современное, до сихъ поръ болѣе натуральное, чѣмъ денежное, крестьянское хозяйство цѣликомъ перенесъ представленія и категоріи *сложившагося* капиталистическаго строя» (237).

Мы видѣли выше, что только полное игнорированіе конкретныхъ данныхъ русскаго земледѣльческаго капитализма повело къ смѣшной ошибкѣ г. Н.—опа, толкующаго о «сокращеніи» внутренняго рынка. Но произошла эта ошибка не оттого, что онъ перенесъ на крестьянство всѣ категоріи капитализма, а оттого, что онъ никакихъ *категорій капитализма* не приложилъ къ даннымъ о земледѣліи. Важнѣйшей «категоріей» капитализма являются, конечно, классы буржуазіи и пролетаріата. Г. Н.—онъ не только не «перенесъ» ихъ на «крестьянство» (т. е. не проанализировалъ, къ какимъ именно группамъ или разрядамъ крестьянства приложимы эти категоріи и насколько онѣ развиты), а напротивъ, разсуждалъ чисто по

[1]) „Великая заслуга капиталистическаго способа производства состоитъ, съ одной стороны, въ раціонализированіи земледѣлія, возможность общественнаго веденія котораго создаетъ только этотъ способъ производства,—а съ другой стороны, въ доведеніи поземельной собственности до абсурда. Какъ и всѣ его другіе историческіе прогрессы, такъ и этотъ былъ купленъ капитализмомъ цѣной полнаго обнищанія непосредственнаго производителя". (Das Kapital, III B., 2 Th., стр. 157).

народнически, игнорируя противоположные элементы внутри «общины», разсуждая о «крестьянствѣ» вообще. Это и повело къ тому, что положеніе его о капиталистическомъ характерѣ перенаселенія, о капитализмѣ, какъ причинѣ экспропріаціи земледѣльца, осталось не доказаннымъ и послужило лишь для реакціонной утопіи.

IV.

Въ § VIII-омъ шестой главы г. Струве излагаетъ свои мысли о частновладѣльческомъ хозяйствѣ. Онъ совершенно справедливо указываетъ на тѣсную и непосредственную зависимость тѣхъ формъ, которыя принимаетъ это хозяйство, отъ крестьянскаго разоренія. Разоренный крестьянинъ не «соблазняетъ» уже помѣщика «баснословными арендными цѣнами», и помѣщикъ переходитъ къ батрацкому труду. Въ доказательство приводятся выписки изъ статьи Распопина, обработавшаго данныя земской статистики помѣщичьяго хозяйства, и изъ земскаго изданія по текущей статистикѣ, отмѣчающаго «вынужденный» характеръ увеличенія экономическихъ запашекъ. Въ отвѣтъ гг. народникамъ, столь охотно загромождающимъ разсужденіями о «будущности» капитализма въ земледѣліи и его «возможности» фактъ господства его въ настоящемъ, авторъ даетъ точное указаніе на *дѣйствительность*.

Мы должны остановиться тутъ лишь на оцѣнкѣ этого явленія авторомъ, который говоритъ, что это—«прогрессивныя теченія въ частновладѣльческомъ хозяйствѣ» (244), что эти теченія создаются «неумолимой логикой экономической эволюціи» (240). Мы боимся, что эти совершенно вѣрныя положенія, по своей абстрактности, останутся невразумительны для читателя, незнакомаго съ марксизмомъ; что читатель не пойметъ — безъ опредѣленнаго указанія на смѣну такихъ то системъ хозяйства, такихъ-то формъ классовой противоположности, — почему это данное теченіе «прогрессивно» (съ той точки зрѣнія, разумѣется, съ которой только и можетъ ставить вопросъ марксистъ, съ точки зрѣнія опредѣленнаго класса), въ чемъ именно «неумолимость» происходящей эволюціи. Попробуемъ поэтому обрисовать эту смѣну (хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ) въ параллель съ народническимъ изображеніемъ дѣла.

Народникъ изображаетъ процессъ развитія батрацкаго хозяйства какъ переходъ отъ «самостоятельнаго» крестьянскаго хозяйства къ подневольному, и—естественно—считаетъ это регрессомъ, упадкомъ и т. д. Такое изображеніе процесса прямо *фактически невѣрно*, совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, а потому нелѣпы и выводы изъ него. Изображая дѣло такимъ оптимистическимъ (по отношенію къ прошлому

и настоящему) образомъ, народникъ просто *отворачивается отъ фактовъ*, установленныхъ народнической же литературой, въ сторону утопій и возможностей.

Возьмемъ за исходный пунктъ дореформенное крѣпостническое хозяйство.

Основное содержаніе производственныхъ отношеній при этомъ было таково: помѣщикъ давалъ крестьянину землю, лѣсъ для постройки, вообще средства производства (иногда и прямо жизненныя средства) для каждаго отдѣльнаго двора, и, предоставляя крестьянину самому добывать себѣ пропитаніе, заставлялъ *все прибавочное время* работать на себя, на барщинѣ. Подчеркиваю: «все прибавочное время», чтобы отмѣтить, что о «самостоятельности» крестьянина при этой системѣ не можетъ быть и рѣчи [1]). «Надѣлъ», которымъ «обезпечивалъ» крестьянина помѣщикъ, служилъ не болѣе какъ *натуральной заработной платой*, служилъ всецѣло и исключительно для эксплуатаціи крестьянина помѣщикомъ, для «обезпеченія» помѣщику рабочихъ рукъ, никогда для дѣйствительнаго обезпеченія самого крестьянина [2]).

Но вотъ вторгается товарное хозяйство. Помѣщикъ начинаетъ производить хлѣбъ на продажу, а не на себя. Это вызываетъ усиленіе эксплуатаціи труда крестьянъ, — затѣмъ, затруднительность системы надѣловъ, такъ какъ помѣщику уже невыгодно надѣлять подростающія поколѣнія крестьянъ новыми надѣлами, и появляется возможность расплачиваться деньгами. Становится удобнѣе отграничить разъ на всегда крестьянскую землю отъ помѣщичьей (особенно ежели отрѣзать при этомъ часть надѣловъ и получить «справедливый» выкупъ) и пользоваться трудомъ *тѣхъ же* крестьянъ, поставленныхъ матеріально въ худшія условія и вынужденныхъ конкуррировать и съ бывшими дворовыми, и съ «дарственниками», и съ болѣе обезпеченными бывшими государственными и удѣльными крестьянами и т. д.

Крѣпостное право падаетъ.

Система хозяйства, — разсчитаннаго уже на рынокъ (это особенно важно), — мѣняется, но мѣняется не сразу. Къ старымъ чертамъ и «началамъ» присоединяются новыя. Эти новыя черты состоятъ въ томъ, что основой Plusmacherei дѣлается уже не снабженіе крестьянина средствами производства, а, напротивъ, «свобода» его отъ средствъ производства, его нужда въ деньгахъ; основой становится уже не натуральное хозяйство, не натуральный обмѣнъ «услугъ» (помѣщикъ дастъ крестьянину землю,

[1]) Я ограничиваюсь *исключительно* хозяйственной стороной дѣла.

[2]) Поэтому ссылаться на крѣпостническое „надѣленіе землей“ для доказательства „исконности“ принадлежности средствъ производства производителю — сплошная фальшь.

а крестьянинъ—продукты прибавочнаго труда, хлѣбъ, холстъ и т. п.), а товарный, денежный «свободный» договоръ. Эта именно форма хозяйства, совмѣщающая старыя и новыя черты, и воцарилась въ Россіи послѣ реформы. Къ старинным пріемамъ ссуды земли за работу (хозяйство за отрѣзныя земли, напр.) присоединилась «зимняя наемка»—ссуда денегъ подъ работу въ такой моментъ, когда крестьянинъ особенно нуждается въ деньгахъ и въ тридешева продаетъ свой трудъ, ссуда хлѣба подъ отработки и т. п. Общественно-экономическія отношенія въ бывшей «вотчинѣ» свелись, какъ видите, къ самой обыкновенной *ростовщической* сдѣлкѣ: это операціи — совершенно аналогичныя съ операціями скупщика надъ кустарями.

Неоспоримо, что именно такое хозяйство стало типомъ послѣ реформы, и наша народническая литература дала превосходныя *описанія* этой особенно непривлекательной формы Plusmacherei, соединенной съ крѣпостническими традиціями и отношеніями, съ полной безпомощностью связаннаго своимъ «надѣломъ» крестьянина.

Но народники не хотѣли и не хотятъ видѣть, въ чемъ же экономическая основа этихъ отношеній?

Основой господства здѣсь является уже не только владѣніе землей, какъ въ старину, а еще владѣніе деньгами, въ которыхъ нуждается крестьянинъ (а деньги, это—продуктъ общественнаго труда, организованнаго товарнымъ хозяйствомъ),—и «свобода» крестьянина отъ средствъ къ жизни. Очевидно, что это — отношеніе капиталистическое, буржуазное. «Новыя» черты—не что иное, какъ первичная форма господства *капитала* въ земледѣліи, форма, не высвободившаяся еще отъ «стародворянскихъ» путъ, форма, создавшая классовую противоположность, присущую капиталистическому обществу, но еще не фиксировавшая ея.

Но вотъ съ развитіемъ товарнаго хозяйства ускользаетъ почва изъ подъ этой первичной формы господства капитала: разореніе крестьянства, дошедшее теперь уже до полнаго краха, означаетъ потерю крестьянами своего инвентаря,—на основаніи котораго держалась и крѣпостная и кабальная форма труда — и тѣмъ вынуждаетъ помѣщика переходить къ своему инвентарю, крестьянина—дѣлаться батракомъ.

Что этотъ переходъ и началъ совершаться въ пореформенной Россіи,— это опять таки безспорный фактъ. Фактъ этотъ показываетъ тенденцію той кабальной формы, которую народники разсматриваютъ чисто метафизически — внѣ связи съ прошлымъ, внѣ стремленія къ развитію; фактъ этотъ показываетъ *дальнѣйшее* развитіе капитализма, дальнѣйшее развитіе той классовой противоположности, которая присуща нашему капиталистическому обществу и которая въ предыдущую эпоху выражалась

въ отношеніи «кулака» къ крестьянину, а теперь начинаетъ выражаться въ отношеніи раціональнаго хозяина къ батраку и поденьщику.

И вотъ эта-то послѣдняя перемѣна и вызываетъ отчаяніе и ужасъ народника, который начинаетъ кричать объ «обезземеленіи», о «потерѣ самостоятельности», о «водвореніи» капитализма» и «грозящихъ» отъ него бѣдствіяхъ и т. д. и т. д.

Посмотрите на эти разсужденія безпристрастно,—и вы увидите въ нихъ, во-первыхъ, *ложь*, хотя бы и благонамѣренную, такъ какъ предшествуетъ этому батрацкому хозяйству не «самостоятельность» крестьянина, а другія формы отдаванія прибавочнаго продукта тому, кто не участвовалъ въ его созданіи. Во-вторыхъ, вы увидите поверхностность, мелкость народническаго протеста, обращающую его, по мѣткому выраженію г. Струве, въ вульгарный соціализмъ. Почему это «водвореніе» усматривается лишь во второй формѣ, а не въ обѣихъ? почему протестъ направляется не противъ того основного историческаго факта, который сосредоточилъ въ рукахъ «частныхъ землевладѣльцевъ» средства производства, а лишь противъ одного изъ пріемовъ утилизаціи этой монополіи? почему корень зла усматривается не въ тѣхъ производственныхъ отношеніяхъ, которыя вездѣ и повсюду подчиняютъ трудъ владѣльцу денегъ, а лишь въ той неравномѣрности распредѣленія, которая такъ рельефно выступаетъ въ *послѣдней* формѣ этихъ отношеній? Именно это основное обстоятельство — протестъ противъ капитализма, остающійся на почвѣ капиталистическихъ же отношеній, — и дѣлаетъ изъ народниковъ идеологовъ мелкой буржуазіи, боящейся не буржуазности, а лишь обострепія ея, которое одно только и ведетъ къ коренному измѣненію.

V.

Переходимъ къ послѣднему пункту теоретическихъ разсужденій г-на Струве, къ «вопросу о рынкахъ для русскаго капитализма» (245).

Разборъ построенной народниками теоріи объ отсутствіи у насъ рынковъ авторъ начинаетъ вопросомъ: «что понимаетъ г. В. В. подъ капитализмомъ?» Такой вопросъ поставленъ очень умѣстно, такъ какъ г. В. В. (да и всѣ народники вообще) всегда сличали русскіе порядки съ какою нибудь «англійской» формой» (247) капитализма, а не съ основными его чертами, измѣняющими свою физіономію въ каждой странѣ. Жаль только, что г. Струве не даетъ полнаго опредѣленія капитализма, указывая вообще на «господство мѣноваго хозяйства» [это — одинъ признакъ; второй — присвоеніе прибавочной стоимости владѣльцемъ денегъ, господство этого послѣдняго надъ трудомъ], на «тотъ строй, который мы

видимъ на Западѣ Европы» (247), «со всѣми его послѣдствіями», съ «концентраціей промышленнаго производства, капитализмомъ въ узкомъ смыслѣ слова» (247).

«Г. В. В.—говоритъ авторъ—въ анализъ понятія: «капитализмъ» не вдался, а заимствовалъ его у Маркса, который имѣлъ въ виду, по преимуществу, капитализмъ въ узкомъ смыслѣ, какъ уже вполнѣ сложившійся продуктъ отношеній, развивающихся на почвѣ подчиненія производства обмѣну» (247). Съ этимъ невозможно согласиться. Во-первыхъ, еслибы г. В. В. дѣйствительно заимствовалъ свое представленіе о капитализмѣ у Маркса, то онъ имѣлъ бы правильное представленіе о немъ и не могъ бы смѣшивать «англійскую форму» съ капитализмомъ. Во-вторыхъ, совершенно несправедливо, что Марксъ по преимуществу имѣлъ въ виду «централизацію или концентрацію промышленнаго производства» [это разумѣетъ г. Струве подъ капитализмомъ въ узкомъ смыслѣ]. Напротивъ, онъ прослѣдилъ развитіе товарнаго хозяйства съ первыхъ его шаговъ, онъ анализировалъ капитализмъ въ его примитивныхъ формахъ простой кооперацiи и мануфактуры,—формахъ, на цѣлые вѣка отстоящихъ отъ концентрацiи производства машинами,—онъ показалъ связь промышленнаго капитализма съ земледѣльческимъ. Г. Струве самъ съуживаетъ понятіе капитализма, говоря: «...объектомъ изученія г-на В. В. являлись *первые* шаги народнаго хозяйства на пути отъ патуральной организацiи къ товарной». Надо было сказать: *послѣдніе* шаги. Г. В. В., насколько извѣстно, изучалъ только пореформенное хозяйство Россіи. *Начало товарнаго* производства относится къ дореформенной эпохѣ, какъ указываетъ самъ г. Струве (189—190), и даже *капиталистическая* организацiя хлопчато-бумажной промышленности сложилась до освобожденія крестьянъ. Реформа дала толчокъ *окончательному* развитію въ этомъ смыслѣ; она выдвинула на первое мѣсто не товарную форму продукта труда, а товарную форму рабочей силы; она санкціонировала господство не товарнаго, а уже капиталистическаго производства. Неясное различіе капитализма въ широкомъ и узкомъ смыслѣ [1]) приводитъ г. Струве къ тому, что онъ смотритъ, повидимому, на русскій капитализмъ, какъ на нѣчто будущее, а не настоящее, вполнѣ уже и окончательно сложившееся. Онъ говоритъ, напримѣръ:

«Прежде чѣмъ ставить вопросъ: неизбѣженъ ли для Россіи капита-

[1]) Не видно, по какому признаку отличаетъ авторъ эти понятія? Если подъ капитализмомъ въ узкомъ смыслѣ разумѣть машинную индустрію только, тогда непонятно, почему не выдѣлить особо и мануфактуру? Если подъ капитализмомъ въ широкомъ смыслѣ разумѣть товарное только хозяйство, тогда тутъ нѣтъ капитализма.

лизмъ въ англійской формѣ, г. В. В. долженъ былъ поставить и разрѣшить другой, болѣе общій и потому болѣе важный вопросъ: неизбѣженъ ли для Россіи переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному и каково отношеніе капиталистическаго производства sensu stricto къ товарному производству вообще?» (247). Едвали удобно такъ ставить вопросъ. Если данная, существующая теперь въ Россіи, система производственныхъ отношеній будетъ выяснена, тогда вопросъ о «неизбѣжности» того или другого развитія будетъ уже рѣшенъ eo ipso. Если же она не будетъ выяснена, тогда онъ не разрѣшимъ. Вмѣсто разсужденій о будущемъ (излюбленныхъ гг. народниками) слѣдуетъ *объяснять* настоящее. Въ пореформенной Россіи крупнѣйшимъ фактомъ выступило внѣшнее, если можно такъ выразиться, проявленіе капитализма, т. е. проявленіе его «вершинъ» (фабричнаго производства, жел. дорогъ, банковъ и т. п.), и для теоретической мысли тотчасъ же всталъ вопросъ о капитализмѣ въ Россіи. Народники старались доказать, что эти вершины—случайны, не связаны со всѣмъ экономическимъ строемъ, безпочвенны и потому безсильны; при этомъ они оперировали съ слишкомъ узкимъ понятіемъ «капитализма», забывая, что порабощеніе труда капиталу проходитъ очень длинныя и различныя стадіи отъ торговаго капитала до «англійской формы». Марксисты и должны доказать, что эти вершины — не болѣе какъ послѣдній шагъ развитія товарнаго хозяйства, давно сложившагося въ Россіи и *повсюду*, во всѣхъ отрасляхъ производства, порождающаго подчиненіе капиталу труда.

Съ особенной наглядностью воззрѣніе г-на Струве на русскій капитализмъ какъ на нѣчто будущее, а не настоящее, — сказалось въ слѣдующемъ разсужденіи: «пока будетъ существовать современная община, закрѣпленная и укрѣпленная закономъ, на ея почвѣ развиваются такія отношенія, которыя съ «народнымъ благосостояніемъ» не имѣютъ ничего общаго. [Неужели только еще «развиваются», а не развились уже такъ давно, что вся народническая литература, съ самаго своего возникновенія, болѣе четверти вѣка тому назадъ, описывала эти явленія и протестовала противъ нихъ?] На Западѣ мы имѣемъ нѣсколько примѣровъ существованія парцеллярнаго хозяйства рядомъ съ крупнымъ капиталистическимъ. Наша Польша и нашъ юго-западный край представляютъ явленія того же порядка. Можно сказать, что и подворная и общинная Россія, поскольку разоренное крестьянство остается на землѣ, и въ его средѣ нивеллирующія вліянія оказываются сильнѣе дифференцирующихъ, приближается къ этому типу» (280). Неужели только еще приближается, а не представляетъ уже сейчасъ именно этотъ *типъ*? Для опредѣленія «типа» надо брать, конечно, основныя экономическія черты порядковъ, а не юридическія формы. Если мы посмотримъ на эти основныя

черты экономики русской деревни, то увидимъ изолированное хозяйство крестьянскихъ дворовъ на мелкихъ участкахъ земли, увидимъ растущее товарное хозяйство, играющее доминирующую роль уже сейчасъ. Это именно тѣ черты, которые даютъ содержаніе понятію: «парцеллярное хозяйство». Мы видимъ далѣе ту же задолженность крестьянъ ростовщикамъ, ту же экспропріацію, о которой свидѣтельствуютъ данныя Запада. Вся разница—въ особенности нашихъ юридическихъ порядковъ (гражданская неравноправность крестьянъ; формы землевладѣнія), которые сохраняютъ цѣльнѣе слѣды «стараго режима» вслѣдствіе болѣе слабаго развитія у насъ капитализма. Но однородности *типа* нашихъ крестьянскихъ порядковъ съ западными эти особенности нимало не нарушаютъ.

Переходя къ самой теоріи рынковъ, г. Струве замѣчаетъ, что гг. В. В. и Н.—онъ путаются въ порочномъ кругѣ: для развитія капитализма нуженъ ростъ рынка, а капитализмъ разоряетъ населеніе. Авторъ исправляетъ этотъ порочный кругъ своимъ мальтузіанствомъ крайне неудачно, относя причину разоренія крестьянства не къ капитализму, а къ «росту населенія»!! Ошибка указанныхъ авторовъ совсѣмъ иная: капитализмъ не разоряетъ только, а *разлагаетъ* крестьянство на буржуазію и пролетаріатъ. Процессъ этотъ не сокращаетъ внутренній рынокъ, а *создаетъ* его: товарное хозяйство растетъ у обоихъ полюсовъ разлагающагося крестьянства, и у «пролетарскаго», вынужденнаго продавать «свободный трудъ», и у буржуазнаго, поднимающаго технику своего хозяйства (машины, инвентарь, удобренія и т. д. Ср. «Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ» г. В. В.) и развивающаго потребности. Несмотря на то, что такое пониманіе процесса непосредственно основано на теоріи Маркса о сотношеніи индустріальнаго и земледѣльческаго капитализма, г. Струве игнорируетъ его,—можетъ быть, оттого, что введенъ въ заблужденіе «теоріей рынковъ» г-на В. В. Этотъ послѣдній, опираясь якобы на Маркса, преподнесъ россійской публикѣ «теорію», будто бы въ капиталистическомъ развитомъ обществѣ неизбѣженъ «излишекъ товаровъ»; внутренній рынокъ не можетъ быть достаточнымъ, необходимъ внѣшній. «Эта теорія вѣрна (?!)—заявляетъ г. Струве—поскольку она констатируетъ тотъ фактъ, что прибавочная стоимость не можетъ быть реализована въ потребленіи ни капиталистовъ, ни рабочихъ, а предполагаетъ потребленіе 3-хъ лицъ» (251). Съ заявленіемъ этимъ нѣтъ никакой возможности согласиться. «Теорія» г-на В. В. (если можно тутъ говорить о теоріи) состоитъ просто въ игнорированіи того различія личнаго и производительнаго потребленія, различія средствъ производства и предметовъ потребленія, безъ котораго (различія) невозможно уясненіе воспроизводства всего общественнаго капитала въ капиталистическомъ обществѣ. Марксъ показалъ это со

всею подробностью во II-мъ томѣ «Капитала» (третій отдѣлъ: «Воспроизводство и образованіе всего общественнаго капитала»), и отмѣтилъ рельефно и въ I-мъ, критикуя то положеніе классической политической экономіи, по которому накопленіе капитала состоитъ въ превращеніи сверхстоимости въ заработную плату только, а не въ постоянный капиталъ (средства производства) плюсъ заработная плата. Для подтвержденія такой характеристики теоріи г. В. В. ограничимся двумя цитатами изъ указанныхъ г-номъ Струве статей,

«Каждый рабочій—говоритъ г. В. В. въ статьѣ »Излишекъ снабженія рынка товарами»—производитъ больше, чѣмъ онъ потребляетъ, и всѣ эти излишки скопляются въ немногихъ рукахъ; владѣльцы этихъ излишковъ потребляютъ ихъ сами, для чего обмѣниваютъ ихъ внутри страны и за границей на разнообразные продукты необходимости и комфорта; но сколько бы они ни пили, ни ѣли и ни плясали (sic!!)—всей прибавочной стоимости имъ не извести» (От. Зап. 1883 г. № 5, стр. 16) и «для большей наглядности» авторъ «разсматриваетъ главнѣйшія траты» капиталиста въ родѣ обѣдовъ, поѣздокъ и т. п. Еще рельефнѣе въ статьѣ «Милитаризмъ и капитализмъ»: «Ахиллесова пята капиталистической организаціи промышленности заключается въ невозможности для предпринимателей потребить весь свой доходъ» (Рус. Мысль, 1889 г. № 9, стр. 81). «Ротшильдъ не съумѣетъ потребить всего приращенія своего дохода... просто потому, что это приращеніе... представляетъ такую значительную массу предметовъ потребленія, что Ротшильдъ, всѣ прихоти котораго и безъ того исполняются, рѣшительно затруднился бы» и т. д.

Всѣ эти разсужденія, какъ видите, основаны на томъ наивномъ мнѣніи, будто капиталистъ имѣетъ цѣлью личное потребленіе, а не накопленіе сверхстоимости,—на той ошибкѣ, будто общественный продуктъ распадается на $v + m$ (перемѣнный капиталъ плюсъ сверхстоимость), какъ училъ А. Смитъ и вся политическая экономія до Маркса, а не на $c + v + m$ (постоянный капиталъ, средства производства, и затѣмъ уже зар. плата и сверхстоимость), какъ показалъ Марксъ. Разъ исправлены эти ошибки и принято во вниманіе то обстоятельство, что въ капиталистическомъ обществѣ громадную и все ростущую роль играютъ средства производства (та часть общественныхъ продуктовъ, которая идетъ не на личное, а на производительное потребленіе, на потребленіе не людей, а капитала), рушится совершенно и вся пресловутая «теорія». Марксъ доказалъ во II-омъ томѣ, что вполнѣ мыслимо капиталистическое производство безъ внѣшнихъ рынковъ, съ ростущимъ накопленіемъ богатства и безъ всякихъ «3-хъ лицъ», привлеченіе которыхъ г-номъ Струве въ высшей степени неудачно. Разсужденіе г. Струве объ этомъ предметѣ тѣмъ болѣе вызываютъ

недоумѣніе, что самъ же онъ указываетъ на преобладающее значеніе для Россіи внутренняго рынка и ловитъ г. В. В. на «программѣ развитія русскаго капитализма», опирающагося на «крѣпкое крестьянство». Процессъ образованія этого «крѣпкаго» (спрѣчь буржуазнаго) крестьянства, идущій въ настоящее время въ нашей деревнѣ, прямо показываетъ намъ зарожденіе капитала, пролетаризированіе производителя и *ростъ внутренняго рынка*: «распространеніе улучшенныхъ орудій», напр., означаетъ именно накопленіе капитала на счетъ средствъ производства. По этому вопросу особенно необходимо было бы вмѣсто изложенія «возможностей» дать изложеніе и объясненіе того дѣйствительнаго процесса, который выражается въ созданіи внутренняго рынка для русскаго капитализма [1]).

Заканчивая этимъ разборъ теоретической части книги г. Струве, мы можемъ теперь попытаться дать общую, сводную, такъ сказать, характеристику основныхъ пріемовъ его разсужденій и подойти такимъ образомъ къ разрѣшенію вопросовъ, выставленныхъ въ началѣ: «что именно въ этой книгѣ можетъ быть отнесено на счетъ марксизма?», «какія положенія доктрины (марксизма) авторъ отвергаетъ, пополняетъ или поправляетъ и что въ этихъ случаяхъ получается?».

Основная черта разсужденій автора, отмѣченная съ самаго начала, это его узкій объективизмъ, ограничивающійся доказательствомъ неизбѣжности и необходимости процесса и не стремящійся вскрывать въ каждой конкретной стадіи этого процесса присущую ему форму классоваго антагонизма,—объективизмъ, характеризующій процессъ вообще, а не тѣ антагонистическіе классы въ отдѣльности, изъ борьбы которыхъ складывается процессъ.

Мы вполнѣ понимаемъ, что для такого ограниченія своихъ «замѣтокъ» одной «объективной» и притомъ наиболѣе общей частью у автора были свои основанія: во-1-хъ, желая противопоставить народникамъ основы враждебныхъ воззрѣній, онъ излагалъ одни principia, предоставляя развитіе и болѣе конкретное ихъ выясненіе дальнѣйшему развитію полемики, во-2-хъ, мы въ I-ой главѣ старались показать, что *все* отличіе народничества отъ марксизма состоитъ въ *характерѣ критики* русскаго капитализма, въ иномъ *объясненіи* его,—откуда естественно и проистекаетъ то, что марксисты ограничиваются иногда одними общими «объективными» положеніями, напираютъ исключительно на то, что̀ отличаетъ наше пониманіе (*общеизвѣстныхъ фактовъ*) отъ пониманія народническаго.

---

[1]) Такъ какъ это очень важный и сложный вопросъ, то мы намѣрены посвятить ему отдѣльную статью.

Но у г. Струве, кажется намъ, дѣло зашло уже слишкомъ далеко въ этомъ отношеніи. Абстрактность изложенія давала часто положенія, не могущія не вызвать недоразумѣній; постановка вопроса не отличалась отъ ходячихъ, царящихъ въ нашей литературѣ пріемовъ разсуждать по-профессорски, сверху—о путяхъ и судьбахъ отечества, а не объ отдѣльныхъ классахъ, идущихъ такимъ-то и такимъ-то путемъ; чѣмъ конкретнѣе становились разсужденія автора, тѣмъ болѣе становилось невозможнымъ разъяснить principia марксизма, оставаясь на высотѣ общихъ абстрактныхъ положеній, тѣмъ необходимѣе было давать опредѣленныя указанія на такое то положеніе такихъ-то классовъ русскаго общества, на такое-то соотношеніе разныхъ формъ Plusmacherei къ интересамъ производителей.

Поэтому и казалось намъ не совсѣмъ неумѣстной попытка дополнить и пояснить положенія автора, прослѣдить шагъ за шагомъ его изложеніе, чтобы отмѣтить необходимость *иной* постановки вопросовъ, необходимость *болѣе послѣдовательнаго* проведенія теоріи классовыхъ противорѣчій.

Что касается до прямыхъ отступленій г. Струве отъ марксизма—по вопросамъ о государствѣ, о перенаселеніи, о внутреннемъ рынкѣ—то объ нихъ достаточно было уже говорено.

VI.

Въ книгѣ г. Струве кромѣ критики теоретическаго содержанія народничества помѣщены, между прочимъ, еще нѣкоторыя замѣчанія, касающіяся народнической экономической политики. Хотя замѣчанія эти брошены бѣгло и не развиты авторомъ, но мы не можемъ тѣмъ не менѣе не коснуться ихъ, чтобы не оставлять мѣста никакимъ недоразумѣніямъ.

Въ этихъ замѣчаніяхъ содержатся указанія на «раціональность», прогрессивность, «разумность» и т. п. либеральной т. е. буржуазной политики по сравненію съ политикой народнической [1]).

---

[1]) Укажемъ образчики этихъ замѣчаній: «Если государство ... желаетъ укрѣпить не крупное, а мелкое землевладѣніе, то при данныхъ экономическихъ условіяхъ оно можетъ достигнуть этой цѣли не тѣмъ, что будетъ гоняться за неосуществимымъ экономическимъ равенствомъ въ средѣ крестьянства, а только—путемъ поддержанія его жизнеспособныхъ элементовъ, путемъ созданія изъ нихъ экономически крѣпкаго крестьянства". (240). „Я не могу не видѣть, что политика, которая направится на созданіе *такого* крестьянства (именно: „экономически крѣпкаго, приспособленнаго къ товарному производству") будетъ единственной разумной и прогрессивной политикой" (281). „Россія изъ бѣдной капиталистической страны должна стать богатой капиталистической же страной" (251) и т. д. вплоть до заключительной фразы: «пойдемъ на выучку къ капитализму».

Очевидно, авторъ хотѣлъ сопоставить двѣ политики. остающіяся на почвѣ существующихъ отношеній,—и *въ этомъ смыслѣ* онъ совершенно справедливо указалъ, что «разумна» политика, развивающая, а не задерживающая капитализмъ,—«разумна», конечно, не потому, что служа буржуазіи все сильнѣе подчиняетъ ей производителя [какъ пытаются истолковать разные «простяки» или «акробаты»], а потому, что, обостряя и очищая капиталистическія отношенія, она просвѣтляетъ *разумъ* того, отъ кого только и зависитъ перемѣна, и развязываетъ ему руки.

Мы не можемъ не замѣтить однако, что это совершенно вѣрное положеніе выражено г-номъ Струве неудачно, высказано имъ благодаря свойственной ему абстрактности такъ, что иногда хочется сказать ему: предоставьте мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ. Никогда не было въ Россіи недостатка въ людяхъ, всю душу полагавшихъ на созданіе теорій и программъ, выражающихъ интересы нашей буржуазіи, выражающихъ всѣ эти «долженствованія» сильнаго и крупнаго капитала раздавить маленькій капиталъ и разрушить его примитивные и патріархальные пріемы эксплуатаціи.

Еслибы авторъ и тутъ строго выдержалъ требованія «доктрины» марксизма, обязывающей сводить изложеніе къ формулировкѣ дѣйствительнаго процесса, обязывающей вскрывать классовыя противорѣчія за каждой формой «разумной», «раціональной» и прогрессивной политики,—онъ высказалъ бы ту же мысль иначе, далъ другую постановку вопроса. Онъ привелъ бы тѣ теоріи и программы либерализма, т. е. буржуазіи, которыя какъ грибы послѣ дождя росли послѣ великой реформы, въ параллель съ съ фактическими данными о развитіи капитализма въ Россіи. Онъ бы показалъ такимъ образомъ на русскомъ примѣрѣ ту связь общественныхъ идей съ экономическимъ развитіемъ, которую онъ доказывалъ въ первыхъ главахъ и которая можетъ быть окончательно установлена только матеріалистическимъ анализомъ русскихъ данныхъ. Онъ бы показалъ так. обр., во-вторыхъ, какъ наивны народники, воюющіе въ своей литературѣ противъ буржуазныхъ теорій такъ, какъ будто бы эти теоріи представляли только ошибочныя разсужденія, а не интересы могущественнаго класса, который глупо усовѣщевать, который можетъ быть «убѣжденъ» только внушительной силой другого класса. Онъ показалъ бы такимъ образомъ, въ третьихъ, какой классъ на самомъ дѣлѣ опредѣляетъ у насъ «долженствованіе» и «прогрессъ», и какъ смѣшны народники, разсуждающіе о томъ, какой «путь» «выбрать».

Гг. народники съ особеннымъ удовольствіемъ подхватили эти выраженія г-на Струве, злорадствуя по поводу того, что неудачная формулировка ихъ позволила разнымъ буржуазнымъ экономистамъ (въ родѣ г. Янжула)

и крѣпостникамъ въ родѣ г. Головина) цѣпляться за отдѣльныя, вырванныя изъ общей связи, фразы. Мы видѣли, въ чемъ состоитъ неудовлетворительность г. Струве, давшая противникамъ такое оружіе въ руки.

Попытки критиковать народничество просто какъ теорію, неправильно указывающую пути для отечества [1]), привели автора къ неясной формулировкѣ своего отношенія къ «экономической политикѣ» народничества. Тутъ могутъ увидѣть, пожалуй, огульное отрицаніе этой политики, а не одной только ея половины. Необходимо поэтому остановиться на этомъ пунктѣ.

Философствованіе о возможности «иныхъ путей для отечества», это—только внѣшнее облаченіе народничества. Содержаніе же его—представительство интересовъ и точки зрѣнія русскаго мелкаго производителя, мелкаго буржуа. Поэтому народникъ въ теоріи точно такъ же является Янусомъ, который смотритъ однимъ ликомъ въ прошлое, другимъ—въ будущее, какъ въ жизни является Янусомъ мелкій производитель, который смотритъ однимъ ликомъ въ прошлое, желая укрѣпить свое мелкое хозяйство, не зная и знать ничего не желая объ общемъ экономическомъ строѣ и о необходимости считаться съ завѣдующимъ имъ классомъ,—а другимъ ликомъ въ будущее, настраиваясь враждебно противъ разоряющаго его капитализма.

Понятно отсюда, что отвергать всю народническую программу цѣликомъ, безъ разбора было бы абсолютно неправильно. Въ ней надо строго отличать ея реакціонную и прогрессивную стороны. Народничество реакціонно, поскольку оно предлагаетъ мѣропріятія, привязывающія крестьянина къ землѣ и къ старымъ способамъ производства, въ родѣ неотчуждаемости надѣловъ и т. п. [2]), поскольку они хотятъ задержать развитіе денежнаго хозяйства, поскольку они ждутъ не частичныхъ улучшеній, а перемѣны пути отъ «общества» и отъ воздѣйствія представителей бюрократіи (примѣръ: г. Южаковъ, разсуждавшій въ «Рус. Бог.», 94, № 7, объ общественныхъ запашкахъ, проектируемыхъ однимъ земскимъ начальникомъ, и занимавшійся внесеніемъ поправокъ въ эти проекты). Противъ подобныхъ пунктовъ народнической программы необходима, конечно, безусловная война. Но есть у нихъ и другіе пункты, относящіеся къ самоуправленію, свободному и широкому доступу знаній къ «народу», къ

---

[1]) Авторъ „Критическихъ Замѣтокъ“ указываетъ на экономическую почву народничества (стр. 166—7), но его указаніе представляется намъ недостаточнымъ.

[2]) Чрезвычайно вѣрно говоритъ г. Струве, что эти мѣры могли бы лишь „осуществить пламенныя мечтанія нѣкоторыхъ западноевропейскихъ и россійскихъ землевладѣльцевъ о крѣпкихъ землѣ батракахъ“ (279).

«подъему» «народнаго» (спрѣчь мелкаго) хозяйства посредствомъ дешевыхъ кредитовъ, улучшеній техники, упорядоченій сбыта и т. д. и т. д. и т. д. Что подобныя, обще-демократическія, мѣропріятія прогрессивны,— это признаетъ, конечно, вполнѣ и г. Струве. Они не задержатъ, а ускорятъ экономическое развитіе Россіи по капиталистическому пути, ускорятъ созданіе внутренняго рынка, ускорятъ ростъ техники и машинной индустріи улучшеніемъ положенія трудящагося и повышеніемъ его уровня потребностей, ускорятъ и облегчатъ его самостоятельное мышленіе и дѣйствіе.

Тутъ можетъ только развѣ возникнуть вопросъ: кто вѣрнѣе и лучше указываетъ подобныя, безусловно желательныя, мѣры,—народники ли или публицисты à la г. А. Скворцовъ, который тоже распинается за техническій прогрессъ и къ которому такъ чрезвычайно расположенъ г. Струве? Мнѣ кажется, что съ марксистской точки зрѣнія нельзя сомнѣваться въ абсолютной предпочтительности народничества *въ этомъ отношеніи*. Мѣропріятія гг. Скворцовыхъ такъ же относятся къ интересамъ всего класса мелкихъ производителей, мелкой буржуазіи, какъ программа «Московскихъ Вѣдомостей» къ интересамъ крупной. Они разсчитаны не на всѣхъ [1]), а только на отдѣльныхъ избранниковъ, удостоивающихся вниманія начальства. Они безобразно грубы, наконецъ, потому что предполагаютъ полицейское вмѣшательство въ хозяйство крестьянъ. Взятыя въ совокупности, эти мѣры не даютъ никакихъ серьезныхъ гарантій и шансовъ на «производственный прогрессъ крестьянскаго хозяйства».

Народники неизмѣримо правильнѣе понимаютъ и представляютъ *въ этомъ отношеніи* интересы мелкихъ производителей, и марксисты должны отвергнувъ всѣ реакціонныя черты ихъ программы, не только принять обще-демократичестіе пункты, но и провести ихъ точнѣе, глубже и дальше. Чѣмъ рѣшительнѣе будутъ такія реформы въ Россіи, чѣмъ выше поднимутъ жизненный уровень трудящихся массъ,—тѣмъ рѣзче и чище выступитъ важнѣйшая и основная (уже сейчасъ) соціальная противоположность русской жизни. Марксисты не только не «обрываютъ демократической нити» или теченія, какъ клеплетъ на нихъ г. В. В.,—напротивъ, они хотятъ развитія и усиленія этого теченія, хотятъ приближенія его къ жизни, хотятъ поднять ту «нить», которую выпускаетъ изъ рукъ «общество» и «интеллигенція» [2]).

---

[1]) Т. е., конечно, на всѣхъ, *кому доступенъ* технический прогрессъ.

[2]) „Недѣля“ 1894 г. № 44, г. В. В.: «Въ пореформенный періодъ нашей исторіи соціальныя отношенія въ нѣкоторыхъ чертахъ приблизились къ западноевропейскимъ, съ активнымъ демократизмомъ въ эпоху политической борьбы, и общественнымъ индифферентизмомъ въ послѣдующее время“. Мы стара-

Это требованіе—не бросать «нити», а напротивъ укрѣплять ее—вовсе не случайно вытекаетъ изъ личнаго настроенія тѣхъ или другихъ «марксистовъ», а необходимо опредѣляется положеніемъ и интересами того класса, которому они хотятъ служить, необходимо и безусловно предписывается коренными требованіями ихъ «доктрины». Я не могу, по легко понятнымъ причинамъ, останавливаться здѣсь на разборѣ первой части этого положенія, на характеристикѣ «положенія» и «интересовъ»: да тутъ, кажется, дѣло само говоритъ за себя. Коснусь только второй части, именно отношенія марксистской доктрины къ вопросамъ, выражающимъ «обрывающуюся нить».

Марксисты должны *иначе ставить* эти вопросы, чѣмъ это дѣлали и дѣлаютъ гг. народники. У послѣднихъ вопросъ становится съ точки зрѣнія «современной науки, современныхъ нравственныхъ идей»; дѣло изображается такъ, будто нѣтъ какихъ-нибудь глубокихъ, въ самыхъ *производственныхъ отношеніяхъ* лежащихъ причинъ неосуществленія подобныхъ реформъ, а есть препятствія только въ грубости чувствъ: въ слабомъ «свѣтѣ разума» и т. п., будто Россія—tabula rasa, на которой остается только правильно начертать правильные пути. *При такой постановкѣ вопроса* ему обезпечивалась, понятно, «чистота», которой хвастается г. В. В. и которая на самомъ дѣлѣ означаетъ лишь «чистоту» институтскихъ мечтаній, которая дѣлаетъ народническія разсужденія столь пригодными для бесѣдъ въ кабинетахъ.

Постановка этихъ же вопросовъ у марксистовъ необходимо должна быть совершенно иная [1]). Обязанные отыскивать корни общественныхъ явленій въ производственныхъ отношеніяхъ, обязанные сводить ихъ къ *интересамъ* опредѣленныхъ классовъ, они должны формулировать тѣ же desiderata, какъ «пожеланія» такихъ-то общественныхъ элементовъ, встрѣчающія противодѣйствіе такихъ-то другихъ элементовъ и классовъ. Такая постановка будетъ уже абсолютно устранять возможность утилизаціи ихъ «теорій» для профессорскихъ, поднимающихся *выше* классовъ, разсужденій, для какихъ-нибудь обѣщающихъ «блестящій успѣхъ» [2]) проектовъ и докладовъ. Это, конечно, только еще косвенное достоинство указываемой

лись показать въ I главѣ, что этотъ „индифферентизмъ“ — не случайность, а неизбѣжный результатъ положенія и интересовъ того класса, изъ котораго выходятъ представители „общества“ и который рядомъ съ минусами отъ современныхъ отношеній получаетъ отъ нихъ весьма немаловажные плюсы.

[1]) Если они будутъ послѣдовательно проводить свою теорію. Мы много уже говорили о томъ, что неудовлетворительность изложенія у г. Струве произошла именно оттого, что онъ не выдержалъ со всей строгостью этой теоріи.

[2]) Выраженіе г. Южакова.

перемѣны точки зрѣнія, но и оно очень велико, если принять во вниманіе, по какой крутой накладной плоскости катится *современное* народничество въ болото оппортунизма. Но однимъ косвеннымъ достоинствомъ дѣло не ограничивается. Если ставить тѣ же вопросы примѣнительно къ теоріи классоваго антагонизма [для чего нуженъ, конечно, «пересмотръ фактовъ» русской исторіи и дѣйствительности],—тогда отвѣты на нихъ будутъ давать формулировку насущныхъ интересовъ такихъ-то классовъ,—эти отвѣты будутъ предназначаться на практическую утилизацію [1]) ихъ именно этими заинтересованными классами и исключительно одними ими,—они будутъ рваться, говоря прекраснымъ выраженіемъ одного марксиста, изъ «тѣснаго кабинета интеллигенціи», къ самимъ участникамъ производственныхъ отношеній въ наиболѣе развитомъ и чистомъ ихъ видѣ, къ тѣмъ, на комъ всего сильнѣе сказывается «обрывъ нити», для кого «идеалы» «нужны», потому что безъ нихъ имъ приходится плохо. Такая постановка вдохнетъ новую живую струю во всѣ эти старые вопросы—о податяхъ, паспортахъ, переселеніяхъ, волостныхъ правленіяхъ и т. п.—вопросы, которые наше «общество» обсуждало и трактовало, жевало и пережевывало, рѣшало и перерѣшало, и къ которымъ оно стало теперь терять всякій вкусъ.

Итакъ, какъ бы ни подходили мы къ вопросу,—разбирая ли содержаніе царящей въ Россіи системы экономическихъ отношеній и разныя формы этой системы въ ихъ исторической связи и въ ихъ отношеніи къ интересамъ трудящихся,—или же разбирая вопросъ объ «обрывѣ нити» и о причинахъ этого «обрыва»,—въ обоихъ случаяхъ мы приходимъ къ одному выводу, къ выводу о великомъ значеніи той исторической задачи «дифференцированнаго отъ жизни труда», которая выдвигается переживаемой нами эпохой, къ выводу о всеобъемлющемъ значеніи идеи этого класса.

К. Тулинъ.

---

[1]) Конечно, для *этой* „утилизаціи“ требуется громадная подготовительная работа, притомъ работа, по самому существу своему, не видная. *До* этой утилизаціи можетъ пройти болѣе или менѣе значительный періодъ времени, въ теченіе котораго мы будемъ прямо говорить, что нѣтъ еще никакой силы, способной дать лучшіе пути для отечества, — въ противоположность „слащавому оптимизму“ гг. народниковъ, увѣряющихъ, что силы есть и остается лишь посовѣтовать имъ „сойти съ неправильнаго пути“.

МОИМЪ КРИТИКАМЪ.

Книга «Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи» вызвала довольно значительное количество отзывовъ. Нѣкоторые изъ нихъ я не считаю возможнымъ оставить безъ отвѣта. Мой отвѣтъ критикамъ на ихъ возраженія и недоумѣнія я отнюдь не думаю ограничивать настоящей отповѣдью. Въ болѣе или менѣе стройномъ видѣ этотъ отвѣтъ будетъ данъ, однако, не въ полемической замѣткѣ, а въ тѣхъ задуманныхъ мною работахъ, въ которыхъ основныя положенія «Критическихъ Замѣтокъ» должны получить дальнѣйшее развитіе и обоснованіе. Предлагаемая же реплика—плодъ вполнѣ естественной потребности по возможности скорѣе отвѣтить на цѣлый рядъ критическихъ отзывовъ и устранить нѣкоторое, къ сожалѣнію изрядное, количество недоразумѣній, въ нихъ заключающихся. Долженъ при этомъ сказать напередъ, что нѣкоторыя возраженія, въ особенности характера философскаго, будутъ мною теперь оставлены безъ отвѣта—не потому, чтобы мнѣ нечего было на нихъ отвѣтить, а, наоборотъ, потому, что мнѣ слишкомъ много пришлось бы говорить о вопросахъ, поднятыхъ этими возраженіями. Разобраться съ надлежащей основательностью въ этой области не такъ легко, какъ представляется, повидимому, моимъ критикамъ [1]), которые, воспользовавшись краткостью и сжатостью нѣкоторыхъ философскихъ моихъ разсужденій и ихъ недостаточною вразумительностью для непривычныхъ къ философской терминологіи читателей, упрекаютъ меня въ неточности, неясности и и неполнотѣ. (г. Михайловскій «Русск. Бог.» 1894 г. № 10) или даже въ увлеченіи метафизической фразеологіей (г. Слонимскій «В. Евр.» 1894 г. № 12). Любопытно, что «жалкую метафизическую фразеологію» г. Слонимскій усматриваетъ въ фразѣ, въ которой, во всякомъ случаѣ, нѣтъ ни слѣда метафизики, и выражены въ сущности мысли, ставшія прочнымъ

[1]) Отчасти, поэтому, я въ философской части своей книжки выражаюсь почти фористически, намѣчая точку зрѣнія и цитатами, такъ сказать, указывая, дальнѣйшее обоснованіе ея. Такой характеръ изложенія сразу устраняетъ всякое подозрѣніе въ томъ, что авторъ хочетъ дать нѣчто большее, чѣмъ одни руководящія общія положенія.

достояніемъ научной философіи (отрицаніе субстанціальности души, принадлежащее разрушителямъ метафизики Юму и Канту, признаніе мышленія и его законовъ продуктомъ коллективнаго соціальнаго творчества— одна изъ основныхъ идей современной научной психологіи). Что такія положенія—«тарабарщина» для г. Слонимскаго—въ этомъ я неповиненъ. Слова г. Слонимскаго о «жалкой метафизической фразеологіи» свидѣтельствуютъ лишь о прочности укоренившейся въ нашемъ обществѣ и даже—увы!—въ литературѣ дурной привычки называть метафизикой все, что мы . . . не понимаемъ, все, что *для насъ* —«тарабарщина». Привычка эта—печальный симптомъ философской необразованности и отсутствія серьезныхъ философскихъ интересовъ.

I.

Обращусь прежде всего къ г. Михайловскому. Свою критику онъ начинаетъ съ довольно характернаго недоразумѣнія. Характерно оно потому, что, такъ сказать, ad oculos демонстрируетъ противоположность между складомъ мышленія съ одной стороны г. Михайловскаго, съ другой—его современныхъ литературныхъ противниковъ, въ частности—автора «Критическихъ замѣтокъ». Г. Михайловскій недоволенъ тѣмъ, что я занимаюсь при помощи вопросительныхъ знаковъ «молчаливой, но тѣмъ не менѣе, выразительной грамматической критикой», и замѣчаетъ вполнѣ основательно, но слишкомъ вѣжливо, что подобная критика представляетъ «нѣкоторую роскошь въ трактатѣ объ экономическомъ развитіи Россіи». Я выражусь сильнѣе, и скажу, что заниматься грамматической критикой въ данномъ случаѣ было бы съ моей стороны просто глупо [1]).

Вопросительный знакъ мой относится не къ грамматикѣ и не къ логикѣ г. Михайловскаго, а къ пониманію имъ общественныхъ явленій. Столь немилый моему критику знакъ выражаетъ недоумѣніе по адресу того взгляда, который отсутствіемъ экономической науки и грубостью нравственныхъ идей объясняетъ развитіе цѣлаго соціально-экономическаго строя (западно-европейскаго капитализма). Г. Михайловскій, повидимому, думаетъ, что экономическая наука, или, точнѣе, теорія экономической политики можетъ завѣдывать кругомъ экономическихъ явленій, и что отъ степени совершенства этой науки зависитъ и степень совершенства соціально-эко-

[1]) Эпизодъ съ производствомъ меня (вкупѣ съ гг. Слонимскимъ и Волынскимъ) въ „инородцы“ самъ краснорѣчиво говоритъ о себѣ. Нелишнимъ, пожалуй, будетъ исправить здѣсь корректорскій грѣхъ, обрадовавшій г. Михайловскаго. Вмѣсто „языкамъ“ въ моей книжкѣ, напечатано „языкамъ“. Послѣ этой поправки г. Михайловскаго, вѣроятно, перестанетъ смущать „шествіе товарнаго производства по всѣмъ языкамъ“. Вѣдь долженъ же онъ (не инородецъ!) знать текстъ: „шедшее убо научитеся языки“.

номическаго строя. Авторъ же «Критическихъ Замѣтокъ» раздѣляетъ тотъ взглядъ, что кругомъ экономическихъ явленій завѣдывали и завѣдуютъ общественные классы, и что экономическая наука принимаетъ участіе въ этомъ завѣдываніи постольку, поскольку ея указанія представляютъ теоретическое («научное») выраженіе интересовъ господствующихъ классовъ.

Буржуазная политическая экономія (въ смыслѣ системы экономической политики) дѣйствительноза вѣдывала [1]) кругомъ экономическихъ явленій и участвовала въ развитіи современнаго экономическаго порядка въ Европѣ—потому, что носителемъ процесса экономическаго развитія являлась буржуазія, а современный, такъ называемый катедерсоціализмъ, т. е. опять таки «наука», «завѣдующая кругомъ экономическихъ явленій», есть систематическое выраженіе той совокупности возможныхъ и необходимыхъ [2]) уступокъ буржуазіи рабочему классу, которая обычно фигурируетъ подъ кличкой соціальной реформы.

Итакъ, вотъ — истинный смыслъ заподозрѣннаго въ грамматической критикѣ вопросительнаго знака. Мой строгій критикъ оказался ужасно чувствительнымъ по части грамматической безупречности своихъ фразъ и крайне беззаботнымъ насчетъ научной продуманности своихъ соціологическихъ идей. Тривіальное и прямо плоское объясненіе капитализма невѣжествомъ и грубостью нравовъ казалось ему стоящимъ выше «молчаливой, но тѣмъ не менѣе выразительной, критики». Я склоненъ скорѣе думать, что оно ниже даже самой молчаливой критики.

До сихъ поръ приходилось говорить о недоразумѣніи, а теперь на сцену появляется уже нѣчто, менѣе—какъ бы выразиться помягче—извинительное. Г. Михайловскій упрекаетъ меня въ томъ, что въ своей критикѣ народнической литературы я «допустилъ пробѣлы, граничащіе съ извращеніемъ» и прибавляетъ при этомъ поучительно, что «извращеніе не оправдывается никакою краткостью и бѣглостью». Мое извращеніе идей г. Михайловскаго, по мнѣнію послѣдняго, состоитъ въ томъ, что я стараюсь выставить его человѣкомъ, не признающимъ существованія причинной связи въ явленіяхъ общественной жизни, другими словами, не признающимъ ихъ законосообразности. Упрекъ г. Михайловскаго совершенно несправедливъ, въ чемъ, я надѣюсь, всякаго непредубѣжденнаго читателя убѣ-

---

[1]) Наука въ строгомъ смыслѣ слова ничѣмъ завѣдывать не можетъ: нормировка человѣческихъ отношеній и воздѣйствіе на жизнь *научнымъ* понятіемъ *науки* не объемлется.

[2]) Возможныхъ—т. е. такихъ, которыя мыслимы безъ посягательства на основныя начала современнаго хозяйственнаго строя, необходимыхъ—т. е. такихъ, безъ которыхъ невозможно спокойное существованіе „общества“.

дитъ слѣдующее мѣсто изъ моей книги. Процитировавъ нѣсколько мѣстъ изъ сочиненій г. Михайловскаго, я замѣчаю: «по этому взгляду историческій процессъ «*законосообразенъ*», но въ то же время не существуетъ *непреодолимыхъ* историческихъ тенденцій, которыя, какъ таковыя, должны служить съ одной стороны исходнымъ пунктомъ, а съ другой—обязательными границами для цѣлесообразной дѣятельности личности и общественныхъ группъ» (стр. 10—11 «Критич. Зам.»).

Неужели г. Михайловскій имѣлъ право, взводя на меня обвиненіе въ допущеніи пробѣловъ, граничащихъ съ извращеніемъ, игнорировать столь ясныя слова, какъ: «по этому взгляду историческій процессъ законосообразенъ». Когда я писалъ эти слова, я имѣлъ ввиду именно тѣ заявленія г. Михайловскаго, которыя онъ цитируетъ для моего обличенія. Г. Михайловскій могъ бы меня упрекнуть въ томъ, что я недостаточно или совсѣмъ не объяснилъ одновременной наличности въ его соціологической теоріи признанія законосообразности общественныхъ явленій и отрицанія соціологической необходимости для личности. Но это былъ бы уже другой упрекъ, существенно отличный и по своему содержанію, и по своему моральному значенію отъ упрека, сдѣланнаго г. Михайловскимъ. На первый упрекъ я бы отвѣтилъ словами поэта:

Aber was nicht zu begreifen
Wüsst'ich auch nicht zu erklären;
Helfet alle mich belehren!

На второй—я скажу: извращеніе путемъ умолчанія совершено самимъ г. Михайловскимъ.

Весьма обрадовали г. Михайловскаго (и нѣкоторыхъ другихъ) мои слова, что чисто философское обоснованіе экономическаго матеріализма еще не дано; онъ даже привѣтствуетъ сказавшуюся въ этихъ словахъ «добросовѣстность и скромность», но—увы!—тутъ повторилась «alte Geschichte, doch bleibt sie ewig neu»: злоупотребленіе чужой скромностью. Мое замѣчаніе о философской необоснованности экономическаго матеріализма въ связи со всѣмъ моимъ изложеніемъ имѣло тотъ вполнѣ опредѣленный смыслъ, что чисто философская точка зрѣнія основателей экономическаго матеріализма т. е. ихъ *теорія познанія* осталась невыясненной [1]).

---

[1]) Пока экономическое пониманіе исторіи не будетъ обосновано на принципахъ критической философіи—какъ частный случай того матеріализма явленій („Materialismus, der Erscheinung—выраженіе Фр. Альб. Ланге), который является единственнымъ вѣрнымъ руководителемъ для всякой науки,—до тѣхъ поръ я не могу считать экономическій матеріализмъ философски вполнѣ обоснованнымъ

Г. Михайловскій думаетъ, что я напрасно пытаюсь опереться на критическую философію. Онъ, повидимому, не подозрѣваетъ, что именно съ помощью

Это отнюдь не мѣшаетъ экономическому матеріализму быть и строго научной теоріей, и плодотворнѣйшимъ «эвристическимъ» принципомъ. Какъ эвристическій принципъ, указывающій куда слѣдуетъ направлять изслѣдователю общественныхъ явленій свое преимущественное вниманіе, какъ Аріаднина нить, экономическій матеріализмъ обѣщаетъ произвести полный переворотъ въ наукѣ.

Тѣхъ, кто какъ г. Михайловскій ехидно указываютъ «что, «справедливо признавая теорію экономическаго матеріализма философски необоснованной и фактически непровѣренной», я тѣмъ не менѣе на ней строю «всѣ свои выгоды вплоть до призыва на выучку капитализму», мы спросимъ: какая теорія общественнаго развитія болѣе обоснована научно и философски, чѣмъ экономическій матеріализмъ? Всѣ мои взгляды по отдѣльнымъ вопросамъ, затронутымъ въ моей книжкѣ дѣйствительно могутъ быть сведены къ основной концепціи экономическаго матеріализма, но для тѣхъ, кто не признаетъ его основныхъ положеній, все-таки, думается мнѣ, совершенно непозволительно съ торжествомъ отдѣлываться отъ моихъ выводовъ простымъ указаніемъ, что они опираются на теорію, «философски необоснованную». *Экономическая* эволюція во всякомъ случаѣ превосходно объясняется соціологическимъ ученіемъ Маркса и потому освѣщеніе вопроса объ экономическомъ развитіи Россіи, съ точки зрѣнія этого ученія, конечно, гораздо болѣе научно, чѣмъ попытка выяснить тотъ же вопросъ при помощи теорій, опирающихся на пресловутую «роль личности» въ исторіи. Допустимъ, что всей человѣческой исторіи нельзя объяснить развитіемъ производительныхъ силъ и борьбою классовъ, но неужели геніальная соціологическая теорія Маркса менѣе пригодна для выясненія условій нашего хозяйственнаго развитія, чѣмъ соціологическія идеи гг. Михайловскаго и Южакова? Или г. Михайловскій полагаетъ, что въ трудахъ проф. Карѣева дано «философское обоснованіе» самобытной соціологіи?

критической философіи можетъ быть окончательно показано, на какихъ грубыхъ недоразумѣніяхъ основанъ пресловутый субъективный методъ, принадлежащій къ категоріи западноевропейскихъ „старыхъ шляпокъ“ самаго сомнительнаго достоинства.

До меня никто изъ марксистовъ не обращался къ критической философіи: наоборотъ, марксисты обнаруживали по отношенію къ этой философіи не только полное равнодушіе, но даже скептицизмъ, на мой взглядъ недостаточно мотивированный (см. напр. статью Бернштейна о Фр. Альб. Ланге въ Neue Zeit, X, 2). Между тѣмъ, въ тезисахъ Маркса о философіи Фейербаха, перепечатанныхъ Энгельсомъ въ его извѣстномъ этюдѣ «Ludwig Feuerbach und der Ausgang der klassichen Philosophie» можно раскрыть зерно *критическаго реализма*. На это не обратилъ вниманія авторъ спеціальной философской диссертаціи о Марксѣ L. Veryho «Marx als Philosoph» (1894).

Въ своей книжкѣ я, между прочимъ, старался разсѣять туманъ, напускаемый самобытными соціологами при помощи слова «личность» («Критическія Замѣтки» стр. 13, 31, 62). Но—увы!—повидимому, самыя ясныя вещи при нѣкоторыхъ условіяхъ не всегда и не всѣмъ возможно втолковать. Оказывается, что я обнаруживаю «презрѣніе» къ личности. Такъ, совершенно такъ обвиняли и обвиняютъ въ презрѣніи къ человѣческому духу всѣхъ не признающихъ независимости психической жизни отъ матеріальныхъ условій, въ разрушеніи нравственности, въ отрицаніи моральной отвѣтственности и т. д.—всѣхъ отвергающихъ свободу воли. Но нельзя же въ самомъ дѣлѣ такъ безцеремонно замалчивать, что въ одномъ случаѣ подъ личностью разумѣется одно, въ другомъ—другое. А между тѣмъ на этомъ пріемѣ строятся самыя побѣдоносныя противоположенія. «Вы помните, спрашиваетъ г. Михайловскій своихъ читателей (Русск. Бог. 1895 г. № 1-й) назойливость, съ которою г. Струве твердилъ, что «экономическій матеріализмъ просто игнорируетъ личность, какъ соціологически ничтожную величину» и что «соціологія можетъ игнорировать личность». Во избѣжаніе недоразумѣній, онъ это «повторялъ», онъ «настаивалъ» на этомъ. Г. Бельтовъ возражая, правда, не г. Струве, иронически спрашиваетъ: «что такое общественныя отношенія производства? Это отношенія людей. Какъ же будутъ они развиваться безъ людей? Вѣдь тамъ, гдѣ не было бы людей, не было бы и отношеній производства» (222). И далѣе, уже не въ бровь, а прямо въ глазъ: «матеріалисты—діалектики далеки отъ того, чтобы сводить роль личности въ исторіи къ нулю; они ставятъ передъ личностью задачу, которую употребляя обычный, хотя и неправильный терминъ, надо признать совершенно исключительно идеалистической».

Г. Михайловскій сильно ошибается, если полагаетъ, что въ данномъ случаѣ есть какое-либо разногласіе между г. Бельтовымъ и мной. Самъ же г. Михайловскій (въ № 10 Русскаго Богатства за 1894 г.) цитировалъ мои слова со стр. 55 «Критическихъ Замѣтокъ:» «въ томъ указаніи, что люди сознательно преслѣдуютъ извѣстныя цѣли, что въ силу этого они не могутъ на практикѣ смотрѣть на себя иначе, какъ на дѣятелей прогресса; что такимъ образомъ извѣстная доктрина: Laisser faire, laisser passer, съ которой въ лицѣ Спенсера сражается Уордъ, не имѣетъ подъ собой никакой теоретической почвы—во всемъ этомъ нѣтъ ничего новаго». Конечно, г. Бельтовъ не раздѣляетъ теоріи г. Карѣева о «роли личности въ исторіи», теоріи, по которой принципомъ личности является «самоопредѣляемость, т. е. самобытность, какъ выработка идей дѣятельностью собственной мысли и самостоятельность, какъ стремленіе къ достиженію личныхъ (не въ смыслѣ эгоистическихъ, а въ смыслѣ самостоятельно поставленныхъ) цѣлей; личность, пассивно воспринимающая идеи изъ окружающей культуры, лич-

ность, пассивно повинующаяся требованіямъ данной соціальной организаціи, есть произведеніе надъ-органической средой, а она опредѣляется извнѣ; она не самобытная личность, а какъ бы клѣточка соціальной организаціи». (Н. Карѣевъ. «Сущность историческаго процесса» 613—614). А если г. Бельтовъ не раздѣляетъ теоріи «самобытныхъ и самоопредѣляемыхъ личностей», то почему г. Михайловскій противополагаетъ взглядъ г. Бельтова на личность—моему? Съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма «самобытныя» и «несамобытныя» личности, такъ сказать, одного и того же происхожденія; онъ и тутъ не признаетъ различія между «бѣлой» и «черной» костью. Съ этой точки зрѣнія различіе въ роли личностей не есть нѣчто первичное, чѣмъ можно было бы объяснять историческій процессъ. Разъ сами «самобытныя личности» подлежатъ объясненію, указаніе на ихъ роль ничего не объясняетъ. Отрицать роль личности въ исторіи въ только-что указанномъ смыслѣ не значитъ вовсе ни презирать личность, ни обрекать ее на пассивность.

Г. Михайловскій благоразумно воздержался отъ пространныхъ разсужденій о моемъ презрѣніи къ личности, но всетаки онъ ввелъ въ соблазнъ одного изъ малыхъ сихъ, наговорившаго совершенно невѣроятныя вещи на эту тему. Я имѣю въ виду брошюру г. Гофштеттера: «Доктринеры капитализма» (Спб. 1895 г.). Тутъ есть все до разглагольствованій о свободѣ воли включительно, нѣтъ только ни логики, ни здраваго смысла. Для иллюстраціи приведемъ нѣсколько характерныхъ мѣстъ. «Если соціальный законъ слагается изъ желаній, то, слѣдовательно, желанія становятся закономъ» (вотъ такъ силлогизмъ! Ich rate Euch drum zuest collegium logicum!). «Прямымъ выводомъ изъ отрицанія роли личности въ исторіи и соціологическаго фатализма марксистовъ является полная пассивность, упованіе на волю непреоборимыхъ законовъ соціальнаго развитія и дряблый гражданскій индифферентизмъ» (10). Воля законовъ! Вѣдь, вы сами г. Гофштеттеръ сказали выше, что «всякій законъ .... только констатируетъ порядокъ .... явленій» (9). Откуда же у закона воля! Точно также Вы сами вѣрно замѣтили, что «смѣшно противо(по)ставлять эти (т. е. научные) законы свободной волѣ человѣчества» (человѣка?) (9). Зачѣмъ же Вы на слѣдующей страницѣ въ серьезъ дѣлаете смѣшное?! «Прямымъ выводомъ .... является .... дряблый гражданскій индифферентизмъ». Образчикъ своихъ прямыхъ выводовъ г. Гофштеттеръ далъ намъ уже выше, и мы поневолѣ относимся скептически къ его «непреоборимой» логикѣ, но если она сочетается съ полнымъ незнаніемъ и непониманіемъ ученія Маркса, то г. Гофштеттеру лучше было бы о гражданскомъ индифферентизмѣ ... помолчать. Онъ самъ дѣйствительно не индифферентенъ (стр. 27) къ такого рода союзамъ, къ которымъ мы болѣе чѣмъ индифферентны. И о гражданскомъ индифферентизмѣ марксистовъ смѣетъ гово-

рить господинъ, который жалѣетъ о растратѣ силъ русской интеллигенціи «въ безплодной погонѣ за иными *не экономическими* (курсивъ г. Г.) идеалами» (19). Съ какихъ поръ, спросимъ мы г. Гофштеттера, индифферентизмъ къ т. н. «неэкономическимъ» идеаламъ считается гражданскимъ мужествомъ? Великое общественное значеніе экономическаго матеріализма, между прочимъ, заключается и въ томъ, что онъ устраняетъ самое пелѣпое раздѣленіе« экономическаго» и «неэкономическаго»[1]). На практикѣ это приводитъ къ тому, что представителей экономическаго матеріализма ни на какой экономической мякинѣ провести нельзя. Народники же, какъ показываетъ примѣръ г. Гофштеттера, до сихъ поръ, несмотря на обильный и печальный опытъ, еще не всѣ проникли въ тайну экономической мякины. Или, быть можетъ, г. Гофштеттеръ принадлежитъ не къ тѣмъ, кого проводятъ, а къ тѣмъ, кто самъ другихъ проводитъ? Для такой миссіи, однако, слѣдовало бы обзавестись лучшимъ логическимъ аппаратомъ. Не мѣшало бы также просто поучиться. А то вѣдь не оберешься курьезовъ. Вотъ, напр., еще одинъ изъ многихъ. Указаніе автора «Критическихъ Замѣтокъ», что «при созданіи продуктовъ соціальнаго творчества западно-европейскаго трудящагося населенія сознаніе и активность присутствовали въ гораздо большей степени, чѣмъ при созданіи и разложеніи самой общины» (Кр. Зам. 163), по мнѣнію г. Гофштеттера (10), противорѣчитъ теоріи экономическаго матеріализма. Г. Гофштеттеръ думаетъ, повидимому, что всякая активность и сознательность можетъ быть признаваема и объясняема только съ точки зрѣнія «роли личности въ исторіи». Онъ не знаетъ или не понимаетъ, что переходъ капитализма въ новую экономическую формацію *съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма* немыслимъ, безъ возростающей сознательности и активности заинтересованнаго класса, и что самая эта доктрина составляетъ существенное содержаніе *сознанія* западно-европейскаго трудящагося населенія. Словомъ, г. Гофштеттеръ или не знаетъ того ученія, о которомъ говоритъ, или же его собственное сознаніе совершенно «непреоборимо» для логики. Этотъ глубокомысленный «штатсъ-народникъ» далъ дальнѣйшее развитіе и... законченную форму нѣкоторымъ намекамъ г. Михайловскаго. «Что касается русскаго капитализма», писалъ послѣдній, «какъ соціальной группы, то онъ можетъ быть и признаетъ г. Струве своимъ стремленіемъ и выраженіемъ. Часть этой группы въ отвѣтъ на призывъ на выучку къ

---

[1]) Справедливость требуетъ сказать, что отмѣченныя ноты не есть оригинальное достояніе г. Гофштеттера: онѣ цѣликомъ взяты изъ музыки «реакціонныхъ теорій мастера», г. В. В. (кромѣ предисловія къ «Судьбамъ капитализма» см. «Наши направленія» стр. 81, 108, 143).

капитализму, по своему патріархальному невѣжеству, скажетъ пожалуй: не надо намъ тебя, еще грѣха съ тобой наживешь! Но другая часть будетъ рада взять къ себѣ на выучку способныхъ людей, хотя бы и съ камнемъ за пазухой. Камень этотъ состоитъ въ томъ, что капитализмъ есть историческая категорія, которая уступитъ съ теченіемъ времени мѣсто иному строю. Но вѣдь улита ѣдетъ, когда-то будетъ! Когда-то еще она доползетъ до послѣдняго термина гегелевской тріады, да и такъ ли оно вообще будетъ, а пока погрѣть руки можно». (Р. Б., № 10, 1894). Г. Гофштеттеръ эту ловкую инсинуацію высказалъ въ болѣе грубой формѣ. Типичнымъ образчикомъ «...прислужничества интеллигенціи капитализму служитъ вся книга г. Струве» (25). Еще до гг. Михайловскаго и Гофштеттера это обвиненіе было брошено въ лицо тогда анонимныхъ еще марксистовъ въ книгѣ г. В. В. «Наши направленія», и имъ же повторено по моему личному адресу въ статьяхъ «Нѣмецкій соціалдемократизмъ и русскій буржуанизмъ» (Недѣля, №№ 47—49), и по адресу всѣхъ марксистовъ въ книгѣ «Очерки теоретической экономіи». Оно опирается на цѣлую цѣпь недоразумѣній, которую разъ навсегда слѣдуетъ разрушить. Прежде однако, чѣмъ, заняться этимъ дѣломъ, я обращусь къ совершенно одинако стоящему критику—г. Головину изъ Русскаго Вѣстника (1894 г. № 12). Здѣсь передъ нами попытка столь основательнаго извращенія или примѣръ столь глубокаго непониманія нѣкоторыхъ важнѣйшихъ положеній моей книги, что я вынужденъ прибѣгнуть къ сопоставленію en regard текста «благосклонной» рецензіи г. Головина и моего:

Г. Головинъ.

„Г. Струве, довольно таки явно передѣлываетъ по своему основную идею книги Маркса „Das Kapital“, утверждая, что главная ея задача—разъясненіе великой культурной роли капитализма. Плодотворную мощь капитала, какъ создателя добавочной цѣнности, Марксъ, конечно, признаетъ, но за это именно онъ его и клеймитъ, такъ какъ вся его книга не что иное, какъ обвинительный такъ противъ этого самаго капитала, какъ тенденціозное изобличеніе его въ систематическомъ ограбленіи рабочихъ“ (стр. 325).

Струве.

„Капиталъ“ Маркса, представляя въ теоретическомъ отношеніи дальнѣйшее развитіе и углубленіе положеній Рикардо, въ одно и тоже время является и широкой исторической картиной и соціально-политическимъ обличеніемъ капиталистическаго строя“. (стр. 123).

„Марксу принадлежитъ извѣстное противопоставленіе національнаго богатства и народнаго благосостоянія—прогресса въ области производства и прогресса въ области распредѣленія. Марксъ видѣлъ въ несоотвѣтствіи между способами производства и организаціей распредѣленія одно изъ тѣхъ противорѣчій капиталистическаго строя, отъ которыхъ ему суждено погибнуть“ (стр. 129-130).—„Противопоставленіе экономическаго прогресса

современности ея соціальнымъ неустройствомъ имѣетъ, конечно, свои глубокія основанія. Это противопоставленіе составляетъ безсмертную заслугу всей критики капиталистическаго строя и возникшихъ на его почвѣ ученій, критики, вершиной которой является знаменитый трактатъ о капиталѣ" (стр. 134).

„Не болѣе заслуживаетъ восхваленія и другая мнимая заслуга Маркса,—установленная имъ зависимость распредѣленія отъ данной формы производства. Г. Струве и за это восхваляетъ своего учителя, усматривая существенный моментъ народнаго хозяйства лишь въ производствѣ, возможно большая интенсивность котораго и составляетъ будто бы главную цѣль промышленнаго развитія страны. Распредѣленіе здѣсь является уже второстепеннымъ актомъ, безусловно зависящимъ отъ данной формы производства. Здѣсь Марксъ опять очень ловко перепуталъ карты съ очевидною цѣлью показать, что при капиталистическомъ производствѣ о справедливомъ распредѣленіи и рѣчи быть не можетъ, потому что каждое новое усиленіе продуктивности труда идетъ на пользу капиталиста и въ ущербъ рабочимъ. Неужели, однако, г. Струве не догадывается, что такая постановка вопроса нужна была Марксу въ виду агитаторскихъ цѣлей, и что въ безнадежномъ положеніи рабочихъ, какое онъ рисуетъ, нѣмецкій публицистъ видѣлъ лишь стимулъ къ революціонной пропагандѣ? Если бы для Маркса распредѣленіе, въ самомъ дѣлѣ, было чѣмъ то безразличнымъ, ему незачѣмъ было бы и писать свою книгу. Онъ могъ бы ограничиться простымъ восхваленіемъ благотворной роли капитала, какъ дѣлали это Сэ и Бастіа. Г. Струве какъ будто не замѣчаетъ, что самъ онъ идетъ прямо по стопамъ этихъ экономистовъ, заботясь исключительно объ усиленіи производства и выказывая полное равноду-

—„Извѣстная доктрина „Laissez faire, laissez passez", съ которой въ лицѣ Спенсера сражается Уордъ, не имѣетъ подъ собой никакой теоретической почвы" (стр. 55).

— „Подобно тому, какъ взгляду на органическое развитіе права была противопоставлена идея борьбы за право (Ihering), такъ ученію объ естественномъ и органическомъ ростѣ соціальнаго прогресса, можетъ и должно быть противопоставлено ученіе о борьбѣ за соціальный прогрессъ. „Техническое развитіе способовъ производства—говоритъ Бернштейнъ — есть необходимый потенціальный факторъ (соціальнаго прогресса), но не исключительный, не такой факторъ, который дѣйствовалъ бы самопроизвольно, механически" (стр. 137).

— „Тамъ, гдѣ капитализмъ достигъ своего апогея, со стороны рабочихъ замѣчается совершенно явственная практическая тенденція къ урегулированію производства. Таковы стремленія рабочихъ въ англійской каменноугольной промышленности [ср. Auerbach. Die Ordnung des Arbeisverhältnisses in d. Kohlengruben von Northumberland u. Durham (Schriften d. Vereines für Sozialpolitik. XLV Arbeitseinstellungen u. Fortbildung d. Arbeitsvertrages)]. Со стороны предпринимателей та же самая тенденція выражается въ картеллированіи предпріятій. Путемъ картеллей совершается, по остроумному замѣчію Шепланка (ср. его статью Der britische Kohlentrust. Sozialpolitisches Centralblatt III № 2), конверсія капитализма въ новую экономическую форму. О томъ, что-

шіе къ судьбѣ производителей. Съ его утилитарно - матеріалистической точки зрѣнія, личность является почти ничѣмъ, ше „quantité negligeable“, и вся суть заключается въ томъ, чтобы какъ можно больше производилось товару. Г. Струве, такимъ образомъ, очень близко сходится съ такъ называемой Манчестерской школой и его ученіе о роковомъ характерѣ экономической эволюціи, какъ нельзя болѣе похоже на знаменитый принципъ „Laissez faire“. Со стороны ученика Маркса это нѣсколько странно“ (стр. 326—327).

бы эта конверсія имѣла не столько экономическій, но и соціальный смыслъ, долженъ позаботиться заинтересованный классъ.

Такъ съ разныхъ сторонъ подготовляется крушеніе принципа свободной конкурренціи. Но это явленіе возможно только какъ результатъ опредѣленной эволюціи самого производства, и поэтому, повторяемъ, Шульце Геверницъ правъ, что дальнѣйшій соціальный прогрессъ мыслимъ только на почвѣ капитализма и не мирится съ устарѣлыми народнохозяйственными формами. Значеніе производственнаго прогресса для соціальнаго огромно и врядъ-ли можетъ быть преувеличено, если только помнить, что первый есть необходимое, но недостаточное условіе послѣдняго“ (стр. 145—146).

„Гентонъ, указывая на то, что капитализмъ, обобществляя производство, можетъ a la longue существовать и имѣетъ смыслъ только при условіи широкаго потребленія народныхъ массъ, этимъ самымъ невольно признаетъ экономическую важность распредѣленія.

И, на самомъ дѣлѣ, цѣлый рядъ соображеній приводитъ къ выводу, что реформы въ области распредѣленія, если только онѣ находятся „въ неразрывной связи съ процессомъ производства“ являются и справедливыми и, что еще болѣе важно, «экономичными“ (стр. 155).

Сдѣланныя сопоставленія въ достаточной мѣрѣ освѣщаютъ степень либо добросовѣстности, либо пониманія г. Головина. Характерно, что и г. Головинъ, приписывая мнѣ самую пошлую буржуазную точку зрѣнія: «чтобы какъ можно больше производилось товару», и приверженность къ теоріи «Laissez faire, laissez passez», повторяетъ народническое указаніе на презрѣніе къ личности и на роковой характеръ экономической эволюціи.

Повидимому гг. народники и г. Головинъ одинаково не понимаютъ, что можно не быть ни ноющимъ народникомъ, ни пошлымъ буржуа. Между тѣмъ, какъ разъ Марксъ и его послѣдователи представляютъ нѣкоторый третій типъ, идущій своимъ, совершенно особымъ, путемъ. Поэтому русскіе послѣдователи Маркса одинаково выступаютъ и противъ экономическаго

романтизма, и противъ утопизма, мечтающаго о преобразованіи общественно-экономическаго порядка безъ содѣйствія заинтересованныхъ общественныхъ силъ и даже при содѣйствіи силъ съ явно противоположными интересами и, наконецъ, противъ всякихъ буржуазныхъ поползновеній, откровенныхъ и замаскированныхъ. Я въ своей книжкѣ направилъ критику исключительно на экономическій романтизмъ и утопизмъ, но, думается, достаточно ясно оттѣнилъ свое отношеніе къ капитализму въ главѣ «Прогрессъ экономическій и прогрессъ соціальный». Г. Головинъ отыскалъ въ моей книжкѣ какую-то положительную часть, съ которой онъ вполнѣ согласенъ, «не задавая себѣ даже вопроса, каковы его (т. е. мои) мечты насчетъ далекаго будущаго». «Когда можно идти съ кѣмъ либо рука объ руку по одной дорогѣ, не зачѣмъ останавливаться въ виду того, что спутнику быть можетъ, предстоитъ гораздо болѣе продолжительное путешествіе», поясняетъ съ добродушной наивностью (или лицемѣрнымъ добродушіемъ) критикъ Русскаго Вѣстника. Но никакой положительной части, по вкусѣ г. Головина, т. е. въ смыслѣ проэктовъ «преобразованія нашего экономическаго строя», въ моей книжкѣ нѣтъ. Въ отрицательномъ отношеніи къ нѣкоторымъ пунктамъ народнической программы мы сходимся съ г. Головинымъ, но такое же согласіе существуетъ въ Германіи по отношенію, напримѣръ, къ цехамъ между либералами и соціалдемократами, въ оцѣнкѣ нѣкоторыхъ сторонъ капитализма между реакціонерами и соціалдемократами, въ оцѣнкѣ соціалдемократическихъ требованій между либералами и реакціонерами, но изъ этого еще никто въ здравомъ умѣ и твердой памяти не думалъ выводить, что всѣ эти фракціи «идутъ по одному пути», въ смыслѣ г. Головина. Тутъ болѣе, чѣмъ когда нибудь имѣетъ силу принципъ: si duo dicunt idem, non est idem. Независимо отъ «мечтаній на счетъ далекаго будущаго», есть множество вопросовъ настоящаго, которые всѣ сводятся къ одному общему: интересы какого общественнаго класса выражаетъ данное соціально-политическое міровоззрѣніе? И отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ единственный прочный критерій для классификаціи направленій. Шествіе по историческому пути, къ счастью или къ несчастью, не есть увеселительная прогулка. Тутъ, и отдѣльные люди, и цѣлыя общественныя группы постоянно толкаютъ другъ друга и ведутъ непрерывную борьбу за свои интересы. Шествующіе идутъ по одному пути, но это вовсе не значитъ, что они представители одинаковыхъ интересовъ и общихъ задачъ.

Наши оппоненты, стремясь уличить насъ въ стремленіи прислуживаться къ буржуазіи, насаждать капитализмъ и обезземеливать крестьянъ, совершенно не понимаютъ теоретической позиціи, занимаемой нами, и воистину зря тратятъ заряды. Г. Михайловскій самъ давно безповоротно осудилъ всѣхъ тѣхъ, кто теперь старается (и, между прочимъ, значитъ и

самого себя) выставить «учениковъ» прислужниками капитализма. «Надо доподлинно знать, что историческій процессъ дѣйствительно неизбѣжно таковъ, какимъ его рисуетъ Марксъ»—и тогда «столкновеніе нравственнаго чувства съ исторической необходимостью должно разрѣшиться въ пользу необходимости» (Соч. т. 2-ой, стр. 340).

Столкновеніе указываемое г. Михайловскимъ, дѣйствительно устранено тѣми, или, точнѣе, никогда не существовало для тѣхъ, кто, взявъ себѣ въ руководство матеріалистическую теорію Маркса, не побоялись смѣло взглянуть въ глаза дѣйствительности. Въ ней они констатировали условія, необходимыя для развитія капитализма. Не *всякій* историческій процессъ неизбѣжно таковъ, какимъ его рисуетъ Марксъ, но *хозяйственныя условія Россіи XIX вѣка* представляютъ картину развивающагося капитализма, и нѣтъ такихъ общественныхъ силъ, которыя могли бы остановить его развитіе (не говоря уже о томъ, что послѣднее несетъ съ собою далеко не одно зло). Отсюда прямая обязанность—не просто поддаваться импульсамъ нравственнаго чувства, а сознательно сдѣлать послѣднее факторомъ исторической необходимости. Съ точки зрѣнія марксизма ясно какимъ путемъ простое и, по большей части, пустопорожнее «моральное негодованіе» можетъ быть превращено въ дѣйственную историческую силу. Оно должно быть пріурочено къ интересамъ того общественнаго класса, которому по условію развитія производительныхъ силъ, («объективному ходу матеріальнаго процесса»—Крит. Замѣтки стр. 283) суждено быть носителемъ общественнаго прогресса и высшихъ нравственныхъ идеаловъ.

Моихъ оппонентовъ съ г. Михайловскимъ во главѣ очень возмутили заключительныя слова критическихъ замѣтокъ,—«признаемъ нашу некультурность и пойдемъ на выучку къ капитализму». «Я слишкомъ чту», говоритъ г. Михайловскій (Русск. Богатство за 1894 г. № 10) «другія, не философскія заслуги основателей экономическаго матеріализма, чтобы дольше держать ихъ рядомъ съ г. Струве. Заслуги послѣдняго пока довольно скромны, и начинаетъ онъ свою научно-публицистическую карьеру при условіяхъ, рѣзко отличныхъ отъ тѣхъ, при которыхъ возникъ и окрѣпъ экономическій матеріализмъ на своей родинѣ. Поэтому-то онъ и говоритъ: «пойдемъ на выучку къ капитализму», чего никогда не говорили, не говорятъ и не могутъ говорить его учителя. Оставимъ же учителей и остановимся на ученикѣ хотя намъ придется при этомъ приводить, между прочимъ, и слова учителей, ученикомъ повторяемыя». Объ условіяхъ при которыхъ я начинаю, а г. Михайловскій продолжаетъ свою публицистическую карьеру, я не могу говорить съ должной обстоятельностью и ясностью. Странно только, почему г. Михайловскій безъ всякой надобности затронулъ столь невеселую матерію? Но истолковывать смыслъ

своихъ словъ я буду по мѣрѣ силъ и возможности, и тутъ я долженъ съ полной опредѣленностью заявить, что инкриминируемыя слова «пойдемъ на выучку къ капитализму» вполнѣ соотвѣтствуютъ моему убѣжденію. Все дѣло въ смыслѣ. А смыслъ «страшныхъ словъ» таковъ. Во-первыхъ, русское общество въ его цѣломъ потому нуждается въ капиталистической выучкѣ, что только эта выучка, развивая производительныя силы страны, создаетъ и будетъ создавать условія культурнаго прогресса и предпосылки новой болѣе высокой экономической формаціи. Во-вторыхъ, только капиталистическая выучка можетъ взростить классовое самосознаніе—этотъ могущественный рычагъ общественнаго развитія. Въ-третьихъ, только капиталистическая выучка внесетъ во взаимныя отношенія общественныхъ классовъ полную ясность, которая сдѣлаетъ совершенно невозможной путаницу понятій о роли интеллигенціи и государства въ экономическомъ процессѣ, до самаго послѣдняго времени, можно сказать, безраздѣльно господствовавшую у насъ. Капиталистическая выучка уничтожитъ тотъ фантомъ неклассовой интеллигенціи, который до сихъ поръ есть главный устой вѣры въ самобытное экономическое развитіе. Фантомъ этотъ, конечно, объясняется реальнымъ фактомъ существованія задачъ, общихъ различнымъ общественнымъ классамъ. Но такой общей задачей не можетъ быть уничтоженіе капитализма, т. е. экономическаго господства одного класса надъ другимъ. И возлагать на интеллигенцію подобную задачу значитъ впадать въ утопизмъ, не только безплодный, но и вредный.

И кто можетъ утверждать, что Марксъ не признавалъ значенія капиталистической выучки въ только что указанномъ смыслѣ? Въ знаменитомъ манифестѣ есть краснорѣчивыя страницы, рисующія культурно-воспитательное значеніе буржуазіи, страницы, которыя еще недавно одинъ нѣмецкій ученый назвалъ дифирамбическимъ прославленіемъ исторической миссіи капитализма (*Зомбартъ* «Zur Kritik des ökonomischen Systems von Karl Marx» въ Brauns «Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik» 1894, Heft 4, S. 588—589). Во всѣхъ трехъ томахъ «Капитала» достаточно аналогичныхъ мѣстъ. Значеніе же капитализма для развитія классоваго самосознанія—вѣдь это одна изъ основныхъ нотъ ученія Маркса. И не даромъ же эпиграфомъ своей заключительной главы я взялъ слова изъ предисловія къ «Капиталу»: «Насъ мучаетъ не только развитіе капиталистическаго производства, но также недостаточное его развитіе». Этихъ словъ не могъ бы написать ноющій народникъ. Народники, наоборотъ, восторгались каждымъ доказательствомъ недостаточнаго развитія капитализма въ Россіи, забывая, что не отсутствіе противодѣйствующихъ силъ, а наличность силъ, дѣйствующихъ въ опредѣленномъ направленіи, создастъ движеніе впередъ.

Вотъ въ какомъ смыслѣ сказалъ я: «пойдемъ на выучку капитализма».

Это значитъ—станемъ сознательно на почву данныхъ капиталистическихъ отношеній съ ихъ классовыми противорѣчіями. Это вовсе не значитъ—для меня, по крайней мѣрѣ—«будемъ служить буржуазіи», ибо капиталистическія отношенія подразумѣваютъ не одну буржуазію, но и ея антипода, вездѣ, а тѣмъ болѣе у насъ, нуждающагося въ капиталистической выучкѣ.

Народникъ разсуждаетъ такъ (типическій образчикъ подобнаго разсужденія представляетъ статья г. Михайловскаго о моей книжкѣ): русскій крестьянинъ хочетъ экономической самостоятельности и я представитель его интересовъ требую для всѣхъ и каждаго изъ русскихъ крестьянъ такой самостоятельности. «Народный» идеалъ становится моимъ идеаломъ. Между тѣмъ марксистъ, испорченный западно-европейской наукой, ищущій понять совершающійся экономическій процессъ, сличаетъ идеалъ съ дѣйствительностью. Сличеніе показываетъ, что въ дѣйствительности есть условія, искажающія идеалъ настолько, что онъ становится совершенно непріемлемымъ. Условія эти могутъ быть формулированы въ трехъ словахъ: господство товарно-хозяйственныхъ отношеній. При этихъ условіяхъ, въ то время какъ Сидоръ достигаетъ экономической самостоятельности, и даже экономической силы, Петръ теряетъ ее—и это результатъ не какихъ-либо злоумышленій, и даже не дурной политики, а закономѣрнаго развитія данной экономической формаціи, необходимо развивающей въ себѣ классовыя противорѣчія. Русскій мужикъ никогда, даже въ эпоху блаженной памяти крѣпостного права или «народнаго производства», не былъ на одно лицо, а теперь ужъ такъ явственно раскололся, что всякій народолюбецъ обязанъ уяснить себѣ, кого, Петра или Сидора, защищаетъ онъ, и кому изъ нихъ пойдутъ на пользу проектируемыя имъ реформы. Вѣдь съ нашей точки зрѣнія почти всѣ эти реформы (очень многія изъ нихъ безусловно необходимы) приведутъ Россію къ пышному расцвѣту капитализма даже гораздо болѣе вѣрнымъ и прочнымъ путемъ, чѣмъ вывозныя преміи и высокій таможенный тарифъ. Этого большинство народниковъ и народничествующихъ либераловъ до сихъ поръ не понимаетъ; поэтому-то они недовольны скептическимъ отношеніемъ къ народническимъ реформамъ г. Николая —она, который, очень твердо зная, что товарное производство въ своемъ развитіи неизбѣжно родитъ капитализмъ, утѣшается только тѣмъ, что русскій капитализмъ—дитя якобы мертворожденное, и что вмѣсто него, мы увидимъ «обобществленный» трудъ, появленіе котораго объясняется довѣрчивымъ россіянамъ приблизительно такъ же, какъ обыкновенно родители и пяпьки объясняютъ дѣтямъ появленіе на свѣтъ новаго братца или сестрицы.

Посмотримъ еще съ другой стороны на народническій идеалъ. Во мнѣ,

напримѣръ, мужикъ, у котораго всего вдосталь, сейчасъ же порождаетъ представленіе о томъ, что для капитализма такой мужикъ—лафа, какъ объ этомъ въ свое время докладывалъ россійскимъ капиталистамъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» г. В. В., тотъ самый, который... «доказалъ» невозможность развитія капитализма въ Россіи [1]). Г. Михайловскій, повидимому, можетъ удовольствоваться тѣмъ, что выставивъ идеалъ, удостовѣритъ его совпаденіе съ завѣтными стремленіями русскаго мужика къ экономической самостоятельности. Но я, къ сожалѣнію, экономистъ и потому не въ силахъ отбиться отъ вопроса, что изъ сего идеала «по соображеніи» съ условіями дѣйствительности выйдетъ. И вотъ именно изслѣдованіе этого вопроса и портитъ мнѣ все удовольствіе. Получается гармонія, но только не та, о которой столько лѣтъ твердили народники, а совсѣмъ другая: гармонія экономической самостоятельности съ развитіемъ капитализма.

Игнорируя существованіе и развитіе классовыхъ противорѣчій, практическія предложенія народниковъ, поскольку они осуществимы, а не представляютъ простое фантазерство на тему объ «обратномъ ходѣ историческаго колеса», носятъ явно мелко-буржуазный характеръ. Г. В. В. замѣчаетъ, что «не абстрактные принципы теоріи, а практическіе изъ нея выводы опредѣляютъ истинный характеръ какого-либо направленія общественной мысли, и что логическая работа мысли легко на почвѣ существующаго разлѣленія общества на противоположные, по своимъ интересамъ, классы, самыя широкія общечеловѣческія идеи обращаетъ въ узкія формулы, соотвѣтствующія интересамъ одного класса, заявляющаго претензію на активную общественную роль» («Наши направленія», стр. 122). Это разсужденіе, которымъ г. В. В. думаетъ поразить марксистовъ, обращается—увы!—всецѣло противъ народничества. Если относительно практическихъ предложеній народниковъ поставить вопросъ: чьи идеалы эти предложенія выражаютъ и кому они пойдутъ на пользу, то возможенъ только одинъ отвѣтъ: буржуазному слою крестьянства.

Какіе результаты дала крестьянская реформа, на специфически «народный» характеръ которой не уставали указывать народники до г.

---

[1]) Г. В. В. въ 1894 году не понимаетъ того, что онъ говорилъ въ 1883 г. („Недѣля", 1894 г. № 48). Въ своей книжкѣ (стр. 252—253) я указалъ, что еще въ 1883 году г. В. В. самъ sans le vouloir et le savoir далъ формулу капиталистическаго развитія Россіи, вполнѣ устраняющую мнимыя препятствія, созданныя его же собственнымъ воображеніемъ.

Теперь г. В. В. не понимаетъ своей собственной формулы. Въ этой бѣдѣ я безсиленъ ему помочь.

Ник. —она включительно? Какіе результаты дала дѣятельность крестьянскаго банка? Какіе результаты можетъ дать мелкій кредитъ и содѣйствіе техническому прогрессу крестьянскаго хозяйства? На эти вопросы отвѣчаютъ намъ частью всѣмъ извѣстные факты, частью заявленія самихъ гг. народниковъ. Приведу одно весьма типичное заявленіе. «Факты какъ оффиціальной такъ и земской статистики убѣдительно доказываютъ, что крестьянская масса не остается однородной, въ ней начался процессъ дифференціаціи, выпаденіе средины, соотвѣтствующимъ одно и двулошадными хозяйствамъ и распредѣленіе остальной массы по двумъ крайнимъ полюсамъ, безлошадія и безземелія—на одномъ, многолошадія и многоземелія—на другомъ. Приходя на помощь крестьянскому хозяйству, земскіе агрономы не должны забывать, что предъ ними не однородная масса, члены которой не въ одинаковой степени способны усвоять пропагандируемые ими улучшенные пріемы земледѣльческой техники. Совершающійся процессъ дифференцировки я не считаю роковымъ и допускаю возможность не только его остановить, но даже дать ему обратный ходъ, не только затормазить, но даже повернуть назадъ раскатившееся «колесо исторіи». Агрономія является такой силой, отъ метода приложенія которой зависитъ, будетъ ли она ускорять дифференціацію или дѣйствовать въ обратномъ направленіи. Западно-европейскій опытъ да послужитъ для нея предостереженіемъ противъ увлеченія цвѣтущимъ состояніемъ сельскаго хозяйства, безъ разбора кому оно принадлежитъ».

«Пусть идея *равномѣрнаго распредѣленія* не забывается земскими агрономами, иначе наша наука явится факторомъ обездоленія народныхъ массъ».

«Пусть у русскихъ земскихъ агрономовъ надъ идеей о цвѣтущемъ сельскомъ хозяйствѣ господствуетъ идея *равномѣрнаго распредѣленія*, за хозяйствомъ не забывается хозяинъ, за желѣзными плугами кормовой свеклой и букширскими свиньями, не забывается человѣкъ! Десятина клевера или человѣческая жизнь? вотъ вопросъ. Въ Мекленбургѣ его рѣшили въ пользу десятины клевера: я не сомнѣваюсь, что мы всѣ его рѣшимъ въ пользу человѣческой жизни. Но многія дѣйствія наши непроизвольны: рѣшивъ про себя вопросъ въ пользу человѣка, нашей практической дѣятельностью мы можемъ *непроизвольно* рѣшить его въ пользу десятины клевера».

«Поэтому дѣйствія агронома должны быть сознательны: онъ долженъ знать, кому онъ помогаетъ, кто усвоиваетъ пропагандируемые имъ пріемы улучшенной техники, насколько усвоиваетъ ихъ бѣдное, среднее и богатое крестьянство.

«Не безразлично по своимъ послѣдствіямъ, кому онъ приходитъ на по-

мощь: если его пропаганда находитъ подготовленную почву только между богатыми крестьянами, то агрономъ не долженъ приходить въ восторгъ отъ своего успѣха, а долженъ, наоборотъ, задуматься, не способствовалъ ли онъ этимъ, *невольно*, процессу дифференціаціи». (Статья *П. В.* Какимъ крестьянамъ долженъ помогать земскій агрономъ? въ журналѣ «Хозяинъ» 1894 г. № 21) [1]).

Вотъ вамъ, гг. народники, краснорѣчивый отвѣтъ изъ устъ одного изъ вашихъ на вопросъ: cui prodest? Стихійные результаты агрономическаго прогресса и вся совокупность экономическихъ условій, весь строй народнаго и государственнаго хозяйства—съ одной стороны, земскіе агрономы, одушевленные идеей равномѣрнаго распредѣленія—съ другой стороны. Исходъ этой борьбы несомнѣненъ для тѣхъ, кто не зараженъ вѣрою въ возможность повертыванія «колеса исторіи»..... руками земскихъ агрономовъ. Ну, а для тѣхъ, кто не страдаетъ столь близорукимъ скептицизмомъ, открываются широчайшія перспективы. Помилуйте, что значатъ земскіе агрономы?! Вотъ, если идеей *равномѣрнаго распредѣленія* проникнутся и земскіе начальники съ ихъ сильной и близкой къ народу властью, то всѣ невѣрующіе въ народническія пророчества будутъ устыжены, ибо тогда несомнѣнно «колесу исторіи» будетъ мощными руками [2]) данъ обратный ходъ и въ результатѣ наступитъ пошехонское раздолье (не описано ли оно уже въ «Пошехонскихъ разсказахъ»?).

Вернемся однако къ г. В. В. «Въ борьбѣ знающаго и потому сильнаго съ невѣжественнымъ и слѣдовательно слабымъ тотъ изъ знающихъ, кто не стоитъ за послѣдняго, дѣйствуетъ въ пользу перваго, такъ какъ добровольно устраняется отъ помощи, какую могъ бы оказать нуждающемуся въ его услугахъ собрату. Поэтому простое безмолвное признаніе соціологической законности господства капиталистическаго режима есть уже шагъ въ пользу послѣдняго. Но разсматриваемое направленіе (т. е. русскій

---

[1]) На четвертомъ агрономическомъ съѣздѣ въ Виткѣ г. Баскинымъ поднятъ былъ вопросъ о значеніи дѣятельности земскихъ агрономовъ. Г. Баскинъ подвергъ послѣднюю съ точки зрѣнія ея соціально-экономическихъ результатовъ самой строгой критикѣ. Земская агрономія дѣйствуетъ „въ сторону наименьшаго сопротивленія, независимо отъ какихъ бы то ни было предопредѣленныхъ руслъ“ (См. корреспонденцію въ „Новомъ Времени“ за 1894 г. № 6736).

[2]) Характерно, что есть голоса, совѣтующіе земскимъ агрономамъ бороться съ „дифференціаціей“ именно этимъ путемъ. „Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, пишетъ нѣкто г. *Катаевъ* (ст. „Задачи экономической дѣятельности земскихъ агрономовъ“ въ журн. Хозяинъ 1894 г. № 19) администрація и земство стараются искусственно насадить общественныя запашки, дѣлая ихъ такъ или иначе обязательными для населенія. Нѣтъ повода возставать противъ подобной обязательности, такъ какъ это можетъ быть полезно лишь для крестьянства“.

марксизмъ П. С.) не ограничивается такимъ безмолвнымъ признаніемъ, а главную свою дѣятельность проявляетъ пока въ проповѣди упомянутой законности переворота, т. е. настраиваетъ общественное мнѣніе въ пользу грядущаго капиталистическаго режима, охлаждаетъ благожелательные порывы общества сдѣлать что либо для поддержанія падающаго крестьянскаго хозяйства, подготовляетъ почву для экспропріаціи крестьянства въ пользу буржуазіи». (Наши направленія стр. 120—121, ср. Недѣля 1894 года № 49).

Эти разсужденія, откровенно говоря, поражаютъ своей несообразностью. Во-первыхъ, марксисты признаютъ соціологическую законность не «господства капиталистическаго режима», а его наступленія и наличности. Во-вторыхъ, какъ слѣдуетъ понимать, что признаніе неизбѣжности капитализма есть шагъ въ пользу послѣдняго? Неужели Марксъ и Энгельсъ, которые выступили на публицистическую арену въ то время, когда «героемъ» германской обрабатывающей промышленности былъ самостоятельный ремесленникъ, и число такихъ ремесленниковъ значительно превосходило число наемныхъ рабочихъ (подмастерьевъ, Gesellen), когда Германія вывозила, а не ввозила хлѣбъ, неужели и они, настаивая на неизбѣжности капитализма, «облегчали одному классу порабощеніе другого». Такъ слѣдуетъ по логикѣ г. В. В. Характерно, что народники, выступающіе съ цѣлой коллекціей экономическихъ реформъ, соціально-экономическія послѣдствія которыхъ лучшимъ изъ нихъ представляются иногда очень сомнительными съ точки зрѣнія сохраненія т. н. экономической самостоятельности всей народной массы и поддержанія «устоевъ», въ то же время безцеремонно упрекаютъ въ буржуазности тѣхъ, кто *никакихъ такихъ* реформъ отъ своего имени не предлагаютъ, а лишь констатитируютъ общую тенденцію экономическаго развитія. Вѣдь марксисты самое большее, что «охлаждаютъ» только «благожелательные порывы» извѣстнымъ образомъ настроенныхъ интеллигентовъ къ участію въ скорѣйшемъ превращеніи части крестьянства въ несомнѣнную буржуазію (во всѣхъ отношеніяхъ, въ особенности въ чисто политическомъ, это превращеніе будетъ фактомъ безспорно прогрессивнымъ).

Народническіе идеалы, какъ они выражены у Златовратскаго, чужды всякой буржуазности [1]). Это чистѣйшая идеологія патуральнаго хозяйства и перво-

[1]) „Въ представленіи народа, идеалъ общины—не группа отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ, дворовъ, связанныхъ только правомъ отъ времени до времени производить „равненіе“ между собою. Далеко нѣтъ. Идеалъ народной общины—это такая гармоническая организація, въ которой права слабаго и маломощнаго гарантируются *не условно, не періодически*, а постоянно, неуклонно въ каждый моментъ общинной жизни. Принципъ общинной помочи проявляется здѣсь не въ видѣ филантропическихъ или только моральныхъ побужденій, не въ

бытнаго равенства, идеологія, въ которой слышится громкая нота протеста противъ нарождающагося въ крестьянской средѣ буржуазнаго слоя. Златовратскій—въ общемъ идеологъ недифференцированнаго крестьянства, по-скольку онъ видитъ надвигающуюся на послѣднее дифференціацію, онъ представляетъ интересы труда въ крестьянской массѣ.

Идеологія Златовратскаго цѣнна тѣмъ, что этотъ писатель, своимъ искреннимъ протестомъ противъ хозяйственности и умиляющихся ею народниковъ и народничествующихъ либераловъ, указалъ всѣмъ народникамъ на ту наклонную плоскость, на которую они неизбѣжно становятся, вступая въ компромиссы съ хозяйственностью [1]). Эти компромиссы—начало неотвратимаго буржуазнаго грѣхопаденія народничества, являющагося идеологическимъ отраженіемъ важнѣйшаго соціально-экономическаго процесса пореформенной Россіи—разслоенія крестьянства.

Лучшимъ выразителемъ буржуазнаго грѣхопаденія народничества является г. В. В. И не въ сознательномъ и даже не въ безсознательномъ прислужничествѣ буржуазіи тутъ дѣло—подобныя обвиненія только компрометируютъ тѣхъ, кто ихъ выставляетъ—а въ построеніи цѣлаго міровоззрѣнія, которое ограничивается полемъ зрѣнія и интересами мелкаго буржуа. Отсюда—эти тенденціи въ противоположность г.—ону найти «не капиталистическое теченіе въ русской экономической жизни, какъ самостоятельный факторъ послѣдней» («Очерки теоретической экономіи», стр. 233), открыть «законы некапиталистической эволюціи промышленности» (l. c. 235), разграничить товарное хозяйство и капитализмъ не какъ двѣ послѣдовательныя ступени одного и того же историческаго процесса, а какъ двѣ различныя экономическія формаціи, отнюдь не соединенныя преемственною связью, и представить товарное хозяйство способнымъ къ «самостоятельной некапиталистической эволюціи» [2]); отсюда—стремленіе защитить кре-

---

видѣ разныхъ формъ „мелкаго кредита“ или „народнаго продовольствія“, а органически сливается со всѣмъ строемъ общины.... сливается такъ, что дѣлается *обиходомъ*, началомъ, дѣйствующимъ постоянно“. (Соч. т. II, стр. 437).

[1]) Обратная сторона медали—полное игнорированіе экономическаго и культурнаго значенія хозяйственности. Отсюда одновременно и презрѣніе къ хозяйственности и страхъ передъ нею. Оба одинаково неосновательны и безплодны. Въ „Критическихъ Замѣткахъ“ я обратилъ вниманіе только на эту сторону міровоззрѣнія Златовратскаго.

[2]) Нельзя не отмѣтить здѣсь одного полемическаго увлеченія г. В. В. Онъ одинаково упрекаетъ г. —она и меня въ отождествленіи товарнаго производства и капитализма; но г.—она г. В. В. почитаетъ и боится. Въ полемикѣ же со мной онъ увлекается. „Г. Струве поправляетъ не только г. В. В. но и Маркса, упраздняя специфическій смыслъ слова „капитализмъ“ и расширяя это понятіе

дитъ отъ суровой оцѣнки г. —она (255); отсюда постоянныя указанія на прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ, безъ всякаго анализа той соціальной обстановки, въ которой констатируется этотъ прогрессъ. Отсюда же радость г. В. В. по поводу того, что «наша интеллигенція вообще, литература въ частности, даже представители наиболѣе буржуазныхъ теченій носятъ на себѣ, такъ сказать, народническій характеръ» [1]). Попробуйте, г. В. В., обернуть эту фразу и получится истинная характеристика положенія вещей въ современной русской литературѣ. Г. В. В. и въ другомъ мѣстѣ обнаруживаетъ нѣкоторое чутье истины, но только чутье его оказывается... недостаточнымъ. «Въ новѣйшее время совершенно ясно выразилось наше подчиненіе интеллектуальнымъ вліяніямъ, исходящимъ изъ западнаго буржуазнаго общества» [2]). Бѣдный западъ! за все онъ является козломъ отпущенія! И гдѣ это открылъ г. В. В. за послѣднее время подчиненіе русскаго общества интеллектуальнымъ вліяніямъ запада? Не видимъ ли мы скорѣе подчиненіе разнымъ модамъ и вѣяніямъ, идущимъ съ запада, рядомъ съ постыднымъ забвеніемъ лучшихъ идеаловъ западноевропейской культуры. Не проще ли было бы, г. В. В., не обращаясь къ интеллектуальнымъ вліяніямъ запада, сказать: «въ новѣйшее время совершенно ясно выразилось превращеніе нашего общества въ буржуазное»—и однимъ изъ симптомовъ такого превращенія является законченное развитіе теоріи, выдающей капиталистическую эволюцію, въ которой по историческимъ и другимъ условіямъ въ данный историческій моментъ очень крупная роль достается мелкой крестьянской буржуазіи съ ея еще неопредѣлившимся, да и по существу, двойственнымъ, соціальнымъ обликомъ, за торжество «народнаго производства».

Непониманіе теоретической позиціи марксизма достигаетъ своего апогея именно у г. В. В. въ его статьяхъ въ «Недѣлѣ» и въ книгѣ «Очерки теоретической экономіи» (Спб. 1895 г.). Здѣсь невозможно останавливаться на всѣхъ проявленіяхъ этого непониманія и я отмѣчу лишь наиболѣе рѣзкія. Г. В. В. все время старается представить дѣло такъ, будто авторъ «Критическихъ Замѣтокъ» проектируетъ «насажденіе мелкой буржуазіи». «Система г. Струве тѣмъ и прочна, что кромѣ стоящихъ другъ противъ друга враждебныхъ силъ, капиталистовъ и рабочихъ, она создаетъ третью

до того, чтобы этимъ марксовскимъ терминомъ можно было покрыть Листовское понятіе товарнаго производства" (стр. 282). Понятіе товарнаго производства заимствовано мною и г. —опомъ, который въ обращеніи къ Листу совершенно неповиненъ, не у Листа, а у Маркса, по которому капитализмъ есть обобщенное товарное производство, такъ сказать—его вершина и конечная стадія.

[1]) Недѣля 1894 г. № 47.

[2]) Недѣля 1894 г. № 47.

силу мелкой земледѣльческой буржуазіи, составляющей ту группу «третьихъ лицъ», которая скрадываетъ противорѣчія капиталистическаго строя» (Недѣля, № 49). Не система г. Струве, а ходъ экономической эволюціи создаетъ эту группу третьихъ лицъ, необходимую для прочнаго развитія промышленнаго капитализма въ Россіи, и всѣ осуществимые проэкты народниковъ послужатъ именно на пользу этой группы, столь опасной для народническихъ мечтаній объ «особомъ пути развитія». Что же дѣлать, г. В. В., если дѣйствительное развитіе экономическихъ отношеній создаетъ, вмѣстѣ съ сельскимъ и промышленнымъ пролетаріатомъ [1]), также многочисленный классъ сельской буржуазіи, и если существованіе и развитіе этого класса имѣетъ огромное значеніе для нашего промышленнаго капитализма? Отъ факта не отвертишься благороднымъ негодованіемъ по поводу того, что констатированіе даннаго факта равносильно признанію за русскимъ капитализмомъ прочной почвы для развитія.

«Распространеніе такого (марксистскаго) ученія среди лицъ, сочувствующихъ трудящемуся населенію, представляется совершенно естественнымъ на западѣ, гдѣ господство капиталистическихъ отношеній является совершившимся фактомъ, пролетаріатъ составляетъ большую половину населенія и задачей настоящаго момента является организація рабочаго класса» и т. д. и т. д.—вѣщаетъ г. В. В. [2]). Но, когда г. В. В. говоритъ о западѣ, будьте осторожны читатель, здѣсь нашъ самобытный экономистъ плаваетъ «безъ руля и безъ вѣтрилъ». Послушаемъ лучше западнаго человѣка, во всѣхъ отношеніяхъ компетентнаго:

«Пролетаріатъ не только не тождественъ съ народомъ, онъ не только не составляетъ во всѣхъ государствахъ—быть можетъ за исключеніемъ Англіи—большинства населенія, но, наоборотъ: въ большинствѣ странъ находится въ значительномъ меньшинствѣ. Правда, онъ быстро растетъ, но не такъ быстро, какъ того многіе ожидаютъ... Но число представителей класса не есть единственный факторъ, отъ котораго зависитъ его сила. Столь же важно, и даже, быть можетъ, еще важнѣе *значеніе класса въ общемъ процессѣ производства*» (Karl Kautsky Der Entwurf des neuen Partei-programms. Neue Zeit. IX, 2, 751—752). Тутъ важно еще

---

[1]) Слова мои о „жалкомъ сельскомъ пролетаріатѣ, въ культурномъ и другихъ отношеніяхъ совершенно безнадежномъ“ относятся вовсе не къ капиталистической эволюціи, какъ хочетъ представить г. В. В., а къ отвлеченно мыслимому случаю ея задержки. Пользуясь этими словами, г. В. В. извращаетъ ихъ смыслъ и прямо совершаетъ передержку (въ № 49 „Недѣли“ за 1894 г.). Съ сожалѣніемъ констатирую это.

[2]) Недѣля 1849 г. № 49.

и то, столь мастерски освѣщенное Марксомъ, обстоятельство, что къ пролетаріату по своей двойственной соціальной природѣ примыкаетъ мелкая буржуазія, какъ городская, такъ и сельская. Въ данный историческій моментъ сельская буржуазія представляетъ одинъ изъ устоевъ капитализма, но на извѣстной ступени развитія послѣдній, развивая таящіяся въ немъ противорѣчія, станетъ *разлагать* мелкую буржуазію. Система, которую г. В. В. угодно называть системой г. Струве, прочна только въ данный историческій моментъ, но она таитъ въ себѣ противорѣчія, общій характеръ которыхъ можно предугадать уже и теперь.

Не понимаетъ г. В. В. не только русскихъ марксистовъ. Непониманіе имъ западно-европейскихъ явленій столь-же, если не болѣе—sit venia verbo—чудовищно. Но тутъ проявляется, сверхъ неумѣнія понять чужую точку зрѣнія, и изумительное невѣжество. Г. В. В. обвиняетъ меня въ томъ, что я въ своей книжкѣ, посвященной вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи обнаружилъ незнаніе предмета и литературы, позволительное лишь заѣзжему нѣмцу (О. т. э., стр. 285). Основаніемъ для такой оцѣнки послужило, между прочимъ, мое собственное признаніе въ томъ, что я не могу претендовать на сколько-нибудь полное, исчерпывающее знакомство со всей литературой народничества — опять значитъ злоупотребленіе чужой скромностью!. Но теперь, послѣ изданія книги «Очерки теоретической экономіи», позволительно спросить: въ какомъ отношеніи находится мое знаніе русскихъ отношеній и русской экономической литературы къ познаніямъ г. В. В. по части Германіи и нѣмецкаго соціальнаго движенія, о которомъ онъ разсуждаетъ «съ видомъ знатока»? Увы! —существуютъ серьезныя основанія подозрѣвать, что единственнымъ источникомъ мудрости г. В. В. по этой части служатъ корреспонденціи «Русскихъ Вѣдомостей». Корреспонденціи хорошія—спору нѣтъ, мы всѣ ихъ читаемъ съ интересомъ, но онѣ... не могутъ замѣнить даже самаго неполнаго знакомства съ литературой [1]).

За подтвержденіями недалеко ходить. «Еслибы нѣмецкій соціалдемократизмъ былъ выраженіемъ спеціализма, а не выступающаго на защиту своихъ интересовъ въ современномъ обществѣ пролетаріата, впервые познающаго свое значеніе, то—поелику не всѣ же нѣмцы идеалисты—рядомъ съ этой преслѣдующей идеалистическія задачи партіей мы видѣли бы

[1]) Г. В. В., очень вѣрно говоритъ о себѣ подобныхъ россіянахъ: «мы охотно и внимательно наблюдаемъ западно-европейскую жизнь, такъ называемая политическая хроника составляетъ наиболѣе интересную и читаемую часть нашихъ газетъ и тѣмъ не менѣе врядъ ли можно сказать, что мы хорошо понимаемъ новѣйшія теченія западно-европейской исторіи" (О. т. э. стр. 246). Нельзя и понимать того, чего не знаешь.

еще болѣе сильную партію—рабочую, представляющую практическіе интересы неидеалистической части нѣмецкаго пролетаріата» (О. т. э. стр. 248). И далѣе: «Если бы соціализмъ игралъ въ этомъ движеніи не роль простого знака, отличающаго одну, опредѣленную организацію, еслибы онъ былъ движущей идеей, принципомъ, требующимъ отъ членовъ партіи извѣстнаго специфическаго служенія — въ такомъ случаѣ соціалистическая партія отдѣлилась бы отъ общей рабочей, и масса пролетаріата, стремящагося къ лучшему благоустройству на почвѣ существующаго строя и мало думающаго объ идеальномъ будущемъ, образовала бы самостоятельную рабочую партію» (ib. стр. 249—250). И только благодаря участію «высшей интеллигенціи», по мнѣнію г. В. В., нѣмецкое рабочее движеніе окрасилось цвѣтомъ соціализма. Всѣ эти разсужденія прямо изумляютъ своей, можно сказать, законченной... простотой. Тутъ все дѣвственно. Вотъ что значитъ самобытная логика и свобода отъ всякихъ предвзятыхъ «точекъ зрѣнія». Около 50 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ двое ученыхъ, вышедшіе правда изъ одной философской школы, почти одновременно и въ общемъ независимо одинъ отъ другого объяснили загадочное и совершенно новое явленіе европейской исторической жизни: соціализмъ. Лоренцъ Штейнъ [1]) въ «Соціализмѣ и коммунизмѣ современной Франціи» (1842), книгѣ, составившей эпоху въ развитіи государственной науки, и Марксъ (съ Энгельсомъ) въ знаменитомъ «К. Манифестѣ» (1848) показали, что совершенно отвлеченныя, «чистыя», повидимому, теоріи и концепціи представляютъ собой идеологическое выраженіе интересовъ извѣстнаго класса, и что разсматривать эти концепціи внѣ ихъ связи съ классовыми интересами значитъ не понимать ни ихъ значенія, ни ихъ дѣйствительнаго происхожденія. Открытіе Штейна и Маркса оказало огромное вліяніе и на науку, и на жизнь: въ значительной мѣрѣ благодаря этому «лучу свѣта» западно-европейскіе люди стали «понимать новѣйшія теченія» своей исторіи. А мы — увы!—до сихъ поръ, оказывается, ихъ не понимаемъ, быть можетъ потому, что читаемъ только... газетную политическую хронику. «Мы» успѣхи соціализма въ Германіи объясняемъ тѣмъ, что нѣмецкій рабочій, «какъ настоящій нѣмецъ... можетъ одновременно и предаваться мечтамъ (соціализмъ) и практически устраиваться въ жизни» (рабочее движеніе, какъ организованная борьба за соціальныя реформы) (ib. стр. 253). Въ этомъ сочетаніи «мечтаній» и практическихъ стремленій «мы» видимъ «внѣшнее соединеніе элементовъ идеальнаго и реальнаго».

---

[1]) Штейнъ раскрылъ глаза представителямъ профессіональной науки и буржуазіи, Марксъ—пролетаріату. Замѣчу, что, по научной глубинѣ и послѣдовательности, тоненькая брошюрка Маркса несравненно выше толстой книги Штейна, въ послѣднемъ изданіи разросшейся въ цѣлые 3 тома („Geschichte der sozialen Bewegung in Frankreich". Leipzig 1850—1855).

Не будетъ ли ближе къ истинѣ сказать, что «наши» разсужденія представляютъ собой примѣръ грубаго, плоскаго, съ точки зрѣнія современной науки, такъ сказать, допотопнаго *разъединенія* элементовъ идеальнаго и реальнаго и яркій образчикъ той русской оригинальности, которая, по остроумному замѣчанію одного современнаго публициста, состоитъ въ «умственной безпечности» [1]), гарантирующей ея обладателямъ полную свободу отъ всякаго рода неудобнаго умственнаго багажа.

Критиковать и оцѣнивать какое-нибудь движеніе можно только съ двоякой точки зрѣнія. Можно или, исходя изъ тѣхъ же принциповъ, слѣдить за ихъ развитіемъ въ данномъ движеніи и степенью послѣдовательности осуществленія этихъ принциповъ измѣрять внутреннюю силу и значеніе движенія, или же оцѣнивать самые руководящіе принципы послѣдняго, на основаніи какого-нибудь *высшаго критерія*. Но ни въ какомъ случаѣ нельзя безъ всякихъ оговорокъ руководиться въ оцѣнкѣ цѣлаго направленія идеями, отрицаніе которыхъ составляетъ существенную часть идейнаго содержанія даннаго направленія. Ни съ чѣмъ несообразно, поэтому, оцѣнивать нѣмецкое рабочее движеніе, съ точки зрѣнія «чистой», «общечеловѣческой» «идеи соціализма», какъ это дѣлаетъ г. В. В., разъ существенную часть идейнаго содержанія этого движенія составляетъ отрицаніе «чистой», «общечеловѣческой», «внѣклассовой» идеи соціализма. Для того чтобы стать «соціалистическимъ» во вкусѣ г. В. В., нѣмецкое рабочее движеніе должно было бы отвергнуть доктрину Маркса и Энгельса и воспріять идеи гг. В. В. и К°. Понятно, что такая «критика» производитъ только смѣхотворное впечатлѣніе, и страницы изъ книжки г. В. В., посвященныя германскому движенію, могли бы съ успѣхомъ найти себѣ мѣсто въ какомъ-нибудь юмористическомъ листкѣ для рабочихъ, въ «Glühlichter» или «Der wahre Iakob». Вотъ что значитъ, если *незаѣзжій* русскій начнетъ «отъ разума» разсуждать о западныхъ дѣлахъ. Есть еще другіе перлы въ новомъ Opus'ѣ г. В. В. Научный соціализмъ «рѣзко раздѣляетъ идеальную цѣль и реальныя средства». Помилуйте, г. В. В., зачѣмъ же вы свои собственныя измышленія выдаете за научный соціализмъ! Вѣдь это вы все стараетесь о томъ, чтобы отдѣлить «чистую идею» отъ классовыхъ интересовъ и классовой борьбы и, съ видомъ открывающаго Америку человѣка, констатируете отсутствіе дорогой вамъ «чистой идеи» въ нѣмецкомъ движеніи, для того чтобы съ торжествомъ воскликнуть: «идеальной цѣли» нѣтъ, есть только «практическіе интересы». Но это раздѣленіе «идеальной цѣли» и «реальныхъ средствъ» или «практическихъ интересовъ»—вѣдь оно ваше собственное созданіе и съ научнымъ соціализмомъ ничего общаго

[1]) Вл. Соловьевъ. Нац. вопросъ, вып. 1-й (изд. 2-е), стр. 161.

не имѣетъ. Худо ли хорошо ли это, но научный соціализмъ неразрывно сливаетъ и въ теоріи, и на практикѣ то, что вы раздѣляете. Но «врядъ ли можно сказать, что мы хорошо понимаемъ новѣйшія теченія западно-европейской исторіи». Совершенно вѣрно сказано, г. В. В., но требуетъ дополненія: мы не только не понимаемъ, но и не знаемъ того, о чемъ говоримъ. Стр. 246—269 «Очерковъ теоретической экономіи» написаны точно спеціально для того, чтобы иллюстрировать грустную истину объ «умственной безпечности». «Примиреніе (рабочаго класса съ капиталистическимъ строемъ) выразилось въ томъ, что идея соціализма начала терять прежній практически-революціонный или, какъ нынѣ принято называть, утопическій характеръ» (стр. 251). Указанное г. В. В. примиреніе—плодъ его собственной фантазіи, которая разгуливаетъ необремененная никакимъ багажемъ. Но, если о настоящемъ, въ виду его якобы недостаточной выясненности, еще такъ—такъ дозволительно фантазировать, то для фантазій о прошломъ, имѣющемъ свою документальную исторію, и такого оправданія нельзя привести. Утопическій соціализмъ имѣлъ «практически-революціонный характеръ»,—это обвиненіе, къ счастью уже не опасно ни для Овена, ни для Сен-Симона, ни для Фурье, которыхъ имъ ни подъ какую непріятность уже не подведешь, но все-таки покойникамъ надлежитъ болѣе, чѣмъ кому либо, «воздавать по дѣламъ ихъ». Въ «утопическомъ соціализмѣ» какъ разъ отсутствовали тѣ черты, которыя можно подвести подъ «практически революціонный характеръ». Кстати, полная вздорность разсужденій г В. В объ отошедшемъ въ исторію утопическомъ соціализмѣ служитъ дополнительнымъ косвеннымъ подтвержденіемъ того, что и современныя «теченія» представляются имъ въ совершенно превратномъ видѣ. Но самъ г. В. В. позаботился о томъ, чтобы на косвенныя доказательства приходилось смотрѣть, какъ на излишнюю роскошь. «Новѣйшій, такъ называемый, научный соціализмъ примирилъ теоретическую революціонность соціалистической идеи съ практической обязательностью для каждаго быть вѣрноподданнымъ существующаго государства и этимъ предотвратилъ громадную растрату силъ молодого движенія нѣмецкихъ рабочихъ, весьма вѣроятную въ случаѣ, еслибы соціалистическая идея среди интеллигенціи сохраняла прежній, такъ называемый утопическій характеръ» (стр. 252). Если г. В. В. хочетъ этими словами сказать, что нѣмецкое рабочее движеніе не носитъ бунтарскаго характера и что, наоборотъ, направляющая это движеніе доктрина прямо отрицаетъ бунтарство и такъ называемую «революціонную фразу» (Revolutionsphrase), то онъ правъ [1]). Но онъ думаетъ и говоритъ совсѣмъ не

[1]) Знаетъ ли г. В. В., а, если знаетъ, то зачѣмъ умалчиваетъ, говоря о „прак-

это. Онъ разсуждаетъ о большей идейности падкаго именно на «революціонную фразу» французскаго рабочаго класса сравнительно съ нѣмецкимъ: первый, по мнѣнію г. В. В., «политически несравненно болѣе развитъ». Въ тоже время г. В. В., такъ сказать, «однимъ духомъ», объясняетъ этой идейностью «безсиліе и малоорганизованность французскаго рабочаго класса»....., «политически несравненно болѣе развитаго» и не замѣчаетъ, что такимъ объясненіемъ онъ, во 1-хъ, самъ безповоротно компрометируетъ любезную ему идейность, а, во 2-хъ, заставляетъ очень подозрительно относиться къ «политической развитости», выражающейся въ «безсиліи и малоорганизованности». И дѣйствительно: идейность во вкусѣ гг. В. В. и К° никакихъ другихъ плодовъ дать не можетъ. Но чему же удивляться, если г. В. В. утверждаетъ даже, что организація рабочаго класса въ Германіи при другихъ условіяхъ могла бы идти подъ знаменемъ... анархизма? (стр. 253). «Организація класса» да еще «для систематическаго сознательнаго участія его въ общественно-политической жизни» подъ знаменемъ анархизма—вѣдь это уже прямо относится къ области наглядныхъ несообразностей, коихъ въ народнической литературѣ имѣется, впрочемъ, достаточное количество. И тутъ небольшая историческая справка могла бы спасти г. В. В. отъ печатнаго изображенія подобной нелѣпости. Исторія рабочаго движенія въ Австріи за 80-ые гг. представляетъ характерный и поучительный примѣръ дезорганизаціи рабочаго класса анархизмомъ, а нѣмецкіе рабочіе своей организованностью обязаны между прочимъ тому, что анархическая пропаганда въ Германіи никогда никакого успѣха не имѣла.

Остается отмѣтить еще одну черту въ полемикѣ г. В. В. Онъ сожалѣетъ о томъ, что нерасположеніе къ Марксу распространено въ средѣ буржуазіи и что выходящіе изъ нея настоящіе, патентованные ученые боятся ученія Маркса; онъ желаетъ, чтобы люди научились отдѣлять доказанныя положенія системы Маркса отъ болѣе или менѣе вѣроятныхъ или произвольныхъ его гипотезъ (стр. 213). Но въ то же время, когда авторъ «Критическихъ замѣтокъ» въ чемъ нибудь отступаетъ отъ Маркса, г. В. В.

тической обязательности“ и т. д., что нѣмецкая рабочая партія съ 1878 по 1890 г. жила въ тискахъ исключительнаго закона, дѣйствіе котораго между прочимъ выразилось въ томъ, что за десятилѣтіе съ 1878 по 1890 г. члены партіи высидѣли въ общей сложности 831 годъ и 6 дней тюремнаго заключенія. Нужно была истинная идейность, дѣйствительно высокое политическое развитіе и упорная выдержка, чтобы при этихъ условіяхъ мирнымъ путемъ безъ растраты человѣческихъ жизней заставить правительство и господствующіе классы отказаться отъ исключительнаго закона. И такихъ людей, которые не хотѣли цѣной отреченія отъ широкихъ идеаловъ, купить безмятежнаго житія и такъ называемыхъ практическихъ успѣховъ, г. В. В. обвиняетъ въ недостаткѣ идейности!

кричитъ о буржуазности, о заимствованіяхъ у буржуазныхъ экономистовъ, о томъ, что въ «Критическихъ замѣткахъ» только терминологія взята у Маркса. Лицемѣрность этихъ упрековъ въ устахъ г. В. В., приглашающаго буржуазныхъ экономистовъ не бояться Маркса, бросается въ глаза. И этотъ же самый г. В. В., защищающій память Маркса отъ поруганія, якобы нанесеннаго ей авторомъ «Критическихъ замѣтокъ», съ развязностью говоритъ о томъ, что «Марксъ представляется намъ въ двухъ лицахъ: ученаго экономиста и диллетанта соціолога» [1]). Точно экономическая доктрина Маркса въ ея основныхъ положеніяхъ и соціологическое ученіе этого писателя не есть нѣчто цѣлое и нераздѣльное. Бѣда г. В. В. въ томъ то и состоитъ, что онъ знаетъ и понимаетъ лишь отрывки системы, которые и предлагаетъ «ad usum delphini»—буржуазной политической экономіи. Система же въ цѣломъ непригодна для буржуазнаго употребленія.

II.

Своей аргументаціи, что развитіе промышленнаго капитализма отнюдь не является—какъ утверждаетъ г. —онъ —основной причиной крестьянскаго раззоренія, что самое развитіе промышленности есть, наоборотъ, результатъ вовлеченія земледѣлія въ сферу обмѣна, что фактъ вовлеченія земледѣлія въ сферу обмѣна стимулировалъ размноженіе и осложнилъ и, такъ сказать, окрасилъ его соціальныя послѣдствія (перенаселеніе и раззореніе крестьянства), а не создалъ ихъ, другими словами, что перенаселеніе въ земледѣльческой Россіи не есть капиталистическое перенаселеніе, всей этой аргументаціи я придаю очень существенное значеніе въ нашемъ спорѣ. Эти положенія до сихъ поръ не опровергнуты критикой, а выставленныя противъ нихъ возраженія основаны на недоразумѣніи. Такъ одинъ критикъ [2]) усомнился даже въ вѣрности общаго положенія, что товарное производство и капитализмъ повышаютъ емкость территоріи по отношенію къ населенію. Но это положеніе 1) прямо вытекаетъ изъ того, что товарно-капиталистическое производство повышаетъ производительныя силы всей подпадающей

---

[1]) Далѣе г. В. В. повторяетъ уже ранѣе сдѣланное въ нашей литературѣ и изумительно глубокое противопоставленіе толстой книги экономическаго содержанія („Капиталъ“) тоненькой брошюркѣ соціологическаго содержанія („К. манифестъ“). Вотъ, можно сказать, типографская оцѣнка произведеній и идей великаго писателя. Сравненіе количества буквъ толстой книги и тоненькой брошюрки не дастъ никакого правильнаго критерія для оцѣнки высказанныхъ въ обоихъ произведеніяхъ идей, и это знаетъ всякій, сколько нибудь знакомый съ литературной дѣятельностью Маркса въ ея цѣломъ.

[2]) Саратовскій Дневникъ № 256 (1894 г.) ст. „Экономическій оптимизмъ“.

подъ его господство территоріи, 2) блистательно доказывается исторіей населенія въ Европѣ за XIX столѣтіе. XIX вѣкъ—вѣкъ капитализма—характеризуется въ общемъ непрерывнымъ ростомъ европейскаго населенія; въ частности же это явленіе особенно рѣзко наблюдается въ странахъ съ наиболѣе стремительнымъ развитіемъ капитализма — въ Великобританіи и Германіи, *несмотря на огромную эмиграцію*. Мой оппонентъ въ «Саратовскомъ Дневникѣ» думаетъ опровергнуть меня указаніемъ на русскую дѣйствительность, на стаціонарное или почти стаціонарное состояніе нашего сельскохозяйственнаго производства, на паденіе заработной платы, на примѣръ Ирландіи и на противоположное будто-бы мнѣніе г. Скворцова. Но недостаточное производство при постоянномъ ростѣ населенія именно и объясняется въ моей книжкѣ технической несостоятельностью нашего земледѣлія, являющейся наслѣдіемъ и спутникомъ его патурально-хозяйственной организаціи. Русское сельское хозяйство уже вовлечено въ обмѣнъ, но еще не реорганизовано имъ технически, такъ сказать не вылупилось еще изъ своей патурально-хозяйственной скорлупы. Отсюда недостаточное производство по отношенію къ растущему населенію.

«Развѣ г-ну Струве не извѣстенъ классическій примѣръ Ирландіи съ ея «перенаселеніемъ», вызваннымъ быстрымъ развитіемъ товарнаго хозяйства, — примѣръ такъ основательно разобранный Марксомъ», спрашиваетъ мой критикъ. Конечно мнѣ извѣстенъ примѣръ такъ основательно разобранный Марксомъ и такъ... неосновательно выдвигаемый авторомъ статьи «Экономическій оптимизмъ». Перенаселеніе Ирландіи было вызвано не быстрымъ развитіемъ товарнаго хозяйства, а измѣненіемъ въ его направленіи, произведеннымъ отмѣною хлѣбныхъ пошлинъ. «Англійскія хлѣбныя пошлины съ 1815 — пишетъ Маркъ (Das Kapital I³ 796 Anmerkung 188)—обезпечивали Ирландіи монополію свободнаго ввоза хлѣба въ Великобританію; они, такъ сказать, искусственно поощряли производство зерна. Эта монополія была въ 1846 г. внезапно устранена отмѣной хлѣбныхъ пошлинъ. Независимо отъ другихъ обстоятельствъ, одного этого событія было достаточно для того, чтобы могущественнымъ образомъ содѣйствовать превращенію ирландскихъ пашенъ въ пастбища, концентраціи фермъ и изгнанію мелкимъ съемщиковъ». Но не надо забывать, что Ирландія, по словамъ того же Маркса, представляетъ только отдѣленный широкимъ каналомъ земледѣльческій округъ Англіи, которой она поставляетъ зерно, шерсть, скотъ, промышленныхъ и военныхъ новобранцевъ» (l. c. 726). А емкость всей территоріи Соединеннаго Королевства безспорно повысилась параллельно съ развитіемъ капитализма.

Указаніе на мнѣніе А. И. Скворцова основано на недоразумѣніи другого рода. Я утверждаю въ своей книжкѣ, что развитіе капитализма въ

Россіи будетъ опираться на внутренній рынокъ, и это положеніе стоитъ въ связи со всей моей концепціей дѣйствительнаго развитія нашего пореформеннаго хозяйства. Не промышленный капитализмъ и даже не проникновеніе товарнаго хозяйства вообще раззоряетъ крестьянство, т. е. низводитъ его къ одному нищенскому уровню,—такое положеніе вещей создается технической нераціональностью крестьянскаго хозяйства въ связи съ непрерывнымъ ростомъ населенія и осложняется податнымъ бременемъ, экономической зависимостью крестьянъ отъ землевладѣльцевъ и т. д. Проникновеніе же товарнаго хозяйства не раззоряетъ крестьянства, а дифференцируетъ его, причемъ для извѣстной части крестьянства эта дифференціація конечно выражается въ потерѣ хозяйственной самостоятельности и раззоренія. Но *массовое, поголовное раззореніе*—поскольку оно можетъ быть констатировано—*есть результатъ не проникновенія товарнаго хозяйства, а перенаселенія и технической нераціональности крестьянскаго земледѣлія.* Мой критикъ самъ путается въ своемъ противоположеніи: онъ противополагаетъ фактъ раззоренія значительной части, допустимъ даже, большинства крестьянства повышенію емкости территоріи по отношенію къ населенію. Но благосостояніе массы населенія можетъ падать, а населеніе будетъ въ тоже время возрастать, т. е. емкость территоріи повышаться. Первые шаги капитализма характеризуются почти повсюду именно такимъ отношеніемъ между ростомъ населенія и развитіемъ его благосостоянія. Самъ авторъ статьи совершенно вѣрно говоритъ, что пониженіе благосостоянія массы населенія и повышеніе его покупательной способности (его платящаго спроса) могутъ происходить параллельно. Но онъ совершенно напрасно поучаетъ меня въ этомъ отношеніи [1]) и столь же напрасно видитъ въ моей аргументаціи какую-то «идеализацію товарнаго хозяйства и капитализме». Я ничего не идеализирую, я намѣчаю только совершенно объективно извѣстную схему развитія, опираясь на факты дѣйствительности и положенія теоріи.

Основное положеніе теоріи гг. В. В. и Н.—она можетъ быть формулировано такъ: русскій капитализмъ, развиваясь, раззоряя все населеніе, тѣмъ самымъ подрываетъ свое собственное существованіе. Мое же объясненіе того же процеса таково: на почвѣ технической нераціональности крестьянскаго хозяйства возникло натуральнохозяйственное перенаселеніе, представляющее почву для развитія капиталистическихъ отношеній. Почему же, можно спросить,

---

[1]) Этотъ случай прямо указанъ въ моей книжкѣ (стр. 272) и даже далъ поводъ г. В. В. излить лишній разъ на меня свое моральное негодованіе (Недѣля № 49).

я называю это перенаселеніе натуральнохозяйственнымъ, хотя и признаю, что оно осложнено проникновеніемъ товарнаго хозяйства, податнымъ бременемъ, экономическою зависимостью крестьянства отъ землевладѣльцевъ? А потому, что всѣ эти моменты могли бы совершенно отсутствовать, но если бы размноженіе совершалось такъ, какъ оно совершалось до сихъ поръ, перенаселеніе при технической неподвижности производства неизбѣжно наступило бы. Можно было бы пожалуй утверждать, что при отсутствіи неблагопріятныхъ соціальныхъ моментовъ растущее населеніе приспособилось бы къ измѣнившимся условіямъ существованія. Но какъ? Только путемъ реорганизаціи народнаго хозяйства на началахъ обмѣна, ибо для другой реорганизаціи отсутствовали бы и общественныя [1]) и техническія, и, наконецъ, чисто интеллектуальныя предпосылки. Возникло бы товарное хозяйство и, въ силу своего объективнаго превосходства, вытѣснило бы натуральное. А, разъ возникши и утвердившись, товарное хозяйство развило бы всѣ таящіяся въ немъ противорѣчія, развило бы *капитализмъ*.

Законъ размноженія земледѣльческаго населенія Россіи эмпирически установленъ [2]); законъ этотъ самъ служитъ указаніемъ на преобладаніе земледѣлія и господство въ немъ натуральнохозяйственныхъ отношеній и только при этихъ условіяхъ и могъ *быть констатированъ*. Почти всѣ соціальные моменты, могущіе считаться чуждыми натуральнохозяйственному строю, задерживали размноженіе и тѣмъ не менѣе оно въ *земледѣльческой* Россіи происходило весьма энергично, гораздо энергичнѣе, чѣмъ прогрессъ сельскохозяйственнаго производства. Такимъ образомъ создалась перенаселенность земледѣльческой Россіи. Объясненіе перенаселенія паденіемъ домашнихъ, кустарныхъ и другихъ подсобныхъ промысловъ явно неудовлетворительно, потому что сокращеніе домашняго производства тканей явилось результатомъ расширенія запашекъ, а не наоборотъ, да и само по себѣ никакъ не могло создать перенаселенія, кустарные же промыслы въ черноземной Россіи никогда серьезнаго значенія не имѣли. Капиталистическими отношеніями въ самомъ земледѣліи этого перенаселенія объяснить также нельзя. Тамъ, гдѣ земледѣліе носитъ наиболѣе капиталистическій характеръ (область южнаго экстенсивнаго чернозема съ производствомъ пшеницы на продажу), перенаселенности нѣтъ, а тамъ, гдѣ послѣдняя на лицо, въ самомъ производствѣ отнюдь не могутъ быть констатированы измѣненія, поведшія къ уменьшенію потребности въ живомъ

---

[1]) Общественныя предпосылки, т. е. заинтересованные въ подобной реорганизаціи и активно выступившіе для ея осуществленія общественные классы.

[2]) См. приложеніе I къ моей книжкѣ.

трудѣ. Точно также невозможно объяснить это явленіе надеіемъ цѣнъ на хлѣбъ, потому что послѣднее обнаружилось гораздо позже перенаселенности. Рость же арендныхъ цѣнъ не объясняетъ перенаселенности, а самъ ею, наоборотъ, объясняется.

Тяжесть налоговъ, высокая арендная плата, эксплуатація крестьянства торговымъ и ростовщическимъ капиталомъ страшно ухудшаютъ положеніе крестьянства, но всѣ эти факты не могутъ объяснять существующаго въ значительной части Россіи «утѣсненія». Самое классовое расчлененіе крестьянства, поскольку основы его не были унаслѣдованы отъ дореформенной эпохи или не перенесены на «новыя земли» вмѣстѣ съ производствомъ хлѣба, какъ рыночнаго товара, развилось на почвѣ «утѣсненія» т. е. перенаселенности. Мое объясненіе характера и значенія этой перенаселенности можетъ быть поддерживаемо независимо отъ общаго теоретическаго взгляда на вопросъ о населеніи. Это объясненіе укладывается вполнѣ въ рамки Марксовской теоріи. Нужно только—вполнѣ въ духѣ Маркса—отказаться отъ приложенія категорій развитого капиталистическаго строя къ явленіямъ совсѣмъ другого порядка, которыя составляютъ почву для развитія капитализма, но не могутъ быть имъ объясняемы. Указанная перенаселенность вытекаетъ съ одной стороны изъ самыхъ условій нераціональнаго натуральнаго хозяйства, съ другой стороны изъ свойственнаго этой экономической организаціи *въ данной ея обрисовкѣ* [1]) *эмпирически констатированнаго закона размноженія.*

Такъ безъ всякихъ натяжекъ объясняется основной *производственный* механизмъ существующаго кризиса въ крестьянскомъ хозяйствѣ центральной Россіи. Этотъ производственный механизмъ приводитъ въ дѣйствіе дальнѣйшія пружины экономической эволюціи, классовыя противорѣчія. «Общественныя отношенія производителей, общественныя условія производства мѣняются . . . съ измѣненіемъ и развитіемъ матеріальныхъ средствъ производства» (Марксъ). Степень развитія производительныхъ силъ, т. е. организація производства (въ данномъ случаѣ—натуральное земледѣльческое хозяйство, еще не приспособленное къ товарному обмѣну) въ взаимодѣйствіи съ характерными для этой экономической организаціи условіями размноженія представляетъ матеріальную основу измѣненій въ обществен-

---

[1]) Въ данной ея обрисовкѣ—очень важное ограниченіе. Не всякая натуральнохозяйственная организація благопріятствуетъ размноженію и приводитъ къ перенаселенности. Австрійское альпійское крестьянское хозяйство, наоборотъ, задерживаетъ размноженіе, такъ какъ по своимъ техническимъ условіямъ требуетъ недѣлимости и единонаслѣдія съ одной стороны, безбрачія рабочаго персонала съ другой стороны (см. мою статью въ Вѣстн. Евр. 1894 г. № 2).

ныхъ условіяхъ производства, т. е. классоваго расчлененія [1]). Объяснять, наоборотъ, фактъ перенаселенія классовымъ расчлененіемъ было бы совершенно противно духу ученія Маркса, который и явленія капиталистическаго перенаселенія выводитъ изъ основной черты технико-экономической организаціи капиталистическаго производства, изъ его колебательнаго характера.

Перехожу въ возраженіямъ г. Николая —она[2]). Статьи его въ отвѣтъ мнѣ загромождены массой совершенно нейдущихъ къ дѣлу разсужденій, проникнуты самымъ нетерпимымъ отношеніемъ къ *личности* противника, сочетающимся съ прямо отталкивающимъ самомнѣніемъ, но тѣмъ не менѣе я открыто признаю, что это—самыя серьезныя и поучительныя возраженія. Такъ какъ мы ведемъ нашъ публичный споръ не для самоуслажденія, то я постараюсь отвѣчать г. —ону такъ, чтобы передъ читателемъ какъ можно рѣзче и отчетливѣе встала сущность нашего разногласія: пусть читатель пойметъ, что дѣло тутъ не въ невѣжествѣ, логомахіи, отсутствіи критической мысли, фантазіяхъ и пр. пр. г. П. фонъ-Струве съ одной стороны, глубинѣ познаній и пониманія, серьезной статистической разработкѣ вопроса у г. —она съ другой стороны. Вопросъ о степени пониманія и размѣрѣ познаній можетъ быть иногда очень важенъ (мы видѣли это на примѣрахъ гг. В. В. и Гофштеттера), но въ данномъ случаѣ нѣтъ никакого основанія его ставить.

Если бы даже было вѣрно, что марксисты вродѣ гг. Бельтова и Струве никакого анализа русской дѣйствительности не производили (г. Ник.—онъ утверждаетъ это въ № 3 «Русскаго Богатства» за 1895 г.), если бы даже была вѣрна эта претенціозная ложь, то всетаки въ данномъ вопросѣ это обстоятельство не имѣло бы ровно никакого значенія. У марксистовъ имѣется въ рукахъ богатый матеріалъ, собранный ихъ литературными противниками. И если, пользуясь этимъ матеріаломъ и опирающимся на него *фактическимъ анализомъ*, марксисты приходятъ къ другимъ выводамъ, чѣмъ гг. —онъ и В. В., то это объясняется не различіемъ въ «размѣрахъ познаній», а именно различіемъ въ «точкахъ зрѣнія». Только въ безграничномъ самомнѣніи можно было написать такую фразу: «если кто будетъ слѣдовать неуклонно дѣйствительно объективному способу изслѣдованія, тотъ, можно быть вполнѣ въ томъ увѣренъ, придетъ къ заключеніямъ, если не тождественнымъ съ тѣми, къ которымъ пришли мы,

---

[1]) «Коллизіи классовъ обусловлены степенью развитія ихъ экономическаго положенія, характеромъ и способомъ ихъ производства и зависящаго отъ него обмѣна» (Энгельсъ въ предисл. къ 3-му изд. «Der 18-te Brumaire» Маркса. Hamburg 1885).

[2]) „Апологія власти денегъ какъ признакъ времени“ (Русское Богатство 1895 №№ 1 и 2).

то близкимъ къ нимъ» (Р. Б. 1895, № 3, стр. 53). Г. —онъ забываетъ, что въ *фактахъ* безъ «точки зрѣнія» (къ которой онъ съ высоты своего объективнаго статистическаго величія относится очень презрительно) нельзя совершенно разобраться. «Точка зрѣнія» по отношенію къ *данному ряду фактовъ* въ огромномъ большинствѣ случаевъ составляетъ то, что на философскомъ языкѣ называется apriori, хотя конечно не слѣдуетъ забывать, что по своему содержанію всякое apriori эмпирическаго происхожденія [1]). Противопоставлять эмпиріи «точку зрѣнія» и разсуждать о томъ, что важнѣе, значитъ совсѣмъ не понимать *соотношенія* между ними.

Г. —онъ ужасно обрадовался ошибкамъ, сдѣланнымъ мною на стр. 208 и 210 «Критическихъ Замѣтокъ». Конечно, если интенсивность и производительность труда растутъ въ одинаковой мѣрѣ, то цѣнность единицы продукта должна упасть, и мое противоположное утвержденіе *невѣрно. Точно также невѣрно*, что поднятіе интенсивности труда безъ повышенія его производительности не имѣетъ смысла (210). Я очень благодаренъ г. —ону за то, что онъ указалъ мнѣ мои ошибки. Но эти ошибки *никакого значенія* для *основной нити моей аргументаціи не имѣютъ* [2]). Г. —онъ подробно останавливается на нихъ, и затѣмъ, можно сказать, носится съ ними по всей своей статьѣ, точно въ нихъ ключъ къ пониманію всего нашего разногласія, и даже, въ частности, нашего спора объ эволюціи сельскаго хозяйства. Но это просто некрасивый полемическій пріемъ, я думаю, неспособный никого убѣдить. Центръ тяжести моей аргументаціи заключается вовсе не въ томъ, что при повышеніи интенсивности труда не упадетъ цѣнность земледѣльческихъ продуктовъ, а въ томъ, что при разсужденіяхъ о развитіи земледѣлія и аграрныхъ отношеній нельзя, какъ это дѣлаетъ г. —онъ, игнорировать вліянія интенсификаціи хозяйства — на первомъ мѣстѣ — а

---

[1]) Г. —ону, какъ любителю поучительныхъ примѣровъ изъ области естествознанія, я укажу на открытіе механическаго эквивалента тепла Робертомъ Майеромъ и Джоулемъ. „Майеръ, говоритъ Риль, принималъ apriori всеобщій принципъ сохраненія (энергіи), который и руководилъ имъ въ исканіи механическаго эквивалента тепла и, благодаря открытію послѣдняго, получилъ эмпирическое подтвержденіе. Такъ какъ я раздѣляю такое пониманіе принципа сохраненія энергіи и убѣжденъ, что къ великому открытію механическаго эквивалента теплоты Майеръ могъ быть приведенъ лишь своими вѣрными понятіями о причинности и силѣ, то мнѣ представляются важными нѣкоторыя замѣчанія Джоуля, вмѣстѣ съ Майеромъ открывшаго механическій эквивалентъ тепла и соотношеніе формъ энергіи: эти замѣчанія доказываютъ, что и для Джоуля логическій принципъ сохраненія энергіи былъ ясенъ a priori, хотя онъ и высказывался объ этомъ съ гораздо меньшей ясностью» (Riehl. Der philosophische Kritizismus etc. II, 1, S. 226).

[2]) Одна изъ нихъ, которую г. —онъ перепечатываетъ курсивомъ (у меня его нѣтъ), представляетъ собой даже просто вводное предложеніе.

также—и это на второмъ мѣстѣ — интенсификаціи труда. Это указаніе, какія бы ошибки я ни сдѣлалъ по вопросу о соотношеніи между производительностью и интенсивностью труда, остается въ полной силѣ.

Сущность моего возраженія заключается въ слѣдующихъ строчкахъ, которыя г. —онъ самъ воспроизводитъ на стр. 167, № 1, Р. Б. за 1895 г. Г. —онъ, говорю я на стр. 209 моей книги, «не понимаетъ, что прочное повышеніе производительности земледѣлія требуетъ въ то же время повышенія его интенсивности—*въ смыслѣ увеличенія затраты труда и капитала на единицу пространства* [1]). И если... невѣрно знаменитое положеніе англійской политической экономіи, что повышеніе интенсивности земледѣлія сопровождается всегда понижеміемъ его производительности, то еще менѣе возможно принять мнѣніе г. —она, что ростъ производительности въ земледѣліи имѣетъ тенденцію постоянно понижать мѣновую цѣнность получаемыхъ съ данной площади продуктовъ, т. е. доходъ земледѣльца. Это положеніе было бы вѣрно только въ томъ случаѣ, если бы ростъ производительности могъ совершаться независимо отъ повышенія интенсивности хозяйства и роста интенсивности труда земледѣльца [2]), но эта возможность болѣе чѣмъ проблематична и противорѣчитъ эмпирическимъ даннымъ».

Я не даромъ подчеркнулъ въ данномъ случаѣ интенсификацію хозяйства, потому что я вполнѣ понимаю что рѣшающее значеніе имѣетъ здѣсь не интенсификація труда, а интенсификація хозяйства. Указаніе на интенсификацію труда могло бы быть даже совершенно опущено, а мое возраженіе сохраняло бы свою полную силу. Во всякомъ случаѣ, сюда совершенно нечего припутывать моихъ ошибокъ по вопросу о соотношеніи между интенсивностью и производительностью труда. И, въ самомъ дѣлѣ, на только что цитированное мѣсто изъ моей книги г. —онъ, какъ ему очевидно ни хотѣлось этого, *не могъ* возразить только указаніемъ на мои ошибки. Его отвѣтъ заключается въ слѣдующихъ словахъ. «Ростъ производительности земледѣльческаго труда, въ противность мнѣнію г. П. фонъ-Струве, можетъ совершаться независимо отъ повышенія интенсивности хозяйства и напряженности труда. Это значитъ, что при помощи меньшаго количества живаго труда при экстенсивномъ хозяйствѣ получается съ большей площади большее количество продуктовъ. И это станетъ продолжаться до тѣхъ поръ пока не будутъ заняты всѣ земли, могущія быть распаханными»

---

[1]) Курсивъ въ моей книжкѣ. Этотъ курсивъ г. —онъ игнорируетъ, но далѣе самъ перепечатываетъ курсивомъ другія слова, не оговаривая, что *у меня курсива нѣтъ*.

[2]) Слова „роста интенсивности труда земледѣльца" г. —онъ приводитъ въ курсивѣ. Курсива этого у меня нѣтъ.

(Р. Б. 1895, № 1, стр. 168). Въ то же время г. —онъ говоритъ, что существующія условія мірового хозяйства «таковы, что въ земледѣльческомъ хозяйствѣ «ростъ производительности имѣетъ тенденцію понижать мѣновую цѣнность продуктовъ» [1]) (хотя и не съ данной площади).» Но если мѣновая цѣнность продуктовъ получаемыхъ съ данной площади, т. е. валовой доходъ не падаетъ, то какъ возможно это безъ интенсификаціи хозяйства? Возможно ли вообще сколько нибудь продолжительное поддержаніе экстенсивнаго хозяйства на какой бы то ни было территоріи? Не видимъ ли мы на самомъ дѣлѣ въ исторіи, что экстенсивное *земледѣліе* своего рода вѣчный жидъ, который постоянно переходитъ на новыя земли. Г. —онъ совершенно вѣрно указываетъ, что отъ конкуренціи экстенсивнаго земледѣлія странамъ съ болѣе интенсивнымъ хозяйствомъ часто приходится очень скверно, но онъ игнорируетъ совершенно, что эта конкуренція очень часто является также могущественнымъ стимуломъ къ интенсификаціи хозяйства. Г. —онъ въ сущности утверждаетъ, что при современныхъ условіяхъ мирового хозяйства нигдѣ не возможно ни существованіе интенсивнаго хозяйства, ни дальнѣйшая интенсификація земледѣлія. Это положеніе, по мнѣнію г. —она, подтверждается примѣромъ Англіи и Соединенныхъ Штатовъ. Послѣдніе особенно поучительны въ данномъ отношеніи, потому что здѣсь мы можемъ прослѣдить эволюцію экстенсивнаго хозяйства при условіяхъ современнаго мірового хозяйства, а главный, занимающій насъ, вопросъ заключается въ томъ, можетъ ли, или вѣрнѣе должна ли, при современныхъ условіяхъ происходить реорганизація экстенсивнаго хозяйства въ интенсивное. Это есть общій вопросъ, подлежащій нашему разрѣшенію, ибо регрессивный метаморфозъ интенсивнаго хозяйства въ экстенсивное—подъ вліяніемъ конкуренціи—очень часто можетъ быть всего проще объясненъ прогрессомъ, т. е. интенсификаціей хозяйства въ конкурирующей странѣ.

Г. —онъ хочетъ представить дѣло такъ, будто я выдумалъ интенсификацію американскаго сельскаго хозяйства. Онъ указываетъ при этомъ на тотъ, отмѣченный и мною, фактъ, что конкуренція западныхъ штатовъ чрезвычайно тягостно отражается на фермерахъ восточныхъ штатовъ. Фактъ самъ по себѣ ничего еще не говорящій. Упадокъ земледѣлія въ нѣкоторыхъ восточныхъ штатахъ, т. е. въ частности въ нѣкоторыхъ штатахъ Новой Англіи, очень просто объясняется почвенными условіями этихъ штатовъ, при которыхъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ не стоитъ, разъ можно получать со стороны земледѣльческіе продукты. Развивается только высокоинтенсивное хозяйство въ густонаселенныхъ промышленныхъ шта-

[1]) Эти слова взяты у меня.

тахъ Новой Англіи (въ особенности въ Массачусетсѣ). Эволюція сельскаго хозяйства и въ этой области отнюдь не можетъ быть охарактеризована просто словомъ «упадокъ», какъ представляетъ это г. —онъ. Безспорно переживается кризисъ; но, какъ замѣчаетъ Левассеръ, это даже «не столько кризисъ, сколько безвозвратное преобразованіе; положеніе однако вовсе не безнадежное, такъ какъ земля имѣетъ разныя назначенія и, если въ одномъ мѣстѣ поля возвращаются къ своему прежнему состоянію, запускаются подъ лѣсъ, то въ другомъ они покрываются овощами». (О Новой Англіи см. у Levasseur. L'agriculture aux Etats-Unis, Paris 1894, 164—173) Что въ лѣсистыхъ штатахъ съ гранитной почвой (Мэнъ, Нью-Гэмпширъ, Вермонтъ) запускаются поля, вполнѣ естественно и ничего печальнаго не представляетъ.

Далѣе г. —онъ пользуется статистикой, которая говоритъ, что въ «восточныхъ штатахъ размѣръ фермъ мельчаетъ [1]), что «цѣнность ихъ, обусловленная доходностью, повышается крайне незначительно», а отсюда вытекаетъ сокращеніе общей культивируемой площади этого района. Но всякая статистика должна быть разсмотрѣна съ извѣстной «точки зрѣнія». И тогда окажется, что самое раздѣленіе Соединенныхъ Штатовъ на западную и восточную части при помощи «раздѣльной линіи, представляемой теченіемъ Миссисипи, а на Сѣверѣ западной оконечностью Верхняго Озера» не имѣетъ сельско-хозяйственнаго смысла и полученныя путемъ такого раздѣленія сопоставленія лишены всякаго значенія. Дѣло въ томъ, что въ сельско-хозяйственномъ отношеніи Соединенные Штаты дѣлятся обыкновенно на 5—9 областей и только сравненіе процесса внутри такихъ областей даетъ возможность дѣлать какіе-нибудь выводы. Такъ, напримѣръ, Левассеръ дѣлитъ весь Союзъ на 9 сельско-хозяйственныхъ областей. Этимъ дѣленіемъ я воспользуюсь въ своемъ изложеніи.

Я говорилъ въ своей книжкѣ, что американскій фермеръ сокращаетъ площадь пшеничныхъ посѣвовъ и начинаетъ производить болѣе цѣнный продуктъ—скотъ (Крит. Замѣтки, стр. 210). Г. —онъ заявляетъ, что говоря это я «основывался на доктринерскомъ предразсудкѣ, что это должно быть именно такъ, какъ онъ говоритъ» (Р. Б. 1895 г. № 1, стр. 182). А опровергается мое утвержденіе тѣмъ, что ростъ западнаго района въ сельско-хозяйственномъ отношеніи быстрѣе роста восточнаго. Но это понятно само собой—первые шаги развитія почти всегда быстрѣе дальнѣйшихъ; чѣмъ ниже абсолютно какая-нибудь величина, тѣмъ всегда больше ея относительный и очень часто абсолютный ростъ. Экстенсивное хозяйство, пока оно еще распространяется, всегда растетъ очень энергично.

---

[1]) Между прочимъ, косвенное доказательство интенсификаціи хозяйства. П. С.

Но, опять-таки повторяемъ, раздѣленіе, принятое г. —оном, никуда не годится, а потому посмотримъ, не основаны ли его слова о доктринерскомъ предразсудкѣ на этомъ никуда негодномъ раздѣленіи. Новая Англія, какъ мы видѣли, ничего не доказываетъ, и, конечно, не о сокращеніи посѣвовъ въ этой области говорилъ я въ своей книжкѣ, ибо сборъ пшеницы въ Новой Англіи совершенно минимальный. Замѣчу только, что и въ Новой Англіи число молочныхъ коровъ увеличилось съ 1860 по 1893 г. съ 676 т. головъ до 863 т. (Levasseur).

Для провѣрки моего утвержденія необходимо обратиться къ житницѣ Соединенныхъ Штатовъ, къ области центральныхъ равнинъ (штаты: Огайо, Мичиганъ, Индіана, Иллинойсъ, Миссури, Айова, Небраска, Канзасъ. Levasseur l. c, 201—217). «Было время, говоритъ Левассеръ, когда западная часть этой области была «преріей» «Far West» (отдаленный западъ). Но «Far West», не имѣющій опредѣленныхъ границъ, все удаляется по мѣрѣ заселенія страны и культура мѣстами покрыла уже прерію деревьями».

На эту область въ 1892 г. изъ общаго сбора: маиса = 1,628 милл. бушелей, приходилось 1,031 м.; пшеницы = 515 м. б. — 248 м.; овса (1893) = 638 м. б. — 343 м. Здѣсь особенно поучительны въ разсматриваемомъ мною отношеніи два штата — Иллинойсъ и Айова (изъ нихъ первый относится къ восточной, второй—къ западной части, по раздѣленію г. —она). По производству пшеницы Иллинойсъ занималъ въ 1880 г. первое мѣсто, въ 1891 г. — седьмое, Айова въ 1880 г. — седьмое, въ 1891 г. — девятое. По производству же маиса (главный кормъ для скота, включая сюда и свиней) Иллинойсъ и Айова сохранили свое первенство, помѣнявшись только мѣстами: Айова обогнала Иллинойсъ и занимаетъ теперь первое мѣсто въ этомъ отношеніи [Fr. Oetken. Die Landwirtschaf in den Vereinigten Staaten von Nordamerika etc, Berlin 1893 (846 SSt S. 49—50].

За тотъ же періодъ цѣнность молочныхъ коровъ возрасла: въ Айовѣ съ 21 милл. долл. до 24 [1]), въ Иллинойсѣ съ 20 до 24 [2]). Количество другого скота увеличилось еще болѣе. Въ 1892 г. первое мѣсто по количеству свиней занимали именно Айова (7.105,320 штукъ) и Иллинойсъ (4.894,815 шт.). А «превращеніе маиса въ свиное мясо есть одно изъ главныхъ употребленій этого зернового продукта» (Levasseur 158). Для всей области прогрессъ иллюстрируется слѣдующими цифрами: въ 1859 г. общее число скота на фермахъ было 28,6 милл. гол., въ 1893 г. оно

[1]) Въ 1893 г. уже 27 м. Въ Айовѣ молочное хозяйство стоитъ на очень высокомъ уровнѣ.

[2]) Въ 1893 г. уже болѣе 25 м.

поднялось до 62 м. Въ 1868 г. весь сборъ маиса и пшеницы составлялъ 560 милл. бушелей, въ 1888 г. онъ поднялся до 1496 м. Общая цѣнность фермъ утроилась за 30 лѣтъ: въ 1860 г. она составляла 1,97, въ 1880 г.—4,565, въ 1890 г.—6,069 милл: долл.; средняя цѣнность одной фермы поднялась съ 2,879 долл. въ 1860 г. до 3,140 въ 1880 г. и до 4,200 въ 1890 (Levasseur 210). Этотъ ростъ отнюдь нельзя отнести насчетъ расширенія пшеничныхъ посѣвовъ; это не есть, словомъ, ростъ примитивнаго экстенсивнаго хозяйства. Сборъ пшеницы во всей области возросъ съ 150,228 милл. буш. въ 1869 г. до 248 м. въ 1892 г. (въ 1893 г. онъ опустился до 165,896 м.). Но въ Айовѣ и Иллинойсѣ сборъ пшеницы упалъ съ 29,435 и 30,128 м. б. въ 1869 г. до 6,749 и 15,507 м. б. въ 1893. Въ Айовѣ въ 1880 г. площадь подъ пшеничными посѣвами составляла 3.190.212 акровъ, въ 1893 лишь 587 т. акр. Именно про Айову, Oetken, практическій сельскій хозяинъ, спеціально знакомый съ этимъ штатомъ, говоритъ: «полевое хозяйство въ общемъ.... совершенно понятнымъ образомъ съ каждымъ годомъ приближается къ правильному плодосмѣну, хотя этотъ прогрессъ и происходитъ очень медленно и незамѣтенъ, если наблюдать короткіе періоды» (l. c. 141). Въ частности развивается *травосѣяніе*. Сокращеніе пшеничныхъ посѣвовъ въ значительной и въ сельско-хозяйственномъ отношеніи важнѣйшей области во всемъ союзѣ насчетъ производства скота выражается въ томъ общеизвѣстномъ фактѣ, что, въ то время какъ съ 1880 г. и сборъ и вывозъ пшеницы въ общемъ находятся въ стаціонарномъ состояніи, производство и вывозъ скота растутъ чрезвычайно энергично. «Вывозъ живого рогатаго скота увеличился съ 27,530 гол., цѣнностью въ 439,987 долл. или 15,98 д. за штуку въ 1870 до 374,679 гол. цѣнностью въ 30.445,249 долл. или 81,26 д. за штуку въ 1891 г. За этотъ короткій періодъ число головъ экспортируемаго скота увеличилось вдесятеро, цѣнность же его возросла въ семьдесятъ разъ, и даже болѣе, если считать 1890 г.» (Oetken l. c. 293). Съ 1880 г. вывозъ живого скота возросъ къ 1890 г. съ 180,756 головъ до 394,836.

Вывозъ свѣжаго битаго мяса (I) и вывозъ солонины и копченаго мяса (II) представлялся за соотвѣтствующіе годы въ слѣдующихъ цыфрахъ:

	I	II
1880.	84.717,194 фунтовъ	45.237,472 ф.
1890.	173.237,596 —	97.508,419 —

Всѣ эти данныя объясняютъ, почему западно-европейскіе знатоки американской конкуренціи [1]) считаютъ для европейскаго сельскаго хозяй-

[1]) Напр. Sering и Oetken.

ства опасной не столько хлѣбную конкуренцію Америки, сколько конкуренцію мясомъ, прямо мотивируя этотъ взглядъ тенденціей сокращенія хлѣбнаго производства насчетъ производства скота, замѣчаемой въ американскомъ сельскомъ хозяйствѣ. *А въ этой тенденціи и выражается интенсификація американскаго хозяйства.* Кромѣ того, при оцѣнкѣ успѣховъ скотоводства въ С. Америкѣ надлежитъ принимать во вниманіе, что цифры головъ скота очень недостаточно выражаютъ прогрессъ, такъ какъ скотъ улучшается въ качественномъ отношеніи: его мясность и молочность увеличиваются [1]). Въ центральной области, о которой мы говорили выше, широко практикуется наряду съ выращиваніемъ рожденнаго на мѣстѣ скота и откармливаніе степного. «Я не знаю, говоритъ Левассеръ объ этой области, другой большой территоріи, которая обладала бы на душу населенія такимъ изобиліемъ и въ то же время такимъ разнообразіемъ хлѣбовъ и скота». Повышеніемъ молочности скота и еще болѣе увеличеніемъ жироваго содержанія въ молокѣ, быть можетъ, всего проще объясняется незначительный ростъ *числа* молочныхъ коровъ въ штатѣ Нью-Іоркъ, на что указываетъ г. —онъ. И этотъ техническій прогрессъ въ данномъ случаѣ естественно объясняется капиталистическимъ раздѣленіемъ труда въ указанномъ производствѣ. Тамъ, гдѣ развилось раціональное молочное хозяйство—въ связи съ маслодѣліемъ и сыроваренiемъ на началахъ чисто капиталистическаго производства—молоко фермеровъ оплачивается не по количеству, а по жировому содержанію. Естественно, что такой методъ стимулируетъ техническій прогрессъ.

Съ 1850 г. въ области раціональнаго молочнаго хозяйства средняя молочность и среднее жировое содержаніе молока увеличились въ два раза (Oetken). И «этотъ прогрессъ американскаго молочнаго хозяйства—по крайней мѣрѣ теперешній болѣе оживленный темпъ въ его развитіи—относится къ той эпохѣ, когда почти одновременно и въ Западной Европѣ были введены современныя совершенныя сливкоотдѣлительныя машины» (Oetken l. c. 358). Итакъ, по основанному на фактическихъ данныхъ взгляду компетентнаго лица, прогрессъ американскаго молочнаго хозяйства тѣсно связанъ съ тѣмъ самымъ явленіемъ, которымъ г. —онъ объясняетъ его упадокъ. И тутъ мы имѣемъ еще разъ поучительный для г. —она примѣръ, показывающій, что и къ статистическимъ цифрамъ нужно подходить съ извѣстной «точкой зрѣнія», что знать кое что не «статистическое» полезно для того, чтобы не быть введеннымъ въ заблужденіе внушительными «цифрами» [2]).

---

[1]) Обстоятельно объ этомъ говоритъ Oetken l. c.

[2]) Наше разногласіе относительно значенія и жизнеспособности bonanza-farms, конечно, вытекаетъ изъ различія нашихъ взглядовъ на прочность хищ-

Читатель видитъ теперь самъ, въ какихъ цифрахъ и фактахъ представляется..... «доктринерскій предразсудокъ» г. Струве.

Во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ г. —онъ *самымъ грубымъ образомъ* обобщаетъ рядъ фактовъ, либо вообще очень мало имѣющихъ общаго между собой, либо представляющихъ *различныя ступени одного и того же процесса*. Конечный результатъ процесса принимается г. —оном за ближайшій, и это происходитъ не случайно, а вытекаетъ изъ всего характера его мышленія, которое можно, по терминологіи Маркса и Энгельса, охарактеризовать какъ *абсолютное и метафизическое*. Поэтому-то г. —онъ совершенно всуе цитируетъ разныя мѣста изъ всѣхъ трехъ томовъ «Капитала».

«Мораль исторіи—приводитъ г. —онъ одно мѣсто изъ 3-го тома Капитала—которую мы можемъ... извлечь, разсматривая земледѣліе также и съ другихъ сторонъ, заключается въ томъ, что капиталистическая система противодѣйствуетъ раціональному земледѣлію или что раціональное земледѣліе несовмѣстимо съ капиталистической системой (хотя послѣдняя и содѣйствуетъ техническому развитію земледѣлія) и требуетъ или рукъ са-

---

ническаго экстенсиваго хозяйства. Г. — онъ отъ моихъ возраженій, основанныхъ на мнѣніи такихъ общепризнанныхъ знатоковъ американскаго народнаго хозяйства, какъ Зерингъ и Руд. Мейеръ, отдѣлывается ссылкой на .... разсказъ одной чикагской газеты (Рус. Б—во, №, стр. 176), и представляетъ дѣло такъ, будто высказанный мною взглядъ есть мое *личное мнѣніе*. Еще недавно Зерингъ на послѣднемъ собраніи «Verein'a für Sozialpolitik» повторилъ въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ взглядъ на bonanza-farms, высказанный имъ еще въ 1887 г. (Verhandlungen der am 28 u 29. September 1894 in Wien abgehaltenen Generalversammlung des Vereins für Socialpolitik über die Kartelle u. das landliche Erbrecht. Lpz. 1895 Ss. 304—306). «Конкуренцію намъ (т. е. западной Европѣ) дѣлаютъ не малочисленныя и быстро уменьшающіяся въ числѣ (in starkem Rückgange begriffenen) bonanza-farms, а среднія предпріятія, хозяйство въ которыхъ ведется съ необыкновенной утонченностью» («die mittelgrossen Betriebe, die mit ausserordentlichem Raffinement bewirtschaftet werden»). Къ Зерингу и Р. Мейеру въ послѣднее время присоединился и профессоръ агрономіи Бреславльскаго университета Вольтманъ (Wohltmann), посѣтившій въ 1893 г. Америку (Landwirtschaftliche Reisestudien 1894). Ср. еще статью Р. Мейера: Ueber Latifundien-Landwirthschaft in Nordamerika (Neue Zeit XII (1893—1894), 2, 682—688), которую авторъ заканчиваетъ слѣдующей фразой:..... «я остаюсь при томъ, что и въ Сѣверной Америкѣ, кромѣ Калифорніи, существующія теперь исполинскія фермы перестаютъ приносить доходъ и должны прекратить свое существованіе» («ich bleibe dabei, dass auch in Nordamerika, ausserhalb Kaliforniens, der jetzt übliche Riesenfarmbetrieb unrentabel wird u. also enden muss»). Эти фермы недолговѣчны именно потому, что онѣ практикуютъ совершенно хищническое экстенсивное хозяйство, àla longue не могущее быть и *экономически* раціональнымъ.

михъ работающихъ мелкихъ крестьянъ, или контроля ассоціированныхъ производителей» (III, 1, 98).

Маленькая фраза: «хотя послѣдняя (т. е. капиталистическая система) содѣйствуетъ техническому развитію земледѣлія» содержитъ все громадное различіе между Марксомъ и г. —ономъ. Развитіе каждой данной экономической формы и ея противорѣчій *съ точки зрѣнія* Маркса представляетъ цѣлый процессъ, различныя фазы котораго могутъ имѣть между собой нѣкоторое внѣшнее сходство, состоящее хотя бы въ томъ, что съ практической точки зрѣнія онѣ завершаются кризисомъ. Но это сходство не даетъ права отождествлять различныя фазы, и только «точка зрѣнія» можетъ избавить изслѣдователя отъ подобныхъ грубыхъ ошибокъ.

«Великая заслуга капитала—раціонализація земледѣлія» — говоритъ Марксъ (III, 1, 157), но въ своемъ развитіи капитализмъ въ земледѣліи приходитъ въ столкновеніе съ раціональностью.

Утверждая это, Марксъ имѣетъ въ виду англійское капиталистическое земледѣліе, гдѣ предприниматель и земельный собственникъ два различныхъ лица; изъ столкновенія ихъ интересовъ выводитъ Марксъ свой взглядъ на то, что въ данный историческій моментъ данная система производственныхъ отношеній несовмѣстна съ дальнѣйшимъ техническимъ прогрессомъ [1]). Вырванная изъ связи съ другими положеніями, развиваемыми Марксомъ въ томъ же 3-мъ томѣ Капитала, эта фраза можетъ быть очень ложно истолкована: такъ изъ нея можно было бы, пожалуй, вывести, что Марксъ вѣрилъ въ возможность увѣковѣчить мелкое крестьянское земледѣліе съ его нераціональнымъ полу-натуральнымъ хозяйствомъ. Но Марксъ былъ очень далекъ отъ такого взгляда. Резюмируя свою оцѣнку капиталистическаго и мелкаго крестьянскаго земледѣлія, онъ говоритъ: «при мелкой культурѣ, цѣна земли, являющаяся формой и результатомъ частной собственности на землю, выступаетъ какъ преграда производства. При крупномъ земледѣліи и опирающейся на капиталистическій способъ производства крупной земельной собственности такой преградой является также институтъ собственности, потому что онъ ограничиваетъ производительное помѣщеніе капитала арендаторомъ, помѣщеніе, плоды котораго въ конечномъ счетѣ достаются не ему, а поземельному собственнику. При той и при другой формѣ на мѣсто сознательной, раціональной обработки земли, какъ общей вѣчной собственности, какъ неотчуждаемаго условія существованія и воспроизведенія цѣпи смѣняющихся поколѣній человѣчества, является эксплуатація и расточеніе силъ земли (не говоря уже о зависи-

---

[1]) Какимъ образомъ эта коллизія интересовъ задерживаетъ прогрессъ, будетъ ясно изъ дальнѣйшихъ, приводимыхъ ниже, разсужденій Маркса.

мости эксплуатаціи не отъ достигнутой высоты общественнаго развитія, а отъ случайныхъ и неравныхъ условій отдѣльнаго производителя). При мелкой собственности это происходитъ вслѣдствіе недостатка средствъ и познаній для примѣненія общественной производительной силы труда. При крупной собственности это вызывается путемъ эксплуатаціи этихъ средствъ въ интересахъ возможно быстраго обогащенія арендатора и собственника. При томъ и при другомъ размѣрѣ землевладѣнія такой результатъ порождается зависимостью производителя отъ рыночной цѣны» («Капиталъ», III, 2, 346—447).

Эти и другія разсужденія Маркса объ аграрныхъ отношеніяхъ, содержащіяся въ 3-мъ томѣ, не исчерпываютъ нисколько вопроса объ экономической эволюціи сельскаго хозяйства при всѣхъ возможныхъ и дѣйствительно наблюдаемыхъ условіяхъ; нѣкоторыя положенія павѣрное нуждаются въ поправкахъ, основываясь на отвергнутыхъ уже теоріяхъ прежней агрономіи (ученіе Либиха о Raubbau на стр. 347), но во всякомъ случаѣ во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ ясно выступаетъ основная *точка зрѣнія* Маркса.

Земледѣліе, основанное на изолированномъ хозяйствѣ разобщенныхъ производителей, подчиненное рыночнымъ колебаніямъ, страдаетъ отъ той же анархіи производства, что и промышленность. *При этой анархіи* даже технически вполнѣ раціональное производство не можетъ быть прочно, и кромѣ того подчиненіе производителя рынку приводитъ къ столкновенію между экономическою и техническою раціональностью. Словомъ, по Марксу эволюція земледѣлія и промышленности при развитомъ товарномъ, т. е. капиталистическомъ, производствѣ въ главныхъ чертахъ *тождественна*, не въ смыслѣ полнаго сходства формъ, а въ смыслѣ конечнаго результата,—необходимости общественной организаціи. Но также прогрессивна, исторически-необходима и законна съ этой *точки зрѣнія* и роль въ земледѣліи товарнаго производства, частной собственности и капитала. «Оправданіе поземельной собственности, какъ и другихъ формъ собственности опредѣленнаго способа производства, заключается въ томъ, что самый способъ производства, а стало быть и вытекающія изъ него условія производства и обмѣна, представляютъ преходящую историческую необходимость» («Капиталъ», III, 2, 162 стр.).

Маркъ конечно понималъ, что конкурренція и кризисы на извѣстной ступени экономической эволюціи не задерживаютъ развитія общественныхъ производительныхъ силъ, но, напротивъ, стимулируютъ его и что товарно-капиталистическое хозяйство не можетъ развить своихъ противорѣчій, находясь еще въ зачаточномъ состояніи. Это—«точка зрѣнія» и устанавливалась она не разъ основателями «новой школы»; она положена въ

основу ихъ анализа общественныхъ отношеній. Отсюда ясно, что выдвигать противъ тѣхъ, кто утверждаетъ, что ближайшая экономическая будущность Россіи необходимо сведется къ развитію капиталистическихъ отношеній, въ наличности уже существующихъ, указаніе на конечныя противорѣчія капитализма, нисколько не соотвѣтствуетъ «*точкѣ зрѣнія*» Маркса.

«Ни г. Бельтовъ, ни г. П. фонъ-Струве и никто другой изъ подобныхъ имъ «учениковъ Маркса» никогда никакого такого анализа (т. е. анализа дѣйствительныхъ отношеній) не производили» (Р. Б. № 3, стр. 46).

Я не буду ссылаться на анализъ русской внутренней жизни, который—съ *нашей* точки зрѣнія—былъ произведенъ задолго до появленія не только «Критическихъ Замѣтокъ», но и «Очерковъ нашего переформеннаго хозяйства» (какъ книги) [1]). Русскій читатель и безъ моихъ указаній сумѣетъ оцѣнить правдивость и добросовѣстность г. —она, отрицающаго существованіе этого анализа. Но и шестая глава «Критическихъ Замѣтокъ», не смотря на всю ея неполноту, содержитъ въ себѣ анализъ русской дѣйствительности. Анализъ этотъ ведется съ опредѣленной точки зрѣнія, и потому-то онъ приводитъ автора къ выводамъ не только не «тождественнымъ», но даже и не «близкимъ» къ положеніямъ г.—она. Но отрицать анализъ противника, утверждать, что его работа кишитъ противорѣчіями и непониманіемъ основныхъ задачъ науки и т. д. и т. д. (стр. 53, № 3, «Р. Б.») не значитъ опровергнуть противника, это значитъ въ лучшемъ случаѣ обнаружить печальные признаки неизлѣчимой маніи величія. Авторъ «Критическихъ Замѣтокъ», хотя и не любитель бѣлыхъ перчатокъ въ литературѣ, но въ своей полемикѣ съ противниками онъ всюду старался не только показать ошибки, недостатокъ познаній и пониманія у противниковъ, но вскрыть самыя основы разногласія, вытекающаго изъ различія «точекъ зрѣнія». Такъ будетъ поступать онъ и теперь.

Исходнымъ пунктомъ анализа русской дѣйствительности въ «Критическихъ Замѣткахъ» служитъ констатированіе народно-хозяйственнаго переворота огромной важности—перехода отъ натуральнаго хозяйства къ денежному. Первичнымъ моментомъ является тутъ не развитіе промышленнаго капитализма на почвѣ насильственной экспропріаціи непосредственнаго производителя [2]) а вовлеченіе земледѣлія въ обмѣнъ, дифференцирующее

---

[1]) Ср. Socialpolitisches Centralblatt, № 1 за 1893—1894 г.

[2]) Марксъ, повидимому, считалъ такой ходъ процесса всеобщимъ при развитіи капитализма. Въ „Критическихъ Замѣткахъ“ я указываю, что въ Россіи процессъ происходитъ нѣсколько иначе, чѣмъ нисколько не измѣняется его сущность—развитіе капиталистическихъ производственныхъ отношеній.

сельское населеніе на классъ сельской, болѣе или менѣе мелкой, буржуазіи и сельскаго пролетаріата, изъ котораго рекрутируется и пролетаріатъ промышленный. Развитіе этой дифференціаціи обостряетъ перенаселенность въ центральной земледѣльческой области (см. выше). Рядомъ съ дифференцирующимъ дѣйствіемъ проникающаго, мѣноваго хозяйства, техническая нераціональность крестьянскаго хозяйства, выражающаяся въ неурожаяхъ, нивеллируетъ крестьянскую массу. Первый процессъ создаетъ и расширяетъ внутренній рынокъ для промышленнаго капитала, второй его сокращаетъ. Мы, конечно, также не раздѣляемъ мнѣнія, что Россіи «предстоитъ» участь Перу или Мексики, или Месопотаміи (Р. Б. № 2): «Русское буржуазное общество, — скажемъ мы, перефразируя высокопарныя слова г. —она на стр. 23 №. 2 Р. Б.—слишкомъ сильно» для того, чтобы не дать своей возникающей мелкой буржуазіи культурныхъ средствъ для устраненія технической нераціональности. Въ этомъ, какъ указывалъ не какой нибудь марксистъ, а даже самъ г. В. В., заинтересована и крупная русская буржуазія; въ этомъ заинтересовано государство; для этого нѣтъ надобности прибѣгать къ «героическому средству», рекомендуемому г. —оном (героическимъ «его совершенно вѣрно называетъ г. В. В. «Очерки теоретической экономіи», стр. 241). «Героическое средство» немыслимо безъ «героическаго самосознанія» («Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію» стр. 235). А для примѣненія скромныхъ средствъ, рекомендуемыхъ г. В. В., достаточно самосознанія развивающейся мелкой буржуазіи и матеріальныхъ средствъ наличнаго общества. Но г. —онъ не понимаетъ или не признаетъ указаннаго процесса. Онъ думаетъ что въ Россіи наблюдается лишь частный случай «заколдованнаго круга», въ которомъ вращается всемірное капиталистическое хозяйство. «Европейская крупная промышленность сама роетъ себѣ могилу»,—цитируетъ онъ Маркса. «Съ опредѣленной точки развитія каждое дальнѣйшее расширеніе рынка обозначаетъ для нея возникновеніе новаго конкурента... Не говоря о Россіи и объ американскихъ штатахъ, Остъ-Индіи, Японіи, Китай, Австраліи развиваются въ промышленныя государства, которыя въ промышленномъ отношеніи будутъ сами себя удовлетворять».

Но неужели г. —онъ не видитъ, что цитируемое имъ разсужденіе совершенно ясно говоритъ, что для полученія «заколдованнаго круга», на который онъ указываетъ, необходимъ тотъ частный случай на русской почвѣ, возможность и развитіе котораго онъ отрицаетъ?

Тутъ же слѣдуетъ отмѣтить еще случай, когда г. —онъ опять все цитируетъ Маркса: «Конечная причина всѣхъ дѣйствительныхъ кризисовъ все-таки заключается въ бѣдности и ограниченности потребленія массъ (и цитируемый авторъ тоже запутывается «въ безвыходномъ кругѣ», выходъ

изъ котораго по мнѣнію г. П. фонъ-Струве «очень простъ») сравнительно со стремленіемъ капиталистическаго производства развивать производительныя силы такимъ образомъ, какъ будто предѣлами имъ служитъ только абсолютная способность потребленія общества» (Р. Б. № 2, стр. 19).

Всякое мѣсто убѣдительно, поскольку оно не вырвано изъ контекста и смыслъ его такимъ образомъ не искаженъ. Между тѣмъ, тотъ абзацъ, изъ котораго заимствована цитата начинается слѣдующей фразой: «представимъ себѣ все общество состоящимъ исключительно изъ промышленныхъ капиталистовъ и наемныхъ рабочихъ». Ясно, что цитата къ нашему частному случаю не относится и никакъ не можетъ объяснять его эволюціи. Еще менѣе можетъ она опровергать аргументацію автора «Критическихъ Замѣтокъ» (стр. 245—260), который прямо указываетъ, что «фикція, по которой все современное общество состоитъ только изъ капиталистовъ и рабочихъ, не можетъ ни на волосъ подвинуть насъ впередъ въ дѣлѣ выясненія какого либо историческаго процесса». Эта фикція можетъ только затемнить вопросъ о развитіи капиталистическаго хозяйства въ Россіи.

Г. —онъ ужасно ненавидитъ капитализмъ, но къ сожалѣнію его пониманіе капитализма не находится на уровнѣ ненависти. И опять дѣло тутъ въ «*точкѣ зрѣнія*», а не въ размѣрѣ познаній. Отъ сдѣланныхъ въ моей книгѣ указаній, что статистическія данныя о производствѣ и потребленіи волокнистыхъ матеріаловъ, на которыя опирается г. —онъ, никакого доказательнаго значенія не имѣютъ, онъ отдѣлывается очень странными выраженіями. Статистическія данныя г. —она не убѣдительны, потому что 1) взяты за слишкомъ короткій періодъ, причемъ не приняты во вниманіе такіе «пертурбаціонные» факторы, какъ неурожаи, 2) сравниваются несравнимыя ни въ потребительномъ, ни въ мѣновомъ отношеніи величины—пуды льна и хлопка. Теперь г. —онъ для того, чтобы поддержать свои выводы и отстоять свои совершенно несостоятельные пріемы доказательства, ссылается на то, «что потребительная стоимость льняныхъ и шерстяныхъ издѣлій во много разъ превышаетъ хлопчатобумажныя, что они и теплѣе и прочнѣе, дольше носятся. Выразить эти отношенія въ цифрахъ для потребленія всей Россіи довольно затруднительно, но фактъ остается фактомъ, худшая потребительная стоимость вытѣсняетъ лучшую» (Русское Богатство № 2, стр. 5). «Крайне глубокая и «оригинальная» мысль г. П. фонъ-Струве показываетъ, насколько онъ проникъ въ смыслъ того вопроса, который взялся обсуждать, и вмѣстѣ съ тѣмъ насколько самъ онъ проникнутъ идеей «власти денегъ». Рѣчь идетъ вѣдь о *потребительныхъ стоимостяхъ*, объ измѣненіи ихъ количества и качества во времени, совершенно независимо отъ того, какова ихъ мѣновая стоимость» (Р. Б. № 2, стр. 6).

Но, во-первыхъ, о потребительной стоимости *издѣлій* двухъ родовъ ни въ какомъ случаѣ нельзя судить по количеству *сырья* того и другого рода, не зная точно отношенія между сырьемъ и издѣліями. А во-вторыхъ—и это самое важное—для вопроса *о развитіи національнаго богатства, т. е. капитализма, совершенно безразлична потребительная стоимость.*

Г. —онъ не понимаетъ, что національное богатство есть понятіе капиталистическое, и что не г. П. фонъ-Струве проникнуть идеей «власти денегъ», а проникнутъ ею капиталистическій строй, для котораго имѣютъ значеніе только мѣновыя стоимости, производимыя ради прибыли. Другими словами для развитія капиталистическаго хозяйства важно *платящее* потребленіе, а не потребленіе вообще. Эволюція же капиталистическаго хозяйства есть главный предметъ нашего спора. Тутъ мы переходимъ къ изумительному косвенному доказательству г. —она. Положенія г. —она доказываются яко-бы «законами потребленія» Энгеля. Развитіе народнаго хозяйства въ моментъ перехода отъ натуральнаго хозяйства къ денежному выясняется путемъ аналогіи съ расходнымъ бюджетомъ рабочихъ семействъ—чистѣйшій случай денежнаго хозяйства, основаннаго на продажѣ рабочей силы!! Г. —онъ приводитъ подтверждающія законы Энгеля данныя американскаго изслѣдованія и говоритъ, что изъ этихъ данныхъ... «очевидно, что чѣмъ бѣднѣе населеніе, тѣмъ больше увеличивается относительный расходъ на самую необходимую потребность существованія, на пищу; что уменьшающееся потребленіе хлѣба во всей странѣ указываетъ на то, что относительный расходъ на одежду и «прочія потребности»... понижается, слѣдовательно производство продуктовъ обрабатывающей промышленности для всей страны *возрасти не можетъ*, не только абсолютно, но и относительно» (Р. Б. № 2, стр. 11)

Вѣрно ли все это? Нѣтъ, потому что забыто *маленькое обстоятельство*—переходъ отъ хозяйства натуральнаго къ хозяйству денежному. Потребленіе пищи на душу въ такомъ случаѣ можетъ упасть (при несоотвѣтствіи между ростомъ производства и населенія), но платящее потребленіе продуктовъ обработывающей промышленности можетъ возрасти и абсолютно, и относительно. Абсолютно—потому, что прежнее натуральное удовлетвореніе потребностей уступаетъ мѣсто денежному, относительно—потому, что и экономически самостоятельная, зажиточная часть населенія, которое (очень важная черта!) дифференцируется, увеличиваетъ свое платящее потребленіе. Такъ безъ всякихъ натяжекъ объясняется ростъ русскаго капиталистическаго производства за 80-е годы при обѣднѣніи населенія. Этотъ случай указанъ въ «Критическихъ Замѣткахъ».

«Эти господа—говоритъ г.—онъ о марксистахъ,—на основаніи фактиче-

скихъ данныхъ пришли къ заключенію, что вся сумма общественныхъ производительныхъ силъ увеличивается, что народное благосостояніе, на которомъ основывается капиталистическое производство, возрастаетъ; что развитіе этого способа производства въ своемъ ходѣ не только не встрѣчаетъ никакихъ препятствій въ возростающей бѣдности, но идетъ все впередъ, да впередъ; что «миссія» капитализма, состоящая по мнѣнію «учениковъ» Маркса въ относительномъ увеличеніи числа лицъ, занятыхъ въ обработывающей и добывающей промышленности, имъ выполняется; и ко всему этому «ученики Маркса» пришли, произведя «анализъ» хода экономическаго развитія» (Р. Б. № 3, стр. 46).

Неужели г. —онъ серьезно думаетъ, что капиталистическое производство основывается на народномъ благосостояніи [1])? Неужели такова его «точка зрѣнія»? Неужели г. —онъ серьезно думаетъ, что онъ самъ или г. Карышевъ доказали, что въ 80-е годы число фабрично-заводскихъ рабочихъ относительно уменьшилось? Этого доказать за отсутствіемъ сколько-нибудь точныхъ данныхъ прямо невозможно. Но допустимъ даже, что фактъ, относительнаго уменьшенія числа фабричныхъ рабочихъ доказанъ. Доказываетъ-ли этотъ фактъ то, что хочетъ доказать имъ г. —онъ? Отнюдь нѣтъ. Дѣло въ томъ, что населеніе чисто земледѣльческой Россіи размножается гораздо быстрѣе, чѣмъ населеніе Россіи промысловой [2]) и, пока натуральное хозяйство продолжаетъ быть *преобладающимъ*, такой ходъ размноженія можетъ измѣнять соотношеніе между земледѣльческимъ и промышленнымъ населеніемъ въ пользу перваго. Но самый *ростъ населенія* (перенаселеніе, которое г. —онъ считаетъ только словомъ) [3]) необходимо положитъ или быть можетъ уже положило предѣлъ такому процессу: съ одной стороны, началось и прогрессируетъ бѣгство сельскаго населенія въ города и обращеніе его къ неземледѣльческому труду. съ другой стороны, именно въ 80-е годы полился потокъ сельскихъ рабочихъ изъ средней Россіи на югъ и востокъ, переселенцевъ въ Сибирь.

Говорить ли о томъ, что исключительное паденіе хлѣбныхъ цѣнъ въ

---

[1]) Конечно вся сумма общественныхъ производительныхъ силъ возрастаетъ при развитіи капитализма но этотъ ростъ далеко не всегда тождественъ съ ростомъ народнаго благосостоянія.

[2]) П. П. Милюковъ «Очерки по исторіи русской культуры» (Міръ Божій, № 2).

[3]) Г. —онъ отдѣлывается отъ вопроса о населеніи фразой, что безъ причинъ, о которыхъ говорилъ онъ въ своихъ очеркахъ не было бы перенаселенія (Р. Б. № 1 стр. 158). Очень смѣлое, но столь же неосновательное утвержденіе, предполагающее или что населеніе не размножалось бы, или же что при натуральномъ хозяйствѣ и полномъ экономическомъ равенствѣ оно всегда само приспособлялось бы къ средствамъ существованія.

1894 г. и вліяніе его на состояніе русской обработывающей промышленности ничего не доказываетъ, хотя г. —онъ и думаетъ, что «три четыре мѣсяца . . . (sic!) . . . принесли съ собой множество фактовъ, подтверждающихъ нашу основную мысль» (Р. Б., № 3, стр. 55). Такія доказательства нельзя даже опровергать, а приходится только отвергать и, такъ сказать, отсѣкать, какъ совершенно непригодныя. Оцѣнка доказательствъ также опредѣляется «точкой зрѣнія».

Въ ней все дѣло. Вѣдь «точкой зрѣнія» продиктована, напримѣръ, такая фраза: «Чѣмъ бѣдственнѣе было самое явленіе, чѣмъ глубже было потрясено все общество голодомъ 1891 г., тѣмъ сильнѣе должна была сказаться реакція противъ той хозяйственной политики, которая привела къ этому народному бѣдствію. И дѣйствительно, все общество, всѣ его слои отъ верхнихъ до нижнихъ стали проникаться одной идеей: несостоятельность прежней хозяйственной политики стала очевидной для большинства». (Р. Б. № 1, стр. 156).

Читатель можетъ замѣтить, что эта фраза—просто вздоръ, и конечно будетъ правъ. Но вздоръ вздору—рознь. Вздоръ г. —она, во первыхъ, насмѣшка надъ русской жизнью, отдающая маниловщиной, во вторыхъ, столь же явная насмѣшка надъ ученіемъ Маркса. Существуетъ въ странѣ нѣсколько милліоновъ (считая не работающихъ женщинъ и дѣтей) лицъ, живущихъ на счетъ фабричнаго труда, существуетъ очень много кустарей, совершенно зависимыхъ или полузависимыхъ отъ капитала, существуетъ рѣзко дифференцированная масса крестьянства, средніе и крупные землевладѣльцы, мелкіе, средніе и крупные фабриканты, многочисленная бюрократія. И вся эта компанія, все это общество—утверждаетъ нашъ марксистъ—стало проникаться одной экономической идеей. Тотъ кто пишетъ такія вещи, конечно, не идеологъ плутократіи и не идеологъ натуральнаго хозяйства, онъ просто праздно и сладко болтающій Маниловъ. Марксистомъ такой Маниловъ никогда не будетъ, хотя бы онъ зналъ наизустъ три тома «Капитала» и цитировалъ ихъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Г. Ник. -онъ забавляется такими кличками, какъ «идеологи плутократіи», онъ обличаетъ своихъ оппонентовъ въ ловкихъ пріемахъ, сводящихся къ неблаговидному пользованію трудами такихъ авторовъ, какъ Марксъ и Энгельсъ, въ интересахъ капитализма. Но прокуроръ, который обвиняетъ «свыше мѣры содѣяннаго», рискуетъ, даже если подсудимый въ чемъ нибудь и виновенъ, что присяжные его оправдаютъ. И г. Ник.—онъ ничего другого не добьется. Его обвиненія плодъ прокурорскаго усердія не по разуму и сами уничтожаютъ себя. Но г. —онъ, обличая несогласно мыслящихъ, упорно продолжаетъ считать себя марксистомъ, и въ этомъ самообольщеніи кроется серьезное недоразумѣніе, которое въ интересахъ истины слѣдуетъ разрушить.

До сихъ поръ предполагалось, что «по теоріи новой школы» планомѣрная организація производства явится тогда, когда производительныя силы общества переростутъ данную хозяйственную форму, и что такая организація и общественныя силы, которыя ее создадутъ, вырастутъ на почвѣ столкновенія противуположныхъ интересовъ, а по г. —ону выходитъ, что организація должна быть и будетъ осуществлена государствомъ въ виду недостаточной производительности земледѣльческаго труда и что рѣшеніе трудной задачи въ Россіи легко именно потому, что здѣсь отсутствуютъ противоположные интересы [1]) и все общество согласно съ г. —номъ въ отрицательномъ отношеніи къ капитализму. Изумительное совпаденіе идей «новой школы» со взглядами г. —она, несомнѣннаго марксиста! Называть г. —она марксистомъ значитъ заподозривать великаго экономиста въ чертахъ, совершенно ему чуждыхъ: въ утопизмѣ извѣстной бюрократической окраски и въ сентиментальности, той сентиментальности, которую нѣмцы удачно характеризуютъ словомъ «Duselei» и которой неизбѣжно отмѣченъ всякій «Allerweltssocialismus».

У Щедрина есть замѣчаніе, что слово «регламентація» вызываетъ двойственное представленіе, съ одной стороны—о соціализмѣ, съ другой—объ аракчеевщинѣ. Долженъ признаться, что чтеніе произведеній г. —она всегда оставляетъ во мнѣ двойственное впечатлѣніе аналогичнаго рода. Правда въ духовномъ складѣ г. —она нѣтъ ничего аракчеевскаго, но въ его писаніяхъ чувствуется бюрократъ, мечтающій объ организаціи производства безъ борьбы общественныхъ интересовъ и классовъ, путемъ распространенія «здравыхъ идей» и торжества «правильной хозяйственной политики». Но къ наименованію такого бюрократическаго утописта марксистомъ можно приложить только извѣстное объясненіе: lucus a non lucendo. Г. —онъ—марксистъ, очевидно, потому, что онъ не признаетъ основныхъ соціологическихъ идей Маркса. При этомъ слѣдуетъ подчеркнуть, что именно эти идеи изъ всего арсенала Маркса и имѣютъ наибольшее практическое значеніе; имъ именно присуща магическая дѣйственная сила, способная перенести споръ о формахъ производства и путяхъ общественнаго развитія съ бумаги книгъ и журналовъ въ жизнь.

---

[1]) ...„Болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ отдѣльныя крестьянскія хозяйства будутъ соединяться въ группы такихъ хозяйствъ, чтобы имѣть возможность вводить болѣе раціональную культуру и болѣе производительное, а слѣдовательно болѣе дешевое молочное и иное хозяйство, невозможное при мелкихъ размѣрахъ хозяйствъ. Но разрѣшеніе этого вопроса для нихъ будетъ крайне затруднительно, при этомъ будутъ замѣшаны самые разнообразные противоположные интересы. И только наше общинное землевладѣніе даетъ совершенно простое его рѣшеніе". (Р. Б. № 1 стр. 182).

Въ статьѣ «Что же значитъ экономическая необходимость» (Р. Б. 1895 г. № 3) точка зрѣнія г. —она высказана съ полной законченностью. ...«Задача... заключается въ томъ, чтобы общество изъ пассивнаго зрителя проявленія даннаго закона, тормозящаго развитіе его производительныхъ силъ, при помощи наличныхъ матеріальныхъ хозяйственныхъ условій отыскало бы средство подчинить этотъ законъ своей власти, обставивъ проявленія его такими условіями, которыя бы не только не тормозили, но способствовали бы развитію производительныхъ силъ труда всего общества, взятаго въ цѣломъ. А это возможно только послѣ детальнаго изученія связи общественно-хозяйственныхъ явленій».

«Въ этомъ смыслѣ надо, конечно, понимать тѣхъ, кто, указывая на упомянутое явленіе, говоритъ, что общественно-хозяйственныя условія должны быть направлены къ тому, чтобы законъ общественнаго раздѣленія труда не парализовалъ при своемъ проявленіи общественныя производительныя силы. Это совершенно равносильно тому, когда общество, видя разрушительное вліяніе обезлѣсенія, образованія сыпучихъ песковъ, овраговъ и пр. и пр. не можетъ оставаться равнодушнымъ и относиться «объективно» къ разрушающему проявленію стихійныхъ силъ, дѣйствующихъ также по опредѣленнымъ законамъ, а стремится урегулировать проявленіе ихъ настолько, что бы они не оказывали разрушительнаго вліянія» (стр. 51—52). Отождествлять «обобществленіе труда» съ мѣрами противъ обезлѣсенія, образованія сыпучихъ песковъ, овраговъ и пр., развѣ это не значитъ смотрѣть на процессъ развитія общественныхъ формъ сквозь очки размечтавшагося до утопическихъ бредней бюрократа?! «Нужно только чтобы общество и власть имущіе прониклись *нашей идеей*, и тогда водворится всеобщее счастье»—такъ всегда разсуждаютъ утописты. «Нужно *изучить* данное *явленіе* и *изобрѣсти* соотвѣтствующее *мѣропріятіе* и тогда все зло будетъ устранено»—такъ всегда разсуждаютъ бюрократы. «Разъ... общество начинаетъ проникаться убѣжденіемъ, что законъ созиданія прибыли во всѣхъ ея видахъ, при помощи удлиненія рабочаго дня вступаетъ въ коллизію съ болѣе глубокими общественными интересами, съ интересами физическаго и умственнаго развитія большинства населенія, то сначала проявленію его ставятъ преграды сами непосредственно заинтересованныя лица при помощи организацій, стачекъ и пр., но затѣмъ само общество пропикается сознаніемъ необходимости дѣятельнаго своего участія и принимаетъ на себя обязанность огражденія своей будущности при помощи фабричнаго законодательства и пр. и пр. Но отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, что законъ созиданія прибыли названнымъ путемъ или законъ заработной платы не вѣрны сами по себѣ» (Р. Б. 1895 г. № 3 стр. 52).

Изъ этого нѣсколько туманнаго разсужденія вполнѣ явствуетъ, однако,

полное непониманіе г. —омъ «точки зрѣнія» тѣхъ писателей, на авторитетъ которыхъ онъ постоянно ссылается, и въ связи съ этимъ столь же глубокое непониманіе самой сущности совершающихся на нашихъ глазахъ общественно-экономическихъ явленій. На западѣ даже буржуазные экономисты начинаютъ понимать, что въ современномъ обществѣ прогрессъ осуществляется путемъ постоянныхъ столкновеній общественныхъ интересовъ и классовъ, и что въ частности противъ «закона созиданія прибыли» борется не все «общество», а заинтересованный классъ. Всѣ даже самые скромные успѣхи на этомъ пути (фабричное законодательство и т. п.) достигнуты благодаря этой борьбѣ, а не являются результатомъ проникновенія въ «общественное» сознаніе гуманныхъ идей и научныхъ обобщеній. Общество не представляетъ изъ себя «пассивнаго зрителя проявленія даннаго закона», потому что современное общество есть *система антагонистическихъ элементовъ*. А антагонистическіе элементы не могутъ обладать однимъ «сознательнымъ пониманіемъ явленій и законовъ». Не только «сначала дѣйствуютъ сами непосредственно заинтересованныя лица», они дѣйствуютъ и должны дѣйствовать *всегда и съ растущей энергіей* для того, чтобы само общество изъ системы антагонистическихъ элементовъ превратилось въ систему элементовъ гармоническихъ.

Все это—«точка зрѣнія», г. Ник—онъ, и въ ней центръ тяжести. «Дай мнѣ точку опоры и я поверну землю» [1]) гласитъ знаменитое Архимедовское изреченіе. Дайте намъ «точку зрѣнія» и мы поймемъ дѣйствительность, а, понявъ, повернемъ. Нужно только надлежащій рычагъ приложить къ надлежащей точкѣ. Все дѣло, стало быть, въ «*точкѣ зрѣнія*».

П. Струве.

Спб. Апрѣль 1895 г.

---

[1]) Δ'ος πῆ στῶ καὶ τὴν γῆν κινήσω.

зываетъ, что мы внѣ народныхъ потребностей». Настроеніе, вызванное *такимъ* взглядомъ, на свое состояніе не могло не быть много безнадежнѣе настроенія, вызваннаго въ свободолюбивомъ французскомъ философѣ нѣкоторыми непріятными для него распоряженіями «законодателя».

Славянофилы, повидимому, не могли ни на минуту сомнѣваться въ судьбѣ «*основъ*». У нихъ было такъ много «воспоминаній» и такъ много надеждъ. Правда, петровскій переворотъ раскололъ Россію на двѣ части, изъ которыхъ одна,—высшее сословіе, совершенно утратила народную физіономію. За этотъ расколъ дорого поплатилась вся страна. Но теперь въ высшемъ сословіи начинается спасительный поворотъ къ народнымъ началамъ. Образованная Россія начинаетъ сознавать и стремится искупить грѣхъ своей безнародности. Поэтому мы можемъ не бояться теперь за будущее Россіи. Оно какъ нельзя болѣе отрадно. «Мы будемъ подвигаться впередъ смѣло и безошибочно, заимая случайныя открытія Запада, но придавая имъ смыслъ болѣе глубокій, или открывая въ нихъ тѣ человѣческія начала, которыя для Запада остались тайной, спрашивая у исторіи церкви и ея законовъ свѣтилъ путеводительныхъ для будущаго нашего развитія, и воскрешая древнія формы нашей жизни русской, потому что онѣ были основаны на святости узъ семейныхъ и на неиспорченной индивидуальности нашего племени» [1]). *Теперь «намъ стыдно было бы не перегнать Запада»*.

Интересно, что, между тѣмъ какъ Чаадаевъ не видѣлъ ничего отраднаго въ *нашей* исторіи, славянофилы, наоборотъ, крайне отрицательно относились къ исторіи *Запада*, а въ русскомъ историческомъ развитіи видѣли проявленіе какой-то особой полноты народнаго духа. «Англичане, французы, нѣмцы, — пишетъ А. С. Хомяковъ,—не имѣютъ ничего хорошаго за собой. Чѣмъ дальше они оглядываются, тѣмъ хуже и безнравственнѣе представляется имъ общество. Наша древность представляетъ намъ примѣръ и начала всего добраго въ жизни частной, въ судопроизводствѣ, въ отношеніи людей между собою.... Западнымъ людямъ приходится все прежнее отстранять, какъ дурное, и все хорошее себѣ создавать; намъ довольно воскресить, уяснить старое, привести его въ сознаніе и жизнь. Надежда наша велика на будущее».

Казалось бы, ничто не можетъ быть *оптимистичнѣе* подобнаго взгляда. Его можно поставить въ параллель со взглядомъ французовъ, которые были убѣждены, что Франція шла, по крайней мѣрѣ до извѣстнаго времени, во главѣ цивилизаціи. Но уже при ближайшемъ разсмотрѣніи параллель оказывается далеко не полной. Въ XVII и XVIII вѣкѣ можно

---

[1]) См. Полное Собраніе Сочиненій А. С. Хомякова, т. I, стр. 377.

было думать, что «la législation fait tout». Въ девятнадцатомъ—наука выяснила, что сама «législation» является результатомъ *внутренняго развитія народа*. Слѣдовательно, теперь надежды на будущее должны были въ послѣднемъ счетѣ пріурочиваться не къ дѣятельности «законодателя» которая сама есть слѣдствіе, а не причина, а къ внутренней логикѣ общественной жизни. Съ славянофильской точки зрѣнія русская общественная жизнь представлялась, правда, очень богатой внутреннимъ содержаніемъ. Но замѣчательно, что даже славянофилы, не боявшіеся никакихъ преувеличеній и никакихъ натяжекъ, не умѣли сказать, въ чемъ же состояло *развитіе* тѣхъ богатыхъ началъ, которыми они восхищались такъ громко и, вѣроятно, искренно. Какъ ни хороши были «начала», но они, по признанію того же Хомякова, были *подавлены* и *уничтожены* «отсутствіемъ государственнаго начала, раздорами внутренними, игомъ внѣшнихъ враговъ», и, кромѣ того, разумѣется, безпародной образованностью петербургскаго періода. Такимъ образомъ, *воскресить* старыя начала оказывалось дѣломъ не совсѣмъ легкимъ. Тѣмъ болѣе не легкимъ, что и «уяснить»-то себѣ «старое» у насъ, въ эпоху споровъ *«о старомъ и новомъ»*, удалось только славянофильскому кружку, т. е. очень немногимъ. Этимъ немногимъ нужно было не только возвратить къ народности сбившееся съ дороги образованное общество, но и *«привести»* сознаніе *«въ жизнь»*, т. е. пріобрѣсти рѣшающее вліяніе на послѣдующее русское законодательство. Дѣло по истинѣ колоссальное предстояло сдѣлать съ самыми ничтожными средствами. Будущее Россіи и у славянофиловъ оказывалось пріуроченнымъ къ судьбѣ нѣкоторыхъ «всходовъ», т. е. извѣстнаго теченія въ тогдашней нашей интеллигенціи. Но при тогдашнихъ обстоятельствахъ въ этой судьбѣ не могъ быть прочно увѣренъ ни одинъ изъ славянофиловъ. «Нашъ девизъ—taceamus igitur», сказалъ какъ-то въ небольшомъ кружкѣ Хомяковъ. Это была, конечно, шутка. Но въ этой шуткѣ отразилось нѣчто очень серьезное. Потому и нельзя удивляться, что даже и крайне оптимистическій взглядъ на русскую исторію не спасалъ славянофиловъ отъ тяжелаго уныпія. «Человѣкъ этотъ, говоритъ объ Иванѣ Кирѣевскомъ цитированный нами авторъ воспоминаній, глубоко перестрадалъ вопросъ о современности Руси, слезами и кровью купилъ разрѣшеніе.... Онъ страдаетъ—и знаетъ, что страдаетъ, и хочетъ страдать, не считая себя въ правѣ снять крестъ тяжелый и черный, наложенный фатумомъ на него».

Итакъ, даже *славянофильскій оптимизмъ* не могъ отдѣлаться отъ значительной примѣси *пессимизма*.

Пессимизмъ въ томъ смыслѣ этого слова, какой мы придаемъ ему здѣсь, есть старинная болѣзнь нашей интеллигенціи. Первое, извѣстное

пишущему эти строки, проявленіе этой болѣзни относится къ февралю 1660 года.

Почему именно къ февралю, и почему именно того года? А потому, что тогда случилось нѣкоторое, весьма знаменательное происшествіе. Сынъ думнаго дворянина и воеводы Аѳанасія Лаврентьевича Ордына-Нащокина, будучи посланъ къ своему отцу съ порученіемъ отъ царя Алексѣя Михайловича, бѣжалъ за границу. Побѣгъ совершился безъ всякаго внѣшняго повода: и выдающееся положеніе его отца, и милостивое вниманіе государя, и собственныя выдающіяся способности, все сулило Воину (такъ звали молодаго Нащокина) счастье и блестящіе успѣхи. Ему несомнѣнно предстояло дойти до степеней очень извѣстныхъ, а онъ предпочелъ сдѣлаться бездомнымъ скитальцемъ. Частѣйшее безуміе! Такъ и поняли это друзья и недруги Аѳанасія Лаврентьевича. Но безуміе Воина было такъ необыкновенно, что современникамъ трудно было объяснить его себѣ иначе, какъ нарочитымъ вмѣшательствомъ нечистой силы. «Учинилось намъ вѣдомо, писалъ царь удрученному горемъ отцу, что сынъ твой попущеніемъ Божіимъ, а своимъ безумствомъ объявился въ Гданскѣ (Данцигѣ), а тебѣ отцу своему лютую печаль учинилъ, и тоя ради печали, приключившейся тебѣ отъ самого сатаны, и мню, что и отъ всѣхъ силъ бѣсовскихъ, изшедшу сему злому вихрю и смятоша воздухъ аерный, и разлучиша и отторгнуша папрасно сего добраго агнца яростнымъ и смрадным своимъ дуновеніемъ отъ тебе отца и пастыря своего. И мы, великій государь, и сами по тебѣ, вѣрномъ своемъ рабѣ, поскорбѣли приключившейся ради па тя сея горькія болѣзни и злаго оружія, прошедшаго душу и тѣло твое; ей, велика скорбь и туга воистинно» и т. д.. Вмѣстѣ съ тѣмъ тишайшій государь наказывалъ «Аѳанасью», чтобы тотъ «о сынѣ своемъ промышлялъ бы всячески, чтобъ его, поймавъ, привести къ нему, за это сулить и давать 5, 6 и 10 тысячъ рублей; а если его такимъ образомъ промышлять нельзя и если Аѳанасью надобно, то сына его извести бы тамъ, потому онъ отъ великаго государя къ отцу отпущенъ былъ со многими указами о дѣлахъ и съ вѣдомостями». Дѣло принимало, какъ видитъ читатель, совсѣмъ трагическій оборотъ.

Впослѣдствіи оно уладилось; бѣглецъ просилъ прощенія и получилъ его. Но чѣмъ собственно вызвано было это дѣло? И почему сатанѣ удалось обработать именно молодого Нащокина, а не кого нибудь другого?

«Воинъ уже давно былъ извѣстенъ, какъ умный и распорядительный молодой человѣкъ, во время отсутствія отца занималъ его мѣсто въ Царевичевѣ-Дмитріевѣ городѣ, велъ заграничную переписку, пересылалъ вѣсти къ отцу и въ Москву къ самому царю. Но среди этой дѣятельности у молодого человѣка было другое на умѣ и на сердцѣ: самъ отецъ

давно уже пріучилъ его съ благоговѣніемъ смотрѣть на западъ постоянными выходками своими противъ порядковъ московскихъ, постоянными толками, что въ другихъ государствахъ иначе дѣлается и лучше дѣлается. Желая дать сыну образованіе, отецъ окружилъ его плѣнными поляками, и эти учители постарались, съ своей стороны, усилить въ немъ страсть къ чужеземцамъ, пелюбье къ своему, воспламеняли его разсказами о польской «волѣ». Въ описываемое время онъ ѣздилъ въ Москву, гдѣ стошнило ему окончательно, и вотъ, получивъ отъ государя порученія къ отцу, вмѣсто Ливоніи, онъ поѣхалъ заграницу, въ Данцигъ къ польскому королю, который отправилъ его сначала къ императору, а потомъ во Францію» [1]).

Молодой Нащокинъ оказался государственнымъ измѣнникомъ. Это очень плохо; но государственная измѣна совершенно *случайный элементъ* въ его исторіи. Если бы онъ своевременно принялъ мѣры для передачи въ руки отца бумагъ, ввѣренныхъ ему государемъ, то его можно было бы, съ точки зрѣнія нашихъ современныхъ государственныхъ понятій, обвинять развѣ лишь въ самовольномъ оставленіи службы и отечества.

Разумѣется, никто не похвалитъ и за подобное самовольство; но всякій согласится, что тогда гораздо больше симпатіи заслуживалъ бы молодой человѣкъ, пораженный странной, прежде неслыханной въ Москвѣ, болѣзнью.

Въ самомъ дѣлѣ, разсказы о заграничной жизни и прежде не разъ смущали нашихъ бояръ. Побѣги въ Литву были передкимъ въ Московской Руси явленіемъ. Но настроеніе молодаго Нащокина едва-ли имѣло много общаго съ настроеніемъ бѣглецовъ прежняго времени. Ихъ не «*тошнило*», какъ его вообще отъ московскихъ порядковъ; они искали за рубежемъ не просвѣщенія, а развѣ только аристократической боярской «*воли*». Они были недовольны частностями; онъ возмущался всѣмъ складомъ допетровской русской жизни. Молодой Нащокинъ былъ первой жертвой умственнаго вліянія Запада на Россію.

Гельвеція и его единомышленниковъ тоже «тошнило» полчасъ въ современной имъ Франціи. Случалось и имъ отъѣзжать за границу. Но гдѣ бы ни искали они себѣ временнаго пріюта; какъ бы ни были горьки упреки, которые они посылали своей странѣ, духовный разрывъ съ ней былъ для нихъ психологически невозможенъ.

Они оставались французами, потому что ихъ идеи, какъ ни расходились онѣ со взглядами большинства тогдашнихъ французовъ, были идеями французскими par excellence. Онѣ были порождены французскими обще-

---

[1]) С. Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Томъ одиннадцатый, изданіе второе, стр. 84 и сл.

ственными отношеніями, и именно потому онѣ, даже въ самыя тяжелыя для ихъ проповѣдниковъ эпохи, были во Франціи *дома* больше, чѣмъ гдѣ нибудь. Увлекавшіеся ими *иностранцы* сами были въ значительной степени *офранцужены*. У насъ не то. Идеи, разбудившія Нащокина, были продуктомъ совершенно *чужой жизни*; онѣ не имѣли въ себѣ *ничего русскаго ни по формѣ, ни по содержанію*. Человѣкъ, увлекшійся ими, дѣлался иностранцемъ ровно настолько, насколько онъ ими увлекался, и его естественно тянуло въ чужіе края. Со времени Петра притокъ иностранныхъ идей къ намъ совершался почти безъ перерыва; не прекращалось поэтому и то смятеніе воздуха аернаго, которое оплакивалъ Алексѣй Михайловичъ; не прекращалась и та умственная денаціонализація просвѣщенныхъ русскихъ людей, которой впослѣдствіи такъ возмущались славянофилы. Не всѣ эти люди, разумѣется, покидали Россію, но всѣ чувствовали себя «внѣ народныхъ потребностей», всѣ являлись, по выраженію автора выше цитированныхъ воспоминаній, «иностранцами дома, иностранцами въ чужихъ краяхъ»; всѣ представляли собою «*какую-то умную ненужность*». Былъ, правда, въ двадцатыхъ годахъ нашего столѣтія періодъ, когда просвѣщенныхъ русскихъ людей не только «тошнило» въ ихъ странѣ, когда они твердо вѣрили, что имъ скоро удастся перссоздать русскую жизнь, сообразно тѣмъ идеямъ, которыя они усвоили съ запада. Но этотъ періодъ скоро миновалъ, людей александровскаго времени постигла тяжелая неудача, и просвѣщеннымъ русскимъ людямъ опять ничего не осталось, кромѣ «тошноты». Чаадаевъ вполнѣ, безъ всякихъ смягченій и оговорокъ, призналъ бы себя «умною ненужностью». Что же касается славянофиловъ и западниковъ сороковыхъ годовъ, то хотя они и старались всѣми силами своей души и всѣми усиліями своей логики отговориться отъ такого сознанія, но оно не разъ навязывалось имъ противъ воли, и не разъ имъ приходилось чувствовать себя *внѣ народныхъ потребностей*.

Въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ у насъ опять было не мало людей, которыхъ спасала отъ «тошноты» вѣра въ скорое осуществленіе ихъ идеаловъ. Но и этихъ людей постигло тяжелое разочарованіе. Одной изъ самыхъ замѣчательныхъ и симпатичныхъ жертвъ этого разочарованія явился Г. И. Успенскій.

Г. И. Успенскій принадлежалъ къ числу людей, стучавшихся въ крестьянскую избу съ самою лучшею просвѣтительною цѣлью. Цѣль этихъ людей осталась недостигнутой: имъ не удалось столковаться съ крестьяниномъ, отчасти потому, что онъ и въ нихъ увидѣлъ дары несущихъ Данайцевъ, а отчасти потому, что ихъ идеи оказались неподходящими для крестьянина. Успенскому хотѣлось привить крестьянамъ «новые взгляды на значеніе дружнаго артельнаго труда на общую пользу». Но онъ убѣ-

дился, что подобные разговоры «ни къ чему практически путному не приводятъ» и только вызываютъ въ слушателяхъ «*ужаснѣйшую зѣвоту*». Каждый добрый совѣтъ Успенскаго разбивался о «милліоны самыхъ топчайшихъ хозяйственныхъ ничтожностей», которыя не имѣли ни малѣйшаго значенія въ глазахъ благожелательнаго «интеллигента», но которыя, на самомъ дѣлѣ, являлись «*неодолимою преградою на пути ко всеобщему благополучію*». Кончилось тѣмъ, что Успенскій далъ себѣ зарокъ не говорить съ крестьянами «объ ихъ крестьянскихъ распорядкахъ». Но что означалъ подобный зарокъ? Онъ означалъ, что *въ лицѣ Г. И. Успенскаго «всходы» убѣдились въ полной невозможности повліять на «основы»*.

Г. И. Успенскій и его единомышленники сочли бы себя счастливыми, еслибы имъ удалось предупредить развитіе въ Россіи капитализма. Какъ могли бы они сдѣлать это? Ясно, что если подобная цѣль не была сама по себѣ несбыточной фантазіей, то образованный разночинецъ, не состоящій на государственной службѣ, могъ достигнуть ее единственно только путемъ воздѣйствія на крестьянское міросозерцаніе. А такъ какъ это воздѣйствіе признано было невозможнымъ, то нельзя было, слѣдовательно, мечтать и о борьбѣ съ капитализмомъ. Какъ человѣкъ, дорожащій истиной прежде всего, Успенскій не побоялся признаться въ этомъ: «и выходитъ, поэтому, для всякаго, что-нибудь думающаго о народѣ человѣка, задача, по истинѣ неразрѣшимая,—писалъ онъ: цивилизація (онъ хотѣлъ сказать: капитализмъ) идетъ, а ты, наблюдатель русской жизни, мало того, что не можетъ остановить этого шествія, но еще... не долженъ, не имѣешь права, ни резона соваться въ виду того, что идеалы земледѣльческіе прекрасны и совершенны. Итакъ — остановить шествіе *не можешь*, а соваться *не долженъ*»!

О томъ, какое непрочное препятствіе развитію капитализма представляютъ собою прекрасные и совершенные земледѣльческіе идеалы, свидѣтельствовалъ тотъ же Г. И. Успенскій. «Стройность сельско-хозяйственныхъ земледѣльческихъ идеаловъ безпощадно разрушается такъ называемой цивилизаціей». Ея разрушительное вліяніе «отражается на простодушномъ поселянинѣ рѣшительно при самомъ ничтожномъ прикосновеніи. Буквально прикосновеніе, одно только легкое касаніе, и тысячелѣтнія идеальныя постройки превращаются въ щепки». Г. И. Успенскій думалъ, что если дѣло и впредь пойдетъ такъ, какъ оно идетъ, то черезъ какихъ нибудь десять лѣтъ (да и это еще «много-много») вѣрному старымъ земледѣльческимъ идеаламъ крестьянину «*нельзя будетъ жить на свѣтѣ*».

Въ лицѣ Г. И. Успенскаго наша народническая интеллигенція опять увидѣла себя «внѣ народныхъ потребностей», признала себя «*умною не-*

нужностью». Но такое положеніе безвыходно, какъ это зналъ еще авторъ вышецитированныхъ воспоминаній. Необходимымъ слѣдствіемъ его является «тошнота», тяжелое, пессимистическое настроеніе. Это настроеніе и выразилось въ сочиненіяхъ Г. И. Успенскаго. Помириться съ такимъ настроеніемъ очень трудно. Прежде, чѣмъ подчиниться ему окончательно, всякій живой человѣкъ непремѣнно будетъ стараться отдѣлаться отъ него, хватаясь, какъ утопающій за соломенку, за первое попавшееся, хотя бы и самое фантастическое, утѣшеніе. Такъ и поступилъ Г. И. Успенскій. Онъ то восхищался открытіемъ крестьянскаго банка (ст. «Хорошаго понемножку»), то приходилъ въ умиленіе передъ кустарною промышленностью («Живыя цифры»), избавляющей насъ «отъ фабричнаго распутства и грѣха», то мечталъ о счастьѣ жить «трудами рукъ своихъ», то придирался еще къ какому нибудь, столь же малообоснованному поводу, чтобы хоть на короткое время настроить себя на праздничный ладъ. Но эти судорожныя усилія, тѣмъ не менѣе, не приводили въ сущности ни къ чему. Основной тонъ его произведеній былъ и остался глубоко пессимистическимъ. Среди нашихъ беллетристовъ-народниковъ нѣтъ рѣшительно ни одного, зараженнаго пессимизмомъ въ такой мѣрѣ, какъ Г. И. Успенскій. За то, правда, между ними нѣтъ также ни одного, который могъ бы выдержать сравненіе съ нимъ по мѣткости своихъ характеристикъ и по глубинѣ своего взгляда. Онъ видѣлъ многое изъ того, чего не замѣтили другіе. Онъ и страдалъ больше, чѣмъ эти другіе.

Помните ли вы, читатель, очеркъ «Мелочи путевыхъ воспоминаній»? Г. И. Успенскій, возвращаясь домой послѣ плаванія по Каспійскому морю, чувствуетъ какую-то необъяснимую тоску. Съ пароходомъ, на которомъ ѣдетъ онъ, безпрестанно встрѣчаются наполненныя рыбой лодки. На вопросъ, какая эта рыба, ему отвѣчаютъ, что это вобла и что теперь она сплошь пошла. «Да,—думаетъ Г. И. Успенскій,—вотъ отчего мнѣ и тоскливо... Теперь пойдетъ «все сплошь». И сомъ сплошь претъ, цѣлыми тысячами, цѣлыми полчищами, такъ что его разогнать невозможно, и вобла тоже «сплошь» идетъ, милліонами существъ «одна въ одну» и народъ пойдетъ тоже «одинъ въ одинъ» и до Архангельска, и отъ Архангельска до «Адесты», и отъ «Адесты» до Камчатки и отъ Камчатки до Владикавказа и дальше, до персидской, до турецкой границы... До Камчатки, до Адесты, до Петербурга, до Ленкорана, все теперь пойдетъ сплошное, одинаковое, точно чеканенное: и поля, и колосья, и земля, и небо, и мужикъ, и бабы, все одно въ одно, одинъ въ одинъ, съ одними сплошными красками, мыслями, костюмами, съ однѣми пѣснями... Все сплошное,—и сплошная природа, сплошной обыватель, сплошная нравственность, сплошная правда, сплошная поэзія, словомъ однородное сто-

милліонное племя, живущее какой-то сплошной жизнью и только въ сплошномъ видѣ доступное пониманію. Отдѣлить изъ милліонной массы единицу, положимъ, хоть нашего деревенскаго старосту Семена Никитича и попробовать понять его—дѣло невозможное... Семена Никитича можно понимать только въ кучѣ другихъ Семеновъ Никитичей. Вобла сама по себѣ стоитъ грошъ, а милліонъ воблы—капиталъ, и милліонъ Семеновъ Никитичей составляетъ тоже полное интереса существо, организмъ, а одинъ онъ, со своими мыслями, непостижимъ и неизучимъ... Сейчасъ вотъ онъ сказалъ пословицу: кто чѣмъ не торгуетъ, тотъ тѣмъ и не воруетъ. Что же, это онъ самъ выдумалъ? Нѣтъ, это выдумалъ океанъ людской, въ которомъ онъ живетъ, точь въ точь какъ Каспійское море выдумало воблу, а Черное—камбалу. Самъ Семенъ Никитичъ не запомнитъ за собой никакой выдумки.—«Мы этимъ не занимаемся,—нѣшто мы ученые»,—говоритъ онъ, когда спросишь его о чемъ нибудь самого. Но опять таки этотъ Семенъ Никитичъ, исполненный всевозможной чепухи по части личнаго мнѣнія, дѣлается необыкновенно умнымъ, какъ только начинаетъ предъявлять мнѣнія, пословицы, цѣлыя нравоучительныя повѣсти, созданныя невѣдомо кѣмъ, океаномъ Семеновъ Никитичей, сплошнымъ умомъ милліоновъ. Тутъ и быль, и поэзія, и юморъ, и умъ... Да, жутковато и страшновато жить въ этомъ людскомъ океанѣ... Милліоны живутъ «какъ прочіе», причемъ каждый отдѣльно изъ этихъ прочихъ чувствуетъ и сознаетъ, что «во всѣхъ смыслахъ» цѣна ему грошъ, какъ воблѣ, и что онъ что нибудь значитъ только въ кучѣ, жутковато было сознавать это».

Еще бы не жутковато! Немногими штрихами Г. И. Успенскій нарисовалъ по истинѣ страшную картину. Когда вглядываешься въ нее, то невольно спрашиваешь себя: да какъ же человѣкъ, ее нарисовавшій, могъ оставаться народникомъ? Вѣдь, чтобы быть народникомъ, надо вѣрить по крайней мѣрѣ въ *возможное* развитіе нѣкоторыхъ *основъ* стараго народнаго быта. А къ какому же развитію способенъ этотъ океанъ Семеновъ Никитичей, изъ которыхъ ни одинъ за собой никакой выдумки не запомнитъ, да и не занимается выдумкой, и каждый вполнѣ сознаетъ, что ему, взятому въ одиночку, какъ воблѣ, *грошъ цѣна*. Эти милліоны живыхъ существъ, не имѣющіе другого ума, кромѣ «сплошного»,—способны «переть сплошь», *какъ сомъ*, цѣлыми тысячами, цѣлыми полчищами, такъ что и разогнать ихъ никакъ невозможно; они способны наводнить собою необъятныя степи; залить и затопить даже культурныя страны; ихъ можно употребить въ качествѣ строительнаго матеріяла для общественной постройки, которая, при благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, простоитъ цѣлыя тысячелѣтія и возбудитъ своей прочностью зависть въ самихъ китайцахъ, но пока они останутся Семенами Никитичами, они не сдѣлаютъ впередъ

ни одного шагу, а когда сдѣлаютъ хоть одинъ шагъ впередъ,—перестанутъ быть Семенами Никитичами, и тогда—что станется съ «основами»? Какъ *публицистъ*, Г. И. Успенскій остался народникомъ вплоть до перерыва, такъ несвоевременно случившагося въ его литературной дѣятельности. Какъ *художникъ*, онъ уже за долго до этого перерыва безпощадно разрушилъ всѣ главныя положенія народничества.

Въ доброе старое время писатели охотно придумывали фантастическія встрѣчи замѣчательныхъ людей различныхъ эпохъ, заставляя ихъ вести между собою болѣе или менѣе поучительныя бесѣды. У насъ нѣтъ ни малѣйшаго желанія прибѣгать къ этому крайне искусственному и давно избитому пріему. Но намъ приходилъ иногда въ голову вопросъ: что подумалъ бы П. Я. Чаадаевъ, если бы ему пришлось прочитать «*Мелочи путевыхъ воспоминаній*» Г. И. Успенскаго? Не увидѣлъ-ли бы онъ въ нихъ художественной иллюстраціи къ «философическому письму»? Не замѣтилъ-ли бы онъ, что именно потому и нѣмы, холодны и невыразительны русскія лица, что въ нашемъ народѣ все сплошное, одинаковое, точно чеканенное? Не нашелъ-ли бы онъ, что именно благодаря сплошному быту мы и уединились въ своихъ пустыняхъ, не видя ничего происходившаго въ Европѣ? Что именно поэтому мы и прозябали въ нашихъ лачугахъ изъ бревенъ и глины въ то время, когда вокругъ насъ пересоздавался цивилизованный міръ? Что именно оттого мы и не трогались съ мѣста, между тѣмъ какъ западные народы величественно шли по пути развитія? Что оттого мы и представляемъ собою пробѣлъ въ порядкѣ разумѣнія? Наконецъ, не призналъ ли бы Чаадаевъ, прочитавъ Успенскаго, что не въ крови нашей, а именно въ нашемъ сплошномъ быту есть что-то враждебное совершенствованію? И не сказалъ ли бы онъ Успенскому: «Вамъ, какъ и мнѣ, ждать отъ русскаго народа нечего!»

Не знаемъ, что возразилъ бы Г. И. Успенскій П. Я. Чаадаеву по части *конечныхъ выводовъ*, но знаемъ, что этимъ замѣчательнымъ людямъ было бы о чемъ и поспорить между собою. Ихъ взгляды на русскую народную жизнь были діаметрально противоположными въ своихъ *основаніяхъ*. П. Я. Чаадаевъ объяснялъ *жизнь* народа его *взглядами* (преимущественно его религіей), дополняя такое объясненіе гадательнымъ соображеніемъ о свойствахъ народной «крови» т. е. о расѣ. Г. И. Успенскій объяснялъ *взгляды народа его жизнью*; міросозерцаніе русскаго крестьянина—*условіями земледѣльческаго труда*. П. Я. Чаадаевъ былъ *идеалистъ*. Г. И. Успенскій очень близко, хотя и безсознательно, подошелъ къ *матеріалистической философіи исторіи*. И въ этомъ заключалось его громадное преимущество передъ авторомъ «философическаго письма», хотя онъ лично и не воспользовался этимъ громаднымъ преимуществомъ.

Если весь складъ народной жизни опредѣляется, въ послѣднемъ счетѣ, народными взглядами, то спрашивается,—какимъ образомъ могу я вліять на развитіе этой жизни въ желательномъ для меня направленіи? Измѣняйте взгляды народа сообразно вашимъ идеаламъ, отвѣчаютъ идеалисты, а также, разумѣется, и эклектики. Это спосный отвѣтъ и дѣльный совѣтъ въ томъ случаѣ, когда между взглядами народа, съ одной стороны, и моими—съ другой, нѣтъ коренного различія; когда я, человѣкъ интеллигенціи, являюсь лишь обобщителемъ и выразителемъ народной мысли и народныхъ стремленій. Ну, а что если народное міросозерцаніе отдѣлено отъ моихъ идеаловъ цѣлою пропастью: если поэтому, моя проповѣдь вызываетъ въ моихъ слушателяхъ лишь «ужаснѣйшую зѣвоту», и если я вижу себя вынужденнымъ умолкнуть, сказавъ себѣ, какъ сказалъ Г. И. Успенскій,—«не суйся»? Не надо отчаяваться и въ этомъ случаѣ, говорятъ благонамѣренные люди, разумъ возьметъ свое, народъ дорастетъ когда нибудь и до пониманія вашихъ идеаловъ. Но, во-первыхъ, «богъ знастъ, когда это будетъ», а, во-вторыхъ, въ исторіи было не мало народовъ, которые, просуществовавъ цѣлыя тысячелѣтія, такъ и сошли съ исторической сцены, ни на шагъ не приблизившись къ сколько нибудь просвѣщеннымъ идеаламъ. Кто же поручится мнѣ, что и съ моимъ народомъ не случится чего либо подобнаго? На этотъ вполнѣ законный вопросъ идеализмъ, а тѣмъ болѣе эклектизмъ, не дастъ отвѣта, а пока отвѣта нѣтъ,—неудивительно, что меня *тошнитъ*, что я сомнѣваюсь, страдаю и отчаяваюсь. Съ матеріалистической точки зрѣнія дѣло представляется иначе. Конечно, у матеріалистовъ тоже нѣтъ магической палочки, одинъ взмахъ которой превращалъ бы застой въ движеніе, а отсталость въ богатый запасъ культурныхъ пріобрѣтеній. Но у матеріалистовъ есть опредѣленный критерій, избавляющій ихъ, по крайней мѣрѣ, отъ тяжелой неизвѣстности.

Возьмемъ хоть того же Г. И. Успенскаго и посмотримъ, что слѣдуетъ изъ сказаннаго имъ объ условіяхъ земледѣльческаго труда. Этими условіями опредѣлилось міросозерцаніе русскаго народа. Въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія они мало измѣнились, а потому и современный намъ крестьянинъ думаетъ почти такъ, какъ думали его отцы, дѣды, прадѣды и т. д. Это совершенно понятно и естественно. Но, вѣдь, условія земледѣльческаго труда сами по себѣ вовсе не неизмѣнны. Что произойдетъ съ міросозерцаніемъ русскаго крестьянина, когда значительно измѣнятся условія его труда? Это міросозерцаніе тоже значительно измѣнится. Это опять совершенно понятно и естественно. Далѣе. Что произойдетъ съ міросозерцаніемъ нашего народа въ томъ случаѣ, когда условія его труда станутъ похожи на тѣ условія, при которыхъ живутъ и трудятся народы Запада? Это міросозерцаніе сблизится съ міросозерцаніемъ западныхъ народовъ. И это

тоже вполнѣ понятно и естественно. До такой степени понятно и до такой степени естественно, что это знали еще славянофилы, которые были какъ нельзя болѣе далеки отъ матеріалистическаго взгляда на исторію. «Двумя главнѣйшими условіями жизненности и силы народной русской органической стихіи, писалъ покойный И. С. Аксаковъ, служатъ: 1) владѣніе землею, т. е. что крестьяне всѣ посажены на землю, 2) то, что у большинства крестьянъ существуетъ общинное пользованіе землею, дающее имъ внутреннюю силу и крѣпость, признающее за каждымъ членомъ общины право на участокъ земли, гарантирующій его по возможности отъ нищеты [1]). Съ исчезновеніемъ этихъ условій необходимо исчезнетъ и народная русская стихія; народъ обезнародится, прибавлялъ онъ; а обезнародьте народъ, и западничество получитъ у насъ смыслъ и оправданіе [2]). Разумѣется, славянофильскій публицистъ хватилъ тутъ черезъ край, совершенно произвольно и бездоказательно объявляя «народной русской стихіей»,—съ исчезновеніемъ которой совершенно обезнародится русскій народъ,—то, что могло быть лишь временнымъ продуктомъ одного періода нашего общественнаго развитія, лишь *исторической категоріей*. Но намъ теперь до этого нѣтъ дѣла. Мы занимаемся теперь не споромъ со славянофилами, а анализомъ того вывода, который вытекаетъ изъ взгляда Г. И. Успенскаго на русскую крестьянскую жизнь. Выводъ же этотъ не подлежитъ сомнѣнію. Когда условія русскаго народнаго труда станутъ похожи на западныя условія, тогда и взгляды нашего народа сблизятся со взглядами народовъ Запада. Но наша интеллигенція именно съ Запада заимствовала свои идеалы. Въ какомъ смыслѣ измѣнится отношеніе нашего народа къ этимъ идеаламъ, когда его міросозерцаніе сблизится съ міросозерцаніемъ западныхъ народовъ? Онъ перестанетъ видѣть въ нихъ нѣчто совершенно чуждое ему; онъ получитъ способность понимать и цѣнить ихъ; онъ перестанетъ *знать*, слушая проповѣдь «интеллигента». Но въ такомъ случаѣ и «интеллигенту» не надобно будетъ накладывать на себя зарокъ молчанія; его слово уже не будетъ падать на каменистую почву; у него явится живое и плодотворное дѣло; онъ не будетъ говорить себѣ: *не суйся*; онъ перестанетъ быть умною ненужностью.

---

[1]) «День», 1865, статья отъ 20-го марта, перепечатано въ полномъ собраніи сочиненій И. С. Аксакова. Москва. 1886. т. II стр. 306.

[2]) И. С. Аксаковъ иногда крайне рѣзко оттѣнялъ зависимость «народной стихіи» отъ историческихъ условій народнаго быта. Онъ говорилъ, напримѣръ, что западно-европейскій соціализмъ есть логическій выводъ изъ западно-европейской исторіи; на западѣ соціализмъ у себя дома, соціалисты—дѣтища современной цивилизаціи: «въ Азіи дѣлать имъ нечего». «Русь», отъ 15-го марта 1883 года.

Теперь скажите, измѣняются-ли условія народнаго труда въ указанномъ нами смыслѣ? Всѣ говорятъ, что измѣняются. Г. И. Успенскій категорически заявлялъ, что «цивилизація идетъ», разрушая наши старыя народныя «постройки», какъ карточные домики. Да иначе и быть не можетъ: пришествіе того, что Г. И. Успенскій иронически называлъ цивилизаціей, было необходимымъ, хотя и отдаленнымъ, слѣдствіемъ *петровской реформы*.

Старая московская Русь отличалась совершенно азіатскимъ характеромъ. И ея соціальный бытъ, и ея администрація, и психологія ея обывателей,—все было въ ней совершенно чуждо Европѣ и очень родственно Китаю, Персіи, древнему Египту. Къ этой Руси во многомъ безусловно примѣнима мрачная Чаадаевская характеристика. Европейцу она не могла не представиться какимъ-то «пробѣломъ въ порядкѣ разумѣнія». Съ точки зрѣнія европейскаго прогресса она, конечно, не составляла и не могла составлять необходимой части человѣчества, отъ котораго она надолго уединилась въ своихъ пустыняхъ. Но эта страна, къ своему великому счастью, находилась не въ Азіи, а въ Европѣ, или хоть въ сосѣдствѣ съ Европой. Вслѣдствіе этой географической особенности своего положенія, московская Русь *вынуждена* была кое-что заимствовать отъ своихъ сосѣдей просто изъ инстинкта самосохраненія. Уже со времени Грознаго она старалась подвинуться къ Балтійскому морю. Петръ прорубилъ, наконецъ, «окно въ Европу». У Петра была огромная власть и желѣзная энергія. Но онъ могъ сдѣлать не болѣе того, что было доступно власти. «На соціальной основѣ, восходившей чуть ли не къ одиннадцатому вѣку,—справедливо говоритъ А. Рамбо,—явилась дипломатія, постоянная армія, бюрократическая іерархія, промышленность, удовлетворяющая вкусамъ роскоши, школы, академіи». Словомъ, Петръ лишь придѣлалъ *европейскія конечности къ туловищу*, которое все-таки оставалось *азіатскимъ*. Однако, новыя конечности оказали огромное вліяніе на природу стараго туловища. Для поддержанія порсформеннаго порядка нужны были деньги. Петровская реформа дала толчокъ развитію товарнаго производства въ Россіи. Кромѣ того, для поддержанія порсформеннаго порядка нужна была хоть какая нибудь *фабрично-заводская промышленность*. Петръ положилъ у насъ начало этой промышленности и тѣмъ тоже бросилъ на русскую почву сѣмена совершенно новыхъ экономическихъ отношеній. Въ теченіе долгаго времени насажденная Петромъ промышленность вела довольно жалкое существованіе, повидимому, вполнѣ подчиняясь общему тону русской общественной жизни. Она была закрѣпощена государству и сама стала крѣпостнической, держась обязательнымъ трудомъ крестьянъ, приписанныхъ къ фабрикамъ и заводамъ. Тѣмъ не менѣе, она все-таки совершала

свою работу перерожденія русскаго общественнаго тѣла, причемъ ей сильно помогали тѣ самыя международныя отношенія, безъ которыхъ немыслима была бы и дѣятельность геніальнаго Петра. Успѣхи русскаго экономическаго развитія видны изъ того обстоятельства, что, между тѣмъ какъ петровская реформа требовала *упраздненія* крѣпостнаго права, реформы императора Александра II предполагали его *отмѣну*. Начало новаго, «несимпатичнаго» народникамъ и субъективистамъ, экономическаго порядка относятъ у насъ обыкновенно къ 19 Февраля 1861 года. Мы видимъ, что оно было положено еще Петромъ Великимъ. Но то справедливо, что 19 Февраля дало сильнѣйшій толчокъ развитію этого порядка; оно вызвало наружу и превратило въ могучій потокъ то экономическое теченіе, которое скрывалось подъ землею, лишь медленно и незамѣтно разрушая старую экономическую формацію. Въ теченіе тридцати съ лишнимъ лѣтъ, протекшихъ со времени отмѣны крѣпостнаго права, эта старая формація совершенно вывѣтрилась. Теперь нѣтъ такого захолустья, нѣтъ такого медвѣжьяго уголка въ Россіи, гдѣ ни чувствовалось бы могучее вліяніе новыхъ экономическихъ отношеній. Петровская реформа дошла до своего логическаго конца, покрайней мѣрѣ, въ экономической области; новыя европейскія руки окончательно переродили старое московское туловище. И какъ бы кто ни вздыхалъ теперь о старой московской обломовщинѣ, ее не воскреситъ уже никакая сила. И напрасно наши старовѣры пишутъ на ея могилѣ: «покойся, милый прахъ, до радостнаго утра». Теперь мы безвозвратно вовлечены въ экономическое движеніе цивилизованнаго человѣчества, и никакого утра для старой московской обломовщины не будетъ. *Finis Moscoviae! Ты побѣдилъ, саардамскій плотникъ!*

Но если наша экономическая обломовщина похоронена на вѣки, то это именно и значитъ, что наступаетъ утро для новой Россіи, и что чаадаевскій «выстрѣлъ» былъ фальшивой тревогой. Такъ, съ матеріалистической точки зрѣнія, лишается всякаго основанія *пессимизмъ, выросшій на почвѣ идеализма.*

Чаадаевъ находилъ, что всѣмъ образованнымъ русскимъ людямъ не достаетъ основательности, методы и логики. «Лучшія идеи, отъ недостатка связи и послѣдовательности, какъ безплодные призраки, цѣпенѣютъ въ нашемъ мозгу, писалъ онъ. Человѣкъ теряется, не находя средства придти въ соотношеніе, связаться съ тѣмъ, что ему предшествуетъ и что послѣдуетъ; онъ лишается всякой увѣренности, всякой твердости; имъ не руководствуетъ чувство непрерывнаго существованія, и онъ заблуждается въ мірѣ. Такія потерявшіяся существа встрѣчаются во всѣхъ странахъ; но у насъ эта черта общая». Все это въ значительной степени справедливо, и мы увидимъ сейчасъ, какъ странно заблуждаются въ мірѣ

идей нѣкоторые россійскіе «интеллигенты». Все это какъ нельзя болѣе печально, но все это было совершенно неизбѣжно при томъ странномъ и ложномъ положеніи, въ которомъ находился русскій образованный человѣкъ, пока онъ былъ иностранцемъ на чужбинѣ и иностранцемъ на своей родинѣ. Всякій порядокъ идей развивается стройно лишь у себя дома, т. е. только тамъ, гдѣ онъ является отраженіемъ мѣстнаго общественнаго развитія. Перенесенный на чужую почву, т. е. въ такую страну, общественныя отношенія которой не имѣютъ съ нимъ ничего общаго, онъ можетъ только прозябать въ головахъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ или группъ, но уже дѣлается неспособнымъ къ самостоятельному развитію. Такъ именно и было съ европейскими идеями, попавшими въ Россію. Если онѣ цѣпенѣли въ нашемъ мозгу, какъ безплодные призраки, то не потому, что въ нашей крови было что-нибудь враждебное «совершенствованію», а потому, что онѣ не встрѣчали у насъ благопріятныхъ для ихъ развитія общественныхъ условій. Сегодня у насъ распространялось и дѣлалось моднымъ такое-то ученіе, по той причинѣ, что гдѣ нибудь на западѣ, положимъ во Франціи, оно выдвинуто было на первый планъ развитіемъ общественной жизни. Завтра оно смѣнялось другимъ ученіемъ, пришедшимъ, положимъ изъ Германіи, гдѣ оно тоже отражало собой борьбу и движеніе общественныхъ силъ. Разсматривая эти смѣны съ исторической точки зрѣнія, можно, конечно, и для нихъ найти достаточную причину во внутренней *логикѣ постепенно европейзирующейся русской жизни*. Но о формальной логикѣ, о связи и послѣдовательности *идей*, тутъ говорить невозможно. Мы были поверхностными дилеттантами, одобрявшими, а потомъ покидавшими данное ученіе, не только не исчерпавъ его во всей его глубинѣ, но даже и не понявъ хорошенько, что оно собственно значитъ. Къ образованному русскому человѣку можно было примѣнить слова: что ему книга послѣдняя («послѣднее слово науки», идущее съ Запада) скажетъ, то на душѣ его сверху и ляжетъ. Какъ было не теряться намъ, какъ было не липаться всякой твердости и увѣренности?

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ у насъ сильно увлекались ученіемъ Гегеля. Люди, ставшіеся послѣдователями этого великаго мыслителя, сами были въ высшей степени замѣчательными, а нѣкоторые изъ нихъ (напр. В. Г. Бѣлинскій) по истинѣ *геніальными* людьми. Несмотря на это, Гегель все-таки былъ не понятъ у насъ: припомните, какъ ошибочно было истолковано у насъ его ученіе о разумности всего дѣйствительнаго. Теорія Гегеля оказала свое благотворное вліяніе лишь на развитіе нашей *литературной критики*. Въ смыслѣ литературныхъ идей мы въ теченіи нѣкотораго времени, въ лицѣ В. Г. Бѣлинскаго, *шли рядомъ съ Европой*. Но какъ только дѣло дошло до идей *общественныхъ*,

мы опять далеко отстали отъ Запада. Мы ударились въ *утопіи*, въ то время какъ на Западѣ теорія Гегеля логически развивалась,—*подъ вліяніемъ объективной логики общественныхъ отношеній*,—въ *научную* общественную теорію Маркса.

На Западѣ теоретическая мысль развивалась тоже не прямолинейно: иногда подъ вліяніемъ общественной реакціи, господствующими теоріями, особенно въ средѣ «образованныхъ», высшихъ классовъ, тамъ становились реакціонныя теоріи. Наши «передовые» люди наивно увлекались ими, видя въ нихъ нѣчто до послѣдней степени прогрессивное. За примѣрами ходить не далеко: мало ли увлекались у насъ Огюстомъ Контомъ? мало ли увлекаются у насъ такъ называемымъ неокантіанствомъ? А между тѣмъ, и контовскій «позитивизмъ» и неокантіанство являются лишь буржуазной реакціей противъ нѣкоторыхъ неудобныхъ для буржуазіи выводовъ, къ которымъ пришли теоретическіе представители рабочаго класса: во Франціи сенсимонисты, фурьеристы и другіе, въ *Германіи львые гегельянцы*.

Что ему книга послѣдняя скажетъ,
То на душѣ его сверху и ляжетъ...

Ужасно неудобное это положеніе! Какъ тутъ не заблуждаться въ мірѣ!

«Видите, друзья, что вы ничего не можете истинно дѣльнаго придумать, что вы въ общемъ ходѣ человѣческаго знанія безплодны. Причина вашей безплодности, вашей или лучше сказать нашей ничтожности въ наукѣ—отсутствіе народной стихіи». Такъ говоритъ славянофилъ Тульневъ въ Хомяковскомъ «*Разговорѣ въ подмосковной*» [1]). И замѣчательно, что насчетъ безплодности русскаго образованнаго ума Тульневъ (т. е, лучше сказать, Хомяковъ) повторяетъ лишь то, что было гораздо ранѣе и гораздо сильнѣе сказано западникомъ Чаадаевымъ. Разумѣется, во мнѣніи о причинѣ этой безплодности Хомяковъ сильно расходился съ Чаадаевымъ, а мы расходимся теперь и съ тѣмъ, и съ другимъ, потому что для насъ «*народная стихія*» есть не первичная причина, а послѣдствіе данныхъ общественныхъ отношеній. Съ измѣненіемъ этихъ отношеній измѣняется и «стихія». Точно такъ же, съ измѣненіемъ этихъ отношеній, измѣнятся и судьба западныхъ идей, усваиваемыхъ русскими образованными людьми: когда то чуждыя Россіи, идеи эти становятся *нашими собственными мѣстными идеями*, по мѣрѣ того какъ европеизируется нашъ общественный бытъ, т. е. прежде всего (и пока еще только) наша экономія.

Ни одинъ изъ западныхъ народовъ не жилъ въ условіяхъ, тождест-

---

[1]) Этотъ разговоръ былъ напечатанъ во 2-мъ томѣ Русской Бесѣды 1856 г. потомъ перепечатанъ въ полномъ собраніи соч. Хомякова.

венныхъ съ тѣми, въ которыхъ жили его сосѣди. Тѣмъ не менѣе, общій складъ жизни былъ у этихъ народовъ одинаковъ по своему общему характеру. Вотъ почему всѣ они имѣли, по справедливому замѣчанію Чаадаева, одну общую физіономію, какой то отблескъ односемейности. Теперь и наши черты начинаютъ приближаться къ этой общей физіономіи, а потому, скажемъ еще разъ, пессимизмъ Чаадаева лишается своего основанія. Теперь развитіе европейскихъ идей можетъ стать и у насъ стройнымъ и логичнымъ благодаря внутренней логикѣ нашей оевропеившейся жизни.

Но теперь у насъ возникаетъ другого рода пессимизмъ. Теперь у насъ оплакиваютъ нашу экономическую европеизацію на томъ основаніи, что она уменьшаетъ благосостояніе народа, что она, какъ говоритъ, напр., г. П. —онъ, разрушаетъ его производительныя силы. Не мѣшаетъ сказать кое-что по поводу этого новаго пессимизма.

Помните ли вы, читатель, какъ разсуждалъ Рикардо, въ своихъ «Principles of Political Economy», о вліяніи машинъ на заработную плату? Машины уменьшаютъ спросъ на рабочія руки, а слѣдовательно, и цѣну рабочей силы, говорилъ онъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, спѣшилъ онъ прибавить, что какая нибудь цивилизованная страна можетъ теперь отказаться отъ употребленія машинъ. Если бы нашлась такая удивительная страна, то она жестоко пострадала бы отъ конкурренціи со стороны своихъ сосѣдей, и ея рабочій классъ, за *отсутствіе* машинъ, поплатился бы несравненно дороже, чѣмъ за ихъ *употребленіе*. Тоже приходится сказать о капитализмѣ вообще. Какъ бы худо ни приходилось иной странѣ отъ развитія въ ней капитализма, но еще несравненно хуже пришлось бы ей, если бы она вздумала запереть передъ нимъ двери. Не мало возни современному солдату съ его усовершенствованнымъ оружіемъ; но отнимите у него, *для его облегченія*, это оружіе и пустите его противъ непріятеля съ голыми руками: вы увидите, *много ли его облегчили*. Какъ бы дорого ни обходился нашъ капитализмъ, но намъ еще безконечно хуже (и при томъ во всѣхъ отношеніяхъ) приходилось отъ нашего застоя, отъ нашего уединенія въ нашихъ пустыняхъ. И намъ приходится сожалѣть не о томъ, что что у насъ развивается капитализмъ, а о томъ, что онъ у насъ еще недостаточно развился.

Марксъ, которому мы обязаны окончательнымъ выясненіемъ противорѣчій капитализма, замѣчаетъ (въ своей брошюрѣ «Lohnarbeit und Kapital»): «а между тѣмъ, быстрый ростъ капитала является самымъ благопріятнымъ условіемъ для наемнаго труда». Марксъ никогда не подумалъ бы бороться съ капитализмомъ посредствомъ мѣръ, способныхъ лишь замедлить его развитіе. Онъ предоставлялъ это сторонникамъ того реакціон-

наго соціализма, которому онъ посвятилъ нѣсколько блестящихъ страницъ въ своемъ «Манифестѣ».

Но утописты и метафизики, разсуждающіе по формулѣ: «да-да, нѣтъ-нѣтъ, что сверхъ того, идетъ отъ лукаваго», никогда не могли понять этой точки зрѣнія Маркса. Развитіе капитализма въ Германіи оплакивали не только нѣмецкіе утописты сороковыхъ годовъ. Его оплакивали нѣкоторые нѣмецкіе прудонисты не далѣе какъ въ семидесятыхъ. «У троглодита есть своя пещера; у австралійца своя хижина, у краснокожаго индѣйца свой домашній очагъ—восклицалъ прудонистъ *Мюльбергеръ*,—современный же пролетарій фактически виситъ въ воздухѣ». Эти жалобы вызвали суровую отповѣдь со стороны Энгельса.

«Въ этой іереміадѣ,—писалъ Энгельсъ, мы видимъ прудонизмъ во всемъ его реакціонномъ образѣ. Ткачъ, имѣвшій кромѣ своего ручнаго станка свой собственный домишко, садикъ и клочекъ земли, былъ, при всѣхъ своихъ бѣдствіяхъ и при всемъ своемъ закрѣпощеніи, тихимъ и всегда покорнымъ рабомъ, смиренно снимавшемъ шапку передъ всякимъ, кто былъ богаче или сильнѣе его. Именно новѣйшая крупная промышленность, превратившая нѣкогда привязаннаго къ землѣ работника въ ничего не имѣющаго, но свободнаго отъ всѣхъ старыхъ, наслѣдственныхъ цѣпей пролетарія, именно этотъ экономическій переворотъ создалъ условія, при которыхъ возможно уничтоженіе эксплуатаціи въ ея послѣдней формѣ—въ формѣ товарнаго производства. А этотъ слезливый прудонистъ ноетъ, какъ будто по поводу огромнаго шага назадъ, по поводу этого изгнанія работника изъ его собственнаго дома, изгнанія бывшаго необходимымъ условіемъ его духовной эмансипаціи».

«Двадцать семь лѣтъ тому назадъ [1]) въ книгѣ «положеніе рабочаго класса въ Англіи», я описалъ, какъ совершился въ Англіи 18-го столѣтія именно этотъ процессъ изгнанія работника изъ его собственнаго дома. Я оцѣнилъ по ихъ достоинству гнусности, которыя совершены были при этомъ землевладѣльцами и фабрикантами, а также и тѣ ближайшія вредныя для рабочаго матеріальныя и моральныя послѣдствія, которыя имѣло это изгнаніе. Но могло ли мнѣ придти въ голову увидѣть въ этомъ, при тогдашнихъ историческихъ обстоятельствахъ, безусловно необходимомъ историческомъ процессѣ развитія шагъ назадъ, паденіе ниже уровня дикости («hinter die wilden»—такъ выразился Мюльбергеръ); ни въ какомъ случаѣ! Англійскій пролетарій 1872 года стоитъ несравненно выше—имѣвшаго свой собственный домъ и очагъ—ткача 1772 года. И способенъ ли троглодитъ съ своей собственной пещерой или австралійцъ съ собственной хижиной или красно-

[1]) Писано въ 1872 году.

кожій, имѣющій свой собственный очагъ, къ тому движенію, которое происходило и происходитъ въ средѣ современнаго рабочаго класса? Что съ развитіемъ капитализма матеріальное положеніе рабочихъ въ общемъ ухудшилось, въ этомъ сомнѣвается только буржуа. Но должны ли мы поэтому съ сожалѣніемъ вспомнить о (во всякомъ случаѣ очень тощемъ) мясѣ Египта, о мелкой сельской промышленности, воспитывавшей лишь холопскія души, или о дикости»? Напротивъ. Только пролетаріатъ, созданный современной крупной промышленностью, освобожденный отъ всѣхъ традиціонныхъ цѣпей,—между прочимъ, и отъ тѣхъ, которыя привязывали его къ землѣ, и собранный въ большихъ городахъ, способенъ совершить великое общественное преобразованіе, которое положитъ конецъ всякой эксплуатаціи одного класса другимъ и всякому классовому господству. Прежніе деревенскіе ткачи, имѣвшіе свои собственные домики и очаги, никогда не были въ состояніи не только исполнить такую задачу, но просто даже и понять ее. [1]).

Нашимъ народникамъ и субъективистамъ, поющимъ о развитіи у насъ капитализма, полезно будетъ вдуматься въ эти строки. Не мѣшаетъ поразмыслить о нихъ и г. Н.—ону: онѣ какъ будто спеціально для него написаны.

Собственно говоря, намъ здѣсь слѣдовало бы поставить точку: мы сказали все, что хотѣли сказать о пессимизмѣ Чаадаева. Но мы слишкомъ хорошо знаемъ пріемы мысли нѣкоторыхъ нашихъ «*противниковъ капитализма*», чтобы *не видѣть себя въ необходимости* удлинить свою статью нѣкоторыми, въ сущности совершенно излишними поясненіями и оговорками. Намъ нельзя не распространиться о томъ,—каковъ же смыслъ «сей басни».

Вы хотите насаждать капитализмъ, вы радуетесь его развитію, закричатъ г.г. народники и субъективисты; слѣдовательно, правъ былъ г. Кривенко, заподозрившій васъ въ нѣжности къ кулакамъ и кабатчикамъ. Отвѣчаемъ.

Во-первыхъ, неужели вы, господа, забыли «*не суйся*» вашего же единомышленника Г. И. Успенскаго? Во-вторыхъ, капитализмъ лучше нашаго стараго экономическаго порядка ровно настолько, насколько движеніе лучше застоя. Въ этомъ смыслѣ мы очень радуемся развитію у насъ капитализма. Но радоваться его развитію вовсе еще не значитъ стараться связать руки тѣмъ, которыхъ капиталъ эксплуатируетъ. Напротивъ, мы радуемся его развитію именно потому, что у его жертвъ въ значительной степени развязываются руки, и мы поможемъ жертвамъ совсѣмъ развязать ихъ. Вы не понимаете, какъ можно это сдѣлать? Это ваше несчастье, въ

---

[1]) Zur Wohnungsfrage, Leipzig 1872, erstes Heft ss. 9—10.

которомъ мы совершенно неповинны. А нужно сознаться, что это огромное несчастье, благодаря которому вы рѣшительно не въ состояніи найти себѣ сколько нибудь плодотворное дѣло, и способны лишь, по выраженію Г. И. Успенскаго, *плакать надъ цифрами. Экономическое развитіе опередило развитіе вашей мысли, и вы остались назади, въ качествѣ ненужности теперь уже—увы!—совсѣмъ не умной.* Вотъ почему русская жизнь и кричитъ вамъ: «*не суйся!*», кричитъ теперь, когда всякій дѣйствительно передовой человѣкъ можетъ работать не покладаючи рукъ. Вы люди лишніе по собственной винѣ!

Покорись—о ничтожное племя!
Неизбѣжной и горькой судьбѣ!
Захватило васъ трудное время
Неготовыми къ трудной борьбѣ.
Вы еще не въ могилѣ, вы живы,
Но для дѣла вы мертвы давно,
Суждены вамъ благіе порывы,
Но свершить ничего не дано!

— Да мы вовсе не сторонники застоя; мы вовсе не враги заимствованій съ запада, продолжаютъ гг. субъективисты. Но мы хотимъ заимствовать оттуда только хорошее, между тѣмъ, какъ вы кидаетесь *безразлично и на хорошее и на дурное!* Мы также не противъ крупной промышленности, мы хотимъ только, чтобы крупныя промышленныя предпріятія принадлежали *артелямъ.*

Такъ говорятъ обыкновенно наши «противники капитализма», воображая, что говорятъ нѣчто необычайно умное. Но именно то, что они говорятъ такъ, показываетъ до какой степени низко упала наша «бѣдная русская мысль» сравнительно съ тѣмъ, что она представляла собой, напримѣръ, въ сороковыхъ годахъ. Уже славянофилы и западники (по крайней мѣрѣ Бѣлинскій) прекрасно понимали, что всякій данный общественный строй представляетъ собою органическое цѣлое, изъ котораго нельзя вырывать по произволу отдѣльныя черты и прививать ихъ къ другому общественному тѣлу. Теперь мы не понимаемъ этого, и мало того, что не понимаемъ:—мы гордимся тѣмъ, что не понимаемъ, воображая, что именно такимъ путемъ мы избавляемся и отъ славянофильскихъ, и отъ западническихъ «крайностей» и разрѣшаемъ старый споръ двухъ враждебныхъ лагерей. Въ дѣйствительности такое «разрѣшеніе» есть лишь свидѣтельство о нашей теоретической бѣдности.

«Если бы губы Никанора Ивановича да приставить къ носу Ивана Кузьмича, да взять сколько нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазаровича, да пожалуй прибавить къ этому еще дородности Ивана Павло-

вича»... Такъ мечтаетъ въ «*Женитьбѣ*» Гоголя Агафья Тихоновна. По образу и подобію ея *формулы* жениха придумана только что упомянутая *формула экономическаго прогресса.* Достолюбезная купеческая дщерь осталась, какъ извѣстно, «не при своемъ интересѣ»: выбранный сю женихъ выпрыгнулъ отъ нея въ окошко. Такъ же подшутитъ и «прогрессъ» надъ нашими «противниками капитализма». И останутся, какъ говорится *ни въ тѣхъ, ни въ сѣхъ* эти печальныя «*жертвы старой русской исторіи*». А артели, конечно, придутъ въ свое время (т. е. вѣрнѣе сказать— придетъ планомѣрная организація общественнаго производства). Только не нынѣшнимъ нашимъ «противникамъ капитализма» и будутъ онѣ обязаны своимъ появленіемъ, а именно тѣмъ людямъ послѣдователямъ тѣхъ людей, на которыхъ нынѣ «рекуть всякъ золъ глаголъ» эти печальные противники

Д. Кузнецовъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ НАШИМЪ ПРОТИВНИКАМЪ.

(МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ЦИВИЛИЗАЦІИ ВЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ).

——

Въ послѣдне время въ нашей литературѣ снова поднятъ вопросъ о томъ, по какому пути пойдетъ экономическое развитіе Россіи. Объ этомъ вопросѣ говорятъ много и горячо, такъ горячо, что люди, извѣстные въ общежитіи подъ именемъ разсудительныхъ, даже смущаются излишнею будто бы горячностью спорящихъ сторонъ: зачѣмъ волноваться, зачѣмъ бросать противникамъ гордые вызовы и горькіе упреки, зачѣмъ насмѣхаться надъ ними,—говорятъ разсудительные люди,—не лучше ли хладнокровно разсмотрѣть вопросъ, который, дѣйствительно, имѣетъ громадную важность для нашей страны, но именно вслѣдствіе своей громадной важности требуетъ хладнокровнаго обсужденія?

Какъ это всегда было и бываетъ, разсудительные люди правы и неправы въ одно и то же время. Зачѣмъ волнуются и горячатся писатели, принадлежащіе къ двумъ лагерямъ, изъ которыхъ каждый, чтобы тамъ ни говорили его противники, стремится отстолть, по мѣрѣ пониманія, силъ и возможности, самые важные, самые насущные интересы народа? Повидимому, достаточно поставить этотъ вопросъ, чтобы немедленно разрѣшить его разъ навсегда съ помощью двухъ-трехъ сентенцій, годныхъ въ любую пропись: терпимость прекрасная вещь; уважать чужія мнѣнія надо даже тогда, когда они радикально расходятся съ нашими, и т. п... Все это очень справедливо, и давно уже все это «твердили міру». Но не менѣе справедливо и то, что человѣчество горячилось, горячится и будетъ горячиться всякій разъ, когда заходила, заходитъ или зайдетъ рѣчь объ его насущныхъ интересахъ. Такова уже природа человѣка, сказали-бы мы, если бы не знали, какъ часто и какъ сильно злоупотребляли этимъ выраженіемъ. Но это еще не все. Главное въ томъ, что человѣчеству и нѣтъ основаній сожалѣть о таковой своей «природѣ». Ни одинъ великій шагъ въ исторіи не былъ сдѣланъ безъ помощи страсти, которая, удесятеряя

нравственныя силы и изощряя умственныя способности дѣятелей, сама является великой прогрессивной силой. Хладнокровно обсуждаются только такіе общественные вопросы, которые совсѣмъ не важны сами по себѣ или еще не стали *очередными* вопросами данной страны и данной эпохи, а потому и интересуютъ собою только горсть кабинетныхъ мыслителей. А разъ вышелъ на очередь тотъ или другой великій общественный вопросъ, онъ непремѣнно возбудитъ великія страсти, сколько бы ни кричали о хладнокровіи сторонники умѣренности.

Вопросъ объ экономическомъ развитіи нашей страны есть именно тотъ великій общественный вопросъ, который не можетъ теперь обсуждаться у насъ съ умѣренностью по той простой причинѣ, что онъ сталъ *очереднымъ вопросомъ*. Это не значитъ, конечно, что только теперь экономія пріобрѣла рѣшающее значеніе въ нашемъ общественномъ развитіи. Ей всегда и вездѣ принадлежало такое значеніе. Но у насъ, — какъ и вездѣ, — это значеніе не всегда сознавалось людьми, интересовавшимися общественными дѣлами, а потому люди эти сосредоточивали силу своей страсти на вопросахъ, касающихся экономіи лишь самымъ отдаленнымъ образомъ. Вспомните хоть наши сороковые года. Теперь не то. Теперь коренное, великое значеніе экономіи сознается у насъ даже тѣми, которые горячо возстаютъ противъ «*узкой*» исторической теоріи Маркса. Теперь всѣ мыслящіе люди сознаютъ, что все наше будущее сложится сообразно тому, какъ рѣшится вопросъ нашего экономическаго развитія. Оттого и сосредоточиваютъ на этомъ вопросѣ всю силу своей страсти даже совсѣмъ не «узкіе» мыслители.

Но если нельзя намъ теперь обсуждать этотъ вопросъ съ *умѣренностью*, то и теперь можно и должно заботиться намъ объ *аккуратности*, а лучше сказать объ отсутствіи *распущенности*, какъ въ опредѣленіи нашихъ собственныхъ мыслей, такъ и въ нашихъ полемическихъ пріемахъ. Противъ этого требованія рѣшительно ничего возразить невозможно. Западные люди прекрасно знаютъ, что серьезная страсть исключаетъ всякую распущенность. Правда, у насъ до сихъ поръ полагаютъ иногда, что страсть и распущенность родныя сестры, но пора же и намъ цивилизоваться.

По части литературныхъ приличій мы цивилизовались, повидимому ужь очень значительно, такъ значительно, что нашъ «передовой» человѣкъ г. Михайловскій, читаетъ нотаціи нѣмцамъ (Марксу, Энгельсу, Дюрингу), у которыхъ въ полемикѣ можно найти вещи «или совершенно безплодныя или даже извращающія предметъ и отталкивающія своей грубостью». Г. Михайловскій припоминаетъ замѣчаніе Бернс, что нѣмцы всегда «были грубы въ полемикѣ». «И я боюсь, прибавляетъ онъ, что вмѣстѣ съ другими нѣмецкими вліяніями, къ намъ проникнетъ эта традиціонная нѣмецкая грубость, осложнившись еще собственной дикостью, и полемика пре-

вратится въ реплику, влагаемую гр. Толстымъ въ уста царевнѣ по адресу Потока-богатыря:

Шаромыжникъ, болванъ, неученый холопъ!
Чтобъ тебя въ турій рогъ искривило!
Поросенокъ, теленокъ, свинья, эѳіопъ,
Чортовъ свинъ, неумытое рыло!
Кабы только не этотъ мой дѣвичій стыдъ,
Что иного словечва сказать не велитъ,
Я тебя, прощалыгу, нахала
И не такъ бы еще обругала! [1]).

Г. Михайловскій не въ первый разъ вспомнилъ здѣсь о неприличной толстовской царевнѣ. Онъ не разъ уже совѣтовалъ русскимъ писателямъ не уподобляться ей въ своей полемикѣ. Совѣтъ, нечего и говорить, прекрасный. Жаль только, что нашъ авторъ самъ не всегда слѣдовалъ ему. Такъ, одного изъ своихъ противниковъ онъ назвалъ, какъ извѣстно, *клопомъ*, другого—*литературнымъ акробатомъ*. Свою полемику съ г. Е. дела-Серда онъ украсилъ такимъ замѣчаніемъ: «Слово la cerda изъ всѣхъ европейскихъ языковъ имѣетъ опредѣленное значеніе только въ испанскомъ и значитъ по-русски свинья. Зачѣмъ оно понадобилось автору—понять довольно трудно.

— «Исправда ли хорошо?» спрашивалъ по этому поводу г. дела-Серда. Дѣйствительно, очень хорошо, и совершенно во вкусѣ толстовской царевны. Только царевна была прямодушнѣе, и когда ей хотѣлось выругаться, она такъ и кричала: поросенокъ, теленокъ, свинья и т. д., не прибѣгая къ насилію иностранныхъ языковъ съ цѣлью сказать противнику грубое слово.

При сравненіи г. Михайловскаго съ толстовской царевной оказывается, что онъ, пренебрегая «эѳіопами», «чертовыми дѣтьми» и т. п., налегаетъ, если можно такъ выразиться, на толстокожіе эпитеты. У него вы встрѣтите и «свиней» и «поросятъ» и притомъ поросятъ самыхъ различныхъ: гамлетизированныхъ, зеленыхъ и т. д. Это нѣсколько монотонно, но очень сильно. Вообще, если отъ ругательнаго лексикона толстовской царевны мы обратимся съ такому же лексикону нашего субъективнаго соціолога, то передъ нами, конечно, *иной картины красы живыя расцвѣтутъ*, но эти красы по своей силѣ и выразительности ни мало не уступятъ полемическимъ красотамъ бойкой царевны.

«Est modus in rebus, или, по русски сказать, надо же и честь знать», говоритъ г. Михайловскій. Это какъ нельзя болѣе справедливо, и мы отъ души жалѣемъ, что нашъ маститый соціологъ часто забываетъ объ этомъ. Онъ можетъ трагически воскликнуть о себѣ:

---

[1]) „Русское Богатство“ 1-я книжка 1895, ст. „Литература и Жизнь“.

Video meliora, proboque,
Deteriora sequor!

Надо надѣяться, однако, что современемъ цивилизуется и г. Михайловскій, что хорошія намѣренія возьмутъ у него, наконецъ, верхъ надъ «собственною нашею дикостью», и онъ перестанетъ кидать въ своихъ противниковъ «свиньями» и «поросятами». Самъ г. Михайловскій справедливо думаетъ что la raison finit toujous par avoir raison.

Читающая публика неодобряетъ теперь у насъ рѣзкой полемики. Но въ своемъ неодобреніи она смѣшиваетъ рѣзкость съ грубостью, между тѣмъ какъ это далеко не одно и тоже. Уже Пушкинъ выяснилъ огромную разницу между рѣзкостью и грубостью.

Иная брань, конечно, неприличность.
Нельзя писать: *какой-то де старикъ,*
Козелъ въ очкахъ, плюгавый клеветникъ,
И золъ, и подлъ—все это будетъ личность;
Но можете печатать, напримѣръ,
Что, «господинъ парнасскій старовѣръ
(Въ своихъ статьяхъ) безсмысленцы ораторъ,
Отмѣнно вялъ, отмѣнно скучноватъ,
Тяжеловатъ и даже глуповатъ».
Тутъ не лицо, а просто литераторъ.

Если вы вздумаете, подобно толстовской царевнѣ или г. Михайловскому, обозвать своего противника «свиньей» или «клопомъ», то это «*будетъ личность*»; а если вы станете доказывать, что такой-то соціологическій или исторіософическій или экономическій старовѣръ, въ своихъ статьяхъ, «трудахъ» или «очеркахъ» отмѣнно вялъ, отмѣнно скучноватъ, тяжеловатъ и даже .... не уменъ, то «тутъ не лицо, а просто литераторъ»; тутъ будетъ рѣзкость, а не грубость. Вы можете, конечно, ошибиться въ своемъ приговорѣ, и ваши противники хорошо сдѣлаютъ, если обнаружатъ вашу ошибку. Но обвинять васъ они будутъ имѣть право только въ ошибкѣ, а вовсе не въ рѣзкости, потому что безъ такихъ рѣзкостей не можетъ обойтись развитіе литературы. Если бы литература вздумала обходиться безъ нихъ, то она немедленно превратилась бы, по выраженію Бѣлинскаго, въ *льстивую повторяльщицу избитыхъ общихъ мѣстъ*, чего ей могутъ пожелать только ея недруги.

Разсужденіе г. Михайловскаго о традиціонной нѣмецкой грубости и о нашей собственной дикости вызвано было «интересной книгой» г. Н. Бельтова: «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію». Г. Бельтова многіе обвиняли въ излишней рѣзкости. Такъ, напримѣръ, по поводу его книги рецензентъ «Русской Мысли» говорилъ: «Не раздѣляя

односторонней, по нашему мнѣнію, теоріи экономическаго матеріализма, мы готовы были бы въ интересахъ и науки, и нашей общественной жизни привѣтствовать представителей этой теоріи, еслибы нѣкоторые изъ нихъ (гг. Струве и Бельтовъ) не вносили въ свою полемику черезъ чуръ большихъ рѣзкостей, если бы они не издѣвались надъ писателями, труды которыхъ заслуживаютъ уваженія».

Это написано въ той самой «Русской Мысли», которая еще недавно называла сторонниковъ экономическаго матеріализма «фаршированными головами» и которая объявила книгу г. П. Струве продуктомъ непереваренной эрудиціи и полной неспособности къ логическому мышленію. «Русская Мысль» не любитъ черезъ чуръ большихъ рѣзкостей и потому, какъ видитъ читатель, она отзывалась о сторонникахъ экономическаго матеріализма съ большой мягкостью. Теперь она уже готова, въ интересахъ науки и нашей общественной жизни, привѣтствовать представителей этой теоріи. Зачѣмъ же привѣтствовать ихъ? Много ли сдѣлаютъ для общественной жизни фаршированныя головы? Много ли выиграетъ наука отъ непереваренной эрудиціи и полной неспособности къ логическому мышленію? Намъ думается, что боязнь черезъ чуръ большихъ рѣзкостей заводитъ «Русскую Мысль» слишкомъ далеко и заставляетъ ее говорить вещи, благодаря которымъ читатели могутъ заподозрить ее самое въ неумѣніи переварить кое что и въ нѣкоторой неспособности къ логическому мышленію.

У г. П. Струве совсѣмъ нѣтъ никакихъ рѣзкостей, (мы уже не говоримъ о черезъ-чуръ большихъ), а у г. Бельтова, если и есть рѣзкости, то лишь такія, о которыхъ навѣрное Пушкинъ сказалъ бы, что онѣ затрагиваютъ только литераторовъ, и что поэтому къ нимъ прибѣгать вполнѣ позволительно. Рецензентъ «Русской Мысли» полагаетъ, что труды тѣхъ писателей, надъ которыми смѣется г. Бельтовъ, заслуживаютъ уваженія. Если бы г. Бельтовъ раздѣлялъ такое мнѣніе, то, съ его стороны, конечно, нехорошо было бы смѣяться надъ ними. Ну, а что если онъ убѣжденъ въ противномъ? Что если «труды» этихъ господъ кажутся ему и скучноватыми, и тяжеловатыми, и совершенно безсодержательными, и даже очень вредными въ настоящее время, когда усложнившаяся общественная жизнь требуетъ новыхъ усилій мысли отъ всѣхъ тѣхъ, кто не смотритъ на міръ, по выраженію Гоголя, «ковыряя въ носу». Рецензенту «Русской Мысли» эти писатели кажутся, можетъ быть, настоящими свѣточами, спасительными маяками. Ну, а что, если г. Бельтовъ считаетъ ихъ гасильниками и усыпителями? Рецензентъ скажетъ, что г. Бельтовъ ошибается. Это его право, но это свое мнѣніе рецензентъ долженъ доказать, а не довольствоваться простымъ осужденіемъ «черезъ-чуръ большой рѣзкости».

Какого мнѣнія рецензентъ о Гречѣ и Булгаринѣ? Мы увѣрены, что еслибъ онъ высказалъ его, то извѣстная часть нашей печати нашла бы его черезъчуръ рѣзкимъ. Значило ли бы это, что г. рецензентъ «Русской Мысли» не имѣетъ права откровенно высказать свой взглядъ на литературную дѣятельность Греча и Булгарина? Мы не ставимъ, конечно, на одну доску съ Гречемъ и Булгаринымъ людей, съ которыми спорятъ гг. П. Струве и Н. Бельтовъ. Но мы спрашиваемъ рецензента «Русской Мысли», почему литературныя приличія позволяютъ высказать рѣзкое мнѣніе о Гречѣ и Булгаринѣ, но запрещаютъ поступить такъ по отношенію къ гг. Михайловскому и Карѣеву? Г. рецензентъ думаетъ, какъ видно, что сильнѣе кошки звѣря нѣтъ и что, поэтому, кошка заслуживаетъ, не въ примѣръ прочимъ звѣрямъ, особенно почтительнаго обращенія. Но вѣдь въ этомъ позволительно усомниться. Мы вотъ, напримѣръ, думаемъ, что субъективная кошка—звѣрь не только не очень сильный, но даже весьма значительно выродившійся, а потому никакого особаго почтенія и не заслуживающій. Мы готовы спорить съ рецензентомъ, если онъ не согласенъ съ нами, но прежде, чѣмъ вступить съ нимъ въ споръ, мы попросимъ его хорошенько выяснить себѣ ту разницу, которая несомнѣнно существуетъ между *рѣзкостью сужденія* и *грубостью выраженія*. Гг. Струве и Бельтовъ высказали сужденія, которыя очень многимъ могли показаться рѣзкими. Но позволилъ ли себѣ хоть одинъ изъ нихъ прибѣгнуть, для защиты своихъ мнѣній, къ той грубой брани, къ какой прибѣгалъ не разъ въ своихъ литературныхъ стычкахъ г. Михайловскій, этотъ настоящій Miles gloriosus нашей «передовой» литературы? Ни одинъ изъ нихъ себѣ этого не позволилъ, и рецензентъ «Русской Мысли» самъ отдастъ имъ эту справедливость, если вдумается въ указанную нами разницу между рѣзкостью сужденія и грубостью выраженія.

Кстати, о рецензентѣ «Русской Мысли». Онъ говоритъ: «Г. Бельтовъ, по меньшей мѣрѣ, безъ церемоніи расточаетъ обвиненія въ томъ, что такой-то писатель говоритъ о Марксѣ не прочитавши его сочиненій, осуждаетъ гегелевскую философію, не познакомившись съ нею самостоятельно, и т. п. Не мѣшаетъ, конечно, при этомъ не дѣлать самому промаховъ, въ особенности по самымъ существеннымъ вопросамъ. А г. Бельтовъ именно о Гегелѣ говоритъ совершенный вздоръ: «Если современное естествознаніе, читаемъ мы на стр. 86 названной книги,—на каждомъ шагу подтверждаетъ геніальную мысль Гегеля о переходѣ количества въ качество, то можно ли сказать, что оно не имѣетъ ничего общаго съ гегеліанствомъ». Но бѣда въ томъ, г. Бельтовъ, что Гегель этого не утверждалъ, а доказывалъ противоположное: у него качество переходитъ въ количество».—Если бы намъ пришлось характеризовать это представленіе г. рецензента о философіи Гегеля, то

наше сужденіе, навѣрное, показалось бы ему «черезчуръ рѣзкимъ». Но вина была бы не наша. Мы можемъ увѣрить г. рецензента, что объ его философскихъ свѣдѣніяхъ произнесли очень рѣзкія сужденія всѣ тѣ, которые прочитали его рецензію и которые хоть немного знакомы съ исторіей философіи.

Нельзя, конечно, требовать отъ всякаго журналиста серьезнаго философскаго образованія, но можно требовать отъ него, чтобъ онъ не позволялъ себѣ судить о вещахъ ему неизвѣстныхъ. Въ противномъ случаѣ, о немъ всегда будутъ отзываться очень «рѣзко», люди, знающіе дѣло.

Въ первой части *Энциклопедіи* Гегеля, въ прибавленіи къ параграфу *108* сказано: «Въ мѣрѣ, качество и количество еще различаются и не совершенно тождественны. Вслѣдствіе того, оба эти опредѣленія до нѣкоторой степени независимы одно отъ другого, такъ что, съ одной стороны, количество можетъ измѣняться, безъ измѣненія качества предмета, но, съ другой стороны, его увеличеніе и уменьшеніе, къ которому предметъ первоначально равнодушенъ, имѣетъ границу, и при переступленіи этой границы качество измѣняется. Такъ, напримѣръ, различная температура воды сначала не оказываетъ вліянія на ея капельно-жидкое состояніе, но при дальнѣйшемъ увеличеніи или уменьшеніи ея температуры, наступаетъ точка, когда это состояніе сцѣпленія измѣняется качественно и вода превращается въ паръ или въ ледъ. Сначала кажется, будто измѣненіе количества не оказываетъ никакого вліянія на существенную природу предмета, но за нимъ скрывается что-то другое и это повидимому безхитростное измѣненіе количества, неизмѣнно для самаго предмета измѣняетъ его качество» [1]).

«Бѣда въ томъ, г. Бельтовъ, что Гегель этого не утверждалъ, а доказывалъ противоположное»!.. Вы и теперь думаете, что бѣда именно въ этомъ г. рецензентъ? [2]) Или, можетъ быть, вы теперь измѣнили свое мнѣніе по этому предмету? А если измѣнили, то въ чемъ же бѣда въ настоящее время? Мы сказали бы вамъ въ чемъ, да боимся, что вы обвините насъ въ излишней рѣзкости.

Повторяемъ, отъ каждаго журналиста нельзя требовать знанія исторіи философіи. Поэтому, бѣда, въ которую попалъ г. рецензентъ «Русской Мысли, не столь уже велика, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. «*Но бѣда въ томъ*», что эта *бѣда* г. рецензента не послѣдняя.

---

[1]) Цитируемъ по русскому переводу г. В. Чижова, (стр. 191—192).

[2]) Въ третьей книжкѣ «Русской Мысли» г. рецензентъ, продолжаетъ отстаивать свое мнѣніе, при чемъ совѣтуетъ не согласно мыслящимъ взглянуть «хоть» въ русскій переводъ *Исторіи новой философіи* Ибервега-Гейнца. Почему бы г. рецензенту не заглянуть «хоть» въ самого Гегеля?

Вторая бѣда его горше первой: онъ не далъ себѣ труда прочитать ту книгу, о которой писалъ свой отзывъ. На стр. 75—76 своей книги г. Бельтовъ дѣлаетъ довольно длинную выписку изъ большой Логики Гегеля (Wissenschaft der Logik). Вотъ начало этой выписки: «Измѣненія бытія состоятъ не только въ томъ что одно количество переходитъ въ другое количество, но также и въ томъ, что качество переходитъ въ количество и на оборотъ», и т. д. (стр. 75).

Если бы г. рецензентъ прочиталъ хоть эту выписку,—онъ не попалъ бы въ бѣду, ибо тогда онъ не «утверждалъ» бы, что «Гегель этого не утверждалъ, а доказывалъ противоположное».

Мы знаемъ, какъ пишется въ русской, да, къ сожалѣнію, и не только въ русской,—литературѣ большинство рецензій. Рецензентъ перелистываетъ книгу, быстро пробѣгая въ ней, положимъ, каждую десятую, двадцатую страницу, и отмѣчая мѣста, какъ ему кажется, наиболѣе характерныя. Затѣмъ онъ выписываетъ эти мѣста, сопровождая ихъ выраженіемъ своего порицанія или одобренія: онъ недоумѣваетъ», очень сожалѣетъ» или «отъ души привѣтствуетъ»,—и дѣло кончено, рецензія готова. Можно представить себѣ, сколько вздору печатается такимъ образомъ, особенно если (какъ это не рѣдко случается) рецензентъ не имѣетъ никакого понятія о томъ предметѣ, о которомъ говорится въ разбираемой имъ книгѣ!

Намъ и въ голову не приходитъ совѣтовать гг. рецензентамъ *совсѣмъ* отдѣлаться отъ этой дурной привычки: горбатаго исправитъ могила. Но, всетаки, имъ слѣдовало-бъ хоть не много серьезнѣе относиться къ своему дѣлу тамъ, гдѣ,—какъ, напр., въ спорѣ объ экономическомъ развитіи Россіи,—рѣчь идетъ о важнѣйшихъ интересахъ нашей родины. Неужели они и тутъ будутъ продолжать съ легкимъ сердцемъ сбивать съ толку читающую публику своими легкомысленными отзывами? Надо же и честь знать, какъ справедливо замѣчаетъ г. Михайловскій.

Г. Михайловскому тоже не нравятся полемическіе пріемы г. Бельтова: «Г. Бельтовъ человѣкъ талантливый, говоритъ онъ, и не лишенный остроумія, но оно къ сожалѣнію, часто переходитъ у него въ непріятное шутовство». Почему же въ шутовство? И кому собственно непріятно это мнимое шутовство г. Бельтова? Когда въ шестидесятыхъ годахъ «Современникъ» осмѣивалъ, положимъ, Погодина, то Погодину, навѣрное, казалось, что этотъ журналъ вдавался въ непріятное шутовство. Да и не одному Погодину казалось это, а всѣмъ, кто привыкъ почитать московскаго историка. Мало ли нападали у насъ тогда на «рыцарей свистопляски»? Мало ли возмущались «мальчишескими выходками свистуновъ»? А вотъ, по нашему мнѣнію, блестящее остроуміе «свисту-

новъ никогда въ непріятное шутовство не переходило; если люди, осмѣянные ими, думали иначе, то лишь по той человѣческой слабости, въ силу которой Аммосъ Ѳедоровичъ Ляпкинъ-Тяпкинъ находилъ, что «*слишкомъ длинно*» было то письмо, гдѣ его называли въ «сильнѣйшей степени моветономъ».

— Ахъ, такъ вотъ оно что! Такъ вы хотите сказать, что г. Бельтовъ обладаетъ остроуміемъ Добролюбова и его сотрудниковъ по «Свистку»! Это мило!—восклицаютъ люди, которымъ «несимпатичны» полемическіе пріемы г. Бельтова.

Погодите, господа. Мы не сравниваемъ г. Бельтова со «свистунами» шестидесятыхъ годовъ; мы говоримъ только, что не г. Михайловскому судить о томъ, переходитъ ли и гдѣ именно переходитъ въ непріятное шутовство остроуміе г. Бельтова. Кто же можетъ быть судьею въ своемъ собственномъ дѣлѣ?

Но г. Михайловскій упрекаетъ г. Бельтова не только въ «непріятномъ шутовствѣ». Онъ возводитъ на него очень серьезное обвиненіе. Чтобы читатель могъ легче разобрать въ чемъ дѣло, мы представимъ г. Михайловскому изложить это обвиненіе своими собственными словами.

«Въ одной изъ своихъ статей въ «Русской Мысли», я вспоминалъ о своемъ знакомствѣ съ покойнымъ Н. И. Зиберомъ и сообщилъ, между прочимъ, что этотъ почтенный ученый въ разговорахъ о судьбахъ капитализма въ Россіи «употреблялъ всевозможные аргументы, но при малѣйшей опасности укрывался подъ сѣнь непреложнаго и непререкаемаго трехчленнаго діалектическаго развитія». Приведя эти мои слова, г. Бельтовъ пишетъ: «Намъ приходилось не разъ бесѣдовать съ покойнымъ и не разу не слышали мы отъ него ссылокъ на діалектическое развитіе». Онъ не разъ самъ говорилъ, что ему совершенно неизвѣстно значеніе Гегеля въ развитіи новѣйшей экономіи. Конечно, на мертвыхъ все валить можно, и показаніе г. Михайловскаго не опровержимо.!»... Я скажу иначе: на мертвыхъ не всегда все валить можно и показаніе г. Бельтова вполнѣ опровержимо...

«Въ 1879 г. въ журналѣ «Слово» была напечатана статья Зибера, озаглавленная «Діалектика въ ея примѣненіи къ наукѣ». Статья эта (не оконченная) представляетъ собой пересказъ, даже почти сплошной переводъ книги Энгельса «Herrn Dührings Umwälzung der Wissenschaft». Ну, а переведя эту книгу, остаться въ «совершенной неизвѣстности о значеніи Гегеля въ развитіи новѣйшей экономіи»,—довольно таки мудрено не только для Зибера, а даже и для Потока-богатыря въ вышеприведенной полемической характеристикѣ царевны. Это, я думаю, для самого г. Бельтова попятно. Но на всякій случай приведу все таки нѣсколько строкъ изъ ма-

лепькаго предисловія Зибера: «Книга Энгельса заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ въ виду послѣдовательности и цѣльности приводимыхъ въ ней философскихъ и общественно-экономическихъ понятій, такъ и потому, что для объясненія практическаго приложенія метода діалектическихъ противорѣчій она дастъ рядъ новыхъ иллюстрацій и фактическихъ примѣровъ, которые не мало способствуютъ ближайшему ознакомленію съ этимъ столь сильно прославляемымъ и въ тоже время столь сильно унижаемымъ способомъ изслѣдованія истины. Можно сказать, повидимому, что въ первый еще разъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ такъ называемая діалектика, она является глазамъ читателя въ такомъ реальномъ освѣщеніи».

«Итакъ: Зиберу было извѣстно значеніе Гегеля въ развитіи новѣйшей экономіи; Зиберъ былъ очень заинтересованъ «методомъ діалектическихъ противорѣчій». Такова истина, документально засвидѣтельствованная и вполнѣ разрѣшающая пикантный вопросъ о томъ кто лжетъ за двухъ» [1]).

Истина, особенно истина документально засвидѣтельствованная, прекрасное дѣло! Въ интересамъ той же истины мы нѣсколько продолжимъ выписку, сдѣланную г. Михайловскимъ изъ статьи Н. Зибера: «Діалектика въ ея примѣненіи къ наукѣ».

Какъ разъ за тѣми словами, которыми заканчивается эта выноска у г. Михайловскаго, у Зибера слѣдуетъ такое замѣчаніе: «Впрочемъ, мы, съ своей стороны, воздержимся отъ сужденія о точности этого метода въ примѣненіи къ различнымъ областямъ знанія, а также и о томъ, представляетъ ли онъ собою или не представляетъ,—на сколько ему можетъ быть придаваемо дѣйствительное значеніе, — простое видоизмѣненіе или даже прототипъ метода теоріи эволюціи или всеобщаго развитія. Именно въ этомъ послѣднемъ смыслѣ разсматриваетъ его авторъ или, по меньшей мѣрѣ, старается указать на подтвержденіе его при помощи тѣхъ истинъ, которыя достигнуты эволюціонною теоріею, и нельзя не сознаться, что въ нѣкоторомъ отношеніи, здѣсь открывается значительное сходство».

Какъ видимъ, покойный русскій экономистъ, даже и переведя книгу Энгельса «Herrn Dühring's Umwälzung der Wissenschaft», все-таки остался въ неизвѣстности на счетъ Гегеля въ развитіи новѣйшей экономіи и даже вообще на счетъ годности діалектики въ примѣненіи къ различнымъ областямъ знанія. По крайней мѣрѣ, онъ не хотѣлъ судить о ней. Вотъ мы и спрашиваемъ: вѣроятно ли, чтобъ тотъ самый Зиберъ, который вообще совсѣмъ не рѣшался судить о годности діалектики, въ спорахъ съ г. Михайловскимъ «при малѣйшей опасности укрывался подъ сѣнь непреложнаго и неперекаемаго діалектическаго развитія»? Почему же это именно

---

[1]) „Р. Бог.". 1895 г. Январь. Отд. II, стр. 140 и 141.

только въ этихъ случаяхъ Зиберъ измѣнялъ свой, обыкновенно нерѣшительный взглядъ на діалектику? Ужъ не потому ли, что слишкомъ велика была для него «опасность» быть разбитымъ его страшнымъ противникомъ? Врядъ-ли поэтому! Кому-кому другому, а Зиберу, обладавшему очень серьезными знаніями, такой противникъ едва ли былъ «опасенъ».

Въ самомъ дѣлѣ, прекрасная эта вещь истина, документально засвидѣтельствованная! Г. Михайловскій совершенно правъ говоря, что она вполнѣ разрѣшетъ пикантный вопросъ, кто лжетъ за двухъ!

Но, если воплотившійся въ лицѣ кое-кого русскій духъ несомнѣнно прибѣгаетъ къ искаженію истины, то онъ не довольствуется однократнымъ искаженіемъ ея за двухъ; онъ за одного покойника Зибера искажаетъ ее *дважды*: одинъ разъ, когда увѣряетъ, что Зиберъ прятался подъ сѣнь тріады, а другой,—когда съ удивительной развязностью ссылается на то самое вступленіе, которое какъ нельзя болѣе ясно показываетъ, что правъ г. Бельтовъ.

Эхъ, г. Михайловскій, г. Михайловскій!

Мудрено остаться въ неизвѣстности на счетъ значенія Гегеля въ развитіи экономіи, переведя книгу Энгельса «Duhring's Umwälzung» восклицаетъ г. Михайловскій. Будто бы такъ мудрено? По нашему, вовсе нѣтъ. Переведя названную книгу, Зиберу дѣйствительно мудрено было бы остаться въ неизвѣстности на счетъ *мнѣнія Энгельса* (и, разумѣется, Маркса) *о значеніи Гегеля въ развитіи названной науки*. Это мнѣніе Зиберу было извѣстно, какъ это разумѣется само собой и какъ это слѣдуетъ изъ его предисловія. Но Зиберъ могъ не довольствоваться чужимъ мнѣніемъ. Какъ серьезный ученый, не полагающійся на чужія мнѣнія, а привыкшій изучать предметъ по первымъ источникамъ, онъ, знавшій мнѣніе Энгельса о Гегелѣ, еще не считалъ себя вправѣ сказать: «я знаю Гегеля и его роль въ исторіи развитія научныхъ понятій». Г. Михайловскому, можетъ быть непонятна такая скромность ученаго; онъ, по его собственнымъ словамъ, «не имѣетъ претензіи» знать философію Гегеля, а между тѣмъ, онъ очень развязно разсуждаетъ о ней. Но quod licet bovi, non licet Iovi. Г. Михайловскій, бывшій всю жизнь ни чѣмъ инымъ, какъ бойкимъ фельетонистомъ, обладаетъ развязностью, присвоенною по штату людямъ этого званія. Но онъ позабылъ, какая разница существуетъ между нимъ и людьми науки. Благодаря этому забвенію онъ и рѣшился говорить вещи, изъ которыхъ ясно слѣдуетъ, что извѣстный духъ «непремѣнно лжетъ за двухъ».

Эхъ г. Михайловскій, г. Михайловскій!

Да и за двухъ ли только искажаетъ этотъ почтенный «духъ» истину? Читатель помнитъ, можетъ быть, исторію «пропущеннаго» г. Михайловскимъ «момента цвѣтенія». Пропускъ «этого цвѣтенія» имѣетъ «важное значеніе»:

онъ показываетъ, что истина искажена также и за Энгельса. Почему г. Михайловскій не единымъ словомъ не обмолвился объ этой поучительной исторіи?

Эхъ г. Михайловскій, г. Михайловскій!

А знаете ли что? Вѣдь, можетъ быть, «русскій духъ» и не искажаетъ истины; можетъ быть онъ, бѣдный, говоритъ чистѣйшую правду. Вѣдь, чтобы оставить внѣ всякаго подозрѣнія его правдивость, стоитъ только предположить, что Зиберъ просто подшутилъ надъ молодымъ писателемъ, пугнувъ его «*тріадой*». Оно и похоже на правду: г. Михайловскій увѣряетъ, что Зиберъ былъ знакомъ съ діалектическимъ методомъ; какъ человѣкъ знакомый съ этимъ методомъ, Зиберъ долженъ былъ прекрасно понимать, что пресловутая тріада никогда роли довода у Гегеля не играла. Наоборотъ, г. Михайловскій, какъ человѣкъ незнакомый съ Гегелемъ, могъ высказать въ разговорѣ съ Зиберомъ ту, впослѣдствіи не разъ высказанную имъ, мысль, что вся аргументація Гегеля и гегельянцовъ сводилась къ ссылкамъ на тріаду. Зиберу это должно было показаться чрезвычайно забавнымъ, и вотъ онъ сталъ поддразнивать тріадой горячаго, но несвѣдущаго молодаго человѣка. Разумѣется, если бы Зиберъ предвидѣлъ, въ какое печальное положеніе попадетъ со временемъ его собесѣдникъ, благодаря его шуткѣ, то онъ непремѣнно воздержался бы отъ нея. Но этого онъ предвидѣть не могъ, а потому и позволилъ себѣ подшутить надъ г. Михайловскимъ. Правдивость этого послѣдняго не подлежитъ сомнѣнія, если справедливо это наше предположеніе. Пусть г. Михайловскій пороется въ своей памяти, можетъ быть онъ припомнитъ какое нибудь обстоятельство, показывающее, что наше предположеніе не совсѣмъ неосновательно. Съ своей стороны, мы всей душей рады были бы услышать о такомъ обстоятельствѣ, спасающемъ честь «русскаго духа». Порадуется конечно, и г. Бельтовъ.

Г. Михайловскій большой забавникъ! Онъ очень недоволенъ г. Бельтовымъ, который позволилъ себѣ сказать, что въ «новыхъ словахъ» нашего субъективнаго соціолога «русскій умъ и русскій духъ зады твердитъ и лжетъ за двухъ». Г. Михайловскій полагаетъ, что, если г. Бельтовъ и не отвѣтственъ за содержаніе цитаты, то его все таки можно было бы, пожалуй, признать отвѣтственнымъ за ея выборъ. Только грубость нашихъ полемическихъ нравовъ вынуждаетъ нашего почтеннаго соціолога сознаться, что подобный упрекъ г. Бельтову былъ бы излишней тонкостью. Но откуда взялъ эту «цитату» г. Бельтовъ? Онъ взялъ ее у Пушкина. Евгеній Онѣгинъ былъ того мнѣнія, что во всей нашей журналистикѣ русскій умъ и русскій духъ зады твердитъ и лжетъ за двухъ. Можно ли признать Пушкина отвѣтственнымъ за столь рѣзкое мнѣніе его героя? До сихъ поръ, насколько мы знаемъ, никто не думалъ что—да, хотя весьма вѣроятно, что Онѣгинъ выражалъ собственное мнѣніе великаго поэта. А вотъ теперь

г. Михайловскій хотѣлъ бы сдѣлать г. Бельтова отвѣтственнымъ за то, что тотъ не находитъ въ сочиненіяхъ его, г. Михайловскаго, ничего кромѣ повторенія задовъ и лжи за двухъ. Почему же это такъ? почему нельзя примѣнить эту «цитату» къ «трудамъ» нашего соціолога? Вѣроятно, потому, что эти труды въ глазахъ этого соціолога заслуживаютъ гораздо болѣе почтительнаго отношенія. Но вѣдь «объ этомъ можно спорить», скажемъ мы словами г. Михайловскаго.

«Собственно въ этомъ мѣстѣ ни въ какой лжи г. Бельтовъ меня не уличаетъ—говоритъ г. Михайловскій,—онъ просто такъ, сболтнулъ, чтобы горячѣе вышло, и цитатой, какъ фиговымъ листкомъ, стыдливо прикрылся» (стр. 140). Почему же сболтнулъ, а не высказалъ свое твердое убѣжденіе? Каковъ смыслъ предложенія: г. Михайловскій въ своихъ статьяхъ зады твердитъ и лжетъ за двухъ? Оно значитъ, что г. Михайловскій высказываетъ лишь старыя, давно опровергнутыя на западѣ мнѣнія и, высказывая ихъ, *къ ошибкамъ западныхъ людей прибавляетъ свои собственныя, доморощенныя.* Неужели, выражая подобный взглядъ на литературную дѣятельность г. Михайловскаго, непремѣнно надо прикрываться фиговымъ листкомъ. Г. Михайловскій убѣжденъ, что можно только «сболтнуть» подобное мнѣніе; что оно не можетъ быть плодомъ серьезной и вдумчивой оцѣнки. Но объ этомъ можно спорить, скажемъ мы еще разъ его собственными словами.

Пишущій эти строки совершенно хладнокровно и обдуманно, не видя нужды ни въ какихъ фиговыхъ листкахъ заявляетъ, что по его убѣжденію очень *невысокое мнѣніе о «работахъ» г. Михайловскаго есть начало всякой премудрости.*

Но если, говоря о «русскомъ духѣ», г. Бельтовъ ни въ какой лжи г. Михайловскаго не уличаетъ, то зачѣмъ же нашъ «соціологъ» придрался именно къ «цитатѣ», начиная несчастный инцидентъ съ Зиберомъ? Вѣроятно затѣмъ, чтобы горячѣе вышло. Въ дѣйствительности, ничего горячаго подобнаго рода пріемы въ себѣ не заключаютъ, но есть люди, которымъ они кажутся очень горячими. Въ одномъ изъ очерковъ Г. И. Успенскаго чиновница ссорится съ дворникомъ. Дворникъ произноситъ слово: *подлъ.* — Какъ! я подлая, — кричитъ чиновница, —я тебѣ покажу, у меня сынъ въ Польшѣ служитъ, и т. д. Подобно чиновницѣ, г. Михайловскій, ухватившись за отдѣльное слово, поднимаетъ «горячій» крикъ: «я лгу за двухъ, вы смѣли усомниться въ моей правдивости, да я васъ самого сейчасъ уличу во лжи за многихъ! Посмотрите, что вы наговорили о Зиберѣ»! Мы смотримъ, что сказалъ о Зиберѣ г. Бельтовъ, и видимъ, что сказалъ онъ истинную правду. Die moral von der Geschichte—та, что излишняя горячность ни чиновницъ, ни г. Михайловскаго ни къ чему доброму привести не можетъ.

«Г. Бельтовъ предпринялъ показать, что окончательное торжество матеріалистическаго монизма установлено такъ называемой теоріей экономическаго матеріализма въ исторіи, каковая теорія находится, дескать, въ тѣснѣйшей связи съ «общефилософскимъ» матеріализмомъ». Съ этою цѣлью г. Бельтовъ дѣлаетъ экскурсію въ исторіи философіи. О степени безпорядочности и неполноты этой экскурсіи можно судить уже по названіямъ главъ ей посвященныхъ: «Французскій матеріализмъ XVIII вѣка», французскіе историки временъ реставраціи», «Утописты», Идеалистическая нѣмецкая философія», Современный матеріализмъ» (стр. 146). Г. Михайловскій опять горячится безъ всякой надобности, и опять его горячность ни къ чему доброму не приводитъ. Еслибъ г. Бельтовъ писалъ хотя бы краткій очеркъ *исторіи философіи*, то, дѣйствительно, безпорядочна и непонятна была бы та экскурсія, въ которой онъ отъ французскаго матеріализма XVIII вѣка переходитъ къ французскимъ историкамъ временъ реставраціи; отъ этихъ историковъ къ утопистамъ; отъ утопистовъ къ нѣмецкимъ идеалистамъ и т. д. Но въ томъ-то и дѣло, что г. Бельтовъ никакой исторіи философіи не писалъ. На первой же страницѣ своей книги, онъ заявилъ, что намѣренъ сдѣлать краткій очеркъ того ученія, которое неправильно называется экономическимъ матеріализмомъ. Онъ нашелъ нѣкоторые слабые зародыши этого ученія у французскихъ матеріалистовъ и показалъ, что эти зародыши въ значительной степени развились у французскихъ историковъ спеціалистовъ временъ реставраціи; затѣмъ онъ обратился къ людямъ, которые, не бывъ историками по своей спеціальности, все-таки должны были много думать о важнѣйшихъ вопросахъ историческаго развитія человѣчества, т. е. къ утопистамъ и нѣмецкимъ философамъ. Онъ далеко не перечислилъ всѣхъ матеріалистовъ XVIII вѣка, всѣхъ историковъ временъ реставраціи, всѣхъ утопистовъ и всѣхъ идеалистовъ-діалектиковъ этой послѣдней эпохи. Но онъ указалъ на самыхъ главныхъ изъ нихъ, на тѣхъ, которые болѣе другихъ сдѣлали по интересующему его предмету. Онъ показалъ, что всѣ эти люди, такъ богато одаренные и такъ много знавшіе, путались въ противорѣчіяхъ, изъ которыхъ единственнымъ логическимъ выводомъ являлась историческая теорія Маркса. Словомъ, il prenait son bien où il le trouvait. Что можно возразить противъ такого пріема? И почему онъ не нравится г. Михайловскому?

Если г. Михайловскій не только *прочиталъ* соч. Энгельса «*Ludwig Feuerbach*» и «*Dühring's Umwälzung*», но и—что самое главное—*понялъ* ихъ, то онъ и самъ знаетъ, какое значеніе въ развитіи идей Маркса и Энгельса имѣли взгляды французскихъ матеріалистовъ прошлаго столѣтія, французскихъ историковъ временъ реставраціи, утопистовъ и идеалистовъ-діалектиковъ. Г. Бельтовъ оттѣнилъ это значеніе, сдѣлавъ

краткую характеристику наиболѣе существенныхъ въ этомъ случаѣ взглядовъ тѣхъ и другихъ, третьихъ и четвертыхъ. Г. Михайловскій презрительно пожимаетъ плечами по поводу этой характеристики, ему не нравится планъ г. Бельтова. Мы замѣтимъ на это, что всякій планъ хорошъ, если съ помощью его авторъ достигаетъ своей цѣли. А что цѣль г. Бельтова была достигнута, этого не отрицаютъ, насколько мы знаемъ, даже его противники.

Г. Михайловскій продолжаетъ:

«Г. Бельтовъ говоритъ и о французскихъ историкахъ, и о французскихъ «утопистахъ», оцѣнивая тѣхъ и другихъ въ мѣру ихъ пониманія или непониманія экономики, какъ фундамента общественнаго зданія. Страннымъ однако образомъ онъ со всѣмъ не упоминаетъ при этомъ о Луи-Планѣ, хотя одного предисловія въ Histoire de dix ans достаточно, чтобы предоставить ему почетное мѣсто въ ряду первоучителей такъ называемаго экономическаго матеріализма. Конечно, тутъ много такого, съ чѣмъ г. Бельтовъ согласиться не можетъ, но тутъ есть и борьба классовъ, и характеристика ихъ экономическими признаками, и экономика, какъ скрытая пружина политики, вообще многое, что *позже* вошло въ составъ доктрины, такъ горячо защищаемой г. Бельтовымъ. Я потому отмѣчаю этотъ пробѣлъ, что онъ, во-первыхъ, и самъ по себѣ удивителенъ и намекаетъ на какія-то побочныя цѣли, не имѣющія ничего общаго съ безпристрастіемъ» (стр. 150).

Г. Бельтовъ говорилъ о *предшественникахъ* Маркса, Луи-Планъ же былъ скорѣе его *современникомъ*. Правда, Histoire de dix ans вышла въ то время, когда историческіе взгляды Маркса еще не окончательно сложились. Но сколько нибудь рѣшительнаго вліянія на ихъ судьбу эта книга не могла имѣть уже по той причинѣ, что точка зрѣнія Луи-Блана на внутреннія пружины общественнаго развитія не заключала въ себѣ рѣшительно ничего новаго, сравнительно со взглядами, напримѣръ, Огюстена Тьери или Гизо. Совершенно вѣрно, что «тутъ есть и борьба классовъ, и характеристика ихъ экономическими признаками, и экономика и т. д.». Но все это было уже и у Тьери, и у Гизо, и у Минье, какъ это неопровержимо показалъ г. Бельтовъ. Гизо, стоявшій на точкѣ зрѣнія борьбы классовъ, сочувствовалъ борьбѣ буржуазіи противъ аристократіи, но очень враждебно отнесся къ только что начинавшейся въ его время борьбѣ рабочаго класса съ буржуазіей. Луи-Планъ *сочувствовалъ* этой борьбѣ [1]).

[1]) Да и то на свой особый ладъ, вслѣдствіе чего Луи-Планъ и игралъ такую жалкую роль въ 1848 году. Между классовой борьбой, какъ ее понималъ «*позже*» Марксъ, и классовой борьбой по Луи-Плану лежитъ цѣлая пропасть. Человѣкъ

Въ этомъ онъ расходился съ Гизо. Но это разногласіе было совсѣмъ не существенно. Оно не вносило ничего новаго во *взглядъ* Луи-Блана на «экономику, какъ скрытую пружину политики».

Луи-Бланъ, какъ и Гизо, сказалъ бы, что политическія конституціи коренятся въ соціальномъ бытѣ народа, а соціальный бытъ опредѣляется въ послѣднемъ счетѣ отношеніями собственности. Но чѣмъ обусловливаются отношенія собственности,—это было такъ же мало извѣстно Луи-Блану, какъ и Гизо. Вотъ почему Луи-Бланъ, какъ и Гизо, несмотря на свою «экономику», вынужденъ былъ вернуться *къ идеализму*. Что, въ своихъ историко-философскихъ взглядахъ онъ былъ идеалистомъ, это извѣстно всякому, даже не бывавшему въ семинаріи [1]).

Въ то время, когда появилась «Histoire de dix ans», очереднымъ вопросомъ общественной науки былъ «*позже*» разрѣшенный Марксомъ вопросъ о томъ,—*откуда же берутся отношенія собственности?* Луи-Бланъ ничего не сказалъ новаго на этотъ счетъ. Естественно предположить, что именно потому и не сказалъ ничего о Луи-Бланѣ г. Бельтовъ. Но г. Михайловскій предпочитаетъ инсинуировать на счетъ какихъ-то побочныхъ цѣлей. Chacun a son goût!

По мнѣнію г. Михайловскаго, экскурсія г. Бельтова въ область исторіи философіи «еще слабѣе, чѣмъ можно было думать, судя по этимъ (вышеперечисленнымъ) заглавіямъ». Почему же такъ? да вотъ почему. Г. Бельтовъ пишетъ, что «Гегель называлъ метафизической точку зрѣнія тѣхъ мыслителей,—безразлично, идеалистовъ или матеріалистовъ,—которые, не умѣя понять процессъ развитія явленій, поневолѣ представляютъ ихъ себѣ и другимъ, какъ застывшія, безсвязныя, неспособныя перейти одно въ другое. Этой точкѣ зрѣнія онъ противопоставилъ *діалектику*, которая изучаетъ явленія именно въ ихъ развитіи и, слѣдовательно, въ ихъ взаимной связи». По этому поводу г. Михайловскій ехидно замѣчаетъ: «Г. Бельтовъ считаетъ себя знатокомъ философіи Гегеля. Я радъ поучиться у него, какъ у всякаго свѣдущаго человѣка, и на первый разъ попросилъ бы г. Бельтова указать то мѣсто въ сочиненіяхъ Гегеля, откуда онъ взялъ это будто бы Гегелево опредѣленіе «метафизической точки зрѣнія». Осмѣливаюсь утверждать, что онъ мнѣ его указать не можетъ. Для Гегеля метафизика была ученіемъ о безусловной сущности вещей,

---

не замѣтившій этой пропасти, вполнѣ подобенъ мудрецу, не замѣтившему слона въ звѣринцѣ.

[1]) Въ качествѣ идеалиста низшаго разбора (т. е. не діалектика), Луи-Бланъ имѣлъ, разумѣется, свою „*формулу прогресса*“, которая при всей своей *теоретической никчемности*, по крайней мѣрѣ не хуже «формулы прогресса» г. Михайловскаго.

лежащей за предѣлами опыта и наблюденія, о сокровенномъ субстратѣ явленій... Свое якобы Гегелево опредѣленіе г. Бельтовъ взялъ не у Гегеля, а у Энгельса (все въ той же полемической противъ Дюринга книгѣ), который совершенно произвольно отдѣлилъ метафизику отъ діалектики признакомъ неподвижности или текучести» (стр. 147).

Не знаемъ, что отвѣтитъ на это г. Бельтовъ. Но, «на первый разъ», мы позволимъ себѣ, не дожидаясь его разъясненій, отвѣтить почтенному субъективисту.

Развертываемъ первую часть *энциклопедіи* Гегеля и тамъ, въ прибавленіи къ параграфу 31 (стр. 57 русс. пер. г. В. Чижова) читаемъ: «Мышленіе этой метафизики не было свободно и истинно въ объективномъ смыслѣ. Потому что она не предоставляла предмету развиваться свободно изъ самого себя, и самому находить свои опредѣленія, а брало его какъ готовый»... «Эта метафизика есть догматизмъ, потому что, соотвѣтственно природѣ конечныхъ опредѣленій, она должна была принять, что изъ двухъ противоположныхъ утвержденій... одно необходимо истинно, а другое ложно» (пар. 32 стр. 58 того же перевода).

Гегель говоритъ здѣсь о старой до-кантовской метафизикѣ, которая, по его замѣчанію, «вырвана съ корнемъ, исчезла изъ ряда наукъ» (ist, so zu sagen, mit Stumpf und Styl ausgerottet worden, aus der Reihe der Wissenschaften verschwunden [1]). Этой метафизикѣ Гегель противопоставилъ свою *діалектическую философію*, разсматривавшую всѣ явленія въ ихъ развитіи и въ ихъ взаимной связи, а не какъ готовыя и отдѣленныя одно отъ другого цѣлою пропастью: «Истинно только цѣлое, говоритъ онъ, цѣлое же обнаруживается во всей своей полнотѣ лишь посредствомъ своего развитія» («Das wahre ist das Ganze. Das Ganze aber ist nur das durch seine Entwickelung sich vollendende Wesen» [2]). Г. Михайловскій утверждаетъ, что Гегель слилъ съ діалектикой также и метафизику, но тотъ, отъ кого онъ слышалъ это, не хорошо объяснилъ ему, въ чемъ дѣло. У Гегеля къ *діалектическому моменту* прибавляется также и *спекулятивный*, благодаря которому его философія и становится *идеалистической философіей. Какъ идеалистъ*, Гегель дѣлалъ *то же, что и всѣ другіе идеалисты*: онъ придавалъ особенно важное философское значеніе такимъ «результатамъ» (такимъ понятіямъ), которыми очень дорожила также и старая «метафизика». Но самыя эти понятія (Абсолютное въ разныхъ видахъ его развитія) явились у него, благодаря «діалектическому моменту» именно какъ результаты, а не какъ первоначальныя данныя. Метафизика растворилась у

---

[1]) Wissenschaft der Logik. Vorrede стр. 1.

[2]) Die Phänomenologie des Geistes, Vorrede, Seite XXIII.

Гегеля въ логикѣ и вотъ почему онъ очень удивился бы, услыхавъ, что его, спекулятивнаго мыслителя называютъ метафизикомъ ohne Weiteres. Онъ сказалъ бы, что люди, называющіе его такъ, «lassen sich mit Thieren vergleichen, welche alle Töne einer Musik mit durchgehört haben, an deren Sinn aber das Eine, die Harmonie dieser Töne nicht gekommen ist». (Его собственное выраженіе, которымъ онъ клеймилъ ученыхъ педантовъ). Повторяемъ, этотъ спекулятивный мыслитель, презиравшій *метафизику разсудка* (опять его собственное выраженіе), былъ *идеалистомъ* и въ этомъ смыслѣ имѣлъ свою *метафизику разума*. Но развѣ г. Бельтовъ позабылъ это обстоятельство или не оговорилъ его въ своей книгѣ? И не позабылъ, оговорилъ. Онъ привелъ изъ книги Маркса и Энгельса die Heilige Familie длинныя выписки, очень ѣдко критикующія спекулятивные результаты Гегеля. Полагаемъ, что въ этихъ выпискахъ достаточно обнаружена правомѣрность сліянія діалектики съ тѣмъ, что г. Михайловскій называетъ метафизикой Гегеля. Слѣдовательно, если г. Бельтовъ и позабылъ что нибудь, то развѣ лишь одно: именно то, что при удивительной «беззаботности» нашихъ «передовыхъ» людей по части исторіи философіи, имъ надо было объяснить, до какой степени рѣзко различали въ эпоху Гегеля *метафизику* отъ *спекулятивной философіи* [1]). А изо всего этого слѣдуетъ, что напрасно г. Михайловскій «осмѣливается утверждать» то, чего утверждать невозможно.

По словамъ г. Бельтова, Гегель называлъ метафизической даже точку зрѣнія матеріалистовъ, не умѣвшихъ разсматривать явленія въ ихъ взаимной связи. Такъ это, или не такъ? Потрудитесь прочитать страницу изъ 27-го параграфа 1-ой части Энциклопедіи того-же Гегеля: «Самое полное и недавнее примѣненіе этой точки зрѣнія въ философіи мы находимъ въ старой метафизикѣ, какъ ее излагали до Канта. Впрочемъ, только относительно исторіи философіи время этой метафизики уже миновало; сама же по себѣ она всегда продолжаетъ существовать, представляя собою разсудочное воззрѣніе на предметы». Что такое разсудочное воззрѣніе на предметы? Это именно старое метафизическое воззрѣніе на предметы противоположное діалектическому. Вся матеріалистическая философія 18-го вѣка была *«разсудочною» по существу*: она именно не умѣла разсматривать явленія иначе, какъ съ точки зрѣнія конечныхъ опредѣленій. Что Гегель прекрасно видѣлъ эту слабую сторону французскаго матеріализма, какъ и всей вообще французской философіи 18-го вѣка, въ этомъ

[1]) Кстати, если г. Михайловскій захочетъ хоть отчасти узнать, наконецъ, каково было историческое значеніе «метафизики» Гегеля, то мы порекомендуемъ ему очень популярную и въ свое время очень извѣстную книжку: «Die Posaune des jüngsten Gerichts über Hegel, den Atheisten und Antichristen». Хорошая книжка.

можетъ убѣдиться всякій, кто дастъ себѣ трудъ прочитать относящіяся сюда мѣста изъ 3-й части его «Urlesungen über die Geschichte der Philosophie». Поэтому и точку зрѣнія французскихъ матеріалистовъ онъ не могъ не считать старой метафизической точкой зрѣнія [1]). Стало быть, правъ, или неправъ г. Бельтовъ? Кажется, ясно, что совершенно правъ? А вотъ г. Михайловскій «осмѣливается утверждать»... Съ этимъ ничего не подѣлаетъ ни г. Бельтовъ, ни пишущій эти строки. Бѣда г. Михайловскаго именно въ томъ и заключается, что онъ, вступивъ въ споръ съ «русскими учениками» Маркса, «осмѣлился» разсуждать о вещахъ ему совершенно неизвѣстныхъ.

Мужъ, многоопытный, губитъ тебя твоя храбрость!

Всякій, знакомый съ философіей, безъ труда замѣтилъ бы, что когда г. Бельтовъ излагаетъ философскіе взгляды Гегеля и Шеллинга, то онъ *говоритъ почти вездѣ собственными словами этихъ мыслителей*: такъ, напримѣръ, его характеристика діалектическаго мышленія представляетъ собою почти дословный переводъ *примѣчанія* и перваго прибавленія къ пар. 81-му первой части Энциклопедіи; затѣмъ онъ почти дословно приводитъ нѣкоторыя мѣста изъ предисловія къ «Philosophie des Rechts» и изъ «Philosophie der Geschichte». Но этотъ человѣкъ, очень аккуратно цитирующій всякихъ Гельвеціевъ, Апфантеновъ, Оскаровъ Пешелей и т. д., почти ни разу не указываетъ, какія собственно сочиненія Шеллинга и Гегеля и какія мѣста изъ нихъ имѣетъ онъ въ виду въ своемъ изложеніи. Почему же онъ въ этомъ случаѣ отступилъ отъ своего общаго правила? Намъ кажется, что тутъ г. Бельтовъ употребилъ хитрость. Мы думаемъ, что онъ разсуждалъ такъ: наши субъективисты объявили нѣмецкую идеалистическую философію метафизикой и этимъ удовольствовались; они не изучали ее, какъ это дѣлалъ, напримѣръ, еще авторъ примѣчаній къ Миллю. Когда я укажу на нѣкоторыя замѣчательныя мысли нѣмецкихъ идеалистовъ, то гг. субъективисты, не видя никакихъ ссылокъ на сочиненія этихъ мыслителей, подумаютъ, что я самъ сочинилъ эти мысли или взялъ ихъ у Энгельса, и закричатъ: «съ этимъ «можно спорить», «осмѣливаюсь утверждать» и т. д. Тутъ-то я и выведу ихъ невѣжество на свѣжую воду, тутъ то и пойдетъ потѣха! Если г. Бельтовъ, въ самомъ дѣлѣ, употребилъ въ своей полемикѣ эту маленькую военную хитрость,

[1]) Впрочемъ, о матеріализмѣ онъ замѣчалъ: «Dennoch muss man in dem Materialismus das begeisterungsvolle Streben anerkennen, über den, zweierlei Welten als gleich substantiell und wahr annehmenden Dualismus hinauszugehen, diese Zerreissung des ursprünglich Einen aufzuheben» (Encyklopädie. Dritter Theil. Seite 54.

то надо сознаться, что она удалась ему, какъ нельзя лучше: потѣха вышла, дѣйствительно, не малая!

Но пойдемъ далѣе. «Всякая философская система, утверждающая вмѣстѣ съ г. Бельтовымъ, что «права разума необъятны и неограничены, какъ и его силы, что поэтому она открыла безусловную сущность вещей— будь это матерія или духъ—есть система метафизическая . . . Додумалась ли она при этомъ до идеи развитія предлагаемой ею сущности вещей или нѣтъ, и если додумалась, то діалектическій ли путь она усваиваетъ этому развитію или какой-иной,—это, конечно, очень важно для опредѣленія ея мѣста въ исторіи философіи, но не измѣняетъ ея метафизическаго характера». («Р. Б.» Янв. 147—148). Насколько можно судить по этимъ словамъ г. Михайловскаго, онъ, чуждаясь метафизическаго мышленія, не думаетъ, что права разума неограничены. Надо надѣяться, что за это его похвалитъ князь Мещерскій. Не думаетъ, очевидно, также г. Михайловскій, что *силы* разума неограничены и необъятны. Это можетъ показаться удивительнымъ со стороны человѣка, не разъ увѣрявшаго своихъ читателей, что la raison finit toujour par avoir raison: при ограниченныхъ силахъ (и даже правахъ!) разума эта увѣренность едва-ли у мѣста. Но г. Михайловскій скажетъ, что въ окончательномъ торжествѣ разума онъ увѣренъ лишь въ томъ, что касается практической жизни, сомнѣвается же въ его силахъ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о познаніи безусловной сущности вещей («будь это матерія или духъ»). Прекрасно. Что же это за безусловная сущность вещей?

Не правда ли,—это то, что Кантъ называлъ *вещью въ себѣ* (Ding an sich)? Если—да, то мы категорически заявляемъ, что «вещь въ себѣ» намъ извѣстна и что знаніемъ ея мы обязаны именно Гегелю. (Караулъ! кричатъ наши «трезвые философы», но мы просимъ ихъ не горячиться).

«Вещь въ самой себѣ, . . . есть предметъ, въ которомъ отвлеклись отъ всего, что дѣлаетъ его доступнымъ сознанію, отъ всѣхъ чувственныхъ элементовъ, какъ и отъ всѣхъ опредѣленныхъ мыслей. Очевидно, что послѣ этого остается только чистое отвлеченіе, пустое бытіе, которое только отнесено за предѣлы сознанія, которое есть отрицаніе всякаго чувства и всякой опредѣленной мысли. Но, въ этомъ отношеніи, легко сдѣлать очень простое разсужденіе, что это caput mortuum само есть продуктъ мысли, мысли, составляющей это чистое отвлеченіе, или пустого я, которое дѣлаетъ себѣ предметомъ свое пустое тождество. Отрицательное опредѣленіе, которое даютъ этому отвлеченному тождеству, дѣлая его своимъ предметомъ, упоминается въ числѣ Кантовыхъ категорій, и также хорошо извѣстно, какъ это пустое тождество. Должно слѣд-

ственно удивляться, что такъ часто повторяютъ, будто неизвѣстно, что ничего не можетъ быть легче: какъ знать это» [1]).

И такъ, повторяемъ, намъ прекрасно извѣстно, что такое безусловная сущность вещей или вещь въ самой себѣ. Это пустая абстракція. И этой то пустой абстракціей г. Михайловскій думаетъ запугать людей, гордо повторяющихъ вмѣстѣ съ Гегелемъ: von der Grösse und Macht seines Geistes kann der Mensch nicht gross genug denken! [2]). Стара эта пѣсенка, г. Михайловскій! Sie sind zu spät gekommen.

Мы увѣрены, что строки, только что нами написанныя, покажутся г. Михайловскому пустой софистикой. «Позвольте, скажетъ онъ, что же въ такомъ случаѣ, понимаете вы подъ матеріалистическимъ объясненіемъ природы и исторіи»? Вотъ что.

Когда Шеллингъ говорилъ, что магнетизмъ есть внѣдреніе субъективнаго въ объективное, — это было *идеалистическимъ* объясненіемъ природы; а когда магнетизмъ объясняется съ точки зрѣнія современной физики, то его явленіямъ дается матеріалистическое объясненіе. Когда Гегель, или хотя бы наши славянофилы, объясняли извѣстныя историческія явленія свойствами народнаго духа, то они смотрѣли на эти явленія съ *идеалистической* точки зрѣнія, а когда Марксъ объяснялъ, положимъ, хоть французскія событія 1848 — 1850 года борьбой классовъ во французскомъ обществѣ, то онъ давалъ этимъ событіямъ матеріалистическое объясненіе. Ясно-ли? Ну, еще бы нѣтъ! Такъ ясно, что для непониманія сказаннаго нами нужна значительная доза упрямства.

— Тутъ что-то не такъ—соображаетъ г. Михайловскій, растекаясь мыслію по древу (c'est bien le moment!). Ланге говоритъ... Мы позволяемъ себѣ перебить г. Михайловскаго: намъ очень хорошо извѣстно, что говоритъ Ланге, но мы увѣряемъ г. Михайловскаго, что его авторитетъ очень ошибается. Въ своей *исторіи матеріализма* Ланге позабылъ привести, напримѣръ, такое характерное заявленіе одного изъ самыхъ видныхъ французскихъ матеріалистовъ: Nous ne connaissons que l'écorse des phenoménes (намъ извѣстна только кора явленій). Другіе, и не менѣе видные, французскіе матеріалисты много разъ высказывались въ томъ же самомъ смыслѣ. Какъ видите г. Михайловскій, французскіе матеріалисты еще не знали, что вещь въ себѣ есть лишь caput mortuum абстракціи, и стояли какъ разъ на той точкѣ зрѣнія, которая называется теперь многими *точкой зрѣнія критической философіи*.

Все это, разумѣется, покажется г. Михайловскому очень новымъ и

---

[1]) Гегель. Энциклопедія 1-ая часть, стр. 79—80, пар. 44.

[2]) Geschichte der Phil. 1, 6.

даже совершенно невѣроятнымъ. Но мы пока не скажемъ ему, какихъ именно французскихъ матеріалистовъ и какія именно ихъ сочиненія мы имѣемъ въ виду. Пусть онъ сначала «*осмѣлится утверждать*», а потомъ мы съ нимъ потолкуемъ.

Если г. Михайловскому угодно знать, какъ смотримъ мы на отношеніе нашихъ ощущеній къ внѣшнимъ предметамъ, то мы отошлемъ его къ статьѣ г. Сѣченова: «*Предметная мысль и дѣйствительность*» въ сборникѣ «*Помощь голодающимъ*». Полагаемъ, что съ нашимъ знаменитымъ физіологомъ вполнѣ согласится г. Бельтовъ, и всякій другой, русскій или не русскій, ученикъ Маркса. А г. Сѣченовъ говорилъ вотъ что: «Каковы бы ни были внѣшніе предметы сами по себѣ, независимо отъ нашего сознанія,—пусть наши впечатлѣнія отъ нихъ будутъ лишь условными знаками, во всякомъ случаѣ чувствуемому нами сходству и различію знаковъ соотвѣтствуетъ сходство и различіе дѣйствительное. Другими словами: сходства и различія, находимыя человѣкомъ между чувствуемыми имъ предметами, суть сходства и различія дѣйствительныя» [1]).

Когда Михайловскій опровергнетъ г. Сѣченова, тогда мы согласимся признать ограниченность не только *силъ*, но даже и правъ человѣческаго разума [2]).

Г. Бельтовъ сказалъ, что во второй половинѣ нашего столѣтія въ наукѣ, съ которой тѣмъ временемъ совершенно слилась философія, восторжествовалъ матеріалистическій монизмъ. Г. Михайловскій замѣчаетъ: «боюсь, что онъ ошибается». Въ оправданіе своего опасенія онъ ссылается на Ланге, по мнѣнію котораго «die gründliche Naturforschung durch ihre eignen Consequenzen über den Materialismus hinausführt» Если г. Бельтовъ ошибается, то, значитъ, матеріалистическій монизмъ *не* восторжествовалъ въ наукѣ. Что же,—значитъ ученые до сихъ поръ объясняютъ природу посредствомъ внѣдренія субъективнаго въ объективное и прочихъ тонкостей идеалистической натурфилософіи? «Боимся», что ошибся бы тотъ, кто предположилъ бы это; тѣмъ болѣе боимся, что вотъ какъ, напримѣръ, разсуждаетъ имѣющій очень громкое имя въ наукѣ англійскій *натуралистъ* Гексли: «Въ наши дни никто изъ стоящихъ на высотѣ современ-

---

[1]) Сбор. стр. 207.

[2]) Нашимъ противникамъ представляется очень хорошій случай поймать насъ на такомъ противорѣчіи: Съ одной стороны мы объявляемъ кантовскую „вещь въ себѣ“ пустой абстракціей, а съ другой — мы съ похвалой цитируемъ г. Сѣченова, который говоритъ о предметахъ, какъ они существуютъ сами по себѣ независимо отъ нашего сознанія. Люди понимающіе, конечно, не увидятъ никакого противорѣчія; но вѣдь много ли понимающихъ между нашими противниками?

ной науки и знающихъ факты не усомнится въ томъ, что основъ психологіи надо искать въ физіологіи нервной системы. То, что называется дѣятельностью духа, есть совокупность мозговыхъ функцій, и матеріалы нашего сознанія являются продуктами дѣятельности мозга» [1]) Замѣтьте, что это говоритъ человѣкъ, принадлежавшій къ такъ называемымъ въ Англіи *агностикамъ*. Онъ полагаетъ, что высказанный имъ взглядъ на дѣятельность духа вполнѣ совмѣстимъ съ чистѣйшимъ идеализмомъ. Но мы, знакомые съ тѣми объясненіями явленій природы, которыя можетъ дать послѣдовательный идеализмъ, понимающіе, откуда происходитъ стыдливость почтеннаго англичанина, повторяемъ вмѣстѣ съ г. Бельтовымъ: во второй половинѣ 19-го вѣка въ наукѣ восторжествовалъ матеріалистическій монизмъ.

Г. Михайловскій, вѣроятно, знакомъ съ психологическими изслѣдованіями Сѣченова? Точку зрѣнія этого ученаго когда то горячо оспаривалъ Кавелинъ. Мы боимся, что покойный либералъ очень ошибался. Но можетъ быть г. Михайловскій согласенъ съ Кавелинымъ? или можетъ быть, ему вообще требуются какія нибудь другія разъясненія по этой части? Мы отлагаемъ ихъ на тотъ случай, если онъ станетъ «утверждать».

Г. Бельтовъ говоритъ, что господствовавшая до Маркса въ общественной наукѣ точка зрѣнія «человѣческой природы» подавала поводъ къ злоупотребленію біологическими аналогіями, которое и до сихъ поръ даетъ себя сильно чувствовать въ западной соціологической, а особенно въ русской quasi—соціологической литературѣ. Это даетъ г. Михайловскому поводъ обвинить автора книги объ историческомъ монизмѣ въ вопіющей несправедливости и лишній разъ заподозрить добросовѣстность его полемическихъ пріемовъ.

«Апеллирую къ читателю, даже вполнѣ ко мнѣ неблагосклонному, по сколько нибудь знакомому съ моими сочиненіями, хотя бы не со всѣми, а только, напримѣръ, съ одной статьей «Аналогическій методъ въ общественной наукѣ» или «Что такое прогрессъ?». Неправда, что русская литература особенно злоупотребляетъ біологическими аналогіями: въ Европѣ, съ легкой руки Спенсера, этого добра несравненно больше, не говоря уже о временахъ комическихъ аналогій Блюнчли съ братіей. И если у насъ дѣло не пошло дальше аналогическихъ упражненій покойнаго Стронина («Исторія и методъ», «Политика, какъ наука»), г. Лилienфельда (Соціальная наука будущаго), да нѣсколькихъ журнальныхъ статей, то навѣрно и «моего тутъ капли меду есть». Ибо никто не потратилъ столько усилій на борьбу съ біологическими аналогіями, какъ я. И въ свое время я не мало претерпѣлъ за это отъ «Спенсеровыхъ дѣтей». Буду надѣяться, что

[1]) Th. Huxley. Hume. Sa vie, sa philosophie, page 108.

и нынѣшняя гроза въ свое время минуетъ...» (стр. 145—146). Эта тирада имѣетъ такой видъ искренности, что и, въ самомъ дѣлѣ, даже неблагосклонный къ г. Михайловскому читатель можетъ сказать себѣ: «Тутъ кажется г. Бельтовъ въ своемъ полемическомъ увлеченіи зашелъ слишкомъ далеко». Но это не вѣрно, и самъ г. Михайловскій знаетъ, что это не вѣрно; если же онъ жалобно взываетъ къ читателю, то единственно по той причинѣ, по которой Плавтовскій Траніонъ говорилъ себѣ:

Pergam turbare porro: ita haec res postulat.

Что собственно сказалъ г. Бельтовъ? Онъ сказалъ: «Если разгадки всего историческаго общественнаго движенія надо искать въ природѣ человѣка и если, какъ справедливо замѣтилъ еще Сенъ-Симонъ, общество состоитъ изъ индивидуумовъ, то природа индивидуума и должна дать ключъ къ объясненію исторіи. Природу индивидуума изучаетъ физіологія въ обширномъ смыслѣ этого слова, т. е. наука, охватывающая также и *психическія* явленія. Вотъ почему физіологія уже въ глазахъ Сенъ-Симона и его учениковъ являлась основой соціологіи, которую они называли соціальной физикой. Въ изданныхъ еще при жизни Сенъ-Симона и при его дѣятельнѣйшемъ участіи «Opinions philosophiques, littéraires et industrielles» напечатана чрезвычайно интересная, къ сожалѣнію, неоконченная статья анонимнаго *доктора медицины* подъ заглавіемъ: «De la phisiologie appliquée à l'amélioration des institutions sociales» (о физіологіи въ примѣненіи къ улучшенію общественныхъ учрежденій). Авторъ разсматриваетъ *науку объ обществѣ*, какъ составную часть «*общей физіологіи*», которая, обогатившись наблюденіями и опытами спеціальной физіологіи надъ индивидуумами, предается соображеніямъ «высшаго порядка». Индивидуумы являются для нея лишь «органами общественнаго тѣла», функціи которыхъ она изучаетъ «подобно тому, какъ спеціальная физіологія изучаетъ функціи индивидуумовъ». Общая физіологія изучаетъ (авторъ говоритъ—выражаетъ) законы общественнаго существованія, съ которыми и должны сообразоваться писанные законы. Впослѣдствіи буржуазные соціологи, напримѣръ Спенсеръ, пользовались ученіемъ объ общественномъ организмѣ для самыхъ консервативныхъ выводовъ. Но цитируемый нами докторъ медицины прежде всего *реформаторъ*. Онъ изучаетъ общественное тѣло въ видахъ общественнаго *переустройства*, такъ какъ только *соціальная физіологія* и тѣсно связанная съ нею *гигіена* даютъ положительныя основы, на которыхъ можно построить требуемую современнымъ состояніемъ цивилизованнаго міра систему общественной организаціи».

Уже изъ этихъ словъ видно, что по мнѣнію г. Бельтова, біологическими аналогіями можно злоупотреблять не только въ смыслѣ буржуазнаго

консерватизма Спенсера, но и въ *смыслѣ утопическихъ плановъ соціальной реформы*. Уподобленіе общества организму играетъ при этомъ совершенно *второстепенную*, если не десятистепенную роль: дѣло не въ уподобленіи общества организму, а въ стремленіи обосновать «*соціологію*» на тѣхъ или другихъ выводахъ *біологіи*. Г. Михайловскій горячо возставалъ противъ уподобленія общества организму; въ борьбѣ противъ этого уподобленія есть несомнѣнно «капля его меду». Но это вовсе не существенно. Существенное значеніе имѣетъ вопросъ о томъ,—считалъ, или не считалъ г. Михайловскій возможнымъ обосновать соціологію на тѣхъ или другихъ выводахъ біологіи? А на этотъ счетъ никакое сомнѣніе невозможно, какъ въ этомъ убѣдится всякій, прочитавшій, напримѣръ, статью «*Теорія Дарвина и общественная наука*». Въ этой статьѣ г. Михайловскій говоритъ между прочимъ слѣдующее: «Подъ общимъ заглавіемъ «Теорія Дарвина и Общественная наука» мы будемъ говорить о различныхъ вопросахъ, затрогиваемыхъ, рѣшаемыхъ и перерѣшаемыхъ теоріей Дарвина и тѣмъ или другимъ изъ ея со дня на день прибывающихъ сторонниковъ. Основная наша задача состоитъ все-таки въ опредѣленіи, съ точки зрѣнія Дарвиновой теоріи, взаимнаго отношенія между физіологическимъ раздѣленіемъ труда, т. е. раздѣленія труда между органами въ предѣлахъ одного недѣлимаго, и раздѣленіемъ труда экономическимъ, т. е. раздѣленіемъ труда между цѣлыми недѣлимыми въ предѣлахъ вида, расы, народа, общества. Съ нашей точки зрѣнія эта задача сводится къ изысканію основныхъ законовъ кооперація, т. е. фундамента общественной науки». Искать основныхъ законовъ кооперація т. е. *фундамента общественной науки въ біологіи* значитъ стоять на точкѣ зрѣнія французскихъ сенъ-симонистовъ двадцатыхъ годовъ; другими словами, «зады твердить и лгать за двухъ».

Тутъ г. Михайловскій можетъ воскликнуть: да вѣдь въ двадцатыхъ годахъ теорія Дарвина еще не существовала. Но читатель понимаетъ, что дѣло ничуть не въ теоріи Дарвина, а въ утопическомъ стремленіи, общемъ г. Михайловскому, съ сенъ-симонистами, *примѣнить физіологію къ улучшенію общественныхъ учрежденій*. Въ указанной нами статьѣ г. Михайловскій совершенно соглашается съ Геккелемъ («Геккель совершенно правъ»), который говорилъ, что будущимъ государственнымъ людямъ, экономистамъ и историкамъ придется главнымъ образомъ обратить свое вниманіе на сравнительную зоологію, т. е. на сравнительную морфологію и физіологію животныхъ, если они пожелаютъ получить вѣрное понятіе о своемъ спеціальномъ предметѣ». Какъ хотите, а если Геккель «совершенно правъ», т. е. если соціологамъ (и даже историкамъ!) надо обратить «*главнымъ образомъ*» свое вниманіе на морфологію и физіологію животныхъ, то безъ злоупотребленія,—*въ ту или иную сторону*,—біологическими

аналогіями дѣло не обойдется! И не ясно ли, что точка зрѣнія г. Михайловскаго на соціологію есть старая точка зрѣнія сен-симонистовъ?

Вотъ только это и говорилъ г. Бельтовъ. И напрасно г. Михайловскій какъ бы снимаетъ съ себя теперь отвѣтственность за соціологическія идеи Бухарцева-Ножина. Въ своихъ собственныхъ изслѣдованіяхъ онъ не очень далеко ушелъ отъ взглядовъ своего покойнаго друга и учителя. Г. Михайловскій не понялъ, въ чемъ заключается открытіе Маркса, и потому остался неисправимымъ утопистомъ. Это очень печальное положеніе, но изъ него могло бы вывести нашего автора только новое усиліе мысли, плаксивое же обращеніе къ читателю, даже вполнѣ неблагосклонному, ни мало не поможетъ бѣдному «соціологу».

Г. Бельтовъ сказалъ два слова въ защиту г. П. Струве. Это подало гг. Михайловскому и Н.—ону поводъ «утверждать», что г. Бельтовъ взялъ г. Струве не подъ свое *«покровительство»*. Мы очень много говорили въ защиту г. Бельтова. Что скажутъ о насъ г. Михайловскій и г. Н.—онъ? Они, навѣрное, сочтутъ г. Бельтова нашимъ вассаломъ. Заранѣе извинялись передъ г. Бельтовымъ, что мы предвосхитили его возраженія гг. субъективистамъ, мы спросимъ этихъ послѣднихъ: неужели согласиться съ тѣмъ или другимъ писателемъ значитъ взять его подъ свое покровительство? Г. Михайловскій согласенъ съ г. Н.—ономъ по нѣкоторымъ очереднымъ вопросамъ русской жизни. Должны мы понимать ихъ согласіе въ томъ смыслѣ, что г. Михайловскій взялъ г. Н.—она подъ свое покровительство? Или, можетъ быть, г. Н.—онъ покровительствуетъ г. Михайловскому? Что сказалъ бы покойный Добролюбовъ, услышавъ этотъ странный языкъ современной нашей «передовой» литературы?

Г. Михайловскому кажется, что г. Бельтовъ исказилъ его ученіе о герояхъ и толпѣ. Мы опять думаемъ, что г. Бельтовъ вполнѣ правъ, и что, возражая ему, г. Михайловскій играетъ роль Траніона. Но прежде, чѣмъ подтвердить это наше мнѣніе, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о замѣткѣ г. Н.—она *«Что же значитъ экономическая необходимость?»*, появившейся въ мартовской книжкѣ «Русскаго Богатства».

Въ этой замѣткѣ г. Н.—онъ воздвигаетъ противъ г. Бельтова двѣ баттареи. Мы возьмемъ ихъ одну за другою.

Сила первой баттареи заключается вотъ въ чемъ. Г. Бельтовъ сказалъ, что для рѣшенія вопроса о томъ, пойдетъ, или не пойдетъ Россія по пути капиталистическаго развитія, надо обратиться къ изученію фактическаго положенія этой страны, къ анализу ея современной внутренней жизни. «Русскіе ученики Маркса, на основаніи такого анализа, утверждаютъ: нѣтъ данныхъ, позволяющихъ надѣяться, что Россія скоро

покинетъ путь капиталистическаго развитія». Г. Н.-онъ ехидно повторяетъ: «такого анализа *нѣтъ*». Будто бы нѣтъ, г. Н.-онъ? Прежде всего условимся на счетъ терминологіи. Что вы называете *анализомъ*? Даетъ ли анализъ новыя данныя для сужденія о предметѣ, или оперируетъ съ данными, уже имѣющимися на лицо и полученными другимъ путемъ? Рискуя навлечь на себя обвиненіе въ «метафизичности», мы держимся стараго опредѣленія, по которому анализъ новыхъ данныхъ для сужденія о предметѣ не даетъ, а оперируетъ съ готовыми данными. Изъ этого опредѣленія выходитъ, что русскіе ученики Маркса могли, въ своемъ анализѣ русской внутренней жизни, и не давать какихъ нибудь самостоятельныхъ наблюденій надъ этой жизнью, а довольствоваться матеріаломъ, собраннымъ, напримѣръ, народнической литературой. Если они сдѣлали изъ этого матеріала новый выводъ, то это уже значитъ, что они подвергли эти данныя новому анализу. Теперь спрашивается, стало быть: какія данныя по части развитія капитализма имѣются въ народнической литературѣ, и точно ли русскіе ученики Маркса сдѣлали изъ этихъ данныхъ новый выводъ? Для отвѣта на этотъ вопросъ возьмемъ хоть книгу г. Дементьева «*Фабрика, что она даетъ населенію и что она у него беретъ*». Въ этой книгѣ (стр. 241 и слѣдующія) мы читаемъ: «Наша промышленность прежде, чѣмъ приняла ту форму фабричнаго капиталистическаго производства, въ какой мы находимъ ее теперь, прошла всѣ тѣ же стадіи развитія, какъ и на западѣ... Одной изъ наиболѣе сильныхъ причинъ, по которой мы отстаемъ отъ Запада было крѣпостное право. Благодаря ему наша промышленность прошла гораздо болѣе длинный періодъ кустарнаго и домашняго производства. Только съ 1861 года капиталъ пріобрѣлъ возможность осуществить ту форму производства, къ которой на Западѣ оно перешло почти полтора столѣтія раньше, и только съ этого года начинается болѣе быстрое паденіе кустарнаго и домашняго производствъ съ превращеніемъ ихъ въ фабричное... Но за тридцать лѣтъ (протекшихъ со времени отмѣны крѣпостнаго права) все измѣнилось. Вступивъ на общій съ западной Европой путь экономическаго развитія, наша промышленность неизбѣжно, роковымъ образомъ должна была принять—и приняла—ту самую форму, въ которую она вылилась на Западѣ. Земельное обезпеченіе народной массы, на которое такъ любятъ ссылаться, въ доказательство невозможности у насъ особаго класса свободныхъ отъ всего рабочихъ,—класса, представляющаго неизбѣжнаго спутника современной формы промышленности,—безъ сомнѣнія было и остается до сихъ поръ сильнымъ задерживающимъ моментомъ, однако вовсе не настолько сильнымъ, какъ обыкновенно думаютъ. Очень нерѣдкая недостаточность земельнаго надѣла и полный упадокъ сельскаго хозяйства, съ одной стороны, и усиленныя

заботы правительства, въ цѣляхъ развитія обрабатывающей промышленности, какъ необходимаго элемента для равновѣсія экономическаго баланса государства, съ другой,—таковы условія, которыя какъ нельзя болѣе способствовали и способствуютъ до сихъ поръ умаленію значенія этого земельнаго обезпеченія. Результатъ такого положенія вещей мы видѣли: образованіе спеціальнаго класса фабричныхъ рабочихъ, класса, по прежнему носящаго названіе «крестьянъ», но не имѣющаго съ крестьянами земледѣльцами почти ничего общаго, лишь въ ничтожной степени сохранившаго свою связь съ землей и на половину уже въ третьемъ поколѣніи не покидающаго фабрикъ никогда, и не имѣющаго въ деревнѣ никакой собственности, кромѣ юридическаго, практически почти не реализируемаго права на землю».

Объективныя данныя, приводимыя г. Дементьевымъ, говорятъ очень выразительно: капитализмъ со всѣми его послѣдствіями быстро развивается въ Россіи. Эти данныя г. Дементьевъ дополняетъ разсужденіемъ, по которому выходитъ, что дальнѣйшее движеніе капиталистическаго производства можетъ быть остановлено, и что для этого стоитъ только вспомнить положеніе: gouverner, c'est prévoir (стр. 246). Этотъ выводъ г. Дементьева русскіе ученики Маркса подвергаютъ своему анализу и находятъ, что *остановить въ этомъ случаѣ ничего невозможно;* что г. Дементьевъ заблуждается, подобно цѣлой *толпѣ* народниковъ, сообщившихъ въ своихъ изслѣдованіяхъ массу объективныхъ данныхъ, совершенно тождественныхъ съ тѣми, которыя сообщилъ онъ, г. Дементьевъ [1]). Г. Н.—онъ спрашиваетъ, гдѣ же такой анализъ. Онъ хочетъ сказать, повидимому,—когда и гдѣ появился такой анализъ въ русской печати. На этомъ вопросъ мы дадимъ ему цѣлыхъ два отвѣта.

---

[1]) „Изъ числа не одной сотни изслѣдованій статистическихъ и иныхъ, которыя производились за послѣдніе двадцать лѣтъ или около того, — говоритъ г. Н.—онъ, намъ не приходилось встрѣчаться съ работами, выводы изъ которыхъ были бы въ чемъ либо согласны съ экономическими выводами гг. Бельтовыхъ, Струве и Скворцовыхъ"? Авторы изслѣдованій, которыя вы г. Н.—онъ, имѣете въ виду, дѣлаютъ у насъ обыкновенно двоякій выводъ: одинъ, согласный съ объективной истиной и гласящій, что капитализмъ развивается, а ветхозавѣтные „устои" падаютъ; другой—„*субъективный*" и сводящійся къ тому, что развитіе капитализма можно было бы остановить, еслибы и проч. *Въ подтвержденіе этого послѣдняго вывода никогда не приводится, однако, ровно никакихъ данныхъ, такъ что онъ остается буквально голословнымъ*, не смотря на большее или меньшее обиліе статистическаго матеріала въ тѣхъ изслѣдованіяхъ, которыя онъ собою украшаетъ. „Очерки" г. Н.—она страдаютъ подобною же слабостью, такъ сказать *анеміей „субъективнаго" вывода*. Въ самомъ дѣлѣ, какой «*анализъ*» подтверждаетъ ту мысль г. Н.—она, что наше общество можетъ теперь же организовать производство? *Такого анализа нѣтъ!*

Во первыхъ, въ непріятной ему книгѣ г. Струве есть очень дѣльное разсужденіе *о границахъ возможнаго въ настоящее время государственнаго вмѣшательства въ экономическую жизнь Россіи*. Это разсужденіе есть уже отчасти тотъ анализъ, котораго требуетъ г. Н.—онъ, и противъ этого анализа г. Н.—онъ ничего дѣльнаго не возражаетъ.

Во вторыхъ, помнитъ-ли г. Н-онъ споръ происходившій въ сороковыхъ годахъ между славянофилами и западниками? Въ этомъ спорѣ «анализъ внутренней русской жизни» тоже игралъ очень важную роль, но въ печати этотъ анализъ пріурочивался почти исключительно къ чисто-литературнымъ вопросамъ. На это были свои историческія причины, которыя г. Н. —онъ непремѣнно долженъ принять въ соображеніе, если не хочетъ прослыть смѣшнымъ педантомъ. Скажетъ ли г. Н. —онъ, что эти причины не имѣютъ теперь никакого отношенія къ анализу «русскихъ учениковъ»?

«Ученики» до сихъ поръ не напечатали самостоятельныхъ изслѣдованій о русской экономической жизни. Это объясняется крайней новостью въ Россіи того направленія, къ которому они принадлежатъ. До сихъ поръ въ русской литературѣ господствовало *народническое* направленіе, благодаря которому изслѣдователи, сообщая объективныя данныя, свидѣтельствовавшія о паденіи старинныхъ «устоевъ», потопляли ихъ въ водѣ своихъ «*субъективныхъ*» упованій. Но именно обиліе сообщенныхъ народниками данныхъ и подало поводъ къ появленію новаго взгляда на русскую жизнь. Этотъ новый взглядъ несомнѣнно ляжетъ въ основу новыхъ самостоятельныхъ наблюденій. Уже теперь мы можемъ указать г. Н. —ону, напримѣръ, на работы г. Харизоменова, которыя очень сильно противорѣчатъ народническому катехизису, что хорошо почувствовалъ г. В. В., часто и безуспѣшно пытавшійся опровергнуть почтеннаго изслѣдователя. Авторъ книги «*Южно-русское крестьянское хозяйство*» совсѣмъ не марксистъ, но едва ли г. Н. —онъ скажетъ, что взглядъ г. Постникова на современное положеніе въ Новороссіи общины и вообще крестьянскаго землепользованія согласенъ съ обычнымъ у насъ народническимъ взглядомъ.

А вотъ г. Бородинъ, авторъ замѣчательнаго изслѣдованія объ уральскомъ казачьемъ войскѣ, уже обѣими ногами стоитъ на той точкѣ зрѣнія, которую мы защищаемъ, и которая имѣетъ несчастіе не нравиться г. Н. —ону. На это изслѣдованіе не обратила вниманія наша народническая публицистика, но не потому, что оно лишено внутренней цѣнности, а единственно потому, что названная публицистика имѣетъ особый «субъективный» духъ. А дальше будетъ больше г. Н. —онъ: эра марксистскихъ изслѣдованій только что начинается въ Россіи *).

*) Мы не говоримъ о книгѣ г. П. Струве потому, что она г. Н. —ону

Г. Н. —онъ тоже считаетъ себя марксистомъ. Онъ ошибается. Онъ только *побочный* потомокъ великаго мыслителя. Его міросозерцаніе представляетъ собой плодъ незаконнаго сожительства теоріи Маркса съ г. В. В. Отъ «*Mütterchen*» г. Н. —онъ заимствовалъ терминологію и нѣкоторыя экономическія теоремы, понятыя имъ, впрочемъ, крайне абстрактно, а потому и невѣрно. Отъ «*Väterchen*», онъ наслѣдовалъ утопическое отношеніе къ соціальной реформѣ, съ помощью котораго онъ и воздвигъ свою вторую баттарею противъ г. Бельтова.

Г. Бельтовъ говоритъ, что общественныя отношенія собственной логикой своего развитія приводятъ человѣка къ сознанію причинъ его порабощенія экономической необходимости. «Сознавъ, что причина его порабощенія лежитъ въ анархіи производства, производитель, «общественный человѣкъ», организуетъ это производство и тѣмъ самымъ подчиняетъ его своей волѣ. Тогда оканчивается царство необходимости и воцаряется свобода, которая сама оказывается необходимостью». По мнѣнію г. Н. —она, все это совершенно справедливо. По къ справедливымъ словамъ г. Бельтова г. Н. —онъ дѣлаетъ слѣдующее добавленіе: «задача, слѣдовательно, заключается въ томъ, чтобы общество изъ пассивнаго зрителя проявленія даннаго закона, тормозящаго развитіе его производительныхъ силъ, при помощи наличныхъ матеріально-хозяйственныхъ условій,— отыскало бы средство подчинить этотъ законъ своей власти, обставивъ проявленія его такими условіями, которыя бы не только не тормозили, но способствовали бы развитію производительныхъ силъ труда (силъ труда!) всего общества, взятаго въ цѣломъ».

Совершенно незамѣтно для самого себя, г. Н. —онъ сдѣлалъ изъ «совершенно справедливыхъ» словъ г. Бельтова до крайности запутанный выводъ.

У г. Бельтова рѣчь идетъ объ общественномъ человѣкѣ, о совокупности производителей, которымъ, дѣйствительно, предстоитъ побѣдить экономическую необходимость. Г. Н. —онъ на мѣсто *производителей* ставитъ *общество*, которое, «въ качествѣ производительнаго цѣлаго не можетъ безучастно, «объективно», относиться къ развитію такихъ общественно-хозяйственныхъ отношеній, при которыхъ большинство его членовъ осуждено на прогрессивное обѣдненіе».

непріятна. Но напрасно г. Н. —онъ такъ рѣшительно называетъ эту книгу никуда негодной. Въ спорѣ съ г. Н. —ономъ г. П. Струве очень и очень постоитъ за себя. А что касается собственнаго „анализа“ г. Н. —она, то, кромѣ общихъ мѣстъ, отъ него останется очень немного, когда его примутся „*анализировать*“ съ точки зрѣнія Маркса. Надо надѣяться, что не долго заставитъ ждать себя этотъ анализъ.

«Общество въ качествѣ производительнаго цѣлаго»... Анализъ Маркса, котораго будто бы придерживается г. Н. —онъ, не останавливался передъ обществомъ, какъ производительнымъ цѣлымъ. Онъ расчленялъ современное общество, согласно его истинной природѣ, на отдѣльные классы, изъ которыхъ каждый имѣетъ свой особый экономическій интересъ и свою особую задачу. Почему «анализъ» г. Н. —она не поступаетъ такъ же? Почему, вмѣсто того, чтобы говорить о задачѣ русскихъ производителей, г. Н. —онъ заговорилъ о задачѣ общества въ его цѣломъ? Это общество, взятое въ его цѣломъ, обыкновенно, и не безъ основанія, противопоставляется народу и такимъ образомъ оказывается, несмотря на свою «цѣлость», лишь маленькой частью, лишь незначительнымъ меньшинствомъ населенія Россіи. Когда г. Н. —онъ увѣряетъ насъ, что это ничтожное меньшинство организуетъ производство, то мы можемъ только пожать плечами и сказать себѣ: это г. Н. —онъ взялъ не у Маркса, это онъ унаслѣдовалъ отъ своего «*Väterchen*», отъ г. В. В.

По Марксу, организація производства предполагаетъ сознательное отношеніе къ нему производителей, экономическое освобожденіе которыхъ и должно быть, поэтому, ихъ собственнымъ дѣломъ. У г. Н.—она организація производства предполагаетъ сознательное отношеніе къ нему со стороны общества. Если это марксизмъ, то, дѣйствительно, Марксъ никогда марксистомъ не былъ.

Но, положимъ, что общество, дѣйствительно, выступаетъ въ качествѣ организатора производства. Въ какое отношеніе становится оно къ производителямъ? Оно *организуетъ ихъ*. Общество является *героемъ*; производители—*толпою*.

Мы спрашиваемъ г. Михайловскаго, «утверждающаго», что г. Бельтовъ исказилъ его ученіе о герояхъ и толпѣ, думаетъ ли онъ подобно Н.—ону, что общество можетъ организовать производство? Если—да, то онъ именно стоитъ на той точкѣ зрѣнія, при которой общество, «*интеллигенція*», является героемъ, деміургомъ нашего будущаго историческаго развитія, а милліоны производителей толпой, изъ которой герой будетъ лѣпить то, что считаетъ нужнымъ вылѣпить, сообразно своимъ идеаламъ. Вотъ теперь пусть и скажетъ безпристрастный читатель:—правъ-ли былъ г. Бельтовъ въ своей характеристикѣ «субъективнаго» взгляда на народъ, какъ на толпу?

Г. Михайловскій заявляетъ, что онъ и его единомышленники тоже ничего не имѣютъ противъ развитія самосознанія производителей. «Думается мнѣ только, говоритъ онъ, что для программы столь простой и ясной не зачѣмъ было подниматься за облака Гегелевской философіи и опускаться на дно окрошки изъ субъективнаго и объективнаго». Но въ томъ то и

дѣло, г. Михайловскій, что въ глазахъ людей вашего образа мыслей самосознаніе производителей не можетъ имѣть такого значенія, какое имѣетъ оно въ глазахъ вашихъ противниковъ. Съ вашей точки зрѣнія производство можетъ быть организовано «обществомъ»; съ точки зрѣнія вашихъ противниковъ—только самими производителями. Съ вашей точки зрѣнія «общество» дѣйствуетъ, а производитель содѣйствуетъ. Съ точки зрѣнія вашихъ противниковъ производители не содѣйствуютъ, а дѣйствуютъ. Само собой понятно, что для содѣйствующихъ нужна меньшая степень сознанія, чѣмъ для дѣйствующихъ, потому что давно и очень справедливо было сказано: ина слава лунѣ, ина слава солнцу, ина слава звѣздамъ, звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ. *Вы относитесь къ производителямъ, какъ относились къ нимъ французскіе и нѣмецкіе утописты тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ.* Ваши противники осуждаютъ *всякое утопическое отношеніе къ производителямъ.* Если бы вы, г. Михайловскій, лучше были знакомы съ исторіей экономической литературы, то вы знали бы, что для устраненія утопическаго отношенія къ производителямъ надо было подняться именно до облаковъ гегелевской философіи и опуститься потомъ на дно политико-экономической прозы.

Г. Михайловскому не нравится слово производитель: конюшней, видите ли, пахнетъ. Мы скажемъ: чѣмъ богаты, тѣмъ и рады. Слово «*производитель*» впервые стали употреблять, насколько намъ извѣстно, Сенъ-Симонъ и сен-симонисты. Со времени существованія журнала «*Le Producteur*», т. е. съ 1825 года, оно употреблялось въ западной Европѣ безчисленное множество разъ и никому *конюшни* не напоминало. Но вотъ заговорилъ о производителяхъ русскій *кающійся дворянинъ*, и тотчасъ вспомнилъ о конюшнѣ. Чѣмъ объяснить такое странное явленіе? Вѣроятно, воспитаніемъ и традиціями кающагося дворянина.

Г. Н.—онъ съ большимъ ехидствомъ приводитъ слѣдующія слова г. Бельтова: «хотя у одного изъ нихъ (русскихъ учениковъ Маркса) могутъ быть болѣе, у другого менѣе обширныя экономическія познанія, но дѣло здѣсь не въ размѣрѣ познаній отдѣльныхъ лицъ, а въ самой точкѣ зрѣнія». Г. Н.—онъ спрашиваетъ: «Куда же дѣвались всѣ требованія держаться почвы дѣйствительности, необходимости детальнаго изученія хода экономическаго развитія (это что-то не ясно г. Н.—онъ «требованія необходимости детальнаго изученія»). Теперь оказывается, что все это нѣчто второстепенное, что дѣло не въ размѣрѣ знаній, а въ точкѣ зрѣнія».

Г. Н.—онъ, какъ видно, любитъ сказать подчасъ что нибудь смѣшное. Но мы посовѣтуемъ ему не забывать здраваго смысла въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ хочетъ посмѣшить людей. Иначе, смѣющіеся будутъ не на его сторонѣ.

Г. Н.—онъ не понялъ г. Бельтова. Постараемся выручить его изъ затрудненія. Въ той же самой книжкѣ «Русскаго Богатства», гдѣ напечатана замѣтка г. Н.—она, въ статьѣ г. П. Мокіевскаго: *«что такое образованный человѣкъ»* (стр. 33, примѣчаніе) мы нашли слѣдующія, очень поучительныя для г. Н.—она строки: «Одинъ арабскій ученый говорилъ своимъ ученикамъ: если кто-либо скажетъ вамъ, что законы математики ошибочны и въ доказательство этого превратитъ палку въ змѣю, то не считайте подобное доказательство убѣдительнымъ. Это типичный примѣръ. Образованный человѣкъ отвергнетъ подобное доказательство, хотя бы онъ (въ отличіе отъ ученаго) и не зналъ законовъ математики. Онъ скажетъ: превращеніе палки въ змѣю есть необычайное чудо, но изъ него не слѣдуетъ, что законы математики ошибочны. Съ другой стороны, несомнѣнно, что всѣ необразованные люди немедленно повергнутъ къ ногамъ подобнаго чудодѣя всѣ свои убѣжденія и вѣрованія».

У одного изъ учениковъ умнаго араба могли быть болѣе, у другого менѣе обширныя математическія познанія, но ни одинъ изъ нихъ, вѣроятно, не упалъ бы къ ногамъ чудодѣя. Почему? Потому, что каждый изъ нихъ прошелъ хорошую школу; потому что тутъ дѣло не въ обширности знаній, *а въ той точкѣ зрѣнія*, съ которой превращеніе палки въ змѣю не можетъ служить опроверженіемъ математическихъ истинъ. Понятно ли вамъ это, г. Н.—онъ? Надѣемся, что—да: очень ужъ это простая, совсѣмъ даже азбучная вещь. Ну, а если понятно, то вы и сами видите теперь, что слова г. Бельтова на счетъ точки зрѣнія и пр. ни коимъ образомъ не устраняютъ имъ же выставленнаго требованія держаться почвы дѣйствительности.

Но мы боимся, что вы все-таки плохо соображаете, въ чемъ дѣло. Мы дадимъ вамъ другой примѣръ. У васъ не Богъ знаетъ сколько экономическихъ свѣдѣній, но все-таки ихъ больше у васъ, чѣмъ у г. В. В. Это не мѣшаетъ, однако, вамъ стоять на одной съ нимъ точкѣ зрѣнія. *Вы оба—утописты.* И когда кто нибудь станетъ характеризовать взгляды общіе вамъ обоимъ, онъ оставитъ въ сторонѣ количественное различіе вашихъ знаній и скажетъ: дѣло въ точкѣ зрѣнія этихъ людей, заимствовавшихъ ее у утопистовъ временъ царя Гороха.

Теперь уже вамъ должно быть совсѣмъ ясно, г. Н.—онъ, что вы некстати заговорили объ обращеніи г. Бельтова къ субъективному методу, что очень большого дали вы маху.

На всякій случай скажемъ тоже самое иными словами. Какъ бы ни различались между собой, по размѣру своихъ знаній, русскіе послѣдователи Маркса, но ни одинъ изъ нихъ, оставаясь вѣренъ себѣ, не повѣритъ ни вамъ, ни г. В. В., когда вы станете утверждать, что вотъ какое-то тамъ

«общество» организуетъ у насъ производство. Ихъ точка зрѣнія помѣшаетъ имъ *повергнуть свои убѣжденія къ ногамъ соціальныхъ чудодѣевъ.*

Довольно объ этомъ, но разъ коснулись мы субъективнаго метода, то отмѣтимъ, какъ презрительно третируетъ его г. Н. —онъ. Изъ его словъ выходитъ, что названный методъ не имѣлъ въ себѣ ни капли научности, а былъ снабженъ только нѣкоторымъ облаченіемъ, которое мало-мальски придавало ему «научную» внѣшность. Очень хорошо, г. Н. —онъ! Но что скажетъ о васъ вашъ покровитель г. Михайловскій?

Г. Н. —онъ вообще не очень церемонится со своими субъективными покровителями. Его статья, «*Аномія власти денегъ, какъ признакъ времени*», имѣетъ эпиграфъ:

«L'ignorance est moins eloignée de la vérité que le préjugé». La vérité — это, безъ сомнѣнія, самъ г. Н. —онъ. Онъ такъ и говоритъ: «Если же кто будетъ слѣдовать неуклонно дѣйствительно объективному способу изслѣдованія, тотъ можетъ быть вполнѣ въ томъ увѣреннымъ, придетъ къ заключеніямъ, если не тождественнымъ съ тѣми, къ которымъ пришли мы, то близкимъ къ нимъ» (мартъ, Р. Б., стр. 54).—Préjugé это, конечно, г. Струве, противъ котораго Vérité направляетъ жало своего «анализа». Ну, а кто же та ignorance, которая ближе къ истинѣ (т. е. къ г. Н. —ону), чѣмъ Préjugé т. е. г. Струве? Очевидно, ignorance—это нынѣшніе субъективные союзники г. Н. —она. Очень хорошо, г. Н. —онъ! Вы какъ разъ попали въ слабое мѣсто вашихъ союзниковъ. Но еще разъ, что скажетъ о васъ г. Михайловскій? Вѣдь онъ можетъ припомнить мораль извѣстной басни:

Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога,
Но за нее не всякъ умѣетъ взяться...

Ну, кажется, довольно полемики! кажется, мы не оставили безъ отвѣта возраженія нашихъ противниковъ. А если намъ и случилось упустить изъ виду какое нибудь изъ нихъ, то вѣдь намъ придется еще не разъ вернуться къ нашему спору. Значитъ, можно положить перо. Но прежде чѣмъ разстаться съ нимъ, мы скажемъ нашимъ противникамъ еще пару словъ.

Вотъ вы, господа, все «хлопочете» объ устраненіи капитализма; но посмотрите, что выходитъ: капитализмъ идетъ себѣ впередъ и вашихъ «хлопотъ» совсѣмъ не замѣчаетъ, вы же, съ вашими идеалами и вашими прекрасными намѣреніями, топчетесь на одномъ мѣстѣ. Что тутъ хорошаго? Ни себѣ пользы, ни людямъ! Отчего это такъ? Оттого, что вы утописты, что вы носитесь съ *утопическими* планами соціальныхъ ре-

формъ и не видите тѣхъ прямыхъ и насущныхъ задачъ, которыя, извините за выраженіе, находятся у васъ прямо передъ носомъ. Подумайте хорошенько. Можетъ быть, вы и сами скажете, что мы правы. Впрочемъ, объ этомъ мы еще потолкуемъ съ вами. Теперь же—Dominus vobiscum.

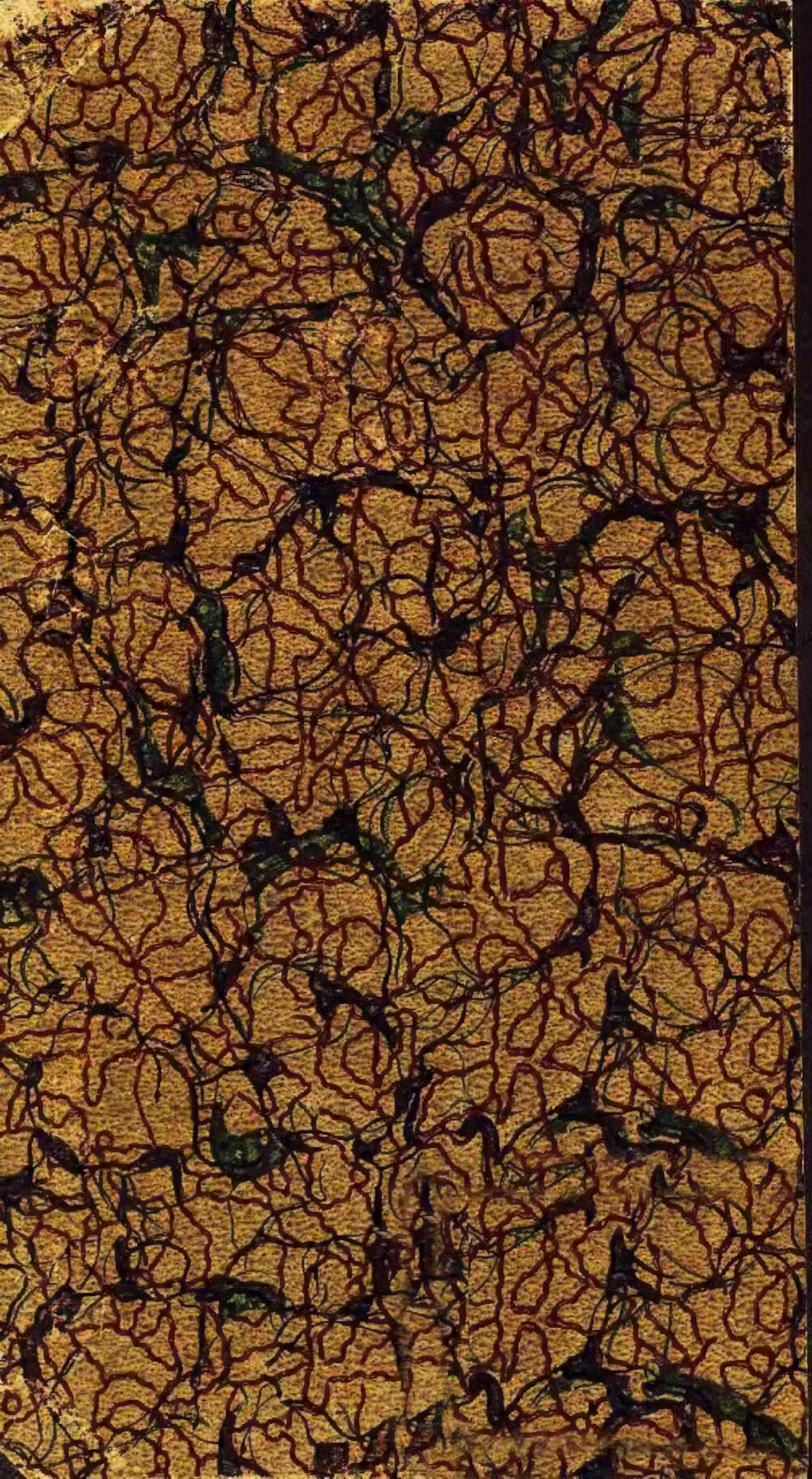
Утисъ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

Часть I.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
5	9 сверху	та	эта
12	2 снизу	землю	землею
18	1 сверху	такъ	такъ какъ
22	11 »	190,637;	190,637
23	27 »	обширное	общинное
32	10 снизу	вышло	вошло
35	2 »	посѣвѣ	полѣсьѣ
36	14 »	вынужденъ	вынуждены
36	3 »	самостоятельныя крестьянскія хозяйства	самостоятельныхъ крестьянскихъ хозяйствъ
44	2 снизу въ прим.	1870	1890
52	18 сверху	другаго	другого
56	1 снизу	на	къ
61	8 сверху	Коростова	Коростова и
61	19 снизу	итогѣ	итогъ
73	3 »	мѣстными	мѣстными и
73	21 »	48,4%	40,4%
87	12 снизу	Разпредѣленіе	Распредѣленіе
105	1 » въ прим.	снова	снова
107	9 сверху	и на сѣмена»	и на ѣмена »
134	14 снизу	недостаточныя	недостаточно
138	4 »	Лобзина	Лабзина
139	2 »	возможность	возможности
143	3 сверху	Лобзина	Лабзина
143	21 »	доходящемъ	доходящемъ до
148	13 »	представляетъ	представляютъ
149	1 снизу	предпринимательнымъ	предпринимательскимъ
»	1 »	съ высока	свысока
151	13 »	единочный	единоличный
152	6 сверху	требующихъ	требующимъ
160	8 снизу	упомянутые	упомянутыя
178	4 »	удлинняется	удлиняется
193	2 »	не	ни
196	6 сверху	друга	другого
212	11 снизу	коллективистскій	коллективистскій

Часть II.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
2	6 снизу	въ родѣ	вродѣ
3	10 »	населеніяхъ	наслоеніяхъ
7	1 » въ прим.	явства	яства
15	8 снизу	естественныя	естественные
16	7 сверху	выражающимъ	выражающихъ
17	7 »	обще	вообще
18	2 снизу въ прим	устроняетъ	устраняетъ
44	3 сверху	буружуазнаго	буржуазнаго
47	16 снизу	оотаваться	оставаться
52	19 снизу	Этомъ	Этотъ
53	12 сверху	находится	находятся
54	20 снизу	неопредолимыхъ	непреодолимыхъ
54	11 »	»	»
54	11 »	константированіемъ	констатированіемъ
54	3 » въ прим.	объективизма	матеріализма
60	22 »	скущика	скупщика
65	7 »	разорвало	разорвали
65	6 »	создало	создали
86	17 сверху	проходимъ	проходитъ
95	16 снизу	Щербины	Щербина
103	21 »	ниже	шире
110	1 »	эксплуатаціи	эксплуатація
112	1 » въ прим.	той	этой
137	1 снизу	вызываютъ	вызываетъ
144	2 сверху	накладной	наклонной
145	1 » въ прим.	фористически	аффористически
146	1 снизу »	шедшее убо научитевся языки	шедше убо научите вся языки
149	10 сверху	выгоды	выводы
151	2 »	средой	среды
151	17 снизу	Znest	Znerst
153	4 » лѣв. столбецъ	такъ	актъ
154	2 сверху прав. »	неустройствомъ	неустройствамъ
155	1 » » »	солько	только
157	20 снизу	условію	условіямъ
161	8 сверху	соотвѣтствующимъ...	соотвѣтствующей
161	12 снизу	букширскими	беркширскими
162	1 снизу въ прим.	полезно лишь	лишь позезно
167	4 »	спеціализма	соціализма
171	3 сверху въ прим.	нужно	нужна
172	11 »	отрывки	обрывки
173	13 снизу	они	онѣ
174	5 и 4 снизу	раззоряя все населеніе, тѣмъ самымъ	раззоряетъ все населеніе и тѣмъ самымъ
176	16 сверху	приложеній	приложенія
180	16 »	мирового	мірового
180	16 »	не возможно	невозможны
185	4 » въ прим.	Рус. Бог. №, стр. 176	Рус. Бог. № 1, стр. 176
187	9 »	346—447	346—347
189	11 снизу	Остъ-Индіи, Японіи,	Остъ-Индія, Японія,
190	18 »	Китай, Австраліи выраженіями	Китай, Австралія возраженіями
191	18 »	во всей	*во всей*
192	6 »	положило	положилъ
193	12 »	наизустъ	наизусть
193	9 »	опонентовъ	оппонентовъ

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
201	16 сверху	цитеруемыхъ	цитируемыхъ
204	18 снизу	подержку	поддержку
205	6 сверху	судьѣ	судьбѣ
205	6 снизу	Недежда	Надежда
207	12 сверху	Частѣйшее	Чистѣйшее
210	4 снизу	замледѣльческимъ	земледѣльческимъ
213	10 »	противопожными	противоположными
214	13 сверху	отчаяваться	отчаиваться
214	22 »	отчаяваюсь	отчаиваюсь
216	4 »	построки	постройки
217	16 »	гдѣ ни	гдѣ не
220	21 »	конкурнціи	конкуренціи
221	16 »	снимавшемъ	снимавшимъ
222	7 снизу	нашаго	нашего
224	4 »	и будутъ	будутъ
224	3 »	людямъ послѣдователямъ	людямъ и послѣдователямъ
227	6 сверху	свинъ	сынъ
227	8 »	словечва	словечка
227	21 »	Исправда	Не правда
228	13 »	щакой	такой
231	14 снизу	но оказываетъ	не оказываетъ
233	16 »	не разу	ни разу
234	3 сверху	общественно-	общественно-
234	7 »	прославляемыми	прославляемымъ
237	14 снизу	иициндентъ	инцидентъ
243	2 сверху	Urlesungen	Vorlesungen
244	17 »	toujour	toujours
246	9 »	сгласится	согласится